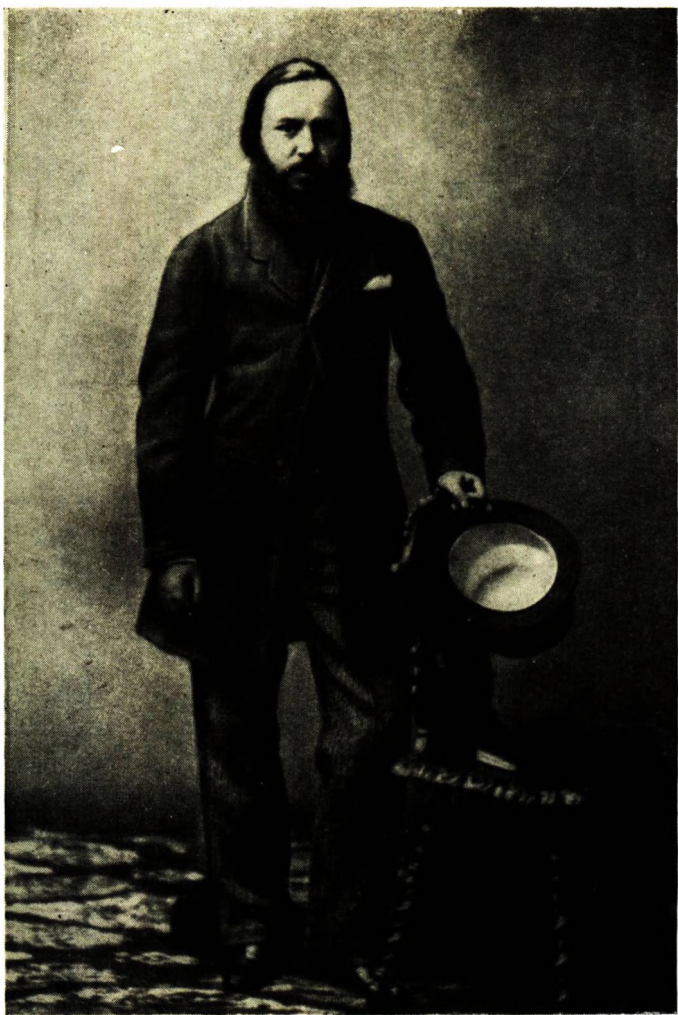

ПОЭТЫ „ИСКРЫ“

①

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА

М. ГОРЬКИМ

Большая серия
Второе издание

Л Е Н И Н Г Р А Д * 1 9 5 5

ПОЭТЫ „ИСКРЫ“

ТОМ ПЕРВЫЙ

В. С. КУРОЧКИН

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
И. Ямпольского*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник «Поэты „Искры“» впервые вышел в 1933 году в составе большой серии «Библиотеки поэта». После Великой Отечественной войны как в большой, так и в малой серии были изданы отдельные сборники стихотворений В. С. Курочкина и Д. Д. Минаева.

В настоящем двухтомном издании «Поэтов „Искры“» материал распределен следующим образом: в первом томе помещены оригинальные и переводные стихотворения Василия Курочкина, во втором — произведения Минаева, занимающие половину этого тома, Богданова, Николая Курочкина, Вейнберга, Жулева и других.

Стихотворениям каждого поэта предпослана статья или заметка о нем. Поскольку в статьях о В. С. Курочкине и Минаеве имеется немало материала, относящегося ко всем поэтам «Искры», идейной направленности их творчества и особенностям их художественного метода, краткие заметки о других поэтах имеют преимущественно биографический характер.

ВАСИЛИЙ КУРОЧКИН

1

Отец Василия Степановича Курочкина был дворовым кн. В. А. Шаховской, урожденной бар. Строгоновой. С детских лет Стеган Иванович «был употребляем... к письменным делам», а в 1813 г., когда ему уже пошел тридцать второй год, Шаховская отпустила его вместе с женою и малолетним сыном «на волю». С. И. Курочкин переехал из Нижегородской губернии в Петербург и поступил на государственную службу. Постепенно повышаясь в должности и чине, он в 1822 г. дослужился до чина коллежского асессора, который давал тогда потомственное дворянство.¹

Василий Степанович Курочкин родился 28 июля 1831 г. в Петербурге. Еще ребенком будущий поэт лишился отца и воспитывался в доме своего отчима полковника Е. Т. Готовцова (ум. в 1846 г.). Десяти лет Курочкин был отдан в 1-й кадетский корпус и после пятилетнего пребывания в нем, в 1846 г., перешел в другое военно-учебное заведение — Дворянский полк; в 1849 г., кончив курс обучения, Курочкин был выпущен прапорщиком в гренадерский принца Виртембергского полк.

Не чувствуя никакой склонности к военной карьере, Курочкин все же прослужил офицером гренадерского полка около четырех лет. Однажды, еще в самом начале службы, «во время следования батальона... с Семеновского плаца после высочайшего смотра», он оставил его и уехал. Это заметил Николай I (а по другой версии —

¹ Более подробные сведения о происхождении В. С. Курочкина см. в моей заметке в журнале «Звезда», 1933, № 7, с. 168—170, где опубликован ряд архивных документов.

великий князь Михаил Павлович), и по его распоряжению молодого прапорщика отдали под суд. Курочкин был заключен на месяц в Петропавловскую крепость. Кроме того, по решению суда, «снегоштрафование считалось ему препятствием на права и преимущества по службе». ¹ Годы 1850—1852 Курочкин провел вместе с полком в Порхове и Старой Руссе. В 1852 г. он был произведен в подпоручики.

Военная муштра и полковой быт были Курочкину не по душе, начальство относилось к нему недоброежлательно, и он решил либо поступить для получения высшего образования в Военную академию, либо выйти в отставку. В академию он не попал и летом 1853 г., добившись отставки, определился канцелярским чиновником в департамент ревизии отчетов Главного управления путей сообщения и публичных зданий. Около двух лет Курочкин получал по четырнадцать рублей в месяц, затем был переведен на должность помощника контролера, но в 1857 г. навсегда бросил службу и занялся исключительно литературной работой.

Интерес к литературе возник у Курочкина еще в раннем детстве: целые дни он проводил за чтением, а с десяти лет начал сочинять. Первые литературные опыты Курочкина — три комедии в стихах — были написаны под влиянием того, что он читал в «Библиотеке для чтения» и «Репертуаре и пантеоне», за которыми внимательно следил. В кадетском корпусе и Дворянском полку русскую словесность преподавал известный переводчик Иринарх Введехский — человек, близкий передовым общественным кругам 40-х годов. Он заметил у своего ученика литературные способности и помогал ему советами и указаниями. Курочкин (как и его товарищ по Дворянскому полку Д. Д. Минаев) принял активное участие в выпуске рукописного журнала. Их одноклассник А. Миклашевский рассказывает в своих воспоминаниях: «В одну из лекций Введенского мы поднесли ему довольно объемистую тетрадь, величиною в лист писчей бумаги... На первой странице сияли стихи В. С. Курочкина, потом какой-то рассказ в прозе Д. Д. Минаева и, наконец, критический отдел был мой; конечно, на второй уже месяц журнал не вышел за недостатком материала». ² Детские и юно-

¹ Ленинградское отд. Центр. гос. историч. архива (далее: ЦГИАЛ). Дело департамента ревизии отчетов Гл. упр. путей сообщения и публичных зданий, 1853, № 85, л. 5. Из дела ясно, что это решение возымело впоследствии свое действие: Курочкин «к повышению чином аттестовался достойным; к знаку же отличия беспорочной службы не аттестовался по бытности под судом».

² «Дворянский полк в 40-х годах». — «Русская старина», 1891, № 1, с. 117.

шесские произведения Курочкина, за немногими исключениями, до нас не дошли. Но, по свидетельству Миклашевского, еще в годы учения в Дворянском полку он начал переводить Беранже.¹ В эти же годы обнаружилось в нем и влечение к сатире (сатира на эконома Дворянского полка; несколько позже — «Путешествие хромого беса из Парижа в Старую Руссу»).

Курочкин впервые выступил в печати (если не считать стихотворения к юбилею великого князя Михаила Павловича, написанного для избавления товарищей от суровых наказаний и тогда же напечатанного в «Журнале для чтения воспитанникам военно-учебных заведений»²) в 1850 г., в октябрьской книжке «Сына отечества». С «Сыном отечества» Курочкина связал его брат Николай. Принесенное Курочкиным в редакцию журнала очень неплохое стихотворение «Мы рано стали жить» было забраковано П. Р. Фурманом, который заявил: «это какая-то философия и сентиментальные признания» и посоветовал ему написать «что-нибудь в руеском духе, захватывающее, а если он в состоянии, то еще лучше попробовать написать повесть».³ Курочкин и написал тогда стихотворение «Русская езда» и наивную романтическую повесть «Незванное чувство», для которой использовал рассказ одного своего знакомого. Обе эти вещи и появились на страницах «Сына отечества». Приведенный эпизод характерен в том отношении, что, осуждая попытку Курочкина выразить настроения современного человека, неудовлетворенного окружающей действительностью, Фурман толкал его к давно изжитым романтическим штампам и внешнему, казенному псевдопатриотизму.

За «Русскую езду» Курочкин получил по пятачку за строку, а за повесть в два с лишним печатных листа — четырнадцать рублей. Еще меньше заплатил Фурман за вторую повесть Курочкина — «Жильцы маленького домика», напечатанную в «Сыне отечества»

¹ «Дворянский полк в 40-х годах». — «Русская старина», 1891, № 1, с. 125.

² 1848, т. 70, № 279. Это стихотворение послужило впоследствии поводом для клеветнических измышлений со стороны представителей враждебного лагеря — см., например, журнал «Заноза», 1863, № 15, с. 142 («Необходимое дополнение»), № 25, с. 236 (стихотворение Вс. Крестовского — под псевдонимом «Скромный» — «Награда добродетели») и пр. В воспоминаниях Миклашевского (с. 119—124) подробно описан этот эпизод и охарактеризованы побуждения, которые руководили Курочкиным; см. также Н. К. Михайловский. Литература и жизнь. — «Русское богатство», 1904, № 1, с. 90—92.

³ П. В. Быков. Силуэты далекого прошлого. М.—Л., 1930, с. 122.

под псевдонимом: В. Арлекинов (1851, № 1). Эта повесть представляет собою гораздо более интересное и зрелое произведение. Она написана в духе «натуральной школы» и свидетельствует о наблюдательности и гуманистических тенденциях ее автора, его интересе к судьбе маленьких, забытых людей. Вместе с братом Курочкин перевел много песен и баллад из сборника К. Мармье «Chants populaires du Nord» (Песни северных народов), а также ряд комедий Мюссе, пользовавшихся в те годы в России большой популярностью; одну из них — «Каприз» — они напечатали в 1850 г. в том же «Сыне отечества».

Братья активно сотрудничали в журнале целый год, а заработали всего около двухсот рублей. Курочкин оставил «Сын отечества» и перешел в «Пантеон», где переводил рассказы для «Смеси». Временами, очень нуждаясь, он принужден был писать и по заказу «книжников, торговавших на ларях под Пассажем». ¹ Курочкин пытался также писать для театра. Некоторые его водевили («Сюрприз» — 1854; написанный вместе с Н. Круглополевым «Между нами, господа!» — 1853) шли на сцене. Водевиль «Вертящиеся столы», в котором была высмеяна начинавшая распространяться в русском обществе страсть к спиритизму, на сцену не попал. Курочкин долго не мог найти свое настоящее призвание. Так, в начале 50-х годов он писал большой роман «Увлечение», который ему, несмотря на все старания, нигде не удалось пристроить.

В эти же годы Курочкин много работал над переводом «Мивантропа» Мольера. Поэт думал напечатать его в «Библиотеке для чтения», но А. В. Старчевский предложил за перевод мизерный гонорар. Тогда Курочкин послал первый акт комедии в «Современник» на имя И. И. Панаева, присоединив несколько оригинальных стихотворений.

Летом 1854 г. три стихотворения Курочкина появились в «Литературном ералаше» «Современника» с несколькими сопроводительными словами о приславшем стихи молодом, подающем надежды поэте «г-не К-не». «Едва ли что-нибудь нужно говорить в похвалу приведенным стихотворениям, особенно последнему (т. е. «Хвалили мне возраст ребенка...» — И. Я.), — писал «Современник». — Г-ну К-ну двадцать два года. Мы советовали и советуем ему продолжать свои опыты, не спешить писать и печатать и стараться развить свой литературный вкус, несовершенство которого много повредило не-

¹ П. Пашино. Мои старые знакомые. — «С.-Петербург. ведомости», 1882, № 16.

которым его стихотворениям, здесь не помещенным». Такой способ опубликования его стихотворений огорчил Курочкина.¹

В 1855 г., по совету друзей, Курочкин снова вернулся к переводам из Беранже. Он исправил один из давних переводов — «Старый капрал» — и отдал его в «Отечественные записки», но заведовавшему в это время литературным отделом журнала В. П. Гаевскому перевод не понравился. Другой, тоже старый перевод («Весна и осень») Курочкин отдал в «Библиотеку для чтения», где он вскоре и появился. С этих пор в писательской судьбе Курочкина наступил явный перелом. Он постепенно приобретал все более широкие литературные связи и с 1855 г. стал систематически печататься сначала в «Библиотеке для чтения», затем в реформированном «Сыне отечества», «Отечественных записках», «Русском вестнике» и целом ряде других периодических изданий, выступая и как оригинальный поэт и — преимущественно — как переводчик.

Литературные знакомства Курочкина были весьма пестры. Он часто бывал в салонах Штакеншнейдеров и А. А. Ливотовой, был хорошо знаком с Н. В. и Л. П. Шелгуновыми и М. Л. Михайловым, с С. В. Максимовым и Меем, Горбуновым, Островским и Ап. Григорьевым, Полонским и Шербиной, Благосветловым и Лавровым, Вс. Крестовским, Бенедиктовым, И. И. Кельсиевым, В. Р. Зотовым, с вернувшимся из ссылки Шевченко и Некрасовым и многими другими — как уже известными, так и молодыми, только начинавшими свой путь литераторами.

Из упомянутых выше журналов Курочкин был больше всего связан с «Библиотекой для чтения» и «Сыном отечества», где печатал не только стихотворения, но и хронику иностранной литературы и жизни («Библиотека для чтения»), обзоры журналов и пр. Избавиться от литературной поденщины он все еще не мог и выполнял самые разнообразные редакционные поручения Старчевского (с которым порвал в конце 1857 г.). Так, однажды Старчевский поручил

¹ «Современник», 1854, № 6, «Лит. ералаш», с. 59; ср. С. Максимов. Л. А. Мей. — «Русская мысль», 1887, № 7, с. 76; П. В. Быков. Силуэты далекого прошлого, с. 122—123. Что же касается «Мизантропа», то он не был помещен в «Современнике». В 1862 г. предполагалось его опубликование в «Иллюстрации», выходящей несколько месяцев под редакцией Н. С. Курочкина (см. «От редакции» — 1861, № 200), но и это не осуществилось, потому что П. Л. Лавров, «принявший на себя объяснительное предисловие к этому труду, не успел его окончить» (Н. Курочкин. К изданию «Северной пчелы». — «Северная пчела», 1862, № 52). Лишь в 1866 г. в первом томе «Собрания стихотворений» Курочкина был напечатан третий акт, а весь перевод — в «Невском сборнике» 1867 г.

ему написать статью размером в печатный лист о кокетстве.¹ В 1857—1858 г. Курочкин печатал время от времени фельетонные обозрения «Петербургская летопись» в газете «С.-Петербургские ведомости». Один его перевод (из Мюссе) появился в «Современнике».²

В середине 50-х годов Курочкин выступает уже как вполне сложившийся и своеобразный поэт. «Несколько переводов из Беранже, — читаем в воспоминаниях П. И. Пашино, — разом обратили на него внимание всего общества: они были до того рельефны и звучали таким естественным юмором, что сейчас же клались на ноты и распродавались в бесчисленном количестве экземпляров. Конечно, выгоды от продажи оставались в карманах спекуляторов и приносили самую ничтожную пользу переводчику».³ В 1858 г. Курочкин издал свои переводы из Беранже отдельной книгой, и с этих пор его имя приобрело широкую известность. Курочкин переводил своего любимого поэта, большой портрет которого висел в его кабинете, в течение всей своей жизни и, неоднократно перензавая книгу, каждый раз дополнял ее все новыми вещами.

Уже раннее творчество Курочкина характеризуется ярко выра-

¹ См. об этом свидетельство Н. С. Курочкина. — В. С. Курочкин. Собрание стихотворений. М.—Л., 1934, с. 525. Некоторый материал для истории сотрудничества Курочкина в «Сыне отечества» и отчасти в «Библиотеке для чтения» дают его неопубликованные письма к А. В. Старчевскому (архив Старчевского в рукоп. отд. Института русской литературы — Пушкинского дома Академии наук СССР).

² Неясно обстоит дело с сотрудничеством Курочкина в «Листке Знакомых». Указание С. С. Трубачева, что он составлялся В. Р. Зотовым, Курочкиным и Щербиной («Карикатурист Н. А. Степанов». — «Историч. вестник», 1891, № 3, с. 772), нуждается в существенных уточнениях. Во всяком случае до марта 1858 г. Курочкин никакого участия в «Листке» не принимал. 10 марта 1858 г. Степанов писал Зотову: «Беггров передал мне редакцию «Знакомых», но в чем состоит эта редакция — решительно не понимаю. Сотрудников литераторов в этом издании, кроме Вас, нет никого: стало быть, выбор статей никак не может затруднить». И через два дня: «С самого начала, когда затеяли прилагать листок при «Знакомых», Вы согласились доставить текст только на один выпуск, тогда Беггров просил меня найти ему постоянного сотрудника, и я рекомендовал Загуляева... Но на каких условиях они сошлись, доставлял ли ему Загуляев материал для листка — я ровно ничего не знаю» (Дашковское собрание в рукоп. отд. Пушкинского дома). Возможно, конечно, что Курочкин сотрудничал в «Листке Знакомых» позже, но никакими точными данными или авторитетными свидетельствами об этом мы не располагаем.

³ «Мои старые знакомые». — «С.-Петерб. ведомости», 1881, № 305.

женными антикрепостническими настроениями и демократическими симпатиями. Достаточно указать, например, на резко антикрепостническое стихотворение «Рассказ няни», стихотворение «Ни в мать, ни в отца», где с большой симпатией говорится о демократических стремлениях «молодого поколения», вступающего против традиций «отцов», стихотворения «Счастливец» и «Общий знакомый», в которых высмеиваются пошлость, пустота, эгоизм господствующих классов. К середине 50-х годов относится стихотворение Курочкина «Двуглавый орел», направленное против самодержавия как основного источника всех зол русской жизни. Оно не могло быть, естественно, напечатано в России и появилось в 1857 г. в «Голосах из России» Герцена.

О популярности Курочкина в эти годы свидетельствуют хотя бы такие факты. Через несколько месяцев после появления в печати стихотворения «Общий знакомый» в стихотворении В. Г. Бенедиктова «Посещение»¹ «сын Курочкина милый — Вечно милый Петр Ильяч» упоминается как персонаж, хорошо известный читателям; вскоре после опубликования стихотворения «Счастливец» рефрен его цитирует Н. Г. Помяловский в первом своем напечатанном произведении — рассказе «Вукол»;² несколько стихотворений Курочкина с весьма похвальными отзывами о них переписывает в дневник Т. Г. Шевченко; уже в 1858 г. стихи и переводы Курочкина вошли в «Сборник лучших произведений русской поэзии», изданный Н. Ф. Шербиной.

С конца 50-х годов жизнь и поэтическая деятельность Курочкина неразрывно связана с журналом «Искра», в котором его талант поэта-сатирика проявился с наибольшей силой и глубиной.

2

Расцвет сатирической журналистики является одним из своеобразных и существенных фактов литературной жизни конца 50-х и 60-х годов прошлого столетия. Именно тогда возник и получил политическое значение в России еженедельный журнал с карикатурами — плод тесного сотрудничества писателя и художника, в котором «литература и живопись шли рука об руку, взаимно объясняя и пополняя друг друга». ³ Наиболее ярким и значительным из всех сатирических журналов этого периода и была «Искра».

¹ «Сын отечества», 1857, № 36, с. 870.

² «Журнал для воспитания», 1859, № 1, с. 15.

³ Из программы «Искры», поланной в цензурный комитет. — ЦГИАЛ. Дело Гл. упр. цензуры, 1857, № 187.

Мысль об издании сатирического журнала возникла у Курочкина и художника-карикатуриста Н. А. Степанова еще в 1857 г. Они получили разрешение, однако по причинам материального характера «Искра» начала выходить лишь с 1859 г. Потребность в хорошем сатирическом журнале была в те годы очень велика. Бессодержательный, пустой «Весельчак» и в изобилии появлявшиеся в уличных юмористические листки не могли, разумеется, удовлетворить эту потребность. Весьма показательно, что одновременно с «Искрой» начал свое существование и знаменитый «Свисток» — сатирическое приложение к «Современнику».

Человек молодой, веселый, общительный и к тому же природный редактор, Курочкин стал душой «Искры». Многие с добрым чувством вспоминали об его умелом обращении с сотрудниками. «В В. С. Курочкине я встретил добродушного и милого редактора, — пишет Н. М. Ядринцев, — никакого генеральства в нем не было. Я часто проводил у него редакционные утра и слушал весьма дельные разговоры и пользовался советами и замечаниями... Это был знаток литературы, замечательно образованный человек и деятель с неуклонно честными убеждениями. Я помню «Искру» и в хорошие и в дурные времена. Несмотря на то, что дела «Искры» под конец шли плохо, В. С. Курочкин делился с сотрудниками последним». ¹ Курочкин жил исключительно литературно-общественными интересами. Журнал был для него не коммерческим предприятием, а любимым детищем, которому он отдавал всю свою энергию и незаурядное дарование. «У покойного был и крупный талант и крупные силы, — писал другой современник, — и если он не создал крупного литературного произведения, зато он создал крупное литературное направление. Ради своей цели он отказался от более заманчивой славы. Он не разменялся на мелочи, как говорили о нем другие — он, напротив, понял, что только беглыми и меткими замечаниями, смелыми и честными обличениями, остроумными набросками можно сделать то дело, которое он сделал. Это не автор мелких статей «Искры», это — автор ее направления». ² Пусть не со всем в приведенных выше словах можно согласиться, но последнее утверждение очень точно передает роль Курочкина в «Искре». Об его

¹ Н. Я. Студенческие и литературные воспоминания сибиряка. — «Вост. обозрение», 1884, № 34, с. 10.

² *Varge-bleu* <В. И. Немирович-Данченко>. Фельетон. — «Всемирная иллюстрация», 1875, № 347, с. 162. Псевдоним расшифрован П. А. Ефремовым в принадлежавшей ему тетради с вырезками о Курочкине из газет и журналов 1875 г. (Библиотека Пушкинского дома Академии наук СССР).

блестящих организаторских способностях писал Н. К. Михайловский. Он «топил свой талант» в журнальной работе; «здесь давал мысль, предоставляя выработку формы другим, там брал на себя только форму, и я думаю, что весьма трудно было бы определить, что именно принадлежало в «Искре» Курочкину и что другим. Он и создавал, и вербовал солдат, и сам исполнял невидную солдатскую работу... Он вполне отвечал своему собственному идеалу газетного человека... Газетным человеком он называл такого, который может схватить на лету какой-нибудь даже мелкий факт текущей жизни и придать ему общее, типическое освещение».¹ Как только в литературе или общественной жизни возникало событие, на которое необходимо было откликнуться, Курочкин без промедления собирал все силы, чтобы дать ему отпор, — и «Искра» разоблачала реакционную выходку того или иного журнала, реакционное правительственное мероприятие, поскольку это было возможно в цензурных условиях 60-х годов, и т. п. Стихи, фельетоны, язвительные заметки, карикатуры — все било в одну цель. Эта злободневность «Искры», ее умение быстро реагировать на события общественной жизни создали ей заслуженную славу.

К сотрудничеству в журнале Курочкину удалось привлечь целый ряд молодых талантливых поэтов, беллетристов и публицистов — преимущественно из лагеря революционной демократии или близких в то время к этому лагерю. В «Искре» принимали участие поэты Д. Д. Минаев, В. И. Богданов, Н. С. Курочкин, П. И. Вейнберг, Г. Н. Жулев, В. П. Буренин, Н. Л. Ломан, Л. И. Пальмин, прозаики Ник. и Гл. Успенские, А. И. Левитов, Ф. М. Решетников, П. И. Якушкин, Н. Н. Златовратский, Н. И. Наумов, С. Н. Федоров, Н. А. Лейкин, публицисты Г. З. Елисеев, М. М. Стопановский, Н. А. Демерт, И. И. Дмитриев и многие другие. По одному-два произведения напечатали в «Искре» Герцен, Добролюбов, Щедрин и Некрасов.

Следует, однако, подчеркнуть, что журнал держался не только профессиональными писателями, а в значительной степени и безыменными сотрудниками и пропагандистами; его окружала атмосфера сочувствия и благожелательства — и не только в Петербурге, но и по всей России. У «Искры» была целая сеть корреспондентов. В каждом городе были друзья-читатели, которые нередко становились сотрудниками и начинали информировать журнал о всевозможных злоупотреблениях и безобразиях, творящихся там. Редакция обрабатывала сообщенные ими факты, подчас снабжала их карика-

¹ «Записки профана». — «Отеч. записки», 1875, № 9, с. 90—91.

турами и пускала в печать, а «пострадавшие» нередко недоумевали, откуда стало известно то, что так тщательно скрывалось. В те годы провинциальная печать была еще очень слабо развита, да к тому же имела почти исключительно официозный характер. Поэтому обильный провинциальный материал, печатавшийся в «Искре», привлекал к себе огромный интерес и имел большое общественное значение.

«Искра» сразу обратила на себя внимание читающей публики и вскоре приобрела огромную популярность. «В настоящее время нельзя себе представить, — писал через сорок лет П. И. Вейнберг, — как жадно набрасывалась публика на каждый номер «Искры», какой авторитет завоевала она себе на самых первых порах, как боялись ее все, имевшие основание предполагать, что они могут попасть или под карандаш ее карикатуристов, или под перо ее поэтов и прозаиков, с какою юношескою горячностью, наконец, относились к своему делу и мы сами». ¹ По словам П. Д. Боборыкина, «Искра» «играла в Петербурге как бы роль „Колокола“». ² Михайловский, характеризуя Курочкина как редактора «Искры», назвал его «председателем суда общественного мнения». ³

Естественно, что врагов у журнала было не меньше, чем друзей. Враждебные ему периодические издания изо дня в день полемизировали с ними и травнили его, причем некоторые их статьи и заметки немногим отличались от доносов. Еще более многочисленные враги были у «Искры» среди министров, начальников департаментов, губернаторов, предводителей дворянства, действительных статских и тайных советников, крупных капиталистов, членов правлений акционерных обществ, откупщиков и т. п., т. е. в тех слоях, которые были объектом ее обличительных выступлений. Наконец, с первого же дня Курочкину приходилось работать в обстановке непрекращающихся цензурных преследований. Запрещения, изъятия, двукратное отстранение Курочкина от редактирования, возбуждение судебных дел против «Искры» и пр. следовали одно за другим. И искровцы сами поневоле должны были принуждать себя к сдержанности. «Иногда, — читаем в одном фельетоне, — когда мне хочется довести мое соображение до его последних (а по-моему, и логических) результатов, я обмакиваю перо... но останавливаюсь; над ухом моим как будто слышится: э! братец! как ты хватил!

¹ «Безобразный поступок „Века“». — «Историч. вестник», 1900, № 5, с. 476.

² «За полвека». М.—Л., 1929, с. 137.

³ «Литературные воспоминания и современная смута», т. 1, 2-е изд., СПб., 1905, с. 34.

А, в сущности, я очень хорошо знаю, что не только не перехватил, а весьма значительно недохватил, а все-таки остановишься и не напишешь». ¹

Редактируя «Искру» (сначала вместе с Н. А. Степановым, а с 1865 г., когда Степанов начал издавать «Будильник», — один), Курочкин был вместе с тем одним из самых активных сотрудников журнала. В течение пятнадцати лет он печатал в нем все свои стихотворения, переводы, фельетоны, статьи, лишь изредка отдавая их в другие журналы. Отдельные его произведения появились в «Иллюстрации» в тот период, когда ее редактировал Н. С. Курочкин (1861—1862), в «Веке», когда он перешел в руки писательской артели, членами которой были оба брата (1862), в «Современнике» (1864), «Неделе» (1868), «Отечественных записках» Некрасова. В «Отечественных записках», кроме переводов, он поместил под псевдонимом «Сверхштатный рецензент» несколько театральные обзоров. А. Я. Панаева говорит также об участии Курочкина в «Свистке», ² но так ли это и что именно принадлежит ему в «Свистке», до сих пор установить не удалось. В 1871 г. Курочкин был приглашен редактировать «Азиатский вестник». Он сговорился с рядом видных публицистов радикального лагеря и решил сделать его живым, боевым журналом. Однако Курочкину удалось выпустить лишь один номер (1872, кн. 1), в котором были напечатаны статьи Н. В. Шелгунова, Н. М. Ядринцева, С. С. Шашкова и др., после чего журнал был прекращен. ³

В 1866 г. поэт предпринял издание своих стихотворений, но выпустил лишь первый том, где были собраны его переводы. Из этой книги, напечатанной без предварительной цензуры, были вырезаны «Безумцы» и «Кукольная комедия» Беранже. Кроме «Песен» Беранже и «Мизантропа» Мольера, Курочкин перевел также ряд произведений Вольтера, Грессе, Виньи, Мюссе, Барбье, Надо, Гюго, Шиллера, Бернса и др. Однако многие из этих переводов относятся к более поздним годам и не попали поэтому ни в издание 1866 г., ни в «Собрание стихотворений Василия Курочкина», вышедшее в

¹ Пр. Преображенский <Н. С. Курочкин>. Житейские выводы и измышления. — «Искра», 1864, № 6, с. 96.

² «Воспоминания», 1948, с. 285.

³ О работе Курочкина в «Азиатском вестнике» см. воспоминания И. И. Ясинского «Мои литературные дебюты и редакция „Азиатского вестника“» — «Историч. вестник», 1891, № 12. См. также письмо Курочкина к А. П. Лукину от 24 ноября 1871 г. (Центр. гос. лит. архив, фонд Крашенинникова) и любопытный рапорт члена Главного управления по делам печати Ф. П. Еленева (ЦГИАЛ. Дело Гл. упр. по делам печати, 1872, № 9, л. 3).

1869 г. в двух больших томах. В него вошли также далеко не все оригинальные стихотворения Курочкина.

Отдельными книжками были изданы две переделанные им для Александринского театра французские оперетты: «Фауст наизнанку» («Le petit Faust», 1869) и «Дочь рынка» («La fille de m-me Angot», 1875). Другие переведенные и переделанные им оперетты и комедии («Дворников, Шиповников и компания», «Прежде смерти не умрешь», «Разбойники» и др.) ставились на сцене, но изданы не были; большинство из них сохранилось в рукописи. Эта часть литературного наследия Курочкина представляет наименьший интерес. Курочкин нередко обращался к театру просто ради заработка и принужден был считаться со вкусами театральной публики. Однако даже в «Фаусте наизнанку», «Дочери рынка» и др. есть ряд интересных и политически острых откликов на злобу дня, которые встречали иногда цензурные препятствия.¹

В 60-х годах — и особенно в первую их половину — Курочкин, по свидетельству современников, был одним из самых популярных людей в России. Интересный эпизод рассказывает в своих воспоминаниях Н. М. Ядринцев. «На похоронах Мартынова, — пишет он, — я видел, как давала место учащаяся молодежь любимым писателям. Помню, толпа задержала около могилы В. С. Курочкина, но вдруг раздалась масса голосов: «Господа, Курочкина не пускают. Пропустите! Ведь это Василий Степанович Курочкин!»² «Стихи Курочкина, — вспоминал другой современник, — твердила на память вся читающая Русь». Как редактор «Искры», «он считался деятелем, имя которого упоминалось сейчас же за именами столпов «Современника»... Если бы могли заговорить Глеб Иванович Успенский, Помыловский и другие люди 60-х годов, они сказали бы, как сильно было на них влияние этого человека».³

С самого начала 60-х годов Курочкин был тесно связан с революционными кругами и революционным движением.

¹ Так, в «Дочери рынка» из полной намеков песни Клеретты сначала были исключены иронические слова: «милостивый, правый, скорый суд», высмеивающие известную формулу из указа Александра II 1863 г. о введении судебных уставов, а затем вся она была зачеркнута цензором, после чего Курочкин заменил ее более невинным вариантом (Театр. библиотека им. А. В. Луначарского в Ленинграде). О «Фаусте наизнанку» см. М. Янковский. Оперетта. Л.—М., 1937, с. 232—233, 254—257.

² Н. Я. Студенческие и литературные воспоминания сибиряка. — «Вост. обозрение», 1884, № 33, с. 13.

³ С. С. Окрейц. Встречи и впечатления. В. С. Курочкин. — «Русский листок», 1900, № 223.

В 1861 г. он ездил за границу. Цель и подробности этой поездки нам неизвестны, но кое о чем можно все же догадываться. Курочкин уехал из Петербурга в начале мая 1861 г. «На Фоминой я уезжаю на два, на три месяца за границу», — писал он И. Ф. Горбунову, не сообщая, куда именно собирается ехать.¹ Через несколько лет на вопрос следственной комиссии по делу Каракозова Курочкин ответил, что в 1861 г. он в течение трех месяцев был в Германии, Франции, Англии и Швейцарии.² Артур Бенни на допросе в III Отделении в 1863 г. показал, между прочим, что он познакомился с Курочкиным до своего возвращения в Россию — еще в Лондоне. Бенни вернулся в Россию летом 1861 г.; незадолго до этого он и был как раз в Лондоне; тогда, следовательно, и состоялось их знакомство.³

Отвечая следственной комиссии, Курочкин, разумеется, хотел убедить ее, что, находясь за границей, он никаких предосудительных знакомств не заводил и ни с кем в переписке не был. Однако трудно себе представить, чтобы такой человек, как Курочкин, не использовал своего пребывания в Лондоне для того, чтобы повидать Герцена и Огарева. Это тем более невероятно, что он был как-то связан с «Колоколом» еще в 1858—1859 гг.⁴ В пользу такого предположения говорит и самое знакомство с Бенни, близким к герценовскому окружению, — естественнее всего предположить, что они познакомились именно у Герцена. Да и вообще «быть в Лондоне и не видеть Герцена в 50-х и в начале 60-х годов было, по словам современника, то же, что быть в Риме и не видеть папы».⁵ Герцена и Огарева посещали люди разных общественных положений и

¹ И. Ф. Горбунов. Сочинения, т. 3. СПб., 1907, с. 72.

² Центр. гос. историч. архив в Москве (далее: ЦГИА). Производство высочайше учрежденной в С.-Петербурге следственной комиссии. О литераторе Василии Курочкине, имевшем запрещенные сочинения весьма вольного содержания, 1866, № 196.

³ С. Рейсер. Артур Бенни. М., 1933, с. 25—26, 118; А. И. Герцен. Полное собр. соч., и писем под ред. М. К. Лемке, т. 15. Пб., 1920, с. 409.

⁴ Я имею в виду рукопись статьи «Голос людей страждущих на протест людей мыслящих», найденную у Курочкина при обыске. «Голос людей страждущих» — ответ на статью Чичерина с резкими нападениями на Герцена («Обвинительный акт»), напечатанную последним в «Колоколе» в конце 1858 г. Подробнее см. в моей статье «„Искра“ В. Курочкина и Герцен» — «Уч. записки» Ленингр. гос. университета, серия филологич. наук, вып. 13, 1948, с. 176—179.

⁵ В. И. Кельсиев. Рецензия на «Загадочного человека» Лескова. — «Заря», 1871, № 6, с. 25. Эта рецензия была, повидимому, изъята из журнала по требованию цензуры; в некоторых известных мне экземплярах июньского номера «Зари» она отсутствует.

взглядов, одни — просто из любопытства, другие — чтобы выразить им свое сочувствие и передать благодарность соотечественников, третьи — чтобы по душе побеседовать с ними и получить соответствующие указания. Но есть и еще один довод, делающий предположение о посещении Курочкиным Герцена почти бесспорным. В конце июня 1861 г. в «Искре», под псевдонимом «Н. Огурчиков», был напечатан фельетон Герцена «Из воспоминаний об Англии». Вероятнее всего, Курочкин получил его непосредственно у Герцена во время своего пребывания в Лондоне. Иное объяснение было бы чрезмерно натянуто и неправдоподобно.

Этим, конечно, не разрешается вопрос о цели и характере поездки Курочкина в Лондон. Но весьма возможно, что он поехал туда специально для того, чтобы повидаться с Герценом и Огаревым и поговорить с ними о путях и задачах революционного движения в России. 1 июля 1861 г. в «Колоколе» появилась статья Огарева «Что нужно народу?» Она была написана при участии Н. Н. Обручева — впоследствии одного из руководителей «Земли и воли» — и рассматривалась как программа будущего тайного общества. Мысль о необходимости создать единую революционную организацию уже созрела тогда у Огарева и Серно-Соловьевича. В это именно время был в Лондоне Курочкин. Весьма вероятно, что он был участником разговоров, связанных с этим кругом вопросов, — ведь очень скоро после этого, осенью 1861 г., Курочкин вступил в члены «Земли и воли», а уже весной 1862 г. был одним из пяти членов (Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичи, А. А. Слепцов, Н. Н. Обручев и он) ее центрального комитета.¹

«Земля и воля» была самой крупной революционной организацией 60-х годов. Исходя из твердой уверенности в неизбежности всероссийского крестьянского восстания, она стремилась объединить все революционные силы, чтобы в нужный момент стать во главе движения и привести его к победе. «Земля и воля» была связана как с Герценом и Огаревым, так и с Чернышевским; Серно-Соловьевич и Слепцов не раз обращались к ним за советами и указаниями и держали их в курсе всех дел. «Земля и воля» была так умело законспирирована, что не только органы царской полиции, но и историки революционного движения не могли восстановить более или менее полную и точную картину ее деятельности, круг ее участников и пр. Известно все же, что «Земля и воля» вела большую

¹ См. воспоминания А. А. Слепцова, напечатанные М. К. Лемке в примечаниях к т. 16 Полного собр. соч. и писем А. И. Герцена, Пб., 1920, с. 74, 76. Эти воспоминания являются одним из основных источников по истории «Земли и воли».

революционную работу — притом не только в столицах, но и в провинции, посылая туда своих членов для пропаганды и привлечения новых сил; в ряде провинциальных городов она имела отделения. Члены «Земли и воли» вели деятельную пропаганду в деревне, в войсках и на фабриках. «Земля и воля» была связана — и накануне восстания 1863 г. и во время его — с польскими революционными кругами. Наконец, она выпустила ряд прокламаций. Курочкин, как член центрального комитета, не мог, разумеется, не принимать ближайшего участия во всей этой работе. Хотя доносы агентов полиции и III Отделения далеко не всегда являются надежными источниками, нельзя не привести слова одного из них, характеризующие позицию Курочкина в «Земле и воле» как «крайнюю». В апреле 1863 г. бывший студент Технологического института Волгин сообщил петербургскому обер-полицмейстеру И. В. Анненкову: «Курочкин отправил письмо в Лондон. Он жалуетесь русскому комитету в Лондоне на петербургский комитет и на главную Земскую думу за то, что они, во 1-х, действуют чрезвычайно медленно, во 2-х, за то, что петербургский комитет не стал весеннюю прокламацию распространять в Петербурге, дабы отклонить тень подозрения, что она печаталась здесь, и, в 3-х, за то, что великорусская партия мешает и сдерживает крайнюю партию».¹

Уже в 1862 г. полицейские органы начинают усиленно интересоваться Курочкиным. В марте этого года у него был произведен обыск в связи с напечатанием и распространением портрета М. Л. Михайлова, заковываемого в кандалы в Петропавловской крепости, искали оригинал портрета; согласно донесениям агента III Отделения, портрет этот нарисовал Микешин, «а Курочкин продавал в Шах-Клубе, но это пока еще трудно доказать».² За ним было установлено секретное наблюдение, — до нас дошли два донесения агента III Отделения, относящиеся к лету 1862 г. За несколько дней до ареста Чернышевского Курочкин был охарактеризован как его «большой приятель».³ В следующем, 1863 г. у Курочкина снова

¹ А. И. Герцен. Полное собр. соч., т. 16, с. 173.

² «Н. Г. Чернышевский в донесениях агентов III Отделения (1861—1862 гг.)». — «Красный архив», 1926, № 1, с. 112—115. См. также «Свободное слово» Л. П. Блюммера (Берлин), 1862, т. 1, вып. 3, с. 230—231.

³ «Н. Г. Чернышевский и III Отделение». — «Красный архив», 1928, № 4, с. 178. Курочкину скоро стало известно, что он находится под надзором — см. А. И. Герцен. Полное собр. соч., т. 16, с. 86 (воспоминания А. А. Слепцова). Любопытна одна деталь: агент III Отделения отметил, что Курочкин «держит себя очень осторожно».

сделали обыск. Обер-полицмейстер Анненков писал по этому поводу управляющему III Отделением Потапову: «В настоящее время, при разъединении всех секретных обществ, волновавших в прошлом году всю молодежь в Петербурге, остались еще некоторые члены и представители известных кружков того времени. В числе их наиболее обращали на себя внимание вредным направлением следующие лица». Вслед за этим на первом месте назван «редактор и издатель газеты «Искра» Курочкин». Непосредственной причиной обыска были полученные Анненковым сведения, что выпущенная «Землей и вслей» прокламация «Свобода» (№ 2) «положительно исходит из кружка Благодетель и Василия Курочкина», что склад ее находится в книжном магазине Гайдебурова и что «готовится новое воззвание, которое должно появиться в первых числах августа». В типографии Благодетель, книжном магазине Гайдебурова и редакции «Искры» должна была, по его предположению, «сосредоточиваться главная деятельность тайных обществ». В отобранных у Курочкина бумагах не оказалось ничего особенно предосудительного, и никаких последствий для него обыск не имел.¹

С октября 1865 г. Курочкин, как и ряд других писателей революционного лагеря и представителей демократической интеллигенции, «по поводу заявления учения своего о нигилизме», был отдан под постоянный и «бдительный» негласный надзор полиции.² Разумеется, Курочкин возбуждал особый интерес властей предержавших и своими связями с революционными кругами и как редактор вызывавшей их злобу и негодование «Искры».

После каракозовского выстрела Курочкин был арестован и просидел в Петропавловской крепости свыше двух месяцев.³ Когда к М. Н. Муравьеву-Вешателю, назначенному председателем следственной комиссии по делу Каракозова, пришла мать Курочкина и со слезами на глазах просила об его освобождении, Муравьев, по словам Е. П. Елисеевой, бросился на нее, сорвал с ее головы чепчик

¹ ЦГИА. Дело III Отделения, 1-й экспедиции, 1863, № 97. О возмутительных воззваниях. Об обществе «Великоруссов» и революционной партии, стремящихся к распространению воззваний и к возбуждению волнения в России. Ч. 11, л. 91, 95, 101; «Лит. наследство», № 25—26, М., 1936, с. 608—609.

² ЦГИАЛ. Дело департамента полиции исполнительной... о лицах, состоящих под надзором полиции за 1867 год, 1868, № 838, ч. 10, л. 658.

³ В био-библиографическом словаре «Деятели революционного движения в России» (т. 1, ч. 2, М., 1928, с. 197) указана неправильная дата освобождения Курочкина из крепости: 23 июля; на самом деле месяцем раньше: 23 июня.

и начал топтать его ногами. Небезинтересно для характеристики этого царского сатрапа, что решение об освобождении Курочкина было уже тогда принято, но он некоторое время держал его под сукном.¹ Один из сподвижников Муравьева, П. Черевин, вспоминая о 1866 годе, писал, что Муравьев «в лице Чернышевского, Некрасова, Курочкиных и др. объявил войну литературе, ставшей на ложном пути».² Весьма показательно, что братья Курочкины названы рядом с Некрасовым и Чернышевским как наиболее заметные и опасные для самодержавия революционные писатели и журналисты.

В 1868 г. полиция следующим образом аттестует Курочкина: «нигилист и мало дает надежды к исправлению».³ Полицейский надзор был снят с Курочкина только в 1874 г., через год после прекращения «Искры» и за год до его смерти.

Работа под постоянной угрозой предостережений и судебных преследований, при твердом решении не сдавать революционных позиций, подтачивала силы. С начала 70-х годов бороться с цензурой стало неважноту. Вспоминая о своей встрече с Курочкиным в 1871 г., после шестилетнего перерыва, П. Д. Боборыкин писал: «Я помнил его еще очень свежим, с мягкими блестящими глазами и благообразной бородой, с некоторым изяществом в туалете и с той особенной бойкой посадкой, какою тогда, т. е. в начале шестидесятых годов, имели люди, веровавшие в свою прогрессивную звезду. А тут мне пожимал руку человек уже далеко не свежий, с сильной проседью, с тревожным взглядом, с несколько осунувшимся лицом и слабым голосом, довольно небрежно одетый».⁴

В 1873 г. «Искра» была закрыта правительством. Для Курочкина это был тяжелый удар. После прекращения журнала, последние два года своей жизни, он «выглядел совсем надломленным человеком. В нем осталась лишь тень того, что жило в нем во дни оны... В речах Курочкина и в его сухом отрывистом смехе звучала угрюмая, нехорошая нота. Он был рассеян, желчен, недоволен».⁵ Курочкину, который был в «Искре» полным хозяином, приходилось

¹ См. воспоминания Е. П. Елисеевой в книге «Шестидесятые годы. М. А. Антонович. Воспоминания. Г. З. Елисеев. Воспоминания», 1933, с. 416.

² П. Черевин. Записки (Новые материалы по делу каравозовцев). Кострома, 1918, с. 41.

³ Дело департамента полиции исполнительной, 1868, № 838, ч. 10, л. 658.

⁴ «Из воспоминаний о пишущей братии». — «Бирж. ведомости», 1878, № 113.

⁵ П. Засодимский. Из воспоминаний. М., 1908, с. 305—306.

теперь, при сношениях с разными редакциями, переживать подчас тяжелые минуты. Так, например, когда он вскоре после прекращения «Искры» передал свой перевод поэмы А. Виньи «Гнев Самсона» в «Вестник Европы», А. Н. Пыпин из трусости предложил поэту напечатать его анонимно. Курочкин, как ни нуждался, ответил отказом: «Если Вы находите, что подпись моя в цензурном отношении неудобна, прошу Вас стихотворения этого вовсе не печатать».¹ После этого редакция «Вестника Европы» устыдилась, и перевод был все же напечатан.

Курочкин дал несколько фельетонов в «Неделю» Гайдебурова и «Новое время» Нотовича, а затем — что было ему весьма тягостно — принужден был, в значительной степени из-за куска хлеба, помещать еженедельные фельетоны в либеральных «Биржевых ведомостях» Полетики. Курочкин сумел, однако, сохранить полную независимость в чуждой ему по направлению газете; в его фельетонах нет слов, написанных под диктовку редактора; в них много злых и остроумных насмешек, ряд ярких стихотворений, но они свидетельствуют вместе с тем и о душевной усталости поэта и о трудной обстановке, в которой ему приходилось работать. Одно время Курочкин заведовал также театральным отделом «Биржевых ведомостей». Говоря о сотрудничестве Курочкина в этой газете, необходимо отметить, что с ноября 1874 г., когда из нее ушел Трубников, в ней одновременно с Курочкиным начали писать еще несколько сотрудников «Отечественных записок»: его брат Николай, Н. А. Демерт, А. М. Скабичевский, А. Н. Плещеев. Редакция «Отечественных записок» давно мечтала завести при журнале газету или еженедельник, но все попытки в этом направлении неизменно срывались. Когда Полетика обратился к Некрасову с просьбой рекомендовать ему сотрудников, Некрасов решил использовать эту возможность. Он «послал» в «Биржевые ведомости» нескольких видных писателей и публицистов с тем, что они негласно (выступая под псевдонимами) будут «проводить взгляды» «Отечественных записок» в «Биржевых ведомостях».² И эта попытка не увенчалась успехом, однако в свете указанных фактов сотрудничество Курочкина в «Биржевых ведомостях» приобретает особый смысл.

¹ Письмо от 5 сентября 1873 г. — архив Пыпина в рукоп. отд. Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; см. также: П. В. Быков. Силуэты далекого прошлого. М.—Л., 1930, с. 127.

² А. М. Скабичевский. Литературные воспоминания. М.—Л., 1928, с. 315—321; Б. Папковский и С. Макашин. Некрасов и литературная политика самодержавия. — «Лит. наследство», № 49—50, М., 1946, с. 521—522.

Круг ближайших знакомых и друзей Курочкина составляли бывшие сотрудники «Искры» и сотрудники «Отечественных записок».

В последние годы жизни, несмотря на тяжелые условия существования, Курочкин создал ряд острых сатирических пьес «на манер простонародных марионеток, писанных простонародным размером стиха на различные общественные темы». ¹ К сожалению, до нас дошла лишь одна из них — «Принц Лутоня» (переделка «Le roi Babolein» М. Монье из его «Théâtre des marionnettes»), но и она была напечатана уже после смерти поэта с большими цензурными искажениями.

До конца своих дней Курочкин жил интересами литературы, не мог забыть блестящей поры «Искры» и продолжал мечтать о новом сатирическом журнале. Незадолго до своей смерти он развивал своим знакомым один из таких планов. ²

Умер Курочкин 15 августа 1875 г. от слишком большой дозы морфия, впрыснутой ему врачом.

3

Добролюбов посвятил немало страниц выяснению задач, стоящих перед политической сатирой его времени. Так, например, воспользовавшись удобным случаем, критик отчетливо сформулировал их в известной статье «Русская сатира в век Екатерины». Отметив неправильное истолкование его слов о современной сатире в статье «Литературные мелочи прошлого года», Добролюбов писал: «Некоторые прицляли наши слова за убеждение, что обличать вовсе не нужно и что сатира только портит эстетический вкус публики. Но мы вовсе не то имели в виду; мы хотели сказать, что наша сатира *не то и не так обличает*. . . Плодить далее рассуждения об этой материи мы считаем крайне неудобным, потому что — известное дело — о настоящем времени всегда трудно произносить откровенное и решительное суждение. . . Но если аналогия может к чему-нибудь повести, то нам представляется в книге г. Афанасьева превосходный случай проследить один «эпизод из истории русской литературы», во многих отношениях аналогический настоящему времени». Сатира XVIII века принесла, по мнению Добролюбова, очень

¹ В. В. Чуйко. Современная русская поэзия в ее представителях. СПб., 1885, с. 182.

² См., например, М. Устинов. Памяти В. С. Курочкина. — «Пчела», 1875, № 33, с. 403.

мало пользы. В чем видел он причины ее неудач? В том, что сатирики неспособны были «говорить прямо против существующего порядка», не замечали «коренной дрянности того механизма, который старались исправить», «убеждены были, что здание само по себе совершенно хорошо, но что его нужно только очистить несколько от накопленного в нем сора», между тем как «бесполезны в практическом отношении все нападки на частные проявления зла, без уничтожения самого корня его». Это мелочное обличительство он считал замазыванием — иногда бессознательным, а часто и сознательным — существа дела. «Все они, — подчеркивал Добролюбов, — с необычайною резкостью восстают против общественных пороков, но во всех выражается довольно ясно та мысль, что эти пороки и недостатки суть исключительно следствия старого неустройства, остатки прежнего времени и что теперь уже настала пора для их искоренения, явились новые условия жизни, вовсе им неблагоприятные... Они не хотели видеть связи всех частных беззаконий с общим механизмом тогдашней организации государства и от ничтожнейших улучшений ожидали громадных следствий».¹ Все эти упреки Добролюбова направлены в первую очередь против того мелкого обличительства, которое имело место в современной ему литературе. Задачи подлинной политической сатиры определялись для него общими идейными позициями революционной демократии, ее отношением к русскому самодержавию и крепостничеству.

Сатирические журналы 60-х годов распадаются на две основные группы — разумеется, с различными оттенками внутри каждой из них. К первой относятся «Искра», «Гудок» 1862 г. (под редакцией Минаева), «Будильник» 60-х и начала 70-х годов, остро высмеивавшие все основы самодержавно-бюрократического государства и отстаивавшие интересы широких народных масс. Ко второй принадлежат «Весельчак», «Заноза» Розенгейма, «Оса» и др. «Весельчак» занимался развлекательной болтовней, пересказывал давно забытые анекдоты; «Заноза» и «Оса» активно боролись с революционной мыслью, с «Современником», «Русским словом», «Искрой». Их сатира беззуба и беспомощна. В художественном отношении она ниже всякой критики.

И в «Занозе» и в «Осе» появлялись, конечно, обличительные заметки, стихи, карикатуры, направленные против некоторых недо-

¹ «Современник», 1859, № 10; Полное собр. соч., т. 2, 1935, с. 158, 160—161, 165—167, 183. Статья Добролюбова написана по поводу книги А. Н. Афанасьева «Русские сатирические журналы 1769—1774 годов. Эпизод из истории русской литературы прошлого века».

четов государственного механизма. Однако это нисколько не сближает их с «Искрой». Между «Искрой» и этими журналами такая же глубокая принципиальная разница, как между поэзией Некрасова и гражданскими виршами Розенгейма, Бенедиктова, между революционной сатирой Щедрина и бесчисленными обличительными повестями и рассказами, к которым вполне применимы язвительные слова Некрасова о бичевании «маленьких воришек для удовольствия больших» («Поэт и гражданин»). Таким образом, основная линия размежевания внутри сатирической журналистики 60-х годов — та же, что во всей общественной жизни и литературе.

«Искра» существовала пятнадцать лет: с 1859 до 1873 г. Первые два года (до крестьянской реформы), при общей демократической направленности, у нее были все же некоторые колебания в сторону либерализма; в конце 60-х и начале 70-х годов она испытала на себе некоторое воздействие народничества, но в целом «Искра» стояла на революционно-демократических позициях. Из журналов того времени ей были наиболее близки «Современник» (и друзья и враги считали «Искру» своеобразным филиалом «Современника»), а затем «Отечественные записки» Некрасова.

Вокруг Курочкина и его журнала объединилась группа близких друг другу по своим идейно-художественным тенденциям поэтов, преимущественно поэтов-сатириков. Они печатались, конечно, и в других периодических изданиях, но именно «Искра» была той своеобразной поэтической лабораторией, в которой окрепло их дарование и оформилось их литературное лицо.

Поэты «Искры» были особой группой внутри «некрасовского направления» русской поэзии середины XIX в. В отличие от многих других тонких и толстых журналов 60-х годов, поэзия в «Искре» не была одним из второстепенных отделов, а занимала в ней большое место. Весьма показательно, что основными ее сотрудниками были преимущественно поэты: В. и Н. Курочкины, Минаев, Богданов, Вейнберг и др. Правда, все они писали в «Искре» не только стихи, а также фельетоны и статьи, но все же главным их делом была поэзия.

Публицистика и поэзия представляли собой в «Искре» некое единство. Между ними не было того противоречия, которое создавалось, например, в «Современнике» перед окончательным разрывом его руководителей с представителями «чистой поэзии», когда в художественном отделе печатались стихи Фета, Майкова, Случевского, Апухтина, а рядом, в статьях Добролюбова, подвергались резкой критике принципиальные основы творчества этих поэтов. Единство поэзии и публицистики выражалось в «Искре» не только в том

внешнем факте, что очень многие стихотворения являлись первоначально частью фельетонов и статей, органически входили в прозаический контекст. Это факт существенный, но не решающий. Гораздо важнее, что идейные тенденции статей и стихов — как входивших в публицистические произведения, так и тех, которые с самого начала печатались отдельно, — были общие. Неправильно было бы утверждать, что стихи являлись простым *изложением* тех же идей. Но одни и те же идейные стимулы определяли творчество поэтов и публицистов. Не было также расхождения между основными литературными принципами, которые развивались в статьях, проявлялись в отдельных оценках литературных произведений, и поэтической практикой журнала. Наконец, следует еще подчеркнуть сходство некоторых приемов в сатирических стихах и публицистике.

Публицисты и поэты «Искры» были убежденными и последовательными демократами. В одном из первых ее номеров мы находим следующее ироническое разъяснение понятий «труд» и «собственность»: «Труд. По мнению политико-экономов, капитал; но по мнению людей практических, неизбежное следствие отсутствия капитала, с которым бы можно было жить без всякого труда... Собственность. Для большей части пользование тем, что не стоило никакого труда».¹ Противопоставление нужды, бедности одних и роскоши, в которой живут другие, является одной из основных тем «Искры». Чувство величайшего уважения к труду, сознание, что труд — главный критерий ценности человека и что тем не менее люди, живущие трудом, подвержены всем превратностям судьбы, терпят нужду, голод и холод, — красной нитью проходят через все творчество Курочкина.

Мой сын, твоя опора — труд,
Твое всё счастье в нем;
Хотя с трудом в больницах мрут
Живущие трудом.

(«Завещание»)

Повседневные заботы труженика; его право на любовь, отдых; его нисверные мечты о счастье и, несмотря на это, жизненный оптимизм; плебейская гордость; ирония по адресу «хозяев жизни» и пр. — вот мотивы целого ряда стихотворений Курочкина («Морозные стихотворения», «Только!», «Весенняя сказка», «Погребальные дроги», «Мудрость бедняка»).

¹ «Выдержки из практического словаря, приготовляемого к печати одним из сотрудников „Искры“». — «Искра», 1859, № 8, с. 84.

В первые годы своего существования, думая о сытых и голодных, «Искра» имела в виду главным образом интересы городской демократической интеллигенции, интересы разночинцев, но вскоре социальные горизонты ее идеологии значительно расширились. «Искра» окончательно переходит на позиции крестьянской демократии, и наряду с разночинцем, подавляемым социально-экономическим укладом 60-х годов, на ее страницах вырастает фигура русского крестьянина. Ленин писал: «...даже в крепостной России Добролюбов и Чернышевский умели говорить правду то молчанием о манифесте 19 февраля 1861 г., то высмеиванием и шельмованием тогдашних либералов, говоривших точь в точь такие речи, как Турати и Каутский». ¹ Эти слова вполне применимы и к «Искре». Отношение ее к реформам 60-х годов, и в первую очередь к крестьянской реформе, не вызывает сомнений. Признавая их относительную прогрессивную роль, искровцы в то же время видели, что реформы неспособны устранить коренные противоречия русской жизни и проводятся в интересах господствующих классов. Но развивать эти взгляды в печати было нелегко. И «Искра» иногда предпочитала молчать, зная, что самого существенного сказать нельзя, иногда слова ее не доходили до читателей, иногда же прозрачные намеки, а подчас и довольно откровенные суждения все же удачно проходили через цензурные рогатки. Искровцы неоднократно издавались над прославлением крестьянской реформы и относились к нему как к сознательному обману. Сентиментальной идиллии о примирении классового антагонизма, прикрывавшей своекорыстные интересы дворянства и буржуазии, они противопоставляли подлинную картину жизни крестьянства. В ряде статей, очерков, стихотворений, карикатур они говорили о непосильном труде, полном бесправни и страшной нищете русского крестьянства, о произволе сельских властей и экзекуциях, о непосильных налогах, растущем в деревне кулачестве и пр.

В стихотворениях Курочкина зло высмеяны и лицемерное, чисто словесное сочувствие «мужичкам» со стороны либерального общества («Тик-так! Тик-так!», «Семейная встреча 1862 года»), «сближение общества с народом», которое проявляется только «в банкетных спичах и речах» («Предвещения на 1865 год»), и крепостники, очень скоро после 1861 г. поднявшие голову («Мирмидоны-Куролесовы», «Затишье»). В интереснейших примечаниях к стихотворению «Письмо об России Фукидзи-Жен-Ициро к другу его Фукуте Чао-

¹ «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический». — Сочинения, 4-е изд., т. 23, с. 176.

Цее-Цию» Курочкин, под видом характеристики религиозных верований русских, писал о крепостническом укладе и о грабительском характере крестьянской реформы: «Переселение душ понимают здесь довольно своеобразно: фякшо-сшто <крестьяне> полагают, что каждая душа в сем свете имеет право свободно переходить от владельца к другому, с земли на землю; землевладельцы до последнего указа 19 февраля 1861 г. совершенно отрицали переселение душ; некоторые и теперь ограничивают это понятие переселением фякшо-сшто с земель удобных для хлебопашества на неудобные». Наиболее ярко показано положение ограбленного реформой, обезземленного крестьянства в блестящей сатире Курочкина на царскую Россию «Принц Лутоня», обличительная сила которой была так велика, что она в XX в. вызвала еще цензурные преследования. Уже самое имя заключает в себе социальную характеристику основного персонажа — см. «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля: «Лутоха, лутошка — липка, с которой снята кора, содрано лыко. . . Гол как лутошка, бос как гусь. Была липка, а стала лутоха».

Разоблачая крепостников и все основы полицейско-бюрократического государства, произвол и взяточничество, цензурный гнет и тайную полицию, дворянскую спесь, чинопочитание, лакейство и т. д., Курочкин был не менее беспощаден к рыцарям наживы, капиталистическим хищникам, дельцам, биржевикам и спекулянтам («Во всех ты, душенька, нарядах хороша», ряд стихотворений об акционерных обществах).

Злейшими врагами трудящегося люда искровцы считали либералов, которые «так же, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об *уничтожении* этой собственности, о *полном свержении* этой власти» (Ленин).¹ Подобно Добролюбову и Чернышевскому, они подчас видели в либералах еще более опасных врагов, чем в крепостниках, потому что это были враги маскировавшиеся. Внешняя либеральная фразеология, пышные речи о гласности и «великих реформах», «умеренность», которую либералы неизменно противопоставляли «крайностям» революционных течений, «поспешности юного племени», неоднократно служили объектами сатиры Курочкина («Сон на Новый год», «Семейная встреча 1862 года», «Молитвой нашей бог смягчился» и др.). Он высмеивал боязнь подлинной гласности и либеральной фразе, «слову-звуку»

¹ «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция». — Сочинения, 4-е изд., т. 17, с. 96.

противопоставлял «слово-мысль, предшественницу дела» («Явление гласности»). В ряде стихотворений («Ты помнишь ли, читатель благосклонный», «Гласность 1859 года...») Курочкин говорил об эволюции русского либерализма конца 50-х — начала 60-х годов и его переходе на путь открытого сотрудничества с самодержавием. При этом, заклеив, например, переход «Русского вестника» на открыто реакционные позиции, он нисколько не идеализировал его либерального периода. Напротив, подобная эволюция, по справедливому мнению поэта, свидетельствовала о весьма умеренном и поверхностном характере былого либерализма Каткова.

Курочкин был не менее требователен к людям своего лагеря. Так, он по заслугам оценивал тех представителей радикальной интеллигенции, которые, под влиянием политической реакции, изменяли своим убеждениям. Показательно в этом отношении стихотворение 1868 г., иронически озаглавленное «Нового счастья читателю и новых богатств»; оно является откликом на программу журнала «Современное обозрение», в составлении которой принимали участие порвавшие с «Современником» А. Н. Пыпин и Ю. Г. Жуковский. Это был резкий отход от революционных и социалистических устремлений «Современника» в сторону приспособления к существующему строю. «Общим политическим вопросам» противопоставлялись в качестве основных задач журнала «распространение серьезных положительных знаний и самовоспитание человека, как индивидуальное, так и общественное», а идея перераспределения старых богатств — накопление новых. Это, по выражению Г. З. Елисеева, «salto mortale от распределения к накоплению»,¹ знаменовавшее собой отказ от былых идеалов, и вызвало сатиру Курочкина.

«Искра» не ограничивалась темами русской жизни. Она с большим сочувствием относилась ко всем проявлениям европейского революционного движения. Говоря о боях западного пролетариата с капиталом, «Искра» всегда отдавала свои симпатии народным низам. Ее поэты и публицисты не раз издевались над тем, как русская консервативная и либеральная пресса изображала «ужасы французской революции»,² «чудовищ и крокодилов» Марата и Робеспьера,³ с большим подъемом говорили о «неотразимом образе Марата» и о «страстном крике черни», раздававшемся на баррика-

¹ «Шестидесятые годы. М. А. Антонович. Воспоминания. Г. З. Елисеев. Воспоминания», 1933, с. 357.

² Тарах Толерансов <В. С. Курочкин>. Табунное ржание. — «Искра», 1862, № 17, с. 243—244.

³ «Искорки». — «Искра», 1862, № 26, с. 359.

дах в 1830 и 1848 гг.¹ Особенно интересно сочувственное отношение искровцев к Парижской коммуне. В ряде статей, фельетонов, стихотворений ход событий изложен таким образом, что становится очевидной правота восставших коммунаров. Вообще, касаясь иностранной политической жизни, искровцы неизменно становились на сторону более прогрессивных явлений: они резко выступали против политики Бисмарка и объединения Германии вокруг юнкерской Пруссии, против южан-рабовладельцев во время гражданской войны в Соединенных Штатах, против притязаний папы на светскую власть. В стихотворении на новый, 1871 год, откликаясь на события франко-прусской войны, Курочкин с ненавистью говорит о культуре насилия и солдатчины, о «союзе штыков» в Германии «единой». Поэт поднимает бокал за равенство, свет которого впервые блеснул «во Франции восемнадцатого века»; он провозглашает лозунг «мира в мире целом» и прославляет борющийся за свою независимость французский народ, преданный своим собственным правительством:

Естественной к своей земле любовью
В сознании оправдана война,
Народный меч святым стал, если кровью
Родных детей земля окроплена.

(«За которую из двух?»)

Каковы же были идеалы «Искры»? Что она противопоставляла российскому самодержавию и господствовавшим на Западе формам буржуазного парламентаризма, преимущества которого перед царившим в России произволом она сознавала, но который вместе с тем отнюдь не склонна была идеализировать и неоднократно высмеивала? Последовательную демократию — «правительство, свободно вышедшее из народа и возвращающееся в него же по минувании своих полномочий, правительство, чуждое бюрократизма и узких кастовых целей». Это — цитата из статьи «Журнальные заметки»,² за которую, как за заключающую в себе «превратные и совершенно неуместные суждения о правительственной власти»,³ «Искра» была закрыта.

Не следует, разумеется, думать, что «Искра» была монолитна. Радикализм некоторых ее сотрудников оказался поверхностным и недолговечным. Если Вейнберг скоро превратился в прекраснодуш-

¹ Пр. Пр. <еображенский — Н. С. Курочкин>. Ода на современное состояние Франции. — «Искра», 1863, № 20, с. 282.

² «Искра», 1873, № 38, с. 7.

³ «Правительственный вестник», 1873, № 152.

ного либерала, то Буренин, пройдя через либерализм, стал впоследствии махровым черносотенцем. Но левое крыло сотрудников «Искры», наиболее последовательные из них опирались на широкие демократические массы, были теснейшим образом связаны с революционной мыслью и революционным движением. В первую очередь это относится к самому Курочкину. В революции, в свержении самодержавия он видел самый надежный путь к торжеству социальной справедливости и своей литературной деятельностью стремился подготовить и ускорить его. Уверенность в обреченности старого мира и вера в лучшее будущее отчетливо звучат в ряде стихотворений Курочкина:

Мы слышим в звуках всем понятных
Закон явлений мировых:
В природе нет шагов попятных,
Нет остановок никаких!
Мужайся, молодое племя!
В сияньи дня исчезнет мрак
Тебе подсказывает время:
Тик-так! Тик-так!

(«Тик-так! Тик-так!»)

4

Значительную часть поэтического наследия Курочкина составляют отклики на события текущей социально-политической и литературной жизни. Оперативность, быстрота отклика является одной из самых характерных черт его сатиры. Только назначили слышшего либералом А. В. Головнина министром народного просвещения (декабрь 1861 г.), а в стихотворении «Над цензурю, друзья» уже фигурирует его имя и говорится о тщетности надежд на какой-либо поворот в цензурном ведомстве: «Не пропустит Головнин То, что вычеркнул Путятин». Через две недели после полемики между Катковым и Н. Ф. Павловым по вопросу о монопольном праве «Московских ведомостей» печатать казенные объявления, полемики, в которой ярко сказались нравы реакционной журналистики (октябрь 1862 г.), появляется «трагическая сцена» «Лорд и маркиз или жертва казенных объявлений»; через несколько дней после злобной статьи Кс. Полевого о Белинском (октябрь 1859 г.) — стихотворение «Бедовый критик» и т. д. При этом политическое чутье редко изменяло Курочкину; он верно избирал объекты своих сатир и без промаха попадал в цель.

Без учета этой злободневности, этой близости к политической и литературной жизни тех лет многое останется непонятным в творчестве Курочкина. Для понимания исторического значения его поэзии необходимо расшифровать многие, иногда очень мелкие, но характерные факты, намеки, вспомнить давно забытых людей, вообще воспроизвести ту социальную атмосферу, в которой воспринимали его стихотворения читатели-современники.

Но подлинная злободневность не есть злободневность однодневков, теряющих всякое значение на следующий день после своего возникновения. Подлинная злободневность, связанная с большими и актуальными проблемами современности, сквозь внешнюю оболочку явлений проникающая в их сущность, всегда переживает свою эпоху. Большая часть злободневных стихотворений Курочкина именно такова: их содержание не исчерпывается насмешками над единичными фактами и конкретными личностями; они имеют и более общее значение, более широкий смысл. Так, в основе стихотворения «Явление гласности» лежат некоторые факты биографии публициста С. С. Громеки, но в нем вместе с тем разоблачается типичная эволюция либерала. В «Бедовом критике» Курочкин имел в виду Кс. Полевого и дал ему уничтожающую характеристику, но это в то же время обобщенный портрет мракобеса, преследующего все великое и передовое в культуре человечества.

Чаще всего «Искра» высказывала свои взгляды, выражала свое отношение к окружающей действительности в полемике с враждебными ей журналами и газетами. Естественно желание показать читателям подлинное лицо своих идейных врагов, но самое обилие полемики в журнале определялось еще одним обстоятельством. Возможность откровенно говорить непосредственно о явлениях действительности и о способах ее изменения была обратно пропорциональна значительности этих явлений. Литературно-журнальная борьба была в глазах властей предержащих все же менее опасной и предосудительной. В 1862 г. Курочкин жаловался, что цензура решительно все запрещает — «приходится, скрепя сердце, попрежнему ограничиваться областью журналистики».¹

Курочкин был мастером такой журнальной полемики. Он вел ее и в стихах и в прозе. Аскоченский и Юркевич, Катков и Скарятин, Н. Ф. Павлов и Чичерин, Краевский и Громека, Соллогуб, Вявемский и многие другие либеральные и реакционные публицисты и писатели являлись постоянными персонажами его сатир. Он высмеивал их социально-политические, философские и литературные

¹ Письмо к Ф. Ф. Веселаго. — «Поэты „Искры“», Л., 1933, с. 42.

взгляды, показывал их враждебность народным интересам, давал решительный отпор их нападкам на революционное движение, материалистическую философию и науку, на вождей революционной демократии Чернышевского и Добролюбова. Курочкина, как и других искровцев, неоднократно обвиняли в том, что он, мол, порочит частную жизнь несимпатичных ему писателей. Но подобно тому как помпадуры разных рангов, о которых писала «Искра», интересовали ее не как частные лица, а как представители определенного порядка вещей, определенного социального строя,¹ точно так же и публицисты, с которыми приходилось бороться Курочкину, были для него конкретными представителями «известного порядка идей»² — того порядка идей, который стремился оправдать враждебный народу социальный строй.

Быстрота реакции, злободневность, полемический характер поэзии Курочкина сближает ее с сатирой Добролюбова. «Искра» и «Свисток», Курочкин и Добролюбов нередко касались одних и тех же общественных и литературных явлений. Отдельные темы поэзии Курочкина, ряд его стихотворений напрашиваются на сопоставление со стихотворными и прозаическими сатирами Добролюбова: так, «Опыты гласного самовосхваления» близки к «Русским в доблестях своих», «Турнир в Пассаже» — к «Любопытному пассажиру в истории русской словесности», «Дилетантизм в науке» — к «Призванию», конец «1861 года» — к «Нашему демону» и т. д.

Жестокий цензурный режим, непрерывные преследования свободной мысли способствовали выработке у многих революционных и оппозиционных писателей, преимущественно у сатириков, особых методов изображения действительности и выражения своего отношения к ней, особой поэтики. Исследователю эпоха языка в России «Искра» дает обильный и разнообразный материал.

Как и вся левая журналистика, «Искра» должна была зашифровывать и свои взгляды и — сплошь и рядом — объекты своих нападок; но нужно было делать это так, чтобы цензор не догадался или, во всяком случае, не имел оснований для придинок, а читатели понимали, в чем дело. О безобразиях, творившихся в казенных учебных заведениях, говорить нельзя было, и весь материал о них печатался под никого не обманывавшим, впрочем, заглавием: «В частном учебном заведении»; под видом высказываний о Западе

¹ Недаром одной из опасных черт «Искры» цензура считала «генерализацию отдельных случаев каких бы то ни было злоупотреблений» (ЦГИАЛ. Дело Совета министра внутр. дел по делам книгопечатания, 1864, № 12).

² «Литературные размышления». — «Искра», 1868, № 29, с. 348.

«Искра» нередко говорила об отечественных нравах, причем этот прием иногда тут же раскрывался: «В одно прекрасное утро жители одного города (не от меня зависит назвать, какого; думайте, что это происходит в Австрии) с большим удовольствием прочли следующее объявление...»¹; оригинальные произведения выдавались за переводные и т. д.

Но многое из того, что было понятно людям 60-х годов, для нас совершенно пропадает без соответствующей расшифровки; мы часто и не подозреваем, что невинная на первый взгляд карикатура имеет острый политический смысл. Вот один пример. В самом начале существования «Искры» в ней была напечатана карикатура Степанова «Художник у знатной особы». «Знатная особа» выговаривает художнику за то, что тот носит бороду. «— Кто вы такой? — Художник Блинов. — Иностранец? — Нет, русский; Блинов... — Как же вы смели явиться ко мне в таком неприличном виде».² «Знатная особа» — один из тех сановников, ничего не понимавших в искусстве, от которых тем не менее во многом зависела судьба русского художника. Но в карикатуре есть еще второй план; речь идет в ней о совершенно конкретных фактах и конкретных лицах. Художник — это незадолго до этого скончавшийся А. А. Иванов, а «знатная особа» — председатель департамента государственной экономики Государственного совета, сенатор, член кабинета министров граф А. Д. Гурьев. В мае 1858 г. Иванов вернулся в Россию и привез свою знаменитую картину «Явление Христа народу». И тут сразу же обнаружилось недоброжелательное отношение к нему со стороны официальных кругов и представителей консервативных течений искусства. Внезапная кончина Иванова связывалась с рядом унижений, которые ему пришлось испытать. Одно из нанесенных ему оскорблений имелось в виду и в карикатуре Степанова. Скоро после смерти художника в «Колоколе» появилась небольшая заметка Герцена «О бороде А. А. Иванова». В ней Герцен с негодованием пишет, что «один из петербургских сановников наругал ему (Иванову) за то, что он носил бороду», и просит сообщить «фамилию этого осла».³ Когда один из корреспондентов «Колокола» описал в подробностях всю эту историю, Герцен напечатал статью «Иванова борода и Гурьев лоб», в которую включил полученное им письмо. Из него читатели «Колокола» узнали, что накануне освяще-

¹ Твой и Живописного сборника подписчик. Неудавшийся концерт. — «Искра», 1859, № 47, с. 482.

² «Искра», 1859, № 3, с. 26.

³ «Колокол», 1858, л. 26; Полное собр. соч., т. 9, П., 1919, с. 353.

ния Исаакиевского собора Иванов представлялся президенту Академии художеств великой княгине Марии Николаевне. Она вручила художнику записку к графу Гурьеву, «президенту всех возможных веселых и грустных церемоний в Петербурге», о дозволении присутствовать при церемонии. «Граф, прочтя ее и оглядев Иванова с головы до ног, преважно спрашивает: — Вы немец или француз? — Вы можете судить, граф, по фамилии: я — русский, Иванов. — А борода? — говорит он грубо. — Вы знаете, что в церкви будет государь, вся царская фамилия, — вас с бородой не пустят, обрейтесь». Когда Иванов заявил, что брить бороды не намерен и должен будет сообщить о случившемся великой княгине, Гурьеву пришлось скрепя сердце дать Иванову билет на право входа в Исаакиевский собор. С презрением отзываясь о «героях мыла, гребенки и бритвы, гонителях сигар на улицах, фанатиках форменных пуговиц и голых подбородков», которые все еще существуют на Руси, Герцен заканчивает статью словами, что пора всех этих Гурьевых сдать в сумасшедший дом.¹ Через два месяца после статьи Герцена появилась карикатура Степанова. Этот возмутительный случай был, конечно, известен в Петербурге и помимо «Колокола», но благодаря «Колоколу» получил еще большую огласку. Смысл карикатуры был поэтому ясен многим современникам, тем более, что и Гурьев и Иванов были изображены Степановым с внешним сходством.

В поэзии Курочкина тоже очень часто наличествует второй план, требующий разгадки и расшифровки. Так, в стихотворении «Благоразумная точка зрения» есть строки: «Формулируя жизни явления С соблюдением мер и границ». Читатель не обратит на них особого внимания, если не знает, что «Мера и границы» — заглавие статьи Б. Н. Чичерина.² Это — первая из цикла его статей, проникнутых охранительными тенденциями и ненавистью к революционной мысли 60-х годов и наделавших в свое время много шума. Другой пример. Курочкин перевел стихотворение Беранже «Навуходоносор». В переводе упоминается, между прочим, «Северная пчела», отсутствующая, конечно, у Беранже:

В тогдашней «Северной пчеле»
Печатали неоднократно,
Что у монарха на челе
След царской думы необъятной.

Этой деталью — упоминанием «Северной пчелы» — действие сразу же переносится в Россию. Но еще более примечательны строки

¹ «Колокол», 1858, л. 28; Полное собр. соч., т. 9, с. 369—370.

² «Наше время», 1862, № 1.

«Был съеден *незабвенный* царь» и «Как в бозе сгнил последний царь», тоже якобы переведенные из Беранже. «Незабвенным нашим родителем» был назван Николай I в манифесте Александра II по поводу его смерти и своего вступления на престол. Это выражение не раз служило объектом насмешек; иронически называли Николая «незабвенным» Герцен и Огарев, и по их почину насмешливое словечко, содержащее оценку всего николаевского царствования, вошло в обиход, — мы встречаем его, например, в дневнике В. Ф. Одоевского, письмах М. Н. Лонгинова к А. М. Жемчужникову и К. Д. Кавелина к Б. Н. Чичерину, в воспоминаниях Л. М. Жемчужникова, стихотворении П. Л. Лаврова, статьях-памфлетах П. В. Долгорукова и пр.;¹ в дневнике Шевченко Николай несколько раз назван «неудобозабываемым».² «В бозе сгнил» — пародия на слова о смерти особы царствующего дома: «в бозе почил». Таким образом, Навуходоносор в переводе Курочкина сливается с Николаем I, подобно тому как и сам Беранже имел в виду в своем стихотворении нравы и порядки двора Людовика XVIII.³

Курочкин не сомневался в том, что его современники без труда отгадают тех лиц, те факты и явления, намеками на которые полны его стихи. Зашифрованность, рассчитанная на читательскую расшифровку, была одной из существенных черт его поэзии. Нередко на соседних страницах «Искры» статьи, заметки, карикатуры, стихотворения других поэтов на ту же тему помогали читателям раскрыть эти намеки.

Курочкин прибегал к разным приемам обличения враждебных ему явлений: иногда он нападал на них, так сказать, «в лоб», в дру-

¹ «Лит. наследство», № 22—24, М., 1935, с. 112, 752; Б. Н. Чичерин. Воспоминания. Московский университет. М., 1929, с. 65; Л. М. Жемчужников. Мои воспоминания из прошлого. Вып. 2, М., 1927, с. 109 и сл.; «Русская потаенная литература XIX столетия», Лондон, 1861, с. 422; П. В. Долгоруков. Петербургские очерки. М., 1934, с. 106, 120, 122 и др.

² Собр. соч., т. 5. М., 1949, с. 157, 161 и др.

³ Следует отметить, что сопоставление Николая I с Навуходоносором было, повидимому, довольно распространенным. Так, в стихотворении Хомякова «Навуходоносор», написанном за несколько лет до этого, в 1849 г., в лице Навуходоносора, по свидетельству П. И. Бартенева, «явно изображен Николай I» (А. С. Хомяков. Стихотворения. Изд. журнала «Русский архив», М., 1910, с. 155—156). Ср. также слова Каткова, сказанные им после смерти Николая I, в пору своего либерализма: «Если бы император Николай I восторжествовал, то трудно и представить, что сделалось бы с ним; он уподобился бы Навуходоносору, — вышел бы в Летний сад и стал бы щипать траву» (Е. М. Феоктистов. За кулисами политики и литературы. Л., 1929, с. 90).

гих случаях применял обходный маневр. Поэт нередко выражал свое отношение к действительности при помощи иронического рассказа от имени благонамеренного человека — приема, получившего такое блестящее развитие в творчестве Щедрина. Этот прием маски широко применялся и другими искровцами как в стихотворениях, так и в публицистических статьях и фельетонах. Общий смысл приема заключается в том, чтобы довести до абсурда враждебный образ мыслей, скомпрометировать его в глазах читателей. В стихах Курочкина мы сталкиваемся с этим приемом буквально на каждом шагу. Здесь и чиновник-взяточник («Жалоба чиновника», «Старичок в отставке»), и либерал в его разных обликах («Сон на Новый год», «Явление гласности», «Чистосердечное признание одного из многих»), и мракобес-ханжа («Полезное чтение»), и славянофил («Дилетантизм в благотворительности»), и обобранный заправилами акционерного общества рядовой акционер («Песенка бедных акционеров»), и один из этих заправил («Годовщина общего собрания акционеров Главного общества российских железных дорог»), и апологет кулачной расправы («Что вы, с злорадством, так дурно скрываедем») и т. п.

Создавая такую маску, Курочкин пользовался нередко, как и вообще в своих сатирических фельетонах, писаниями и фактами биографии своих идейных врагов, конечно, по-особому, в зависимости от общего замысла стихотворения или фельетона, препарировав их. Интересно в этом смысле стихотворение «Ворчун Дорофей». Курочкин взял к нему в качестве эпиграфа слова из статьи мракобеса Башуцкого: «По нерушиму условию жизни, этого мудрого Дорофея (я называю так совесть, как воистину дар божий — с греческого: дорос — дар, феу — божий) нет возможности ни выгнать из дому, ни заставить молчать». Очень характерно для фельетонно-сатирической техники Курочкина то, как он использует в стихотворении эту статью. После приведенных в эпиграфе слов у Башуцкого читаем: «Что ж делают? Сперва сердятся, потом увещевают его, урезонивают; потом с сожалением улыбаются его тихим нотациям; потом вовсе не слушают их, а наконец не замечают и его самого. В таком положении, разумеется, с дядькой уж нечего ни драться, ни пререкаться; но его не победили, а только рассорились с ним на весь путь жизни»; между тем «добрый, терпеливый, презренный соперник этот должен будет, все по тому же контракту жизни, в час, в онь же барин его не чаёт, связать любимого господина своего и выдать его руками судии». Статья не только дала материал для сатиры Курочкина, но до известной степени определила и ее сюжет. Курочкин построил ее на заимствованном у Башуцкого мотиве ссоры с Доро-

феем, но совершенно переосмыслил его, высмеяв утверждение Башуцкого, что «мудрого Дорофея... нет возможности ни выгнать из дому, ни заставить молчать», и показав, что хозяин весьма легко приручил его. При этом Курочкин, во-первых, превратил Дорофея из абстрактного воплощения голоса совести в реального слугу, а во-вторых, отождествил хозяина Дорофея с самим Башуцким, для чего привлек факты его биографии (кража бриллиантов, душепагительные статейки). Совершенно очевидно, что, являясь сатирой на Башуцкого, «Ворчун Дорофей» представляет собою и нечто более широкое по своему смыслу, чем личная сатира; речь идет здесь о людях, которые на каждом шагу клянутся религиозными «истинами» и, прикрываясь религией, столь же легко вступают в сделку со своей совестью и занимаются весьма сомнительными делами.

В подобной сатире нередки элементы пародии. В монологе, вложенном в уста противника, поэт имитирует подчас его литературную манеру, фразеологию, использует отдельные его выражения. Такова «Элегия» Курочкина («Печально век свой доживая»), направленная против «Русского вестника».

В большинстве случаев маска была способом разоблачения враждебного образа мыслей, но иногда она просто облегчала возможность говорить на запретные темы. Так, например, воспользовалась «Искра» маской крайнего консерватора, который возмущен Национальным собранием и Тьером и, перечисляя их деяния, рассказывает вместе с тем о причинах, вызвавших Парижскую коммуны.¹ Подобное использование маски находим в упомянутом выше стихотворении Курочкина «Письмо об России Фукидизи-Жен-Ициро...»

Курочкин умело пользовался в своих сатирах еще одним интересным и выразительным приемом. В нескольких его произведениях мы встречаемся с героями русской литературы предшествующих десятилетий; персонажи Фонвизина, Грибоедова, Гоголя, Тургенева, С. Т. Аксакова вновь оживают на их страницах. Так, например, в «Семейной встрече 1862 года» действуют Простакова, Митрофан и Скотинин, Ноздрев, Чичиков, Манилов и Хлестаков, Фамусов, Молчалин, Скалозуб, Загорецкий и многие другие. Все они, оказывается, еще живут и прекрасно себя чувствуют. В сценах «Цепочка и грязная шея» высмеяны реакционные и либеральные публицисты, травившие Чернышевского, выступавшие против передовой мысли

¹ Иван Бестолковий. Парижская сволочь или версальские ганаши. — «Искра», 1871, № 15.

60-х годов. И сами эти публицисты и их идеологическая среда персонифицированы Курочкиным в образах героев «Горя от ума». Удачно использованы им также сюжетные ситуации и отдельные выражения комедии Грибоедова. При помощи этого сатирического приема, получившего впоследствии широкое применение в творчестве Щедрина, поэт достигает не только яркого комического эффекта. Полемизируя с разглагольствованиями о «великих реформах», якобы покончивших со всеми основами социального строя крепостнической России, Курочкин показывает живучесть этих основ и то, что, несколько изменив свою форму, приспособившись к новым условиям, они продолжают благополучно существовать и в пореформенные годы. Поэтому и порожденные крепостнической действительностью Скотинины и Скалозубы благоденствуют и в обстановке пореформенной России.¹

5

С общим характером поэзии Курочкина, с ее идейной, социальной направленностью связаны особенности его поэтического языка. Б. Н. Алмазов, в прошлом член «молодой редакции» «Москвитянина», писал: «Стих Курочкина хотя и не вышел из школы Пушкина и не имеет ничего общего со стихом гг. Мея, Полонского, Майкова и Щербины, но по-своему очень хорош. Это стих рукописных комических стихотворений, стих г. Некрасова, стих лучших пародий Нового поэта — бесцеремонный, но сильный, бойкий и отличающийся затейливыми и звучными рифмами. На Руси существует целая школа такого рода поэзии; отличительная черта поэтов этой школы — уметь укладывать в стих обыкновенную разговорную речь».² В этом полупохвальном, полуснисходительном отзыве отмечены некоторые существенные черты поэзии Курочкина.

Курочкину — и в этом он шел вслед за Некрасовым — была чужда условная поэтическая речь, культивировавшаяся поэтами

¹ То же встречаем и у других искровцев: например, в сценке Минаева «Москвичи на лекции по философии» поклонники философа-идеалиста Юркевича и посетители его публичных лекций, в которых он пытался развенчать материалистическую философию, тоже изображены в виде персонажей комедии Грибоедова, доживших до 60-х годов. Интересно, что при первоначальной публикации сценка была озаглавлена «Старые знакомые или лекции по философии в Москве».

² «Взгляд на русскую литературу в 1858 году». — Сб. «Утро», М., 1859, с. 69.

«чистого искусства». Для него было неприемлемо резкое отделение языка поэзии, «языка богов» от общенародного языка — как разговорной речи, так и языка науки, публицистики и т. п., — которое имеет определяющее значение для поэзии Фета и Майкова, Мея и Щербины, сколь они ни различны в других отношениях. Преодоление этого разрыва было в середине XIX века одним из существенных признаков реализма в поэзии и шло в русле общего развития русского литературного языка. Оно характеризует и общее отношение Курочкина к слову, и лексику, и образную и интонационную ткань его произведений. Курочкин не избегал «прозаизмов», выражений, заимствованных из современной публицистики, простонародных слов и т. п. (при этом — что весьма важно — не только в сатире, но и в лирике). Самое понятие прозаизма для него собственно не существовало; оно возникло на основе совершенно иных эстетических воззрений. Напротив, сугубо «поэтические» слова и словосочетания, в значительной степени стершиеся и превратившиеся в штампы у второстепенных представителей и эпигонов «чистой поэзии», слова и словосочетания, при помощи которых черты реальной действительности опосредствуются традиционными литературными представлениями и ассоциациями, — Курочкин употреблял лишь в пародийном и ироническом контексте. Изысканным метафорам и их прихотливому сочетанию, преобладанию субъективной эмоциональной окраски слова над его логическим смыслом Курочкин противопоставляет предметность слова. Ему нужны такие слова, которые помогают раскрыть и обнажить сущность изображаемых явлений, повернуть эти явления к читателю с новой стороны, показать их в новом свете. «Музыкальности», нередко заглушавшей смысловое наполнение стиха, равно как и «гладкому», а у многих к тому времени уже окаменевшему, застывшему стиху Курочкин противопоставляет, с одной стороны, разговорные интонации сатирического фельетона, а с другой — пафос и эмоциональную насыщенность публицистической лирики.

Особенности поэтического языка Курочкина связаны с его пониманием поэтического творчества и социальной функции искусства. Им было решительно отвергнуто романтическое представление о поэте, который в состоянии экстаза проникает в таинства вселенной и потом творит, вспоминая о том, что предстало его взору. Поэт для него — не романтический «безумец» и не житель Олимпа, свысока озирающий человечество, а борец, трибун и общественник, тесно связанный со своим временем, со своим народом, болеющий его страданиями, разделяющий его чаяния, прославляющий «блеск

его великих дел»; в таком поэте народ видит своего «учителя» и потерю его переживает как подлинное горе:

Угас поэт — народ осиротел.

(Стихотворение на смерть Беранже
«18 июля 1857 года»).

Замкнутый мир условных поэтических понятий, сквозь призму которых воспринимали все жизненные впечатления представители «чистой поэзии», тематическая узость их творчества (по преимуществу лирика любви и природы) и игнорирование больших социальных проблем, волновавших передовые круги русского общества, были глубоко враждебны Курочкину. Вместе с Некрасовым он считал несвоевременным и неуместным «красу долин, небес и моря и ласку милой воспевать» («Поэт и гражданин»). Не то, чтобы эти темы были совершенно изгнаны из его поэзии, — они присутствуют в ней, но не занимают преобладающего места и наполнены совсем иным содержанием. В лирике Курочкина совсем не те настроения и переживания, что у представителей «чистой поэзии» 50—60-х годов, иной общий колорит, иной лирический герой; они написаны как бы от имени измученного жизнью разночинца-демократа. Наконец, ориентация на узкий круг любителей, оценка своего собственного творчества как творчества «для немногих» сменилась у Курочкина и других поэтов некрасовской школы установкой на широкую демократическую аудиторию, на действенность и доходчивость стиха.

Курочкин и его соратники стояли за предельную простоту формы. Однако свое стремление к простоте и доходчивости они резко отделяли от намеренного упрощения, от пошлой и примитивной лженародности. «Стремление выражать идеи в доступной каждому форме не должно переходить в ту оскорбительную, барскую замашку *снисходить* до мужицкого мирозерцания, с каким многие часто адресуются к народу. Так, многие имеют пошлую привычку, разговаривая с детьми, коверкать по-детски слова и картавить. Ясности это не только не помогает, а даже вредит».¹ Лженародность и сюсюканье, равно как и либерально-обличительная поэзия, наиболее типичным представителем которой был Розенгейм, поэзия с обнаженной и крайне куцой тенденцией, лишенная каких бы то ни было художественных достоинств, — вызывали у искровцев не меньший отпор, чем «искусство для искусства». Та простота, та заостренность и целенаправленность стиха, которой добивались

¹ <И. И. Дмитриев>. Расшаркивающееся искусство. — «Искра», 1863, № 38, с. 527.

искровцы, являлась итогом серьезной работы над словом, серьезных исканий в области поэтической формы.

Критики враждебного лагеря неоднократно писали, что у искровцев есть бойкие куплеты на злобу дня, но куплеты эти не имеют-де ничего общего с подлинным искусством. Искровцы — и в первую очередь Курочкин — действительно очень часто и охотно пользовались куплетами и довели технику куплетов с рефреном до большого мастерства. Такое отношение к куплету, как к очень доходчивой форме, вполне естественно у поэтов, ориентировавшихся на широкие круги демократических читателей. «Когда-то Василий Курочкин, классический представитель сатирического куплета в русской литературе прошлого, — пишет Н. Смирнов-Сокольский, — избрал такую форму для своего творчества потому, что куплет легок, певуч, быстро запоминается. Эти качества делают его популярным, звонким, острым, летучим. Он прилипает к тому, кого разит, он сопровождает его, жалит, уничтожает! Именно поэтому писатель-сатирик В. Курочкин избрал жанр куплета для своих литературных выступлений».¹

Обратившись к куплету с рефреном, Курочкин не мог не учесть поэтического опыта французских песенников, в первую очередь Беранже, Дюпона и др., с которыми у него были и существенные идейные связи. В процессе выработки своей поэтической техники он использовал и некоторые особенности русского водевильного куплета 30—40-х годов. Стихотворения, написанные от имени разоблачаемого поэтом лица, иногда напоминают монолог, как бы извлеченный из водевиля. За это сходство с водевилем Курочкина и других искровцев, как, впрочем, и Некрасова, не раз упрекали представители враждебной критики. Давний враг революционной демократии и передового демократического искусства Н. Н. Страхов писал о Некрасове в 1870 г.: «Стихи его по тону и манере очень часто сбиваются на водевильные куплеты того особого рода, который некогда процветал в нашей „Александринке“».² Подобно другим критикам либерального и реакционного лагеря, Страхов совершенно искажал подлинную картину. Заимствуя из водевиля легкость, бойкость, доходчивость стиха, технику каламбура и т. п., Некрасов и искровцы поставили их на службу передовым идеям своего времени. Но об этом, конечно, предпочитали умалчивать их политические и литературные враги, представляя дело таким образом, что рево-

¹ Н. Смирнов-Сокольский. Сатиру — на эстраду! — «Лит. газета», 1953, № 17.

² «Заря», 1870, № 9, с. 139. Ср. аналогичный отзыв об искровцах критика В. К. Иванова — «Отеч. записки», 1862, № 8, с. 414—415.

люционные поэты механически возрождают давно уже потерявшие всякое значение пустые, бессодержательные водевильные куплеты.

В литературном наследии Курочкина пародия не занимает такого большого места, как в поэзии Добролюбова или Минаева. Но и у него есть ряд удачных пародий на Фета и Полонского, Вяземского, Соллогуба, славянофилов. Не следует, однако, принимать за пародию обычное в сатирах Курочкина и других искровцев и очень характерное для их поэтики использование отдельных строк, строения строфы, сюжетной схемы, персонажей из произведений многих поэтов предшествующих им десятилетий. Иначе «Явление гласности» Курочкина — сатиру на либерального публициста Громеку — пришлось бы признать пародией на «Истину» Баратынского, эпиграмму на Чичерина «Слышу умолкнувший звук ученой Чичерина речи» — пародией на двустипхию Пушкина «Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи», стихотворение «Есть речи — значенье Нелепо и ложно», направленное против мракобеса Аскоченского, — пародией на «Есть речи — значенье Темно или ничтожно» Лермонтова, «Цепочку и грязную шею» — пародией на «Горе от ума» Грибоедова, «Ах, где та сторона? ..» Минаева — пародией на известную агитационную песню Рылеева и Бестужева «Ах, где те острова» и т. д. Во всех этих случаях ни о какой пародии не может быть и речи: уже самое сочетание имен — Пушкин, Лермонтов, Баратынский, Грибоедов, Рылеев (а список этот можно увеличить) — заставляет подозрительно отнестись к такому предположению. Тогда и насмешку над Паклиным в «Нови» Тургенева «Трусават был Паклин бедный» пришлось бы признать пародией на «Вурдалака» Пушкина. С этой точки зрения «Евгений Онегин нашего времени» Минаева — пародия на «Евгения Онегина» Пушкина. Но пародия всегда связана с дискредитацией поэтической системы пародируемого писателя или идейного смысла данного произведения, а в перечисленных и многих других случаях этого нет. В отличие от пародий подобное использование литературных источников можно условно назвать «перепевом», разумеется не в обычном смысле, т. е. не в смысле подражания. Таких «перепевов» у Курочкина очень много, и они имеют весьма разнообразный характер: одни охватывают все стихотворение, другие — одну или несколько строк; в одних случаях поэт использует строение строфы, в других — сюжетную ситуацию и т. д. В «перепевах» могут быть иногда элементы пародии, но основная их направленность иная. Широко известная сюжетная схема, ритмико-синтаксическая структура стихотворения, слегка измененная словесная формула прилагаются

к высмеиваемому в сатире материалу, и неожиданность такого применения, разрушающая круг привычных ассоциаций, создает комический эффект. Непременным условием комического эффекта является широкая известность используемого источника. Но смех направлен не против этого литературного источника «перепева», а против объекта сатиры.¹

6

В литературной работе искровцев большое место занимали переводы. Общекультурная роль этих переводов была очень велика. Широкие круги русской читающей публики знакомились по ним с западноевропейскими классиками; искровцы впервые перевели на русский язык многие классические произведения европейской поэзии. Особенное внимание уделяли они, естественно, крупнейшим революционным поэтам XIX в., в первую очередь Беранже и Гейне, затем Барбье, Гюго, Джюсти и др. Переводы этих поэтов пользовались популярностью в демократических слоях русского общества и содействовали революционизированию общественного сознания.

Вершиной переводческой деятельности искровцев являются песни Беранже в переводе Курочкина.

Беранже знали в России еще в 20—30-е годы XIX в. Тогда же появились и первые переводы его стихотворений на русский язык. Французский поэт приобрел некоторое количество почитателей, в числе которых был, например, В. Л. Пушкин.² Но в ту эпоху и на Западе и в России Беранже считали, по выражению Чернышевского, преимущественно «поэтом гризеток»;³ фривольные мотивы, изъятые из всего контекста его поэзии, получали вследствие этого совсем иное звучание, иной смысл. Пушкинский Нулин возвращается из Франции «с *bons-mots* парижского двора, с последней песней Беранжера». Такое отношение к Беранже не исчезло, впрочем, и в следующие десятилетия. Алексей Толстой отозвался о нем как об «апостоле безнравственности» (письмо к жене от 3 июля 1855 г.).⁴

¹ Нечто аналогичное происходит, когда слова стихотворения сочетаются с популярной, но явно неподходящей мелодией. Комический эффект проистекает из указанного несоответствия, и было бы странно говорить о пародировании мелодии. Пример такого сочетания см. в книге Т. Л. Щепкиной-Куперник «Театр в моей жизни», М.—Л., 1948, с. 289.

² П. В. Анненков. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874, с. 18.

³ «Очерки гоголевского периода русской литературы». — «Современник», 1856, № 9; Полное собр. соч., т. 3. М., 1947, с. 213.

⁴ Полное собр. соч., т. 4. СПб., 1908, с. 70.

А. В. Дружининым Беранже охарактеризован как «певец анакреонтических предметов, достойных самой ветреной юности». ¹ Но уже в 30-е годы в России были читатели, знавшие другого Беранже: в среде революционно настроенного студенчества Московского университета, из которого вышли Герцен и Огарев, Белинский и Бакунин, с большим увлечением распевались политические песенки Беранже. ² Немало глубоко сочувственных упоминаний о Беранже встречаем на страницах статей, воспоминаний и писем Герцена. Белинский в одной из статей о Пушкине назвал Беранже «народным поэтом» Франции; в 1841 г. он писал В. П. Боткину, что «боготворит» Беранже: это «апостол разума», «бич предания», «пророк свободы гражданской и свободы мысли». ³ Так же воспринимали Беранже и петрашевцы, в том числе Спешнев, Дуров, молодой Достоевский; он был одним из их любимых поэтов. ⁴ В известном словаре иностранных слов Кирилова к статье об оде приделана непосредственно не относящаяся к теме концовка, где дана высокая оценка поэзии Беранже. Автор статьи (по всей вероятности, М. В. Петрашевский) говорит о большой любви французов к своему поэту и подчеркивает, что в их глазах Беранже не «простой народный весельчак», а политический поэт, песни которого, «несмотря на легкую, шутиливую форму», имеют «глубокий смысл». Кончается статья об оде цитатой из стихотворения Беранже «Кардинал и песенник», написанного им в тюрьме. ⁵ В 1845 году — как раз в пору своей близости к кружку Петрашевского — сборник переводов из Беранже, «поэта истины, поэта будущего», ⁶ намеревался выпустить Ап. Григорьев, вызвав этим неудовольствие М. П. Погодина.

Все же широкую читательскую аудиторию Беранже приобрел в России только в 50—60-е годы. Разумеется, и тогда не было единого взгляда на его поэзию. Высоко оценивали ее передовые круги рус-

¹ «Повести и рассказы И. С. Тургенева». — «Библиотека для чтения», 1857, № 5; Собр. соч., т. 7. СПб., 1865, с. 346.

² Н. И. Сазонов. Александр Герцен. — «Лит. наследство», № 41—42. М., 1941, с. 196.

³ Письма, т. 2, СПб., 1914, с. 250.

⁴ «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», 1953 (по указ.); П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Мемуары, т. 1. П., 1917, с. 199, 202; Д. Д. Ахшарумов. Из моих воспоминаний. СПб., 1905, с. 19; «Петрашевцы», т. 3. М.—Л., 1928, с. 162 (ср. вступит. статью В. В. Жданова к сб. «Поэты-петрашевцы». Л., 1940, с. XXII).

⁵ «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка», изд. Н. Кирилова, вып. 2. СПб., 1846, с. 269.

⁶ «А. А. Григорьев. Материалы для биографии». П., 1917, с. 104.

ского общества. Так, Добролюбов, разделяя точку зрения Белинского, подчеркивал глубоко народный характер поэзии Беранже. Беранже, писал он в 1858 г., «был... одним из немногих людей, обладающих... высшим, гуманным взглядом. Очень может быть, что он и не выработал своих воззрений с последовательностью и строгостью теоретика, но он ясно сознавал и сильно чувствовал их инстинктом своей благородной натуры. Инстинкт этот далеко возвышался над мелкими интересами враждебных партий; он всею силою своей направлялся в одну сторону — к достижению блага народного. Кто более делал или даже только желал, обещал сделать для народа, кто приобретал народную любовь, к тому стремились и симпатии поэта».¹ Большую революционную роль поэзии Беранже отметил в том же 1858 году и Чернышевский в статье «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X».² На протяжении всей своей жизни он не изменил своего отношения к французскому поэту. Чернышевский читал Беранже еще в молодости;³ в «Очерках гоголевского периода русской литературы» он назван в ряду крупнейших писателей, произведения которых «чпущены идеями гуманности и улучшения человеческой участи»;⁴ во время заключения в Петропавловской крепости песни Беранже были у Чернышевского и в оригинале и в переводе Курочкина;⁵ там же он переводил отрывки из «Моей биографии» Беранже;⁶ наконец, уже в 80-е годы, говоря о риторике, ходульности и абстрактности французской поэзии, Чернышевский заметил: «Исключений мало, кроме Беранже».⁷ В одной из своих заграничных корреспонденций, печатавшихся в «Современнике», М. Л. Михайлов резко отозвался о песнях Г. Надо, «полных самого противного эпикуреизма». В частности, в своей песне, обращенной к Беранже, Надо, по словам Михайлова, «говорит о первом французском поэте нашего столетия почти единственно как о певце вина и женщин. Уж из этого видно, какой глубокий взгляд у Надо».⁸

¹ «Современник», 1858, № 12; Полное собр. соч., т. 1. 1934, с. 464.

² «Современник», 1858, № 9; Полное собр. соч., т. 5. М., 1950, с. 276.

³ Записи в дневнике 1849 г. — Полное собр. соч., т. 1. М., 1939, с. 342, 344.

⁴ Полное собр. соч., т. 3. М., 1947, с. 302.

⁵ Полное собр. соч., т. 14. М., 1949, с. 489, 840.

⁶ П. Щеголев. Чернышевский в равелине. — «Звезда», 1924, № 3, с. 76.

⁷ Полное собр. соч., т. 15. М., 1950, с. 404.

⁸ Мих. Михайлов. Парижские письма. — «Современник», 1858, № 9, с. 277.

В то время как Добролюбов, Чернышевский, Михайлов и другие идейно близкие к ним люди 50—60-х годов настойчиво подчеркивали революционную сущность поэзии Беранже, органы русского либерализма всячески стремились затушевать и выхолостить ее. Они по преимуществу выделяли примирительные нотки его поэзии, то, что «за несходство в политических мнениях он никогда не спорил» и т. д.;¹ говоря о добrote и великодушии Беранже, критики утверждали, что цель его произведений, изображающих бедность и злосчастье, — «не раздражать страждущего против судьбы, а лить целебный бальзам на душевные раны».² В либеральной и реакционной прессе можно найти также немало откровенно недоброжелательных, резко отрицательных отзывов о поэзии и личности Беранже. Журналист «Орел» назвал Беранже Поль де Коком в поэзии и порицал «Искру» за печатание его «переводных бредней», будто бы несовместимых с прогрессивным направлением журнала.³ «Между тем как основательнейшие французские критики, в том числе знаменитый Вильмен, осуждают Беранже и указывают ему настоящее его место, — совершенно недвусмысленно заявляла «Живописная русская библиотека» Кс. Полевого, — наши умники переводят песенки французского умника, восхищаются им и пользуются крошками его славы, уже точно разлетевшейся на крошки во Франции».⁴ Со своей стороны цензура включала французские издания песен Беранже в число запретных для русского читателя книг и нередко препятствовала появлению переводов, то вовсе запрещая, то грубо искажая их.⁵

Борьба вокруг Беранже в русской критике 50—60-х годов не являлась отвлеченным академическим спором, а была непосредственно связана с острыми литературно-общественными вопросами тех лет. Скомпрометировать французского революционного поэта значило, по мысли враждебно к нему настроенных критиков, в известной степени ослабить аналогичные русские литературные явления. Насколько актуальны были споры о Беранже, видно также из одного эпизода, рассказанного в воспоминаниях А. Я. Панаевой и относящегося, по ее словам, к началу 50-х годов. Упрекая Некра-

¹ «Северный цветок», 1857, № 9, с. 5.

² «Библиотека для чтения», 1858, № 4, «Лит. летопись», с. 13.

³ А. Полониус. О гласности. — «Орел», 1859, № 2, с. 40.

⁴ «Беранже перед судом критики». — «Живописная русская библиотека», 1859, № 36, с. 285.

⁵ Некоторые данные об этом см. в статье И. Я. Айзенштока «Французские писатели в оценках царской цензуры» — «Лит. наследство», № 33—34. М., 1939, с. 798—800, а также в примечаниях к настоящему изданию.

сова в пристрастии к «грубой реальности», Тургенев и Боткин советовали ему бросить «описывать гнойные язвы общественной жизни» и «воспевать любовь ямщиков, огородников и всю деревенщину». Боткин напал на Некрасова за его признание, что он пишет не для светского общества и был бы вполне удовлетворен, если бы хоть после его смерти русский мужик читал его стихи. При этом Боткин иронизировал над стремлением Некрасова быть «русским Беранже», а Тургенев стал доказывать, почему в русских условиях он невозможен.¹

Появление небольшого сборника песен Беранже в переводах Курочкина стало крупным литературным событием. С. В. Максимов, характеризуя в своих воспоминаниях о П. И. Якушкине конец 50-х годов, писал: «Литература в это время заручилась уже «Губернскими очерками». Песни Беранже в прелестных переводах и счастливых переделках В. С. Курочкина входили во вкус и сильно увлекали».² Л. Ф. Пантелеев вспоминает, что большую часть переводов Курочкина из Беранже он знал наизусть.³ В отличие от других переводчиков Беранже (лучшими до него были переводы Д. Т. Ленского), Курочкин дал русскому читателю подлинного революционного поэта. Не случайно в предисловии к 6-му изданию «Песен Беранже» (1874) он так высоко оценил рецензию Добролюбова и перепечатал часть ее в качестве вступительной статьи к книге. О том, как Курочкин понимал французского поэта, говорит и написанная им самим краткая биография Беранже, появившаяся в этом издании. Сначала к переводам Курочкина сочувственно отнеслись и некоторые представители умеренного лагеря. Но вот проходит три-четыре года, классовые противоречия в стране все больше обостряются, все более определяется политическая физиономия Курочкина как редактора «Искры» и поэта — и «Отечественные записки» Краевского печатают «разгромную» статью по поводу 4-го издания «Песен Беранже»,⁴ Щербина сочиняет грубую эпиграмму⁵ и т. д.

¹ А. Я. Панаева. Воспоминания. 1948, с. 344—345.

² П. И. Якушкин. Сочинения. СПб., 1884, с. 1.

³ «Из воспоминаний прошлого». М.—Л., 1934, с. 33. О широкой популярности переводов Курочкина в самых различных читательских кругах см. также «Н. А. Лейкин в его воспоминаниях и переписке». СПб., 1907, с. 152; Н. С. Русанов. На родине. М., 1931, с. 38.

⁴ Т. Талычева. Беранже и его переводчик. — «Отеч. записки», 1862, № 9. Рецензент «Книжного вестника» не без язвительности писал, что Талычева «недовольна, повидимому, не столько переводами г. Курочкина, сколько тем, что он издает „Искру“» (1864, № 16, с. 310).

⁵ «Русская старина», 1907, № 4, с. 198.

Каковы же те принципы, которые характеризуют Курочкина — переводчика Беранже?

В переводах Курочкина есть немало пропусков и изменений, вызванных цензурными условиями того времени. Систематически исключал он, например, нелестные и «кощунственные» упоминания о монархах, скипетре, короне, боге и пр. («Падающие звезды», «Старый капрал», «Кукольная комедия», «Сон бедняка», «Пир на весь мир» и др.). Отмечая в целом ряде вещей такого рода «смягчения» оригинала, отсутствие в них присущей Беранже «силы и свободы выражений», Добролюбов недвусмысленно писал: «В большей части подобных случаев мы не обвиняем г. Курочкина: его перевод назначался для русской публики и потому, кроме личного искусства переводчика, требовал еще соблюдения некоторых других условий, не существовавших для французского поэта».

Но наряду с этими вынужденными смягчениями оригинала Курочкин нередко вносил в песни Беранже отдельные изменения и совершенно независимо от цензуры. В предисловии к первому и последнему изданиям своих переводов он сам характеризовал их как отчасти переводы, отчасти «переделки», в которых он, впрочем, тоже стремился «не изменять духу подлинника».

Характеры, бытовые черты, общественно-политические отношения, обрисованные в переводных произведениях, русский читатель издавна привык применять к аналогичным явлениям окружающей его социальной действительности. Подобным образом воспринимались, конечно, и песни Беранже. Одной из существенных особенностей переводов Курочкина было то, что он активно содействовал такому восприятию.

Поэт прибегал при этом к разнообразным приемам. Французские имена он очень часто заменял русскими или, во всяком случае, более привычными для русского уха, либо вовсе опускал их. Так Жан и Жаппе заменены Ваней и Машей в «Иван да Марья» (характерно самое заглавие «Иван да Марья» вместо «L'ivrogne et sa femme» — «Пьяница и его жена» — у Беранже), Petronille — Федосьей в «Третьем муже»; «Le roi d'Yvetot» («Король Ивето») озаглавлен «Царь Додон». Совсем отсутствуют у Курочкина Collin в «Слепой матери», Lindor и Valère — в «Бабушке», Babet — в «Слепом нищем» и т. д. Lindor'у соответствует «юнкер», Mondor'у — «улан», а Clitandre'у — «студент» в «Расчете с Лизой», Robert'у — «землячок» в «Старом капрале». И наоборот, вместо moutard (малый) в «Уроке» появляется Митя.

В ряде случаев исчезли географические названия, что создавало возможность расширительно толковать сюжет и отдельные образы

стихотворения и облегчало читателям перенесение места действия в Россию. «L'aveugle de Bagnolet» озаглавлен Курочкиным «Слепой нищий»; нет упоминания о Bagnolet и в тексте перевода. Нет упоминания о Париже в рефрене «Пира на весь мир». В «Соловьях» речь идет опять-таки не о Париже, как у Беранже, а вообще о «столице веселья и слез»; благодаря этому все, о чем говорится в стихотворении, могло быть в равной степени применено и к русской столице.

Лексика переводов Курочкина действовала на восприятие читателей в том же направлении. Поэт вводил иногда такие слова, которые придавали содержанию песен Беранже русский колорит. Он сознательно употреблял кое-где разговорные и идиоматические выражения, диалектизмы и пр. Таковы «готов» (в смысле «пьян») в «Весне и осени», «налей-ка мне по рубчик» в «Расчете с Лизой», «детина» в «Будущности Франции», «стоит двух, кто не был бит» в «Уроке»; в том же стихотворении вместо «sergent» — унтер, в «Песни труда» вместо «soldats» — служивые, в «Царе Додоне» вместо «sujets» (подданные) — парни и т. д. В уже дважды упомянутом «Уроке» вместо «А, В, С» в рефрене каждый раз повторяется «Буки-аз, буки-аз», а в переводе строк «n'a tu pas de honte De prendre un *n* roug un *u* ?» (не стыдно ли тебе принимать «п» за «и»?) появляется: «Это *и*же, а не *наш*». Не то важно, конечно, что французское «и» заменено русским «и»; это совершенно естественно, поскольку речь идет о смещении букв, имеющих сходное начертание; более существенно, что все буквы носят у Курочкина старинные русские названия. Вместе с именем «Митя», выражением «стоит двух, кто не был бит» они сразу переносят нас в русскую обстановку.

Повторяю, мы имеем дело не с бессознательным приспособлением переводимых произведений к своей собственной стилистической системе, свойственным большинству переводчиков, а с вполне осознанными и последовательно проводившимися переводческими принципами. В ряде переводов специфически французские бытовые явления и понятия опять-таки заменены русскими. Вместо «petits jesuits bilieux» (маленьких желчных иезуитов) мы находим у Курочкина «мелких, но чутких шпиончиков» и «чиновничков, ловких в крючках» («Будущность Франции»). В стихотворении «Кукольная комедия» («Les nègres et les marionnettes») говорится об английском капитане, который вез негров «из Африки далекой» в Америку; негры мрут как мухи; капитан, чтобы поднять их настроение, показывает им театр марионеток и т. д. И вот Курочкин заменил полишинеля Петрушкой, а «monsieur le commissaire» (комиссара) — бу-

дочником, т. е. натолкнул читателя на то, чтобы видеть в неграх не только негров, но и русских крепостных, а в работорговце, везущем их на невольничий рынок, — отечественное «благородное сословие». Недаром этот перевод, как особенно вредный с точки зрения цензурного ведомства, был в 1866 г. вырезан из «Собрания стихотворений» Курочкина. В «Сне бедняка» исчезло решительно все, что прикреплает действие к Франции. В рефрене вместо «Voici venir l'huissier du roi» (вот идет судебный исполнитель) все время повторяется «Подать в селе собирают с утра», а вместо имени крестьянина «Jacques» — «кормилец»; заглавие тоже вместо «Jacques» — «Сон бедняка». Таким образом, этот разоряемый непосильными налогами крестьянин в переводе Курочкина столько же русский, сколько француз, и, пожалуй, даже скорее русский: в стихотворении несколько раз повторяется специфически русское слово «кормилец», а в одном месте даже «вечор» («Боже! недаром стонал он вечор»). В «Доброй фее» появляется «зерцало», отсутствующее, конечно, у Беранже («Перед зеркалом глядела Фея в судейский устав»). Небезинтересно, что в «Пронхождении богов» вместо вампиров и пр. фигурируют лешие и домовые.

Всеми этими и некоторыми другими способами Курочкин, как уже было указано, переключал песни Беранже в план русских общественных отношений. Иногда же он вводил в текст Беранже прямые указания и намеки на факты русской политической и общественной жизни. Один из наиболее ярких примеров («Навуходоносор») был в иной связи приведен выше. В «Господине Искарриотове» прекрасно переданы общий замысел и построение «Monsieur Judas», но отдельные детали тоже почти все приближены к русской обстановке 60-х годов. У Беранже нет строк о «гласности», о «всеобщем эле от взятка» и т. д. Как видно из черновых набросков на полях принадлежавшего ему экземпляра песен Беранже, Курочкин, приступая к переводу этого стихотворения, сразу решил заменить ряд оригинала другими: возле второй строфы он написал «гласность», возле третьей — «взятки». В стихотворении «Над цензурой, друзья» это сказалось наиболее резко. Курочкин перевел только рефрен из «La censure» Беранже, а остальные два четверостишия — о министрах Головнине и Путятине, о реформах, о Герцене — полностью принадлежат, разумеется, ему самому.

Эта черта переводов Курочкина особенно беспокоила правительственные круги, хотя и само по себе творчество Беранже, называвшего свои песни стрелами, пущенными в трон, бюрократию, церковь, буржуазию, было для них абсолютно неприемлемо. Самый выбор песен Беранже для переводов был во многих случаях тесно

связан с фактами политической жизни России. Чиновник особых поручений министерства внутренних дел граф П. И. Капнист писал о Курочкине в «Очерке направления русской лирической поэзии с 1654 по 1864 г.», составленном по поручению министра внутренних дел Валуева: «Обладая легким, гибким и звучным стихом, г. Курочкин посвятил себя преимущественно не переводам, а переделке на русский лад песен Беранже. Сохраняя часто дух подлинника, он очень ловко умеет применять разные куплеты Беранже к нашим современным обстоятельствам, так что, в сущности, Беранже является только слепым орудием, и под прикрытием его имени г. Курочкин преследует свои цели, например: известно, как в последнее время пристрастно смотрит периодическая литература наша на отношения нашего дворянского сословия к народу; г. Курочкин, принадлежа к гонителям высших слоев нашего общества, переводит известную пиесу Беранже «Маркиз де Караба», где между прочим находятся подобные стихи:

...Слушать, поселяне!
К вам, невеждам, дряни,
Сам держу я речь.
Я — опора трона»
и т. д.¹

Нечто аналогичное можно сказать о возникновении ряда других переводов. Когда в связи с ростом революционного движения шпион, агент тайной полиции становится бытовым явлением русской жизни, Курочкин переводит «Господина Искарियोтова». Характерно, что в те же годы появляются стихотворения других искровцев на эту тему: «Голубое домино» Н. Курочкина, «Кто он?» Мишаева, «Некто» Жулева и др., а также целый ряд карикатур в «Искре». В связи с революционной ситуацией начала 60-х годов и надеждами демократических кругов на то, что в ближайшее время в России произойдет переворот, Курочкин переводит стихотворение «Птицы». Беранже написал его на прощание своему другу поэту Арно, изгнанному из Франции в 1816 г. Курочкин же, по свидетельству современников, переводя «Птиц», имел в виду Герцена и Огарева.² Это к ним относятся прочувствованные строки рефрена:

¹ «Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие и отечественной журналистики за 1863 и 1864 гг.». СПб., 1865, с. 104.

² А. Пятковский. Две встречи с А. И. Герценом. — «Наблюдатель», 1900, № 2, с. 289—290; «Русская муза», сост. П. Я. Кузович. 2-е изд., СПб., 1907, с. 269. Намекает на это и чиновник

Зима их выгнала, но к нам
Они воротятся весною.

К переводу «Самоубийц» сам он сделал такое примечание: «Стихотворение это написано Беранже лет сорок тому по случаю самоубийства двух французских литераторов, крайне юных, Огюста Лебрá и Виктора Эскусса. Конечно, «соловья баснями не кормят», и стихами никого от самоубийства, так же как и ни от чего иного, не удержишь. Тем не менее, ввиду постоянно увеличивающегося числа самоубийств, переводчику казалось уместным ознакомить русских читателей с этою песнью Беранже». Заслуживает быть отмеченным и такой факт приближения Беранже к современности. В перевод стихотворения «*Les infiniment petits où la gérontocratie*», напечатанный под заглавием «Будущность Франции» летом 1871 г., Курочкин ввел строку «Париж войсками осажден», которая, без сомнения, напоминала читателям о недавних событиях франко-прусской войны и Парижской коммуны.

Историческая роль и идейное содержание переводов Курочкина метко охарактеризованы в стихотворении Демьяна Бедного «Знаменательные поминки». Демьян Бедный говорит здесь о том, как Курочкин, «Прикрывая усмешкой язвительность, Балансируя на цензурном ноже, Разъедал крепостную действительность Мотивами Беранже». ¹

Разумеется, не все переводы Курочкина равноценны: в некоторых из них есть невыразительные места, слишком закругленные фразы, более «высокая» лексика, чем у Беранже, не переданы существенные детали. Но большая часть представляет собою своеобразные, высоко поэтические создания. Переводчик не следовал в них слепо за оригиналом. Он не всегда сохранял неизменным количество строк в строфе, ее метрический рисунок, расположение рифм, менял, как мы видели, отдельные мотивы, заглавия. Но не стремясь к буквальной точности перевода, Курочкин великолепно

особых поручений министерства внутр. дел Ю. М. Богушевич в своем донесении о журнале «Век»: «„Птицы“ Курочкина — аллегорическое воззвание к каким-то вольным птицам и голосам, улетевшим от нас и долженствующим скоро возвратиться» (ЦГИАЛ. Дело Особ. канцелярии министра нар. просвещения, 1862, № 94, л. 36 об.).

¹ «Лит. газета», 1932, № 32. Те же переводческие принципы лежат в основе ряда других произведений Курочкина, в первую очередь — «Принца Лутони». Недаром в предисловии к «Принцу Лутоне» Курочкин называет себя «автором-переводчиком». Но есть у него и переводы иного типа — например, переводы Барбье, Мюссе и др.

передал в большинстве случаев и идейный смысл и общие художественные принципы оригинала и в то же время, по выражению одного критика, «сделал Беранже как бы русским народным поэтом». ¹ Нередко в переводах Курочкина хорошо передана интонационная основа стиха Беранже. По словам К. И. Чуковского, «отчетливость синтаксиса, выразительность и блеск интонаций» являются главным достоинством и Василия Курочкина и второго замечательного переводчика этой эпохи — М. Михайлова. ² Очень удавались Курочкину рефрены песен Беранже, бывшие камнем преткновения для целого ряда переводчиков. Многие он перевел совершенно точно («Весна и осень», «Старушка», «Слепой нищий», «Лиза», «Фортуна» и др.), другие — близко к оригиналу («Как яблочко, румян», «Старый капрал», «Анюта»), а некоторые просто заменил своими, для них оригинал послужил лишь исходным пунктом. Так, например, не Беранже, а Курочкину принадлежат широко известные и близкие по своему духу к поэзии Беранже рефрены «Слава святому труду...» из «Песни труда» («Les gueux») и «Какое счастье! Честь какая! Ведь я червяк в сравнении с ним!» и т. д. из «Знатного приятеля» («Le sénateur»).

Современники считали переводы Курочкина из Беранже одним из самых значительных явлений литературы 60-х годов. И действительно, они принадлежат к числу тех творческих переводов, вернее пересозданий, которые органически входят в русскую литературу и воспринимаются как оригинальные произведения.

7

Выше уже было отмечено, что современники — представители противоположных литературно-общественных направлений — давали поэзии и журналистской деятельности Курочкина диаметрально противоположную оценку. Это нашло свое выражение в двух близких по времени отзывах.

Критик Н. И. Соловьев в своей программной статье «Вопрос об искусстве», направленной против материалистической эстетики Чернышевского и Добролюбова, говорит между прочим об упадке современной поэзии. Главной причиной этого упадка, «убившей наповал нашу стихотворную поэзию», он считает «обычай Добро-

¹ Заурядный читатель <А. М. Скабичевский>. Мысли по поводу текущей литературы. — «Бирж. ведомости», 1875, № 230.

² «Искусство перевода». М.—Л., 1936, с. 153.

любова, Курочкина, Минаева и других — писать стихи не только без предварительного упражнения, но и без всякой природной способности выражаться в стихах». ¹ Соловьев отказывает Курочкину, равно как Добролюбову и другим сатирикам демократического лагеря, не только в подлинном поэтическом даровании, серьезности одушевлявших его идей и эмоций, но даже в простом техническом умении.

Через четыре года, тоже в «Отечественных записках», но к тому времени уже перешедших в руки Некрасова, появилась небольшая рецензия на собрание стихотворений Курочкина. Автор ее пишет, что до сих пор большинство русских читателей было знакомо с Курочкиным как с хорошим переводчиком Беранже и других европейских поэтов, а теперь «оказывается, что лучшие оригинальные юмористические стихотворения, печатавшиеся в «Искре» под разными псевдонимами, также принадлежат перу этого писателя». Коснувшись нередко высказывающихся мнений о поверхностности и мелочности современной сатиры, в которых есть значительная доля правды, рецензент отмечает, что «они, во всяком случае, не могут относиться к г. Курочкину»; его стихотворения, «всегда живые и меткие, по временам захватывают очень серьезные явления нашей общественной жизни» и проникнуты «теми идеалами добра и правды, без которых сатира не может быть плодотворною». ² «Крупным талантом» считал Курочкина Некрасов. ³

Буржуазно-дворянская критика конца XIX — начала XX в., в борьбе с идейным наследием 60-х годов, стремилась затушевать в сознании читателей имена революционных писателей. И если она не в силах была сделать это по отношению к Чернышевскому и Добролюбову, Некрасову и Щедрину, то это в известной степени удалось ей по отношению к менее крупным именам. Среди буржуазной интеллигенции пренебрежительное отношение к Курочкину и другим поэтам некрасовского направления было общепринятым. Они почти не изучались. Критики и историки литературы, охотно занимавшиеся второстепенными и третьестепенными поэтами другого лагеря, за немногими исключениями, совершенно игнорировали Курочкина. Достаточно указать, что в пятитомной «Истории русской литературы XIX в.» под редакцией Д. Н. Овсяннико-Куликовского имя его лишь мельком упоминается. В «Истории русской

¹ «Отеч. записки», 1865, август, кн. 2, с. 643.

² «Отеч. записки», 1869, № 3, с. 90.

³ П. Безобразов <П. В. Григорьев>. Воспоминания о Некрасове. — «Правда» (Женева), 1883, № 19, с. 8.

поэзии» Н. Кадмина прямо говорится, что оригинальные произведения Курочкина «никакого литературного значения не имеют». ¹

Зато в демократических и революционных кругах русского общества не только 60-х годов, но и последующих десятилетий имя Курочкина пользовалось большой симпатией и популярностью. Писатель Скиталец (С. Г. Петров) рассказывает в своих воспоминаниях, что его отец — крестьянин-самоучка, человек, по его словам, очень способный и оригинальный, много читавший и думавший, хотя и безграмотно писавший, — «декламирровал наизусть почти всего Беранже в переводе Курочкина». ² Горький еще в детстве читал «Искру», ³ а также хорошо знал и на всю жизнь запомнил переводы Курочкина из Беранже. Об их воздействии на его юношеские переживания и настроения мы узнаем из повести «В людях». ⁴ В статье «О том, как я учился писать» имя Курочкина названо рядом с Пушкиным, Лермонтовым и Некрасовым: «Стихи писал я легко, но... презирал себя за неуменье, за бездарность. Я читал Пушкина, Лермонтова, Некрасова, переводы Курочкина из Беранже и очень хорошо видел, что ни на одного из этих поэтов я ничем не похож». ⁵ В уста Актера из «На дне» Горький вложил строки из «Безумцев» Беранже: «Господа, если к правде святой Мир дорогу найти не умеет» и т. д. и способствовал тем самым их широкой известности. Высоко оценил он историческую роль «Искры» Курочкина в своем курсе истории русской литературы (1907—1909). ⁶ К Курочкину и «Искре» Горький не раз обращался в своих письмах и статьях советских лет.

Н. К. Крупская неоднократно вспоминала о том, какой популярностью пользовались поэты «Искры» у людей ее поколения, в семье Ульяновых, как много стихотворений искровцев знал Ленин. В своей статье по поводу сборника «Поэты „Искры“» она писала о большом влиянии этой поэзии на революционную молодежь: «Это был своеобразный фольклор тогдашней разночинной интеллигенции, авторов не знали, а стихи знали... Поэты «Искры», их сатира имели

¹ Н. Кадмин <Н. Я. Абрамович>. История русской поэзии, т. 2. М., 1914, с. 241.

² Скиталец. Воспоминания. М.—П., 1923, с. 42.

³ Автобиография Горького. — Собр. соч., т. 23. М., 1953, с. 271.

⁴ Собр. соч., т. 13. М., 1951, с. 350, 379.

⁵ Собр. соч., т. 24. М., 1953, с. 488.

⁶ «История русской литературы». М., 1939, с. 216—218. В библиотеке Горького имелась «Искра» за 1859—1866 гг., где напечатано около половины всего литературного наследия Курочкина — см. А. М. Горький. Письма к К. П. Пятницкому. М., 1954, с. 192, 356.

несомненное влияние на наше поколение. Они учили всматриваться в жизнь, в быт и замечать в жизни, говоря словами Некрасова, «все недостойное, подлое, злое», они учили разбираться в людях... Мне кажется, что на нашу оценку людей сильнейшее влияние оказали поэты „Искры“». ¹

Облик Василия Курочкина как человека, поэта и журналиста теснейшим образом связан с 60-ми годами. Он играл весьма заметную роль в литературном и общественном движении этого десятилетия. Творчество Курочкина — одного из самых крупных революционных поэтов середины XIX в. — пережило свою эпоху, сохранив свою ценность до наших дней. Протест против деспотизма, произвела и социального неравенства, злой смех над угнетателями трудящихся масс, над журналистами и писателями антиреволюционного лагеря, над барством, оппортунизмом, фразерством, пошлостью и обывательщиной — все это близко и современному читателю. Политически острая и отточенная, поэзия Курочкина в значительной своей части не утратила и своей эстетической действенности. И по идейному смыслу его произведений и по их художественным особенностям Курочкин принадлежит к тому мощному литературному течению, которое связано для нас с именами Некрасова в поэзии и Щедрина в прозе.

И. Ямпольский

¹ «Лит. газета», 1934, № 101. См. также «Детство и ранняя юность Ильича». — «Большевик», 1938, № 12, с. 69; «Ленин о коммунистической морали». — «Молодая гвардия», 1938, № 3, с. 27.

**ОРИГИНАЛЬНЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ**

Мы рано стали жить, игривыми мечтами
Действительную жизнь наивно заменив;
Наш вкус, взлелеянный волшебными плодами,
Отбросил зрелые плоды, едва вкусив.
Мы в ранней юности взлелеяли опасный
Людей и общества тщеславный идеал;
Мы сжились сердцем с ним, как с женщиной
прекрасной;

Он жажду подвигов и славы в нас всеял.
Он выкинул вдали обманчивое знамя,
Он ложным светом нам сулил счастливый день;
Как мошки мелкие, мы бросились на пламя,
Как дети глупые, свою ловили тень. . .
Слезами и тоской мы жизни заплатили
За светлые мечты, за вдохновенный взгляд,
За всё, в чем прежде мы смысл жизни находили,
В чем нынче видим мы сомнений грустный ряд. . .
Жизнь сбросила для нас воскресные наряды,
Мечты о счастии заботами сменя. . .
Так блеск задумчивый и трепетный лампы
Бледнеет перед светом дня.

<1850>

Целый день дождь барабанит в узкие стекла избушки,
Ветер, как нищий голодный, назойливо просится в хату,
Старую песню заводит борьбы и бессильной и глупой,
Вечной бесплодной борьбы. . . Солнце, как скряга
Скрылось за пологом туч, чтоб не слышать докучливый ^{богатый,}
Так и в природе, как в жизни! Дрожит полумертвая ^{ропот. . .}
Гнутся цветы полевые, и гордо зеленой главою, ^{травка,}
Будто с укором зловещим, качает береза. . .

Начало 1850-х годов

Хвалили мне возраст ребенка как возраст
счастливейший в жизни —

Не хотел бы я этого счастья!

Еще помню я это блаженное, мирное время,
Когда рвал и ломал я лошадок картонных и кукол,
Как будто бы зная, что многие детские игры
Придется и в жизни мне видеть и быть их бессильною
жертвой! . . .

И вправду блаженное время: подрался я с братом
за куклу

И, весь обливаясь слезами, был куклою новой утешен. . .
Наскучили скоро игрушки; за книги я жадно принялся,
Едва лишь умея читать при помощи глупой указки.
Нелепые книжки попались: как Вася на льду

поскользнулся,
Как Митя повис на осине. . . И много подобного сброду
Назначено было развить мою детскую слабую душу,
К ученью меня заохотить приятным и вместе полезным.
Приятно ль мне было — не помню, а пользы до сих пор
не вижу. . .

Потом нагружать свою память, как водится, стал я
Бесчисленным рядом земель, государств, городов
и столетий,
Потом. . . Но я многое вспомню, о чем бы не должен
и помнить. . .

Но разве мы можем забыть про болезнь, полученную
в детстве
От глупости няньки-старухи? . . .

Потом стали разным наукам
Я и другие учиться. Учились мы, долго учились. . .

Чему? про то знает наш ментор. . . Но мало-помалу
дошли мы
До цели желанной. . . Теперь мне известно наверно,
Что черное белым зовется, и я не скажу, как ребенок,
Что черное — черно. . . Недаром же я *обучался!* . .

Случалось мне, правда, порою (наивность присуща
ребенку)
Пытливым ребяческим оком, как будто прозревшим
спросонья,
Светилом иным любоваться, высоким таким и блестящим.
И что-то манило меня. . . но путь был далек и не гладок,
Руки же никто мне не подал. . . блуждал я впотьмах и
в тумане. . .
И страшно и дико мне стало — и солнце навеки
исчезло. . .

Я стал и задумчив и грустен. . .
И к жизни совсем неспособный,
Живу на помеху другим, себе будто на смех и горе,
Да время от времени вспомню с душевным таким
умилением
Счастливым ребяческий возраст. . .
Разумная жизнь, если возраст,
Бессмысленный возраст ребенка, период растительной
жизни
Зовется счастливое время! . .

Начало 1850-х годов

НИ В МАТЬ, НИ В ОТЦА

Твой отец нажил честным трудом
Сотни тысяч и каменный дом;
Облачась в дорогой кашемир,
Твоя мать презирает весь мир;
Как же ты — это трудно понять —
Ни в отца уродилась, ни в мать?

Мать — охотница девок посечь,
А отец — подчиненных распечь;
Ты — со всеми на свете равна,
С молодежью блестящей скучна,
Не умеешь прельщать, занимать.
Ни в отца уродилась, ни в мать!

Из столицы отец ни ногой;
Мать в Париж уезжает весной;
А тебя от туманных небес
Манит в горы, да в степи, да в лес. . .
Целый день ты готова блуждать. . .
Ни в отца уродилась, ни в мать!

Мать готовит тебя богачу,
А отцу крупный чин по плечу —
Чтоб крестов было больше да лент;
А с тобою — какой-то студент. . .
Душу рада ему ты отдать. . .
Ни в отца уродилась, ни в мать!

Не сулит тебе брачный венец
Шумной жизни, какую отец
За любовь твоей матери дал.
Разобьется и твой идеал...
Эх! уж лучше, чтоб горя не знать,
Уродиться в отца или в мать!

1853

РАССКАЗ НЯНИ

— Няня, любила ли ты?
— Я, что ли, барышня? Что вам?
— Как что?.. Страданья... мечты...
— Не оскорбить бы вас словом.
Нашей сестры разговор
Всё из простых, значит, слов...
 Нам и любовь не в любовь,
 Нам и позор не в позор!

Друг нужен по сердцу вам;
Нам и друзей-то не надо:
Барин обделаает сам —
Мы ведь послушное стадо.
Наш был на это здоров...
Тут был и мне приговор...
 Нам и любовь не в любовь,
 Нам и позор не в позор!

После... племянник ли... сын...
Это уж дело не наше —
Только прямой господин —
Верите ль: солнышка краше.
Тоже господская кровь...
Лют был до наших сестер...
 Нам и любовь не в любовь,
 Нам и позор не в позор!

Раньше... да что вспоминать!
Было как будто похоже,
Вот как в романах читать
Сами изволите тоже.
Только уж много годов
Парень в солдатах с тех пор...
 Нам и любовь не в любовь,
 Нам и позор не в позор!

Там и пошла, и пошла...
Всё и со мной, как с другими...
Ноне спасаюсь от зла
Только летами своими,
Что у старухи и кровь
Похолодела и взор...
 Нам и любовь не в любовь,
 Нам и позор не в позор!

Барышня, скучен рассказ?
Вот и теперь подрастает
Девушка... девка для вас...
А уж господ соблазняет...
Черные косы да бровь
Сгубят красавицу скоро...
 Господи! Дай ей любовь,
 И огради от позора!

Как в наши лучшие года
Мы пролетаем без участия
Помимо истинного счастья!
Мы молоды, душа горда. . .
Как в нас заносчивости много!
Пред нами светлая дорога. . .
Проходят лучшие года!

Проходят лучшие года —
Мы всё идем дорогой ложной,
Вслед за мечтою невозможной,
Идем неведомо куда. . .
Но вот овраг — вот мы споткнулись. . .
Кругом стемнело. . . Оглянулись —
Нигде ни звука, ни следа!

Нигде ни звука, ни следа,
Ни светлых дней, ни сожаленья,
На сердце тяжесть оскорбленья
И одиночество стыда.
Для утомительной дороги
Нет силы. . . Подкосились ноги. . .
Погасла дальняя звезда!

Погасла дальняя звезда!
Пора, пора душой смириться!
Над жизнью нечего глумиться,
Вкусив от горького плода, —
Или с бессильем старой девы
Твердить упорно: где вы, где вы,
Вотще минувшие года!

Вотще минувшие года
Не лучше ль справить честной тризной?
Не оскверним же укоризной
Господень мир — и никогда
С бессильной злобой оскорбленных
Не осмеем четы влюбленных,
Влюбленных в лучшие года!

<1856>

ОБЩИЙ ЗНАКОМЫЙ

Не высок, ни толст, ни тонок,
Холост, средних лет,
Взгляд приятен, голос звонок,
Хорошо одет;
Без запинки, где придется,
Всюду порет дичь —
И поэтому зовется:
Милый Петр Ильич!

.

Молодое поколение
С жаром говорит,
Что брать взятки — преступленье,
Совесть не велит;
Он сейчас: «Уж как угодно,
Взятки — сущий бич!»
Ах! какой он благородный,
Милый Петр Ильич!

Старичков остаток злобный,
Чуя зло везде,
Образ мыслей неподобный
Видит в бороде;
Он сейчас: «На барабане
Всех бы их остричь!»
Старички-то и в тумане. . .
Милый Петр Ильич!

С дамами глядит амуром
В цветнике из роз;
Допотопным каламбуром
Насмешит до слез;
Губки сжав, в альбомы пишет
Сладенькую дичь —
И из уст прелестных слышит:
Милый Петр Ильич!

Там старушки о болонках
Мелют, о дровах,
Приживалках, компаньонках,
Крепостных людях. . .
Он и к этим разговорам
Приплетает дичь;
А старушки дружным хором:
Милый Петр Ильич!

С сановитыми тузами
Мастер говорить
И умильными глазами
Случай уловить.
Своему призванью верный,
Ведь сумел достичь
Аттестации: примерный,
Милый Петр Ильич!

Польки пляшет до упада,
В картах черту брат;
И хозяйка очень рада,
И хозяин рад.
Уж его не разбирают,
Не хотят постичь,
А до гроба величают:
Милый Петр Ильич!

Для великих земли
На морях корабли,
Серебро в недрах гор
И в надзвездный простор
Гимны славы взошли —
Для великих земли.

Для высоких умов,
Среди честных трудов,
Наслаждение трудом —
И бессмертье потом
Над могилой веков —
Для высоких умов.

Для невинных сердец
Их небесный отец
Среди ликов святых
В горних высях своих
Уготовал венец —
Для невинных сердец.

Что же нам наконец?
Милый друг! Нам любовь:
Мы друг в друге нашли
Счастье чистых сердец,
И высоких умов,
И великих земли!

<1856>

Мчит меня в твои объятия
Страстная тревога, —
И хочу тебе сказать я
Много, много, много.

Но возлюбленной сердечко
На ответы скупю.
И глядит моя овечка
Глупо, глупо, глупо.

На душе мороз трескучий,
А на щечках розы —
И в глазах, на всякий случай,
Слезы, слезы, слезы.

<1856>

В РАЗЛУКЕ

Расстались гордо мы; ни словом, ни слезою
Я грусти признака тебе не подала.
Мы разошлись навек. . . но если бы с тобою
Я встретиться могла!

Без слез, без жалоб я склонилась пред судьбою.
Не знаю: сделав мне так много в жизни зла,
Любил ли ты меня. . . но если бы с тобою
Я встретиться могла!

<1856>

ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ

Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый
Наших бедствий, наших зол.
Виноват во всем гербовый,
Двуязычный, двуголовый,
Всероссийский наш орел.

Я сошлюсь на народное слово,
На великую мудрость веков:
Двуголовье — эмблема, основа
Всех убийц, идиотов, воров.
Не вступая и в споры с глупцами,
При смущающих душу речах,
Сколько раз говорили вы сами:
«Да никак ты о двух головах!»

Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый
Наших бедствий, наших зол.
Виноват во всем гербовый,
Двуязычный, двуголовый,
Всероссийский наш орел.

Оттого мы несчастливы, братья,
Оттого мы и горькую пьем,
Что у нас каждый штоф за печатью
Заклеймен двуголовым орлом.
Наш брат русский — уж если напьется,
Нет ни связи, ни смысла в речах;

То целуется он, то дерется —
Оттого что о двух головах.

Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый
Наших бедствий, наших зол.
Виноват во всем гербовый,
Двуязычный, двуголовый,
Всероссийский наш орел.

Взятки — свойство гражданского мира,
Ведь у наших чиновных ребят
На обоих бортах вицмундира
По шести двуголовых орлят.
Ну! и спит идиот безголовый
Пред зеркалом, внушающим страх, —
А уж грабит, так грабит здорово
Наш чиновник о двух головах.

Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый
Наших бедствий, наших зол.
Виноват во всем гербовый,
Двуязычный, двуголовый,
Всероссийский наш орел.

Правды нет оттого в русском мире,
Недосмотры везде оттого,
Что всевидящих глаз в нем четыре,
Да не видят они ничего;
Оттого мы к шпионству привычны,
Оттого мы храбры на словах,
Что мы все, господа, двуязычны,
Как орел наш о двух головах.

Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый
Наших бедствий, наших зол.
Виноват во всем гербовый,
Двуязычный, двуголовый,
Всероссийский наш орел.

18 ИЮЛЯ 1857 ГОДА

Зачем Париж в смятении опять?
На площадях и улицах солдаты,
Народных волн не может взор обнять...
Кому спешат последний долг воздать?
Чей это гроб и катафалк богатый?
Тревожный слух в Париже пролетел:
Угас поэт — народ осиротел.

Великая скатилась звезда,
Светившая полвека кротким светом
Над алтарем страданья и труда;
Простой народ простился навсегда
С своим родным учителем-поэтом,
Воспевшим блеск его великих дел.
Угас поэт — народ осиротел.

Зачем пальба и колокольный звон,
Мундиры войск и ризы духовенства,
Торжественность тщеславных похорон
Тому, кто жил так искренно, как он,
Певцом *любви, свободы и равенства,*
Несчастливым льстил, но с сильными был смел?
Угас поэт — народ осиротел.

Зачем певцу напрасный фимиам,
Дым пороха в невыносимом громе —
Дым, дорогой тщеславным богачам, —
Зачем ему? Когда *бог добрых сам,*

*Благословив младенца на соломе,
Не быть ничем поэту повелел?
Угас поэт — народ осиротел.*

Народ всех стран — страдание и труд,
И сладких слез над песнями отрада
Громчей пальбы к бессмертию зовут!
И в них, поэт, тебе верховный суд —
Великому великая награда,
Когда поэт песнь лебедя пропел —
И внемля ей, народ осиротел.¹

1857

¹ Слова, напечатанные курсивом, — перевод собственных выражений Беранже из разных песен.

СЧАСТЛИВЕЦ

Розовый, свежий, дородный,
Юный, веселый всегда,
Разума даже следа
Нет в голове благородной,
Ходит там ветер сквозной. . .
Экой счастливец какой!

Долго не думая, смело,
В доброе время и час,
Вздумал — и сделал как раз
Самое скверное дело,
Не возмутившись душой. . .
Экой счастливец какой!

С голоду гибнут крестьяне. . .
Пусть погибает весь свет!
Вот он на званый обед
Выехал: сани не сани!
Конь, что за конь вороной!
Экой счастливец какой!

Женщину встретит — под шляпку
Взглянет, потрянет кошельком
И, насладившись цветком,
Бросит, как старую тряпку, —
И уж подъехал к другой. . .
Экой счастливец какой!

Рыщет себе беззаботно,
Не о чем, благо, тужить. . .
В службу предложат вступить —
Вступит и в службу охотно.
Будет сановник большой. . .
Экой счастливец какой!

Розовый, свежий, дородный,
Труд и несчастный расчет
Подлым мещанством зовет. . .
Враг всякой мысли свободной,
Чувства и речи родной. . .
Экой счастливец какой!

<1857>

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Годы пройдут, словно день, словно час;
Много людей промелькнет мимо нас.
Дети займут положение в свете,
И старики поглупеют, как дети.
Мы поглупеем, как все, в свой черед,
А уж любовь не придет, не придет!
Нет, уж любовь не придет!

В зрелых умом, скудных чувствами летах
Тьму новостей прочитаем в газетах:
Про наводнения, пожары, войну,
Про отнятую у горцев страну,
Скотский падеж и осушку болот —
А уж любовь не придет, не придет!
Нет, уж любовь не придет!

Будем, как все люди добрые, жить;
Будем влюбляться, не будем любить —
Ты продашь сердце для партии громкой,
С горя и я заведуся экономкой. . .
Та старика под венец поведет. . .
А уж любовь не придет, не придет!
Нет, уж любовь не придет!

Первой любви не сотрется печать.
Будем друг друга всю жизнь вспоминать;
Общие сны будут сниться обоим;

Разум обманем и сердце закроем —
Но о прошедшем тоска не умрет,
И уж любовь не придет, не придет —
Нет, уж любовь не придет!

<1857>

〈В. В. ТОЛБИНУ〉

Василий Васильевич, вот
Издания Генкеля томик,
Бессонных ночей моих плод —
Известности карточный домик.
Здесь молодость, слава, любовь,
Интрижки, Лизеты, Жаннеты,
Которых так любят поэты,
И Вакх, согревающий кровь;
Намеки равенства, свободы,
По коим ценсура прошла,
Горячее чувство природы
И — барышни тра-ла-ла-ла!
Здесь ненависть к дряни мишурной
И злоба без всяких прикрас
На всё, что во Франции дурно
И вчетверо хуже у нас;
В борьбе с нищетою и ленью
Здесь я, переводчик-поэт,
Стою за великою тенью
Лучом его славы согрет.

1858

НАПУТСТВИЕ

(Н. С. Б <УРОЧКИ> НУ)

Покоряясь пред судьбою,
Поезжай — господь с тобою! —
К чуждым берегам.
Если счастье навернется —
Оставайся; не найдется —
Возвращайся к нам.

Разъезжай себе покорно
До Марсели, до Ливорно
И иной страны;
Покоряться воле неба
Ради крова, ради хлеба
Мы уж, брат, должны.

Полны гордого сознанья,
Скажем просто: до свиданья! —
Как придется там. . .
Обесмысленные звуки
Час торжественной разлуки
Не опошлят нам.

Мы словами жизнь не мерим,
Мы уж многому не верим,
Как в былые дни;
Но исполнившись смиренья,
Помним светлые мгновенья —
Были же они!

Если были — будут снова;
Было б сердце к ним готово
 Да свободен ум.
А тебе — и с полугоря —
Их навевет воздух с моря,
 Моря вечный шум,

Солнце, бури, климат знойный,
Жизни трепет беспокойный,
 Неумолчный гам. . .
Так чего ж? Махнув рукою,
Поезжай — господь с тобою! —
 К чуждым берегам.

1858

СТАРАЯ ПЕСНЯ

Песни, что ли, вы хотите?
Песня будет не нова. . .
Но для музыки возьмите:
В ней слова, слова, слова.
Обвинять ли наше племя,
Иль обычай так силен,
Что поем мы в наше время
Песню дедовских времен?

Жил чиновник небогатый.
Просто жил, как бог велел —
И, посты хранивши свято,
Тысяч сто нажить умел.
Но *по злобному навету*
Вдруг от места отрешен. . .
Да когда ж мы кончим эту
Песню дедовских времен?

Мой сосед в своем имени
Вздумал школы заводить;
Сам вмешался в управление,
Думал бедных облегчить. . .
И пошла молва по свету,
Что приятель *поврежден*.
Да когда ж мы кончим эту
Песню дедовских времен?

Сам не знаю — петь ли дальше. . .
Я красавицу знавал:
Захотелось в генеральши —
И нашелся генерал.
В этом смысла даже нету,
Был другой в нее влюблен. . .
Да когда ж мы кончим эту
Песню дедовских времен?

Песню старую от века,
Как языческий кумир —
Где превыше человека
Ставят шпоры и мундир,
Где уму простора нету,
Где бессмысленный силен. . .
Да когда ж мы кончим эту
Песню дедовских времен?

Да когда ж споем другую?
Разве нету голосов?
И не стыдно ль дрянь такую
Петь уж несколько веков?
Или спать, сложивши руки,
При движении племен,
Богатырским сном под звуки
Песни дедовских времен?

<1858>

<Н. В. МАКСИМОВУ>

Что? стихов ты хочешь, что ли?
Услужить бы я готов;
Написал бы я для Коли,
Только вот беда: нет воли,
А без воли нет стихов.

В ваши будущие годы
Высоко для вас взойдет
Солнце красное свободы;
А про наши про невзгоды,
Про цензурные походы
Даже память пропадет.

Мы упали в рабской роли.
Коля! вспомни наши дни
В годы равенства и воли
И хоть добрым словом, что ли,
Старых братьев помяни.

1858(?)

ЧЕРЕЗ ТРИСТА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТЬ ДНЕЙ

Вкруг огня, как бабочка, порхая
И, как пыль, стряхая род людской —
С бледнолицей спутницей луной
Шар земной летит, не признавая
Никаких делений над собой;
Но у всех народов есть преданье,
Что два года — лица без речей —
На ночное сходятся свиданье
(Где-то там — на гранях мирозданья)
Через триста шестьдесят пять дней.

Их свиданье мрачно, как могила
(Это мы в неведеньи своем
Встречу их приветствуем вином):
В столкновеньи свежесть, юность, сила
С разрушеньем, тленом и старьем.
Старый год согнулся у порога:
Он не верит в будущность людей,
Он не верит ни в какого бога,
Потому что видел слишком много
В эти триста шестьдесят пять дней.

Новый год — тот бѣз году неделя --
Тот пришел, увидел и как тут
Победил предшественника труд!
Он горяч, но в нем, и в самом деле,
Много сил и множество минут.

Но минуты в жизни скоротечны
И в упорной дряхлости своей
Заблужденья, страсти только вечны...
Где ж исход предвидится конечный
Через триста шестьдесят пять дней?

Будет сильно к истине стремленье
И силен невежества отпор;
Совершится правды приговор,
Расточится зло и преступленье,
Как во мраке кроющийся вор;
Вдруг опять, с того или другого,
Мир свернет с указанных путей
Поворотом колеса мирского —
И что было, вдруг вернется снова
Через триста шестьдесят пять дней...

С Новым годом, братья! Сдвинем чаши;
Добрым словом встретим Новый год
И — вперед! Отважнее вперед!
Пусть добром нас вспомнят дети наши
И царя благословит народ!
Пусть заря всех дремлющих разбудит
И святого торжества идей
Мрак не сгонит, холод не остудит.
С новым счастьем! И что будет — будет
Через триста шестьдесят пять дней!

ШКОЛА ВЗАИМНОГО ОБУЧЕНИЯ

Я обучался в школе жизни —
И эту школу я нашел
В моей возлюбленной отчизне
Почище всех заморских школ.
В ней каждый учится по воле,
Науки в ней не на виду —
Но обучившись в этой школе,
Уж я нигде не пропаду!

Не все пригодны в ней к науке;
Есть бесталанные — бедняк
Иной всю жизнь *аза* от *буки*
Не различает в ней никак.
Другой *глаголь* отыщет, *слово*,
Да и начнет писать *добро* . . .
Оно полезно бы и ново,
Да в общем выводе старо . . .

А и такие есть на свете:
Как букву *люди* разберет —
Букварь забросит и *мыслете*
Писать с отчаянья пойдет.
Другого дальше *червь* тревожит;
Тот *твердо* думает про честь,
Но про себя прочесть не может
Благополучной буквы *есть*.

Другой, талантом одаренный,
Возьмет букварь — поймет как раз,

Что в этой азбуке мудреной
Всего важнее буква аз.
Но лень, лень — мать пороков!
Не знает трудной буквы ять
И после тысячи уроков
Не может *дать*, не смеет *взять*.

Лишь искусившийся в науке,
Поняв, что дело не хитро,
Запомнит аз и скажет: *буки*,
Глаголь, рцы, слово и добро!
Чтоб разделить *людей* с *землею*,
Он *ерик* маленький *ввернет*,
Сам *фертом* встанет — и *фитою*
Везде до *ижицы* *дойдет*.

По остальным согласным, гласным
Махнув презрительно рукой,
Напишет *есть* со взором ясным
И сыщет в азбуке *покой*.
О, мудрость истинно простая!
Семь-восемь букв довольно нам,
Чтобы всю жизнь прожить, читая
Всё остальное по складам.

Я не поэт — и, не связанный узами
С музами,
Не обольщаюсь ни лживой, ни правую
Славою.
Родине предан любовью безвестною,
Честною,
Не воспевая с певцами присяжными,
Важными
Злое и доброе, с равными шансами,
Стансами,
Я положил свое чувство сыновнее
Всё в нее.

Но не могу же я плакать от радости
С гадости,
Или искать красоту в безобразии
Азии,
Или курить в направлении заданном
Ладаном,
То есть — заигрывать с злом и невзгодами
Одами.

С рифмами лазить особого счастья
К власти я
Не нахожу — там какие бы ни были
Прибыли.
Рифмы мои ходят поступью твердою,
Гордою,
Располагаясь богатыми парами —
Барами!

Ну, не дадут мне за них в Академии
Премии,
Не приведут их в примерах пиитики
Критики:
«Нет ничего, мол, для «чтения народного»
Годного,
Нет возносящего душу парения
Гения,
Нету воинственной, храброй и в старости,
Ярости
И ни одной для Петрушки и Васеньки
Басенки».
Что ж? Мне сама мать-природа оставила
Правила,
Чувством простым одарив одинаково
Всякого.
Если найдут книжку с песнями разными
Праздными
Добрые люди внимания стоящей —
Что еще?
Если ж я рифмой свободной и смелою
Сделаю,
Кроме того, впечатленья известное,
Честное, —
В нем и поэзия будет обильная,
Сильная
Тем, что не связана даже и с музами
Узами.

ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ

Старый хапуга, отъявленный плут
Отдан под суд;
Дело его, по решению строгом,
Пахнет острогом. . .
Но у хапуги, во-первых: жена
Очень умна;
А во-вторых — еще несколько дочек
.
(Несколько точек.)

Дочек наставила, как поступать,
Умная мать.
(Как говорят языком и глазами —
Знаете сами.)
Плачет и молится каждую ночь
Каждая дочь. . .
Ну, и нашелся заступник сиятельный
!
(Знак восклицательный.)

Старый хапуга оправдан судом,
Правда, с трудом;
Но уж уселся он в полной надежде,
Крепче, чем прежде.
Свет, говорят, не без добрых людей —
Правда, ей-ей!
Так и покончим, махнув сокрушительный
?
(Знак вопросительный.)

<1859>

ДЕТСКИЕ МЕЧТЫ

Когда я был рассудком мал,
Какой-то голос мне шептал,
Что я найду свой идеал,
Себе составлю капитал —
И буду полный генерал.
Так я мечтал.

Вслед за любимую мечтой
Пошел я твердою стопой;
Сошелся с девой *неземной*,
Венец держали надо мной —
И под башмак меня прибрал
Мой идеал.

На ловле почестей, чинов
Я всем был жертвовать готов,
Сошелся с милыми тузов,
Собрал стяжания годов
И всё дал взаймы — и пропал
Мой капитал.

Но *в люди* вывели меня!
И обнищав, судьбу кляня,
Когда в крови уж нет огня,
Спокойного с женою дня,
Когда я вновь рассудком мал —
Я генерал.

<1859>

ЖАЛОБА ЧИНОВНИКА

Человек я хорошего нрава —
Право!
Но нельзя же служить, как известно,
Честно.
Я вполне соглашаюсь, что взятки
Гадки;
Но семейство, большое к тому же,
Хуже.
Точно: можно ходить и в веригах —
В книгах...
А чтоб эдак-то бегать по свету —
Нету!
Рассуждают, награбивши много,
Строго:
Капитал-де от предков имели!
Все ли?
И меня ведь господь не обидел:
Видел,
Как и те, что статейки писали, —
Брали.
Так за что ж распекать-то сверх штата
Брата?
Одного ведь отца мы на свете
Дети!

<1859>

НА ПРАЗДНИКАХ

Принарядясь, я в первый день святой
Недели
По улицам пошел бродить с толпой
Без цели,
И не затем, чтоб делать без ума
Визиты, —
Мне и без них в столице все дома
Открыты.
Я сын толпы, я остальных людей
Не выше,
Но для меня снимает Асмодей
Все крыши.
Без слез, без смеха с похорон летим
На пир мы —
И падают пред мной и перед ним
Все ширмы.
Диктуй же, черт! Для нас обнажена
Натура,
Так черт ли в том, что не соблюдена
Цезура!

На первый раз по улице пройдем
В день Пасхи —
И на людей давай смотреть вдвоем
Без маски:
А маски с них — снимай, кому не лень! —
Нетрудно;

Особенно, когда в воскресный день
Так людно.
Валит толпа, воскресные надев
Наряды;
Хоть на душе у многих злость и гнев —
Все рады.
Чиновников, возницы чуя кнут,
Мчат кони
На всех рысях, как будто сзади ждут
Погони.
(Усердия-то сколько через край
И жару,
Чтобы в дверях полтинник дать на чай
Швейцару!)
Красавицы проносятся стрелой
В коляске,
Чтоб поцелуй дать старцу покупной
В знак ласки.
Всё призраком волнуется кругом
Туманным:
И яйца и пасхи с куличом
Шафранным,
С конфетами корзины, пироги
С цветами. . .
И — чмок, чмок, чмок! — целуются враги
С врагами;
В нестройный гул веселый говор слит,
День велий!
Несется пыль от топота копыт
В апреле!

Какая смесь и пестрота цветов,
Нарядов,
Движений губ, походок, голосов
И взглядов. . .
Здесь не прочтешь ни буквы без чужой
Указки. . .
О, если б мне! . . Вдруг слышу за спиной:
«Всё сказки!
Отличия не трудно перечесть
Нисколько!

Их только два: тщеславие и лесть —
И только.
Мой юный друг, я ведаю людей
С их жаром
И холодом. . . зовусь я Асмодей
Недаром.
И крупный ваш и маленький народ,
Вся братья,
Для ближнего раскрывшая раз в год
Объятья,
И ваш кумир, и золотое дно,
И знатный,
И этот льстец дрянной, для всех равно
Приятный,
И девочки, лишённые стыда,
И дамы —
Всё это вздор — есть только господа
И хамы.

В порядочно устроенных домах
Лакеи
Для праздников надели в галунах
Ливреи.
Дивуешься причудливым на вид
Затеям —
Хотя лакей и в праздники глядит
Лакеем.
Для праздников сияют лица их
И платья,
Чтоб с нежностью принять господ своих
В объятья.
Все спины их сгибаются одной
Основой —
Звезду ль схватить иль вырвать трудовой
Целковый.
И господа снисходят к их спине
Столь гибкой,
И их дарят — чтоб уж дарить вполне —
Улыбкой;
Целуют их приветливо в уста
Так свято,

Как, помню я, мой друг лобзал Христа
 Когда-то.
Все веселы, составив дружный хор
 Семейства;
Хор из двух нот: спесь барства и позор
 Лакейства. . .»

Я, признаюсь, такой не ожидал
 Развязки.
Ужели мы? . . Нет — Асмодей налгал,
 «Всё сказки!»
Так думал я — и, веря лишь одной
 Минуте,
В лакеи сам пошел, махнув рукой,
 К Анюте.

<1859>

ТОЛЬКО!..

Нет на свете зла!
Жить — легка наука;
Зло изобрела
Авторская скука.
Вот весна, весна!
Вся природа рада...
Только — холодна...
Согреться надо.

Нам от стужи дан
Нектар ароматный;
Вина южных стран
Теплотой приятной
Чувства усладят...
Только — снова вздохи:
Вина, говорят,
Дороги и плохи.

Нет — так всё равно!
Что нам пить чужое?
Есть у нас вино,
Русскому родное:
Чарка водки — в зной
И в мороз — находка!
Только — грех какой! —
Дорога и водка.

Пить взамен вина
Просто воду будем;
Трезвость нам нужна,

Как рабочим людям:
В ней — успех труда...
Только — я не скрою —
Чистая вода
Дорога весною.

А весна идет
И, дразня свободой,
Негой обдает...
Поживем с природой
Хоть один денек!
Только — вот забота:
Двери на замок
Заперла работа.

Так трудом живи,
В светлые мгновенья
Находя в любви
От труда забвенья.
С нею, в царстве грез,
Бедных нет на свете!
Только — вот вопрос:
Ну, как будут дети?..

Так одним трудом,
Без мечты нескромной,
Как-нибудь дойдем
До могилы темной.
Труд — надежный друг
Всех несчастных... только —
Сколько в свете рук,
Нет работы столько!

Жить ли без труда
С голодом да с жаждой!
Только... как тогда
Дорог угол каждый!
А весна светла
И поет лукаво:
«Нет в природе зла!
Счастье — ваше право».

<1859>

БАРЫШНЕ

Нравится мне твоя поза унылая,
Робко опущенный взгляд;
Я бы любил тебя — но, моя милая:
Барышни замуж хотят.

Слушал бы всё голосок твой пленительный:
Не говоришь ты — поешь;
Но — с одной ноты всю душу мучительно
Схватит обидная дрожь.

Глазки твои зажигают желание;
Взгляда их только я жду:
Всюду пойду — на край света, в изгнание. . .
Но под венец не пойду.

Ты побледнела? Сказал ли не в меру я?
Или уж все зауряд,
Страсти не ведая, в чувство не веруя,
Барышни замуж хотят!

<1859>

БЫЛЬ

(ВОЛЬНОЕ ПРЕЛОЖЕНИЕ В СТИХИ ПРОЗАИЧЕСКОЙ
„БЫЛИ“ Г-НА МИЛЛЕР-КРАСОВСКОГО — ПОДРАЖАНИЕ
ВАСНЯМ И СКАЗКАМ ПОЭТА БОРИСА ФЕДОРОВА)

В семье отец и мать детям своим давали
Пример весьма дурной;
Не то чтоб ссорились: нет, ссор они не знали, —
Но чуть придет отец из должности домой,
Сейчас пойдет ворчать
На деток и на мать.
Привыкли деточки отца весьма бояться,
А посему
Уж стали не к нему,
А к нежной матери ласкаться.
Отец исправно сек малюток каждый день.
Хоть были тяжелы отцовские уроки,
Но в детях всё росли ужасные пороки —
И своеволие и лень.
Скончался папенька, осиротели дети,
И стала ласковая мать
(Хоть было трудно ей) всем царством управлять,
И слушались ее все дети, кроме Пети.
Два года в классе он сидел,
И, несмотря на все внушенья,
Лентяй не знал — и знать как будто не хотел
Таблицы умноженья!!!
Тут было надобно учителя нанять,
В котором долгий опыт
Умел бы обуздать
Греховной воли ропот.

Учитель нанятый сначала ласков был
И нежной кротостью малютку вразумил
И с корнем вырывал в нем терние дурное.
Прошел и месяц так; но новый наступил —
Увы!

Опять попрежнему ленился сын вдовы
И стал упрямей втрое.
Однажды поутру (учитель был сердит)
Сидят за кофием с родительницей дети.
Учитель, вежливо раскланявшись, глядит —
Нет Пети!

Где Петя? Пети нет!
Мать шлет к нему слугу и видимо хлопочет.
И что ж? Слуга принес решительный ответ,
Что Петя кофию не хочет!!!

Тогда учителей раздался зычный глас:
«Прокофий,
Сходи к строптивому, и чтоб он шел сейчас
Пить кофий!»

От голоса сего
Внезапно всё умолкло:
Малютки все до одного
Покрыты бледностью, дрожат в окошках стекла.
Мать в страхе тянется к своим птенцам младым,
Меж тем чело ее подернулося тучей! . .

Необычайный случай!
Как быть? Пример другим!
Надеясь, что смирится
Строптивное дитя,

Пошел учитель сам, чтоб с ним распорядиться
*Хоть не хотя хотя.*¹
Не тут-то было!

«Зачем ты к кофию, мальчишка, не пришел?» —
Учитель спросил его с сугубой силой.

«Я... я... я не хочу...» — «Не хочешь?
Произвол!!!» —

Учитель заревел, как вол,
И мальчику, что было духу,
Дал плюху,

¹ Подражание слогу г. Миллер-Красовского.

За нею две вlepил и — если то возможно —
Предание гласит, что дал их *осторожно*.

Мальчишка присмирел и мягок стал, как шелк.

Какой же в басне толк?

Толк этой басни тот, что также б не мешало
Смирять пощечиной и взрослого нахала,

Да не слегда

(Особенно, когда болван учить берется),

А со всего плеча, уж как ни размахнется

Здоровая рука.

ДРЕВО

(ИЗ ГРАФА СОЛЛОГУВА, С ФРАНЦУЗСКОГО)

«Проезжая город Баден-Баден,
Чающий движения воды,
Там в саду (там сад весьма изряден)
Древо зрел и зрел на нем плоды.
Но в тени помянутого древа
Не случилось так, чтоб, например,
Отдыхала мраморная дева
И одетый дурно кавалер».

До плодов искусства всякий жаден,
Но для многих зелены плоды —
И Парнас есть тот же Баден-Баден:
В нем свои и рощи и сады.
И свое есть древо на Парнасе:
Уж под ним не сядет ни один
В парике маркиза славянин
Или галл в московском тарантасе.

1859

МУДРОСТЬ БЕДНЯКА

Пробираясь житейской дорогой
По колена в грязи иногда —
Я от жизни не требую много
И доволен судьбою всегда.
Я довольствуюсь скудною пищей
И дешевенькой радости рад;
По понятиям богатых — я нищий,
По понятиям нищих — богат.

Раз, один из хранимых судьбою,
Говоря хладнокровно со мной,
Вдруг как вскрикнет да топнет ногою —
Я не взвидел земли под собой.
Ну уж вышел распудрен, размылен...
Да и тут меня смех разобрал:
Ведь кричит, потому что он силен;
Я молчу, потому что я мал.

Дождался другого в приемной:
На душе было так тяжело —
И народ-то кругом самый темный,
И погода дурная назло;
Но и тут я решил справедливо,
Вспомнив мудрой пословицы глас,
Что мы ждем одного терпеливо,
Потому что не семеро нас.

В ожиданьях питаюсь мечтами,
Я в одну из тяжелых минут

Согласился вполне с мудрецами,
Что в стакане надежды приют.
И с судьбой бесполезно не споря,
Рассудил, чтобы весело жить:
Если пить мне случается с горя,
Значит надо и с радости пить.

Как жениться пришла мне охота,
Я недолго и тут рассуждал:
Гардеробишко принял без счета,
Никаких описей не видал.
Хоть судьба не мирилась со мною,
Так же долгод был день бедняка;
Но зато уж ни разу с женою
Наша ночь не была коротка.

За цветами — плоды сладострастья:
Подарит мне подруга детей,
И от этого нового счастья
Станет путь мой еще тяжелей.
Перед смертью, в семейном совете,
Я всё сердце детям обнажу
И скажу им: «Любезные дети! ..»
Впрочем, нет! Ничего не скажу.

Пусть проходят житейской дорогой
По колена в грязи иногда;
Пусть от жизни не требуют много
И довольны судьбою всегда.
Роль наставника мне не пристала;
Я и сам не хочу умирать:
Если в жизни дается так мало,
Так от смерти уж нечего ждать!

<1859>

БЕДОВИЙ КРИТИК

Уж он ослаб рассудком бедным,
Уж он старик, сухой как жердь,
Своим дыханием зловредным
Небесную коптящий твердь.
Уже, со старческою палкой,
В приюте нравственных калек,
В какой-нибудь газете жалкой
Он жалкий доживает век.
Вдруг, вспомнив прежнюю отвагу,
Рукой дрожащею скорей
Берется в корчах за бумагу —
Чернит бумагу и людей.
Старинный червь сосет и точит;
Но уж в глазах темнеет свет:
Портрет врага писать он хочет —
И выставляет свой портрет.
«Нахальство. . . мальчик. . .» — злость диктует;
Но изменившая рука
Строками черными рисует
Нахальство злого старика.
Досада пуще в грудь теснится,
Бессилье сердце жмет тоской —
И, с пеной у рта, старец злится,
Покуда сам не отравится
Своею бешеной слюной.

1859

ПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ

(И Д И Л Л И Я)

Надо мною мракобесия
Тяготела суета,
И блуждал, как в темном лесе, я
До Успенского поста;
Но во дни поста Успенского
Я внимательно читал
Господина Аскоченского
Назидательный журнал.

Чудо вочью совершилося: .
Стал я духом юн и смел;
Пелена с очей свалилася —
И внезапно я прозрел.
Я провидел все опасности,
Что грозят родной стране
С водворением в ней гласности —
Столь враждебной тишине.

Погибает наша нация, ѿ
Думал я, с тех пор, как в ней
Поднялась цивилизация
И брожение идей,
И стремление гуманное —
Это всё придумал бес —
Наважденье окаянное!
Окаянский ваш прогресс!

За свое спасенье ратуя, -
В Летний сад я поспешил:
Там, смотрю: нагая статуя!
Камнем я в нее пустил.
Вдруг хожалый очень явственно
«Ты мазурик!» закричал.
И за этот подвиг нравственный
Потащил меня в квартал.

И в квартале размышлениям
Предавался я один.
Думал: вот каким гонениям
Здесь подвержен гражданин
За боязнь соблазна женского!
Ах, зачем же я читал
Господина Аскоченного
Назидательный журнал!

1859

ОПЫТЫ ГЛАСНОГО САМОВОСХВАЛЕНИЯ¹

Привело меня в смущенье
 Это объявление.
Неужели только в Вятке
 Не берутся взятки?
Нет! В столице есть подобный
 Некий муж незлобный;
О себе он также внятно
 Возвестил печатно.
Правда держится меж нами
 Оными мужами:
Господином Вышнеградским
 С прокурором вятским.
Мужи правды и совета!
 Вам зачтется это.
Перед честностию вашей,
 Всплывшей солнца краше, —
При хвалебном общем клике
 Ныне все языки
Благодарныя России
 Преклоняют выи.

1859

¹ По поводу заявления вятского прокурора и предшествовавшего ему заявления г. Вышнеградского.

ВОЗЗВАНИЕ ¹

Приди ты, немощный,
Приди ты, радостный.

Приди — не знающий
Любостяжания,
Приди — не чающий
С истцов даяния,
Виновных женами
Не соблазвившийся
И лишь законами
Руководившийся,
Злом не торгующий,
Добра не давящий,
Спешествующий
И правоправящий!
Придите, сильные,
Придите, слабые,
Правдообильные!
Придите — дабы я
Деянья честности,
Душевной ясности
Обрек известности
Посредством гласности!

1859

¹ Можно петь это воззвание на голос известной арии «La donna e mobile».

БЕДОВОМУ КРИТИКУ

Берегись, бедовый критик!
Ты на склоне дней —
И уж яд последний вытек
Из твоих статей.
Элеонтов, элѣфантов
Крейцберг укротил
И последних обскурантов
Усов сокрушил.
Сам Шамиль теперь в Калуге,
Племя туапсе,
Натухайцы и шапсуги
Покорились все.
Бросив бранные доспехи,
Буйные мечты,
Покорились абадзехи —
Покорись и ты.

1859

ТУРНИР В ПАССАЖЕ

I

ОЖИДАНИЕ

Какое торжество Пассаж готовит нам?
Почто текут народа шумны волны
В его концертный зал, сияющий как храм,
И все места в том зале полны?
Почто в полдневный час пред зданьем проходным,
С его туннелем позабытым,
Движенье странное по стогнам городским,
Водопроводами изрытым?
Почто в движении Пассажа вовсе нет
Обычного праздношатанья
И нет сих барышень, неуловимых лет
И неразгаданного званья?
Почто стекаются и воин, и купец,
Фельетонист-импровизатор,
Моряк, и инвалид, и акций продавец,
И начинающий оратор,
Акционеров друг с внимательным лицом,
Изобразившим страх, чтоб ближних не надули,
И рисовальщик наш с своим карандашом
Из крепкого свинца, идущего на пули?
Что значит этот шум, как вопль одной души,
Весь совместившийся в неразделимом звуке,

От зала до кафе, где, чуя барыши,
Буфетчик потирает руки?

Какое торжество Пассаж готовит нам?
Ужели выступит Матрешка
И запоет под лад восторженным сердцам,
Как на бревно ступила ножка;
Ужель «Крамбамбули», «Антипка» и «Туман»
Нам душу освежат преданьями былого?
Ужели выступит на сцену хор цыган
Под управлением Григорья Соколова?
О! Если б этот хор! Увы! К чему мечты!
Цыганки в Любеке¹ влачат свой век унылый —
И в норы на зиму, как некие кроты,
Попрятались цыганофилы.
Науки ль чудеса раскроются для нас
Ее публичными жрецами?
Но нет! В Пассаже есть всему урочный час,
Час, предначертанный в программе.
Какое ж торжество Пассаж готовит нам?
Почто текут народа шумны волны?
Какими чувствами, подобными волнам,
Сердца и головы их полны?
Толпа спешит в Пассаж, имея цель одну:
Упитья зрелищем ей новым —
На рыцарский турнир, бескровную войну
Господ Перозио с Смирновым. . .
.

II

ПРИГОВОР

Прочь от нас Катон, Сенека,
Прочь угрюмый Эпиктет!
Пирогов, Щедрин, Громека —
Обличительного века
Беспокойный факультет!

¹ Любек — не город Любек, а бывший на Петровском острове трактир.

Господа, *«мы не созрели!..»*
Вот какой принес нам плод
За стремленье к доброй цели —
В две последние недели
Пятьдесят девятый год!

Как мальчишкам нужны сказки,
Так нам всем, в родном краю,
Нужны помочи, указки.
Так уснем, закрывши глазки,
Баю-баюшки-баю!

Обличительных погромов
Уничтожив самый след,
Будем спать, как спал Обломов
В продолжение двух томов, —
В продолжение ста лет.

Бросив гласности химеры,
Неприличные детям,
Да пребудут полны веры
Господа акционеры
К господам директорам.

И так далее... и выше,
И в судах, и в остальном,
С каждым днем всё тише, тише,
Благодатный мир под крыши
Заберется в каждый дом.

И неведеньем хранима,
Злом невидимым сильна,
В крепком сне непобедима,
Безглагольна, недвижима
Будет Русская страна!

1859

СОН НА НОВЫЙ ГОД

В чертогах, взысканных богами,
В сияньи солнечных лучей,
Разлитых Кумберга шарами
По оживленной панораме
Дерев тропических, дверей,
Тяжелым бархатом висящих,
Ковров, статуй, лакеев, зал,
Картин, портретов, рам блестящих
И на три улицы глядящих,
Атласом убранных зеркал;

В волнах невнятных разговоров,
Алмазов, лент, живых цветов,
Тончайших кружев, ясных взоров,
Почтенных лысин, важных споров,
Мирозидительных голов,
Прелестных, дев, хранимых свято,
Старушек, чуждых суеты,
Умов, талантов чище злата —
В слияньи света, аромата,
Тепла, простора, красоты, —

Как нуль, примкнутой к единицам
Для округленья единиц,
Внимая скромно важным лицам
И удивляясь львам и львицам,
Я всей душой склонялся ниц,
Как вдруг — раздался туш громовой,

Холодный подан мне бокал,
И бой часов густой, суровый
Провозвестил, что ныне новый,
Шестидесятый год настал.

Отдавшись весь теплу и свету,
В волненьях авторской тоски,
Я встал, как следует поэту,
Скользя по светлому паркету
Ногой, обутой щегольски.
По оживленной панораме
Пронесся гул, как ропот вод:
«Mesdames! М-г Знаменский... стихами...
Messieurs!.. желает перед нами
Сказать стихи на Новый год».

Игра и вальс остановились;
С участием детским предо мной
Головки нежные склонились,
И все очки в меня вперились...
Лакею сдав бокал пустой,
Подкуплен ужином грядущим
И белизной открытых плеч,
Я возгорелся жаром пушим
И с вдохновеньем, мне присущим,
Провозгласил такую речь:

Я говорил: «В наш век прогресса
Девиз и знамя наших дней
Не есть анархия идей,
А *примиренье интереса*
С святыми чувствами людей.

Исполняясь гордого сознанья,
Что мы кладем основы зданья,
Неразрушимого в веках,
Призванья нашего достойны,
Пребудем мудры и спокойны,
Как боги древних в небесах.

Согласно требованиям века,
Возвысим личность человека,

Свободный труд его почтим
И, поражая зла остатки,
Единодушно: взятки гадки!
На всю Россию прокричим.

Вослед за криком обличенья,
Без лихорадки увлеченья,
Мы станем действовать в тиши;
И так как гласности мы верим,
Благонамеренно умерим
Порывы страстные души.

Друзья мои, поэта лира
Одни святые звуки мира
На вещих струнах издает;
И счастья всем — в убогих хатах
И в раззолоченных палатах —
Певец желает в Новый год.

Тебе, Сорокин, — чтобы мог ты
От Бугорков до Малой Охты
Скупить дома до одного;
И чтоб от звуков сладкой лиры
Надбавка платы на квартиры
Не тяготила никого.

Чтоб чарка водки в воскресенье —
Труда тяжелого забвенья —
Была у бедных мужичков;
И вместе с тем, чтоб паки, паки
Разбогател Тармаламаки,
Снимая пенки с откупов.

Чтоб сметка русских не дремала
И чтоб торговля оживляла
Все города родной земли,
И чтобы немцы и французы
Из Петербурга денег грузы
В отчизну также увезли.

Чтоб каждый думал с новым годом
Соразмерять приход с расходом,
Свой личный труд и труд чужой;

И чтобы дамские наряды,
Как здесь, пленяли наши взгляды
Неравномерно с красотой.

Чтобы везде, в углу, в подвале,
В тюрьме, в нетопленной избе,
Все также Новый год встречали,
Как мы, в роскошной этой зале,
Позабывая о себе!»

Рукоплесканья заглушили
Мой безыскусственный привет;
Старушки тихо слезы лили,
А старцы громко говорили,
Что я — единственный поэт,
Что Русь талантами богата! . .
Все львы сошлись со мной на ты,
В моем лице целуя брата, —
В слияньи света, аромата,
Тепла, простора, красоты.

1859

ПЕСЕНКА БЕДНЫХ АКЦИОНЕРОВ

(НА ГОЛОС: „МАЛЬВРУГ В ПОХОД ПОЕХАЛ“)

Осьмнадцать миллионов
Минувший год унес!
Схороним их без стонов,
Без стонов и без слез. (bis)

Зачем самоуправно
Дела ревизовать?
Не лучше ль благонравно
Смириться и молчать? (bis)

В ревизиях заметим
Количество грешков
И лишь рассердим этим
Господ директоров. (bis)

Запутаны и тяжки
Директоров труды;
Так вкусят пусть, бедняжки,
Невинные плоды. (bis)

Самой природой святы
Законы нам даны:
Немногие богаты,
Все прочие бедны. (bis)

Блюда свои законы,
Природа, по уму,
Одним дает мильоны,
Другим дает суму. (bis)

Тому трудней, кто чаще
Считает барыши, —
Сердцам невинным слаще
Спокойствие души. (bis)

Льетса и сквозь злато
Горючих слез поток.
Зачем же жить богато —
Ведь бедность не порок. (bis)

Сочтем же недостойной
Мечту о барыше.
Ах! С совестью спокойной
Тепло и в шалаше. (bis)

Не станем же упорно
Искать, откуда зло —
А вымолвим покорно:
«И хуже быть могло!» (bis)

Схороним же без стонов,
Без стонов и без слез —
Осьмнадцать миллионов,
Что прошлый год унес. (bis)

1860

НА ПОГРЕБЕНИЕ БЕДОВОГО КРИТИКА

Не бил барабан перед смутным полком,
Как рек он прощальное слово;
И нас только двое — я плакал о нем
Да Гейне, поэт из Тамбова.
На нем не усопших покров гробовой,
Он жив, но скрывается где-то,
Обернут своею последней статьей,
Отживший, с отжившей газетой.
Погрязла среди злоуханных болот
Дружина его удалая
И разве в подземных журналах гниет,
Неслышно рыкая и лая.
Прости же, о критик! Уж ты не тово. . .
Уж ты перестал быть забавой;
И мы оставляем тебя одного
С твоей непотребною славой.

1860

ЯВЛЕНИЕ ГЛАСНОСТИ

О гласности болея и тоскуя
 Почти пять лет,
К прискорбию, ее не нахожу я
 В столбцах газет;
Не нахожу в полемике журнальной,
 Хоть предо мной
И обличен в печати Н. кварталный,
 М. становой.
Я гласности, я гласности желаю
 В столбцах газет, —
Но формулы, как в алгебре, встречаю:
 Икс, Игрек, Зет.

Так думал я назад тому полгода
 (Пожалуй, год),
Но уж во мне свершала мать-природа
 Переворот.
Десяток фраз, печатных и словесных,
 Пустив умно
Об истинах забытых, но известных
 Давным-давно,
Я в обществе наделал шуму, крику
 И вот — за них
Увенчанный, как раз причислен к лику
 Передовых.

Уж я теперь не обличитель праздный!
 Уж для меня
Открылась жизнь и все ее соблазны —

И нету дня,
Отбою нет от лестных приглашений.
Как лен, как шелк,
Я мягок, добр, но чувствую, что — гений!
А гений — долг.
И голос мой звучит по светлым залам:
«Добро! Закон!»
И падает в беседе с генералом
На полутона.

Я говорю, что предрассудки стары —
Исчадья лжи, —
И чувствую, как хороши омары,
Когда свежи.
Я познаю, топчя ковры гостиных,
Вкус старых вин
И цену их — друзей добра старинных,
Врагов рутин.
Я слушал их, порок громивших смело,
И понял вдруг,
Где слово — мысль, предшественница дела,
Где слово — звук.

Не знаю, как я стал акционером
И как потом
Сошелся я на ты с миллионером,
Былым врагом.
Но было так всеильно искушенье,
Что в светлом сне
Значенье слов — *уступки, увлечение* —
Раскрылось мне.
Сам деспотизм пришелся мне по нраву
В улыбках дам —
И продал я некупленную славу
Златым тельцам.

Мы купчую безмолвную свершили,
И хитрый спич
Я произнес, когда клико мы пили,
Как магарыч.
Но всё еще за милое мне слово
Стоя горой,

Я гласности *умеренной, здоровой*
Желал душой.
И голосил в словесности банкетной,
Что гласность — свет,
Хоть на меня глядели уж приветно —
Икс, Игрек, Зет.

Но пробил час — и образ исполинский,
Мой идеал,
Как Истину когда-то Баратынский,
Я увидал.
В глухую ночь она ко мне явилась
В сияньи дня —
И кровь во мне с двух слов остановилась:
«Ты звал меня! . . .»
«Ты звал меня» — вонзилось в грудь, как жало,
И в тот же миг
Я в ужасе набросил покрывало
На светлый лик.

Почудилось неведомое что-то:
Какой-то враг
Из всех речей, из каждого отчета,
Из всех бумаг
Меня дразнил — и, как металл звенящий,
Как трубный звук,
Нестройный хор, *о гласности болящий,*
Терзал мой слух.
Я полетел со стула вверх ногами,
Вниз головой,
И завопил, ударясь в пол руками:
«Нет! я не твой!

Нет, я не твой! Я звал тебя с задором,
Но этот зов
Был, как десерт обеденный, набором
Красивых слов.
Оставь меня! Мы оба не созрели. . .
Нет! Дай мне срок.
Дай доползти к благополучной цели,

Дай, чтоб я мог,
Обзаведясь влияньем и миллионом,
Не трепетать —
Когда придешь, со свистом и трезвоном,
Меня карать».

1860

В РЕСТОРАНЕ

Выхожу один я на дорогу...

Лермонтов

Прихожу один я к Доминику:
Стол накрыт на семьдесят персон;
На столе цветы стоят для шику;
Ананас знакомый принесен.
Всяких вин наставлено довольно;
Для закуски — честер, стильтон, бри.
Отчего ж под ложечкою больно?
Стол накрыт — что хочешь, то бери.

Уж от жизни и от службы, видно,
Ничего мне не осталось брать;
Пообедать я б хотел солидно
И солидно за обедом врать.

Не враньем обычным ресторана!
До вранья поглубже я дорос:
Я б хотел, чтоб мы уселись рано,
С крышкой супа подняли вопрос,
До жаркого всё его решая;
И потом, когда разносят дичь,
Чтоб лились, все чувства услаждая,
Тост за тостом, а за спичем спич.

<1860>

ЧЕЛОВЕК С ДУШОЙ
(И Д И Л Л И Я)

Ах! человек он был с душой,
Каких уж нынче нет!
Носил он галстук голубой
И клетчатый жилет.

Он уважал отчизну, дом,
Преданья старины;
Сюртук просторный был на нем
И узкие штаны.

Не ведал он во всё житье,
Что значит праздность, лень;
Менял он через день белье,
Рубашки каждый день.

Он слишком предан был добру,
Чтоб думать о дурном;
Пил рюмку водки поутру
И рюмку перед сном.

Он не искал таких друзей,
Чтоб льстили, как рабы;
Любил в сметане карасей
И белые грибы.

В душе не помнил он обид;
Был честный семьянин —
И хоть женой был часто бит,
Но спать не мог один.

До поздней старости своей
Был кроткий человек
И провинившихся детей
Он со слезами сек.

Когда же час его настал —
Положенный на стол,
Он в белом галстуке лежал,
Как будто в гости шел.

В день похорон был дан большой
Кухмистерский обед.
Ах! человек он был с душой,
Каких уж нынче нет!

<1860>

ИДЕАЛЬНАЯ РЕВИЗИЯ

- Дороги у вас в околodge!
- Ухабы, озера, бугры!
- Пожалуста, рюмочку водки;
- Пожалуста, свежей икры.
- Выходит, что вы не по чину. . .
- За это достанется вам. . .
- Пожалуста, кюммелю, джину;
- Пожалуста, рижский бальзам.
- Пословица службы боярской:
- Бери, да по чину бери.
- Пожалуста, честер, швейцарский;
- Пожалуста, стильтону, бри.
- Дороги, положим, безделки;
- Но был я в остроге у вас. . .
- Пожалуста, старой горелки,
- Галушек, грибочков, колбас.
- Положим, что час адмиральский;
- Да вот и купцы говорят. . .
- Угодно-с ветчинки вестфальской?
- Стерлядка-с, дичинка, салат. . .
- Положим, что в вашу защиту
- Вы факт не один привели. . .
- Угодно-с икемцу, лафиту?
- Угодно-с рейнвейну, шабли?
- Положим, что вы увлекались. . .
- Сходило предместнику с рук. . .
- Сигарочку вам-с: имперьялис,
- Регалия, упман, трабук.

— Положим, я строг через меру,
И как-нибудь дело сойдет...
— Пожалуста... Эй! Редереру!
Поставить две дюжины в лед!

<1860>

ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА

Здоровый ум дал бог ему,
Горячую дал кровь,
Да бедность гордую к уму,
А к бедности любовь.

А ей — подобью своему —
Придав земную плоть,
Любовь дал, так же как ему,
И бедность дал господь.

Обманом тайного сродства
И лет увлечены,
Хоть и бедны до воровства,
Но были влюблены.

Он видел в ней любви венец
И ей сиял лучом,
И — наших дней концов конец —
Стояли под венцом.

Он не согнулся от трудов,
Но так упорно шел,
Что стал, как истина, суров,
Как добродетель, зол.

Она — в мороз из теплых стран
Заброшенный цветок —
Осталась милой. — как обман
И доброй — как порок.

Что случилось с ним, что с ней могло б
Случиться в добрый час —
Благополучно ранний гроб
Закрыл навек от нас.

<1860>

ДИЛЕТАНТИЗМ В БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

Не о едином хлебе жив
будет человек.

Хоть одной юмористической,
Но любитель я словесности —
И талант мой пиитический
Должен гибнуть в неизвестности.

Нет! Зачем пустая мнительность?
Вдохновенья полный ясного,
Воспою благотворительность —
Отвернувшись от несчастного.

Тщетны все благодеяния
Без высокого смирения —
Лотереи и гуляния,
Сборы, лекции и чтения,

Малонравственные повести,
Пляски вовсе неприличные. . .
Ах! Добро творят без совести
Благодетели столичные!

Где тщеславие неистово,
Там добра не будет прочного,
Медный грош от сердца чистого
Больше ста рублей порочного.

Что в ней, в помощи существенной,
В хлебе братье голодающей,

Если правдой невещественной
Не украшен помогающий?

Не пойду в концерты бурные,
Не пойду в спектакли модные —
Будь они литературные
Или просто «благородные».

Хоть сестру мою, жену мою
Нищета постигнет в бедствиях,
Я и тут сперва подумаю
О причинах и последствиях.

Где помочь нельзя по строгому
Завещанию народному —
Ни гроша не дам убогому,
Ни крохи не дам голодному;

Помогу словами звучными,
Наставленьями житейскими
И речами ультраскучными,
И стихами лжебиблейскими;

Дам понятия полезные
О предметах невещественных.
Ах! Не всё же реки слезные
Лить о бедствиях существенных.

1860

ДИЛЕТАНТИЗМ В ЛИТЕРАТУРЕ

МОНОЛОГИ

1

**ВОЛЬНОЕ ПРЕЛОЖЕНИЕ ОТВЕТА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ
РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ НА ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО Г-НА СЕЛИВАНОВА**

Привет мой вам, сочлен новоизбранный!
Любители Словесности Российской
Высокой честью, сделанной вам ныне —
Принятем в члены, признают *законность*
Той отрасли словесности, которой
Вы представителем являетесь меж нами.

Да, в обличительной словесности я вижу
Явление *законное*, сказал я,
Необходимое, скажу, усугубляя,
И, так сказать, *отрадное* явление.
Она не есть пустое раздраженье
Отдельных лиц, но, я заметить смею:
Скорбящее она самопознание,
Глубокий стон из сердца и — осмелюсь
Произнести — народной подоплеки!

Но, к сожалению, должен я заметить,
Что в обличительной словесности я вижу
Еще одно печальное явление,
*Хотя оно естественное тоже.*¹

¹ Четыре следующие строки мною прибавлены в видах согласования с правилами пиитики, как антитеза.

Таков закон, начертанный природой!
Мы, например, всё зло от самохвальства
Официального здесь признаем открыто
И... продолжаем в наших заседаниях.
Она — едва возделанная отрасль
Словесности — выходит из границы
И очень часто дерзость беззаконья
Свободою законною считает!

(Обращаясь к г-ну Селиванову)

Я вам упрек высказываю смело,
Затем... что вы ему не подложите.¹
Да, клеветы в журналах и газетах
(Я говорю о «петербургских» только)
Мы, государь мой, видим беспрестанно.
Я привести пример себе позволю:
Один весьма молодой повествователь
Изобразил в своем повествованьи
Судебное и подлинное дело.
Он романист — не следователь просто, —
И в повести выводятся не только
Откупщики, чиновники и судьи,
Но жены их, и дети, и внучата.
Какое он имел на это право,
Писатель-клеветник, писатель-сплетник?²

Пусть в повести имен нет настоящих,
Пусть даже всей губернии известно,
Что откупщик бездетен, что чиновник —
Положим, N — женат ни разу не был,
И что судья — вдовец уже три года;
Пусть будет так. Но все ли это знают?
Но сказано,³ что все они женаты,
Что все они детей имеют — *ergo*:
В губерниях Иркутской, Енисейской,

¹ В подлиннике: «смело высказываю упрек именно потому, что вы ему не подложите» — предложение почти буквальное.

² В подлиннике: «писатель-сплетник, по всей вероятности писатель-клеветник».

³ В повести — не улеглось в стих.

В Шпицбергене, на Ледовитом море,
У полюса — за правду это примут!

По-моему — нет клеветы гнуснее
И отвратительней — сказать себе позволю.

И что ж? Почет и знаки одобренья
Писателя младого увенчали!
Я сам читал — обед публичный в клубе
Ему был дан торжественно — за оный
Поступок, стоящий иного награжденья:
Позорного столба общественного мненья!

По чести, я судил поступок строго,
Но пощажу хвалителей романа
И автора к столбу не поведу. . .
Хотя в душе мне и прискорбно очень:
Так молод он и так уже порочен!

Ах! нет у нас литературных нравов,
Затем что мы весьма недавно пишем ¹
И вместо дела споры только слышим
О том, чей город краше и милее
И чей язык пригоднее для фразы.
Ах! нет у нас литературных нравов!
А то б на все подобные явленья
Я отвечал улыбкою презренья.

Я указал, сочлен новоизбранный,
На терния и вредные растенья,
Которые недавно засорили
Словесности Российской вертоград, —
Вам, государь мой, смело указал я —
Вы чужды их: вы деятель достойный. . .
Они для вас как бы не существуют.

Я остаюсь затем при убежденьи,
Что только гласность может всё исправить.
Помолимся Перуну и Даж-богу ²

¹ Прибавлено для согласования с правилами пунктуации.

² См. предыдущее примечание.

И всем иным славянским божествам,
Дабы они писателям внушили
Порочных типов только *очертанья*,
Без всякого прикосновенья к жизни,
И я тогда, и все довольны будут,
Не скажут нам, что меч словесный правды
Мы в клеветы кинжал преобразили —
И в отрасли словесности, которой
Вы представителем являетесь меж нами,
Мы добрые узрим плоды, конечно,
Которые в руках достойных ваших
Должны созреть, конечно, и созреют.¹

1860

¹ «Тогда только та отрасль словесности, которая вами избрана вследствие благородного стремления к добру, *принесет те добрые плоды*, которые *она, конечно, принесет в ваших руках*». Какие плоды принесла эта отрасль словесности в руках г-на Селиванова для «Общества Любителей», знает только грудь да подоплека некоторых любителей.

ДИЛЕТАНТИЗМ В НАУКЕ

Он был бравый молодец.

«Гамлет».
перевод Н. Полевого.

Знали ль вы норманов друга?
Он был славен и учен:
Тени Шлецера и Круга
Из могилы вызвал он.
Знаменитым словопренъем
Целый город оживил. . .
Ну, так знайте: убежденьем
Он шутил, ведь он шутил!

Знали ль вы норманов друга?
Он был славен и учен.
От сомнения недуга
Исцелил весь город он:
Он сказал нам: «вы созрели!» --
И восторгом встречен был. . .
Ну, так знайте же: на деле
Он шутил, ведь он шутил!

Как профессор и «любитель»,
Он хотел, чтоб целый зал,
Как словесности обитель,
Речи слушал и молчал.
И чтоб он прилежным детям
Слово правды возвестил. . .
Ну, так знайте, что и этим
Он шутил, ведь он шутил!

Ты — ученый без призванья,
Ты — любитель-журналист.
Ты — поэт без дарованья,
Ты — без мнений публицист.
Ты — ходящий по канату, —
Пусть бы каждый затвердил
Эту дивную кантату:
Он шутил, ведь он шутил!

Поучайте нас, пишите
И смелей! вперед, назад —
Вплоть до старости пляшите,
Если держит вас канат;
Покачнется — и мгновенно
Шест держать не хватит сил, —
Пойте песню откровенно:
Я шутил, ведь я шутил!

1860

ВОРЧУН ДОРОФЕЙ

(Л Е Г Е Н Д А)

«По нерушимому условию жизни, этого мудрого Дорофея (я называю так совесть, как вонистину дар божий, — с греческого: дорос — дар, феу — божий) нет возможности ни выгнать из дому, ни заставить молчать».

*А. Башуцкий.
Письмо с Спас<ской> площ<ади>
в Акад<емический> пер<еулок>.
«Дом<ашняя> бес<еда>» 1860 г., № 29-й*

Наживая грехом
Капитал,
Иногда я тайком
Размышлял:
«Всё бы ладно: житье!
Гладкий путь...
Только совесть... ее
Как надуть?»

Мне Башуцкий помог.
Млад и стар,
Веселись! — Фео — бог,
Дорос — дар;
Значит: совесть людей —
Имя рек —
Божий дар — Дорофей —
Человек.

Я сошелся с таким
И верчу
Дорофеем своим,
Как хочу.
Усмирил я врага
Злых людей:
В моем доме слуга —
Дорофей.

Совесьть редко молчит,
Господа,
Дорофей мой ворчит;
Но когда
Дерзость сделает он
(Мой лакей!) —
•Я сейчас: «Пошел вон,
Дорофей!»

Я украл адамант.
«Стыдно вам! —
Заворчал мой педант! .. —
Это страм!
Бог и кара людей
Впереди. . .»
— «Дорофей, Дорофей!
Уходи!»

Я для бедных сбирал. . .
В свой карман;
Зашумел, замычал
Мой грубьян:
«Жить нельзя! .. Ты злодей!
Это сви. . .»
— «Дорофей, Дорофей!
Не живи».

Умножая доход,
Я пускать
Стал книжонки в народ;
Он опять:

«Ты морочишь людей,
Старый черт!»
— «Дорофей, Дорофей!
Вот паспорт».

Местом он дорожит:
Я плачú.
Он же выпить сердит —
Закачу
Ерофеичу штоф
Похмельней,
И — что хочешь — *готов*
Дорофей!

Будь покорен судьбе,
МалOVER,
И бери — вот тебе —
Мой пример!
Станет стыдно подчас,
Не робей!
Знай, что совесть у нас —
Дорофей.

ДРУЗЬЯМ МАРТЫНОВА

Кружась бог знает для чего
И для какой потехи,
Мы все смешны до одного
В своих слезах и смехе.
Друзья мои, когда вам мил
Смех, вызванный слезами,
Почтим того, кто нас смешил,
Смеясь над нами — с нами.

Блуждая ощупью, впотьмах,
От водевилей к драмам,
Смешные в искренних слезах,
Мы жалки в смехе сáмом.
Средь мертвых душ, живых могил,
Полуживые сами,
Почтим того, кто нас смешил,
Смеясь над нами — с нами.

Когда друг друга мы смешим,
Актеры против воли,
И монологи говорим
Пустые в жалкой роли, —
Он откровенным смехом был
Всесилен над сердцами.
Почтим его: он нас смешил,
Смеясь над нами — с нами.

Почтим его! Сердечный смех,
Веселость без предела
Дарили жизнью даже тех,
В ком сердце оскудело.
Тот смех, как милостыня, был
Сбираем богачами. . .
Почтим его: он нас смешил,
Смеясь над нами — с нами.

Почтим его! Одним лицом,
Менявшим очертанья,
Он вызывал над сильным злом
Смех честного страданья, —
И смех на время уносил
Нужду с ее бедами. . .
Почтим его: он нас смешил,
Смеясь над нами — с нами.

Почтим его! Припомним зал,
Где, от райка до кресел,
Мужик последний хохотал,
Последний фат был весел! . . .
Взрыв смеха общего дружил
Ливреи с армяками. . .
Почтим его: он нас смешил,
Смеясь над нами — с нами.

Почтим его! Нам много слез
Оставлено судьбою,
Но уж Мартынов в гроб унес
Могучий смех с собою,
Которым он один смешил,
Смеясь над нами — с нами,
Который с жизнью нас мирил
И вызван был слезами.

БЕЗВИННО СТРАЖДУЩИМ

(АНЕКДОТИЧЕСКАЯ ЭКЛОГА С КОММЕНТАРИЯМИ)

Не сетуй на судьбу, почтенный откупщик!
Не лей напрасных слез, как воду,
Которую вино ты разбавлять привык,
Желая здравия народу.
Пусть пишут что хотят! Пред богом не греши:
Найдешь заступника в обиде!
О пользе откупов статейку напиши —
Ее оттиснут в «Инвалиде». ¹

Не сетуй на судьбу и ты, монополист
(Грешно при деньгах падать духом!),
И резкий свист толпы, как пароходный свист,
Встречай невозмутимым ухом.
Пусть пишут что хотят! Ты на исход взгляни
Борьбы Матюшкина с Тимковским: ²
Он одолел врага и — как в былые дни —
Владеет островом Крестовским.

Не унывай и ты, поборник старины,
Смиренномудрый друг рутины!
Всё в мире от людей — а люди созданы
Все из одной и той же глины.

¹ Статья «Голос из среды откупной», «Рус<ский> инв<алид>», № 150.

² См. «Сын отчества».

И пусть тебе контроль отставкою грозит,
Утешься новыми дельцами.
Дела, как господин фон Таубе говорит,¹ —
Ведутся с прежними грехами.

Чудак, которого страшит третейский суд, —
Ты перепуган Розенгеймом.²
Взгляни без робости: Арсеньева зовут³
Ефремов, Кабат с Виттенгеймом.⁴
Пусть разбирают их, — кто виноват, кто прав!
Арсеньев бросил им перчатку —
Они не подняли, в смирении признав
Свою статью за опечатку.

Не унывай и ты — влетающий к жильцам
Подобьем птички домовитой,
И надбавляющий здесь гривны, сотни там,
О ты, Сорокин знаменитый!
Не лей напрасных слез, но оглянись кругом:
Кричавший громче всех и строже,
Как промыслитель-бобр обзаведясь домком,
Взымает четверо дороже.⁵

Да, милые друзья, добро всегда возьмет
Верх над порочными страстями,
И что ни говори — а мир вперед идет
Неудержимыми шагами.
Род человеческий, по благодати небес,
Проникнут волею единой;
Мы сделались умней — и самый наш прогресс
Для нас становится рутиной.

1860

¹ См. юмористически-наивную статью 'о фрей-билетах, «Се-
в<ерная> пч<ела>», № 166.

² Известный поэт-обличитель.

³ См. «Искру», № 34.

⁴ Просим извинения у г-на Лампе, что пропустили его имя; оно не вошло в стих. Мы постараемся заглазить нашу вину при первом удобном случае.

⁵ См. новый дом на Литейной.

ВДОВУШКА И ПОРУЧИК
(РОМАН В ОСЬМИ СТРОФАХ)

Раз у вдовушки прекрасной,
Все любовью изнывая,
Вечер осени ненастной
Проводили мы, вздыхая, —
Дипломат довольно бледный,
Бюрократ довольно тучный,
Я, художник очень бедный
И поручик очень скучный.

Разговор шел очень вяло,
Но хозяйка очень мило,
Так как чай нам разливала,
«Сладок чай?» — у нас спросила.
Мы, как требует порядок,
Поклонились очень скромно. . .
«Как улыбка ваша, сладок!» —
Произнес поручик томно.

На любезность в этом роде
Все мы взоры опустили
И искусно на погоде
Разговор остановили.
Ну, предмет такой обилен!
Как, мол, ветрено, ненастно. . .
«Ветер-с? Будто взгляд ваш, силен», —
Произнес поручик страстно.

Мы потупились, как прежде,
И вступили в состязанье
О политике, в надежде
На поручичье молчанье.
Говорим, что всё случайно,
Тщетна всякая догадка;
«Так и в сердце вашем тайна!» —
Произнес поручик сладко.

В настроении сердитом
Мы вступили, как-то дико,
В разговор о знаменитом
Ut diez'e Тамберлика;
Говорим, что он все струны
Сердца трогает искусно...
«В вашем голосе — перуны!» —
Произнес поручик грустно.

Бледны, пасмурны и немы,
Злясь на вечер неудачный,
От вдовы уходим все мы,
Как осенний вечер мрачны;
И, галоши надевая,
С видом страсти безнадежной —
«Ухожу! Лишаюсь рая!» —
Произнес поручик нежно.

Мой художник застрелился
Майской ночью на рассвете;
Я с отчаянья решился
Написать стихи — вот эти —
И поручику их злобно
Прочитал, с большим искусством;
«Очень мило! бесподобно!» —
Произнес поручик с чувством.

Казнокрадство — бюрократа
Утешеньем было в горе;
Он попался. Дипломата
Унесло весною в море.

И, вступивши в брак законный
С нашей вдовушкой прекрасной, —
«Ты моя!» — как иступленный,
Произнес поручик страстно.

<1860>

ВОЗРОЖДЕННЫЙ ПАНГЛОСС
(А НОВИМНОМУ РЕЦЕНЗЕНТУ-ОПТИМИСТУ
„ВИБЛИОТЕКИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ“)

Откуда ты, эфира житель?

Жуковский

Откуда ты, с твоей статьею,
Вступивший с временем в борьбу,
Панглосс, обиженный судьбою,
Но слепо верящий в судьбу?
Как ты сберег свои сужденья?
Как ты не умер, о Панглосс!
И в «Библиотеку для чтения»
Какой Вольтер тебя занес?

Ну да, мы насмех стихотворцы!
Да, мы смешим, затем что грех,
Не вызывая общий смех,
Смотреть, как вы, искусствоборцы,
Надеть на русские умы
Хотите, растлевая чувства,
Халат «искусства для искусства»
Из расписной тармаламы.

Ну да! мы пишем насмех людям;
Смешим, по милости небес,
И до тех пор смешить их будем,
Пока задерживать прогресс
Стремятся мрака ассистенты,
Глупцов озлобленная рать, —
И насмех критики писать
Дерзают горе-рецензенты.

1860

Мы всё смешное косим, косим
И каждый день и каждый час. . .
И вот добычи новой просим
У «Иллюстрации» и вас.

Две параллельные дороги
Пройти нам в жизни суждено:
Мы снисходительны — вы строги;
Вы пьете квас — мы пьем вино.

Мы смехом грудь друзей колышем;
Вы желчью льетесь на врагов.
Мы с вами под диктовку пишем
Несходных нравами богов;

Мы — под диктовку доброй феи;
Вы — гнома злобы и вражды;
Для нас — евреи суть евреи;
Для вас — евреи суть *жиды*.

Мы к сердцу женскому, робея,
С цветами, с песнями идем;
Вам — их учить пришла идея
Посредством плетки с букварем.

Для нас — забавны ваши вздохи;
Для вас — чувствителен наш смех.
Увы! Мы с вами две эпохи
Обозначаем вместо вех.

Что ж спорить нам? Простимся кротко
И станем по своим местам,
Вы — с букварем своим и плеткой,
А мы с запасом эпитаграмм.

1860

В минуту жизни трудную
Прочел я в «Иллюстрации»
Одну статейку чудную
Для женщин русской нации.

Какая комбинация
Любви с наукой кроткою:
Прогресс, эманципация
В соединеньи с плеткою!

Не верится. . . Не плачется
За ход цивилизации. . .
Пускай себе дурачится
Редактор «Иллюстрации»!

1860

ДРУЖЕСКИЙ СОВЕТ

**(ПОСВЯЩАЕТСЯ РЕЦЕНЗЕНТУ, КОТОРЫЙ
ПРИМЕТ ЭТУ ШУТКУ НА СВОЙ СЧЕТ)**

Друг мой, вот тебе совет:
Если хочешь жить на свете
Сколь возможно больше лет
В мире, здравьи и совете, —
Свежим воздухом дыши,
Без особенных претензий;
Если глуп — так не пиши,
А особенно — рецензий.

1860

1861 ГОД
(ЭЛЕГИЯ)

Семь тысяч триста шестьдесят
 Девятый год,
Как человек ползет назад,
 Бежит вперед;
Семь тысяч триста с лишком лет
 Тому назад
Изображал весь белый свет
 Фруктовый сад.
Мы, господа, ведем свой счет
 С того числа,
Когда Адам отведал плод
 Добра и зла.

Семь тысяч лет пошли ко дну
 С того утра,
Как человек нашел жену,
 Лишась ребра;
С тех пор счет ребрам у друзей
 Мужья ведут,
Когда в наивности своей
 Их жены лгут.
И всё обман и всё любовь —
 Добро и зло!
Хоть время семьдесят веков
 Земле сочло.

Потом мудрец на свете жил, —
Гласит молва —
За суп он брату уступил
Свои права.
Потом заспорил род людской.
Забыв урок,
За призрак власти, за дрянной
Земли клочок;
За око око, зуб за зуб
Ведет войну —
За тот же чечевичный суп,
Как в старину.

Прошли века; воюет мир,
И льется кровь —
Сегодня рухнулся кумир,
А завтра вновь
Встают неправда и порок
Еще сильнее —
И служат порох и станок
Страстям людей.
И спорят гордые умы
Родной земли:
«Что нужно нам? Откуда мы?
Куда пришли?»

Должны ли мы на общий суд
Тащить всё зло
Иль чтоб, по-старому, под спуд
Оно легло?
Крестьянам грамотность — вредна
Или добро?
В семействе женщина — жена
Или ребро?
Созрел ли к пище каждый рот?
Бить или нет?»
Так вопрошают Новый год
Семь тысяч лет.

1860--1861

МОРОЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

I¹

Ночь холодная мутно глядит
В комфортабельный мой кабинет;
По бумаге перо неустанно скрипит,
А с пера сладкозвучная рифма бежит,
И не дремлет... и дремлет поэт.

Пусть Полонскому снится: *на волке верхом*
Едет он по тропинкам волшебной страны
Воевать с чародеем-царем,
В чудный край, *где царица сидит под замком...*
Мне иные мерещатся сны.

Мне всё чудится: семьдесят девять домов...
В двух конурках семейство живет,
Платит тридцать рублей, без воды и без
дров...

И я слышу, как хор недовольных жильцов
Про Сорокина песни поет.

И мне видится площадь — на ней кучерá,
Согреваясь, друг друга теснят
Перед пламенем красным костра,
Да на окна глазекют, а там до утра
Очень скучно идет маскарад.

¹ Следующие не замедлят появиться, если морозы не перестанут свирепствовать.

И я вижу и слышу мороз на дворе:
У ворот заливаются псы,
В департамент шинельки бегут на заре,
А у дам развивается tic douloureux,¹
У извозчиков мерзнут носы.

И всё чудится мне, как рабочий идет
В Эльдorado полуночных стран,
Полушубок последний несет,
Просит водки. . . а Ицка ему подает
Вместо водки тяжелый дурман.

А холодная ночь так же мутно глядит
В комфортабельный мой кабинет,
По бумаге перо неустанно скрипит
И поэту весьма справедливо велит
Этим кончить последний куплет.

1861

¹ Мучительный тик. (Франц.) — *Ред.*

СКАНДАЛ

Они сейчас: — Разбой! Пожар!
И прослывешь у них мечтателем
опасным!

(Чацкий. «Горе от ума»)

«На что, скажите, нет стихов?» —
Во время оно Мерзляков
В старинной песне, всем знакомой,
Себя торжественно спросил
И добродушно угостил
Своих читателей *соломой*.

В былые дни для Мерзлякова
Воспеть солону было ново. . .
Для нас ни в чем новинки нет,
Когда уже австрийский лагерь
Воспел Конрад Лилиеншвагер,
«Свистком» владеющий поэт.

У нас жуки *сшибались* лбами,
Перейра был воспет стихами,
С березой нежничает дуб,
И, наконец, король сардинский
В стих Розенгейма исполинский
Попался, как ворона в суп.

Друзья мои, господь свидетель:
Одну любовь и добродетель,
Одни высокие мечты,
Из лучших в наилучшем мире,
Я б воспевал на скромной лире,
Не тронув праха суеты;

«Лизета чудо в белом свете!»¹ —
Всю жизнь я пел бы в триолете;
«Когда же злость ее узнал»
(Не Лизы злость, а жизни злобу), —
Пришелкнув языком по нёбу,
Друзья мои, пою *Скандал!*

Скандал, пугающий людей!
Скандал, отрада наших дней!
Скандал! «Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!..
Как много лиц отозвалось»²
В искусстве, в жизни и в науке!

Хвала, хвала тебе, Скандал!
За то, что ты перепугал
Дремавших долго сном блаженным, —
И тех, кто на руку нечист,
И тех, кому полезен свист,
Особам якобы почтенным.

Хвала, хвала тебе, Скандал!
За то, что на тебя восстал
Люд по преимуществу скандальный:
Восстал поборник откупов,
Восстал владелец ста домов,
Восстал Аскóченский печальный;

Восстали мрачные умы,
Восстали грозно духи тьмы,
Надев личины либералов,
Страшась, что справедливый суд
Над ними скоро изрекут
«Литературою скандалов».

Хвала, хвала тебе, Скандал!
С тех пор, как ты в печать попал,
С чутьем добра, с змеиным жалом,

¹ Стихи между вносными знаками в этой строфе принадлежат Карамзину (триолет «Лизета»).

² Известные стихи Пушкина из «Евгения Онегина».

Ты стал общественной грозой,
Волной морской, мирской молвой
И перестал уж быть Скандалом.

Скандал остался по углам:
Скандал гнездится здесь и там,
Скандал с закрытыми дверями,
Немой Скандал с платком во рту,
Дурная сплетня на лету
И клевета с ее друзьями.

Хвала, хвала тебе, Скандал!
Твоя волна — девятый вал —
Пусть хлынет в мир литературы!
Пусть суждено увидеть нам
Скандал свободных эпиграмм
И ясной всем карикатуры!

1861

ОДА НА ПОЯВЛЕНИЕ В „СВИСТКЕ“ НОВОГО ПОЭТА

Когда кругом *него* шумели непомерно,
И в честь его звучал камелий нежный хор,
И Воскобойников, став в позу Олоферна,¹
Произносил над ним свой крепкий приговор,
И странные слова — «бездарность», «Держиморда» —
Носились в воздухе, как клики диких орд, —
Он был хорош тогда: на всех смотрел он гордо,
Как гранд Испании или британский лорд.

Но Воскобойников журнальные нападки
Спокойно перенес — а он, герой сих строк,
Вдруг щегольской свой хлыст и желтые перчатки
Отбросил от себя и в руки взял свисток.
Как Воскобойников, он стал ногами топтать,
Стал кулаки сжимать и произнес (скандал!),
Что «Светоч» издает не свет, а только копать,
Забыв, какой урок сей «Светоч» «Искре» дал.

О, снобсы юные! Камелии младые!
Цветы без запаха, но слишком дорогие!
Мир самых грубых чувств и самых тонких блонд.
Санктпетербургского уезда *Демимонд!*
Зови его! Кричи: «Журнальная измена!
Зачем он бросил кисть и лиру Жюль Жанена?

¹ Просим извинения у Нового поэта, что воспользовались счастливым сравнением г-на Воскобойникова с Олоферном, сравнением, сделанным им в январской, на днях вышедшей в свет книжке «Современника».

Зачем он взял свисток и гласности трубу?
Пусть пишет, как Баррьер, Клервиль, Тибу, Абу!
Его отец Дюма почтил благословеньем,
Чтоб он на Севере был сына отраженьем!»

О чем волнуетесь, камелии, хлыщи?
Он мастер воспевать манишки, вицмундиры,
Накладки, чепчики, носы, на них прыщи —
Но в добром сердце нет громов для злой сатиры.
Взгляните: как дрожит в его руках свисток!
Взгляните: просвистал поэт что только мог,
Набрав потребное число материалов
Из них же, им самим освищенных журналов. . .
А Воскобойников, забыв про Держиморд,
Рецензий не писать решившись очень твердо,
«Свисток» просматривал внимательно, но гордо —
Как гранд Испании или британский лорд.

1861

Г-Н АСКОЧЕНСКИЙ И Г-Н ЛЕОТАР
(МАСЛЯНИЧНАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ)

О каком ваша речь Аскочѣнском?
Вам Аскочѣнский речь задает.

Голос из «Домашней беседы».
«Искра» 1861 г., № 1

В начале сырныя недели
Я звал к Аскочѣнскому так:
«О ты, мой Ментор в каждом деле,
Тебя зовет твой Телемак!
О муж Аскочѣнский, поведай,
Как веселиться должно мне».
И сел «Домашнею беседой»
Питать свой дух наедине.

К занятю этому привычный,
Что нужно — тотчас я нашел:
Прочел «Словарь иноязычный»
И «Блѣстки с изгарью» прочел;
Нашел статеечку «За чаем»,
Прочел внимательно сейчас
И порешил: теперь мы знаем,
Что позволительно для нас.

«Не загрязнюсь в житейском море! —
За чаем провещал сей муж. —
И не пойду смотреть Ристори
(Она уехала к тому ж).
Она беснуется в Медее. . .

А Майерони-Олоферн
И остальные лицедеи
Суть скверна хуже всяких скверн.

Васильев, Щепкин и Садовский!
Вас избегаю, как огня...
Ваш этот Гоголь, ваш Островский
Страшнее язвы для меня.
Пусть весь театр в весельи диком
Кричит и воет: Тамберли-и-к! —
При встрече с вашим Тамберликом
Стыдом зардеется мой лик.

А эти нимфы... эти... эти...
Розатти, Кошева... Но нет!
Нет! Ни полслова о балете...
Стыжусь... я сам люблю балет!»
Артистов всех одним ударом
При мне Аскóченский сразил;
Но пред красавцем Леотаром
Свою нагайку опустил.

Как бы в одном театре-цирке
Найдя свой высший идеал,
Для Леотара ни придирки,
Ни резких слов он не сыскал.
И понял я, что боги дали
Обоим одинакий дар
И что Аскóченский в морали —
То, что в искусстве Леотар.

Как Леотар, спокойно-важен,
Сперва качается, плывет...
И сразу в два десятка сажень
Отмерит в воздухе полет;
Так и Аскóченский смиренный
Поет природу, свод небес
И вдруг накинется, надменный,
На человечность и прогресс.

Как Леотар, в трико прозрачном.
Один, свободней всех одет;

Так наш Вельо, в издании мрачном,
У нас один анахорет.
Умея падать без увечья,
Витают оба высоко:
Тот в хитрых хриях красноречья —
А этот в розовом трико.

Кто б ни был ты, читатель, ведай,
Что Леотар один — артист
И что с «Домашнею беседой»
Тебе не страшен общий свист.
В дни девятнадцатого века
Разврат сердец, страстей пожар —
Лишь два осталось человека:
Аскóченский и Леотар!

1861

СТАНСЫ НА БУДУЩИЙ ЮБИЛЕЙ БАВИЯ
(САМИМ ЮБИЛЯРОМ СОЧИНЕННЫЕ)

Друзья, в мой праздник юбилейный,
С погребщиком сведя итог,
Я вас позвал на пир семейный —
На рюмку водки и пирог.
Но чтоб наш пир был пир на диво,
На всю российскую семью,
Стихами сладкими, игриво,
Я оду сам себе спою.

Без вдохновенного волнения,
Без жажды правды и добра
Полвека я стихотворенья
На землю лил, как из ведра.
За то Россия уж полвека —
С Большой Морской до Шемахи —
Во мне признала человека...
Производящего стихи.

Литературным принят кругом
За муки авторских потуг,
И я бы Пушкина был другом,
Когда бы Пушкин был мне друг.
Но в этот век гуманных бредней
На эту гласность, на прогресс
Смотрю я тучею последней
Средь прояснившихся небес.

Я — воплощенное преданье,
Пиита, выслуживший срок,
Поэтам юным — назиданье,
Поэтам в старчестве — упрек.
Я протащил свой век печальный,
Как сон, как глупую мечту,
За то, что тканью идеальной
Порочил правды красоту.

За то, что путь я выбрал узкий
И, боясь народных уз,
Писал, как русский, по-французски,
Писал по-русски, как француз.
Не знал поэзии в свободе,
Не понимал ее в борьбе,
Притворно чтил ее в природе
И страшно чтил в самом себе.

За то, что в диком заблужденьи,
За идеал приняв застой,
Всё современное движенье
Я назвал праздною суетой.
За то, что думал, что поэты
Суть выше остальных людей,
Слагая праздные куплеты
Для услаждения друзей.

О старички, любимцы Феба!
Увы! рассеялся туман,
Которым мы мрачили небо;
Стряхнем же с лиц позор румян,
Язык богов навек забудем
И, в слове истину ценя,
Сойдем с небес на землю, к людям,
Хоть в память нынешнего дня.

1861

**„ЕГИПЕТСКИЕ НОЧИ“
И ПЕТЕРБУРГСКИЕ ФЕЛЬЕТОНЫ
(И М П Р О В И З А Ц И Я)**

Чертог сиял. Стихи звучали —
И проза мерная лилась;
Все восторгались, все зевали. . .
Вся знать губернская стеклась,
Полна духовного алканья,
С своими женами, с детьми,
В зал благородного собранья
Богоспасаемой Перми.

Вошла она. И вот все очи
Ее прикованы лицом;
Она так просто и с умом
Прочла «Египетские ночи»,
Что взгляд, исполненный огня,
Так и казалось, будто спросит:
«Скажите, кто же камень бросит
За это чтение в меня?»

Прочла — и затряслась вся зала
Аплодисментами похвал;
По уголкам жрецы скандала
Шипели тихо про скандал.
Она ответила им гордо,
Опять на кафедру взошла
И Розенгейма (!) «Слово» твердо
И выразительно прочла.

Но камня нет на вызов чтицы;
Тот камень после прилетел:
Увы! тот камень из столицы,
Где за избытком важных дел
Нет пересудов, переборов. . .
Увы! тот камень — человек,
Зовется Камень Виногоров.
Он — юморист журнала «Век».

«Клянусь, о мать обличений!
Тебе неслыханно служу:
До непростительных глумлений,
До грязных сплетен нисхожу. . .»
Так рассуждал. . . Не рассуждал он,
Не полагал, что, для проказ
Назвавшись Камнем, надевал он
На шею камень в оный час.

Но встали витязи и князи
Литературная земля,
Назвав в нем сердце комом грязи,
Его в курантах погребли:
Там в назиданье человека
Стоит гробница — и на ней
«Поступок безобразный „Века”»
Читатель зрит до наших дней.

1861

Что вы, с злорадством, так дурно скрываемым,
Что протестуете все,
Вы — Елисеев, Якушкин с Минаевым,
Курочкин и Траверсе?

Пусть между нами судьей будет публика:
Рубль я извозчику дал,
Мало ему показалось рублика:
«Дайте еще», — он сказал.

Вместо спасибо мужицкого честного
В дом он за мною пошел. . .
Я, избегая скандальчика местного,
Общий скандал произвел.

Я завладел и конем и пролеткою,
Сел, а ему приказал
Речью, как должно, внушительно-кроткою:
«Шествуй со мною в квартал».

Лошадь осаживать с грубой ухваткою
Стал он без всяких причин,
Tout bonnement parce que¹ править лошадкою
Вправе хозяин один.

Тут соскочил я и с должной сноровкою
Лошадь схватил под уздцы
И заниматься пошел потасовкою. . .
Вижу: подходят купцы.

¹ Просто потому, что. (Франц.) — *Ред.*

Все без перчаток, всё лица сердитые —
Точно у Крейцберга львы. . .
Ну, господа, люди тонко развитые,
Что бы тут сделали вы?

Я ль виноват, что, немножко взволнованный,
Стал я кулачным бойцом?
Я ль виноват в том, что я *образованный*
И всё невежды кругом?!

1861

Есть речи, — значенье
Нелепо и ложно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.

В них мрак ретроградства,
Миазмы цинизма,
Шипенье злорадства
Дошли до лиризма.

Как пошло из Мойки,
Зловонны — и жестки,
Как в лагерях койки, —
Их «Изгарь и блески».

Не стоит ответа
Средь дела мирского
Противника света
Бездушное слово;

Но мы б отвечали
На выходки эти
В концерте, на бале,
За рюмкой в буфете,

На званом обеде,
Не кончив жаркого, —
«Домашней беседе»
Приличное слово.

1861

Розги — ветви с древа знания!
Наказанья идеал!
В силу предков завещания
Родовой наш капитал!

Мы до школы и учителей,
Чуть ходя на помочах,
Из честной руки родителей
Познавали божий страх.

И с весною нашей розовой
Из начальнических рук
Гибкой, свежее, березовой
Нам привили плод наук.

И потом, чтоб просвещением
Мы не сделались горды,
В жизни отческим сечением
Нас спасали от беды.

В нас развились мышцы крепкие,
К нравам праотцев любовь,
Ум железный, руки цепкие
И чуть тепленькая кровь,

Так по телу разведенная,
Что от сердца никогда
Не бросалась возмущенная
В наши щеки от стыда.

Розги! ветви с древа знания,
Вам хвала превыше хвал.
Верный компас воспитания,
Наказанья идеал!

1861

ДОБРЫЙ БАРИН И ЛИХОЙ ЯМЩИК

Вот мчится тройка удалая
Под *вдохновительным* кнутом,
В Курск на рысях препровождая
Monsieur Легетра целый дом.

Ямщик лихой, когда от ветра
И полугара покраснел,
О щедрости monsieur Легетра
Романс чувствительный запел.

«Я, — говорит, — им благодарен
И вспомню завсегда добром;
Он, — говорит, — как важный барин,
Дал мне рубль двадцать серебром».

Ямщик лихой! Златым химерам
Не предавайся! В тот же год
Рубль двадцать он акционерам
Раз пятьдесят поставил в счет.

1861

Видеть, как зло торжествует державно,
Видеть, как гибнет что свято и славно,
И ничего уж не видеть затем —
Лучше не видеть совсем!

Слышать с младенчества те же напевы:
Слышать, как плачут и старцы и девы,
Как неприятно и тягостно всем, —
Лучше не слышать совсем!

Жаждаť любви и любить беспокойно,
Чтоб испытать за горячкою знойной
На сердце холод и холод в крови, —
Лучше не ведать любви!

Знать и молитвы и слез наслажденье,
Да и молиться и плакать с рожденья —
Так, чтобы опыт навеки унес
Сладость молитвы и слез!

Каждое утро вверяться надежде,
Каждую ночь сокрушаться, как прежде,
И возвращаться к надежде опять —
Лучше надежды не знать!

Знать, что грозит нам конец неизбежный,
Знать всё земное, но в бездне безбрежной
Спутать конец и начало всего —
Лучше не знать ничего!

Мудрый лишь счастлив; он смотрит спокойно,
И над его головою достойной
Свыше нисходит торжественный свет. . .
Да мудрецов таких нет!

<1861>

**ГОДОВЩИНА ОБЩЕГО СОБРАНИЯ
АКЦИОНЕРОВ ГЛАВНОГО ОБЩЕСТВА
РОССИЙСКИХ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ**

(Л Е Г Е Н Д А)

В великий день поверки сумм,
Отчетов, смет и изысканий
Мы говорили: «Был же шум
В начале наших заседаний!
Ведь оппозиция была
И сколько совершила зла!
Но наш совет остался твердым,
Умолк противников задор,
И мы молчаньем нашим гордым
Неравный выровняли спор.

И что ж? Недавний свой урон
Они кичливо позабыли,
Забыли все, как Стасов, Крон
Поражены советом были.
И снова каждый сует нос
В известный *денежный вопрос*.¹
Но мы никак своим вниманьем
Не удостоим их ни в чем
И так же гордо, как молчаньем,
Их одолеем большинством.

¹ Редакция просит гг. членов совета не смешивать этот вопрос с известным «Question d'argent» Дюма-фиса.

Кричите ж, не жалея сил,
Кричите все, но знайте это:
Уже Перозио вступил
Во стан защитников совета!»
Сбылось — и в день поверки сумм
Опять поднялся гвалт и шум,
Восстали снова Крон и Стасов —
Но смолк задорный вой врагов
Пред большинством всех лет, всех классов,
Двух тысяч с лишком голосов.

В бореньи падший невредим:
Врагов мы в прахе не давили,
Когда все счеты, в пику им,
Акционеры утвердили.
У нас верней на вещи взгляд;
Мы знали раньше: утвердят!
Хоть нет у нас, во всем комплексе,
На помощь нам поморных лир
И на французском диалекте
Писать не станем мы сатир.

Но вы, сотрудники газет,
Вы — демагоги-журналисты,
Вы, про парижский комитет
Писавшие фельетонисты,
Что взяли вы? Еще ли он
Не страшен вам, наш Колинъон?
Еще ли нам грозит опасность?
Уж мы ль не знаем нашу роль...
Скажите — скоро ль ваша гласность
Над нами учредит контроль?

Куда запишем наш расход?
Ваш просветитель иностранец
Ужель на ваш не смеет счет
Перевозить своих племянниц? ¹
Уж не свои ли должно нам
Платить прогоны ямщикам?

¹ По счету линии от Вильно к прусской границе значителен, между прочим: «за путешествие из Парижа в Ковно свояченицы и племянницы г-на Легетра 255 р.», «Русский инвалид», № 169.

Все деньги эдак мы просвищем!
Вас одолел корысти бес:
Шести рублей вам жалко нищим,¹
Пяти на лимонад-газес!

Расчет подробный невозможен.
Каких расписок нужно вам?
Каких квитанций от таможен?
Что вам до частных телеграмм?
До канцелярий, до припасов?
Пусть Воскобойников и Стасов
Змеиный выпускают свист,
А для французских инженеров,
При большинстве акционеров,
Не страшен русский журналист.

1861

¹ В статье шестой двадцать пятой главы XXVI таблицы значится, между прочим:

«Умершему г-ну Фишеру, кроме расходов на лечение, одежду, похороны и пр., отчислено 6 р. сер. на бедных.

Г-ну Труше выдали на garde-malade 19 р., лимонад 4 р. и лекарство 2 р., «Русский инвалид», № 168. <Garde-malade — сиделка. (Франц.) — *Ред.*>

ЭПИТАФИЯ БАВЛЮ

Судьба весь юмор свой явить желала в нем,
Забавно совместив ничтожество с чинами,
Морщины старика с младенческим умом
И спесь боярскую с холопскими стихами.

1861

СЛОВО ПРИМИРЕНИЯ

(МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ
С ЭЛЕГИЯМИ И ПЛЯСКОЮ)

Ах! Было время золотое,
Когда, недвижимого застоя
 И мрака разгоняя тень, —
Прогресса нашего ровесник,
Взошел, как солнце, «Русский вестник»,
 Как в наши дни газета «День».

Ах! Были светлые года!
Ах! Было времечко, когда
 У нас оракул был московский. . .
В те дни, когда Старчевский стал
Свободный издавать журнал
 И в нем посвистывал Сенковский. . .

То были времена чудес:
Носился в воздухе прогресс,
 Упал «Чиновник» и «Тамарин»,
И уж под бременем годов
Вкушал плоды своих трудов -
 В смиренном Карлове Булгарин.

И как Москва в свои концы
Чертоги, храмы и дворцы
 Победоносно совместила,
Так в «Русском вестнике» одном
Себе нашла и кров и дом
 Литературы русской сила.

Сверкала мудрость в каждой строчке;
Все книжки были, как веночки
 Из ярких пальмовых листов
И лепестков душистой розы —
Из Павлова изящной прозы
 И нежных Павловой стихов.

Вдруг журналистики Юпитер,
Во ужас повергая Питер,
 Посредством букв X., Y., Z., —
Как шар, попавший прямо в лузу,
Вооруженную Медузу,
 Малютку-гласность вывел в свет.

Вдруг, всю Россию ужасая,
Пронесся воплем в край из края
 До самых отдаленных мест
Литературно-дружным хором —
И грянул смертным приговором
 Противу Зотова протест.

Писавший спроста, без расчетов,
Склонил главу Владимир Зотов;
 Да как же не склонить главы:
Чуть *список лиц* явился первый,
У Зотова расстроив нервы,
 Вдруг — *дополнение* из Москвы!

Кто не участвовал в протесте?
Сошлись негаданно все вместе:
 «Гудок» с «Журналом для девиц»,
Известный критик Чернышевский,
И рядом с ним Андрей Краевский. . .
 Какая смесь одежд и лиц!

Все литераторы в печали
Протест сердитый подписали,
 Не подписал один «Свисток»,
За что и предан был проклятьям
Как непокорный старшим братьям —
 Высоконравственный урок!

Так «Русский вестник» в дни движенья
Кружился в вихре увлеченья,
Отменно в спорах голосист,
В журнальных иксах видел дело,
Как самый юный и незрелый
Санктпетербургский прогрессист.

Иное выступило племя.
«День», «Русский вестник», «Наше время»
Струю кастальскую нашли:
И князя Вяземского гений
Из них каскадом песнопений
Разлился по лицу земли.

Расставшись с милой и единой
Англо-московскою доктриной,
Забыв весь юношеский вздор,
Поэзии отведав неги,
Журналом жалостных элегий
Стал «Русский вестник» с этих пор.

ЭЛЕГИЯ

«„Печально век свой доживая,
С днем каждым сами умирая,
Мы в новом прошлогодний цвет.
Сыны другого поколенья,
Живых нам чужды впечатленья“, —
Как древле говорил поэт.

Всё как-то дико нам и ново,
Звучит *бессовестное слово* —
Уж мы не рвемся в жизнь, как в бой,
А всё у моря бы сидели
Да песни слушали и пели,
На целый мир махнув рукой.

Зачем для них свобода мнений?
Где *raison d'être*¹ таких явлений?
Всё это гниль и фальшь кружков.

¹ Смысл существования. (Франц.) — *Ред.*

Мы, как начальники-поэты,
Ответим им: вы пустоцветы!
Вы прогрессисты без голов!

Явление жалкое минуты!
Ведь вы одеты и обуты?
А вам, чтоб каждый был одет?
Так это *зависть пешехода,*
Вражда того, кто без дохода,
Как древле говорил поэт.

Нам нужны формулы для дела;
Чтоб жизнь созрела, перезрела,
Как с древа падшие плоды;
Хоть бы пожар случился дома,
Вы, без ньютонова бинорма,
Не смейте требовать воды.

Не вы, а внуков ваших внуки
Должны вкусить плоды науки
И фрукты жизни, — а пока
Пляшите прозой и стихами! . . .»
И «Русский вестник» с свистунами
Плясать пустился трепака.

Когда мне в первый раз принес рассыльный «День»
И прочитал Première Moscou¹ я:
Première Moscou права! Всѣ ложь, всѣ дребедены!
Я вскрикнул громко, но тоскуя.

Ложь в журналистике — на наших же глазах,
В газетах и журналах грузных,
В разборах, хрониках, хозяйственных статьях,
И даже в выкладках *абструзных*.²

Ложь в просвещении, в литературе ложь,
Ложь в вдохновениях искусства,
И даже (Господи! Меня пробрала дрожь!)
Ложь в теплоте и силе чувства.

Литература лжет всех более; она
К скорбям народным хладнокровна:
Она не то, чтобы бессильна и бледна,
Но ничего в ней нету ровню!..

Лгал Пушкин, Лермонтов, Белинский и Крылов,
Лгал Ломоносов, Грибоедов,
Булгарин... Нет, не он... лгал Гоголь и Кольцов,
И все поэты наших дедов.

¹ Московскую передовую статью. (Франц.) — *Ред.*

² Выразительное слово «абструзный» заимствовано мною из известной читателям «Искры» «Элегической заметки» «Русского встника». Т<а>р<ах> Тол<ерансов>.

Лгал Глинка в музыке, Иванов на холсте,
В аудитории Грановский...
Уж я не говорю, как нынче лгут вот те...
Тургенев, что ли, и Островский.

Я горячусь... Их всех я растерзать готов...
Теснится мрачных дум избыток...
И вдруг история — их мысли и трудов
Пред мною развивает свиток.

Их с отвращеньем я читаю в наши дни.
Я говорю: они все лгали!
Но не сотру того, что сделали они
И что потомству завещали.

1861

СТАРИЧОК В ОТСТАВКЕ

Литературой обличительной
Я заклеюмен:
Я слышу говор, смех язвительный
Со всех сторон.
Еще добро б порода барская,
А то ведь зря
Смеется челядь канцелярская
И писаря!

А мне всего был дан родителем
Один тулуп,
И с ним совет — чтобы с просителем
Я не был глуп,
Что «благо всякое даяние»,
Да «спину гни» —
Вот было наше воспитание
В былые дни.

В уездный суд судьбой заброшенный
В шестнадцать лет,
Я вицмундир купил поношенный —
И белый свет
С его соблазнами, приманками
Мне не светил
Между обложками и бланками,
В струях чернил.

Я не забыл отцовы правила,
 Был верен им:
Меня всегда начальство ставило
 В пример другим.
Сносив щелчки его почтительно,
 Как благодать,
Я даже мысли возмутительной
 Не смел питать.

Я в каждом старшем видел гения,
 Всю суть наук, —
И взял жену без рассуждения
 Из старших рук.
А как супруга с ребятишками
 Пилить пойдут,
Так я ученого бы с книжками
 Поставил тут!

Я им опорой был единою.
 Всё нужно в дом:
И зашибешься — где полтиною,
 А где рублем.
Дорога торная, известная:
 Брал — всё равно,
Как птичка божия, небесная
 Клюет зерно.

Клюют пернатые, от сокола
 До голубков,
Клюют, клюют кругом и около:
 На то дан клёв.
За что ж, когда так умирительно
 Мир сотворен,
Литературой обличительной
 Я заклеюмен?

Тщетно тер я свой лоб,
Домогаясь дознаться,
Что такое могло б
В этом «Дне» выражаться.

Но вполне разгадал
«Дня» стремленья и метод
Лишь Аскóченский — этот
Наших дней Ювенал.

Он Аксакова вдруг,
Для разгадки скорейшей,
С господином Корейшей
Сопоставил сам-друг!

1861

Печальный рыцарь тьмы кромешной,
Блуждал Аскóченский с клюкой
И вдруг припомнил, многогрешный,
Преданья жизни молодой;
Те дни, когда, в восторгах млея,
Он волочился, как Фоблаз,
И полногрудая Лурлея,
Ревнивцу-мужу нос наклея,
С ним оставалась глаз на глаз;
Когда безвременью чужому
Он рад был, словно Асмодей,
И остроумью молодому,
Непозволительно живому,
Был сытной пищей Гименей;
Когда в размеренные речи
Его резвившихся стихов
Входили мраморные плечи
И фольгой убранные свечи,
Без целомудренных оков. . .
Припомнил он, как жизни летом
Он в Лете рыбицу удил
Блаженным киевским поэтом,
И много, много. . . и при этом
Слезу на *изгарь* уронил.

Давно отверженный блуждал. . .
Увы! ни друга, ни соседа
Не мог найти его журнал,
Его «Домашняя беседа».

Не трогал сердца ничьего
Застоя добровольный пленник:
Проходит мимо «Современник»,
Едва взирая на него;
«Пчела» в него впускает жало,
Костыль заносит «Инвалид»,
И «Время» грозное шумит
Косой звенящего металла;
Разит ирониею злой
В своих изданиях Краевский
И — грудь о грудь, рука с рукой —
С ним выступил в смертельный бой
Альберт Викентьевич Старчевский.
Гудеть собирается «Гудок»,
«Свисток» неугомонно свищет —
И тщетно он опоры ищет
И робко смотрит на восток.

Там перед ним иной картины
Красы живые расцвели:
Там девонширские долины
Ковром раскинулись вдали;
Но «Вестник английский» сурово
Глядит из фермы образцовой,
Наводит «Зритель» свой лорнет,
А в арсеналах «Русской речи»
Не наготовятся картечи...
И вдруг — блеснул неожиданный свет!
«Откуда он? То «Наше время»
Пошло на молодое племя?»
(Надежды промелькнула тень)
«Нас в русской прессе только двое...»
О нет, Аскóченский! Другое —
Слепец! Не видишь: это «День»!

«Клянусь газеткою убогой,
Клянусь усопшим «Маяком»,
Клянуся хроникою строгой,
Пылавшей в «Светоче» огнем.
Клянусь сердитым Дорофеем,
Клянусь Камбека ерундой,
Поддетым насмех Гименеем,

Повитой фольгою свечой,
Статьей Дубровского про Ганку,
Благодеяньями Н. Б.,
Пером, принадлежащим Бланку,
Любовью общества к себе,
Клянуся Кочкою Сохраною:
Романом «Хижина в степи»,
Клянуся Юлией Пастраной,
Клянусь ботфортами Шампи,
Клянусь ласкою нежнейшей
Моей Лурлеи милых рук,
Клянусь всей мудростью Корейши
И всюю глупостью наук, —
Журналы все перебирая,
С газетой русскою — клянусь —
С тех пор, как мир лишился рая,
Впервые в мнениях схожусь!»

Да будет омрачен позором,
Да будет жертвою вражды,
Кто назовет постыдным вздором
Листики печатной ерунды!
Певцы волны, луны и девы!
Ташите смело из гробов
Полуистлевшие напевы
Червями съеденных стихов.
Все ваши вирши и творенья
Перенесет из века в век,
Претерпевая все гоненья,
Распространитель просвещенья
И лев сезона — Лев Камбек!

1861

МИРМИДОНЫ-КУРОЛЕСОВЫ

Эх! надел бы шлем Ахилла —
Медный шлем на медный лоб, —
Да тяжел, а тело хило:
Упадешь под ним, как сноп!

Если б панцырь мне Пелида —
Не боялся б ничего;
Да ведь панцырь — вот обида! —
Втрое больше самого!

Щит бы мне, которым копыя
Отражал в бою Пелид —
Так натурашка холопя
Не удержит этот щит.

Взял бы меч его победный
И пошел бы! .. Да ведь вот:
Меч поднять — так нужно, бедно,
Мирмидонов штук пятьсот.

Тщетны оханья и стоны,
Справедлив и мудр Зевес!
Там бессильны мирмидоны,
Где уж рухнул Ахиллес!

1861

Над цензурою, друзья,
Смейтесь так же, как и я:
Ведь для мысли и для слова,
Откровенно говоря,
Нам не нужно никакого
Разрешения царя!

Если русский властелин
Сам не чужд кровавых пятен, —
Не пропустит Головнин
То, что вычеркнул Путятин.

Над цензурою, друзья,
Смейтесь так же, как и я:
Ведь для мысли и для слова,
Откровенно говоря,
Нам не нужно никакого
Разрешения царя!

Монархическим чутьем
Сохранив в реформы веру,
Что напишем, то пошлем
Прямо в Лондон, к Искандеру.

Над цензурою, друзья,
Смейтесь так же, как и я:
Ведь для мысли и для слова,
Откровенно говоря,
Нам не нужно никакого
Разрешения царя!

1851—1862

СЕМЕЙНАЯ ВСТРЕЧА 1862 ГОДА

Читатели, являясь перед вами
В четвертый раз,
Чтоб в Новый год и прозой и стихами
Поздравить вас,
Хотел бы вам торжественно воспеть я,
Да и пора б,
Российского весь блеск тысячелетья —
Но голос слаб. . .
Читатели, серьезной русской прессе
Оставим мы
Всё важное, все толки о прогрессе
И «царстве тьмы».
Довольствуясь лишь неизбежно сущим
И близким нам,
Поклонимся во здравии живущим
Родным отцам.
Пусть юноши к преданиям спесивы,
Не чтут родных, —
Но бабушки и дедушки все живы,
Назло для них.
Не изменив себе ни на полслова,
Как соль земли,
Все фазисы развития векового
Они прошли.
Понятья их живучи и упруги,
И Новый год
Попрежнему в семейном тесном круге
Их застаёт.
Привет мой вам, старушка Простакова!
Вы всех добрей.

Зачем же вы глядите так сурово
На сыновей?
Порадуйтесь — здесь много Митрофанов —
Их бог хранит;
Их никаким составом химик Жданов
Не истребит.
Их детский сон и крепок и невинен
По старине.
Поклон тебе, мой друг Тарас Скотинин,
Дай руку мне!
Свинюшник твой далек, брат, до упадка;
В нем тьма свиней.
Почтенный друг! В них нету недостатка
Для наших дней.
Попрежнему породисты и крупны,
А как едят!
Нажрутся так, что, братец, недоступны
Для поросят.
От поросят переходя к Ноздреву,
Мы узнаем,
Что подобру живет он, поздорову
В селе своем.
Всё так же он, как был, наездник ражий
Киргизских орд,
И чубуки его опасны даже
Для держиморд.
Берет в обмен щенков и рукоделья,
И жрет и врет,
Но уж кричит, особенно с похмелья:
«Прогресс! Вперед!»
— Прогресс! Прогресс! Ты всем нам задал дело!
Никто не спит.
Коробочка заметно отупела,
Но всё скрипит.
Уж Чичиков с тобой запанибрата.
На вечерах
Он говорит гуманно, кудревато
Об *мужичках*,
Про грамотность во всех посадах, селах,
По деревням,
И, наконец, — детей в воскресных школах
Он учит сам.

Замыслил он с отвагою бывалой,
Трудясь как вол,
Народный банк, газету, два журнала
И общий стол.
Об нем кричит публично Репетилов;
Его вознес
До облаков чувствительный Манилов
В потоках слез:
Мол, Чичиков гуманен! Идеален!
Ведет вперед!
С Петрушкою знакомится Молчалин,
На чай дает.
Все бегают, все веселы, здоровы,
Движенье, шум —
Особенно заметны Хлестаковы,
Где нужен ум.
На раутах, на чтениях, по клубам
Свои стихи
Тряпичкины читают Скалозубам
За их грехи.
Абдулины усердно бьют поклоны
Своим властям.
Пошлепкины и слесарские жены —
Все по местам.
Как человек вполне великосветский,
Мильоном глаз
Везде Антон Антоныч Загорецкий
Глядит на нас.
От Шпекиных усердьем в службе пышет
И болтовней, —
И Фамусов, как прежде, всё подпишет
И с плеч долой!

1861—1862

ЛЕГЕНДЫ О КУКЕЛЬВАНЕ

1

На Малабарских берегах,
На островах Архипелага
И на Молуккских островах,
В ущельях гор, на дне оврага,

Ползет таинственно, как змей,
Прельщая красоты обманом,
Растенье, злое для людей;
Оно зовется кукельваном.

Природа теплых южных стран
Его в день гнева породила
И всё растенье кукельван
Пикротоксином напоила.

К нему и птица не порхнет,
И тигр нейдет, и, верно, ты бы,
Читатель мой, сей гнусный плод
Не бросил в озеро для рыбы.

И если б вздумал человек
Взять кукельван во врачеванье,
Спросить — обязанность аптек —
Чин, имя, отчество и званье.

Но пивовару пивовар
Умел внушить, что лучше хмеля
Растенья этого отвар
Для пива, портера и эля.

И пивовар, как говорят,
Разбогатеть в стремленьи пылком,
Пустил в продажу этот яд,
Разлив, как пиво, по бутылкам.

II

ДЕЙСТВИЕ КУКЕЛЬВАНА

(Драматическая сцена)

Л е о н и д
(в забыты)

Аллах ли там среди пустыни
Воздвиг какие-то твердыни,
Громады неприступных скал.
Ужасный вид! Сюда от века
Не проникал протест Камбека.
Один Аскóченский искал,
Скрипя зубами, как шакал,
Своей Лурлеи меж скалами,
Одни жуки сшибались лбами,
И ветер, подпершись руками,
С Случевским под руку летал.

Л ю б о в ь
(жена его)

Вот так-то всё с утра он бредит.
То говорит, что будто едет
Верхом на волке воевать
С царем каким-то чародеем,
С Полонским рядом или с Меем, —
Наверно не могу сказать.
Что делать, доктор?

Д о к т о р

Надо знать,

Чем болен он?

Ж е н а

Здоров он, право!

Л е о н и д

Певец любви, певец богов,
Скажи мне: что такое слава?

Д о к т о р

Он, значит, духом нездоров.
Вина он не пил?

Ж е н а

Нет, ни капли.

Д о к т о р

Так от занятий не ослаб ли?

Л ю б о в ь

О нет! Он завтракал со мной,
Такой веселый был, живой,
Смеялся так непринужденно...

Л е о н и д

Прочь буйна чернь, непросвещенна!

Д о к т о р

Он водки не пил?

Л ю б о в ь

Никогда!

Немножко пива...

Д о к т о р

(с ужасом)

Пива?!

Л ю б о в ь

(спокойно)

Да...

Д о к т о р

(мрачно)

Там кукельван был.

Л ю б о в ь

(падая в обморок)

Га!

III

РАЗЫШЛЕНИЕ АНДРЕЯ ПИВАНОВИЧА КРОНА НАД ВЕТКОЮ КУКЕЛЬВАНА

Скажи мне, ветка кукельвана,
Где ты росла, где ты цвела
И на какой конец дурмана
В себя так много забрала?

Поведай: грешною рукою
Кто в этот край тебя занес?
С хорошей целью иль с дурною?
Кому запродак — вот вопрос.

Скажи, зачем: для рыбной ловли,
Для пивоварен, для аптек?
Иль для иной какой торговли:
На всё способен человек.

Но равнодушно-ядовито
Ты на слова мои молчишь.
Всё неизвестно, шито-крыто.
С тобою пива не сварись.

1861—1862

ПЛАЧ МОСКВЫ О ПЕРЕСЕЛЕНИИ В ПЕТЕРБУРГ СПЛЕТНИ
(ПРОШЛОГОДНЯЯ ЭЛЕГИЯ)

Ах! Если ты навек покинула старушку,
Прости навек! Дай бог тебе счастливый путь.
Слезами горькими я окроплю подушку,
Ложась, откушавши, часочков шесть соснуть.

Ступай, покорная велению Каткова!
Ужели, господи, всё это наяву?
Увы! Не помнишь ты блаженного былого;
Но вспомнишь добрую помещицу Москву.

Ты вспомнишь, как у нас, с Хамовников до Пресни,
Повсюду находя себе и дом и кров,
Носились в воздухе твои родные песни,
Звуча без умолку, как сорок сороков.

Не зная никаких стеснений и шнуровок,
В чепце и кофточке просторной, ты была
Занятым кумушек, отрадою золовок,
Жирела с каждым днем и всё росла, росла. . .

Малютки-каверзы шли за тобою следом,
Входили в каждый дом как к близким и
родным —

И в простоте души сосед дрался с соседом,
И в банях, в лавочках шел коромыслом дым.

Ты плачешь? Дай господь, чтоб эти слезы вытер
Холодный, пасмурный, закованный в гранит,
Чиновник-либерал, всегда свистящий Питер.
Бедняжка! Свист его тебя не пощадит.

О дочь несчастная! Тебя он встретит сухо.

«Что, — скажет, — лезешь ты с ребячеством
твоим?» —

И недоверчиво тебе подставит ухо

И впустит в ухо с тем, чтоб выпустить другим.

С какой бы новостью к нему ты ни влетела:

Про книгу Этвеша, про скаредный урок,

Тебе ответит он: «Любезная, из дела

Составь записочку и дай мне номерок».

— «Я — сплетня!» — скажешь ты. «Тем более не
верю, —

Ответит Петербург *серьезно, не шутя*, —

Дай, — скажет, — я тебя ощупаю, измерю...»

Тебя! Млекою моим вскормленное дитя!

Холодный пустоцвет, тебя он встретит гневно.

А я... На старости... Как я-то буду жить?!

Прощай! Ах, господи! Что станет говорить

Княгиня Марья Алексевна!

КАЗАЦКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

I

Отуманилась «Основа»,
Омрачается «Сион»,
«Наше время» в бой готово,
«Русский вестник» оскорблен.

Доктринеров слышны крики
С берегов Москвы-реки,
И в ответ им держат пики
Наготове казаки.

II

На «Наше время» упования
Я возложил: в нем мысль ясна.
Читай его. Его сказанья
Суть слаще мирра и вина.
Его прогресс не скор, но верен.
В нем наложил на каждый лист
Свою печать Борис Чичерин,
Медоточивый публицист.
Склонись к нему душою нежной
И ты почиешь безмятежно,
И не разгонит даже «День»
В твоём уме ночную тень.

III

Если «День» тебя обманет,
 Не печалься, не сердись.
 С «Днем» ненастным примиришь,
 «День» хороший, верь, настанет.
 Сердце в будущем живет;
 Только в тех днях будь уверен,
 На которые Чичерин
 Или Павлов восстает.

IV

Отцы московские, опекуны журналов,
 Витая в области доктрин и идеалов,
 Великосветских снов, англо-московских дум,
 В которой уличной, базарной жизни шум
 Не может отравить их олимпийской неги,
 Сложили множество внушительных элегий
 Про петербургские артели *свистунов*,
 Иррегулярные станицы *казаков*,
Пустоголовые фаланги *пустоцветов*
 И юбилеями не взысканных поэтов.

Их удержал мой слух, твердят мои уста,
 Но всех приятней мне и всех милее та,
 Что в «Русском вестнике» является и слишком
 Определенный цвет дает зеленым книжкам:
 «Бог журналистики! не дай душе моей
 Дух озлобления, змеи сокрытой сей,
 Дух отрицания неправды, *нигилизма*,
 Но вознеси меня во области лиризма,
 Где жизнь прелестною является для глаз
 Всеобщей формулой, пстокром громких фраз,
 Неприменимую к отечеству доктриной,
 В соединении с любезной нам рутиной».

V

Слышу умолкнувший звук ученой Чичерина речи.
 Старца Булгарина тень чую смущенной душой.

1862

Юмористическим чутьем
Под вашей докторскою тогой,
Под вашим мудрым париком,
В изгибах речи вашей строгой
Нагайку чуем казака,
Хоть видим в выпушках, петличках
И в полемических привычках,
Что вы не нашего полка.

1862

- Кто больше всех благонамерен?
— Аскоченский, я в том уверен.
— А более его? — Ну, Павлов, — отвечаю.
— А более его? — Чичерин.
— А более его? — Не знаю.

1862

Журнальным мнением, о господин Чичерин!
Не надо дорожить; пусть раздастся свист.
Не слушайте его: ваш путь благонамерен,
Сладкоглаголящий московский публицист.

Идите точно так дорогою свободной,
Как Пушкина поэт, куда влечет вас ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Оценит Николай Филиппович ваш труд;
За ним друзья его вас также вознесут,
Витиеватый наш словесник.

И пусть ваш идеал на пиках казаки
Покажут обществу — и с легкой их руки
Пускай хохочет «Русский вестник».

1862

Куда ты, бедняжка, попал?
Поэтик влюбленный?
Профессоров всех разругал
Охочекомонный.
Безрылов с ним вместе дуэт
Поет против женской свободы,
А ты, как в двадцатые годы,
Унылый поешь триолет. . .
Бедный поэт!

Сокройся, беги от сих мест;
Здесь воздух стесненный;
Тебя, как профессора, съест
Охочекомонный.
Безрылов твой нежный расцвет
Задушит пороками века. . .
Спасайся, спасайся, мой свет!
Беги в ерунду Льва Камбека,
Бедный поэт!

1862

БЛАГОРАЗУМНАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ
(РУКОВОДСТВО ДЛЯ НЕСОЗРЕВШИХ СТАРЦЕВ
И ЮНОШЕЙ)

Я уверен в прогрессе отечества,
В просвещенных стремленьях дворян
Дать богатство наук для купечества
И духовно насытить крестьян,
Но в поспешности юного племени,
Беспристрастно когда я взгляну
С точки зрения «Нашего времени», —
Неурядицу вижу одну.

Убежденный глубоко, что родина
Обновилась и миновал ей срок,
По словам господина Погодина,
Дать народам Европы урок;
Ибо к правде дорога затеряна
В исторической фальши веков, —
С точки зренья Бориса Чичерина,
Я ко всяким реформам готов.

Ни малейшей не вижу опасности
И статейку бы мог написать
В пользу так называемой гласности.
Уж наверно прошла бы в печать!
Изумила бы всё человечество
Верность взгляда в твореньи моем, —
С точки зрения «Сына отечества»
И Ципринусов, пишущих в нем.

Пусть все мнения прямо, сознательно
Возникают с различных сторон,
Ибо Павлов сказал основательно:
«Невозможно-де петь в унисон».
Я согласен, чтоб с мыслию правою
Дан простор был и мысли кривой, —
С точки зренья, покрывшею славою
Льва Камбека с его ерундой.

Появилась везде юмористика.
Все кричат как о чем-то дурном.
Но на днях с наслажденьем три листика
Я прочел в фельетоне одном.
Было столько в нем юмора милого,
Что я понял всю пользу сатир, —
С точки зренья Никиты Безрылова,
Удивившей читающий мир.

Уважая свободные мнения,
Быт, обычай, преданья и род,
Я читаю газет рассуждения
Как философ, юрист, патриот.
Но, конечно, с достоинством барина
Я смотрю беспристрастно на них, —
С точки зрения Бланка, Самарина,
Безобразова Н. и других.

Для меня равноправны все нации,
Ненавистен мне неграми торг,
На сиамцев взглянув в «Иллюстрации»,
Прихожу я в невольный восторг;
Но еврея, греховно упавшего,
Мне «Основа» и разум велит, —
С точки зрения Зотова младшего,
Звать позорною кличкою: жид.

Я на женщин гляжу снисходительно,
С точки зренья ученых врачей,
И с Юркевичем в розге внушительный
Замечаю *мотив* для детей.
Новый взгляд доктринера московского
В сладкий трепет приводит мой дух, —

С точки зрения Миллер-Красовского,
Разгадавшего смысл оплеух.

Формулируя жизни явления
С соблюдением *мер и границ*,
Я на всё приобрел точку зрения
Из журналов обеих столиц.
Эта точка достойна известности,
Ибо нежным растением цветет
В вертограде российской словесности,
Чтобы вкусный дать обществу плод.

1862

ЮМОРИСТАМ „ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК“

Поморная муза резва:
В стихах, понимаете, надо
Уметь, как расставить слова,
Чтоб свистнуло с первого взгляда.

Умеючи надо шутить
С богиней веселых мелодий;
Как вам нужно кушать и пить,
Так нужен размер для пародий.

Богине мелодий верны,
Поморные — все староверы
И скромно, как все свистуны,
Свистят, соблюдая размеры.

За то им богинею дан,
Надежнее стали звенящей,
Для битвы с врагом талисман:
Стих, мягко и нежно свистящий,

Одним услаждающий слух,
Других повергающий в холод,
И главное: легкий, как пух,
Но пошлость дробящий, как молот.

1862

ЦЕПОЧКА И ГРЯЗНАЯ ШЕЯ
(СЦЕНЫ ИЗ СОВРЕМЕННОЙ КОМЕДИИ)¹

ЛИЦА:

Графиня Хрюмина — 113 лет.
Графиня, ее внучка — 68 лет.
Хлестова — 99 лет.

1	}	Княжны Тугоуховские
2		
3		
4		
5		
6		

(младшей — 61 год, старшей — 66).

Действие, по соображениям автора, перенесено из Москвы
в Петербург.

Гостиная графини Хрюминой. Величаявая запущенность: полинялые, но великолепные портьеры и занавесы. Графиня Хрюмина, одетая как на бал, сидит в больших креслах, неподвижно во всё время действия. Графиня - внучка сидит у стола с книжкою стихотворений Милонова. Входит г-жа Хлестова.

I

Хлестова

(входя)

Уф! Дайте отдохнуть... Как высоко, мой свет,
Живете в Питере... Одышка... ноют ноги...
Хоть были б лестницы отлоги!

¹ «Г. Чернышевский, явившись перед избранною публикою, вел себя в высшей степени неприлично. Он то ложился на кафедру и боком и животом, то полусадился на нее (?), то делал разные телодвижения, нетерпимые в мало-мальски порядочном обществе, то вертел часовой цепочкой, — у меня, дескать, часы есть! (II)

Легко ли в девяносто лет
Взбираться чуть ли не на крышу. . .

Г р а ф и н я - б а б у ш к а
Не слышу, матушка, не слышу.

Х л е с т о в а

Из силы выбилась. . . расстроена притом. . .
Арапка утром нагрубила:

Одним словом, при двух или трех тысячах образованных людей Чернышевский вел себя как Ноздрев на губернаторском бале». (Как Ноздрев на губернаторском бале, т. е. был мертвецки пьян и, по окончании чтения, сел на пол и хватал за ноги выходивших из зала дам и мужчин.) («Сев<ерная> пчела», № 70).

Я был на литературном вечере 2-го марта, но так как, подобно всей публике, слушал, что в этот вечер читалось, то и не заметил, каким боком ложился г. Чернышевский на кафедру — правым или левым, даже не знаю, ложился ли. Цепочкою же он играл — это точно. Такое преступление г-на Чернышевского меня возмутило, возмутило тем более, что повествование об нем напечатано не в какой-нибудь гнроглифической газетке, а в «Северной пчеле»; следовательно, цитированные выше строки проведены «сквозь горнило вдохновения и претворены в перл создания» г-ном Усовым, если только почтенная газета не возвратилась опять под редакцию г-д Греча и Булгарина.

В «Библиотеке для чтения», в фельетоне, подписанном чрезвычайно остроумным псевдонимом *Петр не скажусь*, автор очень ловко шутит над совершенно неуместным присутствием дам на публичных чтениях. Вот один грациозный эпизод из этого вообще благовоспитанного и благонравного фельетона, в котором, разумеется, и Чернышевскому достается.

«Уж студент женского пола не будет вам носить ни косы, ни сетки, а непременно обстрижется по-мужски, и шапку наденет и какую-нибудь невозможную мантилью. . .

При мне произошла такая сцена в Александровской зале Думы. . .

Стояла кучка молодых людей у выхода.

Поодаль от них, облокотясь о скамейку, помещалась какая-то *фигура*, именно *фигура*, потому что, говоря совершенно серьезно, нельзя было различить, что *это такое* — мужчина или женщина, мальчик или девочка.

Трудно даже описать внешность этой особы. Стриженная почти под гребенку голова, мужской (*подозрительной белизны*) стоячий воротничок, *грязная шея*, затем какое-то коричневое одеяние, состоящее из кофты и узенькой юбки, и в руках мужская шапка.

— Это католический ксендз, — сказал один из молодых людей.

— Нет, это аптекарский ученик, — заметил другой.

Они подошли поближе к фигуре, постояли, и наконец у одного из юношей вырвалось:

Разбила блюдечко собачье с молоком —
А в церковь уж звонят. . . Мерзавку-то прибила,
Да в церковь, знаете, в горячке. . . *agitée*. . . ¹
Ну так вот и теснит под ложечкой и в груди. . .
Не простудиться бы. . . Ох, право, нынче люди —
Скот на скоте!

(Заметив графиню-внучку.)

А, здравствуй, ангел мой.

Графиня - внучка

Bonjour, ma chère, ² ну что вы?

Здоровы?

— Если она женщина, так это *цинизм* — являться в таком виде. . .

Существо неизвестного рода, сошедши вниз, *надело салон*».

Грязная шея дамы взволновала меня не менее цепочки Чернышевского. Мне хотелось узнать подробности как о даме, так и о г. Чернышевском, чтобы с своей стороны предать их общественному позору посредством гласности. Для этого мне нужно было имя нечистоплотной дамы и настоящие имена обоих фельетонистов. Я был убежден, что ни один из современных русских литераторов, не исключая даже Аскоченского, придя на публичные лекции, посещаеемые женщинами, по большей части небогатыми и за модами не следящими, не станет инспектировать их наряды и осматривать, у всех ли вымыты шеи и нет ли у которой-нибудь траура под ногтями. Русские литераторы, думал я, так малодушны и до такой степени трусы, что не осмелятся заявлять публично свои фешенебельные наблюдения над женщинами, желающими учиться, если бы даже были способны и подготовлены светским воспитанием к таким наблюдениям. Русский литератор, полагал я, заметив, что собрат вертит часовую цепочку, непременно как-нибудь покривит душою, а не скажет своим читателям с геройскою откровенностью, что, мол, это бахвальство вертеть цепочкою, часов-то, может, и нет у голубчика. Очевидно, оба фельетона написаны не литератором, решил я, и направил свои поиски в иную сторону. Поиски увенчались успехом. Оказалось, что на вечере 2-го марта и на одной из публичных лекций в числе прочих были г-жа Хлестова и шесть княжен Тугоуховских, помните, которые в 1821 году так дружно провозгласили Чацкого сумасшедшим. Княжны всё еще в девушках, они заметно состарились (младшей уже шестьдесят лет с хвостиком), но всё еще так же милы, веселы и умны. Я узнал достоверно, что именно шесть княжен, г-жа Хлестова и графиня Хрюмина-внучка (тоже девушка, уже лет десять как отпраздновавшая свой пятидесятилетний юбилей) написали оба эти фельетона. Слог поправлял Молчалин, а в редакции сообщил фельетоны Загорецкий. Как всё это происходило, я потщился изобразить в предлагаемых сценах.

¹ Взволнованная. (Франц.) — *Ред.*

² Здравствуйте, моя дорогая. (Франц.) — *Ред.*

Хлестова

(отдает ей ридикюль)

На, возьми. Бог милости прислал.

Какое, матушка, здоровы!

Последний час пришел, последний век настал!

Нет страха божьего... обрезаны доходы...

Дороговизна — страсть... весь свет пошел вверх дном,

Всё новые пошли, вишь, моды!

Недавно... Голова, мой друг, идет кругом...

Графиня, матушка, послушайте-ка тоже...

Недавно... Господи! Ни на́ что не похоже!

Молчалин, видите, привез ко мне билет

На чтение... Как его?.. Ну вот, что нынче в моде...

Ли-те-ра-тур-ное...

Графиня - бабушка

Вы ездили в балет?

Графиня - внучка

Grand'mère,¹ совсем не то.

Хлестова

Совсем не то, мой свет.

Нет, это зрелище совсем в особом роде,

И говорить-то даже грех!

Тут... я вам расскажу... выходят вольнодумцы,

Читают — кто про что... один кричал: *безумцы!*

Ей-богу! Обозвал безумцами нас всех.

Другой... другого-то и слушать я не стала...

Но хлопали — чуть-чуть не обвалилась зала...

Другой расписывал какой-то *мертвый дом*,

Про каторжников всё... ну просто стыд-стыдом!

Я с Пашей Хворовой насилу усидела...

Графиня - бабушка

В Палате скоро вы обделаете дело?

Ну... поздравляю вас.

Графиня - внучка

Совсем не то, grand'mère.

¹ Бабушка. (Франц.) — *Ред.*

Хлестова

Мой свет, совсем не то. Представьте, например,
Что вы бы, взяв билет, сидели в креслах сами,
И вдруг бы выскочил какой-то шематон...

Графиня-бабушка
Там всё был *моветон*?

Хлестова

Напротив, весь *beau monde*¹... мужчины со звездами...
И перед ними-то... и вдруг передо мной —
Афронт какой!
На сцену выскочил какой-то вольтерьянец
И грубо начал так... Афронт, совсем афронт!

Графиня-бабушка
Как?! Губернатору корнет не сделал фронт!
Тесак ему и ранец!

Хлестова

Да нет, вы слушайте... Вдруг выскочил и сел,
Зовут... позвольте... Чернышевский...
Да как пошел... пошел...

Графиня-бабушка

Зовут: Андрей Краевский?
А! Знаю... слышала. Так долго жить велел?
Жаль... Это, говорят, был умный сочинитель...
Стихи он, помнится, писал
В «Московский зритель».
В альбуме у меня его есть мадригал.

Хлестова

Да нет...

(Обращаясь к графине-внучке.)

Вот видишь ли, читал он про кого-то,
Должно быть, умника такого же, как сам,
Пьянчужку, ветреника, мота...
Вдруг... Я не верила глазам!

¹ Высший свет. (Франц.) — *Ред.*

Забылся до того. . . ты рассуди, ведь дочку
На эти зрелища смотреть приводит мать —
Цепочку в руки взял и начал с ней играть!!

Г р а ф и н я - в н у ч к а
(с ужасом)

Играл цепочкою!!

Г р а ф и н я - б а б у ш к а
(с испугом)

Как?! он украл цепочку?!

Х л е с т о в а
(торжественно)

На стол облокотясь, цепочкою играл!

II

Входят шесть княжен и, не снимая шляпок, не здороваясь, начинают говорить, перебивая одна другую, чрезвычайно оживленно, громко, несколько в нос и размахивая руками.

1 - я к н я ж н а

Мюн ангел, ¹ вы слышали?

2 - я к н я ж н а

Ма сhère, какой скандал!

Г р а ф и н я - в н у ч к а

Про Чернышевского?

3 - я к н я ж н а

Да нет!

4 - я к н я ж н а

Вы не слышали?

5 - я к н я ж н а

Сейчас на лекции. . .

¹ Мой ангел. (Франц.) — *Ред.*

6 - я княжна
На Невском...

2 - я княжна
В Думе...

4 - я княжна
В зале...

1 - я княжна
Да подожди, Мими!

6 - я княжна
Зизи, дай мне сказать.
Явилась женщина...

1 - я княжна
Не женщина — *фигура!*

5 - я княжна
С мужчиною никак нельзя бы распознать!

2 - я княжна
Ну просто польский ксендз...

3 - я княжна
Кухарка!

4 - я княжна
Повар!

5 - я княжна
Дура!

3 - я княжна
В какой-то кофточке...

2 - я княжна
С мужским воротничком...

4 - я княжна
Немытым...

1 - я княжна
Грязный весь...

5 - я княжна
Как есть чернее сажи!

1 - я княжна
С мужской шапкою...

4 - я княжна
Закутана платком...

6 - я княжна
В кружок обстрижена...

1 - я княжна
Без кринолина даже!

2 - я княжна
Да нет...

4 - я княжна
А главное...

3 - я княжна
А главное... Ха-ха!

5 - я княжна
Хи-хи!

1 - я княжна
Ученая!

3 - я княжна
Профессорша!

2 - я княжна
Студентка!

Все шесть княжен
С немой шею!!!

Общий ужас.

5 - я княжна
Ну точно наша Ленка!
Общий хохот.

1 - я княжна
И всё с студентами!

Графиня - внучка
Ну долго ль до греха!

3 - я княжна
Читают...

6 - я княжна
Руки жмут...

5 - я княжна
Передают записки...¹

Хлестова
Ах! Дни последние, должно быть, очень близки!

1 - я княжна
Mesdames, я думаю, нам следует подать...

4 - я княжна
Я тоже думаю...

5 - я княжна
В набат я приударю!

1 - я княжна
В Сенат прошение...

6 - я княжна
К министрам...

¹ «... в антрактах и при выходе являются специалисты по части женского пола. Есть такие юноши, которые знакомы со всеми почти дилетантками и студентшами, перепархивают от одной кучки к другой, меняются лекциями, жмут руки, надевают салопы и вообще ведут себя очень мило и галантерейно, хоть бы и не в аудитории, а в любом приятном обществе» («Библиотека для чтения»).

5 - я княжна

К государю!

Графиня - внучка

А я так думаю: Молчалина позвать.
Напишем... un article... un feuilleton...¹ Теперь я
На Чернышевского и на студентку зла.

(Звонит.)

Бумаги нам! Чернил! Mesdames, скорей за перья.
Пишите: «Лекция такого-то числа...»
«Неуважение ко всем приличьям светским...»

(Звонит.)

Скорей Молчалина! Скорей за Загорецким!
Они помогут нам... Они...
Как?! С грязной шеей в наши дни!

Графиня - бабушка

(заснувшая было под шумок, от сильного звонка просыпается)

Зачем Молчалина? Заняться, нешто, вистом?

Хлестова

Молчалин, матушка, придет поправить слог.

Графиня - бабушка

Не слышу, матушка... В постель Молчалин слег?

Графиня - внучка

Нет, сделался фельетонистом.

Входят Молчалин и Загорецкий, выходят 70 № «Северной пчелы» и февральская книжка «Библиотеки для чтения».

1862

¹ Статью... фельетон. (Франц.) — Ред.

ОБЩИЙ СВИСТ

Подожди, Громека,
Свистнешь, брат, и ты.

Синеусов («Отечественные» запяски»).

Да! времена пришли тугие.
От смеха нам спасенья нет.
Всё шутит шутки несмешные,
На всем насмешки желчный след,
И гул, и свист неотразимый,
Натужный смех, стиховный вой,
Переходящий в шип змеинный
И ропот старчески глухой!
Свободу слова «Почта» хвалит
И, прежний баловень «Пчелы»,
В нее Илья Арсеньев валит
Мадзини буйному хвалы!
И, в фельетон немногострочный
Свой мировой упрятав взгляд,
Над «Современником» Заочный
Свистит с другими зауряд;
Своим тенденциям неверен,
Забыв исконные вражды,
Свистит в Москве Борис Чичерин
На полицейские суды!
Спустившись в мир из сферы мифов,
Вкрутясь в журнальную среду,
Гиероглиф Гиероглифов
Шипит глухую ерунду.
Чего робеть — красе зоилов?

Сей витязь храбрый не один —
С ним в стачке явной сам Безрылов,
Петр-Нескажуся и Зарин. . .
И даже «Пчелка» золотая
(О горе нам! ужасный вид!),
Вкруг Чернышевского летая,
О чем-то публике жужжит. . .
Жужжит. . . и жалит стороною
Завоеванья наших дней
(Пахнуло затхлой стариною
Времен болгаринских от ней).

Ах! мудрено ль, что в эту свалку,
Свой испутив протяжный свист,
Попал, как во щи — в перепалку
Старейший русский журналист!
Мы все — невольны дети века,
И нас совсем не удивит,
Как в наше время сам Громека,
Под общий посвист, засвистит! . .

1862

КОПСКИЙ ДИФИРАМБ

Сколь славен господин Скарятин,
Изобразить двуногий слаб;
Людской язык лицеприятен.
Зато правдив табунный храп.

Чего не выразит словами
Российских звуков алфавит,
Мы нежно выскажем хвостами
И звучным топотом копыт.

Подобно господину Бланку,
О коем слух проник и к нам, —
Людскую показав изнанку,
Он дорог сделался скотам.

Освободясь от взглядов узких,
Нечеловечьим языком,
Как добрый конь, все сходки русских
Он назвал смело табуном.

Он человек *без чувства стада*,
Царю зверей дал карачун, —
Его принять за это надо
Почетным членом в наш табун.

Дадим ему овса и сена
За то, что он, по мере сил,
Разоблачил Ледрю Роллена
И Чернышевского убил.

И пусть журналы с завываньем
Начнут глумления над ним;
Табунным топотом и ржаньем
Мы свист журнальный заглушим.

1862

ДОЛЯ РОЗЕНГЕЙМА

Розенгейм доказал нам пудами стихов,
 Что писать их — не стоит без дара,
Этот пасынок муз, современный Хвостов,
 Был исполнен стиховного жара...
И о ком и о чем он в стихах не писал?
 Всё в них тискать умел, что угодно.
Обличений одних круглым счетом валял
 Он сажень по восьми ежегодно...
Но не легкий достался поэту удел,
 Были вирши его неуклюжи,
И чем более он над стихами корпел,
 Тем стихи его делались хуже!
Аполлон (тезка Майкова) точно трунил
 Над работой его невеселой,
Вдохновеньем и жаждою славы дразнил...
 А дарил — только рифмой тяжелой...
Что же вышло?.. Краевский задумал «Свисток»
 (И «Свисток» у него появился),
Но к нему ль сей поэзии тонкий знаток,
 К Розенгейму ли он обратился?..
Нет, он где-то себе Синеуса сыскал
 (В Розенгейма нет более веры!),
Синеуса, который, о ужас! — не знал,
 Что в стихах существуют размеры!..

1862

МОЛИТВОЙ НАШЕЙ БОГ СМЯГЧИЛСЯ
(АРХИТЕКТУРНАЯ ФАНТАЗИЯ „ОТЕЧЕСТВЕННЫХ
ЗАПИСОК“)¹

Молитвой нашей бог смягчился:
Роман Тургенев сочинил, —
И шар земной остановился,
Нарушив стройный ход светил.

Под гнетом силы исполинской
Уже хрустит земная ось...
И Чернышевский, как Кречинский,
В испуге крикнул: «сорвалось!»

И нигилист за нигилистом,
Как вихри снежные с горы,
Казнимы хохотом и свистом,
Летят стремглав в тартарары.

¹ «Отечественные записки» увлеклись новым романом г-на Тургенева «Отцы и дети», как ни одна барышня былого времени не увлекалась романами Жанлис, Коттень и Радклиф. Рецензенты, хроникеры, публицисты, свистуны и фельетонисты этого почтенного журнала только и говорят, что об «Отцах и детях». Рецензент, к сожалению, не подписавший своего имени под статью «Принципы и ощущения», до того любезен и благосклонен к нам, своим младшим братьям в литературе, что, снисходя к нашей неразвитости, берется объяснить нам, что именно хотел сказать своим романом г-н Тургенев — точь-в-точь как, бывало, барышня прочтет сантиментальный роман и пойдет рассказывать его содержание своим крепостным девушкам. «Мы хотели бы сделать вот что, — говорит рецензент: — сначала объяснить значение романа г-на Тургенева для литературы» («Отечественные записки»), март, «Принципы и ощущения»). Покорно вас благодарим, г-н рецензент; мы уверены, что и г-н Тургенев останется вам благодарен.

Рецензенты, хроникеры, публицисты, свистуны и фельетонисты «Отечественных записок» все единодушно порешили, что с появле-

Агенты «Времени», все лупы
Направив париям вослед,
Смешали черные их трупы
С тенями «жителей планет».

И публицисты Ер и Ерик,
Узрев бегущих со стыдом,
Кричат отважно: «Берег, берег!
Созиждем здесь обширный дом!

Вы, Синеус и Прогрессистов,
Из остроумных ваших строк
На пепелище нигилистов
Везите щебень и песок.

Чтоб заложить фундамент прочный, —
Своих рецензий вкус и такт
Пускай везет сюда Заочный
Через большой почтовый тракт.

Размерит здания все части
Борис Чичерин, — а кирпич
Для нас заменит полный страсти
Громеки пламенного спич.

Дружней! Труд легок и приятен:
Нам для работы дан топор,
Которым сокрушил Скарятин
Всей юной Франции задор».

нием романа г-на Тургенева время отрицания и обличения прошло безвозвратно. Пришла пора строить, — декламируют они на все тоны: — отрицать более нечего, обличать некого. «Речь идет теперь о создании приятного и удобного, — говорит г-н Громека, — сердцем и умом домохозяина (т. е. г-на Краевского) овладевает строительное искусство: архитекторы новых идеалов получают предпочтение пред разрушителями старых — идеалисты сменяют нигилистов («Современная» хроника России, апрель). «Теперь нужно долото и топор, — говорит г-н Скарятин, — а лаки, подпилки, столлярная работа придут после, когда зальем фундамент и воведем стены здания» («Отчественные» записки», апрель, «Об изменении цензурного устава»). Для нашей архитектурной фантазии мы избрали именно момент этих предварительных работ гг. инженеров «Отчественных записок».

Чего робеть? Дружней, ребята!
Работай с богом, в добрый час,
По плану, данному когда-то
В стихах Воейкова для вас.

Воздвигнуть зданье суждено вам
Неизглаголаных чудес:
Глухие в зданьи этом новом
Расслышат явственно: «прогресс!»

У лысых дыбом станет волос,
Слепой увидит вальс калек,
Издаст Андрей Краевский «Голос»,
И золотой наступит век.

1862

НИГИЛИСТ-СТАРИЧОК

«В молодом поколении может так же не быть пути, как не было его и в старом. Ясность глаз, свежесть щек, длинный ряд годов впереди — это еще не права на общественное внимание».

(«Наше время», № 107)

Молодежь легковерна,
Молодежь весела, —
В нигилизме, примерно, .
Недалеко ушла.
Нигилизм ядовитый,
Отрицания сок
Выжал только маститый
Нигилист-старичок.

Вот Базаров освистан —
Ну какой он герой?
Ну какой нигилист он?
Просто — *принцип* такой!
Нет-с! У нас по *принципу*
За землишки клочок
Обдерет вас, как липу,
Нигилист-старичок.

Нигилист, если молод,
Носит в сердце любовь...
Но когда в сердце холод,
Но когда стынет кровь, —

Как шалит под секретом
У хорошеньких ног
Подогретый балетом
Нигилист-старичок!

Нигилист в молодежи,
Если молод и сам,
Замечает не рожи,
А стремленье к трудам.
Только рожи — не боле,
Ясность глаз, свежесть щек
Видит опытный в роли
Нигилист-старичок.

Нигилист самый юный
В зрелой мысли отцов
Слышит вещие струны,
К делу честному зов.
С отрицанием мутным
Мысли братьев итог
Называет *беспутным*
Нигилист-старичок.

Отравясь не от знания,
Затаив без любви
Тонкий яд отрицанья
Не в уме, а в крови, —
Головы не повесил,
Нажил землю, домок, —
Совесь к черту! — и весел
Нигилист-старичок.

Черт ли в том, что уж кости
Ждут последнего дня, —
Он, где требуют злости,
Жарче летнего дня.
Голос мягкий и плавный
И что слово — урок!
У! какой он забавный,
Нигилист-старичок!

Пчелка золотая,
Что ты жужжишь?
Немцев ругая,
Русских смешишь.
Красть на пожаре?
Что ты, mein Gott! ¹
Немец умнее
Средство найдет.

1862

¹ Боже мой! (Нем.) — *Ред.*

**ПИСЬМО ОБ РОССИИ ФУКИДЗИ-ЖЕН-ИЦИРО
К ДРУГУ ЕГО ФУКУТЕ ЧАО-ЦЕЕ-ЦИЮ**
(ПЕРЕВОД С ЯПОНСКОГО И ПРИМЕЧАНИЯ ТАЦИНОСАКИ)

Милый друг, Фукута Чао-Цее-Цию,
Мы благополучно прибыли в Россию,

Через порт Кронштадтский к Петербургу прямо. ¹⁾
Будь благословенно имя Тентосама! ²⁾

Всё нам здесь по нраву: уци, хадомадо,
Данмио, но-ками — лучше быть не надо. ³⁾

Хоть теплей в Европе, например в Париже,
Здесь суровый климат, к полюсу поближе,

Но всей грудью дышишь и вольней и шире,
Точно на Нипоне или Кунашире,

Ибо под суровым петербургским солнцем
В русском очень много общего с японцем,

Даже утверждают здешние витии —
Сходство это резче в глубине России.

Потому что, видишь, милый друг Фукута,
Строить государство начал очень круто

Кумбо Петр Великий, славный в целом мире,
Как наш Кумбо Первый, свергнувший Даири. ⁴⁾

Обучать народ свой он велел голландцам
Всяким европейским фокусам и танцам,

Как ногами шаркать, лить из меди пушки,
Из науки пули и из глины кружки,

Чтобы в оных кружках, Азии на диво,
Пить под страхом казни в ассамблеях пиво.

Бороды всем выбрил. . . Не приспело время
Брить, как у японцев, маковку и темя,

Ибо перед нами русские, как дети,
Только на границе двух тысячелетий, ⁵⁾ —

Даже не созрели в доблести гражданской,
Как сказал в пассаже баниос Ламанский. ⁶⁾

Так лились в Россию волны просвещения,
Сияясь переспорить волны наводнения,

Ибо, поглощенный думами о флоте,
Кумбо им построил город на болоте.

В этом-то болоте, в Петербурге то есть,
Я насчет России сочиняю повесть.

Минуло столетье. Там, где были топи,
Выросли громады западных утопий.

.

На проспекте Невском появились франты,
Из печати вышли первые куранты.

Кумбо сам в то время корректуры правил ⁷⁾
И для сочинений образцы оставил, —

Нынче ж заправляют этими делами
Зайдю-Арсеньев и Катков-но-ками. ⁸⁾

В десять раз, конечно, менее, чем Едо,⁹⁾
Чуждая для русских, страшная для Шведа,

Стала украшаться невская столица.
Земно поклонилась ей Москва-вдовица,¹⁰⁾

Продолжая, впрочем, жить по Домострою
(Книга вроде *Дзинов*, чтимая Москвою),

Чад и домочадцев плеткой обучая,
До седьмого пота напиваясь чая,

Каждую субботу в жарких банях преля,
Фраками гнушаясь и бород не брея.

Да и петербуржец зоркий глаз японца
Не надует фраком тонкого суконца.

Здесь для виду носят, как в Европе, фраки,
А живут, как наши деды в Нагасаки.

Люди всех сословий, звания и сорту,
Как домой приходят — фраки тотчас к черту

И уж не снимают целый день халатов,
Лежа на перинах вроде наших матов.¹¹⁾

Так прошел бесследно славный век Петровский. . .
Впрочем. . . есть проспект здесь — Каменно-
островский,

На проспекте зданье — тех времен затея —
И на оном зданьи надпись: «Ассамблея».¹²⁾

В зданьи этом ночью множество народу,
Данмио, но-ками пьют сакй, как воду,

Как пивали древле предки их славяне;
Там басят тирольки, там ревут цыгане,

Там старик стоягу, сделавшись ребенком,
Шепчет по-французски нежности чухонкам, ¹³⁾

Там бушуют немцы, там народ толпами,
Как за диким зверем, следует за нами;

Барства и холопства там видны остатки:
Там всё сохранилось в дивном беспорядке,

Европейски-модном, азиатски-диком,
Как при Кумбо Первом, при Петре Великом!

Примечания к письму о России

¹⁾ Дабы судить о столице Российской империи, недостаточно прочесть «Описание Петербурга» Пушкирева. Еще менее может удовлетворить сочинение о том же предмете Башуцкого, ныне юродствующего в «Домашней беседе». Любознательному японцу рекомендую, впрочем, прочесть сочинение «Дружеская переписка Петербурга с Москвою», помещенное прежде в «Свистке», а ныне вошедшее в полное собрание сочинений Добролюбова. Автор с одинаковым беспристрастием относится к обеим столицам; озлобленный ум его как в той, так и в другой находит для себя обильную жатву. Есть предание, что по выходе в свет оной поэмы более ста человек, из числа самых зажиточных обывателей города, почитая себя обиженными автором, подали на него жалобы начальству. Это совершенно в здешних нравах — даже самые знатные ученые книжники и газетчики оным средством удовлетворения не пренебрегают.

Добролюбова считают также основателем зловредной секты нигилистов, злокозненно подкапывающейся под самые чистые верования россиян, как напр. — в достоинство «Русского вестника» и т. п. Обо всем этом будет ниже. Люди благонамеренные сожалеют, что бесспорно талантливый Добролюбов пошел по ложной дороге.

Можно читать также «Петербургский вестник» с приложениями «Ерунды», дабы судить, на какой еще низкой степени просвещения стоят россияне даже в столичном городе Петербурге.

²⁾ Слово *тентосама* соответствует русское слово бог. Об религиозных верованиях россиян издам в свет особое сочинение. Здесь замечу только, что в Петербурге находятся последователи всех известных у нас исповеданий. Почти все баниосы суть поклонники звезд. Многочисленную, ныне, впрочем, исчезающую, секту поклонников луны называют поэтами, влюбленными, сумасшедшими, кабалистами и пр. Переселение душ понимается здесь довольно своеобразно: фякшо-сшто полагают, что каждая душа в сем свете имеет право свободно переходить от владельца к другому, с земли на землю; землевладельцы до последнего указа 19 февраля 1861 г. совершенно отрицали переселение душ; некоторые и теперь ограничивают это понятие переселением фякшо-сшто с земель удобных для хлебопашества на неудобные. Как те, так и другие, хадомадо и фякшо-сшто, охотно переселяют в себя души животных, неумеренно

напиваясь сотчио и саки, особенно на так называемой масляной неделе, исключительно посвящаемой пьянству. По поводу сего всеобщего переселения обычай воспрещает даже на оной неделе употреблять в пищу мясо животных.

3) Слово *уци, хадомадо, данмио, но-ками* не исчерпывают всего содержания, заключающегося в русских словах: князья, графы, дворяне, бояре, бары, благородные, высокоблагородные, высокородные, сиятельные и пр. Для полнейшего ознакомления с оным предметом следует читать Павлова, Чичерина и др. специалистов.

4) Петр Великий первый из русских царей принял титул императора, подобно тому, как наш Кумбо Первый назвался Кумбо-сама, ограничив власть духовного императора Даири.

5) Подобно тому, как японцы спорят о своем происхождении, и русские не могут с достоверностью определить, от кого они происходят — от норманов или от литвы. Некоторый ученый Духинский полагает даже, что от китайцев. Положение это не заслуживает вероятия. Во времена младенчества истории в Японии (а в России это младенчество еще продолжается) наши даже знаменитые ученые утверждали, что и мы и курильцы происходим от китайцев, ныне каждый мальчик презрительно улыбнется, если ему скажут, что доблестные японцы одного происхождения с сами-китайцами.

6) Пассажами в Европе называют крытые галереи, построенные для удобства при переходах из улицы в улицу. Сколько мне случалось видеть, пассажи эти постоянно заняты магазинами и наполнены толпами проходившего народа; в Петербурге пассаж неизвестно для чего построен, и магазины в нем по большей части стоят пусты.

7) Здесь автор грешит против исторической истины, перенеся царствование Петра Великого чрез сто лет после основания Петербурга. Подобные промахи в русской поэзии, впрочем, допускаются и носят название поэтических вольностей.

8) *Зайджу* собственно переводится русским, введенным в язык Петром Великим, словом *секретарь*, так что в администрации «Северной почты» скорее секретаря редакции Лебединки следовало бы назвать *заиджу*. Очевидно, почтенный Фукидзи-Жен-Ициро употребил это слово в применении к Арсеньеву по малому знакомству с русским языком и совершенному незнанию канцелярских штатов.

9) В С.-Петербурге, по официальным сведениям, считается 520 131 жителей. В Едо на главных больших улицах 280 000 домов; полагая, по малой мере, по 30 жителей на дом, получим 8 400 000 — цифру народонаселения, не считая императорской гвардии, свиты, стражи князей и обывателей хижин, разбросанных в разных закоулках. В Едо по крайней мере 10 000 000 жителей. Одних слепых в Едо считается 36 000. Неверующие русские могут прочесть об этом предмете в книге: «Записки Василия Михайловича Головина в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах».

10) И перед новою столицей
Главой склонилася Москва,
Как перед юною царицей
Порфиросная вдова,

говорит Пушкин, как все русские поклонники луны, склонный к мэтафорам.

¹¹⁾ Наши маты стелются на полу; у русских перины кладут на деревянные доски. Чем богаче и знатнее русский, тем мягче у него перины и тем больше их кладут одна на другую.

Поморные говорят, что в Москве в богатых купеческих семействах муж с женою спят на десяти и более перинах, восходящих почти до потолка, наравне с висящею под образами лампадою. Здесь нельзя не заметить разнообразия в нравах, очень понятного, впрочем, в такой обширной стране, как Россия. Члены зловредной секты нигилистов (по большей части пролетарии — вроде фякшо-што) не только не имеют по нескольку перин, но даже отрицают вовсе перины, простыни, подушки, халаты, а спят как придется, часто даже во фраках.

¹²⁾ Почтенный Фукидзи-Жен-Ициро, говоря об ассамблее, понимает вообще петербургские загородные гулянья. Сколько мне известно, в ассамблее он не был, а был в саду графа Кушелева-Безбородко и г-на Излера. Ему, очевидно, хотелось блеснуть своими сведениями об эпохе Петра Великого.

¹³⁾ Загородные гулянья преимущественно посещаются чухонками, составляющими обширное сословие камелий, над которыми автор, как слышно, ныне производит исследование.

17 августа 1862 года

МОСКОВСКИЙ ФИГЛЯР

Всякий пляшет, да не так,
как скоморох.

(Пословица)

Лицо намазав сажей,
Как английский фигляр,
Московский парень ражий
Выходит на базар.
Кричит, народ сзывая:
«Вот фокус! — Раз! Два! Три! —
Вот штука! Вот другая!
Честной народ, смотри!»

Оделся он — умора!
На голове колпак,
Из тряпок коленкора
На нем двуцветный фрак;
Одна нога людская,
Другая. . . Раз! Два! Три!
Копытом бьет другая, —
Честной народ, смотри!

Смотри мою отвагу:
«Вот шпага. Видишь? Ну,
Я проглочу всю шпагу
И глазом не сморгну».
Шпажонка, исчезая,
Блеснула. . . Раз! Два! Три!
Он смотрит не мигая, —
Честной народ, смотри!

За несколько копеек
Пересвистать готов
Заморских канареек
И курских соловьев.
На всё он мастер, словом!
Вот свищет. . . Раз! Два! Три!
Вот рожу сделал клёвом, —
Честной народ, смотри!

Награды — грош да гривна!
За бесполезный труд. . .
Как жалко, как противно,
Когда такой же шут
Проглотит шпагу разом
В журнале. . . Раз! Два! Три!
Да не сморгнет и глазом, —
Честной народ, смотри!

<1862>

В ГОСТЯХ И ДОМА

I

В ГОСТЯХ

Берлин. — Масленица на чужой стороне. — Фрейберг I, II. — Прага. — Зонненштейн. — Бастей. — Карлсбад. — Очерки Карлсбада I, II, III. — Памятник Петру I-му в Карлсбаде. — Русской крылатой дружине. — Вечерняя звезда. — Поздравление. — Киссинген I, II. — Самовар. — Бедный Ротшильд.¹

Я был у Гумбольдта в Берлине,
Я у Фарнгагена сидел.
Обоих нет на свете ныне,
Таков живущего удел!
Меня, питомца муз простого,
Они ласкали, как родного,
Зане всем гениям родной,
Кто служит истине святой.
Про молодое поколенье
Невольно вспомнишь... Молодежь,
Ей-ей, никак не разберешь...
Какая пылкость и волненье!
А будет прок ли? Мой ответ:
Быть может, да; быть может, нет.

Снежок в Берлине показался...
Не знаю сам зачем, к чему,
Но я игриво замечтался
Про нашу *матушку-зиму*.

¹ Название 19 стих<отворений> из книги «В дороге и дома», стих<отворения> кн. Вяземского.

Занявшись *батюшкой-морозом*,
Его сравнил я с паровозом,
Ввернул игривое словцо
Про наше *рьяное винцо*.
Отдал преимущество сивухе
Перед рейнвейном и клико
(Мне всё в стихах моих легко)
И заключил в российском духе,
Что немец на морозе *плох*
(Прости меня, немецкий бог!)

.

Вот Фрейберг. Жил здесь Ломоносов,
Но разыскать, где жил рыбак,
Я, после нескольких расспросов,
Не мог решительно никак.
Искал я в книгах всех разрядов,
Нашел, что жил здесь *Виноградов*,
А Ломоносова и след
Пропал за давностью лет. . .
Вот он, прогресс наш исполинский!
И наш брат русский также груб:
Не знает, жив ли Соллогуб,
А говорит, что жив Белинский;
Стремясь вперед, ползет назад. . .
В Карлсбад направимся, в Карлсбад!

Ах, как мы славно, беззаботно
В Карлсбаде, русские, живем,
Так *прозябательно, животно*. . .
Жизнь льется тихим ручейком.
Проснулся: мильбрун пей иль шпрудель,
Да и гуляй себе, *как пудель*.
С закатом солнца спать, домой. . .
С утра опять на *водопой*. . .
Купаясь в животворной влаге,
Я ощутил такую лень,
Что вдруг стихи отправил в «День».
О чем, бишь? . . Кажется, о Праге. . .
И, чая подкрепленья сил,
В Карлсбаде стал славянофил.

Ехал из Карлсбада по железной дороге и засмотрелся на комету. Мысль увлекает меня в милый Карлсбад. Любуясь с одной стороны на милых карлсбадянок, с другой на комету, я сочинил даже стихотворение.

Двум следующим строчкам, вероятно, позавидует сам Бенедиктов:

Где космато золотится
Девы огненной коса.

Хорошенькая девочка загляделась на комету, и я мысленным оком пытался проникнуть в ребяческие мечты карлсбадянки.

В Карлсбаде есть памятник Петру Великому. Написал стихи в честь памятника. Знаю, что за это достанется мне в Москве от славянофилов, да что ж делать — не мог утерпеть.

А что за женщины в Карлсбаде!
И сколько барышень и дам!
Забыв мильбрун, в их каждом взгляде
Я пил целительный бальзам
И назвал их, всех до единой,
«Крылатой русскою дружиной», —
Затем что русские оне,
Вот что всего отрадней мне!
Мадрит, Афины, Вена, Лондон,
Все с ними здесь на русский лад:
Все по-французски говорят —
Такой уж ими русский тон дан.
Карлсбад, пленительный Карлсбад,
Ты русских женщин вертоград!

Отправил к одной русско-карлсбадской даме визитную карточку — портрет при стихах. Стихи велел переписать и отправить для напечатания в Москву, в «Наше время».

*Я помню Киссингена тени,
Его ключей целебный дар,
И к стихотворству в Киссингене
Во мне проснулся прежний жар.*

Туда приехав, в первый день я
Два написал стихотворенья,
И новый стихотворный пыл
Баварец-мельник мне внушил.
«Ну, что такое, скажут, мельник?
Чай, аблесимовскому брат;
Как он, колдун, обманщик, сват,
Еще, пожалуй, и бездельник?..»
Баварский мельник?! Nein, mein Gott! ¹
Федот, выходит, да не тот.

Приятно, если мы встречаем
В тиши немецких городков
За православным русским чаем
Беседу наших земляков
О русских щах, о русском чае,
Об вологодском урожае,
Об киссингенских бедняках,
Рулетке, сплетнях и балах!

1862

¹ Нет, бог мой! (Нем.) — *Ред.*

ГРАФ КНЯЗЮ

О поэт!
Ты атлет,
Брат Гомеру родной!
И в кафе, на софе,
Je suis ivre tout à fait,¹
Наслаждаясь тобой.

Oh, mon cher!
Dans tes vers²
Скрыта мудрость веков:
В них Талмуд, Алкоран.
Tu es beau, tu es grand,³
Гарибальди стихов!

Ты из скал
Высекал
Каждый стих, каждый штрих:
Штрихберг, Вимс, Тишерт, Фаль —
Вся скалистая шваль —
Отражается в них!

Как Олай,
Извергай
Бурных рифм водопад
И прельстишь весь Париж,
Как прельщал до vertige⁴
Киссинген и Карлсбад!

1862

¹ Я совершенно пьян. (Франц.) — *Ред.*

² О, мой дорогой! В твоих стихах. (Франц.) — *Ред.*

³ Ты прекрасен, ты велик. (Франц.) — *Ред.*

⁴ До головокружения. (Франц.) — *Ред.*

**ПЕРЛЫ, ТЩАТЕЛЬНО¹ ВЫБРАННЫЕ ИЗ СТИХОТВОРНОГО
ПЕРЕВОДА г. БЕРГА „ПАНА ТАДЕУША“ МИЦКЕВИЧА И
НАНИЗАННЫЕ СТИХОТВОРНО ЖЕ НИКЧЕМНЫМ
ПИИТОЙ БРЕХАЛЬСКИМ**

О, Берга перевод! Читаешь: просто любо!
Словечком каждым ты *хватаеть аж до чуба!*
Сполáгорь всё тебе: законы языка,
И подлинника смысл, и музыка стиха.
И исполать тебе: в российских виршах ты
«Тадеуша» сумел явить нам красоты
И оными воспеть *курчента, бигос, зразы,*
Шпараги, холодец, панов, ксендзов проказы,
Покрой затейливый *чамарок, тарататок,*
И польский наложить на стих свой отпечаток.
Эмалью яркою покрыл ты небеса:
Позáди у *брегов* там *кляштор* и леса,
«Здесь яркий *папушой* *вытягивает стан*»
«И ходит в воздухе *златой его салтан*»,
А вот убит медведь *и задан ему жар,*
Украдывался где *пехура* за *анбар,*

¹ Все слова, напечатанные курсивом, взяты из перевода г. Берга, помещенного в «От<ечественных> зап<исках>» за 1862 г., гармония же стиха, обороты речи и обрезания слов — только слабая и бледная копия этого классического творения. Стихи между кавычками целиком принадлежат г. Бергу. Вот что говорит г. Краевский в объявлении об издании «Отечественных записок» в 1863 году: «...мы могли бы похвалиться таким произведением, как перевод поэмы Мицкевича «Пан Тадеуш» Н. В. Берга — перевод, который мы считаем *капитальным* (!) приобретением нашей литературы, говорим это *смело*». Действительно смело!

И драматично где допрежь, средь грязи жидкой,
«Дрожоли лопухи, задеты ножкой приткой».
Окроме этого, паненки русокосы,
Невиданно отколь спорхнули Кахты, Зоси,
С плебании попы собрались и ксенжины
И вишисци дьябли и гурьбой подкоморины.
Смотрите, как мо панку мой паниско
Приблизился до них и что-то очень близко;
Как, сбегав по ксендза, на пире пьяны гости
Здоровье лихо пьют его крулевской мости;
«Как повскакали с мест, не в силах усидеть»
И ну давай тузить друг друга .и переть
«Столами, стульями, старинными скамьями»,
«Что втиснулись туда обильными семьями»,
И под застрехою баталия велика
(«Досталось, говорит пословица, на лыка»)
Но вот, как лис, один, за ним другой за кружку
(«Великие вожди не сходны друг на дружку»),
А тут басетли звук, тромпеты, да к тому
И глазки, «торопко глядящие во тьму»,
Бросают ярый бой и, узирая Стешку,
Чтобы поймать ее, мопанки ищут стежку,
Но позыв и позыв восчувствовав к погоне,
Вскарабкаться вдруг все стараются на кони,
«А старых бунчуков на древки бородаты»
«Кухаркам отдают насаживать ухваты».
Но цыц, перо: в ушах уж скверно стало;
«Вот я тебе брехать, заткну твое брехало!»

ГЛАСНОСТЬ 1859 ГОДА И ГЛАСНОСТЬ 1862 ГОДА
(НА ГОЛОС „МАЛЮТКА, ШЛЕМ ВОСЯ, ПРОСИЛ“)

Наконец-то мы дождались настоящей, не алгебранческой гласности!

(«Русский вестник»
1859 г. по делу г. Якушкина)

За шум, бывало, так и знают,
Народ на съезжую ведут.
Теперь в журнальную сажают:
Там им расправа, там и суд.

Князь Вяземский

Малютка-гласность как-то раз,
Не оскорбив цензурных правил,
Рассказом поразила нас,
Как был пленен Якушкин Павел.
Малютка милая свой нрав
Не скрыла от суда мирского,
Как должно, *Гемпелем* назвав
Полицеймейстера псковского.

Три года минуло с тех пор:
Уж перешли в века два «Века»,
Промчался «Светоч»-метеор
За ерундою Льва Камбека.
Якушкин издал свой дневник, —
Вдруг о расправе допетровской
Вновь повествует *Доминик*
(Не ресторатор, а *Тарновский*).

Судьба обрушилась над ним
За то, что в простодушье грубом

Сказать решился он, что «дым
Вверх, а не вниз идет по трубам».
Таких обид нельзя снести:
Его связать сейчас велели,
Держали десять дней в части,
В тюремном замке две недели.¹

Малютка милая! Тебе
Якушкин Павел был обязан
Рассказом о своей судьбе,
Хоть и ничем он не был связан.
В части он много вынес мук,
Но хоть и был в простой поддевке,
Ему не связывали рук
Неблагодарные веревки.

Тогда, не тратя лишних слов,
Ты вышла в свет без покрывала,
Назвала прямо древний Псков
И прямо Гемпеля назвала.
Теперь ты скромницей глядишь
И, позабыв о прежнем форсе,
— «В одной столице...» — говоришь...
(В Варшаве или в Гельсингфорсе?)

Полковник N... столица Z...
Всё недосказано, всё глухо...
О гласность, гласность! В цвете лет
Ты стала шамкать, как старуха!
Останься ж при своих складах,
Но за былые заблужденья
Надень вериги — и в слезах
Моли у Гемпеля прощенья!

1862

¹ «Пришло в голову стряпчому, — говорит г. Тарновский, — протестовать против незаконности акта и его определения (об аресте), но в доказательство несостоятельности протеста меня сейчас же отправили в тюремный замок, а акт представили уже высшему полицейскому управлению, которое, соглашаясь с мнением стряпчего, предписало освободить меня немедленно; но слово немедленно осуществилось едва только через две недели» («История моего ареста», «С.-П.<етер>б<ургские> вед.<омости>», 1862 г., № 227).

ЛОРД И МАРКИЗ ИЛИ ЖЕРТВА КАЗЕННЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ¹
(ТРАГИЧЕСКАЯ СЦЕНА — ПОДРАЖАНИЕ ФРАНЦУЗСКИМ
КОМЕДИЯМ: „TARTUFFE“ И „LES EFFRONTÉS“)

ЛИЦА:

Лорд Катков.
Маркиз Павлов.

Театр представляет роскошный кабинет лорда Каткова, убранный
à la reaction.²

Лорд Катков
How do you do, marquis?³

Маркиз Павлов
Mylord, je vous salue.⁴

Лорд Катков
Садитесь.

(В сторону.)

Ну постой!

¹ Материалом для предлагаемой трагической сцены автору послужила полемика по поводу казенных объявлений между М. Н. Катковым и Н. Ф. Павловым (см. «Наше время», № 231, и «Современную летопись», № 44). Автор от себя ничего не прибавил; скорее его можно упрекнуть в излишней деликатности выражений. В изложении сцены автор нарочно избрал александрийские стихи, как самые тяжелые и, следовательно, ближе всего подходящие к предмету сцены.

² В стиле реакции. (Франц.) — *Ред.*

³ Как вы поживаете, маркиз? (Англ.) — *Ред.*

⁴ Приветствую вас, милорд. (Франц.) — *Ред.*

Маркиз Павлов

- Мерсі.

(В сторону.)

Уж насолю!

(Вслух.)

Я рад, милорд, что вам досталась газета.

Лорд Катков

(встает и кланяется)

Маркиз, позвольте вас благодарить за это.

Маркиз Павлов

Милорд, не я один, весь свет вас оценил.

Лорд Катков

Маркиз, мы трудимся по мере наших сил.

Маркиз Павлов

Милорд, вы трудитесь, поистине, как нужно.

Лорд Катков

Маркиз, мы действовать привыкли с вами дружно.

Маркиз Павлов

Нам врознь нельзя идти.

Лорд Катков

Нам легче труд вдвоем.

Оба вместе

(не без оттенка иронии)

Теперь горячую работу мы начнем.

Маркиз Павлов

Милорд, я лести враг, — но ваше объявление

Прочел я — и душа поверглась в умиление!

Какая точность в нем, какой изящный слог!

Лорд Катков

Благодарю, маркиз, я написал как мог.

Маркиз Павлов

Скромны, как девушка; но я скажу вам гордо:

В Москве и за морем известен слог милорда,

Лорд Катков

И я отвечу вам, хоть скромность ваш девиз,
Что вы — единственный во всей Москве маркиз.

Маркиз Павлов

Когда уж так, милорд. . .

(В сторону.)

Начать с размаху, что ли?

(Едко.)

Милорд, вы были враг когда-то монополий?

Лорд Катков

Враг монополий — да.

(Строго.)

Но я не утаю,

Что я, как собственник, за собственность стою,

(еще строже)

И полагаю я, что вы б не захотели. . .

Маркиз Павлов

(растерявшись)

Я?! . Нет! . . У нас, милорд, одни и те же цели.

Лорд Катков

Благодарю, маркиз. Я вижу, в наши дни

На поле гласности остались не одни

Ломаки. . .

Маркиз Павлов

Свистуны. . .

Лорд Катков

Горланы. . .

Маркиз Павлов

Нигилисты. . .

Оба вместе

Но есть подобные $\frac{\text{милорду}}{\text{маркизу}}$ журналисты.

Жмут руки друг другу. Продолжительное молчание.

Маркиз Павлов

Милорд...

(В сторону.)

Ей-богу, я... не знаю, как начать...

Лорд Катков

Маркиз, я слушаю.

(В сторону.)

Попробуй-ка опять.

Маркиз Павлов

(в очевидном замешательстве)

Милорд, наш век... есть век... реформ...

Лорд Катков

Маркиз, вы правы:

Эманципация смягчила наши нравы.

Маркиз Павлов

Нет больше откупов... но... привилегий след
Еще мы видим, сэръ, в столбцах *иных газет*.

Лорд Катков

(иронически)

Маркиз хотел сказать, что след их не затерян
В статьях, что пишет он и господин Чичерин?

Маркиз Павлов

(гордо)

Милорд! Умерьте ваш несвойственный вам тон!
Я не Марат и вы, надеюсь, не Прудон.

Лорд Катков

(скрывая смущение)

Маркиз! Вы шутите, надеюсь... но... однако...
Вы не свистун, маркиз!

Маркиз Павлов

Милорд, вы не кривляка!

Оба вместе

О нет, ^{милорд} маркиз, о нет! Я против свистунов

С ^{милордом} маркизом под руку всегда идти готов.

Рукопожатия и молчание.

Маркиз Павлов

Милорд! Мы, помнится, сходились с вами в мненьях
Об... об... я...

Лорд Катков

Да, маркиз, об *частных* объявленьях?

Мы бурю подняли, статей писали тьмы

И выиграли...

Маркиз Павлов

Да-с... и выиграли мы.

Но... в обстоятельствах, как я, весьма стесненных,
Я поднял бы, милорд, вопрос и об *казенных*.

Лорд Катков

(разражаясь хохотом)

Ха, ха, ха, ха, маркиз!

Маркиз Павлов

(подсмеиваясь)

Хи, хи, хи, хи, милорд!

Лорд Катков

(в сторону)

Еще смеется, бес!

Маркиз Павлов

(в сторону)

Еще хохочет, черт!

(Вслух.)

Мне в петлю лезть, милорд, а вам, милорд, забава!

(С язвительным упреком.)

Зачем же *вам* одним досталось это право?

Лорд Катков

(продолжая хохотать)

На объявленья?

Маркиз Павлов
(робко)

Н... да...

Лорд Катков
(хохочет)

Ка-зен-ные?

Маркиз Павлов

Ну да-с...

При нашей бедности недурно б и для нас.

Лорд Катков
(покатываясь со смеху)

Да право-то, маркиз, — про бедность слова нету, —
Принадлежит не мне, а университету.

Маркиз Павлов
(значительно)

В законе нет, милорд.

Лорд Катков
(еще значительнее)

Маркиз, в законе есть;

Я вам советую законы перечесть.

Маркиз Павлов

Поверьте мне, милорд, когда б в законе было,
Я начал бы...

(Выпрямляя стан и закидывая голову.)

Милорд! во мне осталась сила,

Я стал бы сетовать, роптать, негодовать,¹

Писать протест!..

Лорд Катков
(очень строго)

Маркиз, советую молчать!

Мальчишки в наши дни молчат перед законом,²

А вы... опять-таки, вы смотрите Прудоном!

¹ Подлинное.

² Подлинное.

Маркиз Павлов

(оробев)

Не досказал, милорд. . . позвольте. . . Ропот мой
Я б задушил в себе пословицей святой,
Сказал бы набожно: *солома ломит силу*.¹
В Москве прилично лишь роптать славянофилу.
Я западный маркиз.

Лорд Катков

Я западнейший лорд.

Оба вместе

Я рад, $\frac{\text{маркиз}}{\text{милорд}}$, что мы поем в один аккорд.

Усиленные рукопожатия и продолжительное молчание.

Маркиз Павлов

Милорд, скажите мне. . . скажите мне: во храме
Прилично ли жрецам дрожать над барышами?
Ученый может ли стоять за лишний грош?

Лорд Катков

Я нахожу, маркиз, что лишний грош хорош.

Маркиз Павлов

Так, сэръ. Но видите: цель университета
Не деньги наживать, а лить потоки света.
Не может же идти его святая цель
С сбиранием грошей, *roug ainsi dire, rête-mêle*.²
Возможно ли, милорд, чтоб ваш высокий гений
Спустился до грошей казенных объявлений?
Ужели вы — пророк, оратор и мудрец —
На стойку променять готовы свой венец?
Скрижаль истории нам подает примеры. . .

(Со вздохом.)

Ах, сэръ! Лишь в бедности рождаются Гомеры!

Лорд Катков

Маркиз. . .

¹ Подлинное.

² Так сказать, попережку. (Франц.) — *Ред.*

Маркиз Павлов
(воодушевляясь)
Кореньями питался Цицерон!

Лорд Катков
Маркиз...

Маркиз Павлов
В темнице был свободен Кальдерон!

Лорд Катков
Маркиз...

Маркиз Павлов
В нужде окреп талант Лопе де Веги!

Лорд Катков
Маркиз...

Маркиз Павлов
Клод Сен-Симон не ведал привилегий!

Лорд Катков
Маркиз...

Маркиз Павлов
А Диоген доволен бочкой был!
Так пусть все граждане, как стройный хор светил,
Все равноправные, свершают путь согласный...

Лорд Катков
(с ужасом)
Маркиз, опомнитесь! Вы — коммунист! Вы — *красный!*

Маркиз Павлов
Я — *красный?*

Лорд Катков
Вы, маркиз! Вы — к вашему стыду!

Маркиз Павлов
(оробев окончательно)
Я — *красный?*! . Я не то, милорд, имел в виду...

Лорд Катков

(грозно)

И где набрались вы таких превратных мнений?..

Маркиз Павлов

(скромно)

Я только, сэра... насчет казенных объявлений...
(Встает.)

Я друг порядка... но... я человек... я слаб...

Лорд Катков

Маркиз, я верю вам. Садитесь.

Маркиз Павлов садится.

Но когда б

Для личной выгоды вы стали коммунистом, —

Я не свистун, но вас — я оглушил бы свистом!

Но... вы раскаялись, маркиз, я очень рад.

(Протягивает ему руку.)

Оба вместе

Идем, ^{маркиз} милорд, идем на Запад и назад!

Новые рукопожатия и молчание.

Маркиз Павлов

Ноябрь уж на дворе, милорд, и дело близко

К подписке...

Лорд Катков

Да, маркиз.

Маркиз Павлов

Я, собственно, подпиской

Не озабочен, сэра... «Times», «Siècle», «Débats»

и «Presse»

Не от подписчиков имеют интерес...¹

Подписчик! фи, милорд!.. как тривиально это!

Без них обходится хорошая газета.

¹ Подлинное.

И лучший журналист, по-моему, есть тот,
Кто не для чтения газету издает,
А больше для других, возвышенных стремлений. . .

Л о р д К а т к о в

Маркиз, но в «Таймсе» нет *казенных объявлений*.

М а р к и з П а в л о в

Не всё же, сэр, идти за Англиею вслед.

Л о р д К а т к о в

Маркиз, пример ее полезен для газет.

М а р к и з П а в л о в

Но в данном случае, милорд, скажу вам смело:
До английских газет Россия не созрела.

Молчание.

Л о р д К а т к о в

(зевая)

Маркиз, но как внушить присутственным местам,
Чтоб с объявлениями все обращались к вам?

М а р к и з П а в л о в

Милорд. . . известен я как журналист невздорный. . .

Л о р д К а т к о в

Маркиз, не ведает об этом *суд надворный*.

М а р к и з П а в л о в

Милорд, отечеству я посвятил труды. . .

Л о р д К а т к о в

Маркиз, не знают их *уездные суды*.

М а р к и з П а в л о в

Милорд, статьи мои язвительны и сжаты. . .

Л о р д К а т к о в

Маркиз, их не прочли *гражданские палаты*.

Маркиз Павлов
Милорд, я думаю, моей газеты взгляды...

Лорд Катков
Маркиз, не думает об нем комиссарьят.

Маркиз Павлов
Милорд, но, наконец, газеты направлены...

Лорд Катков
Маркиз, об нем молчит губернское правление.

Маркиз Павлов
(нетерпеливо)

Но я печатаю казенные...¹

Лорд Катков
(торжественно)

Закон
Вам запрещает их печатать.

(Берет со стола Свод законов, т. I.)

Вот вам он!

(Читает.)

«Частные лица могут, если желают, обращаться с объявлениями своими и к издателям газет или журналистам; (громко и внушительно) но объявления от правительства в частных изданиях не допускаются» (Свод законов, т. I, ч. I, кн. III, прилож. к ст. 472, § 21. «Современная летопись», № 44).

Маркиз Павлов
(падая в обморок)
Милорд! Что слышу я? Дрожат во мне все нервы...

Лорд Катков
(спокойно подает ему Свод законов)
Маркиз, вот вам статья: параграф двадцать первый.

¹ Подлинное.

Маркиз Павлов

(в бреду)

Как? Без подписчиков и без казенных мест?!

(Хныкая.)

Милорд! Подумайте, как мне тяжел мой крест!

(Рыдает.)

Лорд Катков

(снисходительно)

Утешьтесь, о маркиз! При нынешнем прогрессе

Для стонов места нет в отечественной прессе.

Маркиз, вы — опытный, солидный журналист

(Хоть в отношении к подписке нигилист), —

В России, где цветут кунсткамеры, музеи,

Наук, искусств, ремесл различные затей,

Где ценится талант и признается труд, —

И ваши доблести, маркиз, не пропадут!

Жмет руку маркизу Павлову; маркиз улыбается, засыпая.

Картина.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ТАНЦАМ

Весь Петербург затанцевал,
 Как девочка, как мальчик;
Здесь что ни улица, то бал;
 Здесь что ни бал — скандальчик.
Все веселятся от души,
 Всё ладно в нашем быте.
Пляши, о! град Петра, пляши!
 Друзья мои, пляшите!

Пляши, веселенький старик,
 Нафабрившись как надо;
Ведь ты давно плясать привык
 От мины, жеста, взгляда,
От приглашений красоты
 На старческие шутки.
Пляши, старик! Здесь все, как ты,
 По женской пляшут дудке.

Пляши, о! муж — на склоне лет
 Обиженный судьбою,
Пусть скользкий, как твой путь, паркет
 Мирит тебя с бедою.
Смирись, сравнив публичный суд
 С публичными балами, —
Где спин перед тобой не гнут,
 Хоть шаркают ногами.

Ты, что на службе, говорят,
Лежал среди дороги, —
Лети на бал. В канкане, брат,
Спеши расправить ноги!
Хоть службой тяжкий дан урок,
Но на публичном бале —
Представь себе — один скачок:
И ты всех выше в зале!

Пляши и ты, водевилист,
Островского учитель,
И ты, Обломов-журналист,
Сфер идеальных житель.
Вы — публицистов стройный хор —
Вы сладко голосите;
Вы песни пели до сих пор, —
Подите ж попляшите!

Пляшите все, хотя б в тоске
Скребли на сердце кошки.
Вся мудрость наших дней — в носке
Поднятой кверху ножки.
Отдайте пляске каждый час,
И господин Ефремов
Наверно выпишет для вас
Красавиц из гаремов.

Пусть уравниет наконец
Все возрасты, все званья
Единый наших дней мудрец —
Учитель танцеванья!
Вина и пляски резвый бог
Да будет вечно с нами,
И наш прогресс, как сбитый с ног,
Запляшет вверх ногами.

Ты помнишь ли, читатель благосклонный,
Те дни, когда мы пели в унисон,
Когда Зарин и Охочекомонный
Еще тебя не погружали в сон,
Когда тебя не оскорблял Безрылов,
И «Парусом», разорванным судьбой,
Ты связан был с судьбой славянофилов,
Ты помнишь ли, читатель добрый мой?

Ты помнишь ли период русской прессы,
Когда Катков на мнимой высоте
Из кололац¹ российские прогрессы
Выделявал в сердечной простоте,
Какие он отмачивал коленцы,
Как он ходил на Зотова войной,
И как к нему стекались ополченцы,
Ты помнишь ли, читатель добрый мой?

Ты помнишь ли, какой был строгий тон дан
С Олимпа, где верховодил Катков,
Как им в Москве основан был Нью-Лондон
Недалеко от Пресненских прудов,
Как он сразил профессора Крылова,
Как он был горд своим Байбородой,
Все подвиги, все шалости Каткова
Ты помнишь ли, читатель добрый мой?

¹ Кололацы — известное выражение московского пророка Ивана Яковлевича Корейши, усвоенное после его смерти М. Н. Катковым, выражение, вероятно, заключающее в себе глубокий смысл, к сожалению, непонятный поморным сочинителям.

Ты помнишь ли, как он, попеременно,
То строг, как Зевс, то нежен, как Амур,
Нас забавлял своею несравненной
Полемикой с Евгениею Тур;
Как Николай Филиппыч был с ним дружен,
Как Соллогуб был жертвой дружбы той
И как Дюма был Павловым сконфужен,
Ты помнишь ли, читатель добрый мой?

Ты помнишь ли, как некогда в Пассаже
Сказали нам, что не созрели мы,
Ты помнишь ли, как все восстали, даже
Действительно незрелые умы.
И как потом, в варяго-русском деле,
Муж, вспоенный московскою водой,
Погодин сам сказал, что мы созрели. . .
Ты помнишь ли, читатель добрый мой?

Ты помнишь ли. . . Ах! помнить это надо!
Тогда еще Скарятин не решил,
Что общество российское есть стадо.
Прошли года. Корейша путь свершил;
Московского юродивого братцы
Пошли за ним дорогою прямой.
Нью-Лондон пал — и только *кололацы*
Остались нам, читатель добрый мой.

ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ РОССИИ

Вот уже тысяча лет,
Как существует Россия.
Есть в ней Скарятин-поэт,
Есть в ней Арсеньев-вития;
«Время» стоит за народ,
Павлов поет велегласно, —
Стало быть, пресса цветет —
Ну и прекрасно!

Что вы смущаете нас,
Грозный боярин Аксаков?
Что восставать на танцкласс,
Что воевать против фраков?
Если мы все по балам
Ездим и пляшем так страстно, —
Стало быть, весело нам. . .
Ну и прекрасно!

Нынче уж самый мороз,
Выгнавший двадцать языков,
Уши щадит нам и нос,
Лютую силу размыкав.
Немцев в России число
Так и растет ежечасно.
Стало быть, немцам тепло,
Ну и прекрасно!

Русский от них не отстал;
В пику коварным *тедескам*
Верди для нас написал
Оперу с громом и треском.
Мы заплатились за честь,
Но уж никак не напрасно. . .
Стало быть, денежки есть,
Ну и прекрасно!

Деньгами край наш богат.
Мы тароватые бары.
Сахару ставить хотят
Памятник сахаровары.
Значит, заводы цветут,
Мы богатеем ужасно;
Стало быть, сладок наш труд. . .
Ну и прекрасно!

В чем же судьбу обвинять?
Все мы живем как умеем.
Вот уж народ просвещать
Кушнерев стал «Грамотеем».
Что же порочить весь свет?
Что ж волноваться напрасно?
Прожили тысячу лет —
Ну и прекрасно!

1862

ТИК-ТАК! ТИК-ТАК!

Тик-так! Тик-так! Спокойно, ровно
Свершает маятник свой круг.
Тоска томит меня, и словно
Меня пугает этот стук.
Как будто с явною насмешкой,
Связав мне ноги, лютый враг
Мне говорит: «Иди! Не мешкай!»
Тик-так! Тик-так!

Увы! попрежнему исправно
Кружась, как белки в колесе,
Вдруг слышать явственно недавно
Тик-так, тик-так мы стали все.
Мы маршируем, пляшем, пишем,
Дни коротаем кое-как,
А ночью все с тоскою слышим:
Тик-так! Тик-так!

Звук, с детства каждому знакомый —
Тик-так, тик-так — известный звук.
Не знаем сами, отчего мы
Его пугаться стали вдруг.
То страх возьмет, то вспыхнет злоба...
Ты будто слышишь в нем, земляк,
Стук молотка о крышку гроба —
Тик-так! Тик-так!

Чертог твой вижу изукрашен,
Делами предков гордый муж!
Ты вчуже для меня был страшен,
Владея тысячами душ.
Ты гредишь в сумраке со страхом,
Что всех людей твоих, собак
Уносит время с каждым взмахом —
Тик-так! Тик-так!

Чертог твой вижу либеральный,
Нинон Лянкло из русских дам,
И разговор патриархальный
Об *мужичках* я слышу там.
Но вам неловко. . . Вслед за спором
Вдруг смолкнет весь ареопаг,
И простучит для всех укором:
Тик-так! Тик-так!

Я вижу, канцелярский гений,
Твой кабинет, и труд ночной,
И ряд твоих соображений,
Где распустить, где крикнуть: «стой!»
Но тщетны мудрые уловки!
Ты стал бледней своих бумаг,
Услышав стук, без остановки:
Тик-так! Тик-так!

Смотри: усердный твой поклонник —
Медоточивый публицист,
Трудясь над составленьем хроник,
Не кончив, вдруг бросает лист.
Он вдруг почуял, в страшной муке,
Всех этих гимнов ложь и мрак
В победоносно-ровном стуке:
Тик-так! Тик-так!

Тик-так, тик-так — в спокойной силе
Волнует сердце, гонит сон. . .
Что ж это? Скука просто — или
«Глагол времен, металла звон?»

Мы слышим в ровном этом ходе
За звуком — звук, за шагом — шаг:
Движеньё вечное в природе:
Тик-так! Тик-так!

Мы слышим в звуках всем понятных
Закон явлений мировых:
В природе нет шагов попятных,
Нет остановок никаких!
Мужайся, молодое племя!
В сияньи дня исчезнет мрак.
Тебе подсказывает время:
Тик-так! Тик-так!

<1863>

РАПСОДИИ О НИГИЛИЗМЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

Героические времена нигилизма прошли. Вдохновенно призывавший на битву Петр Пустынник-Тургенев, санкционировавший первый поход против нигилистов папа Урбан-Катков, горячий Бульон московский-Юркевич с братом своим Балдуином-Лонгиновым, мудрый Роберт-Краевский с племянником своим неустрашимым Танкредом-Громекою принадлежат уже истории. На священных скрижалях оной бесстрастный Галахов изобразит приводящие во ужас сердце кровопролитные войны, для поучения воспитанников средних учебных заведений, в новом издании своей хрестоматии. Суд истории мудр и нетороплив. Неизгладимые борозды на ее каменистой почве проводятся событиями медленно. Время, в которое войны постепеновцев с нигилистами отразятся в ее ровном зеркале во всей величавой правдивости, еще не определено провидением. Прагматической истории обыкновенно предшествует художественный эпос. Бледнея и отступая в смущении перед великостью задачи, я тем не менее берусь быть певцом этой войны, ибо вдохновенные барды наши не берутся: Аполлон Майков в Неаполе, князь Петр Вяземский в Киссингене, Афанасий Фет, повесив на стенку свою лиру, взялся за плуг селянина, граф Толстой принял из рук Клио свиток с мрачными письменами времен Иоанна Грозного, Страхов для увеселения «Времени» играет, как мячиком, глобусом Урании, Всеволод Крестовский шалит с снисходительною Эрато, а Щербина

вымаливает у Полигимнии новых мифов для своего народного *читальника*. Каллиопа тщетно зовет русских бардов; кроме меня, никто не откликается на ее зов.

Я делаю что могу: песни мои суть не что иное, как рапсодии эпохи нигилизма. Потомству предстоит составить из них величественно-поучительный эпос.

24 марта 1863

Пр. Знаменский

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Происхождение или, лучше сказать, возникновение *нигилизма* доселе покрыто еще мраком неизвестности. Первое веяние духа нигилизма замечается в Орловской губернии, славной в географии Российской империи как место рождения И. С. Тургенева, который даже временно проживает в одной губернии, когда на несколько дней покидает Париж, сию вторую родину образованных россиян. Дух нигилизма зоркие Собакевичи и Ноздревы орловские воплощают в Базарове, лекаре, кончившем курс в императорской медико-хирургической академии. Вместе ли с Базаровым родился дух нигилизма и когда родился Базаров — еще не исследовано г-ми Геннадии и Бартеневым; полагают, что в начале тридцатых годов, когда еще издавался «Благонамеренный» Измайлова. Собакевичи и Ноздревы предполагают присутствие нигилизма в Базарове потому, что он режет лягушек и у него есть микроскоп. Жак Араго точно так же неприятно встречен был дикими, потому что обходился посредством носового платка и имел при себе компас. Жака Араго дикие хотели съесть; Базарова Куролесовы хотят отодрать на конюшне. Общее совещание по этому поводу. Базаров, — говорят Собакевичи, — начинает с лягушек, а кончит нами. Он рассматривает в микроскоп всякие гадости во внутренностях лягушек, — говорят Ноздревы, — а потом будет высматривать внутренние гадости наши. Надо отодрать его! — говорят Ноздревы и Собакевичи. Надо отодрать его! — восклицает за ними весь хор. Благовоспитанный Кирсанов в краткой, но сильной речи доказывает, что система подобных наказаний несвременна, и советует лучше идти жаловаться соседу своему И. С. Тургеневу. После долгих прений все соглашаются.

Из области обыкновенных деревенских сплетен и выдумок зараза нигилизма переходит в область так называемого литературно-художественного вымысла. Слово *нигилизм* всё еще не произнесено. Воспоминание об улице Рогатице древнего Новгорода.

Неожиданно, негаданно,
Как зловещий запах ладана,
Предвещающий покойника,
Словно бес, из рукомойника
Появлявшийся пустыннокам, —
Перестав бродить по клиникам
И начальству сдав экзамены,
Юный плотью, духом каменный,
Родом подлый, нрава ярого,
Внук кутейника Базарова
Вдруг в губернию Орловскую
Всю заразу внес бесовскую.

Внес с собою он цинический
Некий запах хирургический,
Весь пропитанный алкоголем
(Вроде запаха, что Гоголем
Укреплен был за Петрушкою);
И лягушку за лягушкою
Истреблять пошел в селения,
Полон духа разрушения.

Чтоб внутри у всякой гадины
Видеть все бугры и впадины,
Обзавелся микроскопами,
Хороводился с холопами,
А в туземные гостинные,
Спокон века благочинные
(Точно так же, как столичные),
Внес манеры неприличные
И намеренно-враждебные
Разговоры непотребные.

Расходились все окрестные
Курдюки мелкопоместные,

Петухи любвеобильные,
Все Кирсановы жантильные,
Все Багровы многодушные,
Все Расплюевы послушные,
Собакевичи тяжелые
И Ноздревы развеселые —
И, простившись с домочадцами,
Жен оставивши за святцами,
Вышиваньями, вареньями
И Авдеевых твореньями,
Кто с арапником, кто с палкою,
Кто вороною, кто галкою,
Рты раскрыв, с глазами странными —
Неподвижно оловянными —
Все с испуганными лицами,
На совет слетались птицами.

И неслось их слово дикое:
«Горе, горе нам великое!
Ходит тучею огромною
Гром над кущей нашей скромною,
Деревенскими пенатами,
Самоварами, халатами,
Буколическими нравами
И господскими забавами.
Погибает всё отечество!
Где же наше молодечество?
Мы ль потерпим посрамление!»
И решили во мгновение —
Все, от малого до старого —
На конюшне драть Базарова.

Словно вишенка на веточке,
Как картинка на конфеточке,
Посреди толпы неистой
Вдруг, в рубашечке батистовой,
В сюртучке сукна атласного,
Цвета трюфельно-колбасного,
И в шотландской легкой шапочке,
На груди скрестивши лапочки,
Встал Кирсанов — от Кирсанова
Всею лавкою Рузанова,

Всех mille-fleurs¹ благоуханием
Пронеслося над собранием —
И собранье это шумное
Слово слышало разумное:

«Укротитесь, други-братия!
Должно взять мероприятия
Не веками освященные,
А гуманно-современные:
Я приятель с сочинителем —
Он да будет нам хранителем».

Поднялись тут рассуждения:
— Что такое сочинения?
— И какие там писатели?
— И просить их будет кстати ли?
— Петухам-де унизительно...
Но Кирсанов так внушительно
Объяснил движенье новое,
Что всё общество суровое
С ним к Тургеневу за славою
Устремилось всей оравой.

Так на улице-Рогатице,
В неописанной сумятице,
Чадь Новгорода Великого,
Преисполняя гнева дикого
На Василия Буслаева,
Чтобы в руки мать взяла его,
Подвигалась легионами
Ко вдове честной с поклонами.

Конец 1-й песни

¹ Сорт цветочных духов — *Ред.*

ПЛАТОНИЧЕСКОЕ КУ-КУ-РЕ-КУ

Нынешний сезон были особенно замечательны вечера иностранца Шур-Юра, профессора черной магии, кабалистики и допотопной истории. Неизвестно, к какой нации принадлежит г. Шур-Юр; мы знаем только, что он приехал в Россию с Иосафатовой долины, на которой, как известно, будет происходить современем страшный суд, — с целью ознакомить поморных с ученьями всех существовавших когда-либо философов, начиная с Чинг-Нунга, жившего, по свидетельству китайцев, за 95 000 лет до Р. Х. Изложив в нескольких лекциях все предшествовавшие учения, профессор в прошедшем марте месяце дошел до Платона, учение которого хотел объяснить во всей полноте, так как г. Шур-Юр сам платоник и вследствие этого ненавидит материалистов. Учением Платона он хотел подготовить поморных к слушанию лекций г. Юркевича. К сожалению, полезные чтения его должны были прекратиться, потому что он получил несколько анонимных писем, в которых, как он говорит, какие-то злонамеренные люди хотели его побить. Впоследствии всё это оказалось уткой: никто не хотел его бить, и авторы писем имен своих от него не скрывали: они выражали в своих письмах только неудовольствие, возбужденное в них восторженными отзывами г. Шур-Юра о философских системах Чинг-Нунга и Иен-Дзи-Ци, системах бесспорно мудрых, но, говоря откровенно, в течение 97 000 лет несколько устаревших.

Замечательно, что на последних вечерах г. Шур-Юра поморная публика состояла исключительно из полутора-

столетних старцев и четырехлетних девочек. Некоторые утверждают, что с девочками были и неродившиеся дети, известные читателям «Искры», но, принимая в соображение возраст девочек, мы обязаны положительно опровергнуть это.

1863

Профессор

(входит на кафедру и, раскланявшись, читает)

Mesdames, messieurs, мне очень жаль —

Я для поморного бонтона

Уже хотел раскрыть скрижаль

Ученья о любви Платона.

Уже я духом нищим рос,

Ливанскому подобясь кедру,

Гордясь, что мне читать пришлось

Его божественную «Федру».

Я полагал: пришла пора

Экспериментов в новом роде,

Перед которым мишура

Юркевич, Галюше и Роде, —

Как вдруг. . . как вдруг. . . Messieurs,

mesdames. . .

Я в грязь упал из царства славы. . .

Герой, равнявшийся богам,

Вдруг червем стал! О, век! О, нравы!

О старцы, полные огня!

Малютки, зрелые рассудком!

Молю вас: встаньте за меня

В борьбе открытой тьмы и дня,

Абстракта с мозгом и желудком.

При слове «желудок» полуторастолетние старцы кричат «браво»; девочки, глядя на них, хлопают в ладошки.

Messieurs, mesdames, позвольте вас

За это лестное вниманье

Благодарить. . . теперь, молчанье:

Я продолжаю свой рассказ.

Враги мои — враги науки,

Враги прогресса, тишины —

Всё нигилисты, свистуны,

Весь мир забрать мечтают в руки.

Я первый ими поражен
(Прославлюсь этим я в отчизне!),
Я, для которого Платон
Был идеал в юдольной жизни!
Как он в Афинах, я в Москве —
В Сокольниках и в Эльдорадо —
Хотел на мягкой мураве
Пасти мне вверенное стадо,
Чтоб Аристотелей потом,
Достойных степеней и премий,
Из сих афинских академий
Представить обществу гуртом.
Чтоб, мир узнав в его законах,
Они, как агнцы чистоты,
Не к плоти прилеплялись в женах,
А к свету вечной красоты;
Чтоб неся фимиам волнистый
К небесным силам и земным, —
Чтоб даже слово «нигилисты»
Навек исчезло, яко дым.

Старцы, выражая свое одобрение, шамкают что-то губами,
наклоняя головы.

Но... мы не от себя зависим!
Во мне унижен сам Платон.
Вдруг сотни анонимных писем
Ко мне летят со всех сторон.
Мне угрожают в них свистками
За то, что, не вступая в бой,
Я называю дураками
Всех расходящихся со мной.
Как будто нам ругаться ново!
Как будто доброй руготни
Словарь покойного Баркова
Вполне исчерпан в наши дни!
Как будто умер Собакевич!
На днях вот Бюхнера честил
Глупцом при публике Панфил
Иосафатович Юркевич.
Его ль не дорог нам пример?
Ужели он нам не учитель?
Он — проповедник всех химер...

Pardon! Химер изобличитель?

Старцы восторженно аплодируют; девочки им подражают.

Дурак! Дурак! Messieurs, mesdames,
Что тут дурного? Я не знаю.
Чтоб всем приятным быть — я сам
Колпак дурацкий надеваю.

Надевает дурацкий колпак с погремушками; девочки хихикают, пересмеиваются и показывают на профессора пальцами, старцы благосклонно улыбаются. Взрыв рукоплесканий.

Messieurs, благодарю за честь.
Mesdames, я истинно взволнован...
Я письма бы желал прочесть,
В которых заинтересован.

(Вынимает из разных карманов множество писем.)

Простите мне — дрожит рука.
Я весь пылаю, как в горячке...

(Развертывает одно письмо.)

Вот... Нет, здесь счет погребщика!

(Развертывает другое письмо.)

Вот... Нет, здесь счет белья от прачки.

(Задумчиво.)

Приятен херес и лафит
Весной, как снег на крышах тает;
Особенно, когда в кредит
Вам погребщик их отпускает.
Приятно мне, когда их хмель
Глаза застелет катарактой
И, опуская на постель,
Возносит в области абстракта.
Особенно, когда потом,
С характером сантиментальным,
К вам прачка явится с бельем
И раздушенным и крахмальным.
Платоник волею судьбы
Уступит страсти по привычке:
Так все мы вечные рабы
Так называемой клубнички.

Старцы, погруженные сначала в мечтательную задумчивость, вдруг, как бы опомнившись, начинают неистово хлопать; девочки продолжают хихикать, не спуская глаз с колпака.

Итак, messieurs, итак, mesdames,
Надев колпак дурацкий разом,
Я обращаться должен к вам,
Не прибегая к громким фразам.
Долой балласт ненужных слов!
Колпак звенит, упала маска...
Вот писем от моих врагов
Весьма порядочная связка.
Судить ученья двух эпох
Прилично в обществе ученом,
А здесь пред вами — скоморох,
Лишь наряжавшийся Платоном.
Здесь возбуждать дешевый смех
Должны своим проворством руки
И удивительные штуки
Я сделаю из писем всех.

Делает с изумительным проворством разные фигурки из писем; девочки вскакивают на стулья, кричат, смеются и весело хлопают в ладошки.

Вот вам из первого — лошадка...
Вот из второго — петушок...
Вот вам кораблик, хуторок...
В фигурках нету недостатка!
Так ловкий скоморох всегда
Отвечствует на вражий вызов!
Но так как в мире, господа,
Нет шарлатанства без сюрпризов,
Я вас и ими наделю
За то, что вы добры и кротки,
И два письма употреблю...¹
Mesdames, для вас на папильотки.

Делает папильотки и бросает их девочкам; девочки бегут к самой кафедре и наперерыв их хватают, толкаясь и вырывая их друг у дружки. Взрыв рукоплесканий потрясает всю залу.

¹ Здесь почтенный профессор, очевидно, подражает г-ну Юркевичу, который на публичном чтении 9 марта 1863 года, как писал в «Очерках» г. М. С., свернув читанное им письмо и кладя его в карман, с улыбкой прибавил, обращаясь к публике: «а из письма этого я вправе сделать такое употребление, какое найду пригодным». В ответ на эти слова посыпались аплодисменты со всех сторон; особенно усердно аплодировал редактор одной из почтенных московских газет.

Mesdames, из сердца глубины
Я приношу вам благодарность,
О, если б знали свистуны,
Как всем ясна здесь их коварность.

(Восторженно.)

А вы, ученые друзья,
Когда софизмы ваши плохи,
Открыто действуйте, как я:
Снимайте маски, скоморохи!
Ударь себя по колпаку,
Чтоб, понимаешь, зазвенело!
Вскакни на стол и крикни смело:
Ку-ку-ре-ку! Ку-ку-ре-ку!

Вскакивает на стол и кричит по-петушьему. Восторг публики превосходит всякое описание. От грома рукоплесканий разбиваются стекла в окнах и потолок падает вместе с занавесом. Публика обращается в бегство.

С дымом пожара
Рынок толкучий,
После угара
Бред неминуемый,
Дикие слухи,
Праздные толки
Вызвал в старухе
«Северной пчелке».
В год, как нарочно,
Рынок успели
Выстроить прочно, —
Но и доселе
Веет от старой
Тем же пахучим
Дымом пожара
В рынке толкучем.

1863

Молодая жена!
Ты «Что делать?» взяла.
Эта книга полна
Всякой грязи и зла.
Брось зловредный роман,
В нем разврат и порок —
И поедем канкан
Танцевать в «Хуторок»!

1863

Нет, положительно, роман
«Что делать?» нехорош!
Не знает автор ни цыган,
Ни дев, танцующих канкан,
Алис и Ригольбош.
Нет, положительно, роман
«Что делать?» нехорош!

Великосветскости в нем нет
Малейшего следа.
Герой не щеголем одет
И под жилеткою корсет
Не носит никогда.
Великосветскости в нем нет
Малейшего следа.

Жена героя — что за стыд! —
Живет своим трудом;
Не наряжается в кредит
И с белошвейкой говорит —
Как с равным ей лицом.
Жена героя — что за стыд! —
Живет своим трудом.

Нет, я не дам жене своей
Читать роман такой!
Не надо новых нам людей
И идеальных этих швей
В их новой мастерской!
Нет, я не дам жене своей
Читать роман такой!

Нет, положительно, роман
 «Что делать?» нехорош!
В пирушках романист — профан,
И чудеса белил, румян
 Не ставит он ни в грош.
Нет, положительно, роман
 «Что делать?» нехорош!

1863

ДЕНЬГИ

(ИЗ ИСПАНСКИХ МОТИВОВ)

Я дворец воздвигну на морских волнах,
Сколько есть песчинок я сочту в степях,
Я зубами с неба притащу луну,
Если в целом мире встречу хоть одну
Женщину, в которой страсти к деньгам нет!
Секретарь, квартальный, публицист, поэт
Могут ненавидеть деньги всей душой;
Женщина не может: в мире нет такой!
Женщина — для нашей братья, для мужчин —
Колокол, в котором звук всегда один.
И везде мы слышим колокольный звон:
«Денег! денег! денег!» — благовестит он.

<1863>

ПРИРОДА, ВИНО И ЛЮБОВЬ
(ИЗ ВЫЛЫХ ВРЕМЕН)

Трагедия в трех действиях, без соблюдения трех единств, так как происходит в разное время, в разных комнатах и под влиянием различных страстей и побуждений.

ЛИЦА:

Поэт, Редактор, Цензор.

ДЕЙСТВИЕ I. ПРИРОДА

Комната Поэта

Поэт

(пишет и читает)

Пришла весна. Увы! Любовь
Не манит в тихие дубравы.
Нет! негодующая кровь
Зовет меня на бой кровавый!

Кабинет Редактора

Редактор

(поправляет написанное Поэтом и читает)

Пришла весна. Опять любовь
Раскрыла тысячу объятий,
И я бы, кажется, готов
Расцеловать всех меньших братьий.

Кабинет Цензора

Цензор

(поправляет написанное Поэтом и поправленное Редактором и читает)

Пришла весна. Но не любовь
Меня влечет под сень дубравы,
Не плоть, а дух! Я вижу вновь
Творца во всем величьи славы.
(Подписывает: «Одобрено цензурою».)

ДЕЙСТВИЕ II. ВИНО

Поэт

Люблю вино. В нем не топлю,
Подобно слабеньким натурам,
Скорьбь гражданина — а коплю
Вражду к проклятым самодурам!

Редактор

(поправляет)

Люблю вино. Я в нем топлю
Свои гражданские стремленья,
И видит бог, как я терплю
И как тяжел мой крест терпенья!

Цензор

(поправляет)

Люблю вино. Но как люблю?
Как сладкий мед, как скромный танец.
Пью рюмку в день — и не терплю
Косматых нигилистов-пьяниц.
(Подписывает.)

ДЕЙСТВИЕ III. ЛЮБОВЬ

Поэт

Люблю тебя. Любовь одна
Дает мне бодрость, дух и силу,
Чтоб, чашу зла испив до дна,
Непобежденным лечь в могилу.

Редактор

(поправляет)

Люблю тебя. Любовь к тебе
Ведет так сладко до могилы
В неравной роковой борьбе
Мои погубленные силы.

Цензор

(поправляет)

Люблю тебя. И не скорбя,
Подобно господам писакам,
Обязан век любить тебя,
Соединясь законным браком.

(Подписывает.)

Занавес падает. В печати появляется стихотворение «Природа, вино и любовь», под которым красуется имя Поэта. В журналах выходят рецензии, в которых говорится о вдохновении, непосредственном творчестве, смелости мысли, оригинальности оборотов речи и выражений, художественной целостности и гражданских стремлениях автора.

<1863>

В ЛЕТНЕМ САДУ

«Скажи мне, милое дитя,
В таком хорошеньком костюме,
Всегда ль ты думаешь шутя
Играть с детьми в веселом шуме?»
— «Папá мне обруч подарил.
Смотрите: вот какой красивый». .
И след уж девочки простыл.
— Пожалуй, дети и счастливы!

«Ну, ты что скажешь, мальчуган?
Ты с виду что-то слишком чинный». .
— «Вчера папаша мне в карман
Сам положил пятиалтынный.
Сказал: „Добудь на этот пять,
Я наживал уж в годы эти”.
А я... не знаю... где их взять». .
— Как злополучны наши дети!

«Ты что грустна? будь веселей!»
— «А мне на именинах тетя
Вдруг подарила: «Друг детей»...
Такая книжка... в переплете...
Уж я читала как могла...
Там «Федя злой», «Иван строптивый»...
Я ничего не поняла...»
— Пожалуй, дети и счастливы!

«А вы, дитя мое, сейчас
Вы глазки сделали — не мне ли?»
— «Ah! quelle idée! ¹ В кругу у нас
И видеть вас бы не хотели.
Вот мой жених. Pierre! Viens donc, ² Pierre!
Я буду первой дамой в свете...
Он князь, он будет камергер...»
— Как злополучны наши дети!

«Вы Pierre и есть?» — «Тебе зачем?
Ma belle, laissez-le... ³ В пансионе
Я пыль в глаза пускаю всем —
Лошадкой английскую роппу;
В оранжереях был потом —
Как ваши губки, сочны сливы».
— Ну, этот в детстве с медным лбом.
Пожалуй, дети и счастливы?

«А вы? Вы здесь нарядней всех...
Но что вы? В блондах, в кринолине...
И плачете?..» — «Смеяться грех:
Я сирота в доме графини».
— Довольно, дети! Знаю сам
И раззолоченные сети,
И книжку с розгой пополам.
Как злополучны наши дети!

<1864>

¹ Ах! что за мысль! (Франц.) — *Ред.*

² Иди же сюда. (Франц.) — *Ред.*

³ Прелесть моя, оставьте его. (Франц.) — *Ред.*

ПРЕДВЕЩАНИЯ НА 1865 ГОД

Жди ясного на утро дня.
Стрижи мелькают и звенят.

А. Фет.

Оставив оханья и вздохи,
Начнем жить мирно, без забот --
«Заправский» календарь «Эпохи»
Сулит нам счастье круглый год.
Пускай дни пасмурны, ненастны
(Приметы правду говорят), —
Не нынче — завтра будут ясны!
Стрижи мелькают и звенят.

Не нынче — с будущего года
Наступит наконец для всех
Всегда хорошая погода,
Всего хорошего успех.
Уж это время близко... близко...
Уж всё идет на новый лад...
Уж на «Эпоху» есть подписка —
Стрижи мелькают и звенят.

Не нынче — завтра все народы
Забудут разницу племен
И развернутся в хороводы
Из боевых своих колонн.
Любовь смешает все знамена
Канкан танцующих солдат, —

Уж есть программа — Сан-Леона...¹
Стрижи мелькают и звенят.

Не нынче — завтра, с новым годом
Произойдет у всех в глазах
Сближение общества с народом —
В банкетных спичах и речах.
И сколько будет нежных слитий,
Демократических тирад —
В местах «продажи разных питей».
Стрижи мелькают и звенят.

Во всех избушках самовары
Вознаградят крестьянский труд;
На иностранные товары
Внезапно цены упадут.
Уж не довольствуясь речами,
Иной пресыщенный магнат
Пьет нынче кофе с калачами.
Стрижи мелькают и звенят.

Воров не будет. Полон злобы
(Хоть сам из книжек захватил)
Их всех к Краевскому в «Трущобы»
Загнал гишпанский алгвазил;
Ну, а оставшийся излишек
Сметет Сикевич² зауряд,
Карая уличных мальчишек.
Стрижи мелькают и звенят.

Наука выйдет из пустыни
На путь народно-бытовой;
Для школ народных по-латыни
Переведется Домострой.
На зависть западного мира,
Ерыжным веяньем объят,
Затмит Аверкиев Шекспира.
Стрижи мелькают и звенят.

¹ Зри «Конек-Горбунок», балет г-на Сан-Леона.

² Бывший редактор «Петербургского листка».

Исчезнут сонмы фарисеев,
На карте сыщется Тамбов,
Аксаков обоймет евреев,
Свой четвертак найдет Катков.
Не будет слабых, нищих, бедных,
Судьба всем равный даст оклад —
Златых надежд и денег медных.
Стрижи мелькают и звенят.

Всё так устроится, что не в чем
Судьбу нам будет обвинять.
Блажен, кто верит птицам певчим
И рад всю жизнь погоды ждать.
И я бы пел в веселом тоне,
Но, утомля слух и взгляд,
Кругом, на сером небосклоне,
Стрижи мелькают и звенят.

1864

ДАМА ПРИЯТНАЯ ВО ВСЕХ ОТНОШЕНИЯХ

Общество было весьма либеральное;
Шли разговоры вполне современные,
Повар измыслил меню гениальное,
Вина за ужином были отменные.
Мы говорили о благе людей,
Кушая, впрочем, с большим аппетитом.
Много лилося высоких идей,
С хересом светлым и теплым лафитом.
Вот, заручившись бокалом клико,
Встал, улыбаясь, оратор кружка,
Бодро взглянул и, прищурясь слегка,
Будто мечтой уносясь далеко,
Начал свой спич свысока.

Мы уж не слушали спич...
Мы будто сделались немые и слепы.
Мало того: даже вкусная дичь —
Тетерева, дупеля и вальдшнепы
Будто порхнули и скрылись из глаз;
С ними порхнуло и самое блюдо...
Так поразило всех нас
Вдруг происшедшее чудо.

Кто она? Кто ее звал?
Расположилась как дома,
Пьет за бокалом бокал,
Будто со всеми знакома.

Бойко на всех нас глядит...
Просит у общества слова...
Тс... поднялась... говорит...

«Ну ее!» — молвил сурово,
Гневно махнувши рукой,
Некто, молчавший весь ужин,
Сдержанный, бледный и злой.
Он никому не был нужен;
Был он для всех нас тяжел,
Хоть говорил очень мало...
С ним мы боялись скандала,
Так что, когда он ушел,
Легче нам будто бы стало...

Впрочем, мы шикнули обществом всем
(Он уже был за дверями)
И обратились затем
К вновь появившейся даме.

Дама собой недурна —
Круглые формы и нежное тело...
Полно! Да вновь ли явилась она?
Нет, эта дама весь вечер сидела.
Раньше ее мы видали сто раз;
Нынче ж, увлекшись общественной ломкою,
И не заметили милых нам глаз...
Нет! Положительно каждый из нас
Встретился с нею как с старой знакомкою.

Безукоризнен на даме наряд:
Вся в бриллиантах; вся будто из света...
Внемлет и дремлет ласкающий взгляд;
Голос — как будто стрижи в нем звенят...
Дама хоть в музы годится для Фета.

Бог ее ведает, сколько ей лет,
Только, уж как ни рассматривай тщательно,
Вовсе морщин на лице ее нет;

Губы и зубы и весь туалет
Аранжированы слишком старательно.

Впрочем, чего же? Румяна, бела,
Как госпожа Одинцова опрятная,
Вся расфранченная, вся ароматная,
Самодовольствием дама цвела;
Дама, как следует дама была —
Дама во всех отношеньях приятная.

Общество наше совсем расцвело.
Самодовольно поднявши чело,
Как королева пред верным народом,
Дама поздравила нас с Новым годом.

«Я в Новый год, — говорила она, —
Слово сказать непременно должна.
(Слушать мы стали внимательно.)
Праздник на улице нынче моей.
(И согласились мы внутренно с ней,
Все, как один, бессознательно.)

Полной хозяйкой вхожу я в дома;
Я созвала вас сегодня сама;
Утром, чуть свет, легионами,
Всюду, где только передняя есть,
Шубы висят и валяется «Весть»,
Я поведу вас с поклонами.

Слово мое лучше всех ваших слов.
Много вы в жизни сплели мне венков;
Вам укажу на соседа я.
(Дамы сосед был оратор-мудрец.)
Милый! ты был мой усерднейший жрец,
Сам своей роли не ведая.

Он собирался вам речь говорить,
Прежде всего бы он должен почтить
Вашего доброго гения.
Я вам дороже всех жен и сестер.
(Лоб свой оратор при этом потер,
Будто ища вдохновения.)

Верная спутница добрых людей,
Нянчу я вас на заре ваших дней,
Тешу волшебными сказками;
Проблески разума в детях ловлю
И отвечаю: «агу!» и «гулю!»
И усыпляю их ласками.

В юношах пылких, для битвы со злом
Смело готовых идти напролом,
Кровь охлаждаю я видами
Близкой карьеры и дальних степей,
Или волну гораздо сильнее
Минами, Бертами, Идами.

Смотришь: из мальчиков, преданных мне,
Мужи солидные выйдут вполне,
С знаньем, с апломбом, с патентами;
Ну, а мужей, и особенно жен,
Я утешаю с различных сторон —
Бантами, кантами, лентами,

Шляпками, взятками... черт знает чем
Тешу, пока успокою совсем
Старцев, покрытых сединами,
С тем чтоб согреть их холодную кровь
Фетом, балетом, паштетом и вновь
Идами, Бертами, Минами.

Горе тому, кто ушел от меня!
В жизни не встретит спокойного дня,
В муках не встретит участия!
Пью за здоровье адептов моих:
Весело вносит сегодня для них
Новый год новое счастье.

Прочно их счастье, победа верна.
В битве, кипящей во все времена
С кознями злыми бесовскими,
Чтоб защитить их надежным щитом,
Я обернусь «Петербургским листком»,
«Ведомостями Московскими».

Всё я сказала сегодня вполне,
Некуда дальше, и некогда мне,
Но... (тут улыбка мелькнула злодейская,
В дряхлом лице вызвав бездну морщин)
Надо сказать мое имя и чин:
Имя мне — „Пошлость житейская”».

Дрогнул от ужаса весь наш совет.
«Пошлость!» — мы вскрикнули. Дамы уж нет.

И до сих пор мы не знаем наверное:
Было ли это видение скверное,

Или какой-нибудь святочный шут
Нас мистифицировал десять минут;

Только мы с Пошлостью Новый год встретили,
Даже морщины ее чуть заметили, —

Так нас прельстила, в кокетстве привычная,
Вся расфранченная, вся ароматная,
Дама во всех отношеньях приличная,
Дама во всех отношеньях приятная.

1864—1865

НА МАСЛЕНЦЕ

Я выпался сегодня превосходно,
Мне так легко — и в голове моей,
Я чувствую, логично и свободно
Проходит строй рифмованных идей.
— Что ж? Пользуйтесь минутой вдохновенья.
Воспойте нам прогресс родной страны,
Горячие гражданские стремленья. . .
— Нет, господа, давайте есть блины.

— Мы шествуем путем преуспеванья,
Запечатлев успехом каждый шаг;
Рассеял свет победоносный знанья
Невежества и самодурства мрак.
Омаров уж осталось очень мало,
Аттилы уж нисколько не страшны.
Карайте их сатирой Ювенала!
— Нет, господа, давайте есть блины.

— Заметно уж смягчились наши нравы,
На честный смех нельзя уж нападать,
В свои права вступил рассудок здравый,
И в корче зло преследует печать.
Уж на нее утихли все нападки,
Враги ее бессильны и смешны. . .
Раскройте нам все наши недостатки.
— Нет, господа, давайте есть блины.

— Во всем прогресс! С его победным ходом
В понятиях везде переворот.

Свершается слияние с народом.
Что чувствует в такие дни народ!
В своих стихах восторженно-свободных
Вы, как поэт, изобразить должны
Избыток чувств и радостей народных.
— Нет, господа, давайте есть блины.

Нет, господа, любя страну родную,
Стремясь к тому, чтоб каждый в ней был сыт,
Я никого стихами не взволную
И портить вам не стану аппетит.
Мы круглый год и так себя морочим.
Уж если петь — так песни старины.
Давайте петь вино, любовь. . . а впрочем —
Нет, господа, давайте есть блины!

<1865>

ПРИМЕРНЫЙ ФАТ

Пускай сатирики кричат,
Что ты презренный фат,
Но ты мне мил.
Ты во всю жизнь ни разу, брат,
Не изменил
Своих воззрений и манер.
Vivons, mon cher! ¹

Кругом тебя кричат, орут
Про гласность, вольный труд —
Плечами лишь
Ты пожимаешь, тверд как Брут,
И говоришь
О пользе всех химер и мер:
«C'est drôle, mon cher». ²

Когда в собрании Ноздрев,
Подняв бокал, подымет рев
За мужика, —
Ты взглянешь в стеклышко без слов
На дурака
И выпьешь молча редерер.
Умно, mon cher.

Не признаешь ты женских прав,
Но Гретхен милую обняв,
Портного дочь,

¹ Выпьем, мой милый! (Франц.) — *Ред.*

² Это смешно, мой милый! (Франц.) — *Ред.*

Рад где попало, подгуляв,
Плясать всю ночь,
Хоть в шустер-клубе, например.
Aimons, mon cher! ¹

Благую часть ты выбрал, брат, —
Театр французский, маскарад,
Обед, балет —
И черт ли в том, что говорят
В столбцах газет
Катков, Камбек, Лягерроньер. . .
Всё вздор, mon cher.

Ты также мил в кругу повес,
Хоть потерял кредит и вес,
Хоть испытал,
Что значит время и прогресс,
Но капитал
Еще остался для гетер.
Vivons, mon cher! ²

Как в оны дни, хоть век не тот,
Без размышлений, без забот,
По старине,
Пока кондрашка не сшибет
С бровей пянсне,
На рысаках во весь карьер
Валяй, mon cher!

Валяй, mon cher! Ты мил для нас;
Живешь без сердца, напоказ,
Без головы,
Но ты стыдишься пошлых фраз.
В наш век — увы!
И это доблестный пример.
Vivons, mon cher!

<1865>

¹ Будем любить, мой милый! (Франц.) — *Ред*

² Живем, мой милый! (Франц.) — *Ред*.

ЗАВЕЩАНИЕ

Мой сын, я в вечность отхожу
Из мрака суеты;
Сказал бы: в рай, да не скажу,
И не поверишь ты.
Мой сын, я в вечность отхожу
Из мрака суеты.

Мой сын, вверяясь небесам,
Надейся, уповай;
Но на бога надеясь, сам,
Мой милый, не плошай.
Мой сын, вверяясь небесам,
Надейся, уповай.

Мой сын, учись — ученье свет,
А неученье тьма;
А жизнь на всё уж даст ответ,
По-своему, сама. . .
Мой сын, учись — ученье свет,
А неученье тьма.

Мой сын, любовь — союз сердец,
К блаженству первый шаг;
Второй шаг будет под венец,
А третий под башмак.
Мой сын, любовь — союз сердец,
К блаженству первый шаг.

Мой сын, твоя опора — труд,
Твое всё счастье в нем;
Хотя с трудом в больницах мрут
Живущие трудом.
Мой сын, твоя опора — труд,
Твое всё счастье в нем.

Мой сын, спокойствие души —
Отрада беднякам;
Зато уж в нем все барыши
И все утехи нам.
Мой сын, спокойствие души —
Отрада беднякам.

Мой сын, будь честен и горяч
В борьбе для счастья всех,
Да только после уж не плачь,
Услышав общий смех.
Мой сын, будь честен и горяч
В борьбе для счастья всех.

Мой сын, я в вечность отхожу
Из мрака суеты;
Сказал бы: в рай, да не скажу,
И не поверишь ты.
Мой сын, я в вечность отхожу
Из мрака суеты.

<1865>

**К ЯМБАМ БАРБЬЕ В ПЕРЕВОДЕ
„ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК“**

ПРОЛОГ ПЕРЕВОДЧИКА¹

Пусть говорят, что я в стихах моих тяжел;
Что в них из четырех две рифмы на глагол,
Что негодующий лиризм, с тупым упорством,
Я заменил везде холодным резонерством;
Что у меня в стихах что строчка, то ухаб:
«Когда бы», «дул бы», «сны б», «луга я б» и «уста б»;
Что вместо *ненависть* я говорю *ненáвисть*.
Пускай себе шипит посредственность и зависть!
Какое дело мне до наглых свистунов?
Мой труд благословил эстетик Соловьев.
Мой стих бесцветен, вял; но я пишу в журнале,
Исполненном своей особенной морали:
Избавлен публицист от честности в наш век —
А я плохой поэт, но честный человек!

МАДРИГАЛ ПЕРЕВОДЧИКУ

Поэт, благодарю! Ваш «Лев» — прекрасный лев:
В тех, кто читал Барбье, он возбуждает гнев.
Вы промах сделали в заглавии, однако;
Прибавить нужно бы: «се лев, а не собака».

¹ Подлинник этого пролога остался в портфеле редакции «Отечественных записок», по соображениям, которые станут ясны читателю, когда он прочтет последнее из предлагаемых стихотворений. Не утверждаю, что напечатанный здесь пролог схож во всем с подлинным: не достаточно ли, впрочем, если он идеально возможен?

Мне снился ночью сон — и страшен сон тот был.¹

Сам господин редактор, лично,
Стихами с рифмами Барбье переводил
Свирепо, желчно и цинично.

«Да... — говорил он, — да... я должен рифмы
плесть —

И вот плету благополучно,
Как рифму к слову *шерсть* пристегиваю *лесть*.

Выходит жалостно и звучно!

*К о г д а б ы Музою моей, увь! была
Младая девушка, как майский день светла,
И с золотистыми, как колос, волосами —
Мне д у л б ы тихий ветер незримыми крылами
И с н ы б прекрасные носились надо мной:
Цветущие л у г а я б мял своей ногой,
И песни нежные у с т а б мои слагали
И п е с н и б т е тогда меня увеселяли.
Но изнутри меня я слышу строгий глас:*

Редактор! Издавай свой голос!

Тебя отечество зовет в ужасный час:

Забудь и девушку и колос.

Иди, гряди, сиди, Барбье переводи,

Не то зловредные идеи

В журналах вражеских передадут — гляди —

Стихом хорошим лиходеи!

Исполненный любви к своей стране родной,

Я сел, как *сторож бледнолицый*;

Величье рыжее, борты и тухлый гной

Пошли пестрить мои страницы.

За перевод в стихах я выдал эту гниль,

Ведь за вранье не платят пошлин —

Зато Барбье теперь, как древле Бокль и Милль,

В моем издании опошлен!»

1865

¹ Курсивом напечатаны подлинные выражения переводов «Отечественных записок».

ЗАТИШЬЕ

Как будто бы после блестящего
Затеями барскими праздника
В селе самодура-проказника,
В губернии целой гремящего;

Как после эффекта финального
В французской плохой мелодраме,
Пора отрезвления печального
Пришла и смеется над нами.

Сады, и долины с озерами,
И горы — в чуланы брошены,
Костюмы плохие изношены
И спрятаны в шкаф бутафорами.

По форме сменив бакенбардами
Мужицкие бороды, все мы
Надели фуражки с кокардами
На лбы, надевавшие шлемы.

Попрежнему зажили панами
И, дома валяясь в халатике,
Пейзан называем мужланами
По правилам русской грамматики.

Свободнее всем как-то дышится,
И в сходках вечерних у нас
Опять беззаботное слышится:
«Куплю!», «Бескозырная!», «Пас!»

1865

ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ ОДНОГО ИЗ МНОГИХ

Минувший год я весь провел прекрасно.
Как он прошел — я не заметил сам,
Но вообще прошел он не напрасно:
Есть вспомнить что и детям и отцам!
Я в Новый год обедал у вельможи.
К шести часам собрался высший свет.
Скучали все — и я был скучен тоже —
Но вообще прекрасный был обед.

Ученых и общественных вопросов
Тьму тьмушую поставил этот год.
Прошло сто лет, как умер Ломоносов;
Как далеко мы двинулись вперед!
Обедал я в роскошной, светлой зале.
Названий блюд мне не забыть сто лет...
Не помню уж зачем и что читали —
Но вообще прекрасный был обед.

С наукою шло об руку искусство,
Как гибкий плющ обвив могучий дуб;
Еще обед припомню не без чувства:
Художники у нас открыли клуб.
Ковры, драпри и мебель — всё отлично...
Ну, кое-что сказал бы про буфет,
Да кое-что о выставке годичной...
Но вообще прекрасный был обед.

Принадлежа и сам к числу «хозяев»,
Я посещал усердно каждый съезд;

Там слушали так жадно краснобаев,
Что за столом недоставало мест.
Сияли там, переливаясь тонко,
Свет знания и люстр громадных свет...
Особенно понравилась мне жженка —
И вообще прекрасный был обед.

Минувший год во многом вспомнить любо,
Вот, например, еще обед возьмем —
Открытие служительского клуба —
Участие я тоже принял в нем.
Не показал ни жестом я, ни взглядом,
Что для меня противен мой сосед...
Представьте — я сидел с лакеем рядом...
Но вообще прекрасный был обед.

Все высшие ценил я интересы
И временем им жертвовал всегда:
Обедал я за процветанье прессы,
Обедал я в честь женского труда;
Пил за успех «Русалки» и «Рогнеды»,
За оперу, за драму, за балет...
Тьфу! Черт возьми! Не вспомню все обеды!
Но каждый раз прекрасный был обед!

Держась всегда вдали от нигилистов,
В серьезные вопросы погружен,
Я был введен в кружок экономистов
И на обед был ими приглашен.
Сводили там итоги и балансы;
Я тоже свел: ведь круглый год банкет!
Однако я растрес-таки финансы...
Но вообще прекрасный был обед.

Как год прошел — я, право, не заметил;
Весь год не знал, что значит слово — лень.
И Новый год с бокалом также встретил
И на обед поехал в первый день.
Шумели там, решали то и это;
Разъехались — на улице уж свет.
Вопросы все остались без ответа, —
Но вообще прекрасный был обед.

1865—1866

ВЕЛИКИЕ ИСТИНЫ

(ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД ИЗ СБОРНИКА „LA GOGUETTE“)

Повсюду торжествует гласность,
Вступила мысль в свои права,
И нам от ближнего опасность
Не угрожает за слова.
Мрак с тишиной нам ненавистен,
Простора требует наш дух,
И смело ряд великих истин
Я первый возвещаю вслух.

Порядки старые не новы
И не младенцы — старики;
Больные люди — не здоровы
И очень глупы дураки.
Мы смертны все без исключения;
Нет в мире действий без причин;
Не нужно мертвому леченья.
Одиножды один — один.

Для варки щей нужна капуста;
Статьи потребны для газет;
Тот кошелек, в котором пусто,
В том ни копейки денег нет;
День с ночью составляет сутки;
Рубль состоит из двух полтин;
Желают пищи все желудки.
Одиножды один — один.

Москва есть древняя столица;
По-русски медик значит врач,
А *чудодейка* есть вещица,
О коей публикует Кач.
Профессор — степень или званье;
Коллежский регистратор — чин;
Кнуты и розги — наказание.
Одиножды один — один.

Покуда кость собака гложет,
Ее не следует ласкать,
И необъятного не может
Никто решительно обнять.
Не надо мудрствовать лукаво,
Но каждый честный гражданин
Всегда сказать имеет право:
Одиножды один — один.

В сей песне сорок восемь строчек.
Согласен я — в них смыслу нет;
Но рифмы есть везде, и точек
Компрометирующих нет.
Эпоха гласности настала,
Во всем прогресс — но между тем
Блажен, кто рассуждает мало
И кто не думает совсем.

<1866>

〈М. П. МУРАВЬЕВУ〉

I

Сто человек, никак, ты запер в казематы,
И мало всё тебе, всё мрачен, как чума, ты!
Утешься, ведь господь царя благословил —
Отвел от родины тягчайший из ударов!
— Эх, братец! черт ли в том! Ведь я бы заморил
Сто тысяч в крепости, когда б не Комиссаров!

II

Холеру ждали мы, и каждый был готов
Диету соблюдать и жить себе здорово.
Но фурия хитра: надула докторов —
Прислала за себя из Вильны Муравьева.

1866

ВЕСЕЛЫЕ РАЗГОВОРЫ

— Смею вас уверить, если б в этом деле
Только двадцать тысяч лишних мы имели,
В продолженьи года — говорю вам смело —
Может сто процентов дать нам это дело.
Это б оживило наши обороты.
Дайте двадцать тысяч — или мы банкроты.
Остается только петля или пуля.
Наливайте херес — это от Рауля.

— Дал бы вам, почтенный (славные омары!),
Но, ей-богу, нету (херес, точно, старый;
В Английском бутылка стоит пять с полтиной),
Нету ни копейки, то есть ни единой.
Акции всё ниже, ниже год от году.
Сам от кредиторов бросился бы в воду,
Так уж мне последних два-три года трудны.
(Славные дюшесы! Мараскино чудный!)

— Ah, Nadine, как трудно! Ah, ma chère, ¹
ужасно!

Денег целый месяц я ищу напрасно.
В оперу ни разу не собралась даже,
Так и пропадает ложа в бельэтаже.
Машенькин учитель прочь нейдет из дому,
За шестьсот целковых тащит к мировому.
Ah, vilain! ² Другие ждут, не докучая,

¹ Ах, моя милая. (Франц.) — *Ред.*

² Подлец, мерзавец. (Франц.) — *Ред.*

Вот хоть за перчатки вчетверо должна я...
Ah, Nadine! нельзя ли... мы сочтемся с вами...

— Милая Полина, мы без гроша сами.
Муж ждет ревизора, от испугу болен,
Entre nous,¹ он будет, кажется, уволен,
Коля и Аня без надежды в кари...
Доктор уж не ездит... Просто стыд и горе!
Видишь, вот два платья уж совсем готовых —
И на гарнировку нет трехсот целковых.
Чтоб купить к ним ленты, кружева, застежки,
Я вчера в ломбарде заложила ложки.

— Что, топ шег Сережа, отчего невесел?
(Действие в балете в первом ряду кресел.)
Не глядишь на сцену — скверные приметы,
Если уж не тешат позы Фиаметты.

— Грегуар, мне деньги нужны до зарезу,
Или я оставить вынужден Терезу,
А ведь я ухлопал на нее в полгода
Больше, чем в пять лет мне получить дохода.
Мне в кредит не верят в лавке Одинцова,
В палки проиграл я на честное слово...
Я бы сто процентов дал без разговоров...

— Друг мой, я спасаюсь сам от кредиторов.
Месяц дома не был, юноша, поверьте.
Впрочем, успокойтесь и поедem к Берте.
Я с шампанским ящик ей везу в подарок —
Самых знаменитых и дешевых марок.
Там мы погрузимся в океан забвенья,
Завтра ж — пусть приступят к описи имения!

<1866>

¹ Между нами. (Франц.) — *Ред.*

CAUSERIE¹

(ЭКЛОГА ЛИТЕРАТОРА-ВЕТЕРАНА)

С тех пор как «Пчелки» больше нет,
Да умер Павлов, журналист,
Хоть не читай родных газет,
Меня в них бесит каждый лист.
Тоска в статьях передовых,
А в фельетон хоть не смотри.
Увы! Давно исчезла в них
Времен минувших causerie!

Cette causerie gentille et douce,
Qui instruit, en amusant,²
Вся из bon-mots,³ как лучших бус
Un fil léger et luisant.⁴
Ее Булгарин к нам занес,
Взяв в образец Альфонса Карр,
И в книжке под названием «Ос»
(Les guêpes) принес отчизне в дар.

Oh! Le beau temps! Oh! Les beaux jours!⁵
Они исчезли без следа!
Я лишь с Евгениею Тур
Схожусь во взглядах иногда.

¹ Легкий разговор, светская болтовня. (Франц.) — *Ред.*

² Эта изящная и милая causerie, которая поучает, забавляя. (Франц.) — *Ред.*

³ Острот, метких словечек. (Франц.) — *Ред.*

⁴ Легкая и блестящая нить. (Франц.) — *Ред.*

⁵ О! Прекрасное время! О! Прекрасные дни! (Франц.) — *Ред.*

А остальные! Nom de dieu! ¹
Вы обратили фельетон
В plaisanteries des mauvais lieux. ²
«Хорош российский Геликон!»

Так Пушкин молвил в старину
(Я тоже с Пушкиным был друг).
Увы! Уж нет его! Одну
Бездарность вижу я вокруг,
Нахальство без границ и мер,
Нигилистический туман.
Кто ж остается? Я, prince Pierre. . . ³
Oh! Les beaux jours du bon vieux temps! ⁴

Да! Геликон наш не хорош;
Mais nous avons un bon journal,
Bien rédigé par Messaroché,
Un homme de lettres libéral. ⁵
C'est ⁶ «Женский вестник». Нынче в нем,
Как отблеск утренней зари,
Блеснула радужным огнем
Времен минувших causerie!

La causerie du bon vieux temps —
Ведь это грация сама,
Ведь это лучше, чем роман
Фейдо, Феваля и Дюма!
Ее давно уж нужно нам,
И, чтоб пополнить сей пробел,
В журнале для девиц и дам
Так называется отдел.

В отделе этом мы найдем
Все, что нам нужно с давних пор,
Весь этот милый сердцу вздор,
Блестящий чувством и умом.

¹ Чорт возьми! (Франц.) — *Ред.*

² Шутки дурного тона. (Франц.) — *Ред.*

³ Князь Пьер. (Франц.) — *Ред.*

⁴ О! Прекрасные дни доброго старого времени! (Франц.) — *Ред.*

⁵ Но у нас есть хороший журнал, отлично редактируемый либеральным литератором Мессарошем. (Франц.) — *Ред.*

⁶ Это. (Франц.) — *Ред.*

В его живой калейдоскоп
Войдет весь пестрый светский мир,
«Грейт Истерн» с критикой «Трущоб»,
«Миантономо» и Шекспир,

Поэта светлая мечта,
И философии урок,
Балы, наряды, и плата,
И доктор Хан, и доктор Бок,
Огонь и лед, и мрак и свет,
Et Jean qui pleure, et Jean qui rit,¹
Et Turluru, et Turlurette!..
Да процветает causerie!

1866

¹ Жан, который плачет, и Жан, который смеется. (Франц.) —
Ред.

РОКОВОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ

(РОМАН В СТИХАХ — ТЕМНОГО ПОЭТА)

Kennst du das Land, wo die Citronen blühen?

*Goethe.*¹

«Удалимся от мирских волнений
В мир волшебных, сладких вдохновений.

Ах! Поедем, нас зовет весна!» —
Молвил милой я в начале мая,
В Коломягу ехать приглашая.
— «Ах, поедем!» — молвила она.

«Этот город, мрачный и суровый,
Этот климат, крайне нездоровый,
Эта жизнь отравую полна.
Здесь живем мы нищенски и скудно.
Трудно мне; тебе ведь тоже трудно?»
— «Это правда», — молвила она.

«Ну, а там блаженство жизни нашей
Станем пить мы золотою чашей
И осушим всю ее до дна.
Юный Феб, в своем наряде ярком,
Каждый день разбудит нас подарком...»
— «Ах, чудесно!» — молвила она.

¹ Ты знаешь край, где цветут лимоны? *Гете.* (Нем.) — *Ред.*

«Каждый день с улыбкой ясной Феба
Над тобою будет, вместо неба,
Бирюза чистейшая одна.
В час заката — новые картины:
Изумруды, перлы и рубины...»
— «Дорогой мой!» — молвила она.

«Ночью — вновь сокровища и грезы:
В лунном свете стройные березы,
Наклонясь из нашего окна,
В бриллиантах свесятся на ложе,
В бриллиантах звезды будут тоже...»
— «Золотой мой!» — молвила она.

Предвкушая счастье и негу,
Обнялись и сели мы в телегу —
И dahin, dahin¹ повез чухна
По неровной муринской дороге,
Вдруг — толчок и, праведные боги!
— «Что за мерзость!» — молвила она.

«Собери, дружок мой, всю отвагу,
Мы сейчас приедем в Коломягу.
Вот направо, вот уж и видна...
Вот и дача — лучшая из новых...
На всё лето стоит семь целковых».
— «Это подло!» — молвила она.

«Вот лесок, вот роща, вот аллея, —
Продолжал я, несколько алея
(Ночь была ужасно холодна,
А в избушке нестерпимо чадно), —
Сядем в роще, в роще так прохладно...»
— «Это низкость!» — молвила она.

Удержав порыв негодованья
И в душе питая ожиданья,
Эту ночь ужасную без сна
Провела она в палаццо новом.
А наутро самым первым словом
«Где ж подарки? — молвила она. —

¹ Туда, туда. (Нем.) — *Ред.*

Где ж подарки господина Феба?
К чаю нет порядочного хлеба,
Нет воды, не только уж вина,
В деревянной чашке простокваша —
Это, что ли, золотая чаша?
Ах, обманщик! — молвила она. —

Как я вижу, ловок на обман ты!
Бирюзу сулил мне, бриллианты...
Да и я, никак, была пьяна —
На его польстилась на рубины!
Все-то вы обманщики, мужчины!
Шаромыжник!» — молвила она.

Накричалась вдоволь, нашумела
И в телегу, не простившись, села,
И dahin, dahin повез чухна.
Так меня, несчастного поэта,
В Коломьяге мрачной на всё лето
Одного оставила она.

<1866>

СВИСТОК И СТАКАН

Свистать! Свистать!
Нам вторит эхо.
Но, чур! Не лгать
Орудьем смеха!
Приходит срок,
Взял верх обман —
Бросай свисток,
Бери стакан.

Пей, чуть слышна
Фальшивость нотки,
Оксгоф вина
И четверть водки,
Ведро эль-кок,
Эль-кукельван.
Бросай свисток,
Бери стакан.

Чем разделять
Кастратов славу,
Уж лучше спать
Вались в канаву,
Без задних ног,
Мертвецки пьян.
Бросай свисток,
Бери стакан.

Уж лучше, брат,
Пить мертвой чашей
Забвенья яд,

Чем в прессе нашей
Зловонных строк
Впивать дурман.
Бросай свисток,
Бери стакан.

Газетный лай
И обезьянства
Пренебрегай
В величьи пьянства.
Оно порок,
Но не обман.
Бросай свисток,
Бери стакан.

1866

**СКАЗКА О ВРАЧЕ И ЗОЛОТОЙ РЫБКЕ ИЛИ
НЕНАСЫТИМЫЕ ЖЕЛАНИЯ**
(ПОДРАЖАНИЕ ПУШКИНУ И САН-ЛЕОНУ)

Жил некий врач иноземный,
Немец иль еврей — неизвестно,
Коновал более, чем медик,
В Питере, у самой Фонтанки,
В улице самой Болотной,
Кровь отворяя и припуская пьвявки,
Промыванья делая и припарки.
Так своим ремеслом он кормился
Ровно тридцать лет и три года.
Раз, когда налеплял он больному
Шпанскую мушку во весь затылок,
Сказал этот больной иноземцу,
Немцу или еврею — неизвестно
(Будем уж называть его немцем):
«Лучше бы, чем мушки-то ставить,
Кровь отворять и припускать пьвявки,
Промыванья делать и припарки,
Стал бы ты издавать, немец, газету.
Многих этим спасешь ты от смерти,
А поможет тебе золотая рыбка —
Только выдь на Фонтанку и кликни».
Сказал это больной и скончался.

Призадумался немец глубоко,
Возвращаясь домой на дрожках,
На докторских дрожках старомодных.

«Где уж, — думает, — издавать мне газету,
Немцу или еврею — неизвестно?
И какую буду издавать я газету?
«Северную пчелу» издает Булгарин,
«Отечественные записки» — Краевский,
«Петербургские ведомости» — Очкин,
«Сын отечества» издает Фурман.
Где уж мне за ними тягаться?
Только ведь и могу я, немец,
Фельдшерскую газету придумать».

Пошел немец гулять на Фонтанку;
Всколыхнулась мутная Фонтанка,
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, немец?»
Ей с поклоном немец отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Издавать я задумал газетку;
Не могу я, немец, тягаться
С Булгариным, Очкиным и Краевским.
Да немного мне, немцу, и нужно:
Подписались бы на мою газетку
Фельдшера всех гошпиталей и клиник,
Сколько их ни на есть в России».
— «Ладно, — говорит золотая рыбка, —
Подпишутся на твою газетку
Фельдшера всех гошпиталей и клиник,
Сколько их ни на есть в России».
Воротился в Болотную немец:
На столе у него лежат повестки,
Почтальоны звонят то и дело,
Требованья шлют книгопродавцы,
Фельдшера несут свои деньги,
Тяжелые деньги, трудовые.

Пошло у него дело как по маслу.
Едет он однажды по Болотной
В докторской приличной карете,
Едет и сам с собою рассуждает:
«Много ли фельдшеров-то в России?
Много ли от фельдшеров-то корысти?»

Черта ли мне в их копейках?
Лучше издавать буду журнальчик,
Так себе дрянненький журнальчик,
Тратиться уж много не стану,
И ума много не потрачу,
Мне ведь, немцу, нечего и тратить;
Наберу я разных картинок,
Диких зверей и диких народов,
Из журналов прошлого века,
Подходящие подберу статейки,
Да словарь приложу французский;
Пусть меня вольнодумцы ругают,
Лишь бы рыбка опять услужила».

Вот опять он пошел на Фонтанку.
Взволновалась мутная Фонтанка,
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, немец?»
Ей с поклоном немец отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка,
Издавать я задумал журнальчик,
Так себе журнальчик ледаший.
Где уж мне с Краевским тягаться!
Да немного мне, немцу, и нужно.
Подписались бы на мой журнальчик
Немудрые люди, самоучки,
Недоросли из дворян, простофили,
В чайнии разума набраться
Из французских словарей и картинок».
Отвечает ему золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом;
Подпишутся на твой журнальчик
Немудрые люди, самоучки,
Недоросли из дворян, простофили».

Пришел немец в свою квартиру;
Видит — на дверях надпись: *контора*,
Фельдшер сидит — не пластырь мажет,
А билеты вырезает из книги,
Важно их раздает самоучкам,

Недорослям из дворян, простофилям
И за это деньги получает.
Возмечтал тут о себе немец.
«Буду, — говорит, — издавать я
Не дрянной журналчик ледащий,
А большой журнал всероссийский,
Всероссийский журнал, всемирный,
Столько же в нем будет таланта,
Столько же ума и статеек,
Как в дрянном журналчике ледащем,
Только шрифты возьму покрупнее,
Да на шпоны раздвину пошире.
Вольнодумцы, благо, присмирели,
Присмирели, собаки, попрятались,
А с Краевским, — говорит, — потягаюсь».

Пошел немец опять на Фонтанку:
Почернела мутная Фонтанка;
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, немец?»
Ей с поклоном немец отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Потягаться хочу я с Краевским,
Присмирели, благо, вольнодумцы,
Присмирели, собаки, попрятались.
Нужно бы мне теперь, немцу,
Чтобы мой журнал всероссийский,
Всероссийский журнал, всемирный
Расходился бы по всей России,
Как газета Старчевского древле,
От роскошных чертогов вельможи
До мужицкой лачуги убогой».
Отвечает золотая рыбка:
«Ладно, немец, ступай себе с богом».

Воротился в Болотную немец.
На дверях видит надпись: *редакция*,
А в редакции сидят все сотрудники,
Все сотрудники, да все эстетики,
Все эстетики, да все кудесники.
Фельдшер его за ними ухаживает,

Пьявки припускает, рожки ставит,
Чтоб писали они не чернилами
И не в разум макали, а кровью бы,
Наилучшей кровью писали бы.
И строчат сотрудники ретивые
Критики всё больше, да трагедии,
Всё стихами, как эти вот, белыми,
Напустили туман на всю горницу,
Намарали статеек с три короба
И из них ежемесячно в публику
Выпускают пряники печатные.

Расходился тут немец без удержу.
Обратился к своим он сотрудникам
И ловел к ним речь неразумную:
«Ох вы, гой еси, братцы-сотруднички,
Славные богатыри-трагики,
Милые эстетики-кудесники!
Не хочу больше с Краевским тягаться,
Потягаюсь я, немец, с немцами,
С окаянными Геру и Мазадами!
Не хочу издавать журнал всероссийский —
Стану издавать всеславянский!»

Диву дались все сотрудники;
Побледнели эстетики-кудесники,
Жутко стало богатырям-трагикам —
Но перечить немцу не осмелились.

Нахлобучил немец картуз на уши,
Застегнул пальто свое ватное,
Ибо дело было осеннее,
И из горницы вышел гоголем.

Как пришел немец на Фонтанку,
Видит: Фонтанка вся черная.
Так и вздулись сердитые волны,
Так и ходят, так воем и воют.
Расступились пред ним все отметчики,
За спокойствием там наблюдавшие,
И от ужаса в воду попадали
Прачки, белье полоскавшие.

Стал он кликать золотую рыбку;
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, немец?»

Немец и картуза не ломает:
«Не хочу, — говорит, — издавать журнал
всероссийский,

Хочу издавать всеславянский!
Чтобы все меня, немца, читали и почитали,
Чтоб проникла моя слава повсюду:
И в турецкий и в кесарский край —
На Лабу, Мораву, на дальнюю Саву,
На Тиссу, на Дриссу, на Драву, Моллаву,
На шумный и синий Дунай!»

Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула
И ушла в мутную Фонтанку.
Долго у моря ждал он погоды;
Не дождался немец — оглянулся:
Перед ним его докторские дрожки,
Докторские дрожки старомодные;
Фельдшер сидит на дрожках с ланцетом,
Сердится на немца и понукает:
«Едемте, ваше благородие,
Пьявки припускать, рожки ставить».

НОВОГО СЧАСТЬЯ ЧИТАТЕЛЮ И НОВЫХ БОГАТСТВ!

Редакция вполне понимает, что интересы, которыми всего более дорожит всякое общество, суть интересы его спокойствия.

Объявление г. Тиблена об издании «Современного обозрения».

При анализе экономических явлений мы будем иметь в виду, главным образом, задачи накопления новых богатств, а не перераспределения старых.

Там же.

Капиталы — суть деятели современного прогресса.

«Пятикопеечник», соч. г. Карповича.

Знаю я, читатель, что делами
Важными по горло ты завален,
Чтоб моими тешиться стихами,
Как бы ни был взгляд мой идеален.
Но утешься: я не древний эллин;
Я, как ты, забыл об идеале;
Жизнью я достаточно обстрелен,
И поэт во мне «скончался в мале».

Как Полонский, я «блохой укушен»
(То есть: жизни опытом пришиблен),
Лишь к богатствам я равнодушен,
Как Карпович и издатель Тиблен.

В 200.000 выигрыш билета —
Вот источник светлый накоплений
Вдохновенья и богатств поэта
Современных русских обозрений.

«Наше время» Павлова пропало!
Ныне с «Новым временем» Киркора,
Говорят, блаженство близко стало,
Богатеть должны мы очень скоро.
С этим новым временем условясь,
Пред одним богатством я склоняюсь —
Как поэт, вполне *обсоловьёвьясь*,¹
Перед ним лишь я *утибленьяюсь*.²

С новым годом вовсе не желая
Слыть врагом спокойствия заклятым,
Я тебе, читатель, поздравляя,
Одного желаю: быть богатым.
Чтобы ты вкушал, как на Парнасе
Некий бог, роскошнейшие яства, —
А уж там Карпович в «гласной кассе»
И без нас распределит богатства!

1868

¹ Производное от имени существительного собственного: *Н. Соловьёв*, т. е. молодой критик старого режима, известный своими статьями в «Эпохе», «Времени», «Всемирном труде» и в других несуществующих или несовременных изданиях.

² Производное от имени существительного собственного: *Тиблен*, т. е. журналист, публицист, капиталист и не нигилист, Г. Карпович тоже журналист, капиталист и не нигилист, да к тому же еще и филантроп. Г. Полонский просто поэт, действительно укушенный блохою жизни (зри его собственное признание в поэме «Свежее предание») и потому значительно обсоловьёвившийся,

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ДРОГИ

Que j'aime à voir un corbillard!

A. Gouffé.¹

Последний экипаж людской
Пою я в песне, дроги.
Вот выбор песни! Что ни пой,
А всё протянешь ноги,
Придется всем от всяких бед
Навек освободиться;
Что ж за несчастье — в лучший свет
На дрогах прокатиться?

В былые дни, без лишних слов,
В урочный час к могиле
И богачей и бедняков
Всех на руках ташили.
Стал ныне человек умней
И самых бедных даже
Препровождает в мир теней
В приличном экипаже.

Богач со смертью всего
Лишается и плачет.
Я — не оставляю ничего;
Я — в выигрыше, значит.

¹ Как я люблю смотреть на погребальные дроги! *А. Гуффе.*
(Франц.) — *Ред.*

Я в этот мир пришел пешком,
Но на свиданье к деду,
Хоть и на дрогах, хоть шажком,
А все-таки поеду.

За колесницей богача —
Тщеславия затей —
Ливрейный траур волоча,
Толпой идут лакеи.
А я богат и без ливрей,
Богатствами иными:
Пойдет кружок моих друзей
За дрогами моими.

Веселость, гений мой! я жив,
Покуда ты со мною;
Когда ж и ты, на мой призыв,
Окажешься мечтою, —
Тогда скажу, махнув рукой,
Совсем готов к дороге:
Что ж делать! Стих пришел такой;
Закладывайте дроги!

<1868>

НА МОГИЛЕ Д. И. ПИСАРЕВА
(БРАТЬЯМ-ПИСАТЕЛЯМ)

Еще один из строя выбыл вон,
Где уж и так ряды не слишком тесны.
Мир памяти скончавшегося — он
Писатель был талантливый и честный.

Талантливый и честный! В двух словах
Заклучена властительная сила:
Одушевлен был ею этот прах,
Освящена теперь его могила.

В борьбе со злом, идущей без конца,
Им двигала полезная идея, —
И юношам в их чистые сердца
Он внес ее, умами их владея.

Усопший брат! Мир памяти твоей.
Увы! Ты жил, как Добролюбов, мало.
Ты чист, как он; зернá твоих идей
Не подточило опытности жало.

Мы видели, как старились умы
И как сердца прекрасные скудели.
Поклонимся ж могиле ранней мы —
Созревшие для неизвестной цели.

1868

РАЗДУМЬЕ

Зол я впервые сегодня вполне;
Зол — оттого что нет злости во мне.

Нет этой злости, которая смело
Прямо из сердца срывается в дело.

Нету ее — ненавистницы фраз,
Злобы святой, возвышающей нас.

Есть только жалкая, мелкая злоба,
Не доводящая даже до гроба;

Злоба, с которой хоть семьдесят лет
Можно прожить без особенных бед

И умереть, чтобы видели внуки
Самый пошлейший род смерти — от скуки.

<1869>

НАДОЛГО ЛИ?¹

Надолго ли? Надолго ли! С двух слов,
Произнесенных, впрочем, благосклонно,
Я видел ночью много диких снов
И целый день бродил как полусонный.
И лишь теперь, два месяца спустя,
Отдавшись весь работе благодатной,
Отвечу я, все шансы разочтя:
Надолго ли? Надолго, вероятно.

Когда больного с смертного одра,
Где видел он вблизи мученья ада,
Вдруг на ноги поставят доктора,
Покорный им, он станет жить как надо.
Он в меру ест, он в меру пьет и спит.
Спросите вы у доктора, примерно,
Надолго ль он здоровье сохранит?
Ответит врач: надолго — это верно.

И с «Искрой» так. Она была больна
Болезнью женской — недостатком воли;
В истериках так мучилась она,
Что прикусить язык пришлось от боли.

¹ Одно из высокопоставленных лиц, когда вышло разрешение издавать «Искру» без предварительной цензуры, заметило издателю: «Вам теперь дано право, которое вы искали, — *надолго ли?*» Слова эти вызвали предлагаемое стихотворение, которое печатается здесь именно потому, что подобный вопрос так же естественно может возникнуть и в публике.

Теперь характер возвратился к ней.
— Что ж, женщина с характером! Прекрасно!
Она послушней станет и скромней...
— Надолго ли? — Надолго; очень ясно.

Свободу слова, право на журнал
В наш век, когда кредит во всем непрочный,
Как драгоценный некий капитал
Дают вам в долг, с вас вексель взяв бессрочный.
— Ну-с, вы теперь спокойны или нет? —
Вам кредитор сказал бы, встретясь с вами: —
Надолго ли? — Вздохнете вы в ответ:
— Надолго ли-с? Решать извольте сами.

Все вообще писатели у нас
Народ неизбалованный, небурный;
В самих себе мы держим про запас
И ножницы и карандаш цензурный.
Тот, кто сберег среди житейских гроз,
В сознании общественного долга,
Для дела мысль — тот смело на вопрос:
Надолго ли? — ответит: да, надолго.

Пока стремится общество вперед,
В грядущее спокойным смотрит взглядом
И сбить себя с дороги не дает
Корыстным и шипящим ретроgrадам,
До тех пор в нем, для счастья людей,
Не может быть свободной мысли тесно —
И, как залог грядущих светлых дней,
Надолго всё задуманное честно.

КАНКАНЫ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ
(ПЕРЕДОВЫЕ СТАТЬИ ГАЗЕТ, ЖУРНАЛЬНЫЕ КРИТИКИ,
РУКОВОДЯЩИЕ ЗАМЕТКИ И ПР.)

I

ОТ Г. КРАЕВСКОГО Г. КАТКОВУ ¹

И ты несчастен, дай же руку.
Начнем друг другу помогать.

Мерзляков

С Гомером долго ты беседовал один, ²

Я не беседовал с Гомером.

Я и с тобой теперь веду как нижний чин

Беседу с обер-офицером.

¹ Г. Катков впал в тихую меланхолию, не предвещающую, впрочем, ничего доброго. С одной стороны, ему грезятся какие-то безголовые, нуждающиеся в его голове и даже *требующие его головы*, с другой — около него прыгают какие-то лягушки, просящие *бича* (sic). Обо всем этом он весьма элегически повествует в покаянной статье № 20 «Московских ведомостей».

Г-н Краевский наоборот. Сей возгорел вяшим жаром, переименовал себя из реалистов в классики, по сподручности распекает какого-то учителя уездного училища, осмеливающегося иметь свое суждение о классицизме, и объявил, что только он с Катковым суть представители русской национальной печати («Голос» № 23). Шовинизм его несколько охладил только тогда, когда ему показали вышереченный № «Московских ведомостей», передовая статья которого заключается весьма прискорбным, хотя совершенно несправедливым размышлением о каком-то якобы странной судьбе русской национальной печати. Всё сие, впрочем, художественно резюмировано в предлагаемом стихотворении.

² Из отличенных слов первая строка принадлежит Пушкину, остальные Лермонтову.

Проснешься ль ты когда, осмеянный Катков?
Твоя надтреснутая лира
Нужна для общества, как чаша для пиров,
Как фимиам — для сильных мира,
Как до обеда шнапс, как за обедом спич
И как прислуга за обедом...
Восстань на страх врагам, возьми ременный бич,
Я петушком поспею следом.
Национальности я орган с этих пор!
Хоть... не враждебен и Бисмарку.¹
Чуть что — так я сейчас и на попятный двор
И — убежденья все насмарку!

II

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МУДРОСТИ В. И. АСКОЧЕНСКОГО²

На мосту³ с торговкой Аско́ченский сидит,
Бабе точит лясы, сказки говорит.
Как от этих сказок да ляс, ляс, ляс
Бабу так и тянет да в пляс, пляс, пляс!

¹ Бисмарк тут, очевидно, ни при чем. Г. Краевский, как жена кесаря, выше подозрений в антирусских стремлениях. Еще бы Каткова кто подозревать стал. Бисмарк тут больше ничего, как троп шпоп.

² Г. Аско́ченский в 4-м выпуске своей страннопримной или, лучше сказать, страмопримной газетки пишет: «Мы были бы невежливый, если бы прошли молчанием рекламу (?) снова затлевшейся «Искры», тем более, что она сама указала Аско́ченскому обязанность отмечать красным карандашом все места» и пр. Вежливость за вежливость. Представляем читателям «Домашней беседы» самое обстоятельное изложение на тему: «Откуда происходит мудрость Аско́ченского». Мудрость же его, поистине, изумительна. В «изгарной» статейке своей он, между прочим, инквизиторски выпытывает у нас — для какой надобности помещена в «Искорках» богохульная (!) публикация: «Подписчикам журнала „Conseiller des Dames“» и пр. (см. «Искру» № 1, ст. 41), притворяясь, будто не замечает, что публикация эта перепечатана без всяких комментариев с французских газет и что обращаться с подобным вопросом можно было только к редакции «Conseiller des dames», а теперь ко всем французским и русским газетам, ее перепечатавшим, включая в это число и «Домашнюю беседу».

Такова добросовестность г. Аско́ченского и во всей статейке об «Искре». Впрочем, об его добросовестности было уже неоднократно говорено и возвращаться к этому предмету не стоит. Далее он объясняет, что в продолжение всей своей деятельности следит за мазуриками — сидя на мосту. Это курьезно.

³ На Измайловском.

— Времена последние, знать, пришли, кума.
— Вижу, свет родименький, вижу всё сама.
— Я теряю, кумушка, ум, ум, ум.
— И терять-то нечего, кум, кум, кум!

— Кумушка-голубушка, слышала ты, чать,
Как у православных-то балует печать?
Я лишился, кумушка, сна, сна, сна...
— На пельсинчик, батюшка, на, на, на!

Кушает Аскóченский, кушает — молчок;
Только соком брызгает черный сюртучок.
Апельсинчик кумушкин гнил, гнил, гнил —
Куманьку подарочек мил, мил, мил.

— Нет житья, голубушка, от лихих газет.
— Народился, батюшка, знать, антихрист в свет.
— Эх, кабы мне, кумушка, власть, власть, власть —
Задал бы я перцу им — страсть! страсть! страсть!

Так сидели некогда с Евою Адам
И плоды добра и зла завещали нам.
Плод вкусил Аскóченский — сев, сев, сев
С некоей из плохоньких Ев, Ев, Ев.

То был плод познания не добра, не зла —
А благоухания старого козла.
И с тех пор городит он гиль, гиль, гиль,
Ибо кушал с кумушкой гнидь, гниль, гниль.

В НАШЕ ВРЕМЯ...

ПРОЛОГ

Роскошь так уж роскошь — истинно беспутная;
Бедность так уж бедность — смерть ежеминутная;
Голод так уж голод — областию целою;
Пьянство так уж пьянство — всё с горячкой белою.

Моды так уж моды — всё перемудренные;
Дамы так уж дамы — полуобнаженные;
Шлейфы так уж шлейфы — двух- и трехсаженные;
На пол нагло брошены камни драгоценные.

Нечто лучше женщины в красоте искусственной,
С шиком нарисованной, чувственно-бесчувственной:
Обаянье демона, ангела незлобие —
Во втором издании «божие подобие».

Похоть так уж похоть — с роковою силою
Деньгам, сердцу, разуму — всем грозит могилую;
Старцы льнут и падают, как грудные деточки,
И за ними дети их — плод от той же веточки.

Воры так уж воры — крупные, с кокардами;
Кражи так уж кражи — чуть не миллиардами;
Жуликов-мазуриков в эту пору грозную —
Как на небе звездочек в ноченьку морозную.

Мелкие скандалчики с крупными беспутствами;
Разоренья честные с злостными банкротствами;
Фокусы бумажные, из нулей могущества —
И на каждой улице описи имущества.

И на каждой улице, с музыкою, с плясками,
Разоряют вежливо, обируют с ласками,
И — притоны мрачные, кутежи с злодействами,
И убийства зверские целыми семействами.

И работа вечная и неугомонная,
И холодность мертвая, строгость непреклонная,
И с трибун словесников речь всегда медовая,
И нужда молчащая, но на всё готовая.

Скорбь так скорбь безмолвная. Горе, как нахлынуло,
Всё существование разом опрокинуло:
Знает погибающий, что никто не сжадется,
И, как сноп бесчувственный, сам в могилу валится.

Смех так смех насильственный, злобы не скрывающий.
Или разухабистый и стыда не знающий,
Или уж отчаянный, с умоисступлением —
Над собой, над ближними и над всем творением.

II

ХЛЕБА И ЗРЕЛИЩ!

Денег! денег! денег! Вопль над целым краем,
Все ожесточились, даже страшно стало...
Мы друг друга гоним, топим, убиваем...
Странно: ведь и прежде денег не бывало.

Нравы стали мягче, — молвить вообще-то, —
Но еще ужасней вопли, стоны, вздохи.
Что же дальше будет? Есть ответ на это:
Разные потребности в разные эпохи.

Древний Рим был страшен всем земным владыкам.
В нем существовала общая потребность —
И не допуская отлагательств криком
Грозно выражалась: «Зрелищ нам и хлеба!»

Это был период варварского Рима.
Нам такое зверство даже незнакомо.
С знаменем прогресса, вьющимся незримо,
Мы идем учебным шагом в три приема.

Но мечту Мадзини и добычу Пиев
В стороне оставим, дело там не наше:
Нам милей Архангельск, Петербург и Киев,
А Москвы-старушки ничего нет краше.

Древле нам прогрессом не трубили в уши.
Жили мы спокойно, жили-поживали,
Продавали души, чтобы бить баклуши,
И с душой девичье тело покупали.

Было всё согласно, было всё послушно —
Старики, старухи, бабы, мужичонки
В мнениях сходились все единодушно:
Никакой душонки нет, мол, у девчонки.

Нынче хоть и то же, но не то уж дело —
Сказано в писаньи: дню довлеет злоба —
Так же продается и душа и тело,
Но особо тело и душа особо.

Так же продается каждый шут приказный,
Так же ждет в передней ласки и подачки
И, хоть в новой форме, «целесообразной»,
Всё на тех же лапках комнатной собачки

Служит и доносит, хоть никто не просит,
Хоть в какой поступит комитет негласный,
Только не смотрите, что ливрею носит —
Черт его ведь знает, может быть, он *красный!*

Всё переменялось. Женщины — поди-ка! —
Так же ведь тела их продает нужда нам;
Только вздоржжали, как зимой клубника,
А разврат дешевый пахнет чемоданом.

Зрелищ! зрелищ! зрелищ! — вскрикнули мы дружно.
Подавай театров — частных и народных!

Для людей развитых развлеченье нужно,
Средство от запоя для крестьян свободных.

Зрелища иные жизнь дает без платы,
В зале, где, святою скорбию томимый,
С полотна на судей смотрит бог распятый —
Христианской эры первый подсудимый.

<1870>

**LA PAIX A TOUT PRIX!
FRIEDE UM WAS ES NICHT GELTE!
МИР ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО!**

Страшный призрак грозно встал;
Страсти вечные щекочет;
От всех зол универсал —
Кровь открыть Европе хочет.
Но в разумный век поэт
Уж не фельдшер, как бывало,
И одно поет в ответ:
 Мир во что бы то ни стало!

Уж настолько мы умны
В наши дни, что каждый лирик
Скажет призраку войны:
— Прочь, чудовище-эмпирик!
Мир гниет от старых ран —
Новых, что ли, не хватало?
Я поэт, а не боян.
 Мир во что бы то ни стало!

Займодавец иудей,
Будь расчетлив и скупенек:
Для дерущихся людей
Не давай ни гроша денег.
Помни то, что каждый грош
Из мирского капитала
Для прогресса лишь хорош.
 Мир во что бы то ни стало!

Ну, а тем, что в наши дни
К драке слишком уж охочи,
Ты лукаво подмигни,
Указав вопрос рабочий.
Поработай, мол, на мир,
Чтобы денег *тут* достало. . .
А чтоб драться. . . Ой, вей-мир! ¹
 Мир во что бы то ни стало!

В честолюбии владык
Смысл солдатского задора;
Но в народах общий крик:
«В честном мире нет позора».
Пусть воинственно глядит,
Но не сходит с пьедестала,
Марс — шевронный инвалид.
 Мир во что бы то ни стало!

Бог военной суеты
Лучше пусть шалит с Кипридой. . .
Ты, богиня красоты,
Человечество не выдай!
А вопрос про старый Рейн
Мы поставим так сначала:
Мил лафит, хорош рейнвейн.
 Мир во что бы то ни стало!

1870

¹ Горе мне! (Евр.) — *Ред.*

СТИХИЙНАЯ СИЛА

Где приют для мира уготован?
Где найдет свободу человек?
Старый век грозой ознаменован —
И в крови родился новый век.

Шиллер («Начало нового века»).

Только одно поколение людей
Выступит с новым запасом идей —
И с барабанным, торжественным боем
В вечность наш век отойдет под конвоем
Умственных бурь и военных тревог,
Время подпишет в кровавый итог,
Что в девятнадцатом веке царила
Грубая сила, стихийная сила.

Тщетен был опыт минувших веков,
Слава героев, умы мудрецов;
Тщетно веками скоплялись богатства
Равенства, знания, свободы и братства.
Нужны усилия страшные вновь,
Жертвы, мученья, темницы и кровь,
Чтоб хоть крупницы от них уступила
Грубая сила, стихийная сила.

Все силы духа во все времена
В лапах железных держала она.
Чтоб услужить ей, из всех мифологий,
Переодевшись, слетаются боги.
Непобедимым считался прогресс,

Но в наши дни беспримерных чудес
Времени дух, изловчась, покорила
Грубая сила, стихийная сила.

Вместе с богами и верой людей
Времени дух в услуженьи у ней.
Зиждущий дух плодотворных сомнений,
Зло отрицающий творческий гений
Духом сомненья в великих делах,
Гением смерти стал ныне в умах, —
Так чудотворно умы извратила
Грубая сила, стихийная сила.

Знанья для жизни святой идеал
В формулах мертвых бесследно пропал,
Новым циклопам дав знанье природы
Для истребленья людей и свободы.
В кузницах смерти движенье и стук
И — благо занято множество рук —
Светоч сознания совсем загасила
Грубая сила, стихийная сила!

Только сознания светоч угас —
Двинулось многое множество масс
Несокрушимым ни зноем, ни стужей
Грамотным мясом безграмотных ружей,
Неувядаемым цветом страны,
Где для кромешного ада войны
Женщин любить и рожать обучила
Грубая сила, стихийная сила!

Массы другие в раздумьи стоят,
Видя солдатского зверства разврат,
Гимны поют о кровавой расплате
Граждан, погрязших в греховном разврате;
Даже приветствуют век золотой
Равенства всех — перед смертью одной,
В тучах, которыми солнце затмила
Грубая сила, стихийная сила.

«Новый в крови нарождается век;
Где же свободу найдет человек?» —

Спрашивал Шиллер, взывая к свободе.
И девятнадцатый век на исходе —
Швабскому гению отзыва нет.
Самую жажду свободы в ответ
Порцией крови, смеясь, утолила
Грубая сила, стихийная сила!

1870

ЗА КОТОРУЮ ИЗ ДВУХ?

(НЕЙТРАЛЬНАЯ НОВОГОДНЯЯ ЗДРАВИЦА)

Друзья мои, мы строго нейтральны
На свой, чужой и на казенный счет;
Но русский же завет патриархальный
Велит встречать шампанским Новый год.
Смотрите, вот: кипучею игрою
Дух Франции в бокалах засверкал. . .
Подыдем же свободною рукою
За Францию хотя один бокал!

Естественной к своей земле любовью
В сознании оправдана война,
Народный меч святым стал, если кровью
Родных детей земля окроплена.
Права земли дает сама природа —
Тому и хлеб, кто ниву запахал.
Подыдем же, во имя прав народа,
За Францию еще один бокал!

Вне жизни нет искусства, нет науки!
В Париже — центр и знаний и искусств.
Не ум, сердца сложили эти звуки —
В сердцах людей нет нейтральных чувств.
Народам чужд пригодный для скитаний
По всем дворам туманный идеал.
Подыдем же, во имя светлых знаний,
За Францию еще один бокал!

Растет, растет в Германии «единой»
Союз штыков, но Франция одна —
И под сапог, подбитый дисциплиной,
Изменою повергнута она,
Чтоб новые гражданственности всходы
На почве их он в корне затоптал.
Подыдем же за будущность свободы,
За Францию еще один бокал!

За будущность? Но даже в наше время
В России уж былого рабства нет.
Где ж брошено святой свободы семя?
Где равенства блеснул впервые свет? —
Во Франции восемнадцатого века.
Подыдем же, во имя тех начал,
Во имя прав природных человека,
За Францию еще один бокал!

Двойную цепь, впотьмах, рукой дрожащей
Предательство осаде подает;
Но тверд в борьбе Париж, за всех скорбящий —
В нем думает и действует народ,
В сияньи дня, над тем великим делом,
Которое бог мира указал.
Подыдем же — о мире в мире целом —
За Францию последний наш бокал!

ВО ВСЕХ ТЫ, ДУШЕНЬКА, НАРЯДАХ ХОРОША!

Когда любил я в первый раз,
Не зная брачной обстановки,
Для ради взгляда милых глаз
Я разорялся на обновки.
И от волненья, чуть дыша,
Любуясь милой и нарядом,
Я страстно говорил, прельщенный нежным взглядом:
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Когда ж узнал и рай и ад
Посредством брачного обряда,
Я нахожу, что дамский взгляд
Дешевле дамского наряда.
Не трать лишнего гроша,
Стал хладнокровно напевать я:
Тебе к лицу, мой друг, и простенькие платья —
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Времен минувших стрекулист
Еще владычествует в мире,
Хоть вымыт, выбрит, с виду чист,
В благопристойном вицмундире —
Но всё чернильная душа
Хранит подьячества привычки —
Так черт ли — выпушки, погончики, петлички...
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Другой, жожалый древних лет,
Стал журналистом не на шутку
И перенес в столбцы газет
Свою упрядненную будку.
На черемиса, латыша,
На всю мордву валит доносом —
Хоть и зовет его общественным вопросом, —
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Времен минувших ростовщик,
Чуждаясь темного позора,
Усвоил современный шик
И назвал свой вертеп конторой;
Но та же алчность барыша
Томит и гласного вампира —
Так черт ли в том, что ты надел костюм банкира...
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Расставшись с шулерством прямым,
В виду общественного мненья,
Стал шулер зайцем биржевым,
Потом директором правленья.
Ты сделал ловко антраша
И мастерски играешь роль ты;
Но всё равно: из карт или из акций вольты, —
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Хоть в наше время не секут
Дворовых Филек, Ванек, Васек;
Но ведь с того же древа прут
В новейших школах держит классик.
Греко-латинская лапша —
Родня с березовою кашей,
Так скажем, встретившись с кормилицею нашей:
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Закон преследует разбой
Со взломом ящиков и ларцев,
Но вежливо зовет «войной»
Убийство жен, детей и старцев;

Хоть человечество кроша,
Аттила всё равно «бич божий»,
Какою ни прикрыт национальной кожей, —
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Пустил бы я во весь карьер
Куплет свободно за куплетом;
Но в скачках с рифмами барьер
Поставлен всадникам-поэтам,
Хоть каждый может, не спеша,
Предупредительные вожжи
Сравнить с карательным арапником... попозже...
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Что ты посеял — то пожнешь,
Сказали мудрецы в деревне;
В веках посеянная ложь
Костюм донашивает древний.
Когда ж, честных людей смешая,
Форсит в одежде современной —
Мы с дружным хохотом в глаза споем презренной:
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

Но скажем твердо, не шутя,
Хоть светлым днем, хоть темной ночью,
Когда — заблудшее дитя —
Сойдет к нам истина воочью,
Хотя б краснея, чуть дыша,
Хотя б классически раздета,
Хоть в гаерском плаще веселого куплета:
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!

<1871>

ПРОКЛАМАЦИЯ ОСЫ КУШНО С ХОЛЕРОЮ

I

Мы, божьей волею, гидра двуглавая,
Злая холера и оспа корявая,
К вам прикатали, столичные жители,
Там уж хотите ли вы, не хотите ли.

В битве с моею сestroю холерою
Вы сочиняете меру за мерою;
Вы мастера полицейскою фразою
Разом покончить с любой заразою.

Да и холера ведь нрава горячего:
«Мне, — говорит, — прохладиться не для чего;
Я без контрактов бываю законною
Только на летний сезон примадонною.

Где тут возиться хитро и утонченно:
Два-три часа — и всё дело покончено».
— Я так усидчивей, я так работаю
С большим усердием, с бóльшей охотою.

Если уж мне человек понравится,
Так и пойдет, — разве смертью избежится, —
Верной любовницей наве́к отмеченным,
От вожделений иных обеспеченным.

Жаль мне покинуть румяную, белую,
Чистую рожицу фата примерного,
Если из рожицы этой не сделаю
Вафельной формы подобия скверного.

Жаль мне вас бросить, красавицы светские, —
В видах единства я лица уродую,
Так же как души испорчены детские
В вас воспитаньем, примером и модою.

II

Впрочем, проклятья нам шлют все живущие:
Вы, дескать, фурии самые злющие —
Мы, божьей волею, гидра двуглавая,
Злая холера и оспа корявая.

Гидры бывают мильонноголовые,
Целый народ уничтожить готовые.
Да не случайной заразой холерною —
Целой страной поголовно ландверною,

Во всеоружии знаний с искусствами,
Пугал народных с народными чувствами,
С духом солдатчины времени нового,
Ради величия средневекового.

Наши приемы всё те же, что в древности,
Здесь — нет пределов усердию и ревности,
И уж не наши яды специальные —
Здесь всех зараз элементы начальные.

Войны — причины; заразы — последствия.
Так проклинаяте ж виновников бедствия,
Планы и подвиги их молодецкие —
Всё равно, мецкие или немецкие.

Правда, страшна моя сила жестокая,
Но не изрою лица так глубоко я,
Как искажают его преступления
Гения смерти, военного гения!

Всю вашу кожу изрыв в основаниях,
Жизнь на лице я щажу в очертаниях;
Но с дисциплины в ее безграничности —
В каждом лице смерть униженной личности!

III

Здесь поработав с холерой-сестрицею,
Как нам укажут небес начертания,
Мы распрощаемся с вашей столицею,
В ней пощадив монументы и здания.

Вам изуродую лица немного я,
Не искажая в них духа свободного
И в поколениях новых не трогая
Лучших задатков развития народного.

Так проклиная ж виновников бедствия:
Войны — причины, мы — только последствия,
Мы, божьей волею, гидра двуглавая,
Злая холера и оспа корявая.

РЕАЛЬНЫЕ СОНЕТЫ

I

СОВРЕМЕННЫЙ СОНЕТ

Суровый Дант не презирал сонета.

«Сонет». Пушкин.

«Суровый Дант не презирал сонета» —
Так заверял в былые дни поэт.
Я нахожу весьма разумным это:
Чем заслужил презрение сонета?

Что может быть удобней для поэта,
За каждый стих дающего ответ,
В том обществе, где более уж нет
На прежние стремления ответа?

К стихам своим поэт, конечно б, мог
Прибавить, сверх четырнадцати строк,
Горячую пятнадцатую строчку;

Но, в кандалах гармонии, он сам,
Предупреждая цензора, к стихам,
Как «Гражданин» к реформам, ставит точку.

II
НА ПРАЗДНИКАХ

Мы рождены для вдохновения,
Для звуков сладких и молитв.

«Чернь». Пушкин.

Веселый трезвон по церквам
На всех колокольнях окрестных, —
И «чистые сердцем» во храм
Стремятся в одеждах воскресных.

Отпущены людям грехи!
И только поэт, одиноко,
Творит не молитву — стихи —
В беспраздничной скорби глубокой.

Он видит, как в будничной мгле
Об воздухе, свете, тепле
Идет окаянная битва —

И в бой с торжествующим злом
Кидает сатиру, как гром;
Сатира есть тоже молитва.

III
ПРИТЧА О СНЕГУРОЧКЕ

Как некогда Дарья застыла ¹
В своем заколдованном сне —
Так образ Снегурочки милой
Теперь представляется мне.

В раздумьи склонилась уныло —
Не знает, что делают с ней.
Мертвящею мощью своей
Над ней распростерся Ярило.

Излила бы в песнях святых
Всю правду для ближних своих...
Ни звука! Душа умирает...

¹ «Мороз Красный Нос», поэма г. Некрасова.

Недвижно сомкнулись уста.
Ни звука! Кругом пустота...
И тает Снегурочка, тает...

IV

НА ЗЕРКАЛО НЕЧА ПЕНЯТЬ...

Прекрасное — только в добродетели;
скверное — только в пороке.

Антисфен (первый циник).

Нравственность, как будто бы, слово всем известное;
Что ж такое нравственность — мы еще не знаем:
Рубище ль мужицкое, грязное, но честное?
Маска ли, надетая зверем-шелобаем?

Что такое чистое? что такое грязное?
Всё слова известные — но слова без связи.
По болезням общества и лечение разное:
Есть весьма целебные для гангрены грязи.

Против лицемерия, обществу ненужного,
Искренность — картофелица люда безоружного.
Если переполнилась в наше время клиника

Русскому противными русскими тартюфами —
Выпалим в бесстыдников фарсами и буффами
И высоконравственным грубым смехом циника!

НУЖНА ЛИ ЛИТЕРАТУРА?

(ПЕСНЯ СОВРЕМЕННОГО ДЕЛЬЦА-ЭПИКУРЕЙЦА)

Пусть в Петербурге полмилльона
Людей хохочет мне в ответ,
Я ставлю твердо, непреклонно
Вопрос: нужна *она* иль нет?
И вот, приняв в соображенье
Объем вопроса, весь, сполна,
Я смело вывожу решенье:
— Литература не нужна.

Когда есть в обществе идея,
Она получит кровь и плоть —
Так рассуждаю я, жирея
(Спасибо, жиру дал господь!).
Ее, среди житейских шквалов,
Выводит практика одна,
А не суждения журналов.
— Литература не нужна.

В былые дни, в былые годы
На всякий час, на всякий день
Писались оды, оды, оды
(Как нынче мыслят: дребедень).
Теперь, чтоб это всё осмыслить,
Есть и «Архив» и «Старина»;
Ну что ж к ним *нового* причислить?
— Литература не нужна.

Кто гармонических уроков
Возжаждет в струнных звуках лир —
Для тех есть трагик Сумароков
И есть сатирик Кантемир,
Петров, Херасков и Державин —
Живая оных дней струна, ¹ —
Наш век и без поэтов славен.
— Литература не нужна.

С утра на службе до обеда,
Потом два-три часа обед,
Друзей скоромная беседа
(Понятно, если женщин нет),
Там раут, бал, закуска, ужин,
Ночь для любви и для вина,
Ну... перед утром отдых нужен...
— Литература не нужна.

Но чтоб вседневной прозы плесень
Совсем уж не покрыла нас —
Нельзя порою и без песен
Веселых, под веселый час,
Но ведь газеты в честь Эрота
Не пишут гимнов, ни одна!
Да нет и рифм клубничных что-то!
— Литература не нужна.

1873

¹ Не смешивать с «Живой струною» г-на Плотникова. *Примеч. книгопродавца.*

<П. А. ЕФРЕМОВУ>

Изданну книжицу мной подношу вам, друже:
Аще и не нравен слог — мните, мог быть хуже.
Чтите убо без гневу, меня не кляните:
Невозможно на Руси Беранжерам быти.

1873

НОВЫЙ ПАНТЕЛЕЙ-ЦЕЛИТЕЛЬ
(ПОДРАЖАНИЕ СТАРОМУ „ПАНТЕЛЕЮ - ЦЕЛИТЕЛЮ“
ГРАФА А. К. ТОЛСТОГО)

ФЕЛЬЕТОННАЯ БАЛЛАДА

И на этих людей,
Государь Пантелей,
Палки ты не жалея
Суковатя!

Гр. Толстой.

Граф Сальяс-Турнемир ополчается.
Пантелеем он, слышь, величается,
Государь-Пантелеем-целителем,
Земли русской, российской спасителем
От всей скверны и внешней и внутренней.
Уж как встал Турнемир перед утреней,
Не с крестом, не с честною молитвою,
Как оно надлежит перед битвою,
А за палку схватясь суковатую:
«Сам не знаю за что, — бает, — ратую!»
Граф Сальяс-Турнемир,
Государь Пантелей,
Не смеша божий мир,
Сам себя пожалей!

Ох ты, гой еси, ваше сиятельство!
Неприличны в печати ругательства,
И не вырастут травы целебные,
Коль посеешь слова непотребные.

Али речь ты повел с «пугачевцами»?
Аль считаешь читателей овцами?
Как же ты, с воспитанья-то светского,
Речь повел крепостного дворецкого,
Забубенную, слышь, залихватскую
И, как быдто б, маненько — кабацкую?

Ох ты, гой, граф Сальяс,
Турнемир Пантелей —
Пощади, сударь, нас
И себя пожалей!

На врага ополчаясь газетного,
Дай нам речь убежденья заветного.
Метким словом поди — переспорь его,
А не фразой актера Григорьева,
Водевильной, отжившей, негодною,
Никогда и не бывшей народною!

Да еще разумей,
Турнемир-Пантелей:

Журналист, убеждающий палкою,
Конкурирует с куклою жалкою,
С деревянною детской игрушкою,
С драчуном балаганным Петрушкою,
А у кукол для споров все данные —
Только палки одни барабанные

Оттого, государь,
Что башки их, как встарь,
Деревянные!

<М. Н. КАТКОВУ>

Поверь, для всех смешон шпионский твой задор,
С твоим доносом заученным,
Как разрумяненный трагический актер,
Махающий мечом картонным.

1875

НЕМЕЦ ОБЕЗЬЯНУ ВЫДУМАЛ

(НА ГОЛОС: IL GRANDIRA, ИЗ „LA REVICHOLE“)

Il grandira, car il est espagnol!

Meilhac et Halévy.

Он будет смел, на то испанец он.

Виктор Александров.

Как в наши дни московские витии
Утратили в газетных пuffedх стыд —
Назад тому пятнадцать лет в России
Утрачен был на акции кредит.
Тогда-то был — благодаренье богу —
Фон Дервизом кредит восстановлен:
Построил он козловскую дорогу
И русских спас — на то и немец он!
Он русских спас (3) — на то и немец он!

Пришла пора: кредит утрачен снова,
России вновь ни встать, ни лечь, ни сесть,
Но вместе с тем, с газетою Каткова, —
Бог любит нас — у нас фон Дервиз есть!
Увидим мы дорог железных сети, —
Катковым он недаром вознесен! —
Сеть первая раскинута в газете. . .
Он Русь спасет — на то и немец он!
Он Русь спасет (3) — на то и немец он!

Он нам сулит сокровища Голконды
И с помощью приятельских статей

Он Русь спасет — несите только фонды —
Он сам-четверт, с правленьем сам-третьей.¹
Пророчьте же, московские сивиллы!
Смысл ваших всех пророчеств немудрен:
Построит он... себе дворцы и виллы²
И Русь спасет — на то и немец он!
Он Русь спасет (3) — на то и немец он!

1875

¹ О правлении из трех доверенных чиновников трех министерств см. передовую статью в «Биржевых ведомостях», № 77. *Вс. Паг.*

² Знаменитую *Вилла-Роза*, сооруженную г. фон Дервизом, смотри в Ницце, когда поедешь отдыхать от трудов праведных. *Вс. Паг.*

ПОЭТУ-АДВОКАТУ
(РЕАЛЬНО-ЮРИДИЧЕСКИЙ СОНЕТ)

Не бойся, адвокат, общественного мненья,
Когда имеется в виду солидный куш
И убеждения податливы к тому ж,
Берись за все дела! Какие тут сомненья!

В тебе, в твоём нутре таятся убежденья,
Вполне согласные со злобой наших дней:
Тем преступления доходней, чем крупней,
И только мелкие позорны преступленья.

Что значит суд толпы? Ты сам свой высший суд.
Конечно, оценить сумеешь ты свой труд
Дороже, чем богач, не только пролетарий.

Так плюнь на суд толпы и на газетный свист.
Запомни лишь одно, как адвокат-юрист:
Тем выше подвиг твой, чем выше гонорарий!

1875

ЭЛЕГИЯ
(с шведского)

Я постиг язык твой безмятежный,
Беккасгог, мой тихий Беккасгог!

Карл.

И я поэт! Но, ах! свершив немного,
Мой юный дар — увы! — заглохнет в мале.
Нет у меня имения Беккасгога,
Нет у меня поместья в Ульриксдале!

Я б описал, как эльфы в стройной пляске
Окроплены росой в Беккасгоге;
Но у меня нет для того коляски —
А без нее как раз промочишь ноги.

Лишившись вдруг на трудовой дороге
И рук и ног, которые питали, —
Я не найду приюта в Беккасгоге
И увлажненных эльфов в Ульриксдале.

1875

Как не вскрикнуть тут с поэтом: ¹
Край родной долготерпенья!
Если розги в крае этом —
Лучший метод просвещения?
Ладно всё. Отец не спорит
И нисколько не в обиде,
Хоть всю школу перепорет
Кроткий пастырь в пьяном виде.

1875

¹ Ф. Тютчев, «Эти бедные селенья» и пр.

**С Т И Х О Т В О Р Е Н И Я,
П Р И П И С Ы В А Е М Ы Е В. С. К У Р О Ч К И Н У**

Долго нас помещики душили,
Становые били,
И привыкли всякому злодею
Подставлять мы шею.
В страхе нас квартальные держали,
Немцы муштровали.
Что тут делать, долго ль до напасти,
Покоримся власти.
Мироеды тем и пробавлялись,
Над нами ломались,
Мы-де глупы, как овечье стадо, —
Стричь да брить нас надо.
Про царей попы твердили миру
Спьяна или с жиру —
Сам-де бог помазал их елеем,
Как же пикнуть смеем?
Суд Шемякин, до бога высоко,
До царя далеко;
Царь сидит там в Питере, не слышит,
Знай указы пишет.
А указ как бисером нанизан,
Не про нас лишь писан;
Так и этак ты его читаешь —
Всё не понимаешь.
Каждый бутарь звал себя с нахальством
Малым начальством.
Знать, и этих, господи ты боже,
Мазал маслом тоже.
Кто слышал о 25-м годе
В крещеном народе?

Когда б мы тогда не глупы были,
Давно б не тужили.
Поднялись в то время на злодеев
Кондратий Рылеев,
Да полковник Пестель, да иные
Бояре честные.
Не сумели в те поры мы смело
Отстоять их дело,
И сложили головы за братьей
Пестель да Кондратий.
Не найдется, что ль, у нас иного
Друга Пугачева,
Чтобы крепкой грудью встал он смело
За святое дело.

<1861>

Много прошло их с безличной толпою,
Юношей честных с горячей душою,
Светлые кудри по плечам их вились,
Ясные очи любовью светились,
В добрых сердцах их кипела отвага
Страстно бороться для общего блага,
В них зарождались могучие звуки
Счастья во имя любви и науки!

Чистые девы шли об руку с ними,
Грезами жизнь озарив золотыми. . .
Сердце в них к ближним сочувствием билось,
Чувство их в жизнь перелиться просилось,
Всюду внести утешенье, отраду,
В подвиге трудном стяжая награду;
Отклик на всё благородное — смело
Выразить чувство их внятно умело!

Годы прошли заповедной чредою,
Люди — всё той же ничтожной толпою,
Только знакомые лица сменились. . .
Где же они-то, вам близкие, скрылись?
С ними ли мы, или в мире другом!
Барынь, чиновников видим кругом,
Тщетно их ищем. . . Откликнитесь, где вы.
Страстные юноши, чистые девы?

Или их жизнь без пощады сломала,
Мысль их и помыслы чистые смяла?
Бороды их сединой убелились. . .

Где ж из них те, что вполне проявились
Делом прекрасным, высоким трудом? . .
Знают их — если и знают о ком —
Немцы, хозяева скромных гарниров,
Да половые известных трактиров. . .

Но умирает ли в жизни стремленье?
Новое чутко встает поколение,
Те же порывы в сердцах молодых,
Те же надежды, отвага у них,
Тот же огонь. . . помогай же им, боже,
Да чтобы юноши были моложе,
Чтоб за добро ополчались смело
И — да подвинется общее дело!

<1862>

**ПЕРЕВОДЫ
И ПЕРЕДЕЛКИ**

СТАРЫЙ КАПРАЛ

В ногу, ребята, идите.
 Полно, не вешать ружья!
 Трубка со мной... проводите
 В отпуск бессрочный меня.
 Я был отцом вам, ребята...
 Вся в седилах голова...
 Вот она — служба солдата!..
 В ногу, ребята! Раз! Два!
 Грудью подайся!
 Не хнычь, равняйся!..
 Раз! Два! Раз! Два!

Да, я прибил офицера!
 Молод еще оскорблять
 Старых солдат. Для примера
 Должно меня расстрелять.
 Выпил я... Кровь заиграла...
 Дерзкие слышу слова...
 Тень императора встала...
 В ногу, ребята! Раз! Два!
 Грудью подайся!
 Не хнычь, равняйся!..
 Раз! Два! Раз! Два!

Честною кровью солдата
 Орден не выслужить вам.
 Я поплатился когда-то,
 Задали мы королям.
 Эх! наша слава пропала...
 Эх! наша слава пропала...

Подвигов наших молва
Сказкой казарменной стала...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся! ..
Раз! Два! Раз! Два!

Ты, землячок, поскорее
К нашим стадам воротись;
Нивы у нас зеленее,
Легче дышать... поклонись
Храмам селенья родного...
Боже! Старуха жива! ..
Не говори ей ни слова...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся! ..
Раз! Два! Раз! Два!

Кто там так громко рыдает?
А! я ее узнаю...
Русский поход вспоминает...
Да, отогрел всю семью...
Снежной, тяжелой дорогой
Нес ее сына... Вдова
Вымолит мир мне у бога...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся! ..
Раз! Два! Раз! Два!

Трубка, никак, догорела?
Нет, затанусь еще раз.
Близко, ребята. За дело!
Прочь! не завязывать глаз.
Целься вернее! Не гнуться!
Слушать команды слова!
Дай бог домой вам вернуться.
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся! ..
Раз! Два! Раз! Два!

ВЕСНА И ОСЕНЬ

Друзья, природою самую
Назначен наслажденьям срок:
Цветы и бабочки — весною,
Зимою — виноградный сок.
Снег тает, сердце пробуждая;
Короче дни — хладеет кровь. . .
Прощай вино — в начале мая,
А в октябре — прощай любовь!

Хотел бы я вино с любовью
Мешать, чтоб жизнь была полна;
Но, говорят, вредит здоровью
Избыток страсти и вина.
Советам мудрости внимая,
Я рассудил без дальних слов:
Прощай вино — в начале мая,
А в октябре — прощай любовь!

В весенний день моя свобода
Была Жаннете отдана;
Я ей поддался — и полгода
Меня дурачила она!
Кокетке всё припоминая,
Я в сентябре уж был *готов*. . .
Прощай вино — в начале мая,
А в октябре — прощай любовь!

Я осенью сказал Адели:
«Прощай, дитя, не помни зла. . .»

И разошлись мы; но в апреле
Она сама ко мне пришла.
Бутылку тихо опуская,
Я вспомнил смысл мудрейших слов:
Прощай вино — в начале мая,
А в октябре — прощай любовь!

Так я дошел бы до могилы. . .
Но есть волшебница: она
Крепчайший спирт лишает силы
И охмеляет без вина.
Захочет — я могу забыться,
Смешать все дни в календаре:
Весной — бесчувственно напиться. . .
И быть влюбленным в декабре!

<1855>

ПАДАЮЩИЕ ЗВЕЗДЫ

— Неужто звездочки, пастух,
Над нашими судьбами
На небе смотрят? — Да, мой друг!
Невидимая нами
Звезда для каждого горит. . .

— Ах, дедушка, кто знает,
Чья это звездочка блестит,
Блестит — и исчезает?

— То умер человек, мой друг,
И с ним звезда упала.
Его веселость тесный круг
Друзей одушевляла;
Его бокал едва допит. . .

Он мирно отдыхает. . .
— Еще звезда, блестит-блестит,
Блестит — и исчезает.

— Ясней и чище в эту ночь
Звезды не зажигалось!
Отец оплакивает дочь;
Ей счастье улыбалось:
Венок из роз невесте свит. . .

Алтарь любви сияет. . .
— Еще звезда, блестит-блестит,
Блестит — и исчезает.

— Дитя, с мелькнувшею звездой
Сын умер у вельможи.

Покрыто тканью золотой
Младенческое ложе. . .
Голодный льстец, смутясь, глядит.
Как жертва ускользает. . .
— Еще звезда, блестит-блестит,
Блестит — и исчезает.

— Мой сын, надменный временщик
Упал звездой кровавой. . .
Он думал: силен я, велик!
Упал — и раб лукавый
Иному идолу кадит,
Его портрет бросает. . .
— Еще звезда, блестит-блестит,
Блестит — и исчезает.

— Она упала! Сын мой, плачь!
Лишились мы опоры:
С душою доброю богач
Смежил навеки взоры;
К порогу нищий прибежит —
И горько зарыдает. . .
— Еще звезда, блестит-блестит,
Блестит — и исчезает.

— Скатилась яркая звезда
Могущества земного!
Будь чист, мой сын, трудись всегда
Для блага мирового.
Того, кто суетно гремит,
Молва уподобляет
Звезде — которая блестит,
Блестит — и исчезает.

СТАРУШКА

Ты отцветешь, подруга дорогая,
Ты отцветешь — твой верный друг умрет. . .
Несется быстро стрелка роковая,
И скоро мне последний час пробьет.
Переживи меня, моя подруга,
Но памяти моей не изменяй —
И, кроткою старушкой, песни друга
У камелька тихонько напевай.

А юноши по шелковым сединам
Найдут следы минувшей красоты
И робко спросят: «Бабушка, скажи нам,
Кто был твой друг? О ком так плачешь ты?»
Как я любил тебя, моя подруга,
Как ревновал, ты всё им передай —
И, кроткою старушкой, песни друга
У камелька тихонько напевай.

И на вопрос: «В нем чувства было много?»
— «Он был мне друг», — ты скажешь без стыда.
«Он в жизни зла не сделал никакого?»
Ты с гордостью ответишь: «Никогда!»
Как про любовь к тебе, моя подруга,
Он песни пел, ты всё им передай —
И, кроткою старушкой, песни друга
У камелька тихонько напевай.

Когда к тебе, покрытой сединами,
Знакомой славы донесется след,

Твоя рука дрожащая цветами
Весенними украсит мой портрет.
Туда, в тот мир невидимый, подруга,
Где мы сойдемся, взоры обращай —
И, кроткою старушкой, песни друга
У камелька тихонько напевай.

<1855>

КАК ЯБЛОЧКО, РУМЯН

Как яблочко, румян,
Одет весьма беспечно,
Не то, чтоб очень пьян —
А весел бесконечно.
Есть деньги — прокутит;
Нет денег — обойдется,
Да как еще смеется!
«Да ну их! ..» — говорит,
«Да ну их! ..» — говорит,
«Вот, говорит, потеха!
 Ей-ей, умру...
 Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

Шатаясь по ночам
Да тратясь на девчонок,
Он, кажется, к долгам
Привык еще с пеленок.
Полиция грозит,
В тюрьму упрятать хочет —
А он-то всё хохочет...
«Да ну их! ..» — говорит,
«Да ну их! ..» — говорит,
«Вот, говорит, потеха!
 Ей-ей, умру...
 Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

Забился на чердак,
Меж небом и землею;
Свистит себе в кулак
Да ежится зимою.
Его не огорчит,
Что дождь сквозь крышу льется:
Измокнет весь, трясется...
«Да ну их! ..» — говорит,
«Да ну их! ..» — говорит,
«Вот, говорит, потеха!
 Ей-ей, умру...
 Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

У молодой жены
Богатые наряды;
На них устремлены
Двусмысленные взгляды.
Злословье не щадит,
От сплетен нет отбою...
А он — махнул рукою...
«Да ну их! ..» — говорит,
«Да ну их! ..» — говорит,
«Вот, говорит, потеха!
 Ей-ей, умру...
 Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

Собрался умирать,
Параличом разбитый;
На ветхую кровать
Садится поп маститый
И бедному сулит
Чертей и ад кромешный...
А он-то, многогрешный,
«Да ну их! ..» — говорит,
«Да ну их! ..» — говорит,
«Вот, говорит, потеха!
 Ей-ей, умру...
 Ей-ей, умру...
Ей-ей, умру от смеха!»

ЗНАТНЫЙ ПРИЯТЕЛЬ

Я всей душой к жене привязан;
Я в люди вышел. . . Да чего!
Я дружбой графа ей обязан.
Легко ли! Графа самого!
Делами царства управляя,
Он к нам заходит как к родным.
Какое счастье! Честь какая!
Ведь я червяк в сравненьи с ним!
 В сравненьи с ним,
 С лицом таким —
 С его сиятельством самим!

Прошедшей, например, зимою,
Назначен у министра бал;
Граф приезжает за женою —
Как муж, и я туда попал.
Там руку мне при всех сжимая,
Назвал приятелем своим! . .
Какое счастье! Честь какая!
Ведь я червяк в сравненьи с ним!
 В сравненьи с ним,
 С лицом таким —
 С его сиятельством самим!

Жена случайно захворает —
Ведь он, голубчик, сам не свой:
Со мною в преферанс играет,
А ночью ходит за больной.
Приехал, весь в звездах сияя,

Поздравить с ангелом моим...
Какое счастье! Честь какая!
Ведь я червяк в сравненьи с ним!
 В сравненьи с ним,
 С лицом таким —
 С его сиятельством самим!

А что за тонкость обращения!
Приедет вечером, сидит...
«Что вы всё дома... без движенья?..
Вам нужен воздух...» — говорит.
— «Погода, граф, весьма дурная...»
— «Да мы карету вам дадим!»
Предупредительность какая!
Ведь я червяк в сравненьи с ним!
 В сравненьи с ним,
 С лицом таким —
 С его сиятельством самим!

Зазвал к себе в свой дом боярский:
Шампанское лилось рекой...
Жена уснула в спальне дамской...
Я в лучшей комнате мужской.
На мягком ложе засыпая,
Под одеялом парчевым,
Я думал, нежась: честь какая!
Ведь я червяк в сравненьи с ним!
 В сравненьи с ним,
 С лицом таким —
 С его сиятельством самим!

Крестить назвался непременно,
Когда господь мне сына дал —
И улыбался умиленно,
Когда младенца восприял.
Теперь умру я, уповая,
Что крестник взыскан будет им...
А счастье-то, а честь какая!
Ведь я червяк в сравненьи с ним!
 В сравненьи с ним,
 С лицом таким —
 С его сиятельством самим!

А как он мил, когда он в духе!
Ведь я за рюмкою вина
Хватил однажды: ходят слухи...
Что будто, граф... моя жена...
Граф, говорю, приобретаю...
Трудясь... я должен быть слепым...
Да ослепит и честь такая!
Ведь я червяк в сравненьи с ним!
 В сравненьи с ним,
 С лицом таким —
 С его сиятельством самим!

<1856>

СЛЕПАЯ МАТЬ

За шитье садись-ка!
Да прилежней шить;
Локоть будет близко —
Да не укусить!
Милый для вострухи
Хорошо поёт —
А слепой старухи
Нет — не проведет!
Им позволь немножко...
Стой! Куда идешь?
Отворять окошко? —
Лиза, ты не шьешь.

Душно стало?.. Сказки!
Вовсе не к тому:
Ты в окошко глазки
Делаешь ему.
Я, небось, сварлива —
Эх! И я была
Смолоду красива;
Всё сама прошла...
С этою работой
Горе наживешь...
Там у двери кто-то? —
Лиза, ты не шьешь.

Ветром растворилась?
Ишь ведь чудеса!

А зачем явилась
Кость в зубах у пса?
Мать ведь всё смекает,
Даром что без глаз —
Ветер-то гуляет
В голове у вас!
Больно разгулялся...
Это что? Грабеж!
Поцелуй раздался! —
Лиза, ты не шьешь.

Что? пришла охота
Птичку целовать?
Не того полета!
Лиза, стыдно лгать.
Сладко целоваться
С милым голубком...
А над кем смеяться
Будет он потом?
Глупенькую жаль мне!
Стой! Куда идешь?
Что за шепот в спальне? —
Лиза, ты не шьешь.

Сон одолевает?
Знаю этот сон!
В сердце западает,
Кровь волнует он...
Всю охватит разом
Трепетом, огнем.
Отуманит разум...
Пропадешь потом!
Красоту размочет
Горьких слез ручей...
Сердце всё изноет...
Лиза, Лиза, шей!

ТРЕТИЙ МУЖ

Несчастливая с двумя мужьями,
Я в руки третьего взяла.
Иван ворчит; но между нами
Как раз кончаются дела.
Чуть Ваня что-нибудь не так —
Я тотчас же ему колпак
Надвину до ушей:
— Молчи, мозгляк!
Смотри, дурак,
Со мною рассуждать не смей!
Ну, цыц! Грубьян!
Ни-ни! Иван!
Я не забыла двух мужей!

Так, после свадьбы чрез полгода
Господь нам двойни даровал;
Ну, по обычаю народа,
Назначили крестины, бал. . .
Смотрю: буянит мой Иван,
Зачем с малютками улан!
Как?! Вы не цените людей!
Так вот вы как!
Да ты, дурак,
Благодарил бы за детей!
Ну, цыц! Грубьян!
Ни-ни! Иван!
Я не забыла двух мужей.

Я денег в долг дала улану;
Откуда ж бедному достать?
Не знаю, кто сказал Ивану, —
Смотрю: стал ящик запирать.
Дай денег. Говорит: украли.
Так вы с женой считаться стали?!
Дай ключ сюда от всех ключей!
 Какой тут вор!
 Да с этих пор
Копейки требовать не смей!
 Ну, цыц! Грубьян!
 Ни-ни! Иван!
Я не забыла двух мужей.

С уланом вечером сидела;
Вдруг ночью приезжает *мой!*
Служанки нет. . . ночное дело —
Не отворять же мне самой!
Прождал голубчик у ворот:
Не полуночничай вперед!
Промок, продрогнул до костей. . .
 Так вы гулять?!
 Вы ревновать?!
Я отучу вас от затей!
 Ну, цыц! Грубьян!
 Ни-ни! Иван!
Я не забыла двух мужей.

Была, я помню, перепалка!
Я и его поймала раз:
Федосья, старая кухарка,
Его прельстила с пьяных глаз. . .
Ее за талью он держал,
Ласкал ее. . . какой скандал!
Вы развращать моих людей?!
 От вас вином
 На целый дом
Разит. . . Ложитесь спать скорей!
 Ну, цыц! Грубьян!
 Ни-ни! Иван!
Я не забыла двух мужей.

Мы с ним воюем зачастую,
Но и миримся иногда.
Сама другой раз побалую:
Иван, скажу, поди сюда!
Не дуться! Полно! Вас зовут!
Сюда! Вот так. Садитесь тут.
Иван, целуй меня, живей!
Еще, дружок. . .
Еще разок,
Еще, еще! Нежней! Нежней. . .
Ну, цыц! Грубьян!
Ни-ни! Иван!
Я не забыла двух мужей.

<1856>

УМЕРЕННОСТЬ

Чтобы не знать отравы пресыщенья,
Друзья мои, примите мой совет:
Умеренно вкушайте наслажденья;
Где крайности — там наслажденья нет.
От благ мирских мы здесь не оберемся:
Вино, друзья и трезвые слова! . .
Чтоб их продлить, друзья мои, сперва
По рюмочке, по рюмочке пройдемся.

Мы весело свой век должны прожить,
Но тратиться нельзя неосторожно;
И главное: не должно пьяным быть,
А навеселе, навеселе можно. . .
С похмелья нам не красен божий свет,
Мы на людей, на жизнь глядим сурово.
В излишестве — здоровью страшный вред;
По рюмочке, по рюмочке — здорово.

Одни глупцы, постыдно унывая,
От неудач, как воду, слезы льют.
Пусть мы бедны! Надежда золотая
И в рюмочке найдет себе приют.
Богатые! Раздолья меру знайте:
Пусть доля вам блестящая дана;
Чтоб не забыть свой долг в парах вина —
По рюмочке, по рюмочке глотайте.

— По рюмочке, по рюмочке! Ну, так!
Нахмурилась и дуется Жаннета:

И перед ней рисуется бедняк,
За рюмочкой сидящий до рассвета.
— Ах, милый друг! Огонь в твоей крови;
Накинешься — как раз его потушишь!
Но воздержись — и лучший сок любви
По рюмочке, по рюмочке осушишь!

Так, рюмочку за рюмочкой глотая,
Мы весело путь жизненный пройдем,
И весело припомним, умирая,
Что мы всегда дурачились с умом.
От благ мирских до смерти не отстанем!
Вино, любовь, здоровье нам дано:
И мы любовь, здоровье и вино
По рюмочке, по рюмочке протянем.

<1856>

БАРЫШНИ

Что за педант наш учитель словесности!
Слушать противно его!
Всё о труде говорит да об честности...
Я и не вспомню всего!
Театры, балы, маскарады, собрания
Я без него поняла...
Тра-ла-ла, барышни, тра-ла-ла-ла!
Вот они, вот неземные создания!
Барышни — тра-ла-ла-ла!

Шить у меня не хватает терпения —
Времени, маменька, нет:
Мне еще нужно с учителем пения
Вспомнить вчерашний дуэт...
Музыка с ним — целый мир обаяния —
Страсть в моем сердце зажгла!..
Тра-ла-ла, барышни, тра-ла-ла-ла!
Вот они, вот неземные создания!
Барышни — тра-ла-ла-ла!

Время, татап, ведь не трачу напрасно я:
Села расход записать —
Входит танцмейстер; он на сладострастное
Нынче пришел показать;
Платье мне длинно... Я, против желанья,
Выше чуть-чуть подняла...
Тра-ла-ла, барышни, тра-ла-ла-ла!
Вот они, вот неземные создания!
Барышни — тра-ла-ла-ла!

Нянчись с братишкой! Плаксивый и мерзкий!
Сразу никак не уймешь.
А в голове Аполлон Бельведерский:
Как его корпус хорош!
Тонкость какая всего очертания!
Глаз бы с него не свела...
Тра-ла-ла, барышни, тра-ла-ла-ла!
Вот они, вот неземные создания!
Барышни — тра-ла-ла-ла!

Что тут, татап! Уж учили бы смолоду,
Замуж давно мне пора;
Басня скандальная ходит по городу —
Тут уж не будет добра!
Мне всё равно; я найду оправдание —
Только бы мужа нашла...
Тра-ла-ла, барышни, тра-ла-ла-ла!
Вот они, вот неземные создания!
Барышни — тра-ла-ла-ла!

<1856>

ТОСКА ПО РОДИНЕ

«В Париж, пастух, в Париж! Ты молод, — вы
сказали, —

Отдайся склонностям любимым и мечтам;
Познанья, золото и роскошь побеждали
Любовь к родным полям».

Но здесь рассеялись мечтанья золотые;
Морщины у меня прорезались на лбу...
Отдайте мне поля мои родные,
Мой лес, мою избу!

Вы мой развили ум, вы дали мне дар слова,
Искусства унесли меня за облака;
Но мне здесь холодно, здесь тяготит больного
По родине тоска.

На ваших женщинах наряды дорогие,
Но на пирах у вас блуждаю я, как тень.
Отдайте мне поля мои родные
И наш воскресный день!

Мы жалки, мы смешны, мы дети перед вами,
С своими сказками и песнями отцов;
Блеск вашей оперы смутил бы чудесами
Крестьянских колдунов.
Я слышал ваш концерт: в нем гимны неземные
Крылатых жителей заоблачной страны.
Отдайте мне поля мои родные
И песни старины!

Мне грустно самому смотреть на избы наши,
На церковь бедную из почернелых плит;
Здесь высятся дворцы, один другого краше,
Здесь мрамор и гранит;
В лучах заката здесь чертоги золотые
Воздушным призраком являются очам.
Отдайте мне поля мои родные
И деревенский храм!

Я вяну с каждым днем, я ночью, засыпая,
Страшусь, чтоб родину во сне не увидеть:
Там воеет верный пес, там ждет меня, рыдая,
Моя больная мать,
Стада, мои стада терзают волки злые,
Избушку бедную разрушила метель. . .
Отдайте мне поля мои родные,
Мой посох и свирель!

Что слышу я? Сбылись мои ночные грезы!
«Ступай, пастух, ступай! — вы говорите мне. —
Пусть солнце светлое твои осушит слезы
В родимой стороне».
Прости, волшебный край! Пускай толпы иные
На чудеса твои бегут со всех сторон, —
Увижу снова я поля мои родные,
Избу, где я рожден!

<1856>

ТРИНАДЦАТЬ ЗА СТОЛОМ

Тринадцать нас — и соль передо мною
Просыпана за праздничным столом. . .
Дурной приметой, цифрой роковую
Смушенные, мы смерть на праздник ждем.
И вот вошла: дух, фея иль богиня, —
Но молода, прекрасна и стройна. . .
Привет тебе, незваная! Отныне,
Друзья, мне смерть несколько не страшна!

Венчанное душистыми цветами,
Чело ее горит сияньем дня;
Она гремит разбитыми цепями;
На грудь ее головку наклоня,
В руках ее лежит малютка спящий. . .
Друзья мои, налейте мне вина!
Я слышу голос, ласково звучащий. . .
Друзья, мне смерть несколько не страшна!

«За что меня боитесь вы — не знаю:
Я неба дочь; чем страшен образ мой?
Я узнику свободу возвращаю
С Надеждою, моей родной сестрой.
Без крыльев здесь, на долгие томленья,
Душа твоя судьбой обречена —
Я возвращу ей крылья для паренья. . .»
Друзья, мне смерть несколько не страшна!

«Предстану я — и, мир почуяв новый,
Твой смелый дух обрящет свой полет,

И, тленные расторгнувши оковы,
Превыше звезд, в предел любви вспорхнет.
Теперь вкушай земное наслажденье:
Вам на любовь, на радость жизнь дана,
Как светлое пред утром сновиденье...»
Друзья, мне смерть нисколько не страшна!

Мой призрак скрылся без следа, без шума...
И пес дворовый жалобно завыл...
Друзья, зачем мучительная дума!
Не убоимся холода могил!
Пусть к пристани последней увлекает
Любой челнок всесильная волна —
Тринадцать нас: нас божий перст считает.
Друзья, мне смерть нисколько не страшна!

<1856>

РАСЧЕТ С ЛИЗОЙ

Лизок мой, Лизок!
Ты слишком самовластна;
Мне больно, мой дружок,
Вина просить напрасно.
Чтоб мне; в года мои,
Глоток считался каждый —
Считал ли я твои
Интрижки хоть однажды?

Лизок мой, Лизок,
Ведь ты меня всегда
Дурачила, дружок;
Сочтемся хоть разок
За прошлые года.

Твой юнкер простоват;
Вы хитрости неравной:
Он часто невпопад
Вздыхает слишком явно.
Я вижу по глазам,
Что думает голубчик. . .
Чтоб не браниться нам,
Налей-ка мне по рубчик.

Лизок мой, Лизок,
Ведь ты меня всегда
Дурачила, дружок;
Сочтемся хоть разок
За прошлые года.

Студент, что был влюблен,
Вот здесь же мне попался,
Как поцелуи он
Считал и всё сбивался.
Ты их ему вдвойне
Дарила, не краснея...
За поцелуи мне
Налей стакан полнее.

Лизок мой, Лизок,
Ведь ты меня всегда
Дурачила, дружок;
Сочтемся хоть разок
За прошлые года.

Молчи, дружочек мой!
Забыла об улане,
Как он сидел с тобой
На этом же диване?
Рукой сжимал твой стан,
В глаза глядел так сладко...
Лей всё вино в стакан
До самого осадка!

Лизок мой, Лизок,
Ведь ты меня всегда
Дурачила, дружок;
Сочтемся хоть разок
За прошлые года.

Еще беда была:
Зимой, в ночную пору,
Ведь ты же помогла
В окно спуститься вору?
Но я его узнал
По росту, по затылку...
Чтоб я не всё сказал —
Поддай еще бутылку.

Лизок мой, Лизок,
Ведь ты меня всегда
Дурачила, дружок;

Сочтемся хоть разок
За прошлые года.

Все дружные со мной
Дружны с тобой — я знаю;
А брошенных тобой
Ведь я же поднимаю.
Ну выпьем иногда —
Так что же тут дурного?
Люби меня всегда —
С друзьями и хмельного. . .

Лизок мой, Лизок,
Ведь ты меня всегда
Дурачила, дружок;
Сочтемся хоть разок
За прошлые года.

<1856>

ПТИЧКА

В самой страсти цепь привычки
Я с трудом ношу —
И на крылья вольной птички
С завистью гляжу.
Сколько воздуха, простора,
Недоступного для взора,
Свод небес открыл!
Я летал бы скоро-скоро,
Если б птичкой был!

Завещала б Филомела
Тайну звуков мне;
Птичка б весело запела
В дикой стороне,
Где пустынный, в чаше бора,
Не спуская с неба взора,
Братьев не забыл...
Я летал бы скоро-скоро,
Если б птичкой был!

Знойной страстью бы гремели
Песни по полям;
Поселяне бы хмелели
В честь красавиц там.
Я бы с неба в дни раздора
Всем несчастным без разбора
В звуках радость лил.
Я летал бы скоро-скоро,
Если б птичкой был!

Огласил бы казематы
Звонкий голос мой,
И, мечтаньями объятый
О стране родной,
Накануне приговора
Хоть на миг бы цепь позора
Узник позабыл.
Я летал бы скоро-скоро,
Если б птичкой был!

Чуя в воздухе страданья
И потоки слез,
Я бы на берег изгнанья
Мира ветвь принес.
Царь Саул бы в звуках хора
Дух унынья и раздора
И свой гнев забыл.
Я летал бы скоро-скоро,
Если б птичкой был!

Только злых не усладил бы
Пеньем никогда,
Разве птичку подстрелил бы
Бог любви; тогда,
Покорясь ему без спора,
Я на зов родного взора,
Из последних сил,
Полетел бы скоро-скоро,
Если б птичкой был.

СЛЕПОЙ НИЩИЙ

Из села в село бредет
Старый нищий ковыляя
И, по струнам ударяя,
Слабым голосом поет:
— У народа молодого,
У честных прошу людей:
Бросьте несколько грошей!
(И дают ему без слова!)
Бросьте несколько грошей
В шапку старого слепого.

Ходит с девочкой слепой;
Шумный праздник в околотке:
— Веселитесь, красотки,
В пляске резвой и живой!
Ради друга дорогого
Молодых прошу парней:
Бросьте несколько грошей —
Я за парня слыл лихого!
Бросьте несколько грошей
В шапку старого слепого.

В темной роще, слышит он,
Поцелуй звучит украдкой:
— Ах, — поет он, — здесь так сладко,
Здесь любовь со всех сторон!
Вспомнил я грешки былого...
Смех, как взглянешь на мужей!

Бросьте несколько грошей
Ради мужа отставного. . .
Бросьте несколько грошей
В шапку старого слепого.

Ходят девушки толпой,
Раздается смех беспечный:
— Ах, — поет, — любите вечно
И цветите красотой!
Оттолкнет меня сурово
Целомудрие ханжей.
Бросьте несколько грошей —
Вы характера иного. . .
Бросьте несколько грошей
В шапку старого слепого.

К разгулявшимся жнецам
Подойдет, напоминая,
Что и в годы урожая
Жатвы нету беднякам.
— Вам, небось, от золотого
Винограда веселей?
Бросьте несколько грошей —
Так и я хвачу простого!
Бросьте несколько грошей
В шапку старого слепого.

У солдат ли пир горой —
Кружки двигаются живо:
— Я ведь тоже был служивый, —
Говорит старик слепой, —
И теперь душа готова,
Кабы годы-то с костей!
Бросьте несколько грошей —
В память славного былого!
Бросьте несколько грошей
В шапку старого слепого.

Он канючить не пойдет
В позлащенные чертоги,
А в селеньях, по дороге,
Где поваднее, поет,

Где рука подать готова,
Там поет он веселей:
Бросьте несколько грошей!
Счастья нет для сердца злого...
Бросьте несколько грошей
В шапку старого слепого.

<1856>

ЛУЧШИЙ ЖРЕБИЙ

На зло фортуне самовластной
Я стану золото копить,
Чтобы к ногам моей прекрасной,
Моей Жаннеты, положить.
Тогда я все земные блага
Своей возлюбленной куплю;
Свидетель бог, что я не скряга —
Но я люблю, люблю, люблю!

Сойди ко мне восторг поэта —
И отдаленнейшим векам
Я имя милое: Жаннета
С своей любовью передам.
И в звуках, слаще поцелуя,
Все тайны страсти уловлю:
Бог видит, славы не ищу я —
Но я люблю, люблю, люблю!

Укрась чело мое корона —
Не возгоржусь нисколько я,
И будет украшением трона
Жаннета резвая моя.
Под обаяньем жгучей страсти
Я все права ей уступлю. . .
Ведь я не домогаюсь власти —
Но я люблю, люблю, люблю!

Зачем пустые обольщенья?
К чему я призраки ловлю?

Она в минуту увлечения
Сама сказала мне: люблю.
Нет! лучший жребий невозможен!
Я полон счастием моим:
Пусть я беден, слаб, ничтожен,
Но я любим, любим, любим!

<1856>

ДОБРАЯ ФЕЯ

Некогда, милые дети,
Фея Урганда жила,
Маленькой палочкой в свете
Делав большие дела.
Только махнет ею — мигом
Счастье прольется везде. . .
Добрая фея, скажи нам,
Где твоя палочка, где?

Ростом — вершок с половиной;
Только когда с облаков
Фею в коляске сапфирной
Восемь везли мотыльков —
Зрел виноград по долинам,
Жатвы виднелись везде. . .
Добрая фея, скажи нам,
Где твоя палочка, где?

Царь был ей крестник; заботы
Царства лежали на ней —
Ну, и министров отчеты
Были, конечно, верней:
Средств не имелось к поживам
Рыбкою в мутной воде. . .
Добрая фея, скажи нам,
Где твоя палочка, где?

Перед зеркалом глядела
Фея в судейский устав.

Бедный выигрывал дело,
Если по делу был прав;
Плут, не спасаясь и чином,
Назван был плутом в суде —
Добрая фея, скажи нам,
Где твоя палочка, где?

Матерью крестной хранимый,
Царь был примером царям;
Сильным народом любимый,
Страшен заморским врагам.
Фею с ее крестным сыном
Благословляли везде. . .
Добрая фея, скажи нам,
Где твоя палочка, где?

Добрая фея пропала. . .
Где она — нет и следа:
Плохо в Америке стало —
В Азии плохо всегда.
Нас в нашем царстве орлином
Холят, как птичек в гнезде. . .
Все-таки, фея, скажи нам,
Где твоя палочка, где?

<1856>

КУКОЛЬНАЯ КОМЕДИЯ

(Б А С Н Я)

Шел некогда корабль из Африки далекой —
На рынок негров вез британец-капитан;
Бессильных жертв, как мух, давил удел жестокий,
И их десятками валили в океан.
Вот дело-то смекнув, стал капитан лукавить:
— Чего вы хнычете? не били вас давно! . .
Постойте, — говорит, — вас надо позабавить:
Рабы! вот куклы вам — смотрите, как смешно.

Сейчас на палубе театр соорудили. . .
Известно: ширмочки и больше ничего.
Петрушку буйного бесчинствовать пустили —
А этот рассмешить способен хоть кого!
Ну, негры в первый раз спектаклем наслаждались.
Сначала хлопали глазами — мудрено!
Потом улыбочки на лицах показались. . .
Рабы! вот куклы вам — смотрите, как смешно.

Одну комедию играют куклы вечно:
К Петрушке будочник откуда ни явись,
Петрушка бить его, избил его, конечно, —
И страж спокойствия за ширмами повис.
Ну, тут уж черные до слез расхохотались
(Ведь смысл комедии понять немудрено).
Забыли, что навек с отечеством расстались. . .
Рабы! вот куклы вам — смотрите, как смешно.

Черт вызвал их любовь своею чернотою:
Глаза уставили и наострили слух;
Как взял Петрушку он, да как увлек с собою —
От наслаждения у негров замер дух.
Смеясь и радуясь, что хоть в пустой забаве
Над белым *черному* торжествовать дано,
Несчастные, в цепях, задумались о славе. . .
Рабы! вот куклы вам — смотрите, как смешно.

Так умный капитан смешил их всю дорогу,
Пока в Америку на рынок не привез
И там не продал их. Благодаренье богу,
Что дело обошлось без палок и без слез.
Я назвал баснею; теперь бы наставленье. . .
Да этой басни смысл понять немудрено. . .
Вы многим бы вещам хотели объясненья —
Довольно кукол с вас — смотрите, как смешно.

<1856>

ВИНО И КОКЕТКА

Друзья, есть пара глаз! Как тень моя, за мною
 Неотразимые следят;
Но не поддамся им — хоть и поддамся, скрою
 И обману их взгляд!
Кокетка, власть твоя была бы неизбежна,
Но хмель возносится над розами всегда...
Ах, пусть не ведает, как сердце это нежно,
 А то беда, беда!

Пусть хороша она; я чувств моих избыток
 И сердце отдаю друзьям;
Поем, смеемся, пьем целительный напиток,
 Налитый дружбой нам.
Венчайте же плющом и миртой белоснежной
Мой лоб, зардевшийся от страстного стыда...
Ах, пусть не ведает, как сердце это нежно,
 А то беда, беда!

Довольно я терпел! перехожу под знамя
 Не признающих власть любви;
Смеюсь за чашею — и да погаснет пламя,
 Возникшее в крови!
Пускай Эрот, в борьбе неровной, безнадежной,
У Вакха свой колчан оставит навсегда.
Ах, пусть не ведает, как сердце это нежно,
 А то беда, беда!

Но, видно, бог любви из виноградной лозы,
 Смеясь, мне выжал этот сок:
Я всё ещё люблю; в стакан роняю слезы. . .
 Бледнею. . . изнемог. . .
Бежать хочу, бежать. . . но пар вина мятежный
Мне ноги оковал — ни шагу, никуда!
Кокетка видела, как сердце это нежно. . .
 Беда грозит, беда!

<1856>

ПОРТНОЙ И ВОЛШЕБНИЦА

В Париже, нищетой и роскошью богатом,
Жил некогда портной, мой бедный старый дед;
У деда в тысячу семьсот восьмидесятом
Году впервые я увидел белый свет.
Орфея колыбель моя не предвещала:
В ней не было цветов. . . Вбежав на детский крик,
Безмолвно отступил смутившийся старик:
Волшебница в руках меня держала. . .
И умирало ласковое пенье
Мой первый крик и первое смятенье.

В смущеньи дедушка спросил ее тогда:
«Скажи, какой удел ребенка в этом мире?»
Она в ответ ему: «Мой жезл над ним всегда.
Смотри: вот мальчиком он бегаёт в трактире,
Вот в типографии, в конторе он сидит. . .
Но, чу! Над ним удар проносится громовый
Еще в младенчестве. . . Он для борьбы суровой
Рожден. . . но бог его для родины хранит. . .»
И умирало ласковое пенье
Мой первый крик и первое смятенье.

«Но вот пришла пора: на лире наслажденья
Любовь и молодость он весело поет;
Под кровлю бедного он вносит примиренье,
Унынью богача забвеньё он дает.
И вдруг погибло всё: свобода, слава, гений!

И песнь его звучит народной тоской...
Так в пристани рыбак рассказ своих крушений
Передаёт толпе, испуганной грозой...»
И усмиряло ласковое пенье
Мой первый крик и первое смятенье.

«Всё песни будет петь! Не много в этом толку! —
Сказал, задумавшись, мой дедушка-портной. —
Уж лучше день и ночь держать в руках иголку,
Чем без следа пропасть, как эхо, звук пустой...»
— «Но этот звук пустой — народное сознание! —
В ответ волшебница. — Он будет петь грозу,
И нищий в хижине и сосланный в изгнание
Над песнями прольют отрадную слезу...»
И усмиряло ласковое пенье
Мой первый крик и первое смятенье.

Вчера моей душой унынье овладело,
И вдруг глазам моим предстал знакомый лик.
«В твоём венке цветов не много уцелело, —
Сказала мне она, — ты сам теперь старик.
Как путнику мираж является в пустыне,
Так память о былом отрада стариков.
Смотри, твои друзья к тебе собрались ныне —
Ты не умрешь для них и будущих веков...»
И усмирило ласковое пенье,
Как некогда, души моей смятенье.

СТРЕЛОК И ПОСЕЛЯНКА

«Проснулась ласточка с зарею,
Приветствуя весенний день.
Красавица, пойдем со мною:
Нам роща отдых даст и тень.
Там я у ног твоих склонюся,
Нарву цветов, сплету венок. . .»
— «Стрелок, я матери боюся.
Мне некогда, стрелок».

— «Мы в чашу забредем густую:
Она не сыщет дочь свою.
Пойдем, красавица! Какую
Тебе я песенку спою!
Ни петь, ни слушать, уверяю,
Никто без слез ее не мог. . .»
— «Стрелок, я песню эту знаю.
Мне некогда, стрелок».

— «Я расскажу тебе преданье,
Как рыцарь к молодой жене
Пришел на страшное свиданье
Из гроба. . . Выслушать вполне
Нельзя без трепета развязку.
Мертвец несчастную увлек. . .»
— «Стрелок, я знаю эту сказку.
Мне некогда, стрелок».

— «Пойдем, красавица. Я знаю,
Как диких усмирять зверей,
Легко болезни исцеляю;
От порчи, глаза злых людей
Я заговаривать умею —
И многим девушкам помог. . .»
— «Стрелок, я ладанку имею.
Мне некогда, стрелок».

— «Ну, слушай! Видишь, как играет
Вот этот крестик, как блеснит
И жемчугами отливает. . .
Твоих подружек ослепит
Его игра на груди белой.
Возьми! Друг друга мы пойдем. . .»
— «Ах, как блеснит! Вот это дело!
Пойдем, стрелок, пойдем!»

<1857>

СОЛОВЬИ

Ночь нависла тяжелою тучей
Над столицей веселья и слез;
С вечной страстью и с песнью могучей
Вы проснулись, любовники роз!
Сердце мыслит в минуты покоя;
О, как счастлив, в ком бодрствует дух!
Мне понятно молчанье ночное:
Соловьи, услаждайте мой слух.

От чертогов, где царствует Фрина,
Улетайте, влюбленные, прочь:
Заповедные льются там вина
С новой клятвою каждую ночь;
Хоть не раз испытало потерю
Это сердце, сжимаясь от мук,
В правду чувства я всё еще верю...
Соловьи, услаждайте мой слух.

Вот чертоги тельца золотого:
Не заpaste вашим песням туда!
Очерствелому сердцу скупого
Благодать этих песен чужда.
Если ночь над богатым витает,
Принося в каждом звуке испуг —
В бедный угол мой муза влетает.
Соловьи, услаждайте мой слух.

Улетайте далеко, далеко
От рабов, к вашим песням глухих,

Заковавшихся с целью жестокой
Заковать в те же цепи других.
Пусть поет гимны лести голодной
Хор корыстью измученных слуг —
Я, как вы, распеваю свободно. . .
Соловьи, услаждайте мой слух.

Громче, громче доносятся трели. . .
Соловьи, вы не любите злых:
Ароматы весны долетели
В ваших песнях ко мне золотых.
В моем сердце вселилась природа,
От восторга трепещет мой дух. . .
Ах, когда бы всю ночь до восхода
Соловьи услаждали мой слух!

<1857>

ОХОТНИКИ

В поле, охотник ретивый!
Чу! Протрубили рога:
Тра-та-та-та́, тра-та-та́.
Следом амур шаловливый
Шмыг на охоту в твой дом!
Тром, тром.

Осень стреляешь и лето;
Знаешь кругом все места.
Тра-та-та-та́, тра-та-та́.
А за женой, без билета,
Та же охота кругом.
Тром, тром.

Выследив лань в чаще леса,
Ты приумолк у куста.
Тра-та-та-та́, тра-та-та́.
Но не робеет повеса
Перед домашним зверьком.
Тром, тром.

К зверю кидается свора —
Рев потрясает леса.
Тра-та-та-та́, тра-та-та́.
Целит повеса, и скоро
С милою будет вдвоем. . .
Тром, тром.

По лесу пуля несется:
Мертвая лань поднята.
Тра-та-та-та́, тра-та-та́.
Выстрел и там раздается. . .
Всё утихает потом.
Тром; тром.

Рад ты добыче богатой;
Весело трубят рога:
Тра-та-та-та́, тра-та-та́.
Тащится с поля рогатый;
Милый налево кругом. . .
Тром, тром.

<1857>

МОЕ ПРИЗВАНИЕ

На произвол судьбы
Я брошен в мир, бездомный.
От горя, от борьбы
Ничем не огражденный. . .
И на тяжелый вздох,
На первый ропот мой —
«Пой! — провещал мне бог. —
Бедняжка, пой!»

Мне наглым блеском жжет
Глаза богач спесивый,
Гнетет меня, гнетет
Вельможа горделивый.
И злоба и порок
Кишат передо мной. . .
«Пой! — говорит мне бог. —
Бедняжка, пой!»

Страшася злой нужды,
Я выбрал жребий скромный
И выносил труды
Обязанности темной;
В оковах изнемог,
Измученный, больной. . .
«Пой! — говорил мне бог. —
Бедняжка, пой!»

Любовь меня от зла
Когда-то охраняла,

Но молодость прошла,
И с ней любовь пропала;
Теперь — лежу у ног
Красавицы с тоской...
«Пой! — говорит мне бог. —
Бедняжка, пой!»

Так в песнях золотых
Я буду жить для света —
И тот, кто любит их,
Тот любит и поэта.
Сомкнись, друзей кружок.
За чашей пировой —
Да возвестит мне бог:
«Бедняжка, пой!»

<1857>

БЕДНЫЙ ЧУДАК

Всем пасынкам природы
 Когда прожить бы так,
Как жил в былые годы
 Бедняга-весельчак.
Всю жизнь прожить не плача,
 Хоть жизнь куда горька...
Ой ли! Вот вся задача
 Бедняги-чудака.

Наследственной шляпенки
 Пред знатью не ломать,
Подарочек девчонки —
 Цветы в нее вплетать,
В шинельке ночью лежа,
 Днем — пух смахнул слегка!
Ой ли! Вот вся одёжа
 Бедняги-чудака.

Два стула, стол трехногий,
 Стакан, постель в углу,
Тюфяк на ней убогий,
 Гитара на полу,
Швеи изображение,
 Шкатулка без замка...
Ой ли! Вот всё именье
 Бедняги-чудака.

Из папки ребятишкам
Вырезывать коньков,
Искать по старым книжкам
Веселеньких стишков,
Плясать — да так, чтоб скука
Бежала с чердака —
Ой ли! Вот вся наука
Бедняги-чудака.

Чтоб каждую минуту
Любовью освятить —
В красавицу Анюю
Всю душу положить,
Смотреть спокойным глазом
На роскошь... свысока...
Ой ли! Вот глупый разум
Бедняги-чудака.

«Как стану умирать я,
Да не вменят мне в грех
Ни бог, ни люди-братья
Мой добродушный смех;
Не будет нареканья
Над гробом бедняка».
Ой ли! Вот упованья
Бедняги-чудака.

Ты, бедный, — ослепленный
Богатствами других,
И ты, богач, — согбенный
Под ношей благ земных, —
Вы ропшете... Хотите,
Чтоб жизнь была легка?
Ой ли! Пример берите
С бедняги-чудака.

СТАРЫЙ БРОДЯГА

Яма эта будет мне могилой.
Умираю немощный и хилый. . .
Здесь толпа беспечная пройдет;
Скажут: пьян, должно быть с горя, бедный!
Кто добрее, грош мне бросит медный
И глаза, краснея, отвернет. . .
Что жалеть? Венчайтесь цветами!
А бродяга старый в этой яме
Без участия вашего умрет.

Уходили горе, старость, злоба
И шатанье впроголодь до гроба! . .
Целый год мечтал я об одном:
Умереть бы только на постели —
Нет больницы, где б меня призрели. . .
Говорят: наполнены битком.
Всё народ счастливый приютился!
Под открытым небом, как родился,
И уснет бродяга вечным сном.

Прокормиться думал я трудами,
Я просил работы со слезами —
Да просил не в добрый, видно, час:
Никуда бездомного не взяли!
Из окошек кости мне бросали,
И, как пес, я их глодал не раз,
В конурах, в конюшнях засыпая, —
И бродяга старый, умирая,
Богачи, не проклиняет вас.

Воровать и грабить приходилось . . .
Да на сердце совесть шевелилась.
А соблазн, соблазн со всех сторон!
И пошел канючить, по дороге
Попадая в тюрьмы да в остроги . . .
Двадцать раз, никак, был заключен!
Наглотался я казенной пищи!
Солнце всем сияет; старый нищий
Даже солнца светлого лишен.

Разве есть отчизна у бездомных?
Что мне в ваших фабриках огромных,
В тучных нивах, в блеске городов?
В пышных храмах, в важных заседаниях,
В громкой славе вашей и в собраниях
Краснобаев ваших и льстецов?
А ваш город занят был врагами —
Заливался глупыми слезами
Нищий, сытый — от руки врагов.

Червь зловредный — я вас беспокою?
Раздавите гадину ногою.
Что жалеть — приплюсните скорей!
Отчего меня вы не учили?
Не дали исхода дикой силе:
Вышел бы из червя муравей.
Я бы умер, братьев обнимая . . .
А бродягой старым умирая,
Призываю мщенье на людей!

<1857>

ДЕВОЧКЕ-ПОЭТУ

Бросить куклы для стихов
На рассвете!
Друг мой, музы и любовь —
Те же дети. . .
На тебе их нежный след —
Взгляд мой зорек. . .
Но тебе двенадцать лет —
Мне уж сорок.

Мы для песен рождены,
Для забавы. . .
Но слезой орошены
Лавры славы.
Мне любви весенний цвет
Только дорог;
Но тебе двенадцать лет —
Мне уж сорок.

Вольной птичкою порхай
За мечтою,
После с песнями прельщай
Красотою.
Как тогда мне твой привет
Был бы дорог!
Но тебе двенадцать лет —
Мне уж сорок.

Вдохновит тебя другой --
И моложе,
И красивее — со мной
Станешь строже...
Твой двадцатый только год
Буду петь я —
Мне, дитя мое, пробьет
Полстолетья...

<1857>

„НЕТ, ТЫ НЕ ЛИЗЕТА“

Как, Лизета, ты —
В тканях, шелком шитых?
Жемчуг и цветы
В локонах завитых?

Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизета.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

Кони у крыльца
Ждут Лизету ныне;
Самый цвет лица
Куплен в магазине! . .

Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизета.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

Залы в зеркалах,
В спальне роскошь тоже —
В дорогих коврах
И на мягком ложе.

Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизета.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

Ты блестяшь умом,
Потупляешь глазки —
Как товар лицом,
Продавая ласки.

Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизета.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

Ты цветком цвела,
Пела вольной птицей.
Но тогда была
Бедной мастерицей.

Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизета.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

Как дитя проста,
Сердца не стесняя,
Ты была чиста, . . .
Даже изменяя. . .

Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизета.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

Но старик купил
Сам себе презренье
И — позолотил
Призрак наслажденья.

Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизета.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

Скрылся светлый бог
В невозвратной дали. . .

Он швею берег —
Вы графией стали.

Нет, нет, нет!
Нет, ты не Лизета.
Нет, нет, нет!
Бросим имя это.

<1857>

ОРАНГУТАНГИ

Не знаю, верить ли Эзопу —
Он повествует, что в Европу,
Чтоб людям нанести изъян,
Пришло посольство обезьян.
«Беру историю порукой, —
Рек адвокат четверорукий, —
Вы обезьянили всегда
Орангутангов, господа.

Давно ль ваш род смешной и жалкий
С дубиной ходит или с палкой?
Кто вас учил для ваших шей
Заготовленью овощей?
Кто научил вас так кривляться,
Перед сильнейшим изгибаться?
Вы обезьянили всегда
Орангутангов, господа.

Где Диоген ваш научился
Жить так же просто, как родился?
Ведь нежной страсти образцы
Вам дали самки и самцы;
Но наши честные мартышки
Не так, как вы, ведут интрижки. . .
Вы лишь постыдное всегда
Перенимали, господа.

Пораньше вас орангутанги
Изобрели каре и фланги —

К вам перешли от наших драк
Начала правильных атак;
До вашего пожара в Трое
У нас героев было втрое —
Вы обезьянили всегда
Орангутангов, господа.

Владеть дубиной или шпагой
С нечеловеческой отвагой
Умели деды наши встарь —
За что же человек наш царь?
Где ж справедливость тут? О боги!
За что вы к обезьянам строги?
Зачем же эти господа
Нас обезьянили всегда?»

— «Как? — загремел Юпитер с трона. —
Да так, пожалуй, и ворона,
Медведь, свинья придет теперь.
Пусть человек такой же зверь,
Да льстит мне, молодец, здорово.
Скоты! отнять у них дар слова!
И пусть отныне и вовек
Их обезьянит человек».

<1857>

СТАРИННЫЙ ОБЫЧАЙ

В надутом чванстве жизни чинной
Находят многие смешным
Обычай чокаться старинный;
Что свято нам — забавно им!
Нам это чванство не пристало —
Друзья, мы попросту живем;
Нас тешит чоканье бокала.

Мы дружно пьем,
И все кругом,
Чтоб выпить, чокнемся сначала
И пьем, чтоб чокаться потом.

В пирах отцы и деды наши
Златым не кланялись тельцам —
И дребезжанье хрупкой чаши
Уподобляли их судьбам;
Веселость жажду возбуждала
У них за праздничным столом,
Рукой их дружба подымала

Бокал с вином,
И все кругом,
Чтоб выпить, чокались сначала
И просто чокались потом.

Любовь, как гостя неземная,
Гнала задумчивость с лица
И, вместе с Вакхом охмеляя,
Сдвигала чаши и сердца;

Да и красавица, бывало,
Привстав с сияющим лицом,
Над головою подымала
 Бокал с вином,
 Чтобы кругом
Со всеми чокнуться сначала
И пить, чтоб чокаться потом.

Где пьют насильно, ради госта,
Там пьют едва ли веселей —
Мы пьем, чтоб чокаться, и просто
Пьем за здоровье друзей.
Но горе тем, в ком мрачность взгляда
Изгнала дружбу без следа;
Она — несчастного отрада,
 Его звезда,
 Среди труда,
Чтоб выпить, чокнется — и рада
Пить, чтобы чокаться всегда.

<1857>

ЛИЗА

Не дорожа своей весною,
Вы мне дарите свой расцвет:
Дитя мое, ведь надо мною
Лежит, как туча, сорок лет.
В былые дни от поцелуя
Простой швеи я счастлив был...
Зачем любить вас не могу я,
Как Лизу некогда любил?

В карете пара вороная
Вас мчит в наряде дорогом,
А Лиза, юностью пленяя,
Ходила, бедная, пешком.
К ее глазам весь свет ревнуя,
За ними зорко я следил...
Зачем любить вас не могу я,
Как Лизу некогда любил?

Здесь в позлащенные карнизы
Громады высятся зеркал;
Дрянное зеркальцо у Лизы
Я граций зеркалом считал;
Без занавес постель простую
Луч солнца утром золотил...
Зачем любить вас не могу я,
Как Лизу некогда любил?

Поэтам лучшие создання
Вы взглядом можете внушать;

А Лиза — знаков препинанья,
Бедняжка, не могла понять;
Но бог любви, ей грудь волнуя,
Любить без слов ее учил. . .
Зачем любить вас не могу я,
Как Лизу некогда любил?

Вы лучше Лизы, вы умнее,
В вас даже больше доброты;
Она теряется, бледнея
В сияньи вашей красоты;
Но к ней влекли меня, чаруя,
Мой юный жар, избыток сил —
И уж любить вас не могу я,
Как Лизу некогда любил.

<1857>

ПЕСНЬ ТРУДА

Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут,
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

На неподкупленной лире
Громкую славу споем
Тем, кто живет в этом мире
Честным трудом.

Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут,
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

Жизни веселой наука
Не тяжела для простых. . .
Братья мои, вам порука —
В песнях моих.

Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут,
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

Бедность несла для примера
В древности мудрость сама;
Вызвали песни Гомера —
Посох, сума.

Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут,
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

Доле блестящей, великой
Тяжкий бывает конец;
В бочке, с всемирным владыкой
Спорил мудрец.

Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут,
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

Средь раззолоченных клеток
Веет уныньем пустынь;
Лучше уж есть без салфеток,
Спать без простынь!

Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут,
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

Бог легкокрылый порхает
Там, где не видит оков:
Полной хозяйкой влетает
К бедным любовь.

Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут,
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

Дружба не знается с злыми;
Но в кабаке, где вино
Тянут служивые, — с ними
Пьет заодно.

Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут,
С дружбой, с любовью в ладу
Слава святому труду!

<1857>

БАБУШКА

Старушка под хмельком призналась,
Качая дряхлой головой:
«Как молодежь-то увивалась
В былые дни за мной!

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!»

— «Как, бабушка, ты позволяла?»
— «Э, детки! Красоте своей
В пятнадцать лет я цену знала —
И не спала ночей. . .

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!»

— «Ты, бабушка, сама влюблялась?»
— «На что же бог мне сердце дал?
Я скоро милого дождалась,
И он недолго ждал. . .

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!»

— «Ты нежно, бабушка, любила?»
— «Уж как нежна бывала с ним,
Но чаще время проводила —
Еще нежней с другим. . .

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!»

— «С другим, родная, не краснея?»
— «Из них был каждый не дурак,
Но я, я их была умнее:
Вступив в законный брак.

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!»

— «А страшно мужа было встретить?»
— «Уж больно был в меня влюблен;
Ведь мог бы многое заметить —
Да не заметил он.

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!»

— «А мужу вы не изменяли?»
— «Ну, как подчас не быть греху!
Но я и батюшке едва ли
Откроюсь на духу.

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!»

— «Вы мужа наконец лишились?»
— «Да, хоть не нов уже был храм,
Кумиру жертвы приносились
Еще усердней там.

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!»

— «Нам жить ли так, как вы прожили?»
— «Э, детки! женский наш удел! . .
Уж если бабушки шалили —
Так вам и бог велел.

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!»

СТРАННИК

Старик

Откуда, странник, и куда ты?
Так молод — и печален ты...

Странник

Старик, оковами измяты
Весны моей цветы.

Старик

Пусть злые люди к людям строги,
Отец небесный справедлив:
Ты встретил друга на дороге.
Господь с тобою! Будь счастлив.

Странник

Здесь обрекается гоненью
Кто не кадит златым тельцам:
В чертогах тесно преступленью,
Ему хотят воздвигнуть храм.

Старик

След вьюги на твоей одежде,
С дороги трудной ты чуть жив...
И я, как ты, скитался прежде!...
Господь с тобою! Будь счастлив.

Странник

В борьбе с неправдой я молился,
Звал Правду Вечную — и что ж?
Во имя Правды заносился
Над головой моею нож.

Старик

Вот хлеб наш; утоли свой голод,
Вином надежду оживив.
Увы! Мой сын был также молод. . .
Господь с тобою! Будь счастлив.

Странник

А где же счастье? Где лампада
Над бездной мрака и стыда?
Мир — бесполезная громада
Без мысли, цели и следа.

Старик

Вот дочь моя — моя опора;
Украдкой слезы осушив,
Она с тебя не сводит взора. . .
Господь с тобою! Будь счастлив.

Странник

И если в небе торжествует
Свет Вечной Правды — для чего?
Зачем? когда не существует
Ни злых, ни добрых для него?

Старик

Усни, постель твоя готова.
Страстей волнение укротив,
Будь вместо сына мне родного.
Господь с тобою! Будь счастлив.

Остался он, любви послушный;
Ему венец любовью свит —
Он муж, отец и благодушно
Он сам несчастным говорит:

«Пусть злые люди к людям строги,
Отец небесный справедлив:
Ты встретил друга на дороге.
Господь с тобою! Будь счастлив».

<1857>

ГРОЗА

Пойте, резвитесь, дети!
Черные тучи над нами;
Ангел надежды цветами
Сыплет на вашем рассвете —
Пойте, резвитесь, дети!

Книги скорей по шкапам!
В поле из комнаты душевной!
Мальчики, девочки. . . Гам,
Песни и смех простодушный. . .
Пусть всё притихло кругом,
Мрачной исполнясь тоски;
Пусть собирается гром!
Дети, сплетайте венки.

Пойте, резвитесь, дети!
Черные тучи над нами;
Ангел надежды цветами
Сыплет на вашем рассвете —
Пойте, резвитесь, дети!

Грозно молчание мглы. . .
В воду попрятались рыбки.
Птички молчат. . . Но светлы
Детские ваши улыбки.

Светел и верен ваш взгляд:
После не страшных вам бурь
Ваши глаза отразят
Ясного неба лазурь.

Пойте, резвитесь, дети!
Черные тучи над нами;
Ангел надежды цветами
Сыплет на вашем рассвете —
Пойте, резвитесь, дети!

Жребий нам выпал дурной;
Но мы за правду стояли:
Мстили одною рукой,
Цепи другую срывали.
И с колесницы побед
Пали, не сдавшись врагам,
Но изумившую свет
Славу оставили вам.

Пойте, резвитесь, дети!
Черные тучи над нами;
Ангел надежды цветами
Сыплет на вашем рассвете —
Пойте, резвитесь, дети!

В черный родились вы час!
Враг в свои медные горны
Первый приветствовал вас
Днем нашей участи черной;
Отозвались на зов
Средь разоренных полей
Вместе с слезами отцов
Первые крики детей.

Пойте, резвитесь, дети!
Черные тучи над нами;
Ангел надежды цветами
Сыплет на вашем рассвете —
Пойте, резвитесь, дети!

Лучших из ряда бойцов
Вырвала храбрых могила;
Над головами отцов
Буря детей просветила:
Пусть испытанья отцам!
Дети, господь вас хранит!

Нива грядущего вам
Лучшую жатву сулит.

Пойте, резвитесь, дети!
Черные тучи над нами;
Ангел надежды цветами
Сыплет на вашем рассвете —
Пойте, резвитесь, дети!

Дети, гроза всё слышней...
Гнев приближается Рока...
Рок, не пугая детей,
Взрослых страшит издалика...
Если я гибну певцом
Бедствий народных и слез,
Гроб мой украсьте венком,
Вами сплетенным из роз.

Пойте, резвитесь, дети!
Черные тучи над нами;
Ангел надежды цветами
Сыплет на вашем рассвете —
Пойте, резвитесь, дети!

<1857>

РАЗБИТАЯ СКРИПКА

Что, мой пес, приуныл? Или против врага
И тебя, как меня, точит злоба?
Ешь, покуда остался кусок пирога. . .
Завтра грызть черствый хлеб будем оба.

Здесь вражий пир вчера справлялся;
Один надменно говорил:
«Играй, старик» — я отказался. . .
Он скрипку мне разбил.

Веселье, пляски — всё разбито!
Кто здесь теперь возбудит вновь
Беспечный говор, смех забытый?
Кто вызовет любовь?

Ведь эти струны возвещали
Счастливицу ясную зарю,
Когда невесту снаряжали
Родные к алтарю.

Ведь здесь, под этими струнами,
Дрожала вечером земля;
От них расправились бы сами
Морщины короля.

И что ж? за песни нашей славы,
Наследье дедов и отцов —
Над ней свершился суд неправый
И злая месть врагов.

Что, мой пес, приуныл? Или против врага
И тебя, как меня, точит злоба?
Ешь, покуда остался кусок пирога...
Завтра грызть черствый хлеб будем оба.

Пошлет ли бог благословенье
На труд, без песен начатой?
Как длинно будет воскресенье,
День отдыха святой!

Как в сказках палочка простая
В руках у феи — мой смычок
Был силен, бедных утешая
Везде, где только мог.

Носился смех, блистали взоры,
Когда по струнам он порхал,
И холод, подати, наборы
Бедняк позабывал.

Теперь — вся ненависть поднята...
Воскресла злоба прежних лет:
Давайте ж мне ружье солдата,
Когда уж скрипки нет!

Пойду на смерть с народной славой,
Да скажут внуки обо мне:
Он не хотел, чтоб враг лукавый
Плясал в родной стране.

Что, мой пес, приуныл? Или против врага
И тебя, как меня, точит злоба?
Ешь, покуда остался кусок пирога...
Завтра грызть черствый хлеб будем оба.

ПЛАЧУЩИЙ МУЖ

Жена моя в гробу!
Рабу
Устрой, господь, твою
В раю.

Избавь ее от ада
В день страшного суда;
Ей *там* блаженство надо. . .
Чтоб не пришла *сюда*.
Жена моя в гробу!
Рабу
Устрой, господь, твою
В раю.

Увы! Ничто не вечно!
Мое блаженство с ней
Казалось бесконечно. . .
В течение трех дней.
Жена моя в гробу!
Рабу
Устрой, господь, твою
В раю.

Подчас она хитрила
(Нельзя же без того!),
Но искренно любила. . .
Соседа моего.

Жена моя в гробу!
Рабу
Устрой, господь, твою
В раю.

И, с жизнью расставаясь,
Холодная к другим,
Заплакала, прощаясь...
С любовником своим.
Жена моя в гробу!
Рабу
Устрой, господь, твою
В раю.

Едва ли я сумею
Несчастье пережить...
Нет! Нет! Пойду за нею...
Зарыть ее! Зарыть!
Жена моя в гробу!
Рабу
Устрой, господь, твою
В раю.

<1857>

МОИ ВОЛОСЫ

Апостол радости беспечной,
Друзья, я проповедь прочту:
Все блага жизни скоротечной
Хватайте прямо на лету. . .
Наперекор судьбы ударам,
Чтоб смелый дух в свободе рос. . .
Вот вам совет мой — а недаром
Я в цвете лет лишен волос.

Друзья, хотите ли игриво,
Как светлый день, всю жизнь прожить?
Вот вам вино: в нем можно живо
Мирские дразги утопить.
К его струям прильните с жаром,
Чтоб в вашу кровь оно впилось. . .
Вот вам совет мой — а недаром
Я в цвете лет лишен волос.

Друзья! вино, вселяя резвость,
Не наполняет пустоты —
Нужна любовь, чтоб снова трезвость
Найти в объятьях красоты;
Чтоб каждый в жертву страстным чарам
Здоровье, юность, деньги нес. . .
Вот вам совет мой — а недаром
Я в цвете лет лишен волос.

Последовав моим советам,
Вы насмеетесь над судьбой —

И, насладившись жизни летом,
С ее не встретитесь зимой;
Над вашим юношеским жаром
Суровый не дохнет мороз;
Вот вам совет мой — а не даром
Я в цвете лет лишен волос.

<1857>

НАВУХОДОНОСОР

1

В давно минувшие века,
До рождества еще Христова,
Жил царь под шкурою быка;
Оно для древних было ново.
Но льстили точно так же встарь
И так же пел придворных хор:
Ура! да здравствует наш царь!
Навуходоносор!

2

«Наш царь бодается, так что ж,
И мы топтать народ здоровы, —
Решил совет седых вельмож. —
Да здравствуют рога царевы!
Да и в Египте, государь,
Бык божество с давнишних пор —
Ура! да здравствует наш царь!
Навуходоносор!»

3

Державный бык коренья жрет,
Ему вода речная — пойло.
Как трезво царь себя ведет!
Поэт воспел царево стойло.

И над поэмой государь,
Мыча, уставил мутный взор —
Ура! да здравствует наш царь!
Навуходоносор!

4

В тогдашней «Северной пчеле»
Печатали неоднократно,
Что у монарха на челе
След царской думы необъятной,
Что из сердец ему алтарь
Воздвиг народный приговор —
Ура! да здравствует наш царь!
Навуходоносор!

5

Бык только ноздри раздувал,
Упитан сеном и хвалами,
Но под ярмо жрецов попал
И, управляемый жрецами,
Мычал рогатый государь
За приговором приговор —
Ура! да здравствует наш царь!
Навуходоносор!

6

Тогда не вытерпел народ,
Царя избрал себе другого.
Как православный наш причет,
Жрецы — любители мясного.
Как злы-то люди были встарь!
Придворным-то какой позор!
Был съеден *незабвенный* царь
Навуходоносор!

7

Льстецы царей! Вот вам сюжет
Для оды самой возвышенной —

Да и ценсурный комитет
Ее одобрит непременно;
А впрочем, слово «государь»
Не вдохновляет вас с тех пор,
Как в бозе сгнил последний царь
Навуходоносор!

1855—1858

УРОК

«Я читал когда-то, где — уж теперь не припомню (говорит Беранже в выноске к этому стихотворению), рассказ путешественника, видевшего Канари, который выходил из школы вместе с маленькими греками, учениками; как дети, он нес книги подмышкою. Герой учился читать, не стыдась. Счастлива страна, где не краснеют, поступая честно! Да наградит бог прямоту и скромность великого гражданина!»

На лужайке детский крик:
Учит грамоте ребят,
Весь седой, ворчун-старик,
Отставной солдат.
— Я согнулся, я уж слаб,
А виды видал!
Унтер не был бы, когда б
Грамоте не знал!
Дружно, дети! все зараз:
Буки-аз! Буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

У меня ль в саду цветок
Насадил я каждый сам,
И из тех цветов венок
Грамотному дам.
Битый — правду говорит
Молвь людей простых —
Стоит двух, кто не был бит,
Грамотей — троих.
Дружно, дети! все зараз:
Буки-аз! Буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

Митя, видишь карандаш?
За моей следи рукой:
Это *иже*, а не *наш*;
Экой срам какой!
Да, прислушайте: с полком
В Греции я был,
В двадцать, значит. . . а в каком,
Значит, позабыл.
Дружно. дети! все зараз:
Буки-аз! Буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

Отстояли мы друзей!
Раз, иду себе один,
Вижу — школа для детей
У ворот Афин.
В школе учится моряк,
Детям не под стать;
Я взглянул — и как дурак
Начал хохотать.
Дружно. дети! все зараз:
Буки-аз! Буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

Но учитель мне сказал:
«Ты глупей ребенка сам:
Ты героя осмеял,
Страшного врагам.
Он за греков мстил — пред ним
Трепетал султан,
И упал, сожжен живым,
Вражий капитан».
Дружно. дети! все зараз:
Буки-аз! Буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

«Гордость края моего —
Он Канари — да!
В мире встретили его
Горе и нужда;
Он, умея побеждать,
Сел букварь учить,

Всё затем, чтобы опять
Греции служить!»
Дружно, дети! все зараз:
Буки-аз! Буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

Весь зардевшись, в стороне
Я в смущении стоял;
Но герой сжал руку мне,
Слово мне сказал. . .
Мне слышался завет
Бога самого:
«Знание — вольность, знание — свет;
Рабство без него!»
Дружно, дети! все зараз:
Буки-аз! Буки-аз!
Счастье в грамоте для вас.

<1858>

МОЯ ВЕСЕЛОСТЬ

Моя веселость улетела!
О, кто беглянку возвратит
Моей душе осиротелой —
Господь того благословит!
Старик, неверною забытый,
Сижу в пустынном уголке
Один — и дверь моя открыта
Бродящей по свету тоске. . .
Зовите беглую домой,
Зовите песни петь со мной!

Она бы, резвая, ходила
За стариком, и в смертный час
Она глаза бы мне закрыла:
Я просветлел бы — и угас!
Ее приметы всем известны;
За взгляд ее, когда б я мог,
Я б отдал славы луч небесный. . .
Ко мне ее, в мой уголок!
Зовите беглую домой,
Зовите песни петь со мной!

Ее припевы были новы,
Смиряли горе и вражду;
Их узник пел, забыв оковы,
Их пел бедняк, забыв нужду.
Она, моря переплывая,
Всегда свободна и смела,

Далеко от родного края
Надежду ссыльному несла.
Зовите беглую домой,
Зовите песни петь со мной!

«Зачем хотите мрак сомнений
Внушать доверчивым сердцам?
Служить добру обязан гений, —
Она советует певцам. —
Он как маяк, среди бурь манящий
Ветрила зорких кораблей;
Я червячок, в ночи блестящий,
Но эта ночь при мне светлей».
Зовите беглую домой,
Зовите песни петь со мной!

Она богатства презирала
И, оживляя круг друзей,
Порой лукаво рассуждала,
Порой смеялась без затей.
Мы ей беспечно предавались,
До слез смеялись всем кружком.
Умчался смех — в глазах остались
Одни лишь слезы о былом. . .
Зовите беглую домой,
Зовите песни петь со мной!

Она восторг и страсти пламя
В сердцах вселяла молодых;
Безумцы были между нами,
Но не было меж нами злых.
Педанты к резвой были строги.
Бывало, взгляд ее один —
И мысль сверкнет без важной тоги
И мудрость взглянет без морщин. . .
Зовите беглую домой,
Зовите песни петь со мной!

«Но мы, мы, славу изгоняя,
Богов из золота творим!»
Тебя, веселость, призывая,
Я не хочу поверить злым.

Без твоего живого взгляда
Немееет голос... ум бежит...
И догоревшая лампада
В могильном сумраке дрожит...
Зовите беглую домой,
Зовите песни петь со мной!

<1858>

ПРОЩАНИЕ

Мудрость, вещая Сивилла,
Уж не раз мне говорила:
Старику пора домой;
Вот твой посох, понемногу
Собирайся в путь-дорогу,
Песнь последнюю пропой;
И, простившись с белым светом,
Уходи к своим лизетам
На свиданье в край иной.

Чокнемся звучней
Чашами прощанья!
Лиза, веселей!
Братья, до свиданья!
И — пошел живей!

Мудрость снова шепчет строго:
Шестьдесят лет слишком много;
Рассчитаться срок настал.
Небо в тучах почернело,
Солнце жизни тихо село —
Здесь последний твой привал.
Шаг нетвердый увлеченья —
И смотри, чтоб без движенья
На постель ты не упал.

Чокнемся звучней
Чашами прощанья!

Лиза, веселей!
Братья, до свиданья!
И — пошел живей!

Я спокоен, умирая:
Мир — квартира дорогая.
Мой укромный уголок, —
Как он ни был мал и тесен,
Я купил ценою песен
И расплачивался в срок;
Жатвы сняв в полях и нивах,
Я из грез своих счастливых
Не один им сплел венки.

Чокнемся звучней
Чашами прощанья!
Лиза, веселей!
Братья, до свиданья!
И — пошел живей!

Из всего, чем сердце жило,
Память сердца сохранила
Только милые черты,
Нежный взор, да смех лукавый. . .
Нет, действительнее славы
Обаянье красоты!
На одре моих страданий
Тени милых мне созданий
Будят светлые мечты.

Чокнемся звучней
Чашами прощанья!
Лиза, веселей!
Братья, до свиданья!
И — пошел живей!

Что в лазури мне прозрачной?
Что в пучине этой мрачной,
Что волной о скалы бьет?
В сердце смолк ответ движенью.
Всё — иному поколенью,
Всё — для юности цветет!

А для живших наши лета
Эта грязная планета
Только кровью отдает.

Чокнемся звучней
Чашами прощанья!
Лиза, веселей!
Братья, до свиданья!
И — пошел живей!

Не горюй, друзья, прощаясь;
Небо падает, склоняясь
Над моею головой,
И уж ясно видеть стало,
Что наличных слишком мало
Кошелек содержит мой.
Но я полон упованья
Повторить вам: «до свиданья»,
Миновав предел земной.

Чокнемся звучней
Чашами прощанья!
Лиза, веселей!
Братья, до свиданья!
И — пошел живей!

<1858>

ПОРОКИ

Старик шестидесяти лет
Царь над мятежными страстями,
Но мне милей весенний цвет
С его роскошными цепями.
О, если б мне в мой уголок
Хотя б какой-нибудь порок!

Мне эти цепи не чужды;
Спасибо им — в дни увлеченья
Я вырвал из когтей нужды
Минуты счастья и забвенья.
О, если б мне в мой уголок
Хотя б какой-нибудь порок!

В золотые дни счастливых снов
Нас юность к небу устремляла —
В обмане чувственном пиров
Или на крыльях идеала.
О, если б мне в мой уголок
Хотя б какой-нибудь порок!

Права у старости свои;
Теперь на пиршестве с друзьями
На призыв резвого аи
Не отзываюсь я стихами.
О, если б мне в мой уголок
Хотя б какой-нибудь порок!

Гризеток в танцах огневых
Вся прелесть для меня поблѣкла;
Я не протру, чтоб видеть их,
Своих очков немые стекла.
О, если б мне в мой уголок
Хотя б какой-нибудь порок!

Мой смех запальчив был — и вот
Пора приходит исправляться...
Над миром плакать должен тот,
Кто уж колеблется смеяться.
О, если б мне в мой уголок
Хотя б какой-нибудь порок!

Лукавый грех счастливых дней:
Что слава в блеске нестерпимом
Мне повелит идти за ней —
А я скажу: ступайте мимо!
О, если б мне в мой уголок
Хотя б какой-нибудь порок!

Рок добродетелей цветы
Во мне взрастил, но тем же роком
У старца ноги отняты,
Чтобы вернуться за пороком.
О, если б мне в мой уголок
Хотя б какой-нибудь порок.

<1858>

ГУСАР

«Лиза, выйдем за ворота!
Выходи скорей, сестра!
Посмотри: гусаров рота,
Трубы, сабли, кивера!
Всё красавцы — да какие!
Сколько слез, поди, об них. . .
Нет, мы, девушки простые,
Не найдем мужей таких».

Вышла девушка-красотка —
Подлетел гусар лихой.
«Вот, товарищи, находка,
Вот цветочек полевой!
Сердце выдержать не может;
Через год на ней женюсь,
Если пуля не уложит,
Или в плен не попадусь».

Слово, вырвавшись, забылось,
Чуть деревня назади. . .
Лиза слышала — забилося
Сердце в девичьей груди.
Сон летит от глаз влюбленной,
И все ночи напролет
Целый год перед иконой
Лиза молится — и ждет.

Срок настал — заря сверкает,
Глазки девушки горят,

Сердце бьется, надевает
Лиза праздничный наряд,
Лиза ждет — не он ли скачет —
Лиза слушает... дрожит...
Полночь било. — Лиза плачет...
«Бедный, умер!» — говорит.

<1858>

РОЗАН

Ты в вазе хрустальной — ты в роскошь попал!
Мне жаль тебя, розан душистый.
Богатый, огнями сверкающий зал
Исполнен заразы нечистой.
В нем ладан клевет и продажных похвал
Чернит твой венец серебристый.
Мне жаль тебя, розан душистый!

От почвы родимой отторгнут и смят,
Ты золотом куплен всевластным.
Тщеславия жертва — весны аромат,
С расцветом, как молодость, ясным.
Служи богачу, как кумиру кадят
Жрецы величаньем согласным.
Ты золотом куплен всевластным!

При радужном блеске несметных огней
Увянешь ты, солнца лишенный.
Отживший богач довременных смертей
Не видит душой утомленной. . .
Бедняжка, красую поблекшей твоей
Не тронется взор его сонный —
Увянешь ты, солнца лишенный!

С толпою безличной поэт молодой
В волшебном, сверкающем зале
Прошел, благородной склонясь головой
Пред силой, сокрытой в металле.

И в гордой душе безобразной мечтой
Корысть и стяжание встали
В волшебном, сверкающем зале.

Его, как тебя, отравил этот яд.
Пошли, господь, солнца им снова!
Им воздуха нет, стены давят, теснят...
Спаси от нечестья мирского
Весенний расцвет и провидящий взгляд
С венцом из могучего слова, —
Дай, боже, им солнышка снова!

<1858>

БЕГОМ

Страсть — сильнее!
Мысль — быстрее!
Всё бежит, бежит кругом
Без оглядки —
О, как кратки
Наслаждения во всем!
Страсть — сильнее!
Мысль — быстрее!
И — бегом, бегом, бегом!

Рысью с самого рассвета!
Чтоб с утра пропал и след.
Нет для мудрости ответа,
Для любви — пощады нет!
Наши призраки, мечтанья
Оседлаем и на них,
Дети, вечность мирозданья
Схватим всю в единый миг.

Страсть — сильнее!
Мысль — быстрее!
Всё бежит, бежит кругом
Без оглядки —
О, как кратки
Наслаждения во всем!
Страсть — сильнее!
Мысль — быстрее!
И — бегом, бегом, бегом!

Исчезающее племя!
Книгу, формулу — для вас
Всё обдумать было время,
Даже счастья светлый час.
И спокойно, по два века,
Не осмелившись роптать,
Возрожденья человека
Вы готовы были ждать.

Страсть — сильнее!
Мысль — быстрее!
Всё бежит, бежит кругом
Без оглядки —
О, как кратки
Наслаждения во всем!
Страсть — сильнее!
Мысль — быстрее!
И — бегом, бегом, бегом!

Бог, в большом куске обрезав,
Дни по росту нам пригнал.
Берегися! Случай резов:
Чтоб еще не подровнял!
Плод срывай еще зеленый,
Розу в почке рви с ветвей
И усядься, утомленный —
Лишь для смены лошадей.

Страсть — сильнее!
Мысль — быстрее!
Всё бежит, бежит кругом
Без оглядки —
О, как кратки
Наслаждения во всем!
Страсть — сильнее!
Мысль — быстрее!
И — бегом, бегом, бегом!

Век с нуждою, да с заботой.
С искушеньями борьба...
Дай мне золота! «Работай», —
Отвечает мне судьба.

Хорошо. В труде свобода —
И условие вперед:
Чтоб нажиться — дай полгода;
Чтоб прожить — давай мне год.

Страсть — сильнее!
Мысль — быстрее!
Всё бежит, бежит кругом
Без оглядки —
О, как кратки
Наслаждения во всем!
Страсть — сильнее!
Мысль — быстрее!
И — бегом, бегом, бегом!

Из любви я создал бога.
«Жди!» — красавицы ответ.
Много? «Месяц». Месяц — много.
«Стой! — другая мне вослед. —
Я люблю; нас свет осудит,
Но уверена ли я,
Что последнею не будет
Ласка первая моя?»

Страсть — сильнее!
Мысль — быстрее!
Всё бежит, бежит кругом
Без оглядки —
О, как кратки
Наслаждения во всем!
Страсть — сильнее!
Мысль — быстрее!
И — бегом, бегом, бегом!

Слава удочку кидала
Мне дорогою; но с ней
Дум, труда, забот немало...
Песня проще и вольней.
Что мне в славе? Над костями
Надпись вырежут — да так
И сотрется под ногами
У бессмысленных зевак.

Страсть — сильнее!
Мысль — быстрее!
Всё бежит, бежит кругом
Без оглядки —
О, как кратки
Наслаждения во всем!
Страсть — сильнее!
Мысль — быстрее!
И — бегом, бегом, бегом!

Крупной рысью всё несется
До тех пор, пока лицом
На хаос не натолкнется
Мир, пустившийся бегом.
Так бегом, друзья, беспечно,
Сто раз в день, не тратя слов,
От Любви всё к Мысли вечной
И к Любви от Мысли вновь!

Страсть — сильнее!
Мысль — быстрее!
Всё бежит, бежит кругом
Без оглядки —
О, как кратки
Наслаждения во всем!
Страсть — сильнее!
Мысль — быстрее!
И — бегом, бегом, бегом!

<1858>

〈ДОКТОР И ЕГО БОЛЬНЫЕ〉

Друзья мои, напьемте бокалы —
И первый пусть в честь доктора бокал;
Я не забыл, как он меня, бывало,
От ран любви по-братски починял.
Да он, никак, уходит? Он бедовый:
Здесь у него больной недалеко. . .
Да ну его! Пускай пьет жир тресковый. . .
А с нами пей холодное клико!

Друзья мои, мы выпьем за здоровье
Лечебницы сверхштатного врача.
Но вот толпа истерзанных любовью
Стучится к нам, зубами скрежеща:
Чиновники, студенты, офицеры. . .
Тебе от них отделаться легко
Декоктами — сим нектаром Венеры;
А с нами пей холодное клико!

Еще беда: он акушер отличный!
Вот барышня, зардевшись от стыда,
С округлостью немного неприличной,
Запретного вкусившая плода,
Закрыв лицо, с ним шепчется, робея. . .
Здесь бабушка живет недалеко —
Пусть к ней идет. Там общество скромнее —
А с нами пей холодное клико!

Нам не до вас, больные, подождите!
Мы с доктором засели пировать.

Пришла к вам смерть, — так мрите, мрите,
мрите!

Мы можем к вам священника прислать,

А в докторе нуждаемся мы сами.

Дай бог ему всю жизнь прожить легко,

И практики побольше, чтобы с нами

Почаще пить холодное клико.

1858

СВЕРЧОК

В уголку, у камелька,
Где мечтаю я бесплодно,
Друг домашний, пой свободно
Под напевы старика.
 Друг-сверчок, в углу, вдвоем,
 Позабудем обо всем.

Одинаков наш удел:
Над тобой трунят ребята;
Я работника, солдата
Услаждал, когда я пел.
 Друг-сверчок, в углу, вдвоем,
 Позабудем обо всем.

Но боюсь, не дух ли злой
Скрыт в тебе, мой друг домашний,
Чтоб остаток старых шашней
Подсмотреть под сединой?
 Друг-сверчок, в углу, вдвоем,
 Позабудем обо всем.

Или феей с облаков
Ты подослан с повеленьем
Разузнать, каким стремленьем
Бьется сердце стариков?
 Друг-сверчок, в углу, вдвоем,
 Позабудем обо всем.

Или скрыт в моем сверчке
Бедный труженик, который
Дымом славы тешил взоры —
И погиб на чердаке?
Друг-сверчок, в углу, вдвоем,
Позабудем обо всем.

Всем, тщеславию влекомым,
Нужен он, хвалебный чад. . .
Боже! дай им что хотят —
Славы бедным насекомым. . .
Друг-сверчок, в углу, вдвоем,
Позабудем обо всем.

Цель страданий, цель трудов!
Мудрый — выше цели этой.
Счастлив тот, кто спас от света
Веру, песни и любовь.
Друг-сверчок, в углу, вдвоем,
Позабудем обо всем.

Славу зависть сторожит
И — война любимцам славы!
В мире тесно; люди правы:
Каждый местом дорожит.
Друг-сверчок, в углу, вдвоем,
Позабудем обо всем.

Пусть тревожный дух уймет
Эта истина простая:
Знаменитость, вырастая,
Независимость гнетет.
Друг-сверчок, в углу, вдвоем,
Позабудем обо всем.

Будем песни петь свои —
Ты за печкой, я на стуле, —
И дай бог, чтоб мы уснули
Позабываемые людьми.
Друг-сверчок, в углу, вдвоем,
Позабудем обо всем.

НЕТ БОЛЬШЕ ПЕСЕН

Нет больше песен — нет! К чему стремленье?
От старика искусство прочь бежит.
У новичка моложе вдохновенье,
И бойкий стих он ловче закруглит.
Когда с душой своей пред небесами
Я говорю один в тиши лесов,
Мне вторит эхо прозой, не стихами —
Бог не дает мне более стихов.

Бог не дает! Как осенью суровой
Поселянин в свой темный сад придет
И дерево сто раз осмотрит снова:
Авось на нем висит забытый плод;
Так я ищу, так я тревожусь ныне —
Но дерево мертво от холодов. . .
О, скольких нет плодов в моей корзине!
Бог не дает мне более стихов.

Бог не дает! Но всё в душе тревога;
Тебя, народ, запуганный в борьбе,
Поднять хочу и слышу голос бога:
Народ, проснись! Венец готов тебе.
Когда ж, в душе почувствовав отвагу,
Я петь хочу — и, сбросив гнет годов,
Народ-дофин! вести тебя ко благу —
Бог не дает мне более стихов.

<1858>

ЯМЩИК

Наша дорога земная всего
Длится немного минут;
Старый ямщик не зевает; его
Временем люди зовут.
Тот же всё крик и в тележке простой,
И в колеснице, блестящей обманом:
Стой, ямщик, стой! Останавливай, стой!
Здесь отдохнем за стаканом.

Нашей мольбой не смягчить старика:
Видит и слезы и смех,
Да и хохочет над нами, пока
Не опрокинет нас всех,
Всех, вместе с нашею бедной землей,
И первобытным застелет туманом.
Стой, ямщик, стой! Останавливай, стой!
Здесь отдохнем за стаканом.

Камни бросают безумные в нас,
Глупость сдружившие с злом.
Лучше свернуть бы. . . Да завтра, как раз,
Вдвое их будет числом.
Я — могу завтра проснуться с сумой,
Окаменеть золотым истуканом. . .
Стой, ямщик, стой! Останавливай, стой!
Здесь отдохнем за стаканом.

Станция, что ли? Уж вот шестьдесят
Третья с одним ямщиком.
Не утомляются лошади, мчат,
Мчат под могучим бичом.
Я уж взбираюсь тропинкой крутой. . .
Где вы, друзья? Не видать за туманом. . .
Стой, ямщик, стой! Останавливай, стой!
Здесь отдохнем за стаканом.

Я на вершине один. . . приутих. . .
Гонит могучая тень.
Выхватим бич роковой хоть на миг,
Счастливы будем хоть день!
Вечный припев повторяйте за мной,
Чтобы веселость осталась верна нам:
Стой, ямщик, стой! Останавливай, стой!
Здесь отдохнем за стаканом.

<1858>

ПРОСТИ!

Час близок. Франция, прости. Я умираю.
Возлюбленная мать, прости. Как звук святой,
Сберег до гроба я привет родному краю.
О! Мог ли так, как я, тебя любить другой?
Тебя в младенчестве я пел, читать не зная,
И, видя смерти серп над головой почти,
Я, в песне о тебе дыханье испуская,
Слезы, одной твоей слезы прошу. Прости!

Когда стонала ты в руках иноплеменных,
Под колесницами надменных королей,
Я рвал знамена их для ран твоих священных,
Чтоб боль твою унять, я расточал елей.
В твоем падении заря зажглась — и время
Благословения племен должно придти,
Затем что брошено твоею мыслью семя
Для жатвы равенства грядущего. Прости!

Я вижу уж себя зарытого, в гробнице.
Кого любил я здесь, о! будь защитой их,
Отчизна, вот твой долг пред бедной голубицей,
Не тронувшей зерна на пажитях твоих!
Чтобы к сынам твоим с мольбой дошел мой
пламень —

Удерживая смерть на пройденном пути,
Своей гробницы я приподымаю камень.
Рука изнемогла. Он падает. Прости!

<1858>

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

«Проживешься, смотри!» — старый дядя
Повторять мне готов целый век.
Как смеюсь я, на дядюшку глядя!
Положительный я человек.
Я истратить всего
Не сумею —
Так как я ничего
Не имею.

«Проложи себе в свете дорогу. . .»
Думал тоже — да вышло не впрок;
Чище совесть, зато, слава богу,
Чище совести мой кошелек.
Я истратить всего
Не сумею —
Так как я ничего
Не имею.

Ведь в тарелке одной гастронома
Капитал его предков сидит;
Мне — прислуга в трактире знакома:
Сыт и пьян постоянно в кредит.
Я истратить всего
Не сумею —
Так как я ничего
Не имею.

Как подумаешь — золота сколько
Оставляет на карте игрок!
Я играю не хуже — да только
Там, где можно играть на мелок.
Я истратить всего
Не сумею —
Так как я ничего
Не имею.

На красавиц с искусственным жаром
Богачи разоряются в прах;
Лиза даром счастливит — и даром
Оставляет меня в дураках.
Я истратить всего
Не сумею —
Так как я ничего
Не имею.

<1858>

МАРКИЗ ДЕ КАРАБА

Из чужбины дальней
В замок феодальный
Едет — трюх-трюх-трюх —
На кобылке сивой
Наш маркиз спесивый,
Наш отец и друг.
Машет саблей длинной,
Но в крови невинной. . .
Вот какой храбрец!
Ой, бедовый, право!
Честь тебе и слава —
Ах ты наш отец!

Слушать, поселяне!
К вам — невеждам, дряни
Сам держу я речь!
Я — опора трона;
Царству оборона
Мой дворянский меч.
Гнев мой возгорится —
И король смирится!
Вот какой храбрец!
Ой, бедовый, право!
Честь тебе и слава —
Ах ты наш отец!

Говорят, бездельник
Слух пустил, что мельник
Жизнь мне подарил.

Я зажму вам глотки!
Сам Пипин Короткий
Нашим предком был.
Отыщу в законе —
Сяду сам на троне. . .
Вот какой храбрец!
Ой, бедовый, право!
Честь тебе и слава —
Ах ты наш отец!

Я, как за стеною,
За своей женою
При дворе силен.
Сын достигнет быстро
Звания министра;
Младший. . . тот хмелен. . .
Трусават. . . глупенек. . .
Но жена даст денег.
Вот какой храбрец!
Ой, бедовый, право!
Честь тебе и слава —
Ах ты наш отец!

Не люблю стесненья!
Подати с имения —
Знать их не хочу!
Облечен дворянством,
Государству чванством
Я свой долг плачу.
Местное начальство
Усмирит нахальство. . .
Вот какой храбрец!
Ой, бедовый, право!
Честь тебе и слава —
Ах ты наш отец!

А! Другое дело:
Чернь — топчите смело,
Но делиться — чур!
Нам одним охота
И цветки почета
Деревенских дур.

Свято и едино
Право господина.
Вот какой храбрец!
Ой, бедовый, право!
Чсть тебе и слава —
Ах ты наш отец!

Кресло в божьем храме
Перед алтарями
Выставляйте мне.
Мне — почет и слава,
Чтоб дворянства право,
Свято и вполне,
В этом блеске громком
Перешло к потомкам.
Вот какой храбрец!
Ой, бедовый, право!
Чсть тебе и слава —
Ах ты наш отец!

<1858>

АНЮТА

Куклы, ждущие мужей,
Строгих маменек малютки,
Ох! далеко вам до ней —
До Анюты, до Анютки!

Взгляд ее бросает в дрожь!
Молода, полна, румяна;
Свежесть щек, упругость стана —
Светским дамам острый нож!
Упрекать, что юной силой
Слишком груди подняло! —
Да ведь это мне и мило
И с ума меня свело.

Куклы, ждущие мужей,
Строгих маменек малютки,
Ох! далеко вам до ней —
До Анюты, до Анютки!

Сердце просто, как наряд:
Нет ни бархату, ни шелку,
Ни кокетства. . . Без умолку
Всё болтает зауряд,
Всё хохочет. Что робеть ей!
Ничему не учена,
Но умней другой и третьей
Из воспитанных она.

Куклы, ждущие мужей,
Строгих маменек малютки,
Ох! далеко вам до ней —
До Анюты, до Анютки!

А со мной-то за столом!
Говорит слова свободы
Верным голосом природы,
Чистой правды языком.
Без ужимок старой девы —
Черта чертом и зовет;
Знает лучшие припевы;
Пьет, как я. — все вина пьет!

Куклы, ждущие мужей,
Строгих маменек малютки,
Ох! далеко вам до ней —
До Анюты, до Анютки!

Сердце просто, как наряд:
Нет ни бархату, ни шелку;
И без них сбивает с толку
Звонкий смех и смелый взгляд.
И без них ее объятья
Отуманят хоть кого. . .
Ну, а ситцевые платья
Мни как хочешь, — ничего!

Куклы, ждущие мужей,
Строгих маменек малютки,
Ох! далеко вам до ней —
До Анюты, до Анютки!

Ночью — ночь один покров:
Обовьет двумя руками,
И горячими устами,
Не вздохнув, не тратя слов,
Кровь зажжет, с лица отклонит
Черных кос густую прядь —
И, надломленная, стонет
Двадцать раз ее кровать.

Куклы, ждущие мужей,
Строгих маменек малютки,
Ох! далеко вам до ней —
До Анюты, до Анютки!

<1859>

СЛАВА БОГУ — Я ЖИВ И ЗДОРОВ

Когда ко мне скука ползет, как змея,
Справляйте поминки: я умер, друзья!
Когда ж наслажденье сойдет с облаков
И манит венком благодатных даров —

Слава богу — я жив и здоров!
Слава богу — я жив и здоров!

Пусть скряга звонит своим золотом — я...
Справляйте поминки: я умер, друзья!
Для звона стаканов, в тумане паров,
С хорошим вином всех возможных сортов —

Слава богу — я жив и здоров!
Слава богу — я жив и здоров!

Когда мне попалась педанта статья —
Справляйте поминки: я умер, друзья!
Когда же при мне, без напыщенных слов,
Читают строфу задушевных стихов —

Слава богу — я жив и здоров!
Слава богу — я жив и здоров!

На званом обеде, где графы, князья...
Справляйте поминки: я умер, друзья!
В пирушке с друзьями старинных годов,
В чинах небольших и совсем без чинов —

Слава богу — я жив и здоров!
Слава богу — я жив и здоров!

Когда от ханжей дремлет мудрость моя,
Справляйте поминки: я умер, друзья!
Но если усну, среди буйных голов,
На милых мне персях — от Вакха даров —

Слава богу — я жив и здоров!
Слава богу — я жив и здоров!

Про битвы и драки услышу ли я —
Справляйте поминки: я умер, друзья!
Но с Лизой вдвоем, не считая часов,
До утренних с нею играть петухов —

Слава богу — я жив и здоров!
Слава богу — я жив и здоров!

Угасну для песен, любви и питья,
Справляйте поминки: я умер, друзья!
Но с милой, с друзьями, в тумане паров,
Покуда для песен есть несколько слов —

Слава богу — я жив и здоров!
Слава богу — я жив и здоров!

<1859>

ЦВАН ДА МАРЬЯ .

Выпьем да выпьем — чок, чок, чок!
Ваня — ни свет ни заря — в кабачок.
Дома голубка ждет голубка —
Знатно нагреет бока!

Как поженились — всё живут розно,
Бедная Маша в тоске:
Скучно одной сидеть поздно,
Ваня с утра в кабаке —
Хоть охмелеет, но, помня жену,
Всё поет песню одну:

Выпьем да выпьем — чок, чок, чок!
Ваня — ни свет ни заря — в кабачок.
Дома голубка ждет голубка —
Знатно нагреет бока!

Ваня смекает: жена молодая,
Любит меня — подождет;
Маша, его проклиная,
Кошку с отчаянья бьет:
Целую ночь промяукать готов
Хор сладострастных котов.

Выпьем да выпьем — чок, чок, чок!
Ваня — ни свет ни заря — в кабачок.
Дома голубка ждет голубка —
Знатно нагреет бока!

Пить и гулять он готов до рассвета:
Песни поет — а жена,
В кофточке, полуодета,
Спать собираясь одна,
Плачет — и в зеркало смотрит с тоской,
Пьян теперь, думает, мой . .

Выпьем да выпьем — чок, чок, чок!
Ваня — ни свет ни заря — в кабачок.
Дома голубка ждет голубка́ —
Знатно нагреет бока!

Ночью сосед постучался к соседке:
«Нет ли, соседка, огня?»
Птичка забила в клетке:
«Ах! испугали меня. . .»
Что там зажглось, я не ведаю — но. . .
В комнате стало темно. . .

Выпьем да выпьем — чок, чок, чок!
Ваня — ни свет ни заря — в кабачок.
Дома голубка ждет голубка́ —
Знатно нагреет бока!

Кофточку, чепчик ночной поправляя,
Плачет бедняжка опять:
«Вот моя доля какая!
Мужа всю ночь ожидать.
Днем беспокоюсь и ночи не сплю —
Истинно, значит, люблю».

Выпьем да выпьем — чок, чок, чок!
Ваня — ни свет ни заря — в кабачок.
Дома голубка ждет голубка́ —
• Знатно нагреет бока!

С милым до завтра расставшись уныло. . .
Строго гуляку жена
Встретила, больно прибила. . .
Но, хоть болела спина, —
Видел он верность — а с верной женой
Пей без просыпу и пой:

Выпьем да выпьем — чок, чок, чок!
Ваня — ни свет ни заря — в кабачок.
Дома голубка ждет голубка —
Знатно нагреет бока!

<1859>

ДУРНОЕ ВИНО

Будь благословенно, скверное вино!
Не опасно вовсе для меня оно.
Пусть льстецы, съедая даровой обед,
Восхваляют громко тонкий твой букет;
Будь благословенно: я тебя не пью —
Лишь цветы тарелки я тобой полью.
Будь благословенно, скверное вино!
Нашему здоровью не вредит оно:

Потому что, знаю — как начну я пить.
Я могу советы доктора забыть,
Доктора, который говорит — не пей!
Время миновало, — говорит, — затей.
Можешь петь стихами Вакха торжество,
Но, как жрец, не зная, славит божество.
Будь благословенно, скверное вино!
Постоянству страсти не вредит оно:

Потому что, знаю — охмелев чуть-чуть,
Отыщу к соседке заповедный путь,
А уж там, известно, не уйдешь, пока
Не лишишься вовсе чувств и кошелька...
А хозяйка Лиза, как итог сведет,
Видимый упадок поутру найдет...
Будь благословенно, скверное вино!
Нашему сознанию не вредит оно:

Потому что, знаю — ум воспламенив,
Ты возбудишь разом стихотворный взрыв;

А хмельной слагает песни без труда —
Да такие песни, что за них — беда!
С песенкой такую на кого найду!
Отрезвлюсь — да поздно! уж попал в беду. . .
Будь благословенно, скверное вино!
Нашему веселью не вредит оно:

Потому что в клетке вовсе не смешно. . .
Будь благословенно. . . Где ж, друзья, вино?
Вместо этой дряни — весело, легко
Рвется из бутылки резвое клико.
Ну, уж будь что будет — наливай, друзья!
Наливай, не бойся — уж не трушу я,
Наливай полнее — мне уж всё равно. . .
Будь благословенно, доброе вино!

<1859>

ФОРТУНА

Тук! тук! Кто в гости к нам?
Тук! тук! Мы Лизу ждем.
Тук! тук! Фортуна там?
Тук! тук! Не отопрем.

Вином сверкают чаши;
Пирушка впереди —
Бегут девчонки наши. . .
Фортуна, проходи!

Тук! тук! Кто в гости к нам?
Тук! тук! Мы Лизу ждем.
Тук! тук! Фортуна там?
Тук! тук! Не отопрем.

Послушать бабьи сказки —
Как раз озолотит!
У нас есть милых глазки
И в погребе кредит.

Тук! тук! Кто в гости к нам?
Тук! тук! Мы Лизу ждем.
Тук! тук! Фортуна там?
Тук! тук! Не отопрем.

Рубинов нам не нужно,
Нам мантий не носить:
Мы здесь уселись дружно
В одних рубашках пить.

Тук! тук! Кто в гости к нам?
Тук! тук! Мы Лизу ждем.
Тук! тук! Фортуна там?
Тук! тук! Не отопрем.

Морочит громкой славой —
Прочь, школьная мечта!
Над лаврами отравой
Дымится клевета.

Тук! тук! Кто в гости к нам?
Тук! тук! Мы Лизу ждем.
Тук! тук! Фортуна там?
Тук! тук! Не отопрем.

Других обманешь этим!
Соседи уж бегут —
А мы и здесь заметим.
Как сверху упадут.

Тук! тук! Кто в гости к нам?
Тук! тук! Мы Лизу ждем.
Тук! тук! Фортуна там?
Тук! тук! Не отопрем.

Столпились; ждут, как дети,
Щедрот руки твоей. . .
Прочь! Нас девчонки эти
Обманут веселей.

Тук! тук! Кто в гости к нам?
Тук! тук! Мы Лизу ждем.
Тук! тук! Фортуна там?
Тук! тук! Не отопрем.

ВРЕМЯ

С милою сидя, себя я считал
Равным в блаженстве с богами,
Вдруг — слышим тяжко-звучащий металл...
Смотрим — Сатурн перед нами.
Спрятав лицо у меня на груди,
Всё побледневшее вмиг,
Милая вскрикнула: «Сжался, старик!
Нашу любовь пощади!»

След его ног был отмечен кругом
Пылью минувших столетий;
Перед изрытым веками челом
Мы присмирели, как дети,
Смутно почуя беду впереди;
В сердце нам холод проник...
Милая вскрикнула: «Сжался, старик!
Нашу любовь пощади!»

— «Я ничего на земле не щажу,
К небу пощады не знаю;
Вечный старик, я свой путь прохожу.
Смерть за собой оставляю.
Где ваши дни, ваши годы? Гляди:
Всё ваше прошлое — миг!»
Милая вскрикнула: «Сжался, старик!
Нашу любовь пощади!»

— «Кости народов, в далеких веках
В ваших сказаньях гремевших,
В общей могиле покрыл уже прах
Новых народов истлевших.
Вечною тьмою я в звезды, среди
Круговращения, проник. . .»
Милая вскрикнула: «Сжался, старик!
Нашу любовь пощади!»

— «Но наслажденье — защита людей:
Зреют всё новые всходы
И разрастается выше, пышней
Мощное древо природы.
Солнце живет, освежают дожди,
Смерти чуть слышится клик. . .»
Милая вскрикнула: «Сжался, старик!
Нашу любовь пощади!»

Старец исчез и готовы, резвясь,
С ним улететь наслажденья
И, улетаю, баюкают нас
В сладкой дремоте забвенья;
Но сердце бьется и хочет любить —
Жив я, покуда люблю, —
И старика вместе с милой молю
Нашу любовь пощадить.

<1860>

ГОСПОДИН ИСКАРИОТОВ

Господин Искариотов —
Добродушнейший чудак:
Патриот из патриотов,
Добрый малый, весельчак,
Расстилается, как кошка,
Выгибается, как змей. . .
Отчего ж таких людей
Мы чуждаемся немножко?
И коробит нас, чуть-чуть
Господин Искариотов,
Патриот из патриотов —
Подвернется где-нибудь?

Чтец усердный всех журналов,
Он способен и готов
Самых рьяных либералов
Напугать потоком слов.
Вскрикнет громко: «Гласность! гласность!
Проводник святых идей!»
Но кто ведает людей,
Шепчет, чувствуя опасность:
Тише, тише, господа!
Господин Искариотов,
Патриот из патриотов —
Приближается сюда.

Без порывистых ухваток,
Без сжиманья кулаков
О всеобщем зле от взяток
Он не вымолвит двух слов.

Но с подобными речами
Чуть он в комнату ногой —
Разговор друзей прямой
Прекращается словами:
Тише, тише, господа!
Господин Искарриотов,
Патриот из патриотов —
Приближается сюда.

Он поборник просвещения;
Он бы, кажется, пошел
Слушать лекции и чтенья
Всех возможных видов школ:
«Хлеб, мол, нужен нам духовный!»
Но заметим мы его —
Тотчас все до одного,
Сговорившиеся ровно:
Тише, тише, господа!
Господин Искарриотов,
Патриот из патриотов —
Приближается сюда.

Чуть с женой у вас неладно,
Чуть с детьми у вас разлад —
Он уж слушает вас жадно,
Замечает каждый взгляд.
Очень милым в нашем быте
Он является лицом,
Но едва вошел в ваш дом,
Вы невольно говорите:
Тише, тише, господа!
Господин Искарриотов,
Патриот из патриотов —
Приближается сюда.

БЕЗУМЦЫ

Оловянных солдатиков строим
По шнурочку равняемся мы.
Чуть из ряда выходят умы:
«Смерть безумцам!» — мы яростно воем,
Поднимаем бессмысленный рев,
Мы преследуем их, убиваем —
И статуи потом воздвигаем,
Человечества славу прозрев.

Ждет Идея, как чистая дева,
Кто возложит невесте венец.
«Прячься», — робко ей шепчет мудрец,
А глупцы уж трепещут от гнева.
Но безумец-жених к ней грядет
По полуночи, духом свободный,
И союз их — свой плод первородный —
Человечеству счастье дает.

Сен-Симон всё свое достоянье
Сокровенной мечте посвятил.
Стариком он поддержки просил,
Чтобы общества дряхлое зданье
На основах иных возвести, —
И угас одинокий, забытый,
Сознавая, что путь, им открытый,
Человечество мог бы спасти.

«Подыми свою голову смело! —
Звал к народу Фурье. — Разделись
На фаланги и дружно трудись
В общем круге, для общего дела.
Обновленная вся, брачный пир
Отпирует земля с небесами, —
И та сила, что движет мирами,
Человечеству даст вечный мир».

Равноправность в общественном строе
Анфантэнь слабой женщине дал.
Нам смешон и его идеал.
Это были безумцы — все трое!
Господа! Если к правде святой
Мир дороги найти не умеет —
Честь безумцу, который навест
Человечеству сон золотой!

По безумным блуждая дорогам,
Нам безумец открыл Новый свет;
Нам безумец дал Новый завет —
Ибо этот безумец был богом.
Если б завтра земли нашей путь
Осветить наше солнце забыло —
Завтра ж целый бы мир осветила
Мысль безумца какого-нибудь!

<1862>

ПТИЦЫ

Зима, как в саван, облекла
Весь край наш в белую равнину
И птиц свободных на чужбину
Любовь и песни унесла.
Но и в чужом краю мечтою
Они летят к родным полям:
Зима их выгнала, но к нам
Они воротятся весною.

Им лучше в дальних небесах;
Но нам без них свод неба тесен:
Нам только эхо вольных песен
Осталось в избах и дворцах.
Их песни звучною волною
Плывут к далеким берегам;
Зима их выгнала, но к нам
Они воротятся весною.

Нам, птицам стороны глухой,
На их полет глядеть завидно. . .
Нам трудно петь — так много видно
Громовых туч над головой!
Блажен, кто мог в борьбе с грозой
Отдаться вольным парусам. . .
Зима их выгнала, но к нам
Они воротятся весною.

Они на темную лазурь
Слетятся с громовым ударом,

Чтоб свить гнездо под дубом старым,
Но не согнувшимся от бурь.
Усталый пахарь за сохою,
Навстречу вольным голосам,
Зальется песнями, — и к нам
Они воротятся весною.

<1862>

СОН БЕДНЯКА

Милый, проснись... Я с дурными вестями:
Власти наехали в наше село,
Требуют подати... время пришло...
Как разбужу его?.. Что будет с нами?
Встань, мой кормилец, родной мой, пора!
Подать в селе собирают с утра.

Ах! не к добру ты заспался так долго...
Видишь, уж день... Всё до нитки, чуть свет,
В доме соседа, на старости лет,
Взяли в зачет неоплатного долга.
Встань, мой кормилец, родной мой, пора!
Подать в селе собирают с утра.

Слышишь: ворота, никак, заскрипели...
Он на дворе уж... Проси у него
Сроку хоть месяц... Хоть месяц всего...
Ах! Если б ждать эти люди умели!..
Встань, мой кормилец, родной мой, пора!
Подать в селе собирают с утра.

Бедные! Бедные! Весь наш излишек —
Мужа лопата да прялка жены;
Жить ими, подать платить мы должны
И прокормить шестерых ребятишек.
Встань, мой кормилец, родной мой, пора!
Подать в селе собирают с утра.

Нет ничего у нас! Раньше всё взято. . .
Даже с кормилицы нивы родной,
Вспаханной горькою нашей нуждой,
Собран весь хлеб для корысти проклятой.
Встань, мой кормилец, родной мой, пора!
Подать в селе собирают с утра.

Вечно работа и вечно невзгода!
С голоду еле стоишь на ногах. . .
Всё, что нам нужно, всё дорого — страх!
Самая соль — этот сахар народа.
Встань, мой кормилец, родной мой, пора!
Подать в селе собирают с утра.

Выпил бы ты. . . да от пошрины тяжкой
Бедным и в праздник нельзя пить вина. . .
На, вот кольцо обручальное — на!
Сбудь за бесценок. . . и выпей, бедняжка!
Встань, мой кормилец, родной мой, пора!
Подать в селе собирают с утра.

Спишь ты. . . Во сне твоём, может быть, свыше
Счастье, богатство послал тебе бог. . .
Будь мы богаты — так что нам налог?
В полном амбаре две лишние мыши.
Встань, мой кормилец, родной мой, пора!
Подать в селе собирают с утра.

Господи! . . Входят. . . Но ты. . . без участия
Смотришь. . . ты бледен. . . как страшен твой взор!
Боже! недаром стонал он вечор!
Он не стонал весь свой век от несчастья!
Встань, мой кормилец, родной мой, пора!
Подать в селе собирают с утра.

Бедная! Спит он — и сон его кроток. . .
Смерть для того, кто нуждой удручен, —
Первый спокойный и радостный сон.
Братья, молитесь за мать и сироток.
Встань, мой кормилец, родной мой, пора!
Подать в селе собирают с утра.

НОВЫЙ ФРАК

Соблазнами большого света
Не увлекаться нету сил!
Откушать, в качестве поэта,
Меня вельможа пригласил.
И я, как все, увлекся тоже. . .
Ведь это честь, пойми, чудак:
Ты будешь во дворце вельможи!
 . Вот как!
Я буду во дворце вельможи!
И заказал я новый фрак.

С утра, взволнованный глубоко,
Я перед зеркалом верчусь;
Во фраке с тальею высокой
Низенько кланяться учусь,
Учусь смотреть солидной, строже,
Чтоб сразу не попасть впросак:
Сидеть придется ведь с вельможей!
 Вот как!
Сидеть придется ведь с вельможей!
И я надел свой новый фрак.

Пешечком выступаю плавно,
Вдруг из окна друзья кричат:
«Иди сюда! Здесь завтрак славный».
Вхожу: бутылок длинный ряд!
«С друзьями выпить? Отчего же. . .
Оно бы лучше натошак. . .

Я, господа, иду к вельможе!
Вот как!
Я, господа, иду к вельможе,
На мне недаром новый фрак».

Иду, позавтракав солидно,
Навстречу свадьба... старый друг...
Ведь отказаться было б стыдно...
И я попал в веселый круг.
И вдруг — ни на что не похоже! —
Стал красен от вина, как рак.
«Но, господа, я зван к вельможе —
Вот как!

Но, господа, я зван к вельможе,
На мне надет мой новый фрак».

Ну, уж известно, после свадьбы
Бреду, цепляясь за забор,
А всё смотрю: не опоздать бы...
И вот подъезд... и вдруг мой взор
Встречает Лизу... Правый боже!
Она дает условный знак...
А Лиза ведь милей вельможи!..
Вот как!

А Лиза ведь милей вельможи,
И ей не нужен новый фрак.

Она сняла с меня перчатки
И, как послушного вола,
На свой чердак, к своей кровати
Вельможи гостя привела.
Мне фрак стал тяжелей рогожи,
Я понял свой неверный шаг,
Забыл в минуту о вельможе...
Вот как!

Забыл в минуту о вельможе
И... скинул я свой новый фрак.

Так от тщеславия пустого
Мне данный во-время урок
Меня навеки спас — и снова
Я взял бутылку и свисток.

Мне независимость дороже,
Чем светской жизни блеск и мрак.
Я не пойду, друзья, к вельможе.

Гот как!

А кто пойдет, друзья, к вельможе,
Тому дарю свой новый фрак.

<1863>

ВОЛШЕБНАЯ ЛЮТНЯ

Во дни чудесных дел и слухов
Доисторических времен
Простой бедняк от добрых духов
Был чудной лютней одарен.
Ее пленительные звуки
Дарили радость и покой
И вмиг снимали, как рукой,
Любви и ненависти муки.

Разнесся слух об этом чуде —
И к бедняку под мирный кров
Большие, маленькие люди
Бегут толпой со всех концов.
«Идем ко мне!» — кричит богатый;
«Идем ко мне!» — зовет бедняк.
— «Внеси спокойствие в палаты!»
— «Внеси забвенья на чердак!»

Внимая просьбам дедов, внуков,
Добряк на каждый зов идет.
Он знатным милостыню звуков
На лютне щедро раздает.
Где он появится в народе,
Веселье разольется там, —
Веселье бодрость даст рабам,
А бодрость — мысли о свободе.

Красавицу покинул милый —
Зовет красавица его.

Зовет его подагрик хилый
К одру страданья своего.
И возвращают вновь напевы
Веселой лютни бедняка —
Надежду счастья для девы,
Надежду жить для старика.

Идет он, братьев утешая;
Напевы дивные звучат. . .
И, встречу с ним благословляя,
«Как счастлив он! — все говорят. —
За ним гремят благословенья.
Он вечно слышит стройный хор
Счастливых братьев и сестер —
Нет в мире выше наслажденья!»

А он? . . Среди ночей бессонных,
Сильней и глубже с каждым днем,
Все муки братьев, им спасенных,
Он в сердце чувствует своим.
Напрасно призраки он гонит:
Он видит слезы, видит кровь. . .
И слышит он, как в сердце стонет
Неоскудевшая любовь.

За лютню с трепетной заботой
Берется он. . . молчит она. . .
Порвались струны. . . смертной нотой
Звучит последняя струна.
Свершил он подвиг свой тяжелый,
И над могилой, где он спит,
Сияет надпись: «Здесь зарыт
Из смертных самый развеселый».

<1863>

ЦАРЬ ДОДОН

Жил-был на свете царь Додон.
Об нем уж слух пропал.
О славе, брат, не думал он,
Зато, брат, крепко спал.
Ему короной, братец мой,
Колпак был, связанный женой,
Ночной.
Так вот, брат, встарь
Какой был царь,
Какой, брат, славный царь!

Изба была ему дворец
И на осле верхом
Всё царство из конца в конец
Он объезжал кругом.
Как добрый царь, он был храним
Взамест конвоя псом своим
Одним.
Так вот, брат, встарь
Какой был царь,
Какой, брат, славный царь!

Он мужику дал много льгот
И выпить сам любил.
Да если счастлив весь народ,
С чего ж бы царь не пил?
Он сам, без винных приставов,
Брал с каждой бочки кабаков
Полштоф.

Так вот, брат, встарь
Какой был царь,
Какой, брат, славный царь!

Как он красив был из лица,
Так парень не один
Его, пожалуй, за отца
Считал не без причин.
А впрочем, в год — и то сказать —
Любил не часто в цель стрелять.
Раз пять.
Так вот, брат, встарь
Какой был царь,
Какой, брат, славный царь!

Он, брат, спокойный был сосед
И для земли своей
Молил у бога не побед,
А праведных судей.
Зато как умер царь родной,
Так слезы, брат, лились рекой
Впервой.
Так вот, брат, встарь
Какой был царь,
Какой, брат, славный царь!

Он, брат, народом не забыт:
Срисован маляром
И вместо вывески прибит
Над старым кабаком.
И каждый праздник, круглый год,
Пьет у портрета и поет
Народ!
Так вот, брат, встарь
Какой был царь,
Какой, брат, славный царь!

НОВЫЙ ДИОГЕН

Диоген-мудрец,
Я в плаще твоём,
Как хочу — качу я бочку, из конца качу в конец.
Диоген-мудрец,
Я в плаще твоём,
Как хочу я — хохочу я, — с вольной песней и с вином

Ты был суров, ты воду пил недаром;
Я веселей, не воду пью — вино:
В полмесяца я в бочке с «самым старым»
Для мудрости своей очистил дно.

Диоген-мудрец,
Я в плаще твоём,
Как хочу — качу я бочку, из конца качу в конец.
Диоген-мудрец,
Я в плаще твоём,
Как хочу я — хохочу я, — с вольной песней и с вином.

Где ладно мне, там я живу; но ропщем
Недаром мы на жребий наш земной —
И в бочке я, в круговращеньи общем,
За временем верчусь и за судьбой.

Диоген-мудрец,
Я в плаще твоём.
Как хочу — качу я бочку, из конца качу в конец.
Диоген-мудрец,
Я в плаще твоём,
Как хочу я — хохочу я, — с вольной песней и с вином.

Из партий, мной осмеянных, охоты
Не чувствую примкнуть я ни к одной.
«Ты за кого, когда ни за кого ты?» —
Не скажет уж никто передо мной.

Диоген-мудрец,
Я в плаще твоём,
Как хочу — качу я бочку, из конца качу в конец.
Диоген-мудрец,
Я в плаще твоём,
Как хочу я — хохочу я, — с вольной песней и с вином.

Мне всё равно: пусть дипломаты целят,
Как разделить Европу меж собой.
Хоть целый мир пусть на клочки разделят,
Ведь бочка всё останется со мной.

Диоген-мудрец,
Я в плаще твоём,
Как хочу — качу я бочку, из конца качу в конец.
Диоген-мудрец,
Я в плаще твоём,
Как хочу я — хохочу я, — с вольной песней и с вином.

Всё ложное, всё чуждое народа
Я поражать стихом своим готов;
Но крайностей чужда моя Свобода —
На ней венки из полевых цветов.

Диоген-мудрец,
Я в плаще твоём,
Как хочу — качу я бочку, из конца качу в конец.
Диоген-мудрец,
Я в плаще твоём,
Как хочу я — хохочу я, — с вольной песней и с вином.

Известно мне, куда ведет сатира,
И я молчу, но уж себе за то
Я не создам среди людей кумира,
Чтоб солнца мне не заслонил никто.

Диоген-мудрец,
Я в плаще твоём,
Как хочу — качу я бочку, из конца качу в конец.
Диоген-мудрец,
Я в плаще твоём,
Как хочу я — хохочу я, — с вольной песней и с вином.

Днем с фонарем всё человека тщетно,
Нам говорят, отыскивал ты встарь, —
На зов любви дорогою заветной
По вечерам мне светит мой фонарь.

Диоген-мудрец,
Я в плаще твоём,
Как хочу — качу я бочку, из конца качу в конец.
Диоген-мудрец,
Я в плаще твоём,
Как хочу я — хохочу я, — с вольной песней и с вином.

Спокойно я стою пред всякой силой,
Но гражданин — я родину люблю;
И если б к жатве бочек не хватило,
Без ропота свою я уступлю.

Диоген-мудрец,
Я в плаще твоём,
Как хочу. — качу я бочку, из конца качу в конец.
Диоген-мудрец,
Я в плаще твоём,
Как хочу я — хохочу я, — с вольной песней и с вином.

<1864>

ЦАРКН

Ведай, глупый и ученый:
Бахус подвиг совершил —
Весь свой погреб перелил
В кубок парк широкодонный.
Он амурам, как друзьям,
Удружил. Хор Вакха славит:
Каждый смертный пусть прибавит
Дней счастливых к ясным дням!

Враг людей, Атропо злая
Так упилася вином,
Что уснула под столом,
Смерти ножницы бросая.
Трусить нечего людям —
Прясть Лахеза не оставит.
Каждый смертный пусть прибавит
Дней счастливых к ясным дням!

Выпив нового напитка,
Так Лахеза говорит:
Хорошо! Атропо спит.
Но тонка сухая нитка.
Этот нектар, данный нам,
Нитку смочит и расправит.
Каждый смертный пусть прибавит
Дней счастливых к ясным дням!

Клофа, выпивши немножко,
За своим веретенном,

Щедро впрыснула вином
Над вертящейся дорожкой, —
И все нити, всем детям,
К наслажденью в жизни правит.
Каждый смертный пусть прибавит
Дней счастливых к ясным дням!

За вином две парки людям
Жизни нить, смеясь, прядут.
Мы же весело пьем тут.
Чур! Атропо не разбудим.
Пусть любовь к ее дверям
Наслажденьем ход заставит.
Каждый смертный пусть прибавит
Дней счастливых к ясным дням!

<1864>

ДЕВУШКИ

О боже! Вижу предо мною
Красавиц молодых цветник.
(Ведь все красавицы весною!)
А я... что делать?.. Я старик.
Сто раз пугаю их летами —
Не внемлют в резвости живой...
Что ж делать — будем мудрецами.
Идите, девушки, домой.

Вот Зоя, полная вниманья.
Ах! между нами, ваша мать
Расскажет вам: в часы свиданья
Меня случалось ли ей ждать.
«Кто любит в меру — любит мало» —
Вот был девиз ее простой.
Она и вам так завещала.
Идите, девушки, домой.

От вашей бабушки... краснею...
Урок любви я взял, Адель...
Хоть я и мальчик перед нею,
Она дает их и досель.
На сельском празднике стыдливо
Держитесь лучше предо мной:
Ведь ваша бабушка ревнива.
Идите, девушки, домой.

Вы улыбаются мне, Лора,
Но... правда ль? .. ночью, говорят,
В окошко вы спустили вора,
И этот вор был светский фат?
А днем, во что бы то ни стало,
Вы мужа ищите с тоской...
Я слишком юн для вас, пожалуй.
Идите, девушки, домой.

Идите, вам заботы мало!
Огонь любви волнует вас.
Но чур! Чтоб искры не упало
На старика в недобрый час.
Пусть зданье ветхое пред вами,
Но в нем был склад пороховой —
Так, придержав огонь руками,
Идите, девушки, домой.

<1864>

ПИР НА ВЕСЬ МИР

Вино веселит все сердца!
По бочке, ребята,
На брата!
Пусть злоба исчезнет с лица,
Пусть веселы все, все румяны —
Все пьяны!

Черт ли в этих вздорах,
В диспутах и спорах,
В праздных разговорах!
Небом нам дана
Влага винограда —
Честного отрада, —
Пусть и ретрограда
С ног сшибет она!

Вино веселит все сердца!
По бочке, ребята,
На брата!
Пусть злоба исчезнет с лица,
Пусть веселы все, все румяны —
Все пьяны!

Авторы плохие,
Риторы смешные,
Публицисты злые!
Дышат скукой, сном
Все творенья ваши;

Глубже их и краше
Дедовские чаши
С дедовским вином.

Вино веселит все сердца!
По бочке, ребята,
На брата!
Пусть злоба исчезнет с лица,
Пусть веселы все, все румяны —
Все пьяны!

Бой забыв, день целый
С нами Марс пьет смелый;
Утопил все стрелы
В винных бочках он.
Нам уж бочек мало.
Стражи арсенала!
Ваших бы достало,
Кабы порох вон!

Вино веселит все сердца!
По бочке, ребята,
На брата!
Пусть злоба исчезнет с лица,
Пусть веселы все, все румяны —
Все пьяны!

Золото так веско,
В нем так много блеска,
Бьющего так резко
В очи беднякам,
Что хрусталь, в котором
Пьем пред милым взором,
За веселым хором,
Драгоценней нам!

Вино веселит все сердца!
По бочке, ребята,
На брата!

Пусть злоба исчезнет с лица,
Пусть веселы все, все румяны --
Все пьяны!

Нам от женщин милых
(Вакх благословил их)
Уж не будет хилых
И больных ребят.
Сыновья и дочки,
Чуть открыв глазочки,
Уж увидят бочки
И бутылок ряд.

Вино веселит все сердца!
По бочке, ребята,
На брата!
Пусть злоба исчезнет с лица,
Пусть веселы все, все румяны --
Все пьяны!

Нам чужда забота
Многого почета,
Каждый оттого-то
Непритворно рад,
Всем в пиру быть равным ---
Темным или славным, --
Зрей над своенравным
Лавром виноград!

Вино веселит все сердца!
По бочке, ребята,
На брата!
Пусть злоба исчезнет с лица,
Пусть веселы все, все румяны --
Все пьяны!

Прочь, рассудок строгий!
Пусть под властью бога,
Давшего так много
Наслажденья нам,

Все заснут отрадно,
Где кому повадно,
Как всегда бы — ладно
Надо жить друзьям.

Вино веселит все сердца!
По бочке, ребята,
На брата!
Пусть злоба исчезнет с лица,
Пусть веселы все, все румяны —
Все пьяны!

<1864>

СЧАСТЬЕ

«Счастье! Видно, уж так и покину я свет,
Не видавшись ни разу с тобою», —
Говорил, умирая, безвестный поэт,
Занесенный в больницу нуждою.
Призрак, светлый как день, вдруг разнес ночи тьму,
«Счастье здесь, — вдруг раздалось в больнице. —
Тот встречает меня, кто не ждет, что к нему
Я примчусь в золотой колеснице.

Ты в деревне видал меня часто, всегда
Называя Анютою милой,
И бежал от любви самой чистой; тогда
Мысль о браке тебя утратила.
К знатной даме увлекся ты страстью пустой,
Променяв, в безрассудной гордыне,
Счастье в грубой одежде крестьянки простой
На минутную страсть в кринолине.

В умной тетке опять ты меня не узнал:
При посредстве нехитрой науки
Ты, как сын, получил от нее капитал —
Для работы способные руки.
Независим в труде, сам себе господин,
Ближним пользу принес бы при этом.
Мой совет был: будь честный, простой гражданин.
Ты сказал: я хочу быть поэтом.

Ты меня не заметил, когда стариком
Предлагались тебе, уж в невзгоде,
Молодая невеста с красивым лицом
И земелька при сельской свободе.
Деревенские люди здоровьем цветут,
Городские же хворы и желты.
Обрабатывать землю — совет был и тут,
Но ее просвещать предпочел ты.

Ты всю жизнь, в суете и неравной борьбе,
Не поймал, как ни гнался за славой.
В уголку в это время я знаки тебе
Хоть далёко, но делала, право.
На меня не взглянув, продолжая дурить,
Неустанно, покуда был в силе,
За свою мечтой мчался ты во всю прыть,
Наконец и примчался — к могиле».

— «Да, — сказал умирающий, — в тщетных мечтах
Бесполезно по свету мы рыщем,
И при встрече со счастьем — горды натошах
Даже с ним, как с назойливым нищим.
Здесь я встретил тебя, чтоб спокойно угас,
Чтоб не бился уж об лед, как рыба.
Час последний — вот счастья единственный час;
Так закрой хоть глаза мне. Спасибо!»

<1864>

НИЩАЯ

Снег вáлит. Тучами заволокло всё небо.
Спешит народ из церкви по домам.
А там, на паперти, в лохмотьях, просит хлеба
Старушка у людей, глухих к ее мольбам.
Уж сколько лет сюда, едва переступая,
Одна, и в летний зной, и в холод зимних дней,
Плетется каждый день несчастная — слепая. . .
 Подайте милостыню ей!

Кто мог бы в ней узнать, в униженной, согбенной,
В морщинах желтого, иссохшего лица,
Певицу, бывшую когда-то примадонной,
Владевшей тайною обворожать сердца.
В то время молодежь, вся, угадав сердцами
Звук голоса ее и взгляд ее очей,
Ей лучшими была обязана мечтами.
 Подайте милостыню ей!

В то время экипаж, певицу уносивший
С арены торжества в сияющий чертог,
От натиска толпы, ее боготворившей,
На бешеных конях едва проехать мог.
А уж влюбленные в ее роскошной зале,
Сгорая ревностью и страстью всё сильней,
Как солнца светлого ее приезда ждали.
 Подайте милостыню ей!

Картины, статуи, увитые цветами,
Блеск бронзы, хрусталей сверкающая грань...
Искусства и любовь платили в этом храме
Искусству и любви заслуженную дань.
Поэт в стихах своих, художник в очертаньях,
Все славил весну ее счастливых дней...
Вьют гнезда ласточки на всех высоких зданьях...
 Подайте милостыню ей!

Средь жизни праздничной и щедро-безрассудной
Вдруг тяжкая болезнь, с ужасной быстротой
Лишивши зрения, отнявши голос чудный,
Оставила ее с протянутой рукой.
Нет! не было руки, которая б умела
Счастливить золотом сердечней и добрей,
Как эта — медный грош просящая несмело...
 Подайте милостыню ей!

Ночь непроглядная сменяет день короткий...
Снег, ветер всё сильнее... Бессильна, голодна,
От холода едва перебирает четки...
Ах! думала ли их перебирать она!
Для пропитанья ей немного нужно хлеба.
Для сердца нежного любовь всего нужней.
Чтоб веровать она могла в людей и небо,
 Подайте милостыню ей!

<1865>

ДЕВИЧЬИ МЕЧТЫ

Страстно на ветке любимой
Птичка поет наслажденье;
Солнцем полудня палима,
Лилия дремлет в томленьи.
Страстно на ветке любимой
Птичка поет наслажденье.

Полузакрыты мечтами
Юной красавицы взоры.
Блещут на солнце, с цветами,
Кружев тончайших узоры.
Полузакрыты мечтами
Юной красавицы взоры.

Ясно улыбка живая
Мысль перед сном сохранила.
Спит она, будто играя
Всем, что на свете ей мило.
Ясно улыбка живая
Мысль перед сном сохранила.

Как хороша! Для искусства
Лучшей модели не надо!
Видны все проблески чувства,
Хоть не видать ее взгляда.
Как хороша! Для искусства
Лучшей модели не надо!

Сон чуть коснулся в полете
Этой модели прекрасной.
Что ж в этой сладкой дремоте
Грудь ей волнует так страстно?
Сон чуть коснулся в полете
Этой модели прекрасной.

Снится ли паж ей влюбленный,
Ночью, на лошади белой?
Обнял ее и, смущенный,
Ручку целует несмело. . .
Снится ли паж ей влюбленный,
Ночью, на лошади белой?

Снится ль, что новый Петрарка
С песнью приник к изголовью —
И разукрасились ярко
Бедность и слава любовью?
Снится ль, что новый Петрарка
С песнью приник к изголовью?

Снится ль ей небо родное?
Юности небо знакомо.
Так прилетают весной
Ласточки к крову родному.
Снится ль ей небо родное?
Юности небо знакомо.

Вырвался вздох. Голубые
Глазки лениво раскрылись.
— Ну, расскажи нам, какие,
Милая, сны тебе снились?
Вырвался вздох. Голубые
Глазки лениво раскрылись.

— Ах! Что за сон, что за чудо!
Дивные, светлые чары!
Золото, груди за грудой,
Муж мне нес, старый-престарый.
Ах! Что за сон, что за чудо!
Дивные, светлые чары!

— Как? тебе деньги росую
Были, цветок ароматный?
— Всех я затмила собою.
Выше всех быть так приятно!
— Как? тебе деньги росую
Были, цветок ароматный!

Если так юность мечтает,
Прочь все мечты о грядущем!
Золото всё омрачает
Блеском своим всемогущим.
Если так юность мечтает,
Прочь все мечты о грядущем!

<1866>

ДУША И ТЕЛО

Промыкав жизнь в труде, в заботе,
Старик смыкал отживший взор,
Как вдруг с душою на отлете
Заводит тело разговор.
«Душа моя, простимся кротко;
В жизнь без печали, без конца
Не устремляйся, как кокотка
От разоренного глупца».
 Бальзамированным особам
 Почет в гробу и лесть за гробом.
 Простую плоть зарыть свезут —
 Всё тут.

Душа и мысли не имела,
Что удержать ее могло б
Дрянное, старческое тело.
«Молчи, ложись в свой темный гроб.
Тебе — ничтожество и тленье;
Мне — свет негаснущих лучей.
А там, пожалуй, пусть растенья
Из пыли вырастут твоей».
 Бальзамированным особам
 Почет в гробу и лесть за гробом.
 Простую плоть зарыть свезут —
 Всё тут.

«Душа без тела и без чувства!
Во мне всего пять чувств простых;

Но мир науки и искусства
Тебе открыт посредством их.
Тебя, дитёй, ни крик невольный
Не обнаруживал, ни взгляд —
Кто ж был тебе учитель школьный?
Всё я ведь, твой молочный брат».
 Бальзамированным особам
 Почет в гробу и лесть за гробом.
 Простую плоть зарыть свезут —
 Всё тут.

«Настала молодость; весною
Мы все бываем хороши;
Не я, а ты гордилась мною:
Лицо есть зеркало души.
И что же? в жизненном потоке
Ты извратила по весне
Мои потребности — в пороки,
И в страсти — склонности во мне».
 Бальзамированным особам
 Почет в гробу и лесть за гробом.
 Простую плоть зарыть свезут —
 Всё тут.

«Позднее, испытав невзгоду,
Ты за обманутую страсть
Меня, как есть, стащила в воду,
Превысив надо мною власть.
Но страх затмил твоё сознание:
Я стал барахтаться в волнах
И спасся — и твоё страданье
Излилось всё в моих слезах».
 Бальзамированным особам
 Почет в гробу и лесть за гробом.
 Простую плоть зарыть свезут —
 Всё тут.

«Потом лишенья и болезни
Перенося, я не роптал;
Но ты ведь утонула в бездне
Метафизических начал.
Я голодал — а ты алкала;

Но путь свершали мы вдвоем:
Душа — на крыльях идеала,
А тело — чуть не босиком».
Бальзамированным особам
Почет в гробу и лесть за гробом.
Простую плоть зарыть свезут —
Всё тут.

«Нас старость наконец накрыла;
Устали оба — я и ты,
И утомленье насадило
В сознании мудрости цветы;
Но там не хвастай, что душою
Была ты редкой на земле:
Цветы подобные зимою
Мороз рисует на стекле».
Бальзамированным особам
Почет в гробу и лесть за гробом.
Простую плоть зарыть свезут —
Всё тут.

«Освобождаясь от пеленок,
В безвестный направляясь путь,
В далеких небесах, ребенок,
Земной свой облик не забудь.
Не забывай, что это тело,
Отдавшись на земле трудам,
Всё выносило, всё терпело,
Не порываясь к небесам».
Бальзамированным особам
Почет в гробу и лесть за гробом.
Простую плоть зарыть свезут —
Всё тут.

ФЕНИКС

Мирные семьи простых пастухов
Жили когда-то в долине цветущей
И управлялись уж много веков
Сами собою, без власти гнетущей.
Феникс является вдруг за рекой,
Кличет к себе их на берег крутой.
Вышел герольд. «Торопитесь! — кричит. —
Редкая птица, как раз улетит.

Птица великая мой властелин:
Крыльями в кесарском их трепетаньи
Двадцать народов покроешь один.
Ради их блага готов на закланье —
Феникс не может вполне умирать:
Он возродится из пепла опять.
Ей, торопитесь! — герольд им кричит. —
Редкая птица, как раз улетит.

Ей, торопитесь! — Молчанье в ответ. —
Эх! Кабы вышел властитель мой чудный,
Вас ослепил бы невиданный свет:
Гребень алмазный и клюв изумрудный —
Что твое солнце, не выдержит глаз —
Сразу б колосья созрели у вас.
Ей, торопитесь! — герольд им кричит. —
Редкая птица, как раз улетит».

— «Будет болтать! — отвечает старик. —
Что ты заладил: мол, редкий да редкий!

Наш брат-хозяин к таким не привык,
В доме потребнее куры-наседки.
А насчет песен — для здешних людей
Песня малиновки будет нежней.
Экое счастье, что гребень блестит:
Редкая птица пусть мимо летит!

Наши прапрадеды видели раз
Феникса этого пепел горящий.
Что ж в нем нашли? Вместо сердца алмаз,
Крупный, взаправду, как солнце блестящий.
Точно, красив — да тепла, значит, нет.
Не ко двору нам твой феникс, мой свет.
Так-то, не грея, и месяц блестит.
Редкая птица пусть мимо летит!»

<1869>

ТИРАН СИРАКУЗСКИЙ

Как Дионисия из царства
Изгнал храбрец Тимолеон, —
Тиран, пройдя чрез все мытарства,
Открыл в Коринфе пансион.
Тиран от власти не отстанет:
Законы в школе издает;
Нет взрослых, так детей тиранит.
 Тиран тираном и умрет.

Ведь нужно всё чинить и ведать —
Он справедлив, хотя и строг:
Как подадут детям обедать —
Сейчас с их трапезы налог.
Несут, как некогда в столицу,
Орехи, виноград и мед.
Целуйте все его десницу!
 Тиран тираном и умрет.

Мальчишка, глупый, как овечка,
Последний в школе ученик,
В задачку раз ввернул словечко:
«Тиран и в бедствиях велик».
Тиран, бессмыслицу читая,
«Он далеко, — сказал, — пойдет» —
И сделал старшим негодяя.
 Тиран тираном и умрет.

Потом, другой раз как-то, слышит
Он от фискала своего,

Что там в углу товарищ пишет,
Должно быть, пасквиль на него.
«Как? Пасквиль?! Это всё от воли!
Ремень его! И чтоб вперед
Никто писать не смел бы в школе!»
Тиран тираном и умрет.

И день и ночь его страшили
Следы измены и интриг.
Раз дети на дворе дразнили
Двоих каких-то забулдыг.
Кричит: «Идите без боязни!
Им нужен чужеземный гнет.
Я им отец — им нужны казни».
Тиран тираном и умрет.

Отцы и матери озлились
На непотребный пансион
И Дионисия решились
И из Коринфа выгнать вон.
— Так чтоб, как прежде, благодатно
Теснить и грабить свой народ, —
В жрецы вступил он. Вот так знатно!
Тиран тираном и умрет.

<1869>

ГАСТРОНОМЫ

Господа, довольно, знайте честь.
Будем вам всё только есть да есть.
Пожалейте тех, кто в этом свете,
Волей иль неволей, на диете.
И притом ведь вам грозит беда:
Лопнете с обжорства, господа.
А такая смерть не смерть — потеха!
Ах! Уж если лопнуть, так от смеха.
Лопнуть, так от смеха!

Разве можно думать с полным ртом
О любви, полсуток за столом?
Масляные ваши подбородки
Чуть увидят — прочь бегут красотки.
С чревом, полным всяких благ земных,
Вам храпеть лишь впору возле них.
Ваше чрево и в любви помеха.
Ах! Уж если лопнуть, так от смеха.
Лопнуть, так от смеха!

Для любви когда уж места нет,
Что вам слава, что вам знанья свет?
Для чего вам лавры, всем вам вкупе,
Лишь бы лист лавровый плавал в супе,
Украшал бы окорок свиной!
Вы гордитесь славою одной:
Гениев кухмистерского цеха.
Ах! Уж если лопнуть, так от смеха.
Лопнуть, так от смеха!

Обжирайтесь, мрачные умы.
Блага жизни с вами делим мы!
Вам — хандра и тонкие обеды,
Нам — любовь и разума победы,
И простой обед, где за столом
Остроумье искрится с вином
И желудок сердцу не помеха.
Ах! Уж если лопнуть, так от смеха.
Лопнуть, так от смеха!

<1870>

ИДЕЯ

Народной скорбию болея,
Я впал в мечтательность — и вдруг
Проходит предо мной идея.
Идея? Да, трусливый друг.
Еще слаба, но уж красива;
Звук речи тверд, взгляд детски прост.
Никто как бог — увидим живо
Ее развитие и рост.

Одна навстречу грубой силе!
Я ей кричу: «Дитя! страшись:
Шпионы уши наострили,
Жандармы грозно собрались».
— «В мою же пользу их гоненье.
Иду с надеждою вперед.
Теперь уж всё мое значенье
Поймет наверное народ».

— «Страшись, дитя, земля трясется
Под тяжестью густых колонн,
И, сабли наголо, несется
За эскадроном эскадрон».
— «Я, не трубя, не барабаня,
Бужу уснувших силой слов
И для вербовки в их же стане
Пройду одна среди штыков».

· «Страшись, чтоб не был уничтожен
Здесь на земле твой самый след.

Беги: фитиль в орудье вложен,
Минута — и спасенья нет».
— «А завтра ядра и картечи
В мою защиту запалят
Свои ораторские речи;
Ведь пушка тот же адвокат».

- «Ты депутатов раздражила».
- «Моя же сила их смирит».
- «В темнице сгинет эта сила».
- «Темница дух мой окрылит».
- «Гремят проклятья клерикалов».
- «А завтра мне кадить пойдут».
- «Уж ополчилась рать вассалов».
- «Я в их рядах найду приют».

И вдруг ужасная картина:
Потоки крови, море зла,
Венок победы дисциплина
С простертой храбрости сняла.
Но побежденным с новой силой
Идея лавры раздает
И, умилясь пред их могилой,
Летит с их знаменем вперед.

<1870>

АПОСТОЛ

«Апостол, куда ты?» — «Иду, чтоб спасти Вселенную братской любовью».

— «Вздыхни на минуту; на трудном пути Покрылся ты потом и кровью».

— «Да будет! Да будет! Иду, чтоб спасти Вселенную братской любовью».

— «Апостол, куда ты?» — «Несу я с собой Свободы и мира законы».

— «Здесь мирное счастье цветущей красой Сулят тебе девы и жены».

— «Да будет! Да будет! Несу я с собой Свободы и мира законы».

— «Апостол, куда ты?» — «Иду, чтоб в сердца Вдохнуть справедливости чувства».

— «Пой с нами; у нас славословят творца Покорные струны искусства».

— «Да будет! Да будет! Иду, чтоб в сердца Вдохнуть справедливости чувства».

— «Апостол, куда ты?» — «Я в села несу Труды возлюбившего бога».

— «Апостол, в горах и в дремучем лесу Зверей и разбойников много».

— «Да будет! Да будет! Я в села несу Труды возлюбившего бога».

— «Апостол, куда ты?» — «Несу в города
Глагол обличенья нелживый».

— «Там встретит тебя тунеядцев вражда,
Трудящихся хохот трусливый».

— «Да будет! Да будет! Несу в города
Глагол обличенья нелживый».

— «Апостол, куда ты?» — «Да грянет мой зов:
Велик только бог всемогущий!»

— «Страшись, если вздрогнет властитель рабов
И если поймет неимущий».

— «Да будет! Да будет! Да грянет мой зов:
Велик только бог всемогущий!»

— «Апостол, куда ты?» — «Иду, чтоб друзей
Поднять, павших духом в страданьи».

— «Ты сам поседел от бессонных ночей
В оковах, в тюрьме и в изгнаньи».

— «Да будет! Да будет! Иду, чтоб друзей
Поднять, павших духом в страданьи».

— «Апостол, куда ты?» — «К владыкам земным,
Бороться с неправдой мирскою».

— «О, ужас! Жрецам за хвалебный их дым
Тебя отдадут головою».

— «Да будет! Да будет! К владыкам земным,
Бороться с неправдой мирскою!»

— «Апостол, куда ты?» — «Открыто на суд
Предстану пред ликторов смело».

— «Прибегни к витиям: они обернут
Святое в законное дело».

— «Да будет! Да будет! Открыто на суд
Предстану пред ликторов смело».

— «Апостол, куда ты?» — «Учению Христа
Иду я пожертвовать кровью».

— «Не жертвуй; и вместо позора креста
Почет тебя встретит с любовью».

— «Да будет! Да будет! Учению Христа
Иду я пожертвовать кровью».

— «Апостол, куда ты?» — «Отдать в небесах
Свободною душу живую».

— «Да будет! Свободой в грядущих веках
Почтят твою память святую».

— «Да будет! Да будет! Отдам в небесах
Свободною душу живую».

<1871>

БУДУЩНОСТЬ ФРАНЦИИ

Я дружен стал с нечистой силой,
И в зеркале однажды мне
Колдун судьбу отчизны милой
Всю показал наедине.
Смотрю: двадцатый век в исходе,
Париж войсками осажден.
Все те же бедствия в народе —
И всё командует Бурбон.

Всё измельчало так обидно,
Что кровли маленьких домов
Едва заметны и чуть видно
Движенье крошечных голов.
Уж тут свободе места мало,
И Франция былых времен
Пигмеев королевством стала —
Но всё командует Бурбон.

Мелки шпиончики, но чутки;
В крючках чиновнички ловки;
Охотно попики-малютки
Им отпускают все грешки.
Блестят галунчики ливреек;
Весь трибунальчик удручен
Караньем крошечных идеек —
И всё командует Бурбон.

Дымится крошечный заводик,
Лепечет мелкая печать,

Без хлебцев маленьких народик
Заметно начал вымирать.
Но генеральчик на лошадке,
В головке крошечных колонн,
Уж усмиряет «беспорядки»...
И всё командует Бурбон.

Вдруг, в довершение картины,
Всё королевство потрясли
Шаги громадного детины,
Гиганта вражеской земли.
В карман, под грохот барабана,
Всё королевство спрятал он.
И ничего, хоть из кармана —
А всё командует Бурбон.

<1871>

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

В больнице нищему предстал
Пред смертью ангел-утешитель.
Старик, взглянув, захохотал:
«Никак светлейший небожитель?
Уж поздно; кончен путь земной.
Мое почтенье, ангел мой.

Родился я в когтях нужды,
С проклятьем матери печальной».
— «Да, — молвил ангел, — но роды
Сошли без бабки повивальной».
— «Благодарю вас всей душой.
Мое почтенье, ангел мой.

Мальчишкой стал я по дворам
С пустой сумой бродить без гроша».
— «Но, — молвил ангел, — вспомни сам,
Легка была мирская ноша».
— «Благодарю вас всей душой.
Мое почтенье, ангел мой.

Хватило ногу мне ядром,
Едва попал с нужды в солдаты».
— «Но, — молвил ангел, — ведь потом
Не знал подагры никогда ты».
— «Благодарю вас всей душой.
Мое почтенье, ангел мой.

В суд угодил, отведав раз
Вина без пошлины в дороге». —
«Но, — молвил ангел, — я ведь спас,
Ты только год сидел в остроге». —
«Благодарю вас всей душой.
Мое почтенье, ангел мой.

В любви украл пять-шесть минут.
Хоть тут, спасибо, не в потере». —
«Фи! — молвил ангел, — я ведь тут
Стоял из скромности у двери». —
«Благодарю вас всей душой.
Мое почтенье, ангел мой.

Туда ж вступил в законный брак,
С нужды и грызлись, как собаки». —
«Ну! — молвил ангел, — так не так —
Нам неподсудны ваши браки». —
«Благодарю вас всей душой.
Мое почтенье, ангел мой.

Уходит сумрачная ночь
Навстречу вечной, мрачной ночи». —
«Да, — молвил ангел, — я не прочь
Смежить страдальческие очи». —
«Благодарю вас всей душой.
Мое почтенье, ангел мой.

Не знаю: вытяну ли в рай,
В аду ль приют мне уготован». —
«Ну, — молвил ангел, — умирай!
Ведь я к другим командирован». —
«Благодарю вас всей душой.
Мое почтенье, ангел мой».

Так бедный тешил бедняков,
Потом уткнулся в изголовье,
Вздыхнул, чихнул — и был таков.
Промолвил ангел: «на здоровье!»
И тоже улетел домой.
Мое почтенье, ангел мой.

БАРАБАНЫ

(1849)

Барабаны, полно! Прочь отсюда! Мимо
Моего приюта мирной тишины.
Красноречье палок мне непостижимо;
В палочных порядках бедствие страны.
 Пугало людское, ровный, деревянный
 Грохот барабанный, грохот барабанный!
 Оглушит совсем нас этот беспрестанный
 Грохот барабанный, грохот барабанный!

Чуть вдали слышит дробные раскаты,
Муза моя крылья расправляет вдруг. . .
Тщетно. Я зову к ней, говорю: куда ты?
Песни заглушает глупых палок стук.
 Пугало людское, ровный, деревянный
 Грохот барабанный, грохот барабанный!
 Оглушит совсем нас этот беспрестанный
 Грохот барабанный, грохот барабанный!

Только вот надежду подает природа
На благополучный в поле урожай,
Вдруг команда: «палки!» И прощай свобода!
Палки застучали — мирный труд прощай.
 Пугало людское, ровный, деревянный
 Грохот барабанный, грохот барабанный!
 Оглушит совсем нас этот беспрестанный
 Грохот барабанный, грохот барабанный!

Видя для народа близость лучшей доли,
Прославляя я в песнях братство и любовь;
Барабан ударил — и на бранном поле
Всех враждебных партий побраталась кровь.

Пугало людское, ровный, деревянный
Грохот барабанный, грохот барабанный!
Оглушит совсем нас этот беспрестанный
Грохот барабанный, грохот барабанный!

Барабан владеет Францією милой:
При Наполеоне он был так силен,
Что немолчной дробью гений оглушило,
Заглушен был разум и народный стон.

Пугало людское, ровный, деревянный
Грохот барабанный, грохот барабанный!
Оглушит совсем нас этот беспрестанный
Грохот барабанный, грохот барабанный!

Приглядевшись к нравам вверенного стада,
Властелин могучий, нации кумир,
Твердо знает, сколько шкур ослиных надо,
Чтобы поголовно оглупел весь мир.

Пугало людское, ровный, деревянный
Грохот барабанный, грохот барабанный!
Оглушит совсем нас этот беспрестанный
Грохот барабанный, грохот барабанный!

Всех начал начало — палка барабана;
Каждого события — вестник барабан;
С барабанным боем пляшет обезьяна,
С барабанным боем скачет шарлатан.

Пугало людское, ровный, деревянный
Грохот барабанный, грохот барабанный!
Оглушит совсем нас этот беспрестанный
Грохот барабанный, грохот барабанный!

Барабаны в доме, барабаны в храме,
И последним гимном суеты людской,
Впереди подушек мягких с орденами,
Мертвым льстит в гробах их барабанный бой.

Пугало людское, ровный, деревянный
Грохот барабанный, грохот барабанный!

Оглушит совсем нас этот беспрестанный
Грохот барабанный, грохот барабанный!

Барабанных песен не забудешь скоро;
С барабаном крепок нации союз.
Хоть республиканец — но тамбур-мажора,
Смотришь, в президенты выберет француз.
Пугало людское, ровный, деревянный
Грохот барабанный, грохот барабанный!
Оглушит совсем нас этот беспрестанный
Грохот барабанный, грохот барабанный!

<1871>

ДЕЙСТВИЕ ВИНА

Вино в тюрьме дает совет:
Не горячись — ведь силы нет.
И за решеткой, во хмелю,
Я всё хвалю.

От стакана доброго вина
Рассудил я здраво, что сатира,
В видах примиренья, не должна
Обличать пороки сильных мира.
Лучше даже в очи им туман
Подпускать куреньем фимиама,
Я решил, не затрудняясь, прямо,
Осушив еще один стакан.

Вино в тюрьме дает совет:
Не горячись — ведь силы нет.
И за решеткой, во хмелю,
Я всё хвалю.

С двух стаканов доброго вина
Покраснел я, вспомнив о сатирах.
Вижу: вся тюрьма мбя полна
Ангелами в форменных мундирах.
И в толпе счастливых поселян
Я воспел, как запевало хора,
Мудрость господина прокурора, —
Осушив еще один стакан.

Вино в тюрьме дает совет:
Не горячись — ведь силы нет.
И за решеткой, во хмелю,
Я всё хвалю.

С трех стаканов доброго вина
Вижу я: свободны все газеты.
Цензоров обязанность одна:
Каждый год рассматривать бюджеты.
Милосердье первых христиан,
Что от нас веками было скрыто,
Я увидел — в сердце иезуита, —
Осушив еще один стакан.

Вино в тюрьме дает совет:
Не горячись — ведь силы нет.
И за решеткой, во хмелю,
Я всё хвалю.

С двух бутылок доброго вина
Заливаться начал я слезами
И свободу, в неге полусна,
Увидал, венчанную цветами, —
И в стране, счастливейшей из стран,
Кажется, тюрьмы сырые своды
Рухнули б от веянья свободы. . .
Выпей я еще один стакан.

Вино в тюрьме дает совет:
Не горячись — ведь силы нет.
И за решеткой, во хмелю,
Я всё хвалю.

Но избыток доброго вина
И восторг и умиленья слезы
Безраздельно, всё смешал сполна
В смутные, отрывочные грезы.
Будь же ты благословен, обман,
Что нам в душу, с утоленьем жажды,
Будто с неба посылает каждый
Шамбертена доброго стакан.

Вино в тюрьме дает совет:
Не горячись — ведь силы нет.
И за решеткой, во хмелю,
Я всё хвалю.

<1871>

СТАРОСТЬ

Нам лица морщит без пощады
Седого времени рука,
И хоть сверкают наши взгляды,
Друзья, к нам старость уж близка.
Но перед новым поколеньем
Не заметать самим свой след
На всё живое озлобленьем —
Еще не старость это, нет!

Вином и песнями мы тщетно
Стремимся сбросить гнет годов;
По взорам юношей заметно,
Что в нас уж видят стариков.
Но песни петь, забыв про годы,
С восторгом юношеских лет —
Шатаясь даже — в честь свободы, —
Еще не старость это, нет!

Перед красавицей напрасно
Огонь любви волнует нас.
Проходят дни; бедняжке ясно,
Что юный жар в крови угас.
Но без волнений страсти мнимой,
Сорвав любви роскошный цвет,
Стать другом женщины любимой —
Еще не старость это, нет!

Что б мы ни пели — мы стареем;
Так что ж — чем старше вся семья,

Тем больше прав мы все имеем
На титул: старые друзья.
Но, идя под гору толпою,
Движенью новому привет
Дрожащей посылать рукою —
Еще не старость это, нет!

<1871>

КОРОЛЕВСКАЯ ФАВОРИТКА

Д о ч ь

Ах! Какие лошади! Экипаж какой!
И какая дама в нем — посмотри, мамаша, —
Уж такой красавицы в мире нет другой.
Это, я так думаю, королева наша.

М а т ь

Королеве, брошенной мужем-королем,
Стыд встречаться с этою вывескою срама;
Это — ночь позорная, выплывшая днем:
Короля любовница — вот кто эта дама.

Дочь, вздохнув, подумала: ах, как хорошо бы
Сделаться любовницей эдакой особы!

Д о ч ь

Бриллианты звездами, маменька, горят;
Тоньше и узорчатей кружев уж нигде нет.
Нынче будни, кажется, а такой наряд —
Что ж она для праздника на себя наденет?

М а т ь

Как ни нарядилась бы — встретясь с земляком.
Отвернется, вспомнивши, хоть давно забыла,
Как бежала с родины ночью босиком —
Где жила в работницах и коров доила.

Дочь, вздохнув, подумала: ах, как хорошо бы
Сделаться любовницей эдакой особы!

Д о ч ь

Маменька, а это кто, вон на рысаках,
Гордая, надменная, проскакала шибко;
Как сравнялись — ненависть вспыхнула в глазах,
А у фаворитки-то, будто бы, улыбка...

М а т ь

Эта, видишь, родом-то будет покрупней;
Герб каретный дан еще прадедам за службу.
К королю бы в спальную раз пробраться ей —
Уж она б коровнице показала дружбу!

Дочь, вздохнув, подумала: ах, как хорошо бы
Сделаться любовницей эдакой особы!

Д о ч ь

Видно, королю она всех дороже дам:
На коне следит за ней молодой придворный.
Посмотри-ка, маменька, он влюблен и сам:
Не спускает глаз с нее — нежный и покорный.

М а т ь

По уши запутался, молодец, в долгах.
Получить бы полк ему нужно для прибытка.
Пусть дорогу заняли старшие в чинах —
Вывезет объездами в гору фаворитка.

Дочь, вздохнув, подумала: ах, как хорошо бы
Сделаться любовницей эдакой особы!

Д о ч ь

Подкатили лошади к пышному дворцу.
Маменька, священник ей отворяет дверцу...
Вот целует руку ей... вводит по крыльцу,
Руку с умилением приложивши к сердцу.

М а т ь

Норовит в епископы седовласый муж
Через овцу погибшую, худшую из стада...
А ведь как поет красно — пастырь наших душ —
Нищим умирающим о мученьях ада!

Дочь, вздохнув, подумала: ах, как хорошо бы
Сделаться любовницей эдакой особы!

Д о ч ь

Свадьба деревенская мимо них прошла.
Пусть невеста краше всех наших деревенщин,
Вряд ли уж покажется жениху мила —
Как сравнит с божественной, с лучшей из
женщин.

М а т ь

Нет, стыдиться стал бы он суетной мечты,
Заповедь народную памятуя свято:
Сколько было пролито пота нищеты,
Чтоб создать подобное божество разврата.

Дочь, вздохнув, подумала: ах, как хорошо бы
Сделаться любовницей эдакой особы!

<1872>

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ДУШ

Своих страстей и склонностей причину
Всю жизнь свою узнать стремился я —
И вот что мне сболтнула во едину
Глухую ночь сама душа моя:
«Любовь! Свобода! Друг мой, было дело!
Мне не впервой; а ты, никак, считал,
Что я к тебе невинностью слетела?»
— «Нет, — говорю, — я так и знал!
Душа моя, я так и знал!»

«Припоминаю смутно, что сначала
Как будто я в саду росла плющом
И красоту на пиршествах венчала —
Но птицею вдруг сделалась потом.
Как пела я в счастливой этой доле,
Не ведая ни платы, ни похвал!
С тех пор во мне живет стремленье к воле».
— «Душа моя, я так и знал!
Я так и знал! я так и знал!»

«Потом пришлось при запахе съестного
Вилять хвостом и лаять сгоряча,
Чтобы насытить нищего слепого
Объедками скупого богача;
Но кончив срок своей собачьей службы,
Оставила я людям идеал
Непокупной и безрасчетной дружбы».
— «Душа моя, я так и знал!
Я так и знал! я так и знал!»

«Плоть женщины потом я оживила.
Ах! Это был прелестный, чудный храм!
Тут от души потребовалась сила
Ответить всем сочувственным телам.
Немудрено: в прекрасном этом храме
Алтарь любви и день и ночь пылал —
Пока весь храм не обратился в пламя».
— «Душа моя, я так и знал!
Я так и знал! я так и знал!»

«Вот всех твоих стремлений основание;
Они лежат в моей былой судьбе.
Покуда бог, должно быть, в наказанье,
За что, бог весть, замкнул меня в тебе.
В любви ль, в труде ль, но так или иначе --
В борьбе, без сна, все ночи наповал —
Поэта плоть — да это ад ходячий!»
— «Душа моя, я так и знал!
Я так и знал! я так и знал!»

<1873>

ПРОИСХОЖДЕНИЕ БОГОВ

Вкусив от кипрских лоз достаточную меру,
Сподобился и я узреть, лишась сознания,
Цереру, Бахуса, Минерву и Венеру —
Вас всех, «погибшие, но милые созданья».
Вас проклял юноша с наукою негодной
Казенных классиков, — но им ведь не дана
Наука, как хмелеть от влаги благородной, —
А боги родились от кипрского вина.

Я вновь в классической, но в настоящей школе!
Стекайтесь же ко мне — все двери вам открыты —
Вы, музы умные, вы, юные хариты,
Но только в образах, измышленных на воле.
Танцуйте предо мной, вакханки и дриады,
Но пусть холодная и пресная волна
Умчит вас, резвые, но трезвые наяды!
Все боги родились от кипрского вина.

От нектара страны, где вдруг морская пена
Произвела на свет богиню красоты,
На диком севере мне море по колена,
И плотью облеклись свободные мечты.
Ах! Небо Греции так чисто, так прекрасно!
Понятно: грек его и заселил сполна
Породою богов отменно-сладострастной. . .
Все боги родились от кипрского вина.

Изобрести богов во что бы то ни стало
Хотелось старичку-поэту Гезиоду;

Но у него идей и образов хватало
Едва на мертвую, напыщенную оду.
Тогда он кипрского запасся полным мехом, —
Так и прорвался тут, как выпил старина,
Из меха весь Олимп с весельем и со смехом.
Все боги родились от кипрского вина.

И этих-то богов, любить всегда готовых,
Вдруг бросил человек для безобразных чучел,
Для леших, домовых, для ведьм средневековых
И этой сволочью плоть в глупых снах измучил.
Стреляй их, филинов с летучими мышами!
Зараза тленья в них. Пусть неба глубина
Смеется в нежностях голубок с голубками.
Все боги родились от кипрского вина.

Анакреон, Менандр, Эсхил, Гомер — ваш гений
Вы в кипрском черпая, с богами стали рядом.
В наш век поэт бы пел для дальних поколений,
Но наша жизнь совсем иным сложилась складом.
Вторично заселять едва ли нужно небо:
Жизнь на земле плодить теперь любовь должна.
«Пей», — шепчет страстно мне вполне земная Геба.
Все боги родились от кипрского вина.

<1873>

САМОУБИЙЦЫ

Две смерти вдруг! Две жизни в пышном цвете
Сил юности — не выдержали бой.
Как мучились пред смертью эти дети,
В их комнатке свидетель — дым густой.
Их мысль была: «Нет обществу спасенья!
Игрушка бурь, корабль идет ко дну.
Зачем нам ждать последнюю волну?
Спасемся вплавь от общего крушенья».
И лучший мир искать ушли вдвоем,
Рука с рукой, неведомым путем.

«Безумцы-дети! Если ваши грезы
Не расцвели под мглою черных туч —
Ведь что роса, то в молодости слезы:
Их высушит к полудню солнца луч».
Ответ их был: «Зачем нам солнце лета?
Оно для тех сияет, чья земля —
Цветы, плоды, деревья и поля, —
Нет у него для нас тепла и света».
И лучший мир искать ушли вдвоем,
Рука с рукой, неведомым путем.

«Безумцы-дети! Жизнь хулить пристало
Лишь старикам, когда в них стынет кровь.
В дни юности из каждого бокала
Сверкает жизнь — на дне его любовь».
Ответ их был: «Любовь, как песня рая,
Живет в сердцах, — но смысл ее пропал.

Нет божества — стоит лишь пьедестал,
И грязь на нем налипла вековая».

И лучший мир искать ушли вдвоем,
Рука с рукой, неведомым путем.

«Безумцы-дети! Дайте срок: крылами
Взмахнете вы — и от родимых гнезд
Далёко, ввысь умчитесь за орлами
И озаритесь славою средь звезд».
Ответ их был: «С высот небес в долины
Для отдыха спускаются орлы;
И чем дружнее всеобщие хвалы,
Те гибельней яд клеветы змеиный».

И лучший мир искать ушли вдвоем,
Рука с рукой, неведомым путем.

«Безумцы-дети! Нет страстей и муки,
Чтоб долг святой не мог их утолять:
Отечеству отдайте мысль и руки,
Оно вас ждет со знаменем, как мать».
Ответ их был: «Внесут в дом генерала
С почетом знамя, чтоб спокойный сон
Его хранить: да не увидит он
Страданий тех, чья кровь его спасала».

И лучший мир искать ушли вдвоем,
Рука с рукой, неведомым путем.

«Безумцы-дети! Ум ваш омрачила
Сомнения отрава с юных дней.
Есть в мире бог. Его святая сила
Властна смирить тревожный гул страстей».
Ответ их был: «Покончим же мгновенно.
Не станем ждать средь мрака и тревог,
Чтобы в душе святое имя: бог —
За буквой буква стерлось постепенно».

И лучший мир искать ушли вдвоем,
Рука с рукой, неведомым путем.

Две роковые жертвы самомнения!
Творец земли! Прости им тяжкий грех.
Не ведали, что мы, в цепи творенья,
Не для себя рождаемся — для всех.

Пророков нет, чтобы в борьбе направить
Мысль юную, внушая как завет:
Любить людей — подвижничества нет;
Любить тебя — стремись людей заставить.
И лучший мир искать ушли вдвоем,
Рука с рукой, неведомым путем.

<1873>

ВЕЧНЫЙ ЖИД

Внемли мне, христианин. Будь
Готов помочь тому, кто просит.
Я Вечный жид — и вечно в путь
Могучий вихрь меня уносит.
Всё мрет вокруг. Мне смерти нет.
С надеждой жду, чтоб загасила
Ночь над землей навеки свет —
Но каждый день встает светило.
Иди! Иди!

Звучит мне всюду с грозной силой.
И вечность, вечность впереди...
Иди! Иди! Иди! Иди!

В восемнадцать я веков прошел
Над пеплом Греции и Рима
Милльоны городов и сел —
Всё дальше вихрь уносит мимо.
Я видел, как из зерн благих
Всходили гибельные всходы,
И новый мир из волн морских
Возник для будущей свободы.
Иди! Иди!

Всё слышу я, как в оны годы,
И вечность, вечность впереди...
Иди! Иди! Иди! Иди!

Все чувства бог смягчил мои;
Но в скорби нежной и глубокой

От крова чуждой мне семьи
Уносит вихрь меня далеко.
Динарий вечный мой в суму
Бросая нищему — я руку
Пожать не мог ни одному. . .
И дальше шел, покорный звуку:
Иди! Иди!

Один, в душе замкни всю муку!
И вечность, вечность впереди. . .
Иди! Иди! Иди! Иди!

Весенней зелени кустов
Приветно манит тень густая
Стряхнуть в их кущах пыль веков —
Но вихрь клубится, завывая.
Минуту я прошу всего —
Но в полной вечности мученья
Небесный гнев ни одного
Не уступает мне мгновенья.
Иди! Иди!

Весь срок земли круговращенья!
И вечность, вечность впереди. . .
Иди! Иди! Иди! Иди!

Кружок резвящихся детей
Навеет вдруг воспоминанье
О детях, о жене моей. . .
Вдруг — слышу вихря завыванье!
Рассейте, старики, свой страх
Пред смертью — миром утомленных:
Моя нога развеет прах
Их всех — детей, едва рожденных!
Иди! Иди!

Средь населений обновленных!
И вечность, вечность впереди. . .
Иди! Иди! Иди! Иди!

Когда я вновь в стране родной
Иду близ стен Иерусалима,
Хочу я шаг замедлить свой —
Но вихрь бушует: Мимо! Мимо!
Я грозный голос слышу там:

Здесь все твои давно почили.
Иди! Иди! Твоим костям
Успокоенья нет в могиле!
Иди! Иди!
Смерть над тобой одним не в силе.
И вечность, вечность впереди. . .
Иди! Иди! Иди! Иди!

Над богочеловеком я,
Когда он крест свой нес, изранен,
Дерзнул. . . Прости! . . Бежит земля. . .
Вихрь гонит. . . Помни, христианин:
Будь милосердым. Казнь мою
Постигни: до скончания века
Не за божественность свою
Бог мстит во мне — за человека.
Иди! Иди!
Звучит мне всюду с грозной силой.
И вечность, вечность впереди. . .
Иди! Иди! Иди! Иди!

<1874>

ИСТИННЫЙ ПЬЯНИЦА

Едва верхи холмов родимых
Блеснут вдали в лучах дневных,
Уж я в занятиях любимых,
Средь бочек, сердцу дорогих.
Отпив стакан до половины,
Я солнцу задаю вопрос:
Где, мол, видало ты рубины
Крупней усеявших мой нос?

Когда я пью — а пью всегда я;
Спокойный сохраняя вид, —
На свете сила никакая
Мое блаженство не смутит.
Услышу ль гром над головою:
Ага! я думаю, с небес
Увидел лик мой с перепоею
И трусу празднует Зевес.

Когда-нибудь, хватив как надо,
Вздремнув за рюмкою слегка,
Я вдруг неслышно в сумрак ада
Спускаюсь из мрака погребка.
А там, не тратя время праздно,
Переплывая Ахерон,
Я вновь напьюсь — и от соблазна
Со мной нарежется Харон.

Приобретя права гражданства,
С Плутоном в сделку я войду,

Открою погреб свой — и пьянство
И день и ночь пойдет в аду.
В честь Вакха песни в царстве смерти
Затянет дружно хор теней, —
А перепуганные черти
Напьются сами до чертей.

Не предаваясь воздыханьям,
Такие ж пьяницы, как я,
Придут обильным возлияньем
Почтить мой прах мои друзья.
Пусть в этот день пускают смело
Вин самых старых всех сортов
Сороковые бочки в дело
И выпьют сорок сороков.

С приличной делу простотою,
Чтоб не совсем пропал мой след,
Поставьте бочку над плитою
И в этой бочке мой портрет.
А чтоб почтил меня прохожий,
Пусть надпись скромная гласит:
«Под этой бочкой с пьяной рожей
Горчайший пьяница зарыт».

<1866>

МАКАР И ТЕЛЕМА

Молода Телема и прекрасна,
Только нрава чересчур живого;
Иногда волнуется напрасно
Из-за вздора черт знает какого.
Ну, Макар совсем другого склада:
Ровного, веселого он нрава;
Спит Макар спокойно, судит здраво
И живет и чувствует как надо.
Нравами нисколько уж не пара,
Но любовь их узами связала.
Сердится Телема на Макара —
Как ни любит, кажется ей мало.
До того однажды нашумела
(В этот раз совсем уж попустому),
Что Макару слушать надоело.
Улыбнулся — и ушел из дому.

Как ушел — и поминай, как звали!
Нет сегодня, завтра тоже нету,
И пошла красавица в печали
Милого отыскивать по свету.
День и ночь без отдыха блуждает
По различным городам и селам.
Ни в одном из них никто не знает
О Макаре добром и веселом.
Вот — уж где, не знаю, но в богатом
Королевстве некоем далеком —
К королевским подошла палатам,

Вся в слезах и в трауре глубоком,
После долгих поисков упорных.

Обступил ее кружок придворных.

«Ах, не здесь ли он? Не при дворе ли
Мой Макар, возлюбленный, желанный?»
Царедворцы только посмотрели
На нее и улыбнулись странно.
«Гм! Макар. . .» И в имени-то этом
Им смешное что-то прозвучало.
«Как его узнать бы по приметам,
Расскажите, милая, сначала», —

Смеха ради пристают к Телеме.

«Он любим без исключения всеми,
Человек поистине примерный,
Мой Макар, мой милый друг неверный!
Нравится он с первого же взгляда:
Ровного, веселого он нрава —
Спит спокойно, рассуждает здраво
И живет и чувствует как надо».

Царедворцы бедной отвечали:
«Он, должно быть, где-нибудь далече;
Здесь его не только не видали,
Здесь об нем не может быть и речи».

Поиски упорно продолжая,
Дальше в путь пошла Телема в горе.
Тишина кругом ее немая,
И глазам ее открылись вскоре
Мрачные, пустынные пещеры.
Видит у одной из них аскета,
Кажется, принявшего все меры,
Чтоб укрыться от волнений света.
Думает: наверное, найду я
Здесь его в какой-нибудь пещере.
Спрашивает старца в полной вере.

Отвечает старец ей: «Ревнуя
О спасеньи в жизни безмятежной,
Сами ищем беглого прилежно,
Но доселе не видали сами:
Заняты иными мы делами.
Одолеть никак не можем страсти,
Бес всё соблазняет дни и ночи,
Да к тому ж друг с другом мы о власти
Преписаться любим. . .» — «Да короче, —
Подхватил аскет какой-то дюжий, —
Нет его! Уж мы искать досужи.
На земле напрасно не ищите.
Каждый смертный занят в каждом быте
Помышленьем о насущном хлебе.
Отправляйтесь — поищите в небе».
За насмешку это принимая,
Вспыхнула Телема молодая,
«Полно врать, — в ответ ему сказала, —
Здесь он, здесь, наверно, в этом мире,
А не там. в каком-нибудь эфире.
Я найду во что бы то ни стало,
Оттого я без него страдаю,
Что он создан для меня — я знаю!»

Расскажу ль все странствия вдовы я!
Вот она вступает в храм науки,
Где, на лаврах и сложивши руки,
Всё сидят умы передовые.
К ним она взывает со слезами:
«Вы его так верно описали,
Что он здесь, конечно, между вами».
Отвечал один из них: «Едва ли!
Мы об нем еще напишем томы,
Лично ж с ним мы тоже незнакомы».

Перед ней суровый храм Фемиды.
Тут смешно уж сделалось Телеме.
«Милому не нанесу обиды:
Он попасть не может в это племя.
При дворе еще, пожалуй, можно
Обмануться обстановкой ложной.

У ученых — к истине стремленье,
А уж' здесь — уж здесь мое почтение!
Мой Макар не может быть и близко
От врагов своих заклятых, кровных,
От крючков подъяческого иска
Или дел кровавых уголовных».

«Нет ли, разве, в храме Мельпомены?
Не найдется ль в храме Терпсихоры?»
Все театры обошла, все сцены.
Но везде — ломаются актеры,
Полные искусственного жара,
Авторы за гул рукоплесканья
Продают свой стыд и дарованья —
И никто не ведает Макара.
Поспевать везде она умела:
На обеды под предлогом дела,
На пиры и ужины безделья,
На балы, концерты, вечеринки,
Забралась однажды на поминки,
Где мелькнули признаки веселья, —
Нет Макара! Нет — как не бывало!
Издали как будто замечала
Кое-где с его чертами сходство;
Но когда поближе подходила,
Видела румяна и белила —
А под ними дряхлость и уродство.

До дому Телема еле-еле
Добрела в печали неутешной.
Чуть вошла: стоит ее сердешный
Преспokoйно у ее постели.
Взял ее Макар за обе руки.
«Что? Устала? — говорит ей кротко. —
Чтоб отныне нам не знать разлуки
В этой жизни, без того короткой,
Не гоняйся за мечтой неясной,
Ум и сердце попусту волнуя, —
И не требуй от меня напрасно
Более, чем дать тебе могу я».

Классики, я полагаю, знают
(Вот оно, классическое знание!),
Что Макар с Телемой означают
Счастье и *страстное желанье*.

<1868>

ПОПУГАЙ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Честная мать, сумевшая свободно,
Не проклиная помыслов земных,
Сердца затворниц-граций молодых
Привлечь к себе лишь добротой природной
И сделаться подругою для них, —
Почтенная особа, вам угодно,
Чтобы рассказ десятка в два страниц
Об участи достойнейшей из птиц
Я написал. Согласен я на это.
Но чтоб вполне достоин был предмета
Чувствительною формою рассказ,
Быть музою я приглашаю вас.

Внушите мне всю трогательность слова,
Наивность дум и сердца теплоту,
Смирение перед судьбой суровой,
Ума, души и слога чистоту,
С какой вы скорбь свою живописали,
Когда *Мими*, ваш друг, издохла в мале.
И мой герой достоин также слез;
Страданий он в сей жизни перенес
На родине и на чужой сторонке
Не менее любезной вам болонки.
И я бы мог тянуть на старый лад,
Как все творцы новейших Илиад,
По правилам слагая песнь за песней,
Одна другой нелепей и чудесней.

Оно легко; поэмы план готов:
Созвал с небес героев и богов,
Да к ним еще чертей пригнал из ада —
И вот тебе готова Илиада.
Но хоть страдал герой мой, как Еней,
К тому же был религиозных правил, —
Иначе бы его я и не славил —
Я не хочу с поэмою моей
Читателей сажать за труд тяжелый;
Пусть мой рассказ сердца чуть шевельнет —
Вот цель моя. Ведь музы — те же пчелы,
И для стихов собирают только мед.

На краткость вы меня благословили,
Но искренность не менее нужна,
А искренность в правдоподобной были —
Неровен час — бывает нескромна.
Не задержать ни кельям, ни решеткам
Смех искренний — и вы пример для всех:
Чем больше слез во взгляде вашем кротком,
Тем веселей омытый ими смех.
В вас нет смешных претензий на безгрешность,
Скрывающих келейные грешки,
И тем для вас ничтожней пустяки,
Чем для глупцов торжественней их внешность;
Но если бы в наследие векам
Я добродетель должен был прославить,
Не мог бы я в уме ее представить,
Не обратясь благоговейно к вам.

Читали вы, и я читал, бывало,
Еще дитёй, и в прозе и в стихах,
Что в странствиях по свету толку мало,
 Что дома лучше, чем в гостях;
Что иногда, пространствовав порядком,
Привозим мы, в отчизну возвратясь,
К родным грешкам и кровным беспорядкам
С чужих земель подобранную грязь.
Мысль старая, но правда вековая
Торжественно подтверждена вполне
Ужасною судьбою попугая,

Трагической! Кто не поверит мне,
Пусть съездит сам на берега Лоары:
Там монастырь есть женский, очень старый.
Что я не лгу, не только местный люд,
В нем камни стен — и те возопиют.

В монастыре, вдали от треволнений,
В кругу простых и набожных сестер,
Жил попугай — не попугай, а гений! —
Он кроток был, чувствителен, остёр.
Он совмещал в себе весь блеск искусства
С наивностью и теплотою чувства,
Умен, как бес, и чист, как херувим.
Немудрено: ведь нашему герою
Был монастырь отчиною второю.
Он нравственным развитием своим
Обязан был сестер опеке кроткой.
Из Индии он привезен был к ним —
Малютка-птенчик, ангельчик-сиротка, —
Остаться б век он должен был таким...
Но люди злы — а для борьбы с грехами
Мудрец с грехами должен быть знаком;
Где ж мог Жоко освоиться с грехом?
— Ведь многого не знали сестры сами.

Ах! Что за жизнь в обители святой
Была Жоко! Не жизнь, а рай земной!
Монахини *Дружком* его назвали.
Действительно: в их радостях, в печали,
Хоть попугай, но как в семье родной,
По болтовне, капризам и привычкам,
Он братцем был своим сестрицам-птичкам.
Уж, кажется, отца-духовника
Боготворили сестры по заслугам;
Отец отцом, однакоже, а другом
Считали все не батюшку — Дружка.
Хоть ублажать свое честное чрево
От их щедрот маститый духовник
Вареньями, конфектами привык,
Но иногда, по кротости, без гнева
В своем десерте видя недочет,
Усматривал, что попугай клюет

По всем правам отцу, как дань от дочек,
Долженствовавший лакомый кусочек.
Честной отец, однакоже, к Дружку
Не выражал за предпочтенье злобы —
Грех зависти был чужд такой особы, —
И как питать вражду к временщику?
Хоть попугай, а царствует всевластно —
Так, стало быть, с ним ссориться опасно!

Жоко летал и лазал где хотел,
Клевал сестер смиренные уборы,
По целым дням вел с ними разговоры.
Он хохотал, свистал, был весел, смел
И очень зло подчас, когда был в духе,
Острил насчет иной ханжи-старухи.
Но скромный вид затворниц молодых
Умел хранить в сарказмах самых злых.
При этом, вдруг вопросами забросан,
Умел ответ на каждый дать вопрос он.
Так Юлий Цезарь удивлял весь Рим,
Диктуя письма разом четверым.

Трапезуя в столовой монастырской,
Дружок клевал из рук и прямо с блюд.
Был для сестер немаловажный труд
Набить его желудок богатырский.
А иногда так вовсе не клевал!
Отлично знал Дружок сестер привычки
И попозднее в келье пожирал
С беспечностью небесной божьей птички,
С любимую сestroю глаз на глаз,
Ее карманных лакомств весь запас.
Что значит в здешней жизни корм отборный,
Ты знаешь сам, Дружка беспёрый брат,
Хоть прокурор зовись, хоть адвокат,
Хоть попугай салонный, хоть придворный!
Так день за днем спокойно жил Дружок
Средь монастырской жизни беспечальной.
Он ночевал, конечно, в общей спальней.
Но иногда укромный уголок
Какой-нибудь уединенной кельи
Предпочитал, справляя новоселье.

Как счастлива была честная мать,
К которой он благоволил влетать!
Хоть редко был Дружок замечен в этом:
Он некий страх питал к преклонным летам
И келейки послушниц молодых
Предпочитал, всю ночь, однако, в них,
Боясь смутить в печали их по бозе
Или в мирской и сладострастной грезе,
Был, так сказать, благоговейно тих.
«Дружок! Дружок!» — произносил чуть внятно,
Смиренно сев на освященный воск,
И чистоты щеголеватый лоск
В их кельях чтя, он вел себя опрятно
И щедро был вознаграждаем там
За деликатность эту по утрам.
Кто б ни был ты, читатель, полагаю,
Завидовать ты станешь поугаю,
Когда скажу, что рано поутру
(Представь себе соблазн картины этой!)
Он юную красавицу-сестру
Свободно видеть мог полуодетой,
В спокойствии безгрешной наготы,
Лишь для него открытые красоты
И на лице игру мирской мечты
И важные духовные заботы.
Талантливый счастливец наш Дружок
Вам, городские дамы и девицы,
Порассказать бы очень много мог
Про туалет хорошенькой черницы.
Вы знаете, что в целом мире нет
Такой простой, такой грубейшей ткани,
Которую б искусный туалет
Посредством хитроумных сочетаний
Не обратил в изящнейший наряд,
Назначенный прельщать мужчины взгляд.
Но, тайн черниц поверенный случайный,
Я разглашать не стану эти тайны
И в скобках лишь замечу (никогда
Нигде из женщин никакая школа
Суровая смиренность и труда
Не делала особ иного пола,
И женщинам в их лучшие лета,

Ах! не души, а плоти красота
Дает диплом на чин: венец творенья).
Я в скобках лишь пускаюсь в рассужденья,
Ненужные в счастливые века,
И возвращусь к истории Дружка.
Так средь сестер, сердцами их владея,
Дружок наш жил как царь, как божество.
Любимейших сестра Агафоклея
Воробышков забыла для него.
Три чижика без корма околели,
А монастырский старый жирный кот,
Привыкший видеть ласку и почет,
От зависти зачах в две-три недели.
Позора он перенести не мог
И, ревностью замученный, издох.
Ах! Кто бы мог предугадать в то время,
Что пропадет вотще благое семя,
Что будущность ужаснейшую рок
Сулил Дружку! Стой, муза, вынь платок,
Нам предстоит лить горьких слез потоки.
Любовь сестер смиренных, их уроки
Дружок забыл. . . Но слезы лить о нем
Со следующей песни мы начнем.

ПЕСНЯ ВТОРАЯ

Дружок вдали от шума и соблазна
Не проводил, конечно, время праздно.
Он одарен природой щедро был
И свой талант не только не зарыл,
Но развивал внимательным ученьем,
Беседами и строгим размышленьем.
К обычаям разумным приучен,
Не говорил лишь за трапезой он,
Зане постиг, что пищей несовместно
Питаться вдруг духовной и телесной.
Дружок сберег вполне невинный взгляд
И чистоту времен патриархальных
В ужасный век, когда повсюду яд
Разносится учений либеральных,
И попугай любой болтать со слов,
Без разума затверженных, готов.

Он знал зато, как прокурор законы,
Акафисты, псалмы и ефимоны,
И даже мог, всегда в приличный час,
Петь на шестой и на девятый глас.
Как скромная послушница, с тоскою
И грацией он пел «Волной морскою»
И нежно брал в словах «Христос воскрес»
Как ватиканский певчий, ут-диэз,
За что сестер христосованьем честным
Замучиваем был по дням воскресным.
Но в резвости веселой и возне,
Их тайн мирских поверенный интимный,
Не забывал он, так же как оне,
Засевшие в мозгу его прокимны.
В конце концов сестер познания, тон
Их голоса, их взгляды, их манеру
Не только что вполне усвоил он,
Но, превзойдя всех ожиданий меру,
Ученостью поспорить мог с самой
Терезою — игуменьей честной.
В безвестности не остается гений;
Гремит об нем стоустая молва.
И об Дружке дошла она сперва
До городов ближайших и селений.
Переполох, понятно, произвесть
В провинции должна такая весть.
Смотреть Дружка валил народ толпами.
Больные лишь не собирались в путь
На гения пернатого взглянуть.
Им хвастали, конечно, сестры сами.
Одна Дружка носила напоказ,
Чтоб поразить сначала красотю.
И зрители, бывало, целый час,
Плененные изящной пестротою,
И грацией, и детской простотою,
С красавчика глаз не могли свести.
Но в красоте нет без ума пути,
А красоту все забывали сразу,
Чуть первую, бывало, скажет фразу.
Хотя Дружок был вовсе не фразёр.
Помилуй бог! Уроками сестер
Проникнутый, учен и образован,

Хоть при гостях немножечко взволнован,
Он начинал читать публично речь —
И публика, боясь ее пресечь,
Со вздохами, с прерывистым дыханьем,
Казалась вся восторгом и вниманьем,
А он-то ей благоуханно льет
Духовного витийства сладкий мед,
Метафоры, синекдохи и хрии. . .
Скажите: где, во Франции, в России,
В Германии, находятся витии,
Которым бы внимая, полный зал
Наполовину хоть не задремал?
Каких еще хотите вы похвал?
Проникнутый восторгами былыми,
Вы слышите, я сам вас забросал
Восторженными рифмами тройными.
Окончив речь, Дружок полупоклон
Изображал и шейкой и головкой,
Показывая этим очень ловко,
Что славою ничуть не обольщен.
И проносился взрыв восторга в зале:
«Ах, как умен! Как мил, красив, остёр!»
И мудрые слова все повторяли
С невинными остротами сестер,
Которые передавал он тоже,
Как попугай, во всем на них похожий.
Я описал как мог в своих стихах,
Как жил Дружок, трудясь и размышляя,
На монастырских даровых хлебах.
Понятно, он стал жирен, как монах,
Но сохранил веселость попугая,
И хоть мудрец, ученый, как аббат,
Шалил, когда с ним сестры зашालят,
Как, может быть, шалили б и аббаты. . .
Вдруг пробил час, час роковой трикраты!
О! если бы история могла
Не заносить в правдивые скрижали
Великих мира темные дела!
О! если бы в ужасной бездне зла
Высокие умы не погибали —
Остался бы в наследие векам
Пример Дружка во всем величьи славы —

Но истинно глаголю вам:
Ум, гений, власть, смотря по временам,
То создают, то развращают нравы.

Дружок! Дружок! На быстрых крыльях весть
Про разум твой, блеск твоего таланта,
К несчастью, достигла скоро Нанта,
Где женская обитель тоже есть.
Уж если он, наш общий прародитель,
От любопытства женщины погиб
В раю, где оба вечно жить могли б,
Так вы представьте женскую обитель,
Где не одна, а пять десятков Ев,
По большей части перезрелых дев,
Не ведавших ни рая, ни Адама,
Тоскливо бродят семо и овамо
И любопытством Евы все горят.
Пмножьте ж грех ее на пятьдесят.
Итак, едва дошла до Нанта весть,
Какой Дружок красивый, умный, острый,
Немедленно «привезть его! привезть!»
Воскликнули все набожные сестры.
Не ест сестра Епистимия, нет
Сна у сестер Мамельфы и Макрины.
Прошло дня три, и собрался совет
И порешил, как человек единый,
Послать письмо и в нем сестер просить,
Почтительнейшим слогом излагая:
Не можете ль прислать к нам попугая;
Желаем слух и зренье усладить.
Письмо пошлó. Ответ дней через десять.
Извольте вы сестер страданья взвесить!
Уж у сестры Еротииды бред,
Умрет сестра Феозва в цвете лет.
Письмо пришло. Уныл лоарский берег.
Представьте, сколько обмороков, слез,
Рыданий, вздохов, криков и истерик
С письмом подобным посланный привез.
«Как? Чтоб Дружок, наш собеседник милый,
Наш попочка был увезен от нас!
Нет! Не дадим ни на́ день, ни на час.
Уж лучше всем лечь заживо в могилы!»

В таких аккордах бурных приговор
Положен был от молодых сестер.
Еще бы нет! У них к нему привычка.
Он всё для них, их счастье, радость, свет.
Дружок у них единственная птичка,
И никаких уж больше птичек нет.
Но у сестер, сединой убеленных,
Уж нет таких восторгов испуганных.
Спокойнее в их жилах льется кровь.
Расчетлива античная любовь.
Они решили мудро: в самом деле,
Послав отказ, сестер мы огорчим.
Пусть погостит у них две-три недели.
И приговор объявлен остальным.
Изобразю ль весь ужас и смятение,
В которое повергло остальных,
Всех возрастов, не только молодых,
Ареопага древнего решение.
Сестра Франциска вскрикнула: «Дружка...
Дружка!»... и вдруг лишилась языка.
Мать-ключница Сульпиция-старуха
От ужаса лишь простонала глухо
И, проглотив во рту последний зуб,
Вся затряслась и грохнулась, как труп.
Предчувствие сердца сестер томило,
Все видели мучительные сны
В ночь страшную и были все бледны,
Когда взшло дня грозного светило
И пробил час — разлуки скорбный час!
За клеткой все, в неутолимой муке,
Идут, идут, не осушая глаз,
Покорные, готовые к разлуке.
Всё кончено. Прощай, Дружок, прощай!
Одна сестра целует попугая.
Из рук ее уж рвет его другая,
Все жмут, все мнут, целуя и рыдая.
Измучился несчастный попугай.
(Ведь с каждою поцеловаться надо!)
Но вот уж пройден монастырский двор,
Вот ворота... Дружок уж за оградой...
И се — не бе Дружка, души сестер!
«Прости, мой сын, долг чести, воля рока

Зовут тебя от родины далеко,
На лоне вод умчит тебя зефир
Дивить красотой и гением весь мир.
Но, лаврами венчаный, в громкой доле,
Не забывай томящейся в неволе,
В монастыре, но вечную душу
Здесь, там, везде, всегда, весь век с тобой!»
Взывала так к Дружку сестра Ирина,
Читавшая под простыней Расина
И с радостью готовая махнуть
Вслед за Дружком хоть в кругосветный путь.
Всё кончено. Он в лодке. Всё готово.
Еще он чист душой. как херувим.
Гордясь своим высоким даром слова,
Обходится еще он честно с ним.
Да возвратится к сестрам он своим
Таким же всё, не ведая дурного!
Но уж весло рассекло лоно вод.
Прощай! Прощай! Дружок уж в Нант плывет.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Как только что отчалили, Дружок
Стал спутников рассматривать тревожно,
Забившись в клетке в самый уголок.
Тут испугаться, правда, было можно.
Хмельной монах — во-первых, во-вторых —
Харчевница размеров колоссальных,
Драгун, жандарм, два кучера лихих
И, наконец, три мусорщика сальных
В компании трех граций площадных.
Представьте вы: сестер благочестивых
Воспитанник — один среди людей
Порочных, грубых, пьяных, неучтивых!
Ни слова он в невинности своей
Не мог понять из грязных их речей.
Попал он будто к чужнам или немцам —
И озирался дико иноземцем.
Еще бы! Он в монастыре привык
К псалмам, молитвам, текстам из писанья,
Здесь слышит вдруг совсем другой язык
В особых формах словосочетанья.

Солдаты в карты дулись. Только он
От них и слышал: леший, дьявол, к черту!
(Причем стаканы подносились ко рту.)
Смысл этих слов был для него мудрен.
Красавицы и мусорщики пели
Лихую песню; слов, однако, к ней
Не мог прибрать Дружок из тропарей
И кондаков в дни светлая недели.
И где ему уж было понимать,
Как лодочник ругался с мужиками.

Что говорить? Что думать? Как ни смел,
Тут и Дружок, однако, оробел.
Заговорить, однако, попугая
Заставила компания честная.
К нему жандарм, шатаясь, подошел
И громко рявкнул: «выпьем, дьявол, попка!»
Дружок взглянул на кавалера робко,
Но ободрясь, глазами всех обвел
И с важностью ответил: «мир вам, сестры».
Представьте вы, как тут захохотал
Весь этот сброд характерный и пестрый.
Дружок смекнул, что произвел скандал,
Но, затаив смертельную обиду,
Он публике не показал и виду
И бешенства умел сдержать порыв.
Чувствителен он был, самолюбив,
Рассчитывал он каждое движенье,
К тому же был с приличьями знаком.
Как вынести, однако, оскорбленье?
Быть идолом и сделаться шутом,
Потехою для грубой, праздной черни!
Дружок молчал с обедни до вечерни,
Всё думал, думал, думал, — правду вам
Поведаю — досталось всем сестрам,
Им даже, с грустью должен вам сказать я,
Неблагодарный посылал проклятья
Ужасные за то, что ими он
Народной речи не был обучен,
Не знал ее красоты и изгибы.
(Ах, попочка! Желали б, не могли бы!
В тетрадках нет народных крепких слов.)

И наконец, по размышленьи зрелом,
Дружок решил, что первым, главным делом
Учиться и учиться надо вновь.
Затем, стремясь к скорейшему успеху,
Решился он, еще ругнув сестер,
Из головы, как тормоз, как помеху,
Вон выбросить весь монастырский вздор.
Как юноша, за дело взявшись с жаром,
Лишась совсем невинности своей,
Он всё забыл в течение двух-трех дней,
А через день, не тратя время даром,
Воспроизвестъ уж в совершенстве мог
Жандармский шик и мусорщицкий слог.
Хоть говорят: доходят постепенно
До преступлений тяжких — наш герой
Стал первоклассным извергом мгновенно,
Не вытерпев насмешек над собой.
Вдруг, в пять-шесть дней — помог ему лукавый!
Ругаться уж он стал на все лады.
Вот самолюбья горькие плоды!
Вот до чего доводит жажда славы!
Неизданный печатно лексикон
Казарменных острот, кабацких шуток,
Цинических и грязных прибауток
И даже падших женщин резкий тон
И хриплый голос — всё усвоил он,
Всё изучил в каких-нибудь пять суток.
Не спал ночей, когда ж, как дебютант,
Заговорил, так гул рукоплесканий
Простых людей, всё самых темных званий,
Почтил его ораторский талант.
Так он стяжал на лодке популярность,
Всё позабыв: стыд, честь и благодарность.
Таких Дружков немало в жизни сей
Найдем в числе передовых вождей.
Ах! Если б мы томящимся в печали
Благочестивым сестрам рассказали
Все подвиги героя моего,
О бедные! Ведь, может быть, молебны
Вы служите о здравии его.
А он, наглец, оратор непотребный,
Он вас забыл, нет — хуже: проклял вас!

Вы плачете, святые голубицы,
Об ком? Об нем? Слезинки ваших глаз
Не стоит он. В пороках он погряз,
Он хуже, чем грабители, убийцы,
Он прямо в ад сошел без похорон,
Он атеист, богоотступник он!
Ах! где Дружок, с высоко-простодушным
Характером практический мудрец,
Умевший быть свободным и послушным,
И либерал и в то же время льстец!
Где злой остряк, всегда остривший в меру,
Умевший ловко в действия и в речь,
Как лошадей с конюшен разных, впречь
К пытливому уму слепую веру!
«Тебе, Дружок, подобных в свете нет!» —
Взывали сестры с горькими слезами,
Не ведая, что в наше время свет
Кишмя-кишит такими мудрецами.
Но вот и Нант. В монастыре тоска,
Ждут не дождутся гостя дорогого.
«Да скоро ли увидим мы Дружка?
Не сделалось бы с ним чего дурного,
Не простудился б он, не захворал!»
И, вызванный сестер воображеньем,
Развитым в них келейным заточеньем,
Носился перед ними идеал
Всех совершенств людей и попугаев —
Высокий ум и нежный голосок,
Меж тем как ты, бессовестный Дружок,
Уроки брал у пьяных негодяев!
Какая скорбь сестер смиренных ждет! . .
Но вот уж лодка к берегу плывет.
На берегу привратница седая
Со дня отправки первого письма
Дни целые дежурит и, сгорая
Мечтой узреть красавца попугая,
Вплывь, кажется, пустилась бы сама.
Как побежала вперевалку к плоту
Да взвизгнула гнусливым дишкантом,
Дружок узнал уж птицу по полету —
И овладел невольный страх Дружком.
А рассмотрев слезящиеся глазки,

Седых кудрей смешные завитки,
Затрясся он, как лист, от первой ласки
Ее холодной старческой руки.
Вертелась уж на языке посылка,
С которою жандарм или драгун
Уж задали б, конечно, карачун
Такой фигурке постной за бутылкой. . .
Однако он и тут следжал свой гнев;
Когда ж она поволокла бедняжку,
Не выдержал — и вдруг что было сил
Противную старуху укусил —
Не знаю: в руку, шею или ляжку,
Все хроники пересмотрели мы,
На этот счет все повествуют разное,
Но все гласят: Дружок, во мрак соблазна
Поверженный по воле князя тьмы,
Петь не желал в монастыре псалмы,
Орал, кричал и бился всю дорогу,
Пока его — благодаренье богу —
Не принесли на монастырский двор,
Где колокол сзывал уже сестер,
Благовествуя радость громким гулом;
Не кончив спевки, сестры всем огулом
Скорей бежать пустились на призыв.
«Дружок! Красавчик! Милочка! Он жив!
Здоров! Он здесь! Бог сжалился над нами!»
Бегут, бегут с веселыми толпами
Толпы едва переводящих дух
С одра болезни впрянувших старух,
И, затрусив рысцой, костыль забыла
Столетняя старуха мать Брамбилла.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

С большим трудом, однако, пронесла
Привратница в гостиную злодея.
Здесь каждая сестра, томясь и млея,
Налюбоваться вдоволь им могла.
Он был прекрасен. Мудрая природа,
Зачем в соблазн невинность вводишь ты,
Даруя злым всю прелесть красоты
И затаив в кривых чертах уroda

Смирения нетленные цветы?
Усвоив шик особенного рода,
Дружок смотрел, с тех пор как стал знаком
С пороками и грубым языком, —
С развязностью хоть наглою, но милой —
Кавалерийским юнкером-кутилой.
Недоставало разве только шпор.
Понятно, он в восторг привел сестер.
Все, как одна, стремились к чудной птице,
Кружась, жужжа, как пчелы из улья.
Такой был шум, что сам пророк Илья
Промчался бы неслышно в колеснице.
Ни слова он. С надменностью глядит,
Как молодой послушник-кармелит,
И это уж, во-первых, неучтиво:
Воспитанные юноши спесиво
Не станут относиться к похвалам,
Особенно из уст девиц и дам.
Второй скандал еще того был горше.
Благочестивой матери-приорше
Благоугодно было сделать честь
Приезжему — с ним разговор завести.
Честную мать он огорошил сразу;
На первый же приветливый вопрос,
Невежливо задравши кверху нос,
Он произнес ужаснейшую фразу
(Историки согласно говорят —
Он эту фразу слышал от солдат,
Когда у них на лодке брал уроки):
«Черт побери! Вот дуры! Вот сороки!»
— «Фи, попочка! Возлюбленный мой
брат...» —
Умильным голоском сестра Аглая
Произнесла — и вдруг от попугая
Отпрянула... Разбойник! Караул!
Злодей сперва передразнил Аглаю:
«Фи, попочка!» и вдруг словцо загнул...
Я этого словца не повторяю,
Не повторит при дамах и драгун.
«Игуменья честная, он колдун!» —
Неистово сестра Аглая взвыла.

Тут подскочили сестры Петронилла,
Мамельфа, Ида, Клара — всем сестрам
От изверга досталось по серьгам.
Он повторял до тонкости правдиво
Все оханья, все взвизги молодых,
А до старух добравшись, стал гнусливо
Ворчать, брюзжать и даже кашель их
И хрипоту в середине речи мерной
Воспроизвел художественно-верно.
Оставить бы нахала одного
Одуматься в тиши уединенья,
Но увещанья их и наставленья,
Не вразумив, взбесили лишь его,
И негодяй, дойдя до исступленья,
Пошел стрелять ученостью своей,
Возвышенное с мерзким ставя рядом,
Осыпал он сестер ругательств градом.
«Черт! Дьявол! Леший! Ведьмы! Сто чертей!»

.
.
Всех обуял неодолимый страх,
И бросились бежать все впопыхах,
Дрожа, крестясь, друг дружку с ног сбивая.
Всем слышался с испуга трубный звук;
Что страшный суд настал — всем ясно стало.
Был так велик в монастыре испуг —
Что старица Анфиса повторяла
Все речи неприличные нахала
И, потеряв последний разум, вдруг
С бессмысленным бесстыдством заплясала.
Ее, конечно, увели сейчас.
«Он еретик, он порожденье ада!
За прегрешенья наши так и надо, —
Раздался вдруг глубоко скорбный глас.
И с узеньких глубоко впалых глаз
Отерла слезы мать Иродиада. —
Бог за грехи шлет испытанье нам
И кару нашим во Христе сестрам,
Как некаким заблудшим овцам стада,
Привившим к птице весь мирской разврат
И суетной науки тонкий яд.
Воистину диаволы чада!

Да идет к ним. А мы наш честный дом
От всякой скверны оградим крестом».
— «Помилуй нас, сладчайший Иисусе! —
Речь повела в начальническом вкусе,
Не выдержав, сама приорша-мать. —
К ним, к ним его немедля отослать!»
Сентенция положена такая:
«На родину злодея попугая
Препроводить, понеже уличен
В наитягчайших преступленьях он:
В произнесеньи дерзком в месте святе,
Исполненном господней благодати,
Кошунственно-ругательских речей
И в богохульстве, коими злодей,
Произведя в монастыре смятенье,
Тем обнаружил явно покушение
Растрлить, в виду поруганных святынь,
Умы, сердца и нравы инокинь».
Все приговор суровый подписали,
Хоть ныли все сердца их от печали.
Кто б думать мог, что яд нечестья скрыт
В хорошенькой головке изумрудной
И обольщает красотой чудной
Язычник, нехристь, оборотень, жид!
И вновь с Дружком привратница бежит.
Дружок орал сначала что есть духу,
Не укусил, однакоже, старуху
И замолчал, поняв, что предстоит
Обратный путь в компании веселой.

Нет слов у муз, чтоб выразить весь стыд,
Отчаянье, весь мрак тоски тяжелой,
Который камнем на сердца упал
В монастыре на берегах Лоары,
Когда подобный нантскому скандал
В нем произвел вернувшийся нахал.
Достоин он неумолимой кары;
Чтоб утвердить примером божий страх
В расшатанных неверием умах,
Из девяти монахинь престарелых,
В посте, в трудах по бозе поседелых,
Образовался избранный совет.

До десяти веков им не хватало
Каких-нибудь полтора ста лет.
Пустынное избрав для прений зало,
Все в трауре уселись за столом,
Пскрытым черным до полу сукном.
На стол поставлен в клетке подсудимый,
Развенчанный, предчувствием томимый.
Вотще искал его блуждавший взор
Защитницу из молодых сестер.
Глядела мрачно роковая урна —
И началось голосованье бурно.
На двух билетах черных двух Сивилл
Дрожащий почерк смерть определил.
Двух не совсем еще ума лишенных
Авгурш решенье было, дабы он
Под крепким караулом водворен
Был в Индии (понеже там рожден),
В ее лесах, не очень отдаленных.
Но большинство, однакоже, пяти,
С любовью кроткой рассмотрев всё дело,
В обдуманной редакции сумело
Гуманным быть и строгость соблюсти.
И приговор, без мрачных зложелательств
Объявленный, с достаточным числом
Смягчающих злодейство обстоятельств,
Был выслушан почтительно Дружком:
Два месяца поста и воздержанья,
Три заключенья в клетке под замком,
Четыре покаянного молчанья.
И что всего ужаснее — к Дружку
Приставлена вгонявшая в тоску
Зеленая, худая, как холера,
Осьмидесятилетняя Мегера,
Живая смерть или ходячий ад.
Смотрела в оба фурия сурово,
Чтоб ни конфект, ни лакомства иного
Не пронесли тихонько в каземат
Молоденькие сестры, сожалея
Погибшего, но милого злодея.
Был грех велик и кара тяжела!
Сестра Агнесса раз из-за угла
Ему гостинцев как-то пронесла,

Но наш герой, в грехах тяжелых каясь,
Лишь прохрипел, до лакомств не касаясь.

Несчастья образумили его,
Мысль утвердили в нем уединенье,
Неволя, стыд, а более всего —
К тюремщице Мегере отвращенье.
На прошлое взглянул спокойно он.
Из умненькой, хорошенькой головки
Исчезло всё, как безобразный сон,
Все кучера, жандармы и торговки,
И с сестрами запел он в унисон,
Решившись жить в их обществе любимом
Попрежнему безгрешным херувимом.
Ареопак старух, как ни был строг,
Но сократил всех наказаний срок.
Счастливым день, благословенный день!
Какой восторг опять, какие ласки!
Каким огнем затеплились все глазки. . .
Но ах! Где свет, там падает и тень.
Кто думать мог о роковой развязке
В день торжества? Дружок к ним возвращен,
Исправился, помилован, прощен!
Печали, скорби сестрами забыты,
И обратились кельи в райский сад,
Цветами и растеньями увитый —
И пенится душистый шоколад,
И дразнят вкус воздушные бисквиты.
Все прыгают, все разом говорят. . .
Вознаградить за скорби и печали
Стремилась все Дружка наперерыв
И, гигиены правила забыв,
Весь день его сладостями угощали,
И всё клевал из вежливости он,
И аппетит был до того силен,
Что, с гигиеной тоже не справляясь,
Он испустил дыханье, разговляясь.
Еще пример: какой ужасный вред
Разгавливаться плотно в мясоед.
Здесь, муза, стой! Перо и кисть положим.
Ни в образах, ни в звуках мы не можем
Отчаянья сестер изобразить.

Сто тысяч поцелуев, бедным счетом,
И море слез горючих пролитó там,
Но тщетно всё. Дружка не воскресить!
Атропою он обречен могиле,
И вновь связать оборванную нить
Безгрешные лобзанья их не в силе!
Как светоч, он угас; как фимиам,
Как сизая волна паникадила,
Унесся ввысь. С пророческою силой
Глаголал он пред смертью, но сестрам
Значенье слов его неясно было.
И, прилетев с Олимпа в оный час,
Ревнуя к ним, красавцу веки глаз
Богиня красоты сама закрыла. —
И, просветлев, преставился Дружок.
И дух его из скорбной сей юдоли
Печалей, воздыханья и неволи
На крыльях сладострастья поволок
Богини сын, хорошенький божок.
С прискорбием душевным излагая
Болезнь и смерть красавца попугая,
Мать-казначей по всем монастырям
С нарочными послала циркуляры.
(Трагедию на берегах Лоары
В подробностях из них узнал я сам.)
Чтоб дать векам портрет феноменальный,
Как идеал ума и красоты,
Был приглашен художник гениальный.
Лишь гений мог снять гения черты!
И в неутешной горести сестрами
И гарусом и разными шелками
Был на канве живым изображен
В различные моменты жизни он —
И перлы слез все вышивки нетленно
Украсили, как ризой драгоценной.
Последний долг был отдан с торжеством,
Изобразить которое, как чудо,
Обыкновенных смертных языком
Я не могу, читатели, — покуда
Слог нашей речи состоит из слов,
А не душистых трелей и цветов.

Зеленый мирт простерся над тяжелой
Гробницею. Надгробием в стихах
Почтили сестры незабвенный прах,
Как прах царя карийского Мавзола
Его супруга, славная в веках.
И надпись ту на мраморе, в цветах,
В таинственной тиши уединенья,
Нельзя читать без слез и умиленья:
Когда, о юные послушницы! забавы
 Под эту сень вас увлекут,
Остановитесь здесь. Мирт этот величавый
 Укрыл любви приют.
Да не смущает здесь шум резвости беспечной
 Безмолвья скорби нашей вечной.
Прочтите, прослезясь: увы! под камнем сим
 Зарыт Дружок — мы все зарыты с ним.
Есть, впрочем, слух, что тень почтенной птицы
Оставила немую сень гробницы,
И попочка не только что живет
До наших дней в чертах иной черницы,
Но до скончанья века не умрет:
Закон метампсихозы исполняя,
Он, из сестры в сестру перелетая,
В их образах хранит из рода в род
И болтовню и душу попугая.

АМЕРИКАНСКИЙ ПРИНЦ И АФРИКАНСКАЯ ПРИНЦЕССА
(ЛИРИЧЕСКАЯ ОПЕРА В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ
И ШЕСТИ РИФМАХ С ПРОЛОГОМ)

ПРОЛОГ

Госпожи и господа! В этой пьесе
Американский принц женится на африканской принцессе,
Но долг чести зовет принца в бой кровавый,
Где он и умирает, увенчанный славой.
За добродетель, обаче, ему жизнь возвращается.
Все сие ново и любопытно. Занавес поднимается.

ДЕЙСТВИЕ I

Принц и принцесса (входят по совершении
брачного обряда).

Принцесса

С законным браком, принц.

Принц

И вас, моя драгая.

Народ, пляши и пой, блаженство выражая.

Народ

Воспляшем, воспоем, блаженство выражая.

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ II

За сценой происходит сражение. Слышны удары сабель. Принц входит, преследуемый врагами, сражается с ними и падает, убитый. За ним входит принцесса.

Принцесса

(с ужасом)

Супруг!

Принц

Супруга!

Принцесса

(с сугубым ужасом)

Что!

Принц

(с сугубою слабостью)

Я умер.

Принцесса

Ах, как жаль!

Народ, пляши и пой, чтоб выразить печаль!

Народ

Воспляшем, воспоем, чтоб выразить печаль!

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ III

Паллада усмотрела храбрость американского принца и положила предел преследованиям злобного Рока. Блещущая славою богиня, восседя на позлащенном кресле и указуя на бездыханный труп, глаголет сице:

Паллада

Я жизнь тебе дарю!

Принцесса

(умиленно)

О, чудо!

П р и н ц

(вскакивает как бы встрепанный)

Я воскрес!

(Несколько раз переворачивается на одной ноге в восторге.)

Народ, пляши и пой! Се — чудо из чудес!

Н а р о д

Воспляшем, воспоем! Се — чудо из чудес!

Конец третьего и последнего действия.

<1875>

СМЕРТЬ ВОЛКА

I

Как над пожарищем клубится дым летучий,
Над раскаленною луною плыли тучи.
Мы просекою шли. Недвижно мрачный лес,
Чернея, достигал верхушками небес.
Мы шли внимательно — и вдруг у старой ели
Глубокие следы когтей мы разглядели;
Переглянулись все, все затаили дух,
И все, остановясь, мы наострили слух.
— Всѣ замерло кругом. Деревья не дышали;
Лишь с замка старого, из непроглядной дали,
Звук резкий флюгера к нам ветер доносил,
Но, не спускаясь вниз, листвою не шелестил, —
И дубы дольные, как будто бы локтями
На скалы опершись, дремали перед нами.
На свежие следы пошел один из нас —
Охотник опытный: слух чуткий, верный глаз
Не изменял ему, когда он шел на зверя, —
И ждали молча мы, в его уменье веря.
К земле нагнулся он, потом на землю лег,
Смотрел внимательно и вдоль и поперек,
Встал и, значительно качая головою,
Нам объявил, что здесь мы видим пред собою
След малых двух волчат и двух волков больших.
Мы взялись за ножи, стараясь ловко их
Скрывать с блестящими стволами наших ружей,
И тихо двинулись. Как вдруг, в минуту ту же,

Ступая медленно, цепляясь за сучки,
Уж мы заметили — как будто огоньки —
Сверканье волчьих глаз. Мы дальше всё стремились,
И вот передние из нас остановились.

За ними стали все. Уж ясно видел взгляд
Перед волчицею резвившихся волчат,
И прыгали они, как псы с их громким лаем,
Когда, придя домой, мы лаской их встречаем;
Но шуму не было: враг-человек зверям
Повсюду грезится, как призрак смерти нам.
Их мать красиво так лежала перед ними,
Как изваяние волчицы, славной в Риме,
Вскормившей молоком живительным своим
Младенцев, призванных построить вечный Рим.
Спокойно волк стоял. Вдруг, с молнией во взгляде,
Взглянув кругом себя, поняв, что он в засаде,
Что некуда бежать, что он со всех сторон
Людьми с рабами их борзыми окружен,
Он к своре бросился и, землю взрыв когтями,
С минуту искал, кто злее между псами. . .

Мы только видели, как белые клыки
Сверкнули, с жертвою, попавшею в тиски.
Казалось, не было такой могучей власти,
Чтоб он разжал клыки огнем дышавшей пасти:
Когда внутри его скрещался нож об нож,
Мы замечали в нем минутную лишь дрожь;
Одна вслед за другой в него влетая, пули
В тот только миг его значительно шатнули,
Когда, задавленный, из челюстей стальных,
Свалился на́земь пес в конвульсиях немых.

Тогда, измерив нас уж мутными глазами,
В груди и в животе с вонзенными ножами,
Увидев в близости стволов грозящих круг, —
До выстрела еще, он на кровавый луг
Лег сам — перед людьми и перед смертью гордый, —
Облизывая кровь, струившуюся с морды.
Потом закрыл глаза. И ни единый звук
Не выдал пред людьми его предсмертных мук.

II

Не слыша более ни выстрела, ни шума,
Опершись на ружье, я увлечен был думой.
Охотники давно преследовать пошли
Волчицу и волчат — и были уж вдали.
Я думал о вдове красивой и суровой.
Смерть мужа разделить она была б готова,
Но воспитать детей повелевал ей долг,
Чтобы из каждого хороший вышел волк:
Чтобы не шел с людьми в их городах на стачки,
Чтоб голод выносил, но чтоб не брал полачки, —
Как пес, который гнать из-за куска готов
Владельцев истинных из их родных лесов.

III

О! если б человек был так же духом тверд,
Как званием своим «царя зверей» он горд!
Бесстрашно умирать умеют звери эти;
А мы — гордимся тем, что перед ними дети!
Когда приходит смерть, нам трудно перенять
Величие зверей — умение молчать.
Волк серый! Ты погиб, но смерть твоя прекрасна.
Я понял мысль твою в предсмертном взгляде ясно.
Он говорил, твой взгляд: «Работай над собой,
И дух свой укрепляй суровою борьбой
До непреклонности и твердости могучей,
Которую внушил мне с детства лес дремучий.
Ныть, плакать, вопиять — всё подло, всё равно.
Иди бестрепетно; всех в мире ждет одно.
Когда ж окрепнешь ты, всей жизни смысл
проникнув, —
Тогда терпи, как я, и умирай, не пикнув».

<1864>

ДЕКАБРЬСКАЯ НОЧЬ

Когда я был еще дитёй,
В обширной зале и пустой
Сажу я вечером, все спят...
Войдя неслышною стопой,
Весь в черном мальчик сел со мной,
Похожий на меня, как брат.

При слабом трепете огня
Взглянул он грустно на меня
И грустно голову склонил;
Всю ночь с участием в очах,
С улыбкой кроткой на устах
Он от меня не отходил.

Я покидал отцовский дом,
И живо помню: знойным днем,
Войдя в заглохший дикий сад,
Увидел я в тени раки —
Весь в черном юноша сидит,
Похожий на меня, как брат.

Куда идти мне — я спросил.
Он тихо лиру опустил
И, сняв венки из диких роз,
Как друг, кивнул мне головой
И холм высокий и крутой
Мне указал на мой вопрос.

Когда любил я в первый раз —
До утра не смыкая глаз,
Тоской неведомой объят,
Я плакал. . . Вдруг передо мной —
Весь в черном призрак роковой,
Похожий на меня, как брат.

Он меч держал в одной руке
И, как в ответ моей тоске,
Другою мне на свод небес
С тяжелым вздохом указал. . .
Моим страданьем он страдал,
Но, как видение, исчез.

На шумном пиршестве потом
Приподнял я бокал с вином,
И вдруг — знакомый вижу взгляд. . .
Смотрю: сидит в числе гостей
Один, весь в черном, всех бледней,
Похожий на меня, как брат.

Был миртовый венец на нем
И черный плащ, и под плащом
Багряной мантии клочки.
Со мной он чокнуться искал —
И выпал из моей руки
Неопорожненный бокал

Я на коленях до утра
Всю ночь проплакал у одра,
Где мой отец был смертью взят;
И там, как вечная мечта,
Сидел весь в черном сирота,
Похожий на меня, как брат.

Он был прекрасен, весь в слезах,
Как ангел скорби в небесах:
Лежала лира на земле;
Он в багрянице был, с мечом,
В груди вонзенным, и с венцом
Колочих терний на челе.

Как верный друг, как брат родной,
Где б ни был я, везде за мной,
 В глухую ночь и в ясный день,
Как демон на моем пути
Или как ангел во плоти,
 Следила дружеская тень.

Усталый сердцем и умом,
Оставив родину и дом
 И весь в крови от старых ран,
Пустился я в далекий путь,
Чтобы найти хоть где-нибудь
 Самозабвения обман.

Куда ни проникал мой взор:
В величии громадных гор,
 Среди смеющихся полей,
В уединении дубров,
В тревоге вечной городов
 И в вечном ропоте морей;

Везде под сводом голубым,
За Горем старым и хромым
 На вечной привязи бродя,
Где я, со всеми зауряд,
И сердце утомлял и взгляд,
 Незримо кровью исходя;

В странах, куда летел душой
За вечно жаждущей мечтой
 И где встречал я вечно то ж,
Что и бросал, стремившись вдаль,
И с чем расстаться было жаль, —
 Других людей и ту же ложь;

Везде, где, встретив то же зло,
Сжимал руками я чело
 И, будто женщина, рыдал;
Где рок безжалостной рукой
С души, как шерсть с овцы тупой,
 Мечты последние срывал;

Повсюду, где лежал мой путь
И где забыться и уснуть,
Хоть навсегда, я был бы рад, —
Везде, как призрак роковой,
Весь в черном странник шел за мной,
Похожий на меня, как брат.

Но кто ты, спутник мой, с которым неизбежно
Судьба меня свела?
Я вижу по твоей задумчивости нежной,
Что ты не гений зла:
В улыбке и слезах терпимости так много,
Так много доброты. . .
При взгляде на тебя я снова верю в бога
И чувствую, что мне над темною дорогой
Сияешь дружбой ты.

Но кто ты, спутник мой? В моей душе читая,
Как добрый ангел мой,
Ты видишь скорбь мою, ничем не облегчая
Тернистый путь земной;
Со мной без усталости дорогою одною
Идешь ты двадцать лет:
Ты улыбаешься, не радуясь со мною,
Ты мне сочувствуешь безвыходной тоскою, —
О, кто ты? Дай ответ!

Зачем всю жизнь тебя, с участием бесплодным,
Мне видеть суждено?
— Ночь темная была, и ветер бил холодным
Крылом в мое окно;
Последний поцелуй на бедном изголовьи
Еще, казалось, млея. . .
А я уж был один, покинутый любовью,
Один — и чувствовал, что, весь омытый кровью,
Мир сердца опустел. . .

Мне всё прошедшее ее напоминало:
И прядь ее волос,
И письма страстные, что мне она писала,
Исполненные слез;

Но клятвы вечные в ушах моих звучали
Минутной клятвой дня...
Остатки счастья в руках моих дрожали,
Теснили слезы грудь и к сердцу подступали...
И тихо плакал я.

И, набожно свернув остатки, мне святые,
Как заповедный клад,
Я думал: вот любовь и грезы золотые
Здесь мертвые лежат...
Как в бурю мореход, не видящий спасенья,
На злую смерть готов,
Тонул в забвеньи я и думал: прах и тленье!
Листок, клочок волос спаслися от забвенья,
Чтоб пережить любовь!

Я приложил печать; всё прошлое покорно
Я ей хотел отдать...
Но сердце плакало — и верило упорно
Ее любви опять...
О безрассудный друг! ребенок вечно милый,
Ты вспомнишь обо всем.
Зачем, о боже мой! когда ты не любила,
Зачем рыдала ты и ласками дарила,
Пылавшими огнем?

Ты вспомнишь, гордая, забытые рыданья,
Рыдать ты будешь вновь,
И в гордом сердце вновь проснется, как страданье,
Погибшая любовь;
Прости — ты в гордости найдешь успокоенье, —
Прости, неверный друг!
Я в сердце схоронил минувшие волненья,
Но в нем остались заветные биенья,
Чтоб жить для новых мук.

Вдруг что-то черное в глазах моих мелькнуло
И в тишине ночной
Как будто пологом постели шевельнуло...
Мой призрак роковой,
Весь в черном, на меня смотрел обычным взглядом...
Но кто ты, мой двойник?

Как вещей ворон, ты ко мне подослан адом,
Чтоб в бедствиях меня, как смерть, со мною рядом
Пугал твой бледный лик!

Мечта ль безумца ты? мое ли отраженье?
Быть может, тень моя?
Зачем ты следуешь за мною, привиденье,
Где ни страдаю я?
Кто ты, мой бедный гость, сдружившийся с тоскою,
Свидетель скрытых мук?
За что ты осужден идти моей стезею?
На каждую слезу ответствовать слезою?
Кто ты, мой брат, мой друг?

ВИДЕНИЕ

О мой брат! не злой я гений,
Не из горних я селений;
Но один у нас отец.
Те, кого я посещаю,
Я люблю их — и не знаю,
Где их бедствиям конец.
В мире братья мы с тобою:
Ты бесстрашною судьбою
Вверен мне от детских дней.
За тобой пойду я всюду,
Ты умрешь — я плакать буду
Над могилою твоей.
Не могу тебе сжать руку;
Усладить не в силах муку
И страдания любви;
Но я старый друг печали,
И меня, — как прежде звали, —
Одиночеством зови.

ИВА

Как придется мне покинуть свет,
Посадите иву над могилой.
О друзья! Мне дорог этот цвет —
Бледный цвет, плакучий и унылый. . .
Надо мной чтоб тень ее легла —
И могила будет мне светла.

Я с нею был. . . Немая ночь вставала.
Мне не забыть, как белая рука
По клавишам задумчиво блуждала. . .
Мне чудилось: дыханье ветерка
Над тростником чуть слышно пробиралось,
Боясь смутить в покое теплых гнезд
Уснувших птиц — а небо волновалось
Мирьядами затеплившихся звезд,
И теплые ночные испаренья
Несли к нам из чашечек цветов. . .
Задумчиво следили мы движенья
На ветвях дуба дремлющих листов,
В открытое окно ронявших слезы. . .
Кругом была такая тишина,
Что слышалось, как страстной ночи грезы
Несла в окно душистая весна.
Я окружен был счастьем, как мечтаньем:
Лишь небеса полуденной весны
Могли сравниться с кротким обаяньем
Ее очей лазурной глубины.

Я как в тумане был. . . Тогда я в целом свете
Любил ее одну — но я любил, как брат,
Так примирительно-спокойно милый взгляд
Ложился на душу. Мы оба были дети!

Я на нее смотрел, касаясь слегка
Руки, доверчиво в моей руке забытой,
И в сердце замерли сомненье и тоска
Пред ясностью души, в лице ее открытой.
О сердца молодость и молодость лица!
Какая скорбь души пред вами не слабела? . .

Вставала на небе безоблачном луна
И сеть серебра ее лицо одела,
И, встретив образ свой в глазах моих, она
С улыбкой — с ангельской улыбкою — запела.

Гармония! Гармония! Дочь муки,
Дар гения, язык любви чудес,
Италией разбросанные звуки,
В Италию слетевшие с небес!
Язык, в котором мысль, от сердца истекая,
Не оскорбленная, невидимо для глаз,
Как дева чистая с забытой песнью рая,
С высокого чела покрова не снимая,
В суровой красоте проходит мимо нас!
Что хочет передать ребенок, что он слышит
В струях гармонии, колеблющих поток
Воздушных светлых волн, которыми он дышит,
Как свежую росу вливающийся цветок?
Подметим мы слезу, блеснувшую случайно,
Подметим тайный вздох — всё остальное тайна,
Как ночь угрюмая, как тишина дубров,
Немолчный говор волн и аромат цветов.

Молчали оба мы задумчиво. Сполна
Дрожал еще у нас в сердцах напев унылый. . .
Вдруг, будто в забытии томительном, она
На грудь мне голову тяжелую склонила.
Дитя! ты плакала? В душе, закрытой злу,
Нашли созвучие подавленные стоны
Над ивой плакавшей и певшей Дездемоны. . .
Я приложил уста к холодному челу

И будто целовал неведомую силу...
Ты улыбалась мне — бледна и холодна.
Два месяца прошло — и холодна, бледна —
Ты вся в цветах была опущена в могилу;
Ты к богу отошла, минуя жизни зло,
И улыбнулась смерть тебе, как жизнь, светло.

Где все соковища души незараженной?
Где песни, звонкий смех и резвые мечты,
И непонятная святая прелесть — ты,
Перед которою Фауст стоял смущенный?..
Цветок свернувшийся, что сталося с тобой?..

Мир памяти твоей! Спи в светлых грезах рая...
Прости! Не будешь ты душистой ночью мая
По клавишам блуждать задумчиво рукой...

Как придется мне покинуть свет,
Посадите иву над могилой.
О друзья! Мне дорог этот цвет —
Бледный цвет, плакучий и унылый...
Надо мной чтоб тень ее легла —
И могила будет мне светла.

<1861>

ПЕСНЯ

В святыне сердца сокровенной
Чем я живу,
Я ни за что во всей вселенной
Не назову.

Зачем вам имя? Прозвучит вам
В нем звук пустой;
Но этот звук моим молитвам
Огонь святой.

Моя душа на всё готова
За милый взгляд;
Захочет жизнь — ей жизнь без слова
Отдать я рад.

Всю скорбь любви без упованья
Я перенес.
Изныло сердце от страданья
И тайных слез.

Но я люблю, любовь скрывая,
Пока живу.
И это имя, умирая,
Не назову.

<1866>

БЕДЛАМ

Ужасен океан, когда подымет вой
И рвется к берегам, волною за волной,
И трупы мертвецов выбрасывает с ними
Пред помертвевшими от ужаса живыми.
Еще страшней пожар, в ужасный час, когда,
На волю вырвавшись, охватит города
Дыханьем огненным своей палящей пасти;
Но море и огонь в разгуле буйной страсти,
В порывах похоти неистовой своей,
Не могут так пугать, мертвить сердца людей,
Как страшный вид ума лишившегося брата,
Движенья странные погибших без возврата,
Существ без разума, во всем подобных нам,
Под мрачной кровлею, в стенах твоих, Бедлам!

В палату мы вошли. Нам сразу стало жутко:
Пред нами — человек, лишившийся рассудка!
Плоть без сознания! Недвижен тусклый взгляд;
Как ветви мертвые на дереве, висят
С худых и желтых плеч беспомощные руки,
Полураскрытый рот бессмысленные звуки
Бормочет изредка, и будто на слова
В ответ качается без смысла голова.
Морщинами свело лицо его худое...
— Старик отживший он или дитя больное?
Нет! Это — человек во цвете лет и сил.

В нем звуки жизни бред безумный заглушил,
И воспаленный мозг в насильственной работе
На полстолетья стал старше юной плоти.
Так поврежденная неопытной рукой,
Машина вертится без пользы в мастерской.
Ему уж всё равно: зима, весна и лето;
Сон не приносит грез, день не приносит света;
Жизнь — непроглядный лес, — и для него уж в ней
Нет солнца, времени, пространства и людей!
В прошедшем — нет следа; в грядущем — нету цели!
Вселенная его — в больнице, на постели.
Без света разума покончен с жизнью счет.
Как сказано: земля — и в землю отойдет!

Смотрите: вот другой — как дикий зверь в берлоге
Стремясь освободить закованные ноги,
Зубами скрежеща, сжимая кулаки,
Вращает медленно кровавые зрачки.
Он рвется, он кричит от муки непомерной,
В борьбе с горячкою — своей сиделкой верной.
Дыханьем грудь его вздымается с трудом.
Такая страшная скопилась сила в нем,
Что если б расковать, простор дать этой силе,
Он памятник любой свалил бы на могиле,
На площади бы он в основах расшатал
Статуи бронзовой гранитный пьедестал,
В лесу, как ураган, могучими руками
Он мог бы вырвать дуб с глубокими корнями.
Но здесь, в усилиях бесплодных истощив
Сил неестественных стремительный порыв,
Он, с пеною у рта, ползет в изнеможеньи.
Виденьем перед ним сменяется виденье,
И внятно призраки заводят речи с ним,
Пугая обликом и голосом своим.
Мелькают красные, кружащиеся пятна...
И стонет он в тоске и муке необъятной...
Напрасно он спешит сомкнуть усталый взор:
То близко голоса в один далекий эхом —
То, замирая вдруг, звучат далеким эхом —
И заливаются он сам безумным смехом.
А в изголовьях смерть с поднятою рукой
Стоит и ждет, чтоб час ударил роковой,

И не спускает глаз с безумного больного,
Уж помертвевшего, но всё еще живого.

И здесь — предел всему — вопросам и мечтам.
Здесь Геркулесовы столбы воздвиглись нам.
Сюда, чтобы свалить, как ношу, заблужденья,
За поколениями стремятся поколения.
Дороги торные со всех концов ведут:
Сосредоточенной, упорной мысли труд
Над миром внутренним, сознанием человека —
Над этой бездною, непонятой от века, —
И золотая цепь вакхических ночей
В удушливом чаду разнузданных страстей.
Ум испытующий, корыстное стяжанье,
Стремленье к истине и правды поруганье,
Борьба за идеал и ухищренье зла, —
Какой дорогой бы нас жизнь ни привела
В круг заколдованный, откуда нет возврата,
Мы входим все в него — и нищий и богатый —
В ворота, настезь нам открытые рукой
Безумной Гордости, владычицы людской.
Ты, Гордость, в наши дни, руководи страстями,
Неограниченно повелеваешь нами.
Бессилен человек под власть твою;
Он вдруг становится из мыслящих людей,
Подавленный твоим неотразимым гнетом, —
То зверем бешеным, то мрачным идиотом...

В туманной Англии я посетил Бедлам,
Безумной Гордости величественный храм.
Смущенный ухожу. В суровом этом храме
Сыны Британии достойны быть богами,
Под небом лондонским, туманным и сырым,
Громадным куполом раскинутым над ним.

<1865>

ВСЕМИРНАЯ СЛАВА

Могучий Гуттенберг! твой мужественный гений
Мир дряхлый обновил.
Ты дал орудие для новых поколений
На гибель темных сил.
В ту ночь, когда к тебе желанною женою
Свобода низошла
И прикоснулся ты открытого тобою
Бессмертного чела, —
Старик! святая мысль была твоей отрадой,
Что мир благословлять
И славить будет век зачавшееся чадо,
Как и Свободу-мать.
И с этой мыслью ты смежил спокойно очи
И опочил навек
Тем безмятежным сном, которым спит рабочий
И честный человек.
Увы! Ты силен был сознаньем идеала;
Оно в последний час
Твои предсмертные мученья облегчало,
И мирно ты угас.
Ты равен был богам, изведав на мгновенье
Жены небес любовь,
Но влить, как человек, не мог в свое творенье
Божественную кровь.
Вопросам роковым дочь Мысли и Свободы
Не изрекла ответ.

Увы! в делах людей — таков закон Природы —
Дел совершенных нет!

Бессмертной матери, на первый взгляд, явилась
Подобием она.
Чело задумчиво, во взорах отразилась
Небес вся глубина;
Стремленьям к истине, добру и свету вторя,
Правдивых уст глагол,
Казалось бы, звучней, чем шум немолчный моря,
Мир целый обошел;
От взгляда гневных глаз вся масса злодеяний
Поверглась бы пред ней,
Разбив орудия жестоких истязаний
Осколками цепей.
В победоносный хор слились бы дружно звуки,
Со всех концов земных,
Искусства честного и истинной науки —
Двух сил, всегда живых.
Мысль человечества вмещается всецело
В чертах ее лица,
И бьются ей в ответ восторженно и смело
Все честные сердца,
Благословляя час, когда ее рожденьем
Свой труд ты увенчал,
Могучий Гуттенберг, — и новым поколениям
Путь к счастью указал.

Но если в нас любовь к бессмертной зародилась
И трепетной рукой
Поднимем мы покров, чтоб зренье насладилося
Вполне ее красой, —
О, ужас! Дивных форм напрасно ищут взгляды
В создании твоём:
Громадным пугалом шипят, срастаясь, гады
С чудовищами в нём.
Там псы, готовые, для падали позорной,
На мирную страну
Налаять в бешенстве своюю пастью черной
Раздоры и войну.
Там душит гения, расправившего крылья,
Змей подлый, там хула

И клевета едят, как ржавчина, в бессилья
Упавшего орла.
Распространяя смрад, в неистовстве, бесстыдно
Разнузданных страстей,
Там рады кинуться гиены и ехидны
На женщин, на детей. . .
И пьют они, — внося заразою с собою
Насилье и обман, —
Кровь человечества, текущую рекою
Из миллиона ран.

Какое зрелище! И дальше, дальше — целый
Ужасный ряд картин!
Тут духом падает невольно самый смелый
И гордый гражданин.
В бессилья роковом чело сжимают руки,
Темнеет свет в глазах,
И разрешаются у сильных духом муки,
Как у детей, в слезах.
И в этот страшный час, когда сплошною тучей
В грядущем мир покрыт,
В тоске сомненья он — о Гуттенберг могучий! —
Во всем тебя винит.
Стремленья к истине твоей души великой,
Свободные мечты,
Всё проклинаят он в одном невольном крике:
— Ах! лучше б не жил ты!

<1865>

В МАСКАРАДЕ

Фойе оперного театра: Пьеро сидит один, погруженный в задумчивость; входит Арлекин.

Арлекин

Кругом веселье, шум, и музыка, и пляски.
Здесь все дурачатся, и в масках и без маски,
Невзгоды и труды безумством заглушив, —
И только ты, Пьеро, суров и молчалив.

Пьеро

Ты видишь, Арлекин, костюм мой одноцветный
И этот белый цвет — цвет для меня заветный.
Ты знаешь: я всегда и постоянно в нем.
Так постоянство мне присуждено во всем.

Арлекин

Нет, я на этот счет совсем иного мнения:
Во мне изменчивы и вкус и убежденья.
Как пестрый мой костюм, я весь из лоскутков,
Пленяющих глаза смешением цветов.
Я красный, голубой, я желтый, я зеленый;
Болтаю и верчусь, как попугай ученый.
Я взял за образец беспечность мотылька —
И нравственность моя свободна и легка.
Здесь нынче, завтра там порхаю, без усилья,
По ветру распутив доверчивые крылья,
С утра приветствуя все свежие цветы
Любви, могущества и прочей суеты.

Пьеро

За глупой новизной гоняться, как за делом!
Всечасно падая, кривить душой и телом,
Кривляться, корчиться — а цель таких трудов:
Орехов горсточка, когда уж нет зубов!

Арлекин

Нет! Глупостей людских внимательный свидетель,
Необходимую для света добродетель
Измерил тщательно блестящий арлекин
На безошибочный общественный аршин.
За каждый мой поклон, за ловкое словечко
То деньги выпадут, то видное местечко,
А то вдруг общества ученого диплом...

Пьеро

Всё это хорошо — добытое трудом.
Но, милый Арлекин, зависит всё от взгляда;
Ты блеском тешишься, а мне его не надо.
Не избалован я, и жизнь моя скромна.
Мне улыбается приветливо Пьерета,
Кусок жаркого есть с бутылкою вина —
И больше ничего не нужно мне от света.
Затем ни для каких блестящих ваших благ
Не встану с места я, чтоб сделать лишний шаг.

Арлекин

Система у тебя отличная, бесспорно,
Пока вино свежо и милая покорна.
Но, милый, скиснетя от времени вино,
А сердце женское, как ночь, всегда темно.
Что ж сделаешь, когда, разнообразья ради,
Пьерета, как теперь в блестящем маскараде,
Вспорхнет и улетит от нежной скуки прочь?

Пьеро

Я буду ждать всю жизнь, как здесь прожду всю
ночь.

Арлекин

Как? Если наконец узнаешь ты наверно,
Что милая твоя с другим ушла, примерно,
Ты будешь так же глуп? Надеяться с тоской,

Любить, когда с другим смеются над тобой, —
Клянусь Кипридою! Подобную рутину
Богами не дано постигнуть арлекину!

Пьеро

Что ж делать? Цвет Пьеро был неизменно бел,
И в постоянстве лишь я вижу свой удел.
Охоты нет во мне одеться арлекином,
Чтоб размерять любовь и совесть по аршинам.
Тем хуже для того, кому Пьеро смешон.

Арлекин

Чувствительный Пьеро! Примите мой поклон.
Будь бел попрежнему, а я — слуга покорный!
Покрыть вселенную какой-то дымкой черной,
Как ты ее покрыл, — нимало не остро.
Я пестрый — пусть и жизнь волнуется пестро.
Взгляни: вот движется почтенная особа,
Две маски рядом с ней хохочут и визжат.
Не правда ль — это тень дрожащую из гроба
Два черных демона препровождают в ад?
Нет, это старичок веселенького склада.
Весь ум его, вся жизнь — одна арлекинада.
Чтоб удержать свой вес, старик, в его лета,
Готов хоть сто раз в день переменять цвета.
Бегу, чтоб мудростью насытиться, — короче:
Чтоб с масками его убить остаток ночи.

(Уходит.)

Пьеро

Счастливым путь! Иди, куда инстинкт зовет.
Веселый арлекин, ты прав: безумец тот,
Кто в этом обществе, где люди, то и дело,
Как птицы всех цветов, линяют каждый год,
Захочет щеголять своей одеждой белой.

<1866>

ВЕЖЛИВЫЙ ВОР

«Извините меня, сударь мой, —
Как решаетесь вы в эту пору
Проходить этой чашей лесной?
Ну, как встретитесь ловкому вору,
Вот как встретились нынче со мной?
Лес и ночь как не надо быть глуше,
В эту пору не то что Картуши,
А простой проходимец — и тот
Вас, как липочку, здесь обдерет.
Вы спешите домой, вероятно,
Но мне было бы очень приятно
Задержать вас на парочку слов...
Впрочем, вот пистолеты со мною...»
— «Ах! Не троньте! Я рад всей душою...»
Говорите. Я слушать готов...»
— «Благодарен я вам всей душой.
Извините меня, сударь мой.

Извините меня, сударь мой:
Я одет очень скромно и бедно
И — поверите ль — даже зимой,
Хоть здоровью оно очень вредно,
Я гуляю в жакетке одной.
Ах! Когда бы попались мне в руки
Фрак суконный, триковые брюки,
Однобортный... двубортный жилет...
Изменился бы мой туалет!
Да хоть дюжину, что ли, рубашек...

Я отстал бы от диких замашек,
Не шатался бы зверем в ночи...
У меня пистолеты есть кстати...»
— «Ах! Не троньте их! Нате вам, нате
От моих чемоданов ключи». —
«Благодарен я вам всей душой.
Извините меня, сударь мой.

Извините меня, сударь мой:
На прожиток мне нужно немного —
Изобильно я взыскан судьбой:
Капитал мой — большая дорога,
Лес дремучий да сумрак ночной.
Обладая таким капиталом,
Не богат я «презренным металлом»,
Но хоть «счастье не в деньгах», нужда
Заставляет просить иногда.
Ну, а вы... человек вы дорожный —
Да притом не совсем осторожный, —
Вечер темен, а путь ваш далек...
У меня пистолеты есть кстати...»
— «Ах! Не троньте их! Нате вам, нате
Мой бумажник и мой кошелек». —
«Благодарен я вам всей душой.
Извините меня, сударь мой.

Извините меня, сударь мой:
Говорю с простотою всегдашней —
Нет у башни у нас городской
И часов, значит, нету над башней.
И, как я доложил вам, наш брат
Не особенно, то есть, богат.
Не собьешься на наши излишки,
Чтоб стучали в кармане часишки,
А ведь сей металлический звон
Называют «глаголом времен».
И действительно, каждому лестно,
Если в точности время известно...
А цепочка нужна для красы...
У меня пистолеты есть кстати...»
— «Ах! Не троньте их! Нате вам, нате
На тринадцати камнях часы».

— «Благодарен я вам всей душой.
Извините меня, сударь мой.

Извините меня, сударь мой:
Я боюсь — надоел вам, пожалуй. . .
Вы, однако, избавлены мной
От опасности, даже не малой,
От опасности даже большой.
Вы не верите мне, так поверьте:
Жизнь милей неожиданной смерти.
В жизни много хороших часов,
Если мозг и желудок здоров.
Счастье есть даже в нищенском быте.
Так целуйте меня, обоймите:
Вы мне жизнью обязаны, всем —
Впрочем, вот пистолеты со мною. . .»
— «Ах! Не троньте! Оставьте в покое. . .»
— «Доброй ночи желаю затем.
Благодарен я вам всей душой.
Извините меня, сударь мой».

<1865>

ПУГОВКИ

Всех возрастов холостяки,
Вы все, которым одинако
Средь вольной жизни не с руки
Тяжелые оковы брака!
Я также холост был — и вот
Что мне внушил мой опыт тяжкий:
Беда, чуть милая пришьет
У вас хоть пуговку к рубашке!

Я тоже в юности моей
Был чрезвычайно счастлив с милой,
Покуда пуговка при ней
С рубашки вдруг не отскочила.
Смотрю: иглу она берет;
«Дай, — говорит, — пришью бедняжке».
Беда, чуть милая пришьет
У вас хоть пуговку к рубашке!

Едва пришила и сейчас,
Окинув комнату глазами,
«Ах! — говорит, — никто у вас
Не смотрит, бедный, за вещами».
Вмиг перерыла весь комод,
Рубашки, галстуки, подтяжки. . .
Беда, чуть милая пришьет
У вас хоть пуговку к рубашке!

Забрала платье и ключи —
И закатились в злой неволе
Блаженства прежнего лучи.
Гулять задумаю я, что ли,
Не расспросив меня вперед,
Не выдаст старенькой фуражки.
Беда, чуть милая пришьет
У вас хоть пуговку к рубашке!

С тех пор исправно всё белье,
Ни пыли нет, ни беспорядка —
Зато житье мое, житье
Нельзя сказать, чтоб очень сладко!
Изведал я весь женский гнет,
Все самовластные замашки. . .
Беда, чуть милая пришьет
У вас хоть пуговку к рубашке!

Ну-с и женился я. Друзья
Исчезли холостого круга.
Один остался. . . но не я
Уже с ним дружен, а супруга.
А с ней война у нас идет;
Летят графины, рюмки, чашки. . .
Беда, чуть милая пришьет
У вас хоть пуговку к рубашке!

<1866>

СЕДАН

I

Тулон — убийцам зауряд; ему — Седан!

Игрушка случая, вчера еще тиран,
Сегодня призрак, грязь — врагами одурачен,
С повязкой на глазах, впотьмах, враспloch захвачен
Судьбою — логикой событий мировых —
Без воли, в кандалах позорных дел своих,
Пугаясь каждый миг раскрытого широко
И гневно совести сверкающего ока.
Хоть карлик, но актер трагических времен,
Такою бездною позора поглощен,
Какой не ведала история от века...

Казнь — выше всех земных пророчеств человека!

.

II

.
.
.

III

Комета падает внезапно; но она
В паденьи солнцами небес озарена.

Величьем роковым паденья сатаны
В преданиях людей века изумлены.
Над каждой гордою, великою судьбой
Великих катастроф лучи горят звездой.
Преступный Бонапарт, сверкавший в век железный,
Падением своим не опозорил бездны;
Хоть грозной карою — всем деспотам в пример —
Святой Еленою наказан был Брюмер,
Но в прах низверженный, в лучах последних славы
Оставил он векам свой образ величавый —
И даже в совести народной залегло
Сомненье: точно ли колосс всевластный — зло.

Злу храмы воздвигать не подобает. — Снова
Сверкнуло молнией для мира божье слово.
Порою хищником является титан;
И вор ползет за ним. Потребен был Седан,
Чтоб в ужасе узнал весь мир, что для пигмея
Отныне заперта дорога Прометея;
Что разница — поток или гнилой ручей;
Что у судьбы в руках есть кары для людей,
По мере их злодейств, предательств и измены,
Страшнее Ватерлоо, страшней Святой Елены!

Брюмера день вполне не завершался днем
Второго декабря. Два эти дня в одном
Пятне позорном слить, чтобы их черной связью
Всю славу хищников забрызгать вечной грязью. —
Решила логика; решил во гневе бог —
Чтоб на весы позор последней гирей лег;
За эпопею векам на изумленье
Чтоб следом вызвала пародия презренье;
Чтоб человечеству предстала глубина
Той грозной пустоты, которою полна
В земной трагедии бесстыдная картина
Паденья карлика паденьем исполина.

Он воплотил в себе злодейство. Подобало,
Чтоб и предела в нем достигло зла начало.
Зла черного конец — чернейшая из кар.
Назвавший западную империю фигляр

Так должен был упасть, чтоб дрогнула от срама
Зловонная пред ним разверзшаяся яма,
И псы, почуяв смрад неслыханный вдали,
От ямы цезарской брезгливо отошли.

IV

.....

V

Равнина. Сходятся две рати — две страны!

Из ружей, лат, голов два леса, две стены
Волнуются, шумят, идут — и потонули
В кровавом зареве, дыму и смутном гуле.
Смерть! Ужас!

Ядер свист с командою вождей
Согласно в миг кладут по тысячам людей.
Червь поднял голову. В права свои вступила
И деспотом ревет разверстая могила.
Могилы праздники мы назвали войной.
Вожди-властители, служа лишь ей одной,
Ей в жертву шлют людей, как гибели орудий,
И, им покорные, идут на гибель люди!
Победа и погром — случайности войны;
Но силы лучшие двух стран истреблены,
И траур здесь и там, и всюду разоренье...

Борьба жестокая кипела.

Иступленье
Сражавшихся росло по мере их потерь;
В разумном существе вставал свирепый зверь
И тешил над другим, таким же зверем, злобу.
Шасспо и Дрейз на них выдерживали пробу.
Громадной тучею кровавый небосклон
Медузы грозные стянули с двух сторон,
Свинец губительный с шипеньем извергая;
И черных воронов прожорливая стая

За митральезами следила и ждала...
Проникла всё кругом ожесточенья мгла.
Борьбы решительной кровавого исхода,
Казалось, ждут, дрожа, деревья, вся природа.
Жизнь дали с двух сторон равнине роковой,
С одной Германия и Франция с другой —
И будто два бойца, два грозных исполина,
Боролась масса войск, боролась вся равнина!

Окрепнув, отвердев, как сталь, как пушек медь,
Все шли с трагической надеждой умереть,
Шли, через раненых шагая, — и хрипеньё
Предсмертное живым приказывало мшенье.
Кровь опьяняла всех, у всех в глазах был враг,
Не отступал никто, ни на единый шаг,
Все шли в дыму, во мгле, картечь валилась градом,
Все шли и падали — у всех за этим адом
Вставали, как огнем сердца их закаля,
Долг гражданина, честь, отечество, земля.
Вдруг в этой грозной мгле, где пушкам на их грохот
Созвучьем-грохотом царицы-смерти хохот;
В хаосе, где всему живущему конец
Стихиями несли железо, медь, свинец,
Гудели днем суда последнего литавры
И гимны медные про вековые лавры
Былых времен вождей, былых времен солдат
Грозою для живых сзывали в этот ад,
Где исчезало всё, была лишь оборона. —
Затрепетали вдруг французские знамена
Негодованием: в эпической борьбе,
Где каждый из солдат, покорствуя судьбе,
Пока не умирал, боролся, защищался, —
Вдруг крик чудовищный, крик цезаря раздался:
«Я жить хочу!»

Потух огонь борьбы. Язык
У пушек отнялся. Позорный этот крик
Был для всей Франции проклятым словом бездны.

И когти выпустил во мгле орел железный.

VI

Тогда вся Франция, весь длинный ряд имен
Священных ей побед, герои всех времен,
Служившие ее развитию, славе, силе, —
Рукой разбойника оружие положили.

<1872>

СВЕТА! СВЕТА!

Mehr Licht! Mehr Licht! ¹

(*Последние слова Гете*).

Когда испуганно зывал он: света! света!
Не уступая тьме и в час последний свой,
Смерть в этот грозный час орлиный взор поэта
Уж омрачила вечной тьмой.

Взываем также мы в испуге, хоть над нами
Не простирала смерть покрова вечной тьмы, —
Но муки нет страшней: хоть видим мы очами,
Но разумом не видим мы.

Наш разум ошупью путем безвестным бродит,
Стремясь увидеть свет, навек рассеяв мрак,
Но с трепетом туман едва-едва отводит,
Чтобы вперед ступить хоть шаг.

Порой с отчаяньем, в порыве бесполезном,
В непостижимом он стремится потонуть
И с первым светочем готов скользнуть по безднам,
Чтоб только осветить свой путь.

— Вот светоч! — говорит преданье. — Путь спасенья
Обращешь с ним, когда с покорностью зажжешь.
Но помнит твердо он столетий заблужденья
И гордо говорит: ты лжешь!

¹ Больше света! Больше света! (Нем.) — *Ред.*

Твой факел догорел над темною землею;
С ним человечеству предстало тайной ты,
И мрак узаконил таинственности мглою
Мрак добровольной слепоты.

Бессмертный светоч свой наука предлагает;
Но миллионами томительных ночей
Как мало от него труд гения бросает
Мир озаряющих лучей!

Пусть мглу лучи ее кой-где избородили,
Пусть мрачных призраков исчез ненужный рой;
Она расчистила пространство — но не в силе
Наполнить пустоту собой.

И человек один, в тоске неутолимой,
Дать разуму ответ зовет пустую тьму.
Увы! Незримое попрежнему незримо
Освобожденному уму.

Стремленье страшное родилось с человеком.
Пределов нет ему и утоленья нет.
Слепорожденного сильней всё с каждым веком
К себе притягивает свет.

Нет силы красоты, нет наслажденья знаний,
Чтоб жажду мук своих он мог пребороть.
Они нужны ему. Жить без своих страданий
Не может мыслящая плоть.

Пусть это тщетный звук, но «света! больше света!»
Надежды нет — так что ж? Оно еще сильней.
Чем безнадежнее желанье наше это,
Тем грозный крик его страшней.

Когда ж и он замрет, когда умрет желанье,
Так солнце старое во тьме лучей своих
Ответит трепетом на страстное прощанье
Уст человечества немых,

ИСПОВЕДЬ ЛЮБЯЩЕГО

Когда, отдавшись весь восторгам сердца страстным,
Я всеми чувствами тону в любви одной
И забываю мир пред существом прекрасным,
Боготворимым мной,

Я знаю, что восторг внушен мне тленной формой,
Что может вдруг застыть в объятиях у меня
Мне отвечавшая на разум, сердце, взор мой,
Смесь глины и огня;

Что, обратившись в прах, не может уж она мне
Оставить на земле ни звука, ни следа.
Я брошу горсть земли, отмечу день на камне,
Конец — и навсегда!

И вдруг на взявшей всё, что свято мне, могиле,
Когда при мне угас в прекрасном теле взгляд,
Над мыслью бывшею, над этой горстью пыли
Про вечность говорят!

Про вечность! Но меня пугает это слово,
Непостижимостью своею леденит
В разбитом сердце кровь — и для ума суровой
Угрозою звучит.

Как? Я уж всё зарыл, в земле, в глубокой яме—
И новой бездною грозят любви моей?
Не надо мне небес; я не хочу мирами
Быть разделенным с ней,

Зачем с холодною надеждою своею
Вы говорите мне: не проклинай, скорбя,
Сомненья заглуши — и небо снова с нею
Соединит тебя,

С преображенною и тлен земной юдоли
Стряхнувшей радостно для жизни без конца.
Ах! Душу я прозрел не в светлом ореоле,
А в прелести лица!

И вы сулите мне, ненужным утешеньем,
Иные помыслы, любовь иную в ней!
Оставьте милый прах со мной, с моим мученьем —
Надежда мне страшной!

Покуда мысли мысль и сердце сердцу внемлет
И отвечает страсть желанью красоты,
Пока одна волна высоко нас подъемлет
Над бездной пустоты,

Пока в действительном исход нашло желанье —
Я жизнью, полною любви, живу вдвоем
И тщетных призраков ни в счастье, ни в страданьи
Мы с неба не зовем.

Зачем мне ряд веков в их непонятном целом,
Когда я весь порыв, весь нежность, весь любовь?
Мне небо на земле открылось — и пределом
В нем дух мой — плоть и кровь.

Природа-мать! Когда два юных сердца нежно
Соединит твоя зиждительная власть,
В них чувствует себя хоть тленной неизбежно,
Но бесконечной страсть;

И чем ужаснее, тем выше упоенье,
Объяты страстные тем крепче, чем страшней
Под нами бездны мрак и тверже убежденье,
Что мы исчезнем в ней.

Когда ж предстанет смерть над изголовьем милой,
Чтоб обратить любовь и жизнь в небытие
И вырвать у меня свою грубой силой
Сокровище мое,

В час страшный для меня я буду тверд, как прежде,
И сердце, с дорогим прощаясь существом,
Так переполнится любовью — что надежде
Не будет места в нем.

1874

ПРИНЦ ЛУТОНЯ
(КУКОЛЬНАЯ КОМЕДИЯ)

Несколько слов от автора-переводчика

Предлагаемая шуточная комедия заимствована (я не могу по совести назвать свой веселый труд переводом) из вышедшей в 1871 году книжки «Théâtre des marionnettes» par Marc Monnier и в подлиннике носит заглавие «Le roi Babolein». Кроме нее, в книге помещено шесть комедий, представляющих последовательно сатиры на европейские события последнего времени. «Le roi Babolein», как сатира, не имеющая непосредственной цели и при общем ее литературном значении не заключающая в себе никаких политических намеков, представляет все удобства для ознакомления русской публики в переводе с замечательною книгою Марка Монье.

К читателю

(Из предисловия Виктора Шербюлье к книге
„Théâtre des marionnettes“)

Друг-читатель, позволь тебе рекомендовать этот томик. Это сборник комедий в стихах, и — не в обиду тебе — действие их происходит в фантазии, действуют же в них куклы. Не возражай мне раньше времени, что куклы не интересуют тебя, как существо относительно высшей породы. Марионетка пляшет в направлении, сообщаемом ей невидимо ниткою. Если ты можешь объяснить мне, чем это определение не подходит к нам, людям, я — клянусь тебе — соглашусь, что ты перехитрил меня. У нас,

кукол, покрытых плотью, разум, конечно, из более тонкой материи, весь механизм наш сложнее, идеи не так просты и страсти менее непосредственны; мы любим пространные и нелепые рассуждения; мы громадными усилиями достигаем цели: удалиться как можно дальше от нашей природы. У нас нет заблуждения, на котором мы бы не построили теории, красноречиво доказывающей, что мы правы в нашей неправде, — мы никак не можем в оправдание наших пороков сослаться на наивную чистоту нашего сердца: условные требования чести сделали из нас педантов и софистов. Как неизмеримо откровеннее, наивнее и проще нас деревянные куклы! Им неизвестна путаница наших слов и понятий: у них лица действительно зеркала душ, и их страсти приводятся в движение нитками так же произвольно, как их жесты. Эти маленькие механизмы то поют, то плачут, то ругаются — как бог на душу положил, — и при этом физиономии их сохраняют всегда одно и то же выражение. Они прямо вываливают всё, что им ни придет в голову, беззастенчиво смеются или орут во все легкие, смотря по тому, какая их шевельнет нитка. И всё это просто, всё это уморительно-балаганно, хотя иногда в деревянных дощечках их груди вспыхивает такой гнев, перед которым бледнеет наше холодное, сдерживаемое теориями негодование.

Тебя, может быть, скандализируют палочные удары, обыкновенно в изобилии расточаемые марионетками в этом идеальном королевстве фантазии, где действительно палка является безапелляционным орудием решения наисложнейших вопросов. Не скандализируйся, однако, и не относись к бедным марионеткам презрительно. Не думаешь ли ты, что палочных ударов рассыпается кругом тебя меньше? Когда тебе самому делают честь, угощая ими тебя в форме, несколько менее оскорбляющей твою гордость, неужели ты так наивен, что не чувствуешь на себе их силу? Друг-читатель, поверь, какая бы палка ни управляла нашими судьбами, она всё равно отзывается больно в спине и в душе унижением.

Прими еще вот что во внимание. Во всех комедиях, которые мы привыкли видеть, сидя в театральных креслах, перед тобою обыкновенно проходят великодушные банкиры, бескорыстные чиновники, идеальные лавочники, олицетворяющие собою незыблемые гражданские и се-

мейные начала. Все они действуют как будто взаправду, рассуждают о добродетелях и процентных бумагах, вежливо расшаркиваются с дамами и девицами высшего и среднего круга, иногда даже с умеющими держать себя в обществе и роскошно одетыми пейзажами. Но в конце концов, прежде чем опуститься занавесу, молодой человек Артур непременно на глазах твоих соединяется узами Гименея с девицей Евгенией. Я ничего не имею против этого брака; это уж так определено свыше; но с незапамятных времен — свадьба Артура и Евгении, и каждый день ничего больше, как свадьба Артура и Евгении, — согласишься, в этой развязке нет ничего тобою непредусмотренного, следовательно, вряд ли она тебе может всегда доставлять удовольствие. Позабудь же на полчаса свои обычные зрелища, приложи глаз к стеклам вертепа, расставляемого перед тобою поэтом, и перенесись с ним без всякой задней мысли в наивные страны абсурда, чтобы позабыться на время «в чародействе красных вымыслов». Ты увидишь между разными диковинками дровосека, злою игрой случая обратившегося в принца. Ты увидишь, как он сначала счастлив своим новым жребием, и как скоро затем следует разочарование, и он возвращается в лес свой. Его жена — воплощенная житейская мудрость, не лишенная своего рода безыскусственной грации и полная любви. Она рассуждает как нельзя лучше для куклы; правдивое чувство ее еще удивительнее: уверяю тебя, я не много знаю сердец, которые бились бы так верно и правильно, как это деревянное сердце. Послушай, например, ее рассуждения о тщете земного величия и преимуществах перед нею темной, спокойной доли. Всё это, конечно, ты не раз слышал, но автор заставил для тебя говорить кукол их простым безыскусственным языком, чтобы нехитрые истины не затемнялись перед тобою обычными и только условно-необходимыми хитросплетениями.

Еще одно — и последнее слово. Ты будешь смеяться, читая эти комедии, — это удивительно много для нашего времени! Да, марионетки взяли на себя смелость быть веселыми: их слова могут разогнать твою меланхолию, и так как смех дело очень серьезное, может быть, ты и призадуматься. Если же ты боишься приливов к голове крови и не хочешь думать — будь доволен тем, что ты посмеешься — все-таки выхватишь у неумолимой злобы

жизни веселый час, в который забудешь нестройный тяжелый шум, иногда очень чувствительно терзающий слух твой в вечном поступательном движении нашей старой планеты.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ КУКЛЫ:

Лутона.
Лутониха.
Слоняй.
Ясам.
Первый старец.
Казначей.
Поэт.
Отец-командир.
Философ.
1-й }
2-й } публицисты.
3-й }
1-й }
2-й } шамбелланы.
3-й }
Мажордом.
Герольд.

I

ХИЖИНА В ЛЕСУ

Лутона Лутониха, Слоняй.
За сценой стучат.

Лутона

Кто там?

Слоняй
(за сценой)

Добрый человек,пусти.

(Входит.)

Здесь в лесу сбился я с пути.
Глушь кругом, даже нет подчасков.
Обогрей, накорми, будь ласков.

Лутона

Доложу милости твоей —
Ты в избе у простых людей.
Что дал бог — кушай вместе с нами.
Хоть изба не красна углами —
Пирогов нетути у нас:
Хлеб да квас — вот и весь тут сказ.

Лутониха

Не взыщи на мужицкой речи;
Коль пришел, значит издалече,
Отдохни, господин честной.
Мелет вздор муженек-ат мой.
Мы живем, как бог велел, примерно,
Разносолов нету — это верно...
Ну, а коли каша не претит,
Так садись — будешь пьян и сыт.

Слоняй

Очень много вам благодарен.

Лутона

Ничего, не серчай, брат-барин.
Ты привык в хоромах тож, чай,
С сахаром внакладку пить чай,
А не то и с ренковым ромом —
Как живут господа полным домом.
Ну, а здесь, барин, не взыщи:
Рому нет — днем с огнем ищи.

Лутониха

Господин, прости! Мой медведь
День-деньской готов волчи песни петь.
Уж послал мне бог мужичище!
Что твой поп — завистливы глазища.
Ведь облом — камадинский мужик
Мелет, благо без костей язык.
Хаяльщик! Готов хоть солнце хаять.
Не на што — так хоть на месяц лаять,
Истинно: одну знал песню волк,
Перенял и ту мужичий толк.

Лу то ня

Нет, небось, по-твоему, хоть плохо —
Не тужи, Лутонюшка, не охай!
— Не тужи — когда нам в диво хлеб,
А похлебку варим мы из щеп;
Квас-ат пьем, да квас же и хлебаем.
Хлеб до голых рук мы доедаем.
С топором в лесу ты в красный день
Знай торчи, как обгорелый пень.
Будь еще, Лутоня, благодарен,
Что с трудов твоих жиреет барин,
Не жалея ни рук, ни плеч, ни ног,
Чтоб работал брюхом лежебок!

Лу то н и х а

Ой, Лутоня, как тебе не-стыдно!
Господину слушать, чай, обидно.
Коли гостя к нам послал господь,
Так грешно-те всякий вздор молоть.

(Слоняю.)

Будьте гостем; примем вас как можем.
Чай, и мы не камни тоже гложем,
А что мелет мой-то муженек —
Сдуру-то, как с дубу — не в попрек.

С ло н я й

Ты, любезный, думаешь превратно.
Знатным вовсе жить не так приятно.
Мы несчастье бедных во сто раз.

Лу то ня

Вот те на!

С ло н я й

Своя печаль у нас.

Лу то ня

Понимаем: не было печали. . .

Лу то н и х а

Ой, Лутоня!

Лу то ня
Черти накачали!

Лу то н и х а
Ой, Лутоная!

Лу то ня
Барин-то шутник.
Тоже, значит, без костей язык.
Ха, ха, ха! Так мы счастливей?

С ло н я й

Верно.

Лу то ня
Ха, ха, ха! Хотел бы я, примерно,
Чтоб свое, господское житье
Променял ты, значит, на мое.

С ло н я й

Я согласен.

Лу то н и х а
(мужу)

Эка молвил сглупа.
Ты держись, вошь, своего тулупа!
(Слоняю.)

Полно, барин, ладно мы живем:
Ты — своим добром, а мы — горбом.
Знай сверчок. . .

Лу то н я

Молчи, когда нет смысла.
Бабий ум — что бабье коромысло.
Не кривому тут судить уму.

(Слоняю.)

Милость вашу сам я не пойму.
Будто вам взаправду надоело
День-деньской слоны слонять без дела?

С л о н я й

Надоело — если говорят!
Что ж мне делать — я и сам не рад.
Надоел мне шум неугомонный.

(Сбрасывает с себя плащ и остается в шитом золотом кафтане.)

Л у т о н и х а

Батюшки!

Л у т о н я

(ея)

Мотри: позолоченный!

С л о н я й

Я хочу свободы наконец.
Рано утром бросил я дворец —
Даже стены в нем мне надоели, —
Наудачу я пошел без цели,
Так себе, куда глядят глаза,
Загнала к тебе меня гроза —
Значит, так сама судьба решила,
Отдаю я всё, что мне постыло,
Если уж угодно так судьбе,
Все мои владения — тебе,
Меч, кафтан, корону и кольчугу
За твои лохмотья и лачугу.

Л у т о н я

(низко кланяясь)

Буду век тебя благословлять.

Л у т о н и х а

Как тебя не знаю величать —
Господин-прынец... ваше благородье —
Не модель, чтоб экие угоды
Отошли да за мужичью голь!
Сам умом раскинуть соизволь:
Рад ломить мужик-ат сиволапый
Не токма што в прынцы, а хошь в папы, —
А послушай бабьего ума —
Иногда премудрость в нем сама:
Ой! трудна работа, тяжеленька
Для того, чья рученька беленька!

С л о н я й

Не боюсь я никаких трудов,
Целый день рубить дрова готов.
Самый тяжкий честный труд полезней
Праздности — болезни из болезней.

(К Лутоне.)

Веришь ли, с здоровым крепким сном
Десять лет как я уж незнаком.
Ерзаю напрасно на кровати...
Принимать уж стал *chlotal hydrati*.
Что ни съем — сейчас выходит вон,
Устрицы ем только да бульон,
Да и то без вкуса, без охоты.
С горя я и стал искать работы:
Труд придаст мне снова бодрый вид
И воротит сон и аппетит...

(С наслаждением.)

Как бы я кваску с работы попил!

Л у т о н и х а

(спокойно)

Квас — ништо! Кисленек, жаль, да тёпел.

С л о н я й

(так же)

Черный хлеб фунтами стал бы есть...

Л у т о н я

(так же)

Хлеб хорош, когда приварок есть.

С л о н я й

(так же)

Попросту! посыпав крупной солью.

Л у т о н и х а

Да, хлеб с солью да водица голью.

С л о н я й

Не пивал воды я никогда,
А ведь может чистая вода
Быть лекарством внутренним и внешним.

Л у т о н и х а

Жаль, с душком вода в колодце здешнем.

С л о н я й

Повара и гастрономы врут.
Лучший соус и жаркое — труд.

(Лутоне.)

Ну? Идет? Твой труд, мое безделье.
Я вот здесь справляю новоселье.
Ты ступай сейчас же во дворец!

Л у т о н и х а

Мой мужик-ат? Сохрани творец!
Господин-принц — величать не знаю —
Где ему уж? Наша хата с краю.
Лапотнику место во дворце —
Разве што на заднем на крыльце.

Л у т о н я

Цыц! Твоя, Лутониха, дорога
Длинная — от печки до порога.
Нешто мне закажешь все пути?

Л у т о н и х а

Я на ум хотела навести.

Л у т о н я

Бабий ум! Я, чай, не с проходимцем
Говорю, а с господином-принцем.

(Слоняю.)

По рукам?

Л у т о н и х а

Куда ты, лиходей!

Обожди смешить честных людей.
Принц Лутоня! Спал ли ты сегодня?

Л у т о н я

Коли воля такова господня —
Как же мы насупротив пойдем?
Царь Давид был тоже пастухом.

Л у т о н и х а

То-то, принц — и с разума и с виду.
Приравнял себя к царю Давиду!
Царь Давид разбил народов тьмы...

Л у т о н я

Обожди, управимся и мы!
Ведомость не в диво для Лутони.

Л у т о н и х а

Ведомость? ..

Л у т о н я

Под номером, в законе.
Каждый день выходит в ей картёж.
Мы читали...

Л у т о н и х а

Ой, Лутоня, врешь!

Л у т о н я

Что мне врать? Небось, с дьячком читали.
Летось принцы в город наш въезжали...

Л у т о н и х а

Ну?

Л у т о н я

Так мне дьячок и прочитал
И картёж и целермуренял,
Как ходить, как ездить с этикетой.
Я знаком с политикою этой.

Л у т о н и х а

Ишь, слова без разуму дались.
Выше носа нюхаешь — сморкнись!

Л у т о н я

Цыц! Не пикнуть!

Л у т о н и х а

Так и замолчала.

Л у т о н я

Глупая, пойдем спервоначала
Во дворец-ат.

Л у т о н и х а

Думала! Пойдем!

Л у т о н я

Коли, значит, не идти вдвоем. . .

Л у т о н и х а

Так нейдешь? Вот так-то больше складу.

Л у т о н я

Коли так — один на троне сяду!

С л о н я й

Гей, Ясам! Иди сюда, Ясам.

Те же, Я с а м (входит).

Я с а м

Ваша светлость, что угодно вам?

С л о н я й

Объяви немедля всенародно,
Что сегодня мне благоугодно
Все дворцы, фруктовые сады,
С рыбами озера и пруды
И поля со всяким хлебом тоже

(указывая на Лутоню)

Подарить вот этой глупой роже.
Такожде дарую: всех шутов,
Всех собак, квартальных и жрецов,
Прокуроров, адвокатов-пьявиц,
Все конюшни и тебя, мерзавец.
Понимаешь?

Я с а м

Слушаю-с.

С л о н я й

Молчи!

Вот от всех дворцов моих ключи. . .

(Выбрасывает ключи и поворачивается к Лутоне, указывая на Ясама.)

Принц Лутоня! Эта вот скотина
Первого в моих владеньях чина,
Евнух, сводник, ростовщик и шут,
Первый визирь и первейший плут.
Он полезный человек, бывалый.
Воровство — порок в нем самый малый.
И за то угодно было нам,
То есть мне, назвать его *Ясам*,
То есть: *сам я*. Действуя неправо.
Он во всем мне был рукою правой.
Бей его, но совещайся с ним,
И да будет он *тобой самим*.

(Ясаму.)

Грабь, каналья, восемь дней в неделе.

(Махнув обеими руками.)

Ну! Идите к черту! Надоели!

(Подходит к Лутонихе.)

Ну, а ты, Лутониха, друг мой,
Остаешься, что ли, здесь со мной?
Поживем, потрудимся, потужим. . .

Л у т о н и х а

Нет, зачем же? Я уж лучше с мужем,
Коль послал господь такую шаль. . .
Глупого-то вдвое больше жаль.

Л у т о н я

Муж с женою что вода с мукою.
Извините, прынц, беспокою:
Как вас звать?

С л о н я й

Я звался принц Слоняй.

Покорили предки этот край.
Он зовется «Нé любо — не слушай»
И лежит на мысе «Бей баклуши».

А теперь простой я дворянин.
Властелин на мысе ты один.
Восседай с достоинством на троне.
Честь тебе и слава, принц Лутоня!

II

ЗАЛ ВО ДВОРЦЕ

Лутоня — в одежде принца на троне, Лутониха возле него.
Входят Ясам, за ним шамбелланы.

Лутоня

Гей! Иди сюда, Ясам второй.
Я доволен, братец мой, тобой.
Мне пришлось по голове корона.
Эка шапка! Первый сорт для трона.
Как на печке, в горнице тепло.
Пол-ат склизкий, что твое стекло.
Трон-ат мягкий. Диво ли, что в свете
Бой идет за роскоши за эти.

Лутониха

Так-то мягок, что спала б весь день.
Тут и царством править быдто б лень.

Ясам

Ваша светлость! Время наступает
Выхода большого. Подобаает,
Чтоб супруга ваша в сей момент
Удалилась в свой апартамент.

Лутоня

Отчего же, братец мой, без бабы?
И она, чай, посидеть могла бы.

Ясам

Ваша светлость, это этикет.

Лутоня

Этикета?

(Жене.)

Так уйди, мой свет.

Я с а м
Шамбелланы, подходите к трону.
(*Лутоне.*)

Соизвольте, принц, надеть корону.

Л у т о н я
И без шапки, братец мой, жара.
Я надену, как придет пора.

Я с а м
Ваша светлость, не дано вам права
Этикета нарушать устава.

Л у т о н я
Этикету? Ладно, коли так.
(*Неловко надевает корону.*)
Помоги ж, осел, надеть колпак.

П е р в ы й ш а м б е л л а н
(*тихо*)
Кланяйся пред таким холопом!

В т о р о й
(*тоже*)
Остолоп, так смотрит остолопом.

Т р е т и й
(*тоже*)
Из лесу, так срублен топором.

П о э т
(*тоже*)
Мужичишко, дрянью дрянью, облом!

П е р в ы й
(*подходя к Лутоне, громко*)
Ваша светлость, мудрый сын Минервы,
Вас почтить за долг почел я первый.

В т о р о й
(*тоже*)
Вашу светлость первый горячо
Лобызать осмелюсь я в плечо.

Т р е т и й

(*тоже*)

К вашим туфлям, ваша светлость, ныне
Приложусь я первый, как к святыне.

П о э т

(*тоже*)

Первый я потомству и векам
Имя вашей светлости предам.

(*Поэт, играя на лире.*)

Суровым вечером палящее светило
За черной тучею на запад уходило;
На всю вселенную простерлась ночи мгла,
Но наша родина как день была светла.
Мы ясно видели на дальнем небосклоне
Слиянье всех светил во образе Лутони.
Когда же с кесарской Лутонихи звезда
Смежилась — се! зима исчезла без следа!

Л у т о н я

(*в сторону*)

Раскуси, поди-ка, в чем тут сила.
А умеет, леший, влезть без мыла,
В этикете, нечего сказать.

Я с а м

(*Лутоне*)

Следует господ дворян обнять.

Л у т о н я

Поцелуй под носом — не в кармане.

(*Шамбелланам.*)

Обоймемся, господа дворяне!

Я с а м

В вашу честь сложивший свой куплет,
Перстня с бриллиантом ждет поэт.

Л у т о н я

За вранье-то это бриллианты?
Дорогоньки при дворе таланты.

Я сам.

Принц, извольте помнить этикет.

Лутона

Этикету?

(Поэту.)

Господин поэт,
Получите!

(Даёт перстень.)

Только уж оставьте,
Напредки других болванов славьте.

Те же, Старец и Казначей.

Казначей

Суд и право!

Старец

Прав Изидин суд!

Казначей

Черт седой! Долговолосый шут!

Старец

Мерзкая лягушка из болота!
Адовы утроба и ворота!

Я сам

Ваша светлость, это казначей
«Бей не палкой, а копейкой бей»,
С ним воюет, как вода и суша,
Первый старец в «Не любо — не слушай».

Старец

Первый старец — истинно, мой сын,
Небеса я ведаю один.
Жрец я Озириса, Сераписа,
С головой собачьей Аноубиса,
Жрец Бубасты кошки, жрец быка
Аписа, Ра — солнца, Фты — жука,
Жрец мартышки — Гамадрилла, Сона.
Ибиса и мыши Фараона.

К а з н а ч е й

Титулы-то все ли отхватал?
Принц, один мой титул — капитал,
Но он главный. В наши дни налоги
Платят все: народ, жрецы и боги.
Мы живем и веруем в кредит. . .
Ваша светлость, пусть же замолчит
Этот жрец кошачий и собачий.

С т а р е ц

Нечестивец! Замолчи обаче!

Л у т о н я

Помолчите оба, господа,
Коль хотите моего суда.
А то на-кось! лают, как собаки.
Чай, пришли вы не к судье Шемяке!
Спорят, вздорят — леший разберет!
Говорите каждый в свой черед.

С т а р е ц

Принц, извольте удалить от трона
Мерзкое исчадие Тифона.

К а з н а ч е й

Принц, извольте выгнать из дворца
Допотопных выдумок жреца.

С т а р е ц

Или я в отместку за обиды
Проклянута вас именем Изиды.

К а з н а ч е й

Или я обиды не стерплю —
И казною печку затоплю!

Л у т о н я

Рассудите, господа вельможи:
Ведь и мне не сладок выбор тоже.
Экие напасти с двух сторон:
Или проклят, или разорен!

Оба вместе

Или, принц, усугубленным мщением
Упадет проклятье с разореньем!

Лутона

Тьфу ты, леший! Вот и выбирай!
Стало быть, и во дворце не рай.

Казначей

Ваша светлость!

Старец

Выслушай, мой сыне.

Казначей

Нынче утром...

Старец

Сын мой, утром ныне...

Казначей

Во дворец с докладом я входил —
Вдруг ползет вот этот крокодил...

Старец

У крыльца встречаюсь с этой харей —
Хуже нет ни в Хиве, ни в Бухаре.

Казначей

Принц, представьте: норовит вперед!

Старец

Принц, представьте: первым так и прет!

Казначей

Лезет первый! Слышите ли: первый!

Старец

И чтоб я шел сзади этой стервы!

Казначей

Или нет ни званий, ни чинов!

Старец
Нет скотов священных, нет богов!

Казначей
Дисциплины, армии, закона!

Старец
Озириса, Нейфы, Ихневмона!

Казначей
Принц, судите. . .

Старец
Сын мой, в пять минут. . .
Рассуди.

Казначей
В минуту.

Старец
Здесь!

Казначей
Вот тут!

Лутона
Первым делом, господа вельможи:
Перед принцем ссориться не гоже.
Здесь дворец, поймите — не кабак. . .
А второе: рассуждаю так —
Слушать вас и горе-то и смех-то!
Шли бы вы, как ходят вдоль прищепхта
Рядышком, примерно муж с женой,
Хошь под ручку, хошь рука с рукой.

Поэт
(играет на лире)
Се — сама премудрость, се — Минервин лик,
Се — сам Ибис-цапля, се — сам Апис-бык.
Буйные — изыде!
Кроткие, услышь:
Се речет к Изиде
Фараона мышь.

Се — воссел на троне
С Нейфой Ихневмон —
Юный принц Лутоня,
Мудрый Соломон. . .

Ш а м б е л л а н ы

Bravo! bis!

(В сторону.)

Проклятый рифмоплет!

Я с а м

Ваша светлость! Псалмопевец ждет
Поощренья, гения по мерке,
Золотой в алмазах табакерки.

Л у т о н я

(дает табакерку)

Получите, господин поэт,

(вслед ему)

Коль уже стыда в глазищах нет.

Старец и Казначей в дверях.

К а з н а ч е й

Становись же, что ли, моська, слева.

С т а р е ц

Берегись священной цапли гнева!

К а з н а ч е й

Берегись, чтоб я те не загнул.

С т а р е ц

Нигилист! Разбойник! Караул!

К а з н а ч е й

Вспомнишь, брат, и цаплю и аиста!

С т а р е ц

Озирис! Спаси от нигилиста!

Лутона

Вы опять — кому быть впереди?
Сказано: как муж с женой ходи.

Старец

Сын мой, сам ты рассуди, нельзя же,
Чтоб нам честь была одна и та же.
Место справа подлежит жрецу,
Как почет духовному лицу.
Так велось в древнейшие эпохи,
При покойном. . .

Казначей

При царе Горохе.
В наши дни — прогресс и капитал.

Лутона

Эки черти! Черт бы вас побрал!
Лысый пес дерется с кошкой чаклой!
Чтобы духом вашим здесь не пахло —
Слева, справа, разом с двух сторон —
С глаз моих, в одну секунду вон!

Старец и Казначей бегут и дерутся.

Поэт

(играя на лире)

Се!

Страшен Лутона в грозной красе!
Очи разверзнет — Кнуфовы очи
В день обращают мрачные ночи,
Склонит их долу — в сумрак ночей
Блеск претворяет солнца лучей.
Се! Трепещите! Се — в хаос и мрак
Мир повергает Кесаря зрак!

Лутона

Ты опять? Пошел же вон отсюда,
Чертов сын!

Ш а м б е л л а н ы

Вон, гадина, паскуда!
Жук навозный! Прокаженный шут!
Вон отсюда, подлый лизоблюд!

(Бьют поэта палками и прогоняют.)

П е р в ы й ш а м б е л л а н

(Лутоне)

Ваша светлость поступили с тактом.
Просвещенный взгляд ваш этим фактом
Обнаружен. Выгнан негодяй. . .
Как терпел доселе принц Слоняй?
Расточал ему почет и ласки —
А за что? За то, что пел коляски,
Дрожки, упряжь, сбрую, лошадей. . .

2 - й

От простого звания людей,
Как теперь зовут, «меньшого брата»,
Что и ждать-то, окромя разврата?
Ваша светлость, честь и слава вам,
Что с позором изгнан подлый хам!

3 - й

За версту несет от хама хамом.
Ваша светлость! мудро в корне самом
Вырвали траву дурную вон.
Лезет во дворец со всех сторон
Всякий неуч, лапотник, аршинник,
Целовальник, дровосек и блинник.

Л у т о н я

Ну, уж это милость ваша врет —
Дровосек не трогает господ!

1 - й

Ваша светлость, о подобной дряни
Неприлично думать в вашем сане.
В городах еще туды-сюды
Не видать мужичьей бороды —
Хоть с немецким платьем все знакомы,
В деревнях так уж совсем обломы.

Луто н я

Да мужик-ат поит-кормит вас!
Буде врать-то! Замолчать сейчас!
Первого, кто пикнет, так и двину.

Я с а м

(удерживая его)

Ваша светлость, сообразно чину...

Луто н я

Так ты — первый? Ты? второй я сам?

Я с а м

Этикет не возбраняет вам
Обучать придворных, но умненько,
Отчески, келейно, вежливенько.

Луто н я

Вежливенько! Дуй тебя горой!
Да на кой ты черт я сам второй,
Коли с сердцем мне чинить по нраву
Не даешь, как следует, расправу!
То надень им шапку, на-поди!
То, как пень, на выставке сиди,
Награждай поэта-попрошайку
И не смей сажать с собой хозяйку;
Лысый бес грозит тебя проклясть,
Крюкотворец старый — обокрасть,
И грызутся, словно быдто звери,
Что войти не могут разом в двери.
Тут придворных шелопаев сброд —
Без стыда хулят простой народ:
— Мужичье, мол! хамы да обломы!
Благо, сами заползли в хоромы!
Будет вам, ужо — мужик-облом!
Вон, канальи, из моих хором!
А не то возьму вот эту палку,
Да как всех пойду лупить вповалку,
Не щадя господских ваших спин!..

Ш а м б е л л а н ы

(убегая)

Всех пришьешь — останешься один!

III

СТОЛОВАЯ ВО ДВОРЦЕ

Лутоня, Мажордом, потом Первый публицист

Л у т о н я

Ну их всех! Ушли! Теперь с охотки
Хорошо б маненько выпить водки!
Заморили с самого утра!
Чай, давно уж полдничать пора!
(Мажордому.)

Эй ты, милый человек. Живо!
Подавай закуску, водку, пиво —
Всё, что есть в печи, на стол мечи!

М а ж о р д о м

Ваша светлость, публицист. . .

Л у т о н я

Молчи.

М а ж о р д о м

Публицист пришел. . .

Л у т о н я

Неси закуску!

М а ж о р д о м

Он желает. . .

Л у т о н я

Взять его в кутузку!

М а ж о р д о м

Он с доносом. . .

Л у т о н я

Засадить сейчас!

М а ж о р д о м . .

(растворяя Публицисту двери)

Принц просить к себе изволят вас.

Лу то ня

Я сказал...

Ма жор дом

При важности доноса
Без доклада входят и без спроса.

Лу то ня

Не донос мне нужен, а еда...

Ма жор дом

Принц, донос важней всего, всегда!

1 - й п у б л и ц и с т

(входит)

Ваша светлость, первый я газетчик,
Тайных ков, подпольных смут разведчик.
Честь имею донести: поэт
Сочинил в стихах на вас памфлет.

Лу то ня

Давешний-то лазарь-попрошайка?

1 - й п у б л и ц и с т

Вместе с ним дворян преступных шайка.
Удаленных ныне из дворца,
Против вашей светлости лица
Замышляя заговоры, ковы,
В бунт открытый перейти готовы!..

Лу то ня

В кандалы!

1 - й п у б л и ц и с т

Принц, с ними казначей
«Бей не палкой, а копеейкой бей»,
Овладев казенной вашей кассой,
Поставляет банде хлеб и мясо.

Лу то ня

Плут!

1 - й публицист

Он воплощал в себе кредит,
А кредит при деньгах не вредит,
А без денег только он и в силе.
Ваша светлость дурно поступили,
Выгнав казначея.

Лутона

Черт ли в том!
Сам я крепок задним-ат умом.
Делать что — скажи.

1 - й публицист

Спасать основы.

Лутона

Ну?

1 - й публицист

Извольте, первым долгом, новый,
Для сего комиссию созвав,
Дисциплины начертать устав,
Разогнать, притиснув и прижав,
Подвижной правительства состав,
Так, чтобы, в соображение взяв
Званье, род, сословье, чин и нрав,
Не было б близ трона человека
Возрастом моложе полувека.

Лутона

Всех прогнать велишь мне? Так и сам
Убирайся вон, ко всем чертям!

(Лакеям.)

Есть давайте! Их не переслушать!

Те же, Второй публицист.

2 - й публицист

(входя)

Ваша светлость, не извольте кушать.
На коленях смею донести. . .

Лутона

Да вставай! Чего тут пол мести!

2 - й публицист

Ваша светлость, как официозный
Журналист, донос пространный, грозный
Честь имею ныне преподнести.

Лутона

Леший, дьявол! Дай хоша поесть —
Или худо будет.

2 - й публицист

Будет худо,
Только, принц, дотроньтесь хоть до блюда...

Лутона

До тебя дотронусь — будешь худ!
Ребра все переломаю, плут!

2 - й публицист

Принц, мы все, как под богом, под вами:
Розгами, нагайками, плетями,
Принц, казни — но выслушай вперед:
Не бери куска сегодня в рот!

Лутона

Да скажи хоть...

2 - й публицист

Умоляю снова:
Не касайтесь вовсе до съестного.

Лутона

Объясни ж мне толком наконец.

2 - й публицист

Ваша светлость, в древности мудрец
Прорицал, что украшает троны
Более, чем скиптры и короны,
Добродетель, коей в наши дни
Ваша светлость служите одни.

Ибо что мы ныне примечаем?
Патриарх, поставленный над краем
В качестве оплота против зла, —
Верное подобие козла
В огороде. . . то бишь в вертограде.

(Таинственно.)

Я далек от мысли о награде,
Но шепну, спасая вас и край:
Первый старец — первый негодяй.

Лу то н я

Леший! Дьявол! Убирайся к черту!
Есть хочу, а вместо ложки кó рту
То и дело прынцу тычет в нос
Плут на плута пасквильный донос.
Эй! Давай обедать! Люди, черти!

2 - й п у б л и ц и с т

Принц, рабу нижайшему поверьте:
Ваш обед отравлен.

Лу то н я

Что ты? Как?

2 - й п у б л и ц и с т

В хлебе, в супе, в соусе мышьяк.

Лу то н я

Кем отравлен? Где мой старший повар?

2 - й п у б л и ц и с т

Старший повар — в кухне общий говор —
Буде не совсем еще издох,
Пролежит три дня без задних ног.
Первый старец чуть не четверть водки
Приобщил его бездонной глотке.

Лу то н я

Первый старец?

2 - й п у б л и ц и с т

С пьяным вслед за сим
Обменялся платьем он своим

(мрачно)

И под курткой поварскою белой
Черный план пустил спокойно в дело.

Л у т о н я

А чего смотрели повара,
Судомойки, прачки, кучера?

2 - й п у б л и ц и с т

Вашу светлость отравляя ядом,
Первый старец встал к прислуге задом.
А у старцев — кто ж тут виноват? —
С поварами одинакий зад.

Л у т о н я

Черти все — и спереди и сзади —
В поварском, в господском ли наряде!
И с чего он?

2 - й п у б л и ц и с т

Ваша светлость, он
Вами здесь глубоко оскорблен.
Неприлично старцу, хоть злодею,
Уступать дорогу казначею.

Л у т о н я

Так за это отравляет, слышь,
Первый старец прынца, словно мышь.
Ну, хорош молещик и предстатель ---
Отравитель, изверг и предатель!
Я теперь, изволь-ка, голодай!
Удружил, спасибо, принц Слоняй!
Ах, когда б заране знать да ведать!
Черти! Гей! Неси сейчас обедать!
Каково! И ухом не ведут
Господа лакеи. Где же плут,
Где Ясам второй, каналья первый?

2 - й публицист

Ваша светлость, раздражите нервы
Понапрасну. Не придет Ясам.

Лутоня

Он ушел?

2 - й публицист

По собственным делам.
Он хлопочет, чтобы в связи тесной
С вашей супругой жить совместно.

Лутоня

Что ты врешь? С Лутонихой моей?

2 - й публицист

Вождельнем он сгорает к ней.

Лутоня

И она с ним?

2 - й публицист

Утверждать не смею,
Что она с ним; он, однако, с нею.

Лутоня

Значит...?!

2 - й публицист

Ваша светлость, виноват:
Принц Слоняй, однако, был рогат.

Лутоня

А! Так вот Ясам какого чина!
Захотела эта образина
Быть во всем, взаправду, мной самим!
Погоди же! Я расправлюсь с ним!

2 - й публицист

Принц, уж поздно.

Лутоня

Поздно?

2 - й публицист

Тронуть вожжи
Кучер в полдень должен был — не позже.

Лутоня

Он уехал?

2 - й публицист

С нею, не один —
Как у Гете, знаете? — даhin! ¹

Лутоня

Так чего ж ты мне точил балясы?

2 - й публицист

Первым делом, для спасенья расы,
Ваша светлость, чтобы принц был жив,
А второй и главный мой мотив:
Во вниманье взяв, что зла прогресса
Ангел наш, Лутониха-принцесса,
Не избегла, чистая вполне, —
Вымолить, чтоб ваша светлость мне
Подписали строчку... нет! не строчку...

(На коленях.)

А к прогрессу точку — только точку!

Лутоня

Ах ты, шут юродивый, шальной!

(Бьет его.)

На, вот точка! На, вот с запятой!

2-й публицист плачет.

Экой дурень! Присмирел, дружочек.
Мог бы я наставить много точек
На твоей на глупой на спине —
Да дурак ты — значит, нужен мне.
Марш в погоню! Сядь на вороного!

(Вдогонку.)

Да пришли хоть что-нибудь съестного.

¹ Туда. (Нем.) — Ред.

Те же, Отец-командир, потом Герольд.

Отец-командир

(входя)

Бить тревогу! Строиться в каре!

Лутона

Что случилось?

Отец-командир

Ружья направо-

Вес! Равняйся! Дирекция направо!

Арш!

Лутона

Да кто он?

3-й публицист

Наша честь и слава.

Командир всех наших войск.

Отец-командир

На ру-

Ку!

3-й публицист

Пришел, так значит не к добру.

Отец-командир

Кладсь! Пли! Жай!

3-й публицист

Страшатся командира

Больше, чем в бою, во время мира.

Десять тысяч с лишком мусульман

И пятнадцать тысяч душ крестьян

Положил костями, своей рукою. . .

Уж пришел, так с восточкой дурною.

Отец-командир

Стой-равняйся!

Лутона

Едва ль страшнее черт!

3 - й п у б л и ц и с т

Принц, извольте выслушать рапорт.

О т е ц - к о м а н д и р

(рапортует)

Ваша светлость! Всё благополучно
Обстоит. Сейчас собственноручно
Усмирять я буду у ворот
Пред дворцом собравшийся народ.

Л у т о н я

Бунт?

3 - й п у б л и ц и с т

Бунт?

М а ж о р д о м

Бунт?

О т е ц - к о м а н д и р

Так точно: бунт народный.
Просит хлеба всякий сброд голодный.

Л у т о н я

Знамо дело: всякий хочет есть.

О т е ц - к о м а н д и р

Как же смеют прямо к принцу лезть?
У! Мужланы! Покормить их мне бы!

Л у т о н я

Хлеб родится для мирской потребы.
Я отец народу — не злодей.

Г е р о л ь д

(народу, в окно)

Принц пришлет горячих калачей!

О т е ц - к о м а н д и р

Розгачей бы!

Л у т о н я

Что?

Отец - командир
Я — сам с собою.

Шум и волнение за сценой усиливаются.

Лутоня
Что опять там?

Герольд
Голосят гурьбою:
Пить хотят.

Лутоня
И водка им нужна.

Герольд
(в окно)
Принц велел вам выкатить вина!
Шум еще усиливается.

Лутоня
Что еще?

Герольд
Гуторят: принц-надёжа,
Очень плохо у нас одёжа.

Лутоня
Без одёжи как же работáть?
Дать одёжу!

Шум растёт.
Что еще опять?

Герольд
Требуют для жен своих и дочек
Кринолинов, вышитых сорочек.

Лутоня
Ну, уж это милость ваша врет:
Этого не требует народ.

Герольд
Требуют для деток зимних кенег
И для светских развлечений денег.

Лутона

Что за притча! Вот народ чудной!

Герольд

Требуют театров всей толпой!

Лутона

Что для них в шуты пойду я, што ли?
Накормил, одел — чего ж им боле?

Герольд

Ваша светлость! К этому всему
Требует народ, чтоб вы ему
Отдали все атрибуты власти:
Меч, корону, скипетр.

Лутона

Вот напасти!

Отец-командир

Молодцы-ребятушки, ура!
Дать урок горяченький пора
Либеральным принцам-демократам,
Лебезящим перед младшим братом!

Лутона

Это ты? Отец-то командир?

Отец-командир

Ваша светлость: это мой мундир.
Есть такая басенка Крылова:
Не теряйте попустому слова
Там, где нужно власть употребить:
Сечь, стрелять, колоть, палить, рубить.
Пусть ревут сироты, старцы, вдовы —
Были б только спасены основы.

Лутона

Командир, неверен твой расчет:
Чай, лежит в основе-то народ,

А как всех заколешь да зарубишь —
Так основу, значит, и загубишь.

Те же, Ф и л о с о ф.

Ф и л о с о ф
(входя)

Так вещает истина сама
Выводом Лутонина ума.
Истинно: народ есть основанье
И за тем общественное зданье
Вертикально принимает вид
Хаосообразных пирамид,
Разделенных правильно и вечно
Как продольно, так и поперечно.

Л у т о н я
(Герольду)

Землемер он, што ли, аль из тех,
Что, вон, строят?

Г е р о л ь д

Принц, он выше всех.

К построеньям лишь в пространстве склонен.
Он мудрец египетский — Астронин.
Астра — солнце. Нин... должно быть, Нин
По-халдейски значит: *гражданин*.
Он в Египте снял покров с Изиды,
Изучив на месте пирамиды.

Л у т о н я
(Философу)

Что ж нам делать, господин мудрец?

Ф и л о с о ф

Совместить начало и конец —
Разделить хаос на два хаоса.
Вот одно решение вопроса
В области динамики — и два,
Обратимся к статике едва.
Ибо мы, пира́миду построя
Для движенья, можем для покоя
Начертать горизонтально круг.

Этот круг, с пирамидой сам-друг,
В конусе — дает прогресс с застоём.

Л у т о н я

Да народ-ат как мы успокоим?

Ф и л о с о ф

Стоит только, чтоб смирить народ,
Конусу дать должный оборот,
Ибо в нем совмещена двоякость...

Л у т о н я

(в сторону)

Хоть бы слово понял — эка пакость!

Ф и л о с о ф

В конусе — движенье и покой.
А закон один, весьма простой,
Аналогий единиц и множеств,
Всех иножеств, тождеств и такождеств,
Всех времен, народностей, систем,
Государств центральных — и затем
Диоцезов, графств, провинций, штатов,
Префектур, кантонов, комитатов,
Округов, сатрапий, фил и триб —
Для людей, животных, птиц, для рыб,
Для червей, амфибий и полипов, —
Для отдельных особей и типов,
На земле — сдается даже мне —
На других планетах: на луне,
На Сатурне, Марсе, на Венере —
С разницей в диаметре, в размере,
Но закон движения один:
Пирамида — или, проще: клин —
Клин за клином...

Л у т о н я

Выбивать клин клином,

Что ли?

Ф и л о с о ф

Нет. Но в хаосе едином,
Разделенном на два, — чтобы вдруг
Не упал пирамидальный круг,
Но вращался круглой пирамидой,
Под надежной вашей эгидой,
Чтобы, стоя, двигался народ —
Надлежит к стремящимся вперед,
Следуя примеру мудрых наций,
Применить закон экскорпораций.
Кто вперед — сейчас из ряду вон!
Реактивной акции закон
Не шадит для смелых построений
Областей и целых поколений.

(Восторженно.)

Принц Лутоня! Вы — прогресса ось.
Государство — конус, как ни брось,
Кверху ль, книзу ль — будет в каждом виде
В круге — центр, вершина — в пирамиде.
Ваша светлость! Пусть же весь народ
Вокруг вас завертится вперед.

Л у т о н я

(в сторону, размышляя)

Я не понял. . .

Ф и л о с о ф

(в сторону)

Я польстил недурно.

(Вслух.)

Принц! . . И то сказал я нецензурно.

(Гордо.)

Но я тем потомству буду мил,
Что с улыбкой правду говорил.

Те же, три публициста.

1 - й

Принц!

2 - й

Принц!

3 - й

Принц!

Лу т о н я

Вы что еще, уроды?

1 - й

Государь...

2 - й

Все выходы...

3 - й

Все входы...

1 - й

Заняты...

2 - й

С рогатиной...

3 - й

С дубьем...

Лу т о н я

(гневно Философу)

Это ты морочил здесь враньем!!

Черт!

Ф и л о с о ф

(спокойно)

Нет, принц. Есть в конусе текучесть,
Государств решающая участь;
Всё равно: тиран, народ, палач —
Сильным будь — задача всех задач!

Лу т о н я

Замолчи!

Ф и л о с о ф

(продолжая)

Сословных, уголовных
И — тем паче — конусо-верховных!

Лутона
(замахиваясь)

Я тебя!..

Философ убегает.

Воистину мудрец —

Убежал.

(К Отцу-командиру.)

Ну, выручай, отец-

Командир. Ты глоткой, что картечью,
Напужаешь...

Отец-командир

Нет! К народу с речью

Обращусь теперь я... Так и так...

Вы, мол... Я, мол... Я ведь не дурак.

Я ведь храбр и в голове и в тыле.

Силы долг повиноваться силе.

Кладсь! Пли! Жай! Три темпа. Тот же счет,
Хоть в народ стреляй, хоть за народ.

(Уходит смеясь.)

Лутона

Бог с тобой, когда такой суровый!

Вот они спасают как основы!

Сколько есть их, каждый свой живот,

Свой маммон основою зовет.

Дворянин — так, господи, ты веси,

Сколько в нем господской этой спеси!

Казначей, так всю казну своей

Полагает — я-де казначей!

Командир — так рожь богомерзкой

Нипочем, потехи ради зверской,

Сокрушить всё царство, весь народ.

Кто тут гаже — черт их разберет!

Да еще недоставало сраму —

И жена достанется Ясаму!

Ну их всех! Юродивый мудрец,

Прокаженный лазарь, первый жрец —

Отравитель, изверг! Эки страсти!

Дай бог ноги! Не хочу и власти!

Тот же лес, что наш сосновый бор, —

Так домой, Лутона, за топор!

IV

ОТДАЛЕННАЯ БОЖНАТА ВО ДВОРЦЕ

Лу то ня

(один)

Нет тебя, Лутониха, со мною!
Некого мне звать теперь женою.
Заливаюсь я потоком слез,
Хошь бы ветер весточку принес.
Хошь бы птичка мне прощebetала,
Где моя голубка запропала!
Чуяла ты ноне поутру,
Что дурить я вздумал не к добру,
Говорила, что не будет ладу.
Я сказал: один на троне сяду!
Истинно: один на троне сел —
И жену и царство проглядел!
Без тебя, желанная, Лутоне
Счастья нет, хоть в золотой короне,
И, как перст, весь век свой одинок,
Буду лить горячих слез поток.

Лу то ня, Ма жор дом.

Ма жор дом

Ваша светлость...

Лу то ня

Буде врать, любезный!

Титулы мне ноне бесполезны.
Ваш дворец мне, как тюрьма, постыл...
Я — Лутоня, как и прежде был.

Ма жор дом

Принц, толпа народа завладела
Всем дворцом...

Лу то ня

Так что ж, голубчик? Дело!

Пусть его хоть свалит, хоть сожжет.

Ма жор дом

Депутата к вам прислал народ.

Лу то ня

Милый мой! Пушай без депутата
Всё возьмут. Что взято, то и свято.

Ма жор дом

Ваша светлость, вот и депутат.

Лу то ня, Сло ня й.

Сло ня й

Принц, извольте выслушать доклад.

Лу то ня

Принц Сло ня й?

Сло ня й

Так точно, принц, мне лестно,
Что моя фамилья вам известна.

Лу то ня

Что за черт!

Сло ня й

Там черт или не черт —
А короток будет мой рапорт.
Ваша светлость, я с дурною вестью.
Вон отсюда! Принц, вас просят честью.

Лу то ня

Я с охотой...

Сло ня й

Ну, мой друг, прощай!

Лу то ня

Что за притча! господин Сло ня й —
Вы-то как здесь?

Сло ня й

Я начальник в банде.
Всё восстанье по моей команде.

Лутона

От часу не легче! Да к чему
Бунтовать вам было — не пойму.

Слоняй

Чтобы трон свой возвратить — хоть силой.

Лутона

Да вольно ж его бросать вам было!

Слоняй

Отвечай невеждам, мужикам!
Бросил сам — и возвращаю сам!
Хоть во мне мочалки, а не нервы —
В государстве все-таки я первый!
Принцем был, так принцем и умру.
Сам в хандре — и всех вгоню в хандру.
Ты прочти историю Нерона,
Так поймешь всё обаянье трона.
Нет, уж в лес вперед не побегу.
Захочу — все города сожгу.
Захочу — так с нынешним прогрессом
Сделаю всё царство темным лесом.
Лес ко мне — не я к нему приду.
Захочу при жизни быть в аду —
Сделаю из царства ад крошечный...

Лутона

Ну тебя! Угомонись, сердешный!
Это ли тебе еще не ад?
Я уйду — ведь я и сам не рад.

Слоняй

А ты думал, мы живем здесь праздно,
День за днем, как вы — однообразно?
Намотай себе на бороде:
Праздность — там, у вас, в лесу, в труде!
Здесь — борьба и вечное движение.

Лутона

Что ни день — то светопреставленье.

С л о н я й

Самолюбие, гордость, зависть, честь
Не дают ни спать, ни пить, ни есть.
Здесь, в броне законов и приличий,
Вечное стремление за добычей.
Здесь не сеют люди и не жнут,
Но чужой, готовый, кровный труд
Превращают для себя, как маги,
В акции, процентные бумаги;
Ваш разврат, невежество, запой
Обирают жадною рукой
И дают патент статей доходных
Фурие всех ужасов народных, —
И ты думал — стану я бросать
Для тебя такую благодать?
Именем одним своим в народе
Ты внушал уж мысли о свободе,
В честь твою уж пьянствовал народ.
Я созвал немедля всякий сброд,
Встал, прямым Слоняем, перед фрунтом
И, как видишь, кончил дело бунтом.

Л у т о н я

Ну, конец, так, стало быть, конец!
Ваша светлость, будь родной отец —
Объяви немедля всенародно,
Что я помер, что тебе угодно...
Отпусти, отец, меня домой.

С л о н я й

Отчего ж? Останься здесь со мной!
Человек ты честный, судишь здраво,
Хочешь быть моей рукою правой?
Вознесу тебя, озолочу...

Л у т о н я

Нет уж, ваша светлость, не хочу
Ни чинов, ни денег, ни почета.
У меня одна теперь забота:
Снизойди на просьбицу одну —
Повели сыскать мою жену.
Охрани — спаси ее от срама.

С л о н я й

Будь спокоен, я сыскал Ясама
И лишаю этого скота
Всех чинов, всех прав — и живота.

(Указывая на входящую Лутонику.)

А тебя — с женой соединяю.

Л у т о н я

Слава принцу-батюшке Слоняю!

Л у т о н и х а

Ну, прощай, да помни, принц Слоняй:
Слов пустых, слоняясь, не роняй.
А веди-ко ты себя пристойно:
Верь мне — будешь жить и спать покойно!

(Обращаясь к публике.)

А теперь, честные господа,
Ожидаем вашего суда.
Здесь театр, мы куклы — а не люди.
Так уж строго не взыщите, буде
Кое слово брошено на *глум*,
Неровён час — упадет и в ум.

Начало 70-х годов

ОВЦА

И людям трудно жить с людьми в их городах,
А каково ж среди зверей, в лесах,

Овечке?

Понятно, что в один прекрасный день, в слезах,
Страх одолев в своем напуганном сердечке,
Явилась с просьбою смиренною Овца
Перед лицом Юпитера-отца.

Бог на нее взглянул с участием благосклонным.

«Ах, бедная! — сказал в ответ. —

Действительно, в тебе ни средств, ни силы нет,
Чтобы разить врагов орудием законным.

И я-то, я хорош, создав тебя такой

Овцой!

Нет злости на-волос и шерстка мягче шелка.

Ну хочешь когти льва? Ну хочешь зубы волка?»

Овца, подумавши, ответила: «Зачем?

Я травку ем,

Зачем же мне клыки? Снабдив меня клыками,

Вы, ваше божество, меня

С того же дня

Сравниваете с волками,

Которые Олимп злодействами чернят».

— «Ну ладно! — отвечал Юпитер. — Хочешь яд

В змеином жале?»

— «Ай, — вскрикнула Овца, — ай! что вы мне

сказали!

Ведь даже у людей

Нет средства верного от укушенья змей.

Ужально, неравно, — так ведь умру с печали».

— «Ну хочешь, наконец, в защиту от врага
Рога?»

— «Ай, нет! Я никого обидеть не желаю,

А ведь с рогами честный бык,

И тот бодаться приобьёт —

Вдруг я кого-нибудь до смерти забодая!..» —

С смертельной бледностью в лице

Овца ответила. И бедненькой Овце

На слезное ее прошение

Юпитер положил решенье:

«Не хочешь ты вредить, так пусть вредят тебе».

И отдал бедную ее лихой судьбе.

— «Ну, — думает Овца, — что будет — неизвестно;

Спасибо, хоть осталась честной».

И, разумеется, погибла, как овца.

Так гибнут чистые и честные сердца.

<1874>

НАЧАЛО НОВОГО ВЕКА

Где приют для мира уготован?
Где найдет свободу человек?
Старый век грозой ознаменован,
И в крови родился новый век.

Сокрушились старых форм основы,
Связь племен разорвалась; бог Нил,
Старый Рейн и океан суровый —
Кто из них войне преградой был?

Два народа, молнии бросая
И трезубцем двигая, шумят
И, дележ всемирный совершая,
Над свободой страшный суд творят.

Злато им, как дань, несут народы,
И, в слепой гордыне буйных сил,
Франк свой меч, как Бренн в былые годы,
На весы закона положил.

Как полип тысячерукий, бритты
Цепкий флот раскинули кругом
И владенья вольной Амфитриты
Запереть мечтают, как свой дом.

След до звезд полярных пролагая,
Захватили, смелые, везде
Острова и берега; но рая
Не нашли и не найдут нигде.

Нет на карте той страны счастливой,
Где цветет златой свободы век,
Зим не зная, зеленеют нивы,
Вечно свеж и молод человек.

Пред тобою мир необозримый!
Мореходу не объехать свет;
Но на всей земле неизмеримой
Десяти счастливым места нет.

Заключись в святом уединеньи,
В мире сердца, чуждом суеты!
Красота цветет лишь в песнопеньи,
А свобода — в области мечты.

<1856>

ПЕСНЯ БЕДНЯКА

Чем живу я — и сам не пойму;
Никому не обязан зато —
Я помочь не могу никому,
Да и мне не поможет никто.

Шапки я лишней раз не сниму,
Ну и мне не снимают зато;
Не подставлю ноги никому —
Уж и мне не подставит никто.

К сердцу крепко подругу прижму,
И она меня любит зато.
Не ревную ее ни к кому —
И ко мне не ревнует никто.

Дела нет до меня никому —
До других мне нет дела зато. . .
Мне бы плакать, роптать. . . Да к чему?
И при мне не ропщи уж никто!

<1857>

П Р П М Е Ч А Н И Я

В первый том настоящего издания включено все наиболее существенное из поэтического наследия В. С. Курочкина. В нем печатаются все оригинальные стихотворения и переводы (за исключением «Мизантропа» Мольера), вошедшие в «Собрание стихотворений» 1869 г. и в последнее прижизненное издание «Песен Беранже» 1874 г. Кроме того, включено также несколько десятков оригинальных стихотворений, как появившихся уже в 70-е годы, так и относящихся к более раннему времени, но не попавших по разным причинам в изд. 1869 г., и несколько переводов из Беранже, не вошедших в изд. 1874 г.

Вопрос о композиции собрания стихотворений К. представляет известные трудности. Теоретически возможно несколько решений этой задачи. Можно, например, перепечатать оба тома изд. 1869 г., а затем уже — в качестве дополнения — произведения, как не включенные в него, так и появившиеся после 1869 г. Однако такой путь представляется мне неправильным, да и невыполнимым. Не говоря уже о том, что это дополнение было бы слишком громоздко, самое объединение двух томов в единую композицию наталкивается на серьезные препятствия. Сходные отделы и циклы обоих томов построены самостоятельно. Достаточно указать, что стихотворение «Рапсодии о нигилизме» помещено в первом томе, а цикл под тем же заглавием и с ссылкой на него — во втором, хотя К. имел возможность слить их воедино. Песни Беранже пришлось бы, повидимому, дополнить по изд. 1874 г.; здесь, а не в изд. 1869 г., проявилась по отношению к ним последняя авторская воля; между тем в изд. 1874 г. они расположены совершенно иначе. Кроме того, анализ композиции изд. 1869 г. приводит к заключению, что ряд ее деталей вызван чисто внешними обстоятельствами. Еще в 1866 г. К. выпустил первый том собрания своих стихотворений, в котором были помещены переводы; во второй, как мы знаем из предисловия, должны были войти «оригинальные стихотворения и сатирические очерки». Первый том не был распродан, а второй — может быть, именно вследствие этого — в 1866 г. осуществить не удалось. Почти все листы первого тома были использованы для изд. 1869 г., и этим определилось место некоторых не вошедших в изд. 1866 г. перево-

дов. Так, сделанные позже переводы «В маскараде» Барбье и «Макара и Телемы» Вольтера не могли уже попасть в соответствующий отдел первого тома, и ими открывается том второй. Наконец, расположение оригинальных стихотворений местами производит впечатление некоторой спешки и случайности. Часть их объединена в циклы, другие — нет, рядом помещены иногда очень разные по своим мотивам, настроению, жанру стихотворения и т. д.

Вследствие этого в основу настоящего издания положено хронологическое расположение материала. Его преимущество заключается и в том, что оно дает возможность гораздо более ярко и отчетливо ощутить тесную связь поэзии К. с политической и литературной борьбой его времени, активным участником которой он был. Разделение стихотворений К., как и других поэтов «Искры» и вообще поэтов некрасовского направления, на лирические и сатирические было бы искусственным и даже неосуществимым, поскольку элементы лирики и сатиры нередко тесно переплетены и неразрывно связаны в них. В нашем издании два отдела: в первый вошли оригинальные стихотворения К., во второй — его переводы и переделки, хотя грань между ними в ряде случаев не вполне бесспорна.

Следует отметить, что вплоть до 6-го изд. «Песен Беранже» они печатались в совершенно случайном порядке, и лишь в 1874 г. К. разместил их как во французских изданиях — приблизительно по датам написания оригиналов. Имея в виду, что К. перевел далеко не всего Беранже и что данное издание является собранием стихотворений не Беранже, а К., я расположил их по датам переводов, а не оригиналов. В таком же порядке расположены переводы из других поэтов.

При установлении текста стихотворений К. необходимо учесть различные, иногда противоречащие одно другому, обстоятельства. Подготавливая изд. 1869 г., поэт устранил в нем много злободневных намеков, злободневную полемику и т. д. Между тем социальная природа поэзии К., его литературный метод, казалось бы, неотделимы от ее полемической сущности и боевой публицистичности. Стихотворения К. нередко появлялись в «Искре» с политически острыми и остроумными авторскими примечаниями, раскрывающими их сатирическую направленность и составляющими с ними одно целое. В изд. 1869 г. К. снял почти все эти примечания, считая, повидимому, что многое в них устарело. Он несомненно руководствовался при этом и обычным типом стихотворного сборника того времени, приравливая к нему свои произведения. С другой стороны, есть основания полагать, что поэтом руководило не только то соображение, что многое в журнальных текстах потеряло свою злободневность и интерес для читателя, но и стремление к художественному обобщению, которое побудило его пожертвовать и полемическими примечаниями и рядом деталей в самих стихотворениях. Кроме того, К. нередко просто улучшал первоначальные тексты, стилистически обрабатывал их, изгонял проявления поверхностного юмора и зубоскальства. Стоит сопоставить, например, две редакции стихотворения «Я не поэт...», две разных концовки «Турнира в Пассаже», чтобы убедиться, насколько они социально острее и художественно выразительнее в изд. 1869 г. То же относится к стихотворению «Тик-так! Тик-так!», которое значительно выиграло

после исключения из него одной строфы, мельчившей самую тему. В настоящем издании воспроизведены последние редакции стихотворений, за немногими исключениями, специально оговоренными в комментариях.

Еще одна деталь. В изд. 1869 г., без сомнения, по небрежности, в целом ряде стихотворений исчез курсив, который в журнальном тексте указывал на цитатность отдельных мест, скрывающийся в них намек, иронию и пр. Вследствие этого многое для читателя пропало. Так, например, в стихотворении «Благоразумная точка зрения» в строке «С соблюдением мер и границ» слова «мер и границ» в «Искре» напечатаны курсивом, а в изд. 1869 г. — обычным шрифтом. Между тем здесь явный намек на статью Б. Н. Чичерина «Мера и границы». Во всех подобных случаях курсив восстановлен.

Многие стихотворения К. появлялись первоначально в обрамлении прозаических фельетонов. Извлекая их из фельетонов, как делал и сам поэт, я, когда это необходимо для понимания стихотворения, привожу отрывки из фельетонов в комментариях.

В отличие от примечаний К. к своим собственным стихотворениям, являющихся их органической частью, его примечания к переводам имеют иной характер — недаром в последнем издании песен Бсранже они помещены за текстом. Наиболее интересное из них введено в состав комментариев. Исключение сделано лишь для «Урока» Беранже, где стихотворному тексту предшествует прозаический. Именно так печатал его всюду, в том числе и в последнем издании, сам К.

В комментариях приведены библиографические данные, сведения по истории текста и цензурной истории, разъяснены намеки на разнообразные факты общественно-литературной жизни. Из-за недостатка места пришлось отказаться от сопоставления тех или иных стихотворений, тем, мотивов, образов с аналогичными явлениями в творчестве других представителей литературы, критики и публицистики революционно-демократического лагеря. Сведения об упомянутых в стихотворениях лицах и периодических изданиях распадаются на две части: то, что относится непосредственно к данному тексту, разъяснено в комментариях; краткие общие сведения, чтобы избежать повторов и многочисленных ссылок, вынесены в указатель к обоим томам.

Примечания к каждому стихотворению начинаются с указания на оригинал (для переводных произведений) и первопечатный текст; дальнейшие перепечатки без изменений не отмечаются; оговорены лишь перепечатки с теми или иными исправлениями (причем пунктуация не принимается в расчет), а также случаи, когда стихотворение в какой-нибудь из сборников К., вышедших после его опубликования, включено не было. Когда указано: «печатается по такому-то источнику» и не сделано никаких дополнительных оговорок, это значит, что здесь впервые появился текст в своем окончательном виде, а в дальнейшем он перепечатывался без изменений или вовсе не перепечатывался. Подпись или ее отсутствие указаны всюду, кроме тех случаев, когда стихотворение было написано полным именем К. При ссылках на другие места комментариев указываются том и страница (если ссылка дается на другой

том) или только страница (если на тот же том), и в обоих случаях — в скобках заглавие стихотворения, на примечания к которому делается ссылка.

Даты помещены для удобства под стихотворениями. В тех случаях, когда дату написания установить было невозможно, пришлось руководствоваться датой первой публикации. Даты публикации заключены в угловые скобки. Двойные даты (через тире) обозначают не продолжительность писания, а то, что стихотворение написано в один из этих годов.

Стихотворения датированы только годом написания или годом первой публикации, но материал, приведенный в комментариях, нередко дает возможность несколько уточнить дату внутри года. В тексте приведено лишь несколько подробных дат, принадлежащих самому К.

Принадлежность К. псевдонимов, фигурирующих в комментариях, определяется большей частью тем обстоятельством, что какие-нибудь стихотворения, первоначально напечатанные под этими псевдонимами, включены поэтом в изд. 1869 г. В других случаях указан источник, на основании которого стихотворение, появившееся под псевдонимом или без подписи, приписано К.

Сокращения, принятые в примечаниях к 1-му тому

БВ — «Биржевые ведомости».

БдЧ — «Библиотека для чтения».

ГЛМ — Государственный литературный музей в Москве.

ГПБ — Рукописное отд. Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

И — «Искра».

Масанов — И. Ф. Масанов. Русские сатиро-юмористические журналы. Вып. 1. Владимир, 1911.

ОЗ — «Отечественные записки».

ПД — Рукописное отд. Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР.

РВ — «Русский вестник».

С. — страница или столбец.

Стр. — строка.

СО — «Сын отечества».

«Совр.» — «Современник».

ЦГЛА — Центральный гос. литературный архив в Москве.

VI изд. Ефр. — Песни Беранже. Переводы Василия Курочкина. Изд. 6-е, испр. и доп. Пб., 1874. Экземпляр, подаренный поэтом П. А. Ефремову, с рядом исправлений и дополнений. Хранится в ЦГЛА.

Béranger — Oeuvres complètes de P.-J. Béranger. Edition illustrée par J. Grandville, томы 1—3. Париж, 1836. Экземпляр, принадлежавший К., с его пометами и черновыми набросками переводов. Хранится в ГЛМ.

Кроме того, сокращенные обозначения книг К. см. на с. 790 в списке основных изданий его стихотворений.

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

«Мы рано стали жить, игривыми мечгами» (с. 61), «Целый день дождь барабанит в узкие стекла избушки» (с. 62) и «Хвалили мне возраст ребенка как возраст счастливейший в жизни» (с. 63). Впервые — «Совр.», 1854, № 6, «Литерат. ералаш», тетрадь 4, с. 57—59. В изд. 1869 г. не включены. По словам П. В. Быкова, эти стихотворения К. написаны, «когда ему было лет 19—20» («Новое слово», 1909, № 4, с. 106). См. также вступ. статью, с. 9—10.

Ни в мать, ни в отца (с. 65). Впервые — *И* 1859, № 36, с. 357. Печ. по изд. 1869 г., I, 287—288, где датировано 1853 г.

Рассказ няни (с. 67). Впервые — изд. 1869 г., I, 289—291, где датировано 1855 г. Литературным фоном стихотворения является разговор Татьяны с няней в «Евгении Онегине» Пушкина.

«Как в наши лучшие года» (с. 69). Впервые — *БДЧ* 1856, № 12, с. V—VI. Стихотворение очень нравилось Т. Г. Шевченко. «А чтобы не забыть это прекрасное создание поэта, — читаем в его дневнике (запись от 29 ноября 1857 г.), — то я вношу его в мой журнал» — и дальше следует полный текст стихотворения. Цитату из него и упоминание о нем находим в двух других местах дневника Шевченко (Собр. соч., т. 5, М., 1949, с. 84, 206—207, 221), а также в его повести «Прогулка с удовольствием и не без морали», где стихотворение названо «гениальным» (Собр. соч., т. 4, М., 1949, с. 392).

Общий знакомый (с. 71). Впервые — *БДЧ* 1856, № 12, с. VI—VII; с исправл. — в «Календаре «Искры» на 1866 год», СПб., 1865, с. 51—52. Печ. по изд. 1869 г., I, 383—386. Автограф — в *ПД*; в нем IV и V строфы — в обратном порядке. Из вариантов *БДЧ* следует отметить один, явно цензурного происхождения: вместо «крепстных людях» (стр. 4 V строфы) — «О своих людях». В начале «Общего знакомого» есть реминисценции из I гл. «Мертвых душ»: «В бричке сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однакож, и не так, чтобы слишком молод». *Образ мыслей неподобный Видит в бороде.* В 50-х годах дворянам, занимавшим выборные должности, придворным, чиновникам, военным было запрещено носить бороду; борода считалась у обывателей признаком некоторого вольномыслия. *На барабане всех бы их остричь.* Стрижка на барабане считалась в те времена в армии позорным наказанием.

«Для великих земель» (с. 73). Впервые — «Мода», 1857. № 1, с. 9; см. также поправку в № 2, на с. 3 обложки. Печ. по изд. 1869 г., I, 283—284.

«Мчит меня в твои объятия» (с. 74). Впервые — *БДЧ* 1859, № 12, с. 20, под заглавием «Отрывки. I». Печ. по изд.

1869 г., I, 294. Автограф первоначального текста — в *ИД*; III строфа здесь другая. Написано не позже конца 1856 г. — см. с. 772 («Слепой нищий»). Положено на музыку А. С. Даргомыжским.

В разлуке (с. 75). Впервые — *БДЧ* 1859, № 12, с. 20, под заглавием «Отрывки. II». Печ. по изд. 1869 г., I, 295. Автограф — в *ПД*. Написано не позже конца 1856 г. — см. с. 772 («Слепой нищий»). Положено на музыку А. С. Даргомыжским и М. П. Мусоргским.

Двуглавый орел (с. 76). Впервые — в издании А. И. Герцена «Голоса из России», ч. 4, Лондон, 1857, с. 49—50, без подписи. В изд. 1869 г. не включено. В. Л. Бурцев в «За сто лет» (Лондон, 1897, ч. 2, с. 41) указывает, что в 4-й части «Голосов из России» помещены стихи Курочкина и др.; очевидно, именно стих «Двуглавый орел» он считал принадлежащим К., так как вряд ли мог приписать ему какое-нибудь другое из напечатанных в этой книге. В 1862 г. «Комиссией, учрежденной для исследования о причинах пожаров, бывших в С.-Петербурге» был арестован по подозрению в поджогах Б. Б. Кокшаров. Среди отобранных у него при обыске бумаг оказались списки нескольких революционных стихотворений, в том числе «Двуглавый орел», под которым стоит: «Курочкин» (Центр. гос. историч. архив в Москве. Приложение к делу 3-й экспедиции III Отделения, 1862, № 230, ч. 118). Решающим аргументом в пользу авторства К. является свидетельство такого близкого ему человека, как Минаев. В качестве эпиграфа к одному из его стихотворений, затерянных на страницах старых газет, взяты строки «Я нашел, друзья, нашел» и т. д., под которыми стоит имя автора: В. Курочкин. (Общий Друг, «Общий враг». — «Петерб. газета», 1883, № 172). Автором «Двуглавого орла» называет К. П. Лавров в статье «Минувший год» («Вперед», 1875, № 24, с. 748). Для датировки стихотворения нет достаточных данных. Укажу, что в «За сто лет» Бурцева (ч. 2, с. 38) под 1855 г. в рубрике «Рукописная литература» значится «стих. Курочкина». Оно не названо, но, повидимому, Бурцев имел в виду «Двуглавого орла». *Двуглавый орел* — государственный герб Российской империи. *Каждый штоф за печатью*. . . Бутылки с водкой запечатывались печатью с изображением двуглавого орла. *На обоих бортах вицмундира*. . . На пуговицах чиновничьих вицмундиров также был изображен двуглавый орел. *Зерцало* — трехгранная призма с печатными экземплярами трех указов Петра I по ее сторонам, эмблема законности, находившаяся в судебных и других государственных учреждениях дореволюционной России.

18 июля 1857 года (с. 78). Впервые — *РВ* 1858, май, кн. I, с. 181—182. Черновой автограф — в *ПД*; там же, на другом листке, первые три строки перебеленного текста. Из черновых вариантов III строфы интересна относящаяся к Беранже строка: «Властителю простых народных дум». Стихотворение является откликом на смерть Беранже. Начиная со II изд. К. печатал его в качестве программного предисловия к своим переводам. В черновом автографе К. и в дневнике Шевченко стихотворение озаглавлено «16 июля 1857 года»; в *РВ* и во всех изданиях «Песен Беранже» — «18 июля 1857 года». Между тем похороны Беранже состоялись

17 июля. Исправляя первоначальное заглавие, К. допустил новую ошибку (ср. с неверной датой смерти в «Биографических данных» о Беранже в VI изд. «Песен», с. XVI). — Торжественные похороны Беранже были организованы правительством Наполеона III с целью предотвратить народные волнения и демонстрации. *Несчастливым был* (Je n'ai flatté que l'infortuné) — из стих. Беранже «Le vilain»; сначала К. предполагал взять эту строку Беранже в качестве эпиграфа к своему стихотворению (см. черновой автограф). «*Бог добрых*» («Le dieu des bonnes gens») — заглавие другого стихотворения Беранже. *Благословив младенца на соломе* и т. д. — перевод двух строк из его стих. «A mes amis devenus ministres». — Высоко оценил «18 июля 1857 года» Шевченко. 2 января 1858 г. он записал стихотворение в дневник, назвав его «прекрасным, сердечным» (Собр. соч., т. 5, М., 1949, с. 217—218).

Счастливец (с. 80). Впервые — ОЗ 1857, № 12, с. 731—732, где IV и V строфы напечатаны в обратном порядке, а стр. I III строфы смягчена: «Помощи просят крестьяне». Печ. по изд. 1869 г., I, 314—316.

Первая любовь (с. 82). Впервые — ОЗ 1857, № 12, с. 734—735.

<В. В. Толбину> (с. 84). Впервые — изд. 1947 г., с. 14—15. Автограф — в ПД в архиве «Русской старины». Написано в 1858 г.; на том же листе — черновик перевода стих. Беранже «Сверчок», с датой «4 мая»; «Сверчок» был напечатан в РВ 1858, май, кн. I. Издания Генкеля томик. Первые три издания «Песен Беранже» в переводе К. были выпущены книгоиздательской фирмой «А. Смирдин (сын) и К°»; компаньоном Смирдина и фактическим руководителем издательства являлся В. Е. Генкель.

Напутствие (с. 85). Впервые — изд. 1869 г., I, 304—306. Написано по случаю отъезда из Петербурга в мае 1858 г. старшего брата К., тоже поэта и переводчика, получившего место врача в Русском обществе пароходства и торговли.

Старая песня (с. 87). Впервые — РВ 1858, июль, кн. I, с. 195—196, с посвящением композитору А. С. Даргомыжскому и с другой III строфой. Печ. по изд. 1869 г., I, 317—319, с исправл. по РВ. «Старая песня» была, повидимому, положена на музыку. В ноябре 1858 г. рукопись стихотворения поступила в С.-Петерб. цензурный комитет, не получила одобрения цензуры и была возвращена музыкальному издателю Бернарду (Реестр рукописей и печатных книг, поступивших в цензуру в 1858 г., л. 214 об. — 215).¹ Слова, слова, слова — цитата из «Гамлета» Шекспира.

<Н. В. Максимову> (с. 89). Впервые — «Стихотворения», 1949, с. 210 (малая серия «Библиотеки поэта»). Стихотворение записано Н. В. Максимовым в альбом Н. Н. Михайловского,

¹ Все цензурные дела, на которые я ссылаюсь в примечаниях, хранятся в Ленинградском отделении Центр. гос. историч. архива.

сына Н. К. Михайловского (ПД), л. 20 об. Ему предшествует письмо Максимова к Н. Н. Михайловскому, датированное 23 января 1890 г. «Милый друг и брат Коля! — писал он. — Вы воспитываетесь и развиваетесь в кружке умных, чистых, честных и самых искренних людей русской земли. Вы будете вспоминать потом Ваше детство с любовью, как и я вспоминаю конец пятидесятых и начало шестидесятых годов, когда мне пришлось провести детство среди литераторов того времени... Из числа покойников, о которых я вспоминаю, был один поэт, возбуждавший при жизни своей пламенное сердце ребенка. Ваш отец посвятил ему прекрасную статью... Я имею в виду покойного поэта Василья Степановича Курочкина. Будучи ребенком, я обратился к нему с просьбой написать мне в альбом, подобно тому, как и Вы просите меня об этом. В. С. Курочкин написал мне стихи, предсказание которых не сбылось во дни моего зрелого возраста. Но представление счастья, какое сулили стихи, до такой степени прелестно, что позволить мне передать Вам предсказание поэта с трепетною верою заморенного человека по наследству, как передаются заветы гения — этого народного страдальца, переходящего из поколения в поколение». См. также «Фельетонные наброски» Н. Максимова (за подписью: Случайный фельетонист) — «С.-Петерб. ведомости», 1875, №№ 217 и 224. В № 224 помещен некролог К.; здесь Максимов рассказывает и о своем знакомстве с ним. В № 217, в связи с восстанием в Боснии и Герцеговине, Максимов приводит, в переделанном виде, II строфу стихотворения, «которым утешал меня любезный мне поэт, когда мне было десять лет». Таким образом, стихотворение датируется приблизительно 1858 г.

Через триста шестьдесят пять дней (с. 90). Впервые — И 1859, № 1, с. 1. В последней строфе отразились либеральные иллюзии насчет Александра II и правительственных реформ, скоро бесследно исчезнувшие у К.

Школа взаимного обучения (с. 92). Впервые — И 1859, № 2, с. 13. Печ. по изд. 1869 г., I, 313—315, с исправл. по И. Аз, буки, глаголь, слово, добро, люди, мыслете и др. — старинные названия букв, которыми начинаются эти слова. *Писать мыслете* говорится о неровной походке пьяного. *Сам фертом встанет* Ферт — буква Ф и франт, развязный человек; стоять фертом — стоять подбоченившись. *Везде до ижицы дойдет* — т. е. до конца.

«Я же поэт — и, не связанный узами» (с. 94). Впервые — И 1859, № 2, с. 23, под заглавием «Моя исповедь», подпись: Пр. Знаменский. Печ. по изд. 1869 г. (I, 281—283), для которого оно было значительно переработано и где, как программное, открывает отдел оригинальных стихотворений.

Знаки препинания (с. 96). Впервые — И 1859, № 3, с. 31, подпись: Пр. Знаменский.

Детские мечты (с. 97). Впервые — И 1859, № 5, с. 51, подпись: Пр. Знаменский.

Жалоба чиновника (с. 98). Впервые — И 1859, № 7, с. 72, подпись: Пр. Знаменский.

На праздниках (с. 99). Впервые — И 1859, № 14, с. 136—137. Печ. по изд. 1869 г., I, 358—363. В И стр. 99 смягчена — в ней не говорится о «звезде»; в стр. 107 нет упоминания о Христе и потому затушеван намек на Иуду; стр. 109—112 заменены четырьмя строками точек. Еще в 1861 г. вторая половина 83-й стр. и стр. 84, также замененные в И точками, были процитированы в журнале «Светоч» (1861, № 6, «Критич. обозрение», с. 94). Но для меня снимает Асмодей... В «Хромом бесе» Лесажа Асмодей показывает Клеофасу жизнь разных классов французского общества, снимая с домов крыши. Несется пыль от топота копыт. В И эта строка была напечатана курсивом. В ней использована скороговорка «От топота копыт пыль по полю несется» (или «летит»).

Только!.. (с. 103). Впервые — И 1859, № 15, с. 141, с подзаголовком «Весенняя песня». Печ. по изд. 1869 г., I, 307—310.

Барышне (с. 105). Впервые — И 1859, № 18, с. 176.

Быль (с. 106). Впервые — И 1859, № 25, с. 239—242, с подзаголовком «Правдивая басня», эпиграфом из Грибоедова: «Я правду о тебе порасскажу такую, Что хуже всякой лжи» и рядом примечаний, в фельетоне «Педагогическое нововведение (Письмо в редакцию, в стихах и в прозе)», подпись: Борис Фаддеев. Печ. по изд. 1869 г., II, 106—109, с исправл. по И. Стихотворение направлено против реакционного педагога Н. А. Миллера-Красовского, выпустившего в 1859 г. книгу «Основные законы воспитания». Миллер-Красовский ратовал за воспитание в строго религиозном, церковном духе и беспрекословное повиновение детей. В книге рассказана между прочим «быль» об одном «благоразумном, беспристрастном наставнике», который вылечил непокорного питомца тремя пощечинами. Она приведена в подтверждение того, что лучший способ сломить «молодую грешную волю» — «сильное моментное потрясение», каким и является «скорая осторожная пощечина». Б. М. Федоров упомянут в подзаголовке как автор многочисленных назидательных произведений для детей, в которых проповедовалась крепостническая мораль, прославлялось послушание, угодливость, умение приспособливаться и т. п. Псевдоним «Борис Фаддеев», по догадке А. В. Амфитеатрова, является комбинацией имен Бориса Федорова и Фаддея Булгарина («Забутый смех», сб. I, М., <1914>, с. 174).

Древо (с. 109). Впервые — И 1859, № 39, с. 391, в фельетоне «Эмансипированная чиновница (Театральное представление в эпической форме, с прологом)», без подписи. Печ. по изд. 1869 г., II, 152. Фельетон направлен против В. А. Соллогуба. Первая половина «Древа» — перевод начала его стихотворения «La reine blanche», приведенного в обзоре «Вести отовсюду» в «Театр. и муз. вестнике», 1859, № 38; вторая — пародия на него; элементы пародии имеются,

впрочем, и в первой половине. В парике маркиза славянин — намек на французоманию Соллогуба. *Тарактас* — заглавие его наиболее известного произведения.

Мудрость бедняка (с. 110). Впервые — *И* 1859, № 41, с. 405. В изд. 1869 г. не включено.

Бедовый критик (с. 112). Впервые — *И* 1859, № 42, с. 418, подпись: Пр. Знаменский. Печ. по изд. 1869 г., II, 120—121. Бедовый критик — Кс. А. Полевой. Стихотворение вызвано его клеветнической статьей о Белинском в «Северной пчеле», 1859, № 229. *Сухой как жердь*. В *И* эти слова были напечатаны курсивом и к ним было сделано примечание: «Выражение «сухой как жердь» мною заимствовано из известного стихотворения г. Майкова „Отрывок“». Стихотворение А. Н. Майкова «Отрывок» («Над прахом гения свершать святую тризну») — отклик на подобную же статью К. Полевого о Пушкине («Северная пчела», 1855, № 255).

Полезное чтение (с. 113). Впервые — *И* 1859, № 42, с. 423—424, подпись: Пр. Знаменский. Весною 1859 г. «С.-Петерб. ведомости» (№ 94) писали о систематической порче статуй в Летнем саду, оценивая ее как вандализм. Аскоченский взял хулиганов под защиту, утверждая, что их поступки вызваны нравственными побуждениями. В уста некоего идеального «бородатого» купца Аскоченский вложил следующие ханжеские разглагольствования: «Мы, слава богу, не нехристи какие-нибудь, не парижане, не немцы, чтоб, умиленно сложив ручки, стоять перед этими — пусто б им было — богинями!.. Очень мне нужно там разглядывать этакое безобразие!.. Стоит этакый сорванец в чем мать родила, али какая-нибудь там беспутница с открытой грудью и со всем прочим, что прядется под платье: любуйся, дескать, да разжигайся! Ну есть ли в этом хоть искра страха божия? Беспутство, как есть беспутство!» и т. д. («Домашняя беседа», 1859, № 22, с. 212).

Опыты гласного самовосхваления (с. 115). Впервые — *И* 1859, № 45, с. 445, без заглавия, в фельетоне «Нечто о честности», подпись: Пр. Знаменский. Печ. по изд. 1869 г., II, 114—115. В декабре 1858 г. начальник петербургских женских училищ Н. А. Вышнеградский заявил в печати, что ему нередко предлагают взятки лица, желающие получить место в одном из подведомственных ему училищ, но что он неизменно возвращает все их приношения («С.-Петерб. ведомости», 1858, № 281). Через год вятский прокурор А. И. Сырнев сделал аналогичное заявление в письме в редакцию «Моск. ведомостей» (1859, № 260). Эти публичные заявления о своей честности были неоднократно высмеяны *И* и «Совр.» как типичные образцы либеральной «гласности».

Воззвание (с. 116). Впервые — *И* 1859, № 46, с. 461, в статье «Хроника прогресса» (статья приписывается Г. З. Елисееву): в изд. 1869 г. (II, 115—116) — без примеч. и с неправильным указанием автора стихов, взятых в качестве эпиграфа: они принадлежат не Хомякову, а Ив. Аксакову (поэма «Бродяга»). Печ. по *И*. «Воз-

звание» связано с «Опытами гласного самовосхваления». «Пример г-на Сырнева, — читаем в статье, — нашел последователей. Говорят, в «Московских ведомостях» (см. № 274) будет печататься целый ряд всенародных провозглашений личного бескорыстия. Дай-то бог, дай-то бог! «Искра» с своей стороны радушно открывает столбцы свои всем желающим заявить потомству о своей честности. Борис Фаддеев <одна из сатирических масок, созданных К.—И. Я.> с этою целью намерен издавать журнал... Вместо объявления и программы он просил нас напечатать следующее» (следует текст «Воззвания»). «*l'a donna e mobile*» — «Сердце красавицы склонно к измене», ария герцога из оперы Верди «Риголетто».

Бедовому критику (с. 117). Впервые — И 1859, № 49, с. 508, с датой: 10 декабря, подпись: Пр. Знаменский. Бедовый критик — Кс. Полевой. *Элеонтов, элефантов* — из пародии на Тредиаковского. *Усов сокрушил*. В конце 1859 г. «Северная пчела» перешла от Н. И. Греча к П. С. Усову, и в связи с этим наиболее реакционные сотрудники (в том числе К. Полевой) прекратили сотрудничество в ней. В объявлении об издании «Северной пчелы» в 1860 г. Усов заявил о новом направлении газеты. Она действительно стала несколько приличней по тону, подчас заигрывала с либералами, но скоро вернулась на путь воинствующей реакции. К. и иронизирует над мнимым либерализмом Усова. *Сам Шамиль теперь в Калуге...* В августе 1859 г. Шамиль был захвачен в плен русскими войсками и отправлен с семьей на жительство в Калугу. — Во второй половине стихотворения — отзвуки «Спора» Лермонтова (а в последней строке и стих. «Горные вершины Спят во тьме ночной»).

Турнир в Пассаже (с. 118). Впервые: I — И 1859, № 49, с. 497, под заглавием «Неразрешенный спор. Пролог ирон-эпической поэмы «Современные турниры», с прозаическим текстом после стихотворения, подпись: Пр. Знаменский; II — И 1859, № 50, с. 521, под заглавием «Размышление по случаю погрома», подпись: Пр. Знаменский. Печ. по изд. 1869 г. (II, 110—114), где объединены, с исправл. по И. В конце 1859 г. в периодической печати возникла полемика по поводу деятельности Русского общества пароходства и торговли. 13 декабря в зале петербургского Пассажа состоялся диспут между Н. П. Перозно, доказывавшим, что дела ведутся бесхозяйственно, и Смирновым, защищавшим правление общества. Диспут привлек большое количество публики, шумно реагировавшей на спор, и кончился скандалом. Так как симпатии присутствовавших были на стороне Перозно, то супер-арбитр диспута Е. И. Ламанский неожиданно закрыл заседание, заявив, что «мы еще не созрели» для публичного обсуждения важных общественных вопросов. И «Свисток» неоднократно высмеивали это заявление Ламанского. *Водопроводами изрытым*. В 1859 г. в Петербурге начались работы по устройству водопровода. *Прочь от нас Катон, Снека, Прочь угрюмый Эпиктет!* — начальные строки «Стансов к Н. М. Карамзину» И. И. Дмитриева. Журнальное заглавие «Приговора» — «Размышление по случаю погрома» — пародийная переделка заглавия другого стихотворения Дмитриева «Размышление

по случаю грома». *Нужны помощи, указки*. Насмешка над статьей о диспуте «Первый блин — да комом!» А. Труворова в «Северной пчеле», 1859, № 275. Труворов писал, что «мы без указки ничего дельного не создадим... без помощи не сделаем и шагу вперед». *Так уснем, закрывши глазки...* — «перепев» двух строк из «Казачьей колыбельной песни» Лермонтова. *Безглагольна, недвижимма...* Ср. в «Споре» Лермонтова: «Безглагольна, недвижимма Мертвая страна». — «Ожидание» — «перепев» «Умирающего Тасса» К. Д. Батюшкова.¹

Сон на Новый год (с. 121). Впервые — И 1860, № 1, с. 7—8, подпись: Пр. Знаменский. *Примиренье интереса С святыми чувствами людей* и ряд других строк новогодней речи Знаменского пародируют какие-то конкретные явления и выражения из публицистики того времени. К. снова воспроизводит их в фельетоне «Одиннадцать миллионов»: «Д...да, д...да, — повторил я мысленно, надевая халат: — примирение интереса... да, — продолжал я, закуривая регалию: — именно примирение интереса с высокими чувствами... Станем действовать в тиши, без лихорадки увлечения, — говорил я в сильном волнении, шагая по комнате: — так как мы верим гласности, то умерим благонамеренно... да, именно благонамеренно, — продолжал я, неумеренно возвышая голос и не видя в лирическом восторге поздравляющих меня с Новым годом разносчика афиш, дворника, водовоза и шамбеллана». И дальше: «Да! мне стало страшно за свою роль поэта-примирителя» (И 1860, № 3, с. 26—27). *На всю Россию прокричим...* — намек на слова героя комедии В. А. Соллогуба «Чиновник» (1856) Надимова, неоднократно высмеивавшиеся Добролюбовым, Шедриным, искровцами как образец чисто внешней либеральной фразеологии. *И счастья всем — в убогих хатах И в раззолоченных палатах*. Возможно, что К. пародирует здесь то место обращенного к Александру II (после его коронавания) стих. В. Г. Бенедиктова «Встречный голос», где говорится о «министрах», «мужах совета»: «Пусть они в блестящих, золотых палатах Мыслят о лачугах, думают о хатах» («Новые стихотворения», СПб., 1857, с. 4).

Песенка бедных акционеров (с. 125). Впервые — И 1860, № 3, с. 27—28, в фельетоне «Осьмнадцать миллионов», подпись: Пр. Знаменский. В изд. 1869 г. не включено. Об убытках, понесенных акционерами 32 акционерных обществ в 1859 г.

На погребение бедового критика (с. 127). Впервые — И 1860, № 3, с. 36, под заглавием «На погребение бедового критика сэра Джона Шампэтра (Вольный перевод)», с разделением на четверостишия, подпись: Пр. Знаменский. Печ. по изд. 1869 г., II, 122—123. Написано по поводу ухода Кс. Полевого (Шампэтр — франц. *champêtre*, полевой) из «Северной пчелы», когда она перешла к П. С. Усову: Усов был для Полевого чрезмерно либерален. *Да Гейне, поэт из Тамбова*. В предыдущем номере И был помещен фельетон Гейне из Тамбова (П. И. Вейнберга) по тому же поводу «Печальное известие». — «На погребение бедового критика» — «пе-

¹ О термине «перепев» см. на с. 44—45.

репев» стих. И. Козлова «На погребении английского генерала сира Джона Мура».

Явление гласности (с. 128). Впервые — И 1860, № 13, с. 144—145, под заглавием «Предостережение (Шутка)», подпись: Пр. Знаменский. Печ. по изд. 1869 г., I, 387—392. В основу стихотворения легли некоторые факты биографии либерального публициста С. С. Громеки. Во второй половине 50-х годов он напечатал несколько наделавших шуму разоблачительных статей о полиции и высказывался за подлинную, ничем не ограниченную гласность при обсуждении государственных и общественных вопросов. В 1859—1860 гг. Громека принимал участие в делах Русского общества пароходства и торговли и редактировал издававшийся им «Листок». Слова о «здоровой» (т. е. умеренной, не выходящей из границ) гласности и о человеке, «болеющем гласностью», взяты К. из «Листка» («Листок Русского общества пароходства и торговли», 1860, № 11, с. 58; № 12, с. 60). *Но формулы, как в алгебре, встречаю.* Речь идет об обличительных статьях, в которых, по цензурным причинам или из либеральной «осторожности», место действия, имена и пр. заменялись буквами. *Как Истину когда-то Баратынский.* «Явление гласности» — «перепев» стих. Баратынского «Истина». *Мы оба не созрели* — см. с. 729 («Турнир в Пассаже»).

В ресторане (с. 132). Впервые — И 1860, № 13, с. 148, подпись: Пр. Зн. В изд. 1869 г. не включено. «Перепев» стих. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу».

Человек с душой (с. 133). Впервые — И 1860, № 16, с. 173, подпись: Пр. Знаменский.

Идеальная ревизия (с. 135). Впервые — И 1860, № 18, с. 189, подпись: Пр. Знаменский. *Адмиральский час* — шутивное выражение, обозначающее время предобеденной выпивки и закуски.

Весенняя сказка (с. 137). Впервые — И 1860, № 18, с. 189, подпись: Пр. Знаменский.

Дилетантизм в благотворительности (с. 139). Впервые — И 1860, № 22, с. 234—235, в фельетоне «Дилетантизм во всех его проявлениях (Письмо любителя российской юмористической словесности), I», подпись: Любитель. В начале 1860 г. писатель И. В. Селиванов предложил московскому Обществу любителей российской словесности, в котором руководящую роль играли в эти годы славянофилы и другие консервативные литераторы, устроить чтение для усиления средств незадолго перед тем основанного в Петербурге Литературного фонда. Считая Литературный фонд одним из центров враждебной ему литературы и журналистики, Общество любителей российской словесности отвергло это предложение, после чего между Селивановым и секретарем Общества М. Н. Лонгиновым завязалась довольно резкая газетная полемика. В результате Селиванов принужден был уйти из Общества («Моск.

ведомости», 1860, № 32, 34, 60, 65, 66, 69, 80. См. также Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 17, СПб., 1903, с. 418—424). В связи с этим в «Русской беседе» (1860, № 1, с. 171—172) была помещена «Отметка о современной благотворительности», пародией на которую и является стихотворение К. «Книга, серьезные стихи, шуточные куплеты, мимика, не совсем нравственная повесть, не совсем приличная пляска... — все это обращается в пользу бедных», — писала «Русская беседа». Этой греховной благотворительности противопоставляется «издревле завещанная нам... христианская, знакомая всему нашему народу». Приведя ряд ханжеских отрывков из «Отметки», К. иронически восклицает: «Успокойтесь... эта милостыня «Христа ради» была у нас всегда в полной силе. Бросить грош нищему гораздо удобнее и выгоднее, чем заплатить пять, десять рублей за кресло на какой-нибудь концерт в пользу бедных, да и грошей что-то человечество очень мало бросает». Эта полемика восходит еще к 40-м годам, когда «Совр.» и в частности Белинский выступили против К. Аксакова и Шевырева, ополчившихся, как впоследствии «Русская беседа», на общественную благотворительность и ратовавших за благотворительность «христианскую» (см. статью Белинского «Взгляд на русскую литературу 1847 года» — Полное собр. соч., т. 11, П., 1917, с. 96). Было бы ошибочно думать, что К. защищал филантропию и видел в ней средство уничтожения нищеты; напротив, он разделял скептический взгляд на филантропию всего демократического лагеря, что не раз находило свое отражение на страницах *И.* Критикой славянофильских мнений К. и его журнал показывали, что перенесение вопроса в плоскость религии и индивидуальной морали не только не способствует устранению нищеты и социального неравенства, но всячески затушевывает и тем самым поддерживает их. Последние две строки — цитата из «Ильи Муромца» Карамзина. В связи с «Дилетантизмом в благотворительности» в Главном управлении цензуры возникло целое дело (1860, № 284) по поводу недопустимости эпиграфов или цитат из Евангелия в юмористических произведениях. Цензору Бекетову, пропустившему стихотворение, был сделан выговор.

Дилетантизм в литературе (с. 141). Впервые — *И* 1860, № 24, с. 257—258, в фельетоне «Дилетантизм во всех его проявлениях (Письмо любителя российской юмористической словесности), II», подпись: Любитель. В изд. 1869 г. не включено. При вступлении писателя И. В. Селиванова в Общество любителей российской словесности славянофил А. С. Хомяков, приветствуя его, в качестве председателя общества, и характеризуя обличение как «священный долг для литературы», тут же утверждал, что оно в большинстве случаев превращается в клевету и сплетню. Для примера он привел, не называя ее, впрочем, напечатанную в «Совр.» повесть В. Н. Елагина «Откупное дело». В повести резко разоблачались злоупотребления екатеринославских властей и нравы губернской аристократии, и она наделала много шума. Стихотворение является пародией на эту речь Хомякова, напечатанную вместе с другими его речами в «Русской беседе» (1860, № 1). В нем использован целый ряд выражений Хомякова («подоплека народная»,

«словесный меч правды» и др.). *Я сам читал — обед публичный в клубе...* О статье «Литературный обед в Екатеринославе» («Моск. ведомости», 1859, № 138).

Дилетантизм в науке (с. 145). Впервые — *И* 1860, № 24, с. 258—259, в том же фельетоне. 19 марта 1860 г. в Петербургском университете состоялся диспут между Н. И. Костомаровым и М. П. Погодиным по вопросу о происхождении Руси: первый защищал литовскую, а второй норманскую гипотезу. В самом начале своей речи Погодин, как бы полемизируя с Ламанским (см. с. 729, примеч. к «Турниру в Пассаже»), отметил, что интерес широкой публики к такому специальному вопросу является доказательством того, что «мы созрели для рассуждения, для участия в вопросах всех родов для нас важных и нужных, теоретических и практических» («Совр.», 1860, № 3, с. 284). Через некоторое время, когда выяснилось, что победителем диспута считают Костомарова, Погодин заявил, что его письмо к Костомарову с вызовом на «дуэль» имело шутливый характер; Костомаров же принял его всерьез, и уже нельзя было «сказать ему, будто струсив: нет, я пошутил». Более сдержанно отозвался Погодин и о публике: «Я приписал публике зрелость для участия, для суждения о всех вопросах... но я не приписывал ей папской непогрешимости» («Русская беседа», 1860, № 1, с. 134, 155). Обильные материалы о диспуте см. у Н. Барсукова, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. 17, с. 272—323. *Тени Шлецера и Круга*. Вызывая Костомарова на диспут, Погодин писал: «Секундантов мне не нужно, разве тени Байера, Шлецера и Круга» («С.-Петербург. ведомости», 1860, № 60). *Любитель* — с одной стороны член Общества любителей российской словесности, с другой — дилетант; см. фельетон К. «Дилетантизм во всех его проявлениях, I» (*И* 1860, № 22). — Стихотворение является «перепевом» (с ошутительными элементами пародии) песни Офелии из «Гамлета» Шекспира в переводе Н. Полевого. Заглавие стихотворения заимствовано из одноименной работы Герцена.

Ворчун Дорофей (с. 147). Впервые — *И* 1860, № 33, с. 346—347, подпись: Пр. Знаменский. Печ. по изд. 1869 г., II, 136—139, с исправл. по *И*. Герой этого стихотворения — А. П. Башуцкий В конце 40-х годов, будучи помощником статс-секретаря Государственной канцелярии и правителем дел комитета главного попечительства детских приютов, присвоил деньги и бриллианты, пожертвованные с благотворительной целью. См. также вступ. статью. с. 38—39.

Друзьям Мартынова (с. 150). Впервые — *И* 1860, № 34, с. 357, под заглавием «Друзьям покойного Александра Евстафьевича Мартынова». Печ. по изд. 1869 г., I, 301—303. В *И* стр. 6 VI строфы другая: «Счастливец с бедняками».

Безвинно страждущим (с. 152). Впервые — *И* 1860, № 35, с. 369, подпись: Пр. Знаменский. В изд. 1869 г. не включено. *Борьбы Матюшкина с Тимковским*. О полемике журналиста К. И. Тимковского с купцом Д. М. Матюшкиным, которому принадлежало монопольное право торговли на Крестовском острове в Петербурге (*СО* 1860, № 26, 29, 31). *Дела, как господин фон Таубе*

говорит. . . Отвергая предъявлявшиеся ему обвинения в беспорядочной выдаче «фрей-билетов» (т. е. бесплатных билетов) и злоупотреблениях на этой почве, бывший управляющий Царскосельской железной дорогой барон Ф. И. фон Таубе утверждал, что заявление нового правления, будто теперь «фрей-билеты» уничтожены, не соответствует действительности. «Мы часто видим, — писал он, — что ревизор становится после ревизии одним из действительных членов администрации, продолжая вместе с другими вести дело попрежнему, то есть именно с теми же грехами, против которых до ревизии так сильно и решительно восставал». *Взгляни без робости: Арсеньева зовут*. . . И. А. Арсеньев написал резкую статью о концерте в Павловске, организованном дирекцией Царскосельской железной дороги. Директора дороги потребовали от редакции «Северной пчелы» назвать имя автора статьи для возбуждения против него судебного преследования. Арсеньев сам сообщил, что статья принадлежит ему, и тут же повторил все свои обвинения. На этом дело, однако, и кончилось («Северная пчела», 1860, № 155, 164, 167).

Вдовушка и поручик (с. 154). Впервые — И 1860, № 44, с. 469—470, подпись: Пр. Знаменский. Печ. по изд. 1869 г., 1, 368—371, с исправл. по И.

Возрожденный Панглосс (с. 157). Впервые — И 1860, № 45, с. 495, подпись: Пр. Зн. В изд. 1869 г. (II, 146—147) — с неправильной датой: 1862. Непосредственным поводом для возникновения стих. «Возрожденный Панглосс», «Скандал» и «Ода на появление в «Свистке» Нового поэта» были следующие факты. «Очерки из петербургской жизни» Нового поэта (И. И. Панаева), печатавшиеся в течение ряда лет в «Совр.», вышли в 1860 г. отдельной книгой. Либеральная критика в своих отзывах о ней не ограничилась выпадами против Панаева, но решила воспользоваться случаем для нанесения удара сатире демократического лагеря в целом. Н. Н. Воскобойников утверждал в *БДЧ* (1860, № 11), что Новый поэт — предтеча и глава сатириков И и «Свистка», упрекал их в пустоте, бездарности и вместе с тем взял под защиту Случевского и других представителей «чистой поэзии». «Возрожденный Панглосс» и является ответом на эту рецензию. Заглавие его следующего происхождения. В очерке «Русский джентельмен-оптимист» Панаев высмеял некоего литератора, которому дал имя Панглосса (героя романа Вольтера «Кандид»). Воскобойников взял под защиту осмеянного Панаевым героя. Это и натолкнуло К. на мысль отождествить с Панглоссом самого Воскобойникова. *ОЗ* откликнулись на книгу Панаева статьей «Литература скандалов» (1860, № 10). Редакционное послесловие к ней имеет тот же смысл, что и рецензия *БДЧ*. Революционная сатира охарактеризована в нем как сплетня, клевета, паясничество. На выпады *ОЗ* К. ответил «Скандалом». Панаев тоже не пожелал остаться в долгу и расправился со своими критиками в фельетоне «На рубеже старого и нового года», напечатанном в «Свистке» в № 1 «Совр.» за 1861 г. При этом он не только высмеял Воскобойникова, но в то же время отмежевался от И, резко отозвавшись о ней в нескольких местах своего фельетона. Тогда К. написал «Оду на появление в «Свистке» Нового поэта».

кзвительно подчеркнув, что его фигура мало гармонирует со «Свистком». К. использовал, между прочим, то обстоятельство, что и в этом фельетоне Панаева было несколько абзацев — правда, в ироническом тоне — о камелиях. «Скандал» и «Ода» были напечатаны в одном и том же номере *И*. Однако главные удары были направлены не на Панаева, а на непримиримых врагов из *БДЧ* и *ОЗ*; в соответствии с этим «Скандалом» открывался номер *И*, а «Ода» была напечатана в самом конце его. Эпиграф к «Возрожденному Панглоссу» — из стих. Жуковского «Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу».

«Мы всё смешное косим, косим» (с. 158) и «В минуту жизни трудную» (с. 160). Впервые — *И* 1860, № 47, с. 527, в статье «Опыт об „Иллюстрации“», без подписи. В изд. 1869 г. не включены. Авторство К. устанавливается на основании одного из примечаний к статье: «Лично об нас г-н Зотов может писать, что ему угодно... Г-н Зотов может, как Загорецкий, сказать, что В. Курочкин

Пьет бочками сороковыми!!!»

и т. д.

В стихотворениях, как и во всей статье, речь идет о редакторе «Иллюстрации» В. Р. Зотове в связи с его антисемитскими выпадами и высказываниями об эмансипации женщины на страницах журнала. В первом пародийно использовано стих. Вяземского «Старое поколение» («Смерть жатву жизни косит, косит»); второе — «перепев» стих. Лермонтова «Молитва».

Дружеский совет (с. 161). Впервые — *И* 1860, № 48, с. 551, подпись: Пр. Зн. Обращено к критику «С.-Петерб. ведомостей», который, нападая на стих. К. «Возрожденный Панглосс» и упрекая *И* в неграмотности, сам спутал Рабле с Вольтером (1860, № 263, «Литерат. летопись»).

1861 год (с. 162). Впервые — *И* 1861, № 1, с. 11, без подписи (вошло в изд. 1869 г.) *Крестьянам грамотность — вредна*. Еще в 1856 г. В. И. Даль в письме к редактору «Русской беседы» А. И. Кошелеву утверждал, что если грамотности не сопутствует нравственно-религиозное просвещение, то она нередко приносит народу вред («Русская беседа», 1856, № 3; см. также его заметки в *ОЗ* 1857, № 2, и в «С.-Петерб. ведомостях», 1857, № 245). Статья Даля вызвала решительное осуждение передовой печати. В 1860 г. с аналогичными утверждениями выступил священник И. С. Беллюстин («Журнал Минист. нар. просвещ.», 1860, № 10). *Быть или нет?* В годы, предшествовавшие реформе 1861 г., во многих статьях обсуждался вопрос об отмене телесных наказаний крестьян; в некоторых настойчиво высказывалось мнение, что они еще не могут быть полностью отменены.

Морозные стихотворения (с. 164). Впервые — *И* 1861, № 3, с. 39, подпись: Пр. Знаменский. В изд. 1869 г. не включено. Пародия на стих. Я. П. Полонского «Зимний путь». Стихотворений под этим заглавием в *И* больше не появлялось.

Скандал (с. 166). Впервые — *И* 1861, № 4, с. 45—46, под заглавием «Литературный скандал (Стансы)», с еще двумя эпитафиями из «Письма постороннего критика... по поводу книг г. Панаева и Нового поэта» («Время», 1861, № 1), подпись: Пр. Знаменский. Печ. по изд. 1869 г., II, 166—170. О фактах, которыми вызвано стихотворение, см. с. 734 («Возрожденный Панглосс»). «*На что, скажите, нет стихов?*». . . Автором стих. «Солома», начинающегося этой строкой, является не Мерзляков, а П. А. Межаков — см. «Стихотворения Павла Межакова», СПб., 1828, с. 200—202. Положением на музыку А. А. Алябьевым, стихотворение это вошло в песенный репертуар и приобрело широкую популярность. *Когда уже австрийский лагерь*. . . От имени вымышленного австрийского поэта Якова Хама Добролюбов поместил в «Свистке» ряд стихотворений, переведенных будто бы другим вымышленным поэтом Конрадом Лиленшвагером. Стихотворения Якова Хама об итальянской национально-освободительной войне 1859 г., воспевавшие австрийское владычество в Италии, являются злой сатирой на шовинистическую, монархическую поэзию. *У нас жуки сшибались лбами*. . . *С березой нежничает дуб*. Намек на стих. К. К. Случевского «На кладбище» («Совр.», 1860 № 1). В стихотворении Случевского — клен и сосна, а береза и дуб появились в пародии на него Ломана, напечатанной в *И* за год до этого (1860, № 8, с. 94); отсюда они и перешли к К. *Перейра был воспет стихами*. О сатире на Краевского «Чувства русского журналиста с капиталом при взгляде на банкира Исаака Перейру в собрании Общества железных дорог», включенной в фельетон Ивана Чернокнижникова (А. В. Дружинина) (*И* 1860, № 22, с. 235). *Попался, как ворона в суп* — стих Крылова («Ворона и курица»). *Как много лиц отозвалось*. . . У Пушкина: «Москва... как много в этом звуке... Как много в нем отозвалось!» *Хвала, хвала тебе, Скандал!* — «перепев» строки «Итак — хвала тебе, чума!» из «Пира во время чумы» Пушкина.

Ода на появление в «Свистке» Нового поэта (с. 169). Впервые — *И* 1861, № 4, с. 55, подпись: Пр. Знаменский. В изд. 1869 г. не включено. О фактах, которыми вызвано стихотворение, см. с. 734 («Возрожденный Панглосс»). *Став в позу Олоферна*. . . В своем фельетоне Панаев не назвал Воскобойникова, но подробно описал его внешность. В этом описании находим, между прочим, следущее сравнение: «Он походил в карикатуре на Майерони, в 4-м действии «Юдифи» изображающего пьяного Олоферна». Панаев вложил в уста Воскобойникова ряд ругательств по своему адресу, которые, впрочем, вполне соответствовали резкому и безапелляционному тону рецензии на «Очерки петербургской жизни» в *БдЧ*. *Что «Светоч» издает не свет, а только копоть*. В № 8 «Светоч» за 1860 г. появилась насмешливая рецензия на «Очерки» Панаева, в которой была напечатана принадлежащая Минаеву «Ода петербургских камелий» в честь Нового поэта. В ответ на эту рецензию Панаев писал: «Новый поэт. . . певец хлыщей и моншеров, поэт камелий из петербургского полусвета. О! в этом роде у него, конечно, нет соперников. . . И, произнеся это, скромный «Светоч» замигал и, потухая, пустил легкую струйку копоты». *Забыв, какой урок сей «Светоч» «Искре» дал*. См. письмо в редакцию *И* редак-

тора «Светоча» Д. Калиновского (1861, № 3, с. 44). *Его отец Дюма почтил благословенем.*... Летом 1858 г. Дюма был в Петербурге и несколько раз посетил Панаева и Некрасова. Вернувшись во Францию, он издал соеи «Impressions de voyage en Russie» («Впечатления от поездки в Россию»), в которых назвал Панаева «одним из перзых журналистов Петербурга» (см. Д. В. Григорович. Литературные воспоминания. Л., 1928, с. 475).

Г-н Аскоченский и г-н Леотар (с. 171). Впервые — *И* 1861, № 9, с. 133, без эпиграфа, с рядом примечаний, подпись (только в оглавлении): Пр. Знаменский. Печ. по изд. 1869 г., II, 128—132. Высмеянный К. рассказчик «За чаем» («Домашняя беседа» 1861, № 8) написан от лица человека, воплощающего собою «нравственное» начало. «Как в танцах, так и в спектаклях и маскарадах, — говорит этот ханжа, — принимают горячее участие только дети и юноши в смысле духовном или вечные недоросли» и т. д. В *И* в одном из примечаний К. указывает, что «За чаем», «предмет настоящего песнопения, грозная филиппика против всех драматических писателей, композиторов, либреттистов и против всех актеров и актрис, кроме г-на Леотара». *Ментор* — герой «Одиссеи» Гомера, воспитатель сына Одиссея Телемака. Имя Ментора часто употреблялось как нарицательное в смысле: наставник, руководитель юношества. «*Иноязычный словарь*» и «*Блестки и изгарь*» — отделы «Домашней беседы». В *И* в одном из примечаний К. язвительно пишет: «*Иноязычный словарь*» — увеселительный отдел, появляющийся в «Домашней беседе» с 7-го №. В этом отделе г-н Аскоченский, для назидания своих читателей, объясняет, например, что «*Эльдорадо* — место общественного гуляния в Моксве». . . , что «*Гурия* или *Хурия* (слово араб.) — женщина, обещанная Магометом своим последователям», что «*Камелиям* и в переносном смысле называют теперь несчастные создания, утратившие» и проч. Для полноты словаря недостает только, чтобы г-н Аскоченский сообщил адреса известных камелей и программу общественных удовольствий в Эльдорадо и у Излера. Говорят, все это будет напечатано в 9-м № убогой газетки». *Она беснуется в Медее*. . . *А Майерони — Олоферн*. О двух трагедиях — «*Медее*» Э. Легуве и «*Юдифи*» П. Джакометти, которые шли во время гастролей А. Ристори в Петербурге в 1860—1861 гг. *А эти нимфы* и т. д. К этому месту в *И* было следующее примечание: «Всех балетных ганцовщиц г-н Аскоченский называет гуриями и в том же № лукаво объясняет значение слова *гурия*; деликатность истинно изумительная».

Стансы на будущий юбилей Бавия (с. 174). Впервые — *И* 1861, № 10, с. 144—145, под заглавием «Стансы на будущий юбилей пятидесятилетней русско-французской воведильной и фелытонной деятельности Тараха Толерансова» и с большим примечанием, подпись: Тарах Толерансов. Печ. по изд. 1869 г., II, 149—151. При печатании в *И* несколько строк не были пропущены цензурой. Без сомнения, о «Стансах» писал К. цензору Ф. Ф. Веселаго 15 марта 1861 г.: «Барон <Медем> подписал прилагаемую при сем корректуру, согласившись на известное Вам добавление в за-

глави... и с условием не печатать трех строк, где говорится о пейзажах и пейзажах» (ГПБ). Строки эти не были восстановлены в изд. 1869 г. Стихотворение является откликом на празднование 50-летия литературной деятельности П. А. Вяземского в марте 1861 г. В связи с неумеренными восторгами некоторых его почитателей и их выпадами против передовой литературы это само по себе незначительное событие вызвало резкую полемику, способствовавшую обострению борьбы на литературном фронте. «Стансы» направлены как против самого Вяземского, так и против его апологета В. А. Соллогуба; они пародируют куплеты Соллогуба, спетые им на чествовании Вяземского в Академии наук (впервые появились в статье Н. Гр <еча>, «Северная пчела», 1861, № 55). Журнальный текст стихотворения даже в большей степени относился к Соллогубу, чем к Вяземскому. Именно Соллогуба, галломанию и французские пьесы которого *И* не раз высмеивала, имеет в виду первоначальное заглавие; в примечании Тараха Толерансова пародируется ряд деталей его статьи о юбилее Вяземского («С.-Петерб. ведомости», 1861, № 58). В ответ на упреки М. Н. Лонгинова *К.* писал: «Личность кн. Вяземского во всех статьях, написанных по поводу юбилея его, совершенно случайная. Не выскажи граф Соллогуб того, что он высказал в своих виршах и описании юбилея, — мы уверены, в литературе ни об юбилее, ни о кн. Вяземском не сказали бы ничего... особенного. По крайней мере мы совершенно не имели в виду личности кн. Вяземского в своем стихотворении, написанном по случаю юбилея, что старались объяснить и в примечании к тому стихотворению... Скажи это г. Лонгинов месяцем ранее, мы очень обиделись бы, что он, поняв неправильно наше стихотворение, возводит на нас напрасное обвинение; теперь же мы очень довольны, что в нашем стихотворении находят двойной выстрел. С некоторого времени мы не находим особенных причин проводить слишком резкое различие между личностями графа Соллогуба и князя Вяземского» («Еще кой-что по поводу юбилея князя Вяземского». — *И* 1861, № 20, с. 298—299).

«Египетские ночи» и петербургские фельетоны (с. 176). Впервые — *И* 1861, № 12, с. 170, с рядом примечаний, подпись: Пр. Знаменский. Печ. по изд. 1869 г., II, 175—177, с исправл. по *И.* В фельетоне, напечатанном в журнале «Век» (1861, № 8) под псевдонимом «Камень Виногород», П. И. Вейнберг высмеял некую Толмачеву, выступившую на литературно-музыкальном вечере в Перми с чтением «Египетских ночей» Пушкина. Публичное чтение «Египетских ночей» женщиной было оценено им как совершенно недопустимый поступок. Горячий сторонник женской эмансипации М. Л. Михайлов напечатал статью-письмо в редакцию «С.-Петерб. ведомостей», в котором резко осудил Вейнберга; вслед за ним в той же газете появился целый ряд аналогичных писем (1861, № 51, 59, 62). Все они печатались под общим заголовком: «Безобразный поступок „Века“». Говоря о фельетоне как о «дикий выходке», полагая, что Вейнберг в погоне за остроумием «брякнул гадость», *И* считала, однако, преувеличенным шум, поднятый «чрессур усердными протестантами» (1861, № 13, с. 189—190). Об этом эпизоде см. также воспоминания самого Вейнберга в «Историч

вестнике», 1900; № 5, с. 486—488. В ряде мест стихотворения использованы пушкинские строки.

«Что вы, с злорадством, так дурно скрываете» (с. 178). Впервые — И 1861, № 14, с. 211, в статье «Материалы для новейшей теории полемики», подпись: Пр. Знаменский. В изд. 1869 г. не включено. По поводу кулачной расправы архитектора К. К. Вергейма с извозчиком. В ответ на протест перечисленных в стихотворении лиц, появившийся в «Северной пчеле» под заглавием «Образованный человек», Вергейм написал статью, в которой резко нападал на них и неловко опровергал этот факт («Северная пчела», 1861, № 64, 79, 82). Эта статья и высмеяна К. Интересно, что вскоре последовало распоряжение Главного управления цензуры, «запрещающее опубликовывать дела вроде Вергейма с собственными именами» («Колокол», 1861, л. 102, с. 859). *Вижу: подходят купцы*. В своем протесте Курочкин и др. писали между прочим, что Вергейм сначала принял их, повидимому, за купцов (по бородам). В последней строфе — реминисценция из песни А. Ф. Вельмана «Что затуманилась, зоренька ясная» (из поэмы «Муромские леса»).

«Есть речи, — значенье» (с. 180). Впервые — И 1861, № 16, с. 239, в статье «Хроника прогресса», без подписи (включено в изд. 1869 г.). «Перепев» стих. Лермонтова «Есть речи — значенье Темно иль ничтожно». «Блестки и изгарь» — отдел «Домашней беседы» Аскаченского.

«Розги — ветви с древа знания!» (с. 181). Впервые — И 1861, № 21, с. 309, в статье «Хроника прогресса», без подписи. В изд. 1869 г. не включено. На авторство К. указал И. Ф. Массанов, с. 24—25. Написано по поводу нравов, царивших в нижегородской семинарии. «Перепев» «Песни Еремушке» Некрасова.

Добрый барин и лихой ямщик (с. 183). Впервые — И 1861, № 31, с. 441—442, в статье «Главное общество российских железных дорог. Сказание I», подпись: Пр. Знаменский. В изд. 1869 г. не включено. Общество было основано в 1857 г. при ближайшем участии иностранных, главным образом французских, банкиров. Ему была предоставлена концессия на постройку четырех железнодорожных линий: Петербургско-Варшавской, Московско-Нижегородской, Московско-Феодосийской и Орловско-Ливавской. Работа по их сооружению шла очень медленно. Все высшие должности занимали французские инженеры и техники. Они получали большое жалованье и жили роскошно. В 1861 г. в Обществе были обнаружены огромные растраты и злоупотребления. Непосредственным поводом для написания стихотворения явился тот факт, что в числе расходов по переезду одного из заправил Общества Легетра из Феодосии в Курск фигурировали чаевые ямщикам на 54 станциях (статья Н. Воскобойникова в «Русском инвалиде», 1861, № 168). Об откликах «еженедельных карикатурных изданий» на дела Общества, в частности на скандальную историю с Легетром, см. в «Моих воспоминаниях» А. И. Дельвига, т. 3, М., 1913, с. 121—122. *Вдохновительным кнутом* — слова Вяземского из стих. «Памяти живописца Орловского». К. иронически охарактеризовал свое стихотворение как

«романс в подражание кн. Вяземскому», имея в виду обилие «дорожных» мотивов в его поэзии. — «Добрый барин и лихой ямщик» — «перепев» «Тройки» Ф. Глинки.

«Видеть, как зло торжествует державно» (с. 184). Впервые — «Иллюстрация», 1861, № 185, с. 154, где IV и V строфы в обратном порядке, подпись: Илья Дубровин. Печ. по изд. 1869 г., II, 60—61.

Годовщина общего собрания акционеров Главного общества российских железных дорог (с. 186). Впервые — *И* 1861, № 34, с. 477—478, подпись: Пр. Знаменский. В изд. 1869 г. не включено. О Главном обществе российских железных дорог см. с. 739 («Добрый барин и лихой ямщик»). С 1859 г. группа акционеров начала организованную борьбу с Советом общества. Активными участниками этой борьбы были владелец пивоваренного завода А. И. Крон, либеральный публицист Н. Н. Воскобойников и директор акционерного общества «Кавказ и Меркурий» А. В. Стасов. Последние два напечатали целый ряд статей, в которых отмечали многочисленные непорядки и злоупотребления («С.-Петерб. ведомости», 1859, № 236, 238, 241, 273; 1860, № 28, 58; «Русский инвалид», 1861, № 164—169, 172, 176, 186—188; *PВ* 1859, сент., кн. 1 и 2). Но Совет продолжал игнорировать законные требования акционеров. Общее собрание акционеров, происшедшее 2 июня 1861 г., было довольно бурным, но, как и за год до этого, кончилось все же победой Совета. Счета Совета за 1859 г., отвергнутые все до одного ревизионной комиссией, были утверждены большинством голосов. Скоро после этого общество было, однако, реорганизовано. «*Question d'argent*» — комедия А. Дюма (1857). *Уже Перозио вступил...* Журналист Н. П. Перозио сначала примыкал к группе акционеров, борющихся с Советом, а в 1861 г. в ряде статей пытался опорочить работу ревизионной комиссии (см. его статьи в «Северной пчеле», 1861, № 181, 194, 211 и ответы на них в «Русском инвалиде», 1861, № 182, 196, 197). *Поморные лиры* — см. с. 747 («Юмористам „Отечественных записок“»). — «Годовщина...» — «перепев» «Бородинской годовщины» Пушкина.

Эпитафия Бавию (с. 189). Впервые — *И* 1861, № 40, с. 579, с подзаголовком «Из Anthologie drôlatique», подпись: Пр. Зн. Печ. по изд. 1869 г., II, 159. Эпиграмма на Вяземского; «перепев» четверостишия Пушкина «К портрету Вяземского». См. также с. 737 («Стансы на будущий юбилей Бавия»).

Слово примирения (с. 190). Впервые — *И* 1861, № 42, с. 607—608, с рядом примечаний, подпись: Пр. Знаменский. Печ. по изд. 1869 г., II, 178—183, с исправл. по *И*. Из вариантов журнального текста следует отметить стр. 4 IX строфы: вместо «Известный критик Чернышевский» — «Убитый ныне Чернышевский»; к этим словам в *И* было сделано примечание: «Разнесся слух, что Н. Г. Чернышевский скоропостижно умер, прочитав залпом все молниеносные, направленные против него статьи Н. Ф. Павлова, С. С. Громеки и мн. др. Правда ли это?» Две части стихотворения — своего рода «чем ты был и чем стал» «Русского вестника»: первая говорит о

конце 50-х годов, когда журнал Каткова был органом умеренного либерализма, вторая — об его переходе на откровенно реакционные позиции; при этом оба периода высмеяны в равной степени. «Слово примирения» — заглавие стих. Вяземского («Наше время», 1860, № 2), иронический переосмысленный К. И в нем *посвистывал Сенковский*. О СО, в котором Сенковский печатал фельетоны под заглавием «Листок барона Брамбеуса». Упал «Чиновник» и «Тамарин». К. имеет в виду статью Н. Ф. Павлова о комедии В. А. Соллогуба «Чиновник» (РВ 1856, июнь, кн. 1, июль, кн. 1) и рецензию Чернышевского на «Роман и повести» М. В. Авдеева («Совр.», 1854, № 2). И как Москва в свои концы... Пародия на первые строки стих. Ф. Н. Глинки «Москва». Журналистики Юпитер — Катков. Противу Зотова протест... В 1858 г. в журнале «Иллюстрация» была напечатана антисемитская статья его редактора В. Р. Зотова (1858, № 35). На эту статью последовали резкие ответы М. И. Горвица («Атеней», 1858, № 42) и И. А. Чацкина (РВ 1858, сент., кн. 2). «Иллюстрация» не смутилась и заявила, что они подкуплены богатым евреем N (1858, № 43). Тогда в РВ (1858, ноябрь, кн. 1 и 2) был помещен протест против Зотова и «Иллюстрации», подписанный писателями и литераторами различных направлений, в том числе Чернышевским, Тургеневым, Шевченко. Один «Свисток» скептически отнесся к протесту. Оценивая его как бурю в стакане воды, Добролюбов писал от имени провинциала Свиристелова: «Зачем это, думал я, русские ученые и литераторы ополчились в крестовый поход для доказательства того, что клевета гнусна?.. Неужели они полагают, что это все еще предмет неизвестный или спорный для русского общества?» («Совр.», 1859, № 2, «Свисток», с. 201 и 210). Искровцы несколько раз заявляли свою солидарность с Добролюбовым. «Журнал для девиц» — повидимому, «Лучи. Журнал для девиц, издаваемый Александрой Ишимовой». Подписей Ишимовой и Г. К. Блока, будущего редактора «Гудка», начавшего издаваться несколько позже, под протестом нет. *Какая смесь одежд и лиц!* — строка из «Братьев-разбойников» Пушкина. — «Элегия» является разоблачением нового политического курса РВ, в частности — «Элегической заметки» (1861, № 8), направленной против всей левой журналистики и революционной мысли начала 60-х годов, и стих. Вяземского «Заметка», напечатанного в том же номере журнала. Первые пять строк взяты из стих. Вяземского «Старое поколение» (1841), но расположены в ином порядке. *Так это зависть пешехода...* В стих. Вяземского «Заметка», полном классовой ненависти к тем общественным силам, которые неизбежно должны были свергнуть власть дворянской аристократии, есть такие строки:

И то, что выдают за гордую свободу,
 Есть часто ненависть к тому, что выше нас.
 Есть древняя вражда: к каретам — пешехода,
 Ленивой нищеты — к богатому труду,
 К барону Штиглицу — того, кто без дохода,
 Иль обвиненного — к законному суду.

Целый ряд других строк и выражений «Элегии» («бессовестное слово», «raison d'être», «гниль и фальшь кружков», «прогрессисты без голов») непосредственно связан с «Элегической заметкой». *Нац*

нужны формулы для дела. . . Отстаивая постепенный «прогресс в понятиях, в идеях», автор «Элегической заметки» писал между прочим, что «математическая формула таится под явлениями жизни, и она необходима для их уразумения». *Хоть бы пожар случился дома*. . . Здесь высмеиваются те места «Элегической заметки», где ее автор ополчается против утилитаризма в науке, видя главный смысл научной деятельности в совершенствовании сознания и придавая улучшению условий жизни второстепенное значение. *Плясать пустился трепака*. К. применил к самому РВ слова «Элегической заметки»: «Нет у нас таких совестливых людей, за которых можно было бы поручиться, что они вдруг, к изумлению окружающих, не пустятся в трепака».

«Когда мне в первый раз принес рассыльный „День“» (с. 194). Впервые — И 1861, № 43, с. 630, в фельетоне «Дни и ночи (Образцы славянофильского витийства и поэтические грезы Тараха Толерансова)», подпись: Тарах Толерансов. В изд. 1869 г. не включено. Пародия на передовую статью Ив. Аксакова в первом номере начавшей выходить 14 октября 1861 г. славянофильской газеты «День». Последние две строфы — «перепев» «Воспоминания» Пушкина. Об «Элегической заметке» см. в предыдущем примечании.

Старичок в отставке (с. 196). Впервые — И 1861, № 44, с. 643, с подзаголовком «Элегия». Печ. по изд. 1869 г., II, 54—56. *Что благо всякое даяние*. Здесь К. иронически использовал слова из послания апостола Иакова о том, что «всякое даяние благо, всяка дар совершен» от бога (гл. I, стих 17).

«Тщетно теря свой лоб» (с. 198). Впервые — И 1861, № 45, с. 653—654, в статье «Газета «День» и Иван Яковлевич Корейша», подпись: Пр. Знаменский. В изд. 1869 г. не включено. *Сопоставил сам-друг*. В № 46 «Домашней беседы» Аскоченского были напечатаны рядом статья о похоронах московского юродивого Корейши, которого Аскоченский неоднократно прославлял за его «мудрость», и статья о газете Ив. Аксакова «День», к которой он также отнесся с большим одобрением.

«Печальный рыцарь тьмы кромешной» (с. 199). Впервые — И 1861, № 45, с. 656—658, в той же статье. Печ. по изд. 1869 г., II, 132—135, с исправл. по И. Как и предыдущее стихотворение, написано по поводу приветственных откликов Аскоченского на первые номера славянофильской газеты «День». *Фоблаз* — герой скабрезного романа французского писателя Ж.-Б. Луве де Кувре «Любовные приключения кавалера Фоблаза (1787)». *Полногрудая Лурля* — из стих. Аскоченского «Лурлеин утес» (подражание «Лорелее» Гейне). В 1846 г. Аскоченский издал в Киеве сборник стихотворений. Раскопав эту книжку, а в ней, наряду с религиозными, и любовные мотивы, искровцы неоднократно использовали их в своих сатирах и карикатурах на Аскоченского. Особенно запомнилась и нередко фигурировала в журналах 60-х годов именно «полногрудая Лурля». *Изгарь* — «Блестки и изгарь», отдел «Домашней беседы». *Пчела* — «Северная пчела». *Инвалид* — «Русский инвалид».

И робко смотрит на восток... Далее (вплоть до клятвы Аскоченского) речь идет о московских журналах и газетах; выше перечислены петербургские. *«Вестник английский»* — «Русский вестник»; намек на англофильство Каткова. *«Зритель»* — «Зритель общественной жизни, литературы и спорта». *Газеткою убогой* — т. е. «Домашней беседой». *Дорофей* — см. с. 147 и 733 («Ворчун Дорофей»). *Камбека ерундой* — см. следующее примечание. *Статьей Дубровского про Ганку*. «Воспоминание о В. В. Ганке» П. П. Дубровского — ОЗ 1861, № 2. *Благодеяньяи Н. Б.* В разгар студенческих волнений осенью 1861 г. в «Русском инвалиде» (1861, № 227) появилось письмо в редакцию за подписью магистра законовения Петербургского университета Н. Б. <езобразова>, в котором он сообщал о готовности жертвовать до 250 руб. в год в уплату за обучение пяти студентов, известных своим «хорошим поведением и благонадежностью в науках». *Кочка Сохрана* — псевдоним Аскоченского, под которым он выпустил свой роман «Асмодей нашего времени» (1858). — «Печальный рыцарь тьмы кромешной» — «перепев» «Демона» Лермонтова.

«Да будет омрачен позором» (с. 202). Впервые — И 1861, № 47, с. 697, в статье «Г. Камбек на новом поприще деятельности», подпись: Т. Т. В изд. 1869 г. не включено. С ноября 1861 г. Л. Л. Камбек начал выпускать литературное приложение к выходящему под его редакцией «Петерб. вестнику», в котором обещал печатать за плату все, что ему ни пришлют. Приложение наполнялось редкими по своей бездарности писаниями безграмотных графоманов. Под произведениями сплошь и рядом фигурировали подписи: Ерунда, Ерундист и т. п. Это и дало повод прозвать «Ерундой» все приложение. В мае 1862 г. «Петерб. вестник» прекратился. *Да будет омрачен позором* — строка из стих. Пушкина «Наполеон».

Мирмидоны - Куролесовы (с. 203). Впервые — И 1863, № 2, с. 17—18, в статье «Шалости Мирмидонов», без заглавия и без подписи. Печ. по изд. 1869 г., II, 62—63, где датировано 1861 г. Возможно, впрочем, что эта дата поставлена или по ошибке, или для того, чтобы читатель яснее представлял, о чем идет речь. *Мирмидоняне* — древнегреческое племя; в «Илиаде» Гомера они отважно воюют под начальством Ахиллеса с троянцами. *Куролесов* — герой «Семейной хроники» С. Т. Аксакова, помещик-самодур и деспот. К. говорит в статье о тщетных попытках крепостников вернуть прошлое: «Эти неблагоразумные мирмидоны все еще тянутся кто за шлемом, кто за панцырем сына Пелеева», но «платье Ахилла им не по росту... Ахиллес рухнул 19 февраля 1861 года». Аналогичное противопоставление Ахилла мирмидонам находим в стих. Беранже «Les mirmidons ou les funérailles d'Achille», откуда К. — разумеется, переосмыслив — и заимствовал его.

«Над цензурою, друзья» (с. 204). Впервые — «Каторга и ссылка», 1927, № 5, с. 32, в «Воспоминаниях о шестидесятих годах» Н. Я. Николадзе. «Раз В. С. Курочкин, — пишет Николадзе, — вызванный в зале второй гимназии рукоплесканиями на бис, будучи навеселе, прочел под видом перевода из Беранже следующие стихи». Необходимо отметить, что рефрен «Над цензурою, друзья» действительно является переводом рефрена из песни Беранже «La

censure». *He пропустил Головнин*. . . В декабре 1861 г. Головнин сменил Пугатина на посту министра народного просвещения, которому была в то время подчинена цензура. Стихотворение написано в самом конце 1861 или в 1862 г. Читал его К., по словам Николадзе, в 1862 г.

Семейная встреча 1862 года (с. 205). Впервые — *И* 1862, № 1, с. 13, под заглавием: «Семейная встреча 1862 года в области литературного вымысла», подпись: Пр. Знаменский. Печ. по изд. 1869 г., I, 334—338. В *И* после стр. 92 следуют стр. 97—104, а затем 93—96; в самом конце еще 4 строки. *Являясь перед вами в четвертый раз*. К. имеет в виду свои новогодние стихотворения — «Через триста шестьдесят пять дней» (1859, № 1), «Сон на Новый год» (1860, № 1) и «1861 год» (1861, № 1). *Российского весь блеск тысячелетья* — см. с. 755 («Тысячелетие России»). *Их никаким составом химик Жданов*. Инженер-технолог Н. И. Жданов изобрел средство от зловония («ждановскую жидкость»). *И, наконец, — детей в воскресных школах*. Воскресные школы стали возникать в столицах и провинциальных городах в 1859 г. В них принимали близкое участие представители радикальной интеллигенции (особенно передовая молодежь), а также либеральных кругов русского общества. Сначала школы пользовались полной свободой, но вскоре за ними был установлен строгий надзор, а летом 1862 г. воскресные школы были закрыты правительством. Разумеется, Чичиковы 60-х годов принимали в них участие лишь на словах. В последних двух строках использован стих из «Горя от ума»: «Подписано, так с плеч долой!»

Легенды о кукельване (с. 208). Впервые — *И* 1862, № 1, с. 15—16, под заглавием «Мистерия о пиве и рыболовной ягоде» и с прозаическим введением, без подписи; первое стихотворение озаглавлено «Легенда о кукельване». Печ. по изд. 1869 г., II, 160—165, с исправл. по *И*. В 1861 г. Крон и другие петербургские пивовары были изблечены в том, что подмешивали в пиво кукельван (см. «Русский инвалид», 1861, №№ 263, 278, 282). *Аллах ли там среди пустыни* — начало стих. Лермонтова «Вид гор из степей Козлова»; в следующих двух строках также есть заимствования из этого стихотворения. *Один Аскоченский искал*. . . — см. с. 742 («Печальный рыцарь тьмы кромешной»). *Одни жуки сшибались лбами* и т. д. — насмешка над стих. Случевского «На кладбище» и «Ходит ветер, избочась» («Совр.», 1860, № 1). *То говорит, что будто едет*. . . — намек на стих. Полонского «Зимний путь». *Певец любви, певец богов*. . . — два стиха из «Цыган» Пушкина. *Прочь буйна чернь, непросвещенна* — начало стих. Державина «Об удвольствии». Восклициание падающей в обморок жены больного, которым заканчивается сценка «Действие кукельвана», связано, очевидно, с Н. Кукольниковом; героиня его пьесы «Торквато Тассо» Лукреция умирает со словами: «Ах! сердце, сердце. . . Га! разорвалось!» (акт 4, явл. 2). Это «Га! разорвалось!» незадолго до К. было высмеяно искровцем Г. Н. Жулевым, см. его «Трагедию в Летнем саду» — *И* 1861, № 17, с. 257. — Первая «легенда» является «переводом» «Анчара» Пушкина, третья — «Ветки Палестины» Лермонтова.

Плач Москвы о переселении в Петербург сплетни (с. 212). Впервые — *И* 1862, № 2, с. 21—22, с прозаическим введением, подпись: Пр. Знаменский. В изд. 1869 г. не включено. В ноябрьской книжке *РВ* за 1861 г. в статье «Какой бывает вред от монополий?» речь идет, между прочим, о сплетнях и интригах, процветающих будто бы в Петербурге. В качестве примера приводится случай с одним молодым московским профессором. Он напечатал свою вступительную лекцию, и сейчас же кто-то распустил слух, что по цензурному ведомству дано распоряжение не допускать на нее никаких возражений. Профессор этот, не названный в статье, — Б. Чичерин, а слух — не сплетня, а факт. Об этом узнаем из его собственных воспоминаний («Московский университет», М., 1929, с. 51; см. также дело С.-Петерб. цензурного комитета, 1860, № 12, л. 59). К. остроумно подхватил слова *РВ* о сплетне: «Читатель видит, что Сплетня окончательно переселилась из Москвы в Петербург. Как ей ни тяжело было расставаться с родным пепелищем, как она ни барахталась, М. Н. Катков твердою рукою подписал ее ссылку». *Про книгу Этвеша*. В 1860 г. книги И. Этвеша и Р. Гнейста были унесены кем-то из редакции *РВ*, о чем Катков считал нужным довести до всеобщего сведения в полемической статье «Объяснение» (*РВ* 1860, май, кн. 2, с. 167). Над этим «Объяснением» посмеялся в *И* и Щедрин («Характеры» — 1860, № 28, с. 304). *Что станет говорить княгиня Марья Алексевна* — слова Фамусова из «Горя от ума».

Казачьи стихотворения (с. 214). Впервые — *И* 1862, № 3, с. 42, подпись: Тарах Толерансов. Цикл связан с рядом выступлений Б. Н. Чичерина в периодической печати в конце 1861 и начале 1862 г. Первым из них была вступительная лекция по государственному праву в Московском университете, появившаяся в «Моск. ведомостях» в октябре 1861 г. (№ 238). В начале 1862 г. он поместил целый ряд статей о современном положении России и о русском дворянстве в «Нашем времени» Павлова. Все они проникнуты охранительными тенденциями, ненавистью к революционному движению и революционной мысли (которую Чичерин назвал «умственным» и литературным казачеством), стремлением доказать необходимость сохранения сословных привилегий русского дворянства. В своих статьях Чичерин полемизировал с *РВ* и «Днем», причем занял наиболее реакционную позицию. Искровцы, однако, как и всегда в подобных случаях, разоблачали не только самого Чичерина, но и его противников. К. принял кличку казака сторонника казацкой вольницы, но тут же переосмыслил ее и вернул Чичерину с отличительным признаком казака-усмирителя — нагайкой (см. фельетон «Казак в Москве!!!» — *И* 1862, № 4). *Отуманилась «Основа»*... О полемике между журналами «Сион» и «Основа» по поводу антисемитских высказываний последней («Основа», 1861, № 6 и 9; 1862, № 1; «Сион», 1861, № 10 и 21). В этой полемике приняли участие и другие газеты и журналы. *Пустоголовые фаланги пустоцветов*... *Всёобщей формулой*. Здесь имеется в виду «Элегическая заметка» *РВ* — см. о ней с. 741 («Слово примирения»). *Юбилеями не выисканных поэтов*. Намек на юбилей Вяземского — см. с. 737 («Стансы на булущий юбилей Бавяя»). — «Казачьи стихотворения» — «перепевы»

баллады Жуковского «Ахилл» и стих. Пушкина «В крови горит огонь желанья», «Если жизнь тебя обманет», «Молитва» и «На перевол: Илиады».

«Юмористическим чутьем» (с. 216). Впервые — И 1862, № 4, с. 63, в фельетоне «Казачи в Москвelli!», подпись: Тр. Тл. В изд. 1869 г. не включено. Эпиграмма на Чичерина — см. предыдущее примечание. *Хоть видим в выпушках, петличках* — ср. «Горе от ума», слова Скалозуба: «А форменные есть отлички: В мундирах выпушки, погончики, петлички».

«Кто больше всех благонамерен?» (с. 217). Впервые — И 1862, № 4, с. 64, в том же фельетоне. В изд. 1869 г. не включено. См. с. 745 («Казачские стихотворения»).

«Журнальным мнением, о господин Чичерин!» (с. 218). Впервые — И 1862, № 4, с. 64, в том же фельетоне. В изд. 1869 г. не включено. См. с. 745 («Казачские стихотворения»). *Как Пушкина поэт — перепев* стих. Пушкина «Поэту». *Николай Филиппович* — Н. Ф. Павлов.

«Куда ты, бедняжка, попал?» (с. 219). Впервые — И 1862, № 5, с. 75, в фельетоне «Полемические приемы и нравственные принципы г-на Охочекомонного», подпись: Тр. Тл. В изд. 1869 г. не включено. Обращено к В. Осипову, два стихотворения которого были помещены в *БдЧ* 1861, № 12. «Он поет себе песенки à la князь Шаликов, так же свободно и нежно, как в первых годах нашего столетия. — пишет К. — Пусть себе поет на здоровье. Жаль нам только, что его чувствительной душе предстоит множество огорчений, если он вздумает прочесть... суровые статьи своих сотоварищей по журналу — гг. Никиты Безрылова и Охочекомонного». *Профессоров всех разругал...* Речь идет об очень грубой статье Д. Ф. Шеглова «Несколько слов об университетах», напечатанной под псевдонимом «Охочекомонный» в том же номере *БдЧ*; она направлена против статей Н. И. Костомарова, М. И. Сухомятина, М. М. Стасюлевича и др.; в ней затрагивался мимоходом и женский вопрос. *Безрылов с ним вместе дуэт...* О Безрылове см. следующее примечание. *Беги в ерунду Льва Камбека* — см. с. 743 («Да будет омрачен позором»). Рефрен «Бедный поэт!» — «перепев» рефрена Жуковского «Бедный певец!» (стих. «Певец»).

Благоразумная точка зрения (с. 220). Впервые — И 1862, № 6, с. 77—78, подпись: Пр. Знаменский. *И Ципринусов, пишущих в нем.* О статье цензора О. А. Пржецлавского «Студии о гласности», напечатанной в *СО* (1861, № 50) под псевдонимом «Ципринус». *Льва Камбека с его ерундой* — см. с. 743 («Да будет омрачен позором»). *С точки зрения Никиты Безрылова...* В декабрьской книжке *БдЧ* за 1861 г. был помещен под псевдонимом «Старая фельетонная кляча Никита Безрылов» фельетон А. Ф. Писемского, в котором он высмеивал воскресные школы, женскую эмансипацию и т. д. Тон фельетона был резко неприязненный и издевательский, и Г. З. Елисеев в очередной «Хронике прогресса» сравнил Писем-

ского с Аскоченским (*И* 1862, № 5, с. 71). Редактор «Русского мира» А. С. Гиероглифов пытался организовать протест литераторов против *И*, но из этого ничего не вышло, а редакция «Совр.» заявила о своей полной солидарности с ней (*И* 1862, № 7, с. 104). *С точки зрения Бланка, Самарина...* Здесь имеются в виду напечатанные в конце 1861 г. в славянофильском «Дне» статьи П. Б. Бланка «Крестьянские выборы» (1861, № 4) и Д. Ф. Самарина «Уставная грамота» (1861, № 7). О последней см. статью Чернышевского «Г. магистр Н. де-Безобразов — псевдоним» («Совр.», 1862, № 1). В ней Чернышевский высмеял Самарина, показав, что его взгляды по крестьянскому вопросу мало чем отличаются от взглядов крепостника Безобразова. О статье Бланка см. II («Открытие»). *На сиамцев взглянув в «Иллюстрации»...* О ряде рисунков и заметок в №№ 181 и 182 «Иллюстрации» за 1861 г. *С точки зрения Зотова младшего...* — см. с. 741 («Слово примирения»). *С точки зрения ученых врачей.* Речь идет о высшем медицинском образовании женщин; см. II, («Дева и жрецы»). *И с Юркевичем в розге внушительный...* — см. II, («Детям»). *Разгадавшего смысл оплеух* — см. с. 727 («Быль»). *С соблюдением мер и границ* — см. вступ. статью, с. 36.

Юмористам «Отечественных записок» (с. 223). Впервые — *И* 1862, № 10, с. 139, без заглавия, в фельетоне «Юмористические опыты А. А. Краевского», без подписи. Печ. по изд. 1869 г., II, 208—209, где ошибочно датировано 1863 г. В начале 1862 г. Краевский сделал попытку организовать в ОЗ, по примеру «Совр.», юмористический отдел. Стихи и фельетоны этого отдела, беззубые, а иногда и технически безграмотные, были направлены преимущественно против Чернышевского, «Свистка», *И*, «Русского слова». *Поморными* (помора — умора, смех до упаду, а также повальная болезнь, эпидемия) прозвали искровцев их враги — см., например, *РВ*, 1859, сент., кн. I, «Соврем. летопись», с. 93; Гымалэ <Ю. Волков>, «Литерат. впечатления», «С.-Петербург. ведомости», 1860, №№ 190 и 212. Они же пренебрежительно окрестили всю левую журналистику *свистунами* (от заглавия сатирического приложения к «Совр.» — «Свисток»). «Совр.», *И* и «Русское слово» подхватили эти клички, приняли их и нередко демонстративно пользовались ими в борьбе со своими противниками.

Цепочка и грязная шея (с. 224). Впервые — *И* 1862, № 11, с. 149—154, подпись: Пр. Знаменский; с рядом исправл. — в изд. 1869 г., I, 393—408; здесь сцены озаглавлены: «Два скандала (Сцена из комедии «Горе от ума», разыгранная в 1862 г.)», сняты примечания, и имя Чернышевского — разумеется, по цензурным причинам — ни разу не упомянуто. Печ. по *И*, с исправл. по изд. 1869 г. Литературный и музыкальный вечер, о котором идет речь в первой сцене, был организован Литературным фондом в пользу нуждающихся студентов. Однако, по свидетельству ряда современников, часть сбора (или даже весь чистый сбор) была предназначена для незадолго до этого сосланного на каторгу М. Л. Михайлова и приговоренного к каторжным работам В. А. Обручева (см. М. Н. Слепцова. Штурманы грядущей бури. — Сб. «Звенья», № 2, М.—Л., 1933, с. 450; Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М.—П., 1923, с. 159, 234;

«Процесс Н. Г. Чернышевского», Саратов, 1939, с. 14, доклад шефа жандармов В. А. Долгорукова Александру II). Выступление Чернышевского с воспоминаниями о незадолго до этого умершем Добролюбове послужило поводом для возобновления его травли реакционной и либеральной печатью — «Северной пчелой», *БдЧ*, «С.-Петербург. ведомостями». Кроме Чернышевского, в вечере принимали участие В. Курочкин, Некрасов, Достоевский, А. Г. Рубинштейн, историк П. В. Павлов и др. Павлов за свою речь о тысячелетии России, в которой подчеркивал пагубность крепостного права и необходимость сближения «образованных достаточных классов» с «низшими разрядами общества», был арестован и выслан в Ветлугу. *Один кричал: безумцы!* К. имел в виду самого себя, свое стихотворение (перевод из Беранже) «Безумцы», напечатанное за две недели до вечера — в середине февраля 1862 г. («Век», 1862, № 1—6). На вечере 2 марта 1862 г. он читал «Господина Искарнотова (см. Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого. М.—Л., 1934, с. 161), «Птичку» (см. В. Сорокин. Из воспоминаний старого студента. — «Русская старина», 1906, № 9, с. 465) и «Безумцев». О последних в агентурном донесении о вечере говорится: «Курочкин во второй раз читал свое стихотворение из Беранже «Безумец», где он, между прочим, дозволяет себе говорить: «Безумец открыл новый свет, безумец дал нам новый завет, а этот безумец был бог». Неужели (говорили) цензура могла это позволить?» («Из истории либеральной общественности шестидесятых годов» — «Красный архив», 1931, № 2, с. 174). Из этих слов можно заключить, что К. прочитал и те строки, которые были запрещены цензурой, — см. с. 778 («Безумцы»). *Другой расписывал какой-то мертвый дом. О Достоевском, читавшем отрывки из «Записок из мертвого дома».* — Публичные лекции в здании Городской думы, о которых идет речь во второй сцене, возникли в начале 1862 г., когда Петербургский университет в связи с студенческими волнениями был закрыт. По мысли организаторов, они должны были материально помочь нуждающимся студентам, как арестованным, так и оставшимся на свободе, поддерживать внутреннюю связь между последними и в известной степени заменить чтение университетских курсов. Вслед за высылкой Павлова лекции были демонстративно прекращены. *Гиероглифическая газетка — «Русский мир», выходящий под редакцией А. С. Гиероглифова. Сквозь горнило вдохновения* и т. д. — из объявления об издании «Северной пчелы» в 1860 г.; см. с. 729 («Бедовому критику»). *Петр Нескажусь* — псевдоним П. Д. Боборыкина. Данный фельетон был подписан просто «Нескажусь», и К., таким образом, несколько приоткрыл авторство Боборыкина. *Тесак ему и ранец* — т. е. разжаловать в солдаты. См. также вступ. статью, с. 39—40.

Общий свист (с. 234). Впервые — *И* 1862, № 14, с. 209—210. подпись: Один из тысячи. В изд. 1869 г. не включено. На авторство К. указал И. Ф. Масанов, с. 159. Здесь К. высматривает рассуждения либеральной и реакционной журналистики о «заразе смеха» и «свистопляске» и иронически подчеркивает, что этому заболеванию подверглись и сами его ненавистники. Эпиграф взят из фельетона Прогрессистова (псевдоним А. В. Эвальда) «Письма об изучении безобразия» (*ОЗ* 1862, № 2, с. 47). О юмористическом отделе *ОЗ*, в котором

появился фельетон, см. с. 747 («Юмористам „Отечественных записок“»). «Старейший русский журналист», о котором говорится в конце стихотворения, — повидимому, редактор *ОЗ* Краевский. «Почта» — «Северная почта». «Пчела» — «Северная пчела». *Мадзини буйному хвалы*. Ср. эпиграмму Минаева «По прочтении одной статьи И. Арсеньева»: «Арсеньев похвалы слагает для Мадзини» («Гудок», 1862, № 6, с. 43). Какую именно статью имели они в виду, установить не удалось, но о похвалах Арсеньева Мадзини они говорят, разумеется, пронически; в корреспонденциях из Италии и статьях иностранного отдела «Северной почты», который редактировал Арсеньев, неоднократно высказывалось резко отрицательное отношение к Мадзини и попыткам демократических кругов вернуть его в Италию. *Заочный свистит с другими зауряд*. Речь идет об «Обозрении литературных журналов» В. К. Ржевского, напечатанных под псевдонимом «Заочный» в №№ 45 и 69 «Северной почты». *Свистит в Москве Борис Чичерин*. . . Повидимому, К. имеет в виду статью «Что такое охранительные начала? IV», в которой говорилось, между прочим, о необходимости коренного преобразования судоустойства («Наше время», 1862, № 45). *Гиероглиф Гиероглифов и Безрылов* — см. с. 746—747 («Благоразумная точка зрения»). *Петр Нескажусь* — см. с. 748 («Цепочка и грязная шея»). *Вкруг Чернышевского летая*. . . О статьях против Чернышевского (в связи с его воспоминаниями о Добролюбова) в №№ 58 и 70 «Северной пчелы» за 1862 г. Реминисценция из «Пчелы» Державина («Пчела золотая, Что ты жужжишь»). *Пахнуло затхлою стариною*. . . — см. с. 729 («Бедовому критику»).

Конский дифирамб (с. 236). Впервые — И 1862, № 17, с. 245—246, без заглавия, в фельетоне «Табунное ржание. (Изъявление лошадиной признательности г-ну Скарятину)», подпись: Тарах Толерансов. Печ. по изд. 1869 г., II, 206—207, с исправл. по И. Стихотворение вызвано статьей Скарятинна «О табунных и некоторых других свойствах русского человека» («Современная летопись РВ», 1862, № 17). «Является какой-нибудь Базаров и проповедует, что источники всех добродетелей обретаются в желудке, — заявляет он, — и все мы ошеломлены, слушаем разиня рот и удивляемся глубине и новости мысли. Наконец огорашивают Базарова, и что же?.. Два месяца тому назад базаровские фразы слышались везде и произносились с апломбом; теперь их не слышим. . . Почему крестьянин не подписывает уставную грамоту и не идет на оброк? Почему он верит прохожему богомольцу, который уверяет, что у помещиков землю возьмут даром? Почему, наконец, когда пройдет срок любовной сделки, придут чиновники, напишут грамоты, введут их, и тот же крестьянин подчинится тому, чего прежде сам не захотел устроить? Не печально ли это?» Иначе говоря, почему крестьяне добровольно не санкционируют своего ограбления, если их все равно заставят это сделать? Первые два стиха — пародийное использование религиозного гимна «Коль славен наш господь в Сионе» (слова Хераскова). *Подобно господину Бланку*. . . — см. II («Открытие»). *Разоблачил Ледрю-Роллена*. О выпад против Ледрю-Роллена в статье «Несколько слов о современном положении Франции» («С.-Петербург. ведомости», 1862, № 81); см. также с. 750 («Молитвой нашей бог смягчился»). И Чернышевского убил. К. имеет

в виду влюбный фельетон Скарятин «Образцы самоновейшего красноречия» («С.-Петерб. ведомости», 1862, № 58) — о выступлении Чернышевского с воспоминаниями о Добролюбове 2 марта 1862 г.

Доля Розенгейма (с. 238). Впервые — *И* 1862, № 18, с. 266, подпись: Один из тысячи. В изд. 1869 г. не включено. На авторство К. указал И. Ф. Масанов, с. 159. *Краевский задумал «Свисток»* — см. стих. «Юмористам „Отечественных записок“» и примечание к нему, с. 223 и 747.

Молитвой нашей бог смягчился (с. 239). Впервые — *И* 1862, № 20, с. 289, в цикле «Галерея отцов и детей», подпись: Пр. Знаменский; в изд. 1869 г. (II, 184—186) — без примечания и без упоминания имени Чернышевского в стр. 3 II строфы: «И некий критик, как Кречинский». Печ. по *И*. Все писавшие об «Отцах и детях» в №№ 3 и 4 *ОЗ* за 1862 г. видели большую заслугу Тургенева в развенчании нигилизма. Нигилисты сыграли известную положительную роль, заявляли *ОЗ*, но теперь утратили свое значение, потому что «продолжают еще свое отрицание в то время, как общество, отринув что нужно, начинает уже постройку нового» («Все или ничего» — 1862, № 4, с. 223). Правительство, по словам публициста *ОЗ*, гораздо лучше нигилистов понимает стоящие перед страной задачи: борясь с прежним «экономическим и гражданским устройством», оно, в отличие от нигилистов, не ограничивается одной разрушительной работой («Современная хроника России» — 1862, № 4, с. 49—50). В обстановке ограбления крестьянства, узаконенного актом 19 февраля 1861 г., подобные заявления обозначали неприкрытый переход и без того весьма умеренных либералов в число верных слуг самодержавия. *Кречинский* — герой пьесы А. В. Сухова-Кобылина «Свадьба Кречинского». «Жители планет» — статья Н. Н. Страхова («Время», 1861, № 1). *Ериком*, т. е. «—», была подписана статья А. В. Эвальда «Учиться или не учиться?», направленная против студенческого движения («С.-Петерб. ведомости», 1862, № 92). *Вы, Синеус и Прогрессистов...* Под этими псевдонимами (второй беспорочно, а первый тоже, повидимому, принадлежит А. В. Эвальду) напечатано несколько фельетонов в *ОЗ* в начале 1862 г. См. о них стих. «Юмористам „Отечественных записок“» и примечание к нему, с. 223 и 747. *Которым сокрушил Скарятин...* В своих корреспонденциях из Парижа и других странах, главным образом в статье «Несколько слов о современном положении Франции» («С.-Петерб. ведомости», 1862, № 81), Скарятин резко отзывался как о революционном прошлом Франции, так и о революционных силах тех лет. Всю вину за социальные противоречия и произвол, царивший во Франции при Наполеоне III, Скарятин возлагал не на истинных виновников, а на «бесперывные революции». В стихах *Воейкова для вас*. О «Доме сумасшедших». *Издаст Андрей Краевский «Голос»*. Газета «Голос» начала выходить в 1863 г. — Заглавие заимствовано из одноименного стихотворения Жуковского.

Нигилист-старичок (с. 242). Впервые — *И* 1862, № 20, с. 289, в цикле «Галерея отцов и детей», подпись: Пр. Знаменский.

Эпиграф — из передовой статьи Н. Ф. Павлова («Наше время», 1862, № 107) о студенческом движении и статье Чернышевского «Научились ли?» Статья Павлова была написана по предложению министра внутренних дел Валуева («Полное собр. соч.» Герцена, т. 15, Пб., 1920, с. 60). Это — почти неприкрытый донос. Павлов говорит, что «подземная работа» не перестает волновать студенчество, что уровень его знаний становится все ниже, что успех профессоров зависит от того, насколько они льстят молодежи. Чернышевского он называет «камергером при дворе молодого поколения» и недвусмысленно намекает на его связь со студенческим движением. Ответом на эту статью и является «Нигилист-старичок», в котором К. использовал факты из биографии Павлова. *Просто — принцип такой.* В «Отцах и детях» Тургенева Павел Петрович Кирсанов произносит — «принсип», а Аркадий — «прынцип». *Жарче летнего дня — стих из «Цыган» Пушкина.*

«Пчелка золотая» (с. 244). Впервые — *И* 1862, № 23, с. 326, в фельетоне «Явления, пропущенные современной публицистикою», подпись: Пр. Знаменский. Печ. по изд. 1869 г., II, 123. «Пчелка» — «Северная пчела». В одной из статей о петербургских пожарах 1862 г. «Северная пчела» сообщала о «неизвестной коалиции из немцев», занимавшейся во время пожаров грабежом. Это заявление имело откровенно националистический характер и вызвало протест газеты «St.-Petersburger Zeitung», который сочувственно приведен в фельетоне К. «Некоторый петербургский немец, разговаривавший с нами по поводу «Северной пчелы», — пишет К., — знающий «Пчелу» еще со времен грече-булгаринских, даже обиделся серьезным протестом немецкой газеты. Весьма довольно бы, сказал он, маленькой эпиграммы, а именно: Пчелка золотая...» О петербургских пожарах 1862 г. см. также с. 757 («С дымом пожара»). Первые две строки — цитата из стих. Державина «Пчела».

Письмо об России Фукидзи-Жен-Ициро к другу его Фукуте Чао-Цее-Цию (с. 245). Впервые — *И* 1862, № 31, с. 411—412, под заглавием «Письма об России» и т. д., без подписи. Печ. по изд. 1869 г., II, 15—24. В *И* под стихотворением стоит: «Продолжение следует», но К. ограничился только этим одним «Письмом». Стихотворение является откликом на пребывание в Петербурге летом 1862 г. японского посольства. *Как сказал в Пассаже баниос Ламанский* — см. с. 729 («Турнир в Пассаже»). *Дзинь* (точнее *цзинь*) — книги конфуцианского канона, проникнувшие из Китая в Японию и получившие там очень широкое распространение. *Сочинение о том же предмете Башуцкого* — «Панорама С.-Петербурга» (1834). «*Ерунда*» — см. с. 743 («Да будет омрачен позором»). *Павлова, Чичерина и др. специалистов.* Имеются в виду статьи о русском дворянстве Чичерина, напечатанные в «Нашем времени» Павлова в начале 1862 г.; см. также с. 745 («Казачьи стихотворения»). *От норманов или от литвы* — намек на диспут М. П. Погодина и Н. И. Костомарова о происхождении Руси в марте 1860 г. *Некоторый ученый Духинский полагает...* Польский историк и публицист Ф. Духинский утверждал, что русские не являются славянами и принадлежат к «туранскому племени». *И перед*

новою столицей... Неточная цитата из «Медного всадника». У Пушкина: «И перед младшею столицей... Как перед новою царицей». *Поморные* — см. с. 747 («Юмористам „Отечественных записок“»). В саду графа Кушелева-Безбородко и г-на Излера. Имеются в виду парк при загородном доме Г. А. Кушелева-Безбородко, куда в определенное время допускались гуляющие, и кафешантан И. И. Излера «Минеральные воды» в Новой деревне. — «Письмо об России» носило на себе следы несомненного влияния «Дружеской переписки Москвы с Петербургом» Некрасова и Добролюбова, о которой К. упоминает в примечаниях.

Московский фигляр (с. 251). Впервые — И 1862, № 32, с. 422, подпись: Пр. Знаменский.

В гостях и дома (с. 253). Впервые — И 1862, № 39, с. 509—513, с прозаическим обрамлением, без подписи. Печ. по изд. 1869 г., II, 153—158, с исправл. по И. Иронически замечая, что Вяземский, как все поэты, путешествует «без всякой определенной цели», что ему, как всем «людям хорошего тона», свойственно «праздно-созерцательное настроение», и пр., К. писал в И: «Жаль только одно: наш поэт несколько длинен в своем творении. По нашему мнению, весь заграничный отдел книги, составляющий добрую сотню страниц, можно бы поместить на каких-нибудь четырех-пяти страничках... Попробуем сделать опыт». Нашел, что жил здесь *Виноградов*. О товарище Ломоносова Д. И. Виноградове, посланном вместе с ним за границу учиться; впоследствии основатель фарфорового производства в России. Вяземский ездил в Фрейберг в надежде обнаружить там какие-нибудь следы пребывания Ломоносова. Роясь в архиве горного училища, он натолкнулся на имя Виноградова, но ни одного упоминания о Ломоносове не нашел (см. стих. «Фрейберг» и примеч. к нему Вяземского — сб. «В дороге и дома», с. 111—114 и 362). Не знает, жив ли Соллогуб... О Соллогубе, выступившем за полтора года до этого в роли апологета Вяземского, см. с. 737 («Стансы на будущий юбилей Бавия»). Резко враждебное отношение Вяземского к Белинскому проявилось в ряде его стихотворений, вошедших в этот сборник, в том числе в упомянутом стих. «Фрейберг». При этом Вяземский ополчался не только против самого Белинского, но в еще большей степени против продолжателей его дела — революционных демократов 60-х годов. В стих. «Когда Карамзина не стало» (с. 321) есть, например, такие строки: «Белинский умер; жив Белинский! Его непресекаем род...» и т. д. Кажется, о Праге... В «Дне» напечатано стих. Вяземского «Вечер» (1861, № 2). Стих. «Прага» появилось за три года до этого в «Русской беседе» (1858, № 3). *Портрет при стихах*. Стих. «При посылке двух моих портретов» (впервые — в сб. «В дороге и дома», с. 278). *Чай, аблессимовскому брат...* К. имеет в виду комическую оперу А. А. Аблессимова «Мельник, колдун, обманщик и сват». — Слова, набранные курсивом, — цитаты из Вяземского.

Граф князю (с. 257). Впервые — И 1862, № 40, с. 527, в фельетоне «В гостях и дома. II. Дома», без заглавия и без подписи. Печ. по изд. 1869 г., II, 158—159. Пародия на «Поручение в

Ревель» П. А. Вяземского (1833). *Граф* — В. А. Соллогуб, князь — Вяземский. В *И* стихотворение вмонтировано в небольшую сценку: Соллогуб сидит в Париже на Итальянском бульваре в кафе, восхищается стихами Вяземского и под их обаянием пишет и поет свои куплеты.

Перлы, тщательно выбранные из стихотворного перевода г. Берга «Пана Тадеуша» Мицкевича и нанизанные стихотворно же никчемным пиитой Брехальским (с. 258). Впервые — *И* 1862, № 40, с. 536, без подписи. В изд. 1869 г. не включено. На авторство К. указал И. Ф. Масанов, с. 40.

Гласность 1859 года и гласность 1862 года (с. 260). Впервые — *И* 1862, № 42, с. 563, под заглавием «Гласность 1859 года и гласность «Санктпетербургских ведомостей» 1862 года», без подписи. Печ. по изд. 1869 г., II, 117—119, с исправл. по *И*. В 1859 г. П. И. Якушкин был командирован в Новгородскую и Псковскую губернии для изучения крестьянского быта, собирания народных песен, преданий и пр. В Псковской губернии его трижды арестовывали как подозрительного субъекта. Вернувшись в Москву, он рассказал о своих приключениях в статье «Проницательность и усердие губернской полиции» («Русская беседа», 1859, № 5), на которую ответил псковский полицмейстер Гемпель. Вокруг этого дела завязалась оживленная полемика, в которой активное участие принял *PВ*. Для характеристики положения гласности после крестьянской реформы взята статья Доминика Тарновского. Тарновский служил у арендатора домов кн. Вяземского на Сенной площади. Однажды к нему явился полицмейстер, пожелавший осмотреть дом. «Пришлось осмаивать между прочим одно только что открытое, с разрешения начальства, заведение, которое управляющий соседним домом, вследствие своих соображений и по причине неприятного запаха дыма, выходящего из трубы заведения, просил закрыть». Возражая против этого, Тарновский сказал полицмейстеру, что «запах и дым из трубы заведения идет вверх, а не вниз, и что потому и то и другое не может иметь на соседний двор слишком вредного влияния». Несмотря на это, Тарновский был арестован. В статье не указано, где случился описанный факт («в одной из наших столиц...»), а фамилия полицмейстера обозначена буквой N. Статьями Якушкина и Тарновского К. характеризует объективное положение гласности в 1859 и 1862 гг., а эпиграфами — отношение к ней прессы, в частности *PВ*. Первый не является точной цитатой, но передает основную мысль сопроводительной заметки к перепечатанной из «Русской беседы» статье Якушкина (1859, сент., кн. 1, «Соврем. летопись», с. 93). Второй эпиграф взят из стих. Вяземского «С тех пор, как упразднил будку» (сб. «В дороге и дома», СПб., 1862, с. 330). К. хотел охарактеризовать им взгляды на «обличительную литературу» и гласность после реформы 1861 г. не одного Вяземского, а всей умеренно-либеральной в конце 50-х годов журналистики, в частности резкую эволюцию Каткова и *PВ*. *Малютка, шлем неся, просил* — первая строка стих. Мерзлякова «Велизарий». Судьба Велизария, который «водил царей земных в цепях», а те-

перь просит на хлеб, как бы отождествляется с судьбою гласности в России. *Уж перешли в века два «Века»* — т. е. «Век» П. И. Вейнберга и «Век», издававшийся литературной артелью под редакцией Г. З. Елисеева (прекратился в апреле 1862 г.). «Светоч»-метеор. Журнал «Светоч» прекратился в июле 1862 г. *Ерунда Льва Камбека* — см. с. 743 («Да будет омрачен позором...»).

Лорд и маркиз или жертва казенных объявлений (с. 262). Впервые — *И* 1862, № 44, с. 590—595, без подписи; с исправл. — в изд. 1869 г., II, 25—41; здесь указано, что материалом для «трагической сцены» послужила полемика между «Нашим временем» и «Современной летописью», но имена Павлова и Каткова нигде не упомянуты — всюду говорится просто «лорд» и «маркиз». Печ. по *И*. До мая 1862 г. печатать частные объявления могли только «С.-Петербургские», «Московские» и «Полицейские ведомости». Катков поднял вопрос о распространении этого права на все периодические издания и добился его. Когда же в конце 1862 г. «Моск. ведомости» перешли в его руки, то аналогичного вопроса о казенных объявлениях он уже не возбуждал. Наоборот, в объявлении о подписке на «Моск. ведомости» говорилось о «весьма важном преимуществе» газеты, «которое не может быть у нее отнято», т. е. об исключительном праве печатать казенные объявления. На этой почве и возникла полемика между Катковым и Павловым. К. включил в «трагическую сцену» отдельные выражения и реплики из статей, давая им комическое осмысление, так что читатель, следивший за газетами, сейчас же вспоминал соответствующие места в статьях Павлова и Каткова. Клички «лорд» и «маркиз» имеют в виду былое англофильство Каткова и претензии на аристократизм Павлова. *В статьях, что пишет он и господин Чичерин* — см. с. 745 («Казачьи стихотворения»). *Принадлежит не мне, а университету*. «Моск. ведомости» являлись собственностью Московского университета и были сданы Каткову в аренду. «*Les effrontés*» («Обнаглевшие») — пьеса Э. Ожье (1861), в которой обличалась продажная пресса.

Приглашение к танцам (с. 274). Впервые — *И* 1862, № 47, с. 654, подпись: П. З. В начале 60-х годов в Петербурге расплодилось много танцклассов, в которых танцевали преимущественно канкан; танцклассы являлись, кроме того, домами свиданий. *Вы песни пели до сих пор...* В этих строках использована концовка басни Крылова «Стрекоза и муравей». — Заглавие взято из широко известного произведения немецкого композитора К.-М. Вебера.

«Ты помнишь ли, читатель благосклонный» (с. 276). Впервые — *И* 1862, № 50, с. 698—699, в статье «Литературные размышления в начале второго тысячелетия России», без подписи (включено в изд. 1869 г.). В стихотворении высмеян либеральный период *РВ*, скоро круто повернувшего вправо, и вообще поверхностные либеральные увлечения второй половины 50-х годов. *Когда тебя не оскорблял Безрылов* — см. с. 746—747 («Благоразумная точка зрения»). «*Парусом*», *разорванным судьбою*. Славянофиль-

ская газета «Парус» (1859) была запрещена цензурой. *Усвоенное после его смерти М. Н. Катковым*. Московский юридивый И. Я. Крэйша, которого посещали представители высшего света, на вопрос одной дамы, «женится ли такой-то», ответил: «Без працы не бенды кололацы» (И. Прыжов. Житие Ивана Яковлевича, известного пророка в Москве. СПб., 1860, с. 49). Катков использовал это «изречение» в борьбе с «Совр.» «Изречение преображенного оракула... — писал он в 1861 г. — есть не что иное, как польская пословица, имеющая такой смысл: без труда не будет калачей... Не худо, чтоб этот смысл представлялся нашим доморощенным мыслителям... Кто выдает себя за мыслителя, тот не должен принимать на веру, без собственной мысли, ничего ни от г. Аскоченского, ни от г. Бюллера, ни от Ивана Яковлевича, ни от Фейербаха» (РВ 1861, янв., «Литерат. обозрение и заметки», с. 893—894). И все дальнейшие рассуждения Каткова посвящены «философским понятиям господ, пишущих в „Современнике“». Отповедь Каткову за эту статью дал Чернышевский в «Полемических красотах» («Совр.», 1861, № 6) *Поморным сочинителям* — см. с. 747 («Юмористам „Отечественных записок“»). *Как он ходил на Зотова войной* — см. с. 741 («Слово примирения»). *Как он в Москве основан был Нью-Лондон* — паек на англоманство Каткова в годы его либерализма. *Как он был горд своим Байбородой*. В 1857—1858 гг. в РВ было помещено несколько «Изобличительных писем» Байбороды (под этим псевдонимом писали Катков, П. М. Леонтьев и Ф. М. Дмитриев), направленных против славянофильской «Русской беседы», в частности против ее сотрудника, профессора римского права Н. И. Крылова, который был уличен в ряде грубых ошибок. *Полемикой с Евгением Тур.* О полемике по поводу статьи Е. Тур «Госпожа Свечина» (РВ 1860, апр., кн. 1), после которой она прекратила сотрудничество в РВ. *Николай Филиппыч* — Н. Ф. Павлов. *Соллогуб был жертвой сдружбы той*. Имеется в виду резкая статья Павлова о комедии В. А. Соллогуба «Чиновник» (РВ 1856, июнь, кн. 1; июль, кн. 1). *Как Дюма был Павловым сконфужен.* О фельетоне Павлова «Вотяки и г. Дюма» (РВ 1858, авг., кн. 2), в котором он писал о бессодержательности произведений Дюма-отца. *Ты помнишь ли, как некогда в Пассаже* — см. с. 729 («Турнир в Пассаже») и с. 733 («Дилетантизм в науке»). *Тогда еще Скарятин не решил...* — см. с. 749 («Конский дифирамб»). — Размер стихотворения, строение строфы, слова «Ты помнишь ли», которыми начинается каждая строфа, заимствованы из «Рефутации Беранжера» Пушкина, впервые опубликованной за год до этого.

Тысячелетие России (с. 278). Впервые — И 1862, № 50, с. 701—702, без заглавия, в той же статье. Печ. по изд. 1869 г., I, 339—341. Празднование тысячелетия России в 1862 г. превратилось в официозное, казенное торжество, к которому радикальные круги отнеслись весьма насмешливо. «*Время*» *стоит за народ*. К. иронизирует над претензиями журнала Достоевского на представительство подлинных интересов русского народа. *Тедески* (итал.) — немцы. *Верди для нас написал...* Об опере «Сила судьбы», написанной по заказу дирекции петербургских императорских театров. На постановку было истрачено много денег. Премьера состоялась

10 ноября 1862 г. в присутствии Верди. Опера успехом не пользовалась и скоро была снята с репертуара.

Тик-так! Тик-так! (с. 280). Впервые — *И* 1863, № 8, с. 109—110, с еще одной строфой между II и III, подпись: Пр. Зн. Печ. по изд. 1869 г., II, 68—71. Прочитанное на вечере, организованном Литературным фондом, 10 апреля 1863 г., стихотворение, по свидетельству современника, «возбудило неистовые рукоплескания». Курочкина вызывали несколько раз и заставили повторить его» (архив Лит. фонда в ГПБ, т. 12, л. 194). *Чертог твой вижду изукрашен* — пародийное использование начала так называемого экспозиционного стихотворения: «Чертог твой вижду, спасе мой, украшенный» и т. д. *«Глагол времен, металл звон»* — первая строка оды Державина на смерть кн. Мещерского.

Рапсодии о нигилизме (с. 283). Впервые — *И* 1863, № 11, с. 153—156, без подписи. Печ. по изд. 1869 г., I, 409—416, с исправл. по *И*. В *И* в конце первой песни напечатано: «Продолжение будет». Вторая песня не появилась, но в изд. 1869 г. (II, 184) К. указал на связь первой песни с целым рядом своих вещей, высмеивающих борьбу с «нигилизмом». Во втором томе стихи эти объединены в цикл «Рапсодии о нигилизме»; сюда вошли: «Молитвой нашей бог смягчился», «Казацкие стихотворения», «Нет, положительно, роман» и др. «Отцы и дети» Тургенева послужили одним из поводов для настоящего крестового похода консервативной и либеральной журналистики против «нигилизма». Отдельных участников антинигилистической войны К. сравнивает с героями первого крестового похода. Назвав Юркевича «горячим Бульоном», он использовал ходовой историко-литературный анекдот, согласно которому в переводе «Освобожденного Иерусалима» Тасса, сделанном С. Е. Раичем (1828), есть строка: «Вскипел Бульон, потек во храм» (см., например, <А. В. Дружинин>. Письма иногороднего подписчика о русской журналистике. — «Совр.», 1849, № 10, с. 312; <Н. К. Михайловский>. Литературное обозрение. — «Гласный суд», 1867, № 257). В действительности в нем такой строки нет. В своей автобиографии Раич протестовал против этой напраслины («Русский библиофил», 1913, № 8, с. 29). Строку эту приписывали и А. Ф. Мерзлякову — см., напр., Белинский. Сочинения Пушкина (ОЗ 1843, № 10, с. 85). Герцен. Оклеветанный граф («Колокол», 1861, лист 116, с. 965). *Фет... взялся за плуг селянина*. В 1860 г. Фет купил имение в Орловской губ. и занялся сельским хозяйством. *Толстой принял из рук Клио свиток...* О романе А. К. Толстого «Князь Серебряный», напечатанном в 1862 г. *Страхов... играет, как мячиком, глобусом Урании*. Об его статье «Жители планет» («Время», 1861, № 1). *Для своего народного читальника*. См. II («Н. Шербине...»). *В начале тридцатых годов, когда еще издавался «Благонамеренный» Измайлова*. Неточность: «Благонамеренный» прекратился в 1826 г. *Куролесов и Бироны* — герои произведений С. Т. Аксакова «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука». *Расплюев* — герой пьесы А. В. Сухова-Кобылина «Свадьба Кречинского». *И Авдеевых твореньями*. К., по видимому, имеет в виду не только произведения беллетриста

М. В. Авдеева, но и многочисленные книги его матери Е. А. Авдеевой по кулинарному искусству и домашнему хозяйству. *Петухам-де унизительно*. Петр Петрович Петух — герой «Мертвых душ» Гоголя. *Так на улице Рогатице*. Имеется в виду былина о Василии Буслаеве.

Платоническое ку-ку-ре-ку (с. 288). Впервые — И 1863, № 14, с. 197—201, без подписи, с надзаголовком «Увеселительные вечера «Искры», I». Печ. по изд. 1869 г., II, 196—205, с исправл. по И. Профессор Шур-Юр — П. Д. Юркевич. В начале 1863 г. Юркевич прочел в Москве цикл публичных лекций, в которых пытался опровергнуть материалистическую философию. Один из его слушателей А. Рогов послал ему анонимное письмо, в котором предупреждал: «Если в следующих лекциях вы не оставите цинизма, не будете с достоинством относиться к материалистам, то услышите уже не шиканье, а свистки» («Очерки», 1863, № 98). Об этом письме и идет речь в примеч. К. на с. 292. *Полморные* — см. с. 747 («Юмористам „Отечественных записок“»). *Четырехлетних девочек*. В «Очерках» было отмечено, что около трети посетителей лекций Юркевича составляли «дамы и девицы, начиная с 13-летнего возраста... мода привлекла их в аудиторию». *Неродившиеся дети, известные читателям «Искры»*. О цикле статей Пр. Преображенского (Н. С. Курочкина) «Житейские выводы и измышления», который был посвящен «неродившимся детям»; первая статья этого цикла напечатана в № 45 за 1862 г. *Его божественную «Федру»*. Профессор Шур-Юр называет один из диалогов Платона «Федр» именем трагедии Расина. *Галюше и Роде*. Фокусник Л. Галюше, прозванный «волшебником Востока», «профессор магии и физики», гастролировал в 1863 г. в Петербурге. А. Роде в 1858 г. в помещении петербургского театра-цирка демонстрировал при помощи волшебного фонаря «Оптические изображения из истории образования земной коры», появления на земле растений, животных, человека и пр. *Редиктор одной из почтенных московских газет* — И. С. Аксаков.

«С дымом пожара» (с. 294). Впервые — И 1863, № 32, с. 423—424, в фельетоне «Проницательные читатели (Из рассказов о старых людях)», подпись: Пр. Знаменский. Речь идет о петербургских пожарах в мае 1862 г., когда дотла сгорел Апраксин и значительно пострадал Шукин рынок. Пожары были широко использованы правительственными кругами для борьбы с «крамолой». «Северная пчела» хотя прямо не называла революционеров и студентов поджигателями, но и не отрицала их причастности к этому делу. Повторяя нелепые слухи, ходившие по городу, она тем самым способствовала их распространению. В напряженной атмосфере тех дней (совсем незадолго до пожаров появилась прокламация «Молодая Россия», очень напугавшая не только правительственные сферы, но и либеральные круги русского общества) статьи «Северной пчелы» воспринимались как инсинуации, как косвенное указание на вину революционеров и студенческой молодежи. «Прежде еще я просматривал иногда «Пчелку». — пишет К. — Теперь не просматриваю, потому что от нее несет какую-то удушливую гарью, несколько не уступающей изгари Аскоческого. А всему виновата

Толкучка, несчастная погоревшая Толкучка». «С дымом пожара» («Z дует розагów») — начало польской революционной песни (слова Корнеля Уейского).

«Молодая жена!» (с. 295). Впервые — *И* 1863, № 32, с. 427, с разделением на четверостишия, в том же фельетоне. Печ. по изд. 1869 г., II, 190. Это и следующее стихотворения пародируют статью Ростислава (Ф. М. Толстого) «Лжемудрость героев г. Чернышевского» («Северная пчела», 1863, № 138). Ростислав обвинял Чернышевского в беспочвенных утопических мечтаниях, плебейских вкусах, безнравственности, незнании светской жизни и пр. «Скажите по совести, — писал он, — решились ли бы вы посоветовать сестре вашей или дочери, или даже молодой вашей жене... если у вас есть молодая жена, прочесть роман „Что делать?“» К. высмеял этот злобный выпад против сидевшего в крепости Чернышевского. «Я знаю одного 90-летнего старичка... недавно женившегося на тринадцатилетней девочке. Он сначала пустился было развивать ее посредством чтения, но статья Ростислава произвела желаемое действие, и старческая натура взяла свое. Он выхватил роман Чернышевского из рук молодой жены и пропел ей на голос «Хуторка» Кольцова следующей романс: Молодая жена...». «Хуторок», который упоминается в стихотворении К., — петербургский загородный ресторанчик.

«Нет, положительно, роман» (с. 296). Впервые — *И* 1863, № 32, с. 428—429, в том же фельетоне. См. предыдущее примечание.

Деньги (с. 298). Впервые — *И* 1863, № 34, с. 466, с примечанием к подзаголовку: «Из настоящих испанских, а не выдуманых г-ном Крестовским; мысль эта заимствована у Лопе де Веги», подпись: Пр. Зн. В изд. 1866 г. — с подзаголовком «Из Лопе де Вега». Печ. по изд. 1869 г., I, 382.

Природа, вино и любовь (с. 299). Впервые — «Современность» (Женева), 1868, № 2, май, с. 30—32, под явно не принадлежащим К. заглавием «О цензуре» и по неисправному списку, без подписи; так же напечатано в сб. «Лютня. Собрание свободных русских песен и стихотворений», Лейпциг, 1869, с. 148—150. Печ. по *ОЗ* 1868, № 8, с. 321—323, подпись в тексте: В. К., в оглавлении тома: В. Курочкин. Автограф допечатного текста под заглавием «Природа, вино и любовь или Поэт, редактор и цензор», с датой. 17 янв. 1866 г. — в альбоме М. И. Семевского (*ПД*). Предназначалось для *И* еще в 1863 г., но было запрещено за «насмешки над действиями цензуры» (журнал заседания С.-Петербург. ценз. комитета от 16 октября 1863 г.). Подзаголовок «Из былых времен» (отсутствующий в автографе) звучит иронически и, конечно, появился для отвода глаз цензора: подобные операции над литературными произведениями проделывались, мол, только в прошлом.

В Летнем саду (с. 302). Впервые — *И* 1864, № 28, с. 383, под заглавием «Дети в Летнем саду», подпись: Пр. Знаменский. Печ. по изд. 1869 г., I, 372—374. *Вдруг подарил: «Друг детей»...*

Под этим заглавием начиная с XVIII в. вышел целый ряд книг для детей, преимущественно нравоучительного характера. Ближайшие по времени — «Друг детей. Новое собрание поучительных картин. Руководство к наглядному распознаванию, размышлению, счислению и разговорам для детей от 3 до 7-летнего возраста. Составлено наставником Бони», СПб., 1862 и «Друг детей. Книга для первоначального чтения. Сост. П. Максимовичем», изд. 13-е, СПб., 1864.

Предвещения на 1865 год (с. 304). Впервые — *И* 1864, № 50, с. 650, под заглавием «Предвещения на Новый год», подпись: Пр. Знаменский. Печ. по изд. 1869 г., I, 343—345. В *И* был еще один эпитафия — из полемической статьи Ф. М. Достоевского, направленной против «Совр.» касаясь клички «стрижи», которую дал редакции и сотрудникам «Эпохи» Щедрин. Достоевский писал, что стрижки очень хорошие птички, они предвещают ясную погоду: «Предвещать ясную погоду — очень лестно, особенно теперь, в наше время. Что может быть лучше ясной погоды, ясных, тихих, миротворных дней. Что может быть лучше, как предвещать эти грядущие дни, стремиться к ним и ободрять других в этом стремлении» («Чтобы кончить». — «Эпоха», 1864, № 9, с. 4—5). К. высмеивает в стихотворении необоснованный оптимизм «Эпохи» в годы реакции. Цитата из стих. Фета неточная: у него: «Жди ясного на завтра дня. *Хоть сам из книжек захвати.* О влиянии на роман В. Крестовского «Петербургские трушобы» «Парижских тайн» Э. Сю. *Гишпанский алгазил.* К. называет так Крестовского в связи с циклом его стихотворений «Испанские мотивы». *Для школ народных по-латыни...* Насмешка над сторонниками реакционной классической системы образования. *Ерыжным веяньем объят.* «Ерыжных дел мастерами» были названы в «Якоре» деятели радикального лагеря — см. полемическую статью Ненужного человека (Ап. Григорьева) «О борзописании ради печатного листа» (1864, № 1, с. 12). *Затмит Аверкиев Шекспира.* В 1864 г. в «Эпохе» была напечатана первая пьеса Д. В. Аверкиева «Мамаево побоище», а также его статья о Шекспире. *На карте сыщется Тамбов.* Указывая на бедность сведений о провинции и на необходимость ее участия в общей жизни России, И. С. Аксаков писал: «Читатель! не известно ли вам что-нибудь про Тамбовскую губернию?.. Да уж существует ли полно Тамбовская губерния? Может быть, это так себе, одно географическое выражение, не больше» и т. д. («День», 1863, № 47). Ср. также начало «Тамбовской казначейши» Лермонтова: «Тамбов на карте генеральной кружком означен не всегда». *Аксаков ободмет евреев.* Статьи Аксакова по еврейскому вопросу собраны в III томе Собрания его сочинений. В частности К. мог иметь в виду передовую статью в № 32 «Дня» за 1864 г. *Свой четвертак найдет Катков.* Статья Каткова «Одного поля ягоды» кончается словами: «Между Хлестаковыми есть еще порода таких, которые зовут себя демоническими натурами. Таких молодцов нельзя не побаиваться. Зарезать они не зарежут, но не кладите вашего четвертака плохо» (РВ 1861, № 5, «Литерат. обозрение и заметки», с. 26). Минаев иронизировал по этому поводу: «Кто-то в московской редакции — и, вероятно, из сотрудников — похитил с конторки четвертак, а она, благо есть случай, взяла да и гласности предала такой поступок, действительно

гадкий... Но ведь это все домашние дела... Зачем же тут литературу-то примешивать, ее катаклизм предсказывать» («Дневник Темного человека». — «Русское слово», 1861, № 8, с. 7).

Дама приятная во всех отношениях (с. 307). Впервые — *И* 1865, № 1, с. 2—3, подпись: Пр. Знаменский. Печ. по изд. 1869 г., I, 346—353. Заглавие взято из «Мертвых душ» Гоголя. *Как будто стрижи в нем звенят* — намек на стих. Фета «Жди ясного на завтра дня». *Одинцова* — героиня романа Тургенева «Отцы и дети». *Дальних степей*. Намек на политическую ссылку.

На масленице (с. 312) и Примерный фат (с. 314) Впервые — *И* 1865, № 6, с. 82, с общим надзаголовком «Современные песни и размышления», подпись: Пр. Знаменский. Печ. по изд. 1869 г., II, 64—67, 85—87, «Примерный фат» — с исправл. по *И*.

Завещание (с. 316). Впервые — *И* 1865, № 31, с. 418, без II строфы, подпись: Пр. Знаменский. Печ. по изд. 1869 г., II, 72—74.

К ямбам Барбье в переводе «Отечественных записок» (с. 318). Впервые — *И* 1865, № 41, с. 548, 550, подпись: Пр. Зн. В изд. 1869 г. не включено Пародия на переводы К. И. Бибикова из Барбье, напечатанные в *ОЗ* 1865, окт., кн. 2. *Мой труд благословил эстетик Соловьев*. После прекращения «Эпохи» критик Н. И. Соловьев стал сотрудничать в *ОЗ*; здесь он сразу напечатал огромную статью «Вопрос об искусстве» (1865, №№ 10, 11, 13, 15, 16), в которой пытался опровергнуть основные принципы революционно-демократической эстетики и критики. *Ваш «Лев» — прекрасный лев* — «перепев» слов Молчалина из «Горя от ума»: «Ваш шпигу — престельный шпиц». *Редактор! Издавай свой голос...* — т. е. газету «Голос», выходящую под редакцией Краевского с 1863 г. Тот же каламбур находим у Огарева («Пример неправильных, но справедливых ударений») и Достоевского («Каламбуры в жизни и литературе». — «Эпоха», 1864, № 10, с. 21). *Как девле Бокль и Милль...* К. имеет в виду ряд высказываний *ОЗ* о Бокле и Милле и прежде всего — предисловие к переводу статьи Бокля о Милле, содержащее грубые нападки на «Совр.» и Чернышевского и появившееся незадолго до стих. «К ямбам Барбье...» («Мнения Бокля о сочинениях Милля». — *ОЗ* 1865, № 1, с. 118—119). Мимоходом задета в нем и *И*. *ОЗ* утверждали, что популярность Бокля в революционных кругах русского общества ни на чем не основана, что «Совр.» превознося Бокля, искажил его в угоду своим собственным теориям и т. д.

Затишье (с. 320). Впервые — изд. 1869 г., II, 210—211, с датой: 1865. *Недели фуражки с кокардами* — т. е. поступили на государственную службу.

Чистосердечное признание одного из многих (с. 321). Впервые — *И* 1866, № 1, с. 3—5, под заглавием «Прошлогодние обеды (Чистосердечное признание одного из многих)», подпись: Пр. Знаменский. Печ. по изд. 1869 г., I, 354—357. *Прошло сто*

лет, как умер Ломоносов... Столетие со дня смерти Ломоносова было отпраздновано в казенно-патриотическом духе. Речь идет о торжественном обеде в зале петербургского Дворянского собрания 7 апреля 1865 г. *Принадлежит и сам к числу «хозяев»*... О съезде «сельских хозяев» в Петербурге в ноябре 1865 г. На этом съезде идеологи наиболее реакционных слоев поместного дворянства — В. Д. Скарятин, Н. А. Безобразов и др. — выступали с панегириками крепостному праву и ратовали за полное обезземеление крестьянства. *Обедал я в честь женского труда*. Мысль об организации Общества женского труда возникла еще в 1863 г., а утверждено оно было лишь в 1865 г. В Обществе сразу началась борьба за руководство между представителями аристократии и радикальной интеллигенции, и оно скоро прекратило свое существование. *«Русалка»* — опера А. С. Даргомыжского. *«Рогнеда»* — опера А. Н. Серова.

Великие истины (с. 323). Впервые — И 1866, № 6, с. 84, без подзаголовка, подпись: Пр. Знаменский. Печ. по изд. 1866 г., с. 315—317. К. использовал общий замысел и конструкцию стих. Armand Charlemagne «Les grandes vérités» (1796), но совершенно изменил тематические и формальные детали. Переводом является лишь последняя строфа. Стих. Шарлеманя вошло в сборник произведений французских песенников «La goquette ancienne et moderne», Париж, 1851, с. 263—267. В отзыве об изд. 1866 г. цензор Ф. Еленев включил «Великие истины» в число предосудительных произведений: «стихотворение, названное вольным переводом и заключающее в себе сатиру на отсутствие у нас свободы печати» (Журнал заседания С.-Петербург. ценз. комитета от 19 октября 1866 г.). *И необъятого не может*... Перифраза одного из афоризмов Козьмы Пруткова. Точек *компрометирующих нет*. Точками заменялись слова и места, не пропущенные цензурой. — Положено на музыку Э. Вивьеном.

<М. Н. Муравьеву> (с. 325). Впервые — «Былое», 1925, № 3, с. 92. Эти эпиграммы вписаны П. А. Ефремовым в поларенный ему К. экземпляр 2-го тома изд. 1869 г. со следующим разъяснением: «Незадолго до смерти В. С. Курочкин вечером у меня, при Д. П. Сильч^{евском}, продиктовал две стихотворные заметки, из числа многих «слагавшихся» им от скуки в крепости. Подписать просил не его именем, а Н и к о л а к и О м е г а, т. е. Шербина» (ГЛМ). Таким образом, эпиграммы датируются апрелем — июнем 1866 г., когда по распоряжению следственной комиссии по делу Карказова, возглавлявшейся Муравьевым, К. сидел в Петропавловской крепости. Еще один список эпиграмм, сделанный тем же Ефремовым, — в ПД. Другие «стихотворные заметки», написанные К. в крепости, до сих пор неизвестны. *Из Вильны Муравьева*. В 1863 г. Муравьев был назначен генерал-губернатором северо-западных губерний и жестоко подавил польское восстание.

Веселые разговоры (с. 326). Впервые — И 1866, № 38, с. 493—494, без подписи (включено в изд. 1869 г.). *От Рауля*. Петербургский винный погреб. *В Английском* — т. е. в аристократическом Английском клубе.

Causerie (с. 328). Впервые — *И* 1866, № 39, с. 503, без подзаголовка, подпись: В. Сугубов. Печ. по изд. 1869 г., II, 225—228. Стихотворение вызвано появлением нового журнала «Женский вестник». В нем печатались бывшие сотрудники прекращенных правительством «Современника» и «Русского слова» (Гл. Успенский, Н. А. Благовещенский, А. К. Шеллер-Михайлов, В. А. Слепцов, П. Н. Ткачев и др.), но вместе с тем в журнале давали себя знать чуждые демократическому лагерю идейные тенденции. В первом же номере была помещена статья официального редактора «Женского вестника» камер-юнкера Н. И. Мессароша «Мысли и заметки о современной подготовке женщин к жизни», посвященная «светским женщинам» и наполненная прописными истинами. Элементы «светскости» проявились и в заглавии фельетона — «Causerie». В *И* стихотворение сопровождалось письмом его вымышленного автора, В. Сугубова — под этим псевдонимом, явно намекающим на В. А. Соллогуба, оно было напечатано. Сугубов заявляет, что современная литература его «бесит давно, еще со времен Беллинского». «Женский вестник», особенно фельетон «Causerie», очень обрадовал его. «Ведь это опять возвращаются к нам времена оживленной светской болтовни, всегда полной ума и приличия. Ведь одно это слово <causerie> показывает, как тонко понимает редактор назначение журналиста, обязанного поучать, забавляя, и просвещать, развлекая. Простите меня, я не удержался и вылил восторг свой в предлагаемых строфах. Я позволил себе употребить французские выражения, даже целые строки на французском языке, но, вы это хорошо знаете сами, —

Доселе гордый наш язык
К газетной прозе не привык».

«Пчелка» — «Северная пчела». *Ее Булгарин к нам занес...* О «Комарах» Булгарина (СПб., 1842), в предисловии к которым он отрицал всякую связь с А. Карром, подчеркивая то обстоятельство, что «личная сатира с наименованием лица» и «политический памфлет» Карра совершенно чужды ему. *Я лишь с Евгениею Тур...* В 1861 г. Е. Тур уехала из России и поселилась в Париже. Сочувствие польскому восстанию, ненависть к деспотизму и реакционной политике правительства привели к некоторому сближению с Огаревым и, в меньшей степени, с Герценом. Но оно длилось недолго; скоро оппозиционные настроения Тур выветрились; к тому же, прежде равнодушная к религии, она прониклась симпатиями к католицизму. Поправление Тур, ее антидемократические взгляды и аристократические замашки нашли свое выражение в «Парижском обозрении», которое она систематически печатала в середине 60-х годов в «Голосе» Краевского. «Хорош Российский Геликон!» — из «Евгения Онегина». *Я тоже с Пушкиным был друг...* — намек на воспоминания Соллогуба («Русский архив», 1865, кн. 5—6) *Prince Pierre* — князь П. А. Вяземский. «Грейт Истерн» — корабль, о котором упоминается в «Causerie». «Миантономо» — американский монитор, на котором прибыла американская делегация во главе с товарищем морского министра, чтобы передать Александру II поздравление конгресса по поводу его «чудесного избавления» от выстрела Карачозова. «Трущобы» — «Петербургские трущобы» Вс. Крестова.

И доктор Хан и доктор Бок. В первом номере «Женского вестника» были помещены отзывы о книгах немецкого профессора Бока и будущего издателя «Всемирного труда» Хана. *Jean qui plure et Jean qui rit* — символы двух взглядов на жизнь, из которых первый все без исключения рисует в дурном, а второй — в благожелательном свете.

Роковое недоразумение (с. 331). Впервые — *И* 1886, № 42, с. 550—551, с подзаголовком «Роман в стихах», подпись: Пр. Знаменский. Печ. по изд. 1869 г., II, 81—84. Эпиграф и слова «dahin, dahin» — из «Миньоны» Гете. *Коломяга* и *Мурино* — дачные местности под Петербургом. *В бриллиантах светятся на ложе...* В этой строфе заключена пародия на стих. Фета «Знаю я, что ты, малютка» («Бриллианты в свете лунном, Бриллианты в небесах» и т. д.).

Свисток и стакан (с. 334). Впервые — изд. 1869 г., II, 212—214, с датой: 1866.

Сказка о враче и золотой рыбе или ненасытимые желания (с. 336). Впервые — *И* 1867, № 41, с. 493—495, без подписи. Печ. по изд. 1869 г., II, 215—224. Герой этого стихотворения — доктор Э. А. Хан, издававший, начиная с 1857 г., целый ряд журналов: «Библиотека медицинских наук» (1857—1864), «Популярная медицина» (1860—1862), «Самообразование» (1863—1866). В 1867 г. под его редакцией стал выходить еженесячный «учено-литературный и политический журнал» «Всемирный труд». Появлением этого «всероссийского журнала, всемирного», весьма консервативного по своему направлению, и вызвано стихотворение К. *Подражание Пушкину и Сан-Леону.* В сезон 1867—1868 гг. на петербургской сцене шел балет Ш. Сен-Леона «Золотая рыбка» по мотивам «Сказки о рыбаке и рыбке» Пушкина. *Наберу я разных картинок...* О журнале «Самообразование». *Как газета Старчевского древле — СО,* который в 1862 г. был превращен из журнала в газету. *И не в разум макали.* В 1865 г. московское дворянство преподнесло Каткову подарок — чернильницу и золотое перо «с известною древнею надписью: мокающему перо в разум» («Весть», 1865 г. № 32). *Славные богатыри-трагики.* В 1867 г. во «Всемирном труде» были помещены «Самоуправцы» и «Поручик Гладков» А. Ф. Писемского, «Слобода Неволья» Д. В. Аверкиева, «Тушино» А. Н. Островского. Из них стихами (белыми) написаны «Тушино» и «Слобода Неволья». *Милые эстетики-кудесники* — Е. Н. Эдельсон, Н. И. Соловьев, Н. Д. Ахшарумов, сотрудничавшие в критическом отделе журнала. *Стану издавать всеславянский.* В 1867 г. во «Всемирном труде» (№№ 7 и 8) были напечатаны две статьи А. С. Гиероглифова, в которых развивались идеи панславизма. *Отметчики* — газетные репортеры. *На Лябу, Мораву, на дальнюю Саву...* — пародия на стих. А. С. Хомякова «Беззвездная полночь дышала прохладой».

Нового счастья читателю и новых богатств (с. 342). Впервые — *И* 1868, № 1, с. 1, подпись: Литературный старовер. Печ. по изд. 1869 г., II, 229—231. Об общем смысле стихотво-

рения см. вступ. статью, с. 30. *Пятикопеечник* — «Пятикопеечник. Карманный календарь, на 1868 год, самых необходимых справок», изд. «Первой гласной кассы ссуд», СПб., 1867. Купец Карпович, учредитель «гласной кассы» выдававший ссуды под залог вещей, всячески рекламировал в этой книжонке свою кассу, говорил о своем желании помочь небогатым людям и пр. Слов, приведенных К. в эпиграфе, в «Пятикопеечнике» нет. Как Полонский, я «блохой укушен». Слова «блохой жизни был укушен» сказаны Я. П. Полонским о герое его поэмы «Свежее предание» Камкове, в лице которого выведен поэт 40-х годов И. П. Ключников.

Погребальные дроги (с. 344) Впервые — *И* 1868, № 13, с. 153. Печ. по изд. 1869 г., II, 94—96.

На могиле Д. И. Писарева (с. 346). Впервые — «Неделя», 1868, № 45, с. 1539—1540. Известно что на могиле Писарева были прочитаны два стихотворения, посвященные его памяти, — см. фельетон Минаева «С Невского берега» («Дело», 1868, № 8, с. 112, за подписью: Аноним) и некролог Писарева, автором которого, по видимому, является Н. Курочкин (*ОЗ* 1868, № 8, с. 179, за подписью: Н. К.). Весьма вероятно, что одним из них и было стихотворение К. «На могиле Д. И. Писарева».

Раздумье (с. 347). Впервые — изд. 1869 г., II, 31.

Надолго ли? (с. 348). Впервые — *И* 1870, № 1, с. 3—6 Стихотворение напечатано в первом номере журнала, вышедшем без предварительной цензуры. В нем — а еще более отчетливо в передовой статье — К. недвусмысленно заявил, что *И* осталась верна своим взглядам, но принуждена говорить о них вполголоса.

Канканы российской прессы (с. 350). Впервые — *И* 1870, № 5, с. 171—174, без подписи. На авторство К. указал И. Ф. Мазанов, с. 112. I. От г. Краевского г. Каткову. В начале 1870 г. «Моск. ведомости» получили предостережение за то, что в слишком пессимистических, с точки зрения министерства внутренних дел, красках изобраили итоги истекшего года. Катков немедленно согласился с указаниями министерства, и это вызвало чувство безразличности во всей не только радикальной, но и либеральной прессе. В качестве защитника Каткова от ее нападков выступил только «Голос» Краевского. В статье, которую цитирует К., «Голос» открыто заявил о себе как о сподвижнике «Моск. ведомостей». Первая строка — из послания Пушкина к Н. И. Гнедичу. *Проснешься ль ты когда, осмеянный Катков?* — «перепев» строки из «Поэта» Лермонтова. *Как чаша для пиров, как фимиам* — оттуда же. *Хоть... не враждебен и Бисмарку*. Катков был в то время резким противником германофильской политики русского правительства; Краевский же разделял правительственную точку зрения. II. Происхождение мудрости В. И. Аскоченского. Стих. К. «Надолго ли?» и передовая статья в № 1 *И* за 1870 г. вызвали злопахотельскую заметку «Домашней беседы» (1870, № 4), вернее, не заметку, а донос. Что это за «пора самых светлых надежд», о которой пишет «Ис-

кра?» — спрашивает Аскоченский и отвечает: «Искра» сожалеет о «Колоколе» Герцена, статьях Чернышевского, студенческих демонстрациях, петербургских пожарах 1862 г. и т. д. Аскоченский говорит, что в продолжение всей своей деятельности «следил за мазуриками свободной мысли», и высказывает уверенность, что *И* загорелась ненадолго. *На Измайловском*. У Измайловского моста помещалась редакция «Домашней беседы».

В наше время... (с. 353). Впервые: 1 — *И* 1870, № 9, с. 321—322; II — № 17, с. 577—580. К. предполагал продолжить этот цикл (в № 17 указано: «Продолжение следует»), но не осуществил своего намерения.

La paix à tout prix!.. (с. 357). Впервые — *И* 1870, № 28, с. 929—932. Это стихотворение, а также стих. «Стихийная сила», «За которую из двух?» и «Прокламация оспы купно с холерою» являются откликами на франко-прусскую войну 1870—1871 гг.

Стихийная сила (с. 359). Впервые — *И* 1870, № 44, с. 1379—1380.

За которую из двух? (с. 362). Впервые — *И* 1871, № 1, с. 3—4; см. также поправку — 1871, № 2, с. 64. Стихотворение вызвало некоторое беспокойство в цензурном ведомстве. Не видя оснований для возбуждения против *И* судебного преследования, председатель С.-Петербургского цензурного комитета А. Петров писал, однако, в Главное управление по делам печати: «Это стихотворение, вопреки сделанному от лица правительства приглашению, выражает решительное сочувствие одной из борющихся сторон и именно к Франции и, что еще хуже, оправдывает это сочувствие развитием на ее почве принципов равенства и природных прав человека» (Дело С.-Петерб. ценз. комитета, 1869, № 56, л. 30).

Во всех ты, душенька, нарядах хороша! (с. 364). Впервые — *И* 1871, № 5, с. 136—138, подпись: Пр. Знаменский. *Во всех ты, душенька, нарядах хороша* — строка из поэмы И. Ф. Богдановича «Душенька». *Выпушки, погончики, петлички* — из «Горя от ума» (слова Скалозуба). *Другой, хожалый древних лет...* В первых четырех строках этой строфы использовано стих. Вяземского «С тех пор, как упраздняют будку» (1862), направленное против передовой журналистики, но ему придан, разумеется, совершенно противоположный смысл. *Хожалый* — служитель при полиции для разных поручений, полицейский, городской. *Греко-латинская лапша* — о классической системе образования, которая была средством отвлечь молодое поколение от революционного движения и материалистических идей. *Предупредительные вожжи* и т. д. О предвзятительной цензуре и заменивших ее карательных методах воздействия на печать.

Прокламация оспы купно с холерою (с. 367). Впервые — *И* 1871, № 12, с. 353—356.

Реальные сонеты (с. 370). Впервые: I, II — *И* 1873, № 19, с. 1; III — № 30, с. 7, с подзаголовком «Реальный сонет», в статье «Весенние заметки «Искры» (Вчера, сегодня и завтра)», без подписи; IV — № 35, с. 2. «Притча о Снегурочке» напечатана без подписи и без порядкового номера в цикле, но подзаголовок «Реальный сонет» и четвертый (а не третий) номер над «На зеркало неча пенять» свидетельствуют об авторстве К. Как видно из статьи К., Снегурочка являлась для него символом всего талантливого и передового в русской литературе, подвергнувшегося непрерывной травле со стороны реакционеров. Стр. 2 и 11 «Притчи о Снегурочке» взяты из поэмы Некрасова «Мороз Красный Нос». Как «Гражданин» к реформам, ставит точку. В начале 1872 г. реакционный публицист, редактор «Гражданина» кн. Мещерский заявил в одной из своих статей, что к основным реформам 60-х годов «надо поставить точку» («Гражданин», 1872, № 2, с. 42).

Нужна ли литература? (с. 373). Впервые — *И* 1873, № 28, с. 8. Стихотворение является в известной мере ответом на статью В. Г. Авсеенко «Нужна ли нам литература?» (*РВ* 1873, № 5). Статья направлена против деятелей прогрессивной литературы и критики, отрицающих будто бы подлинное искусство, заинтересованных только в мелкой злобе дня, а не в глубоких общественных вопросах и пр. К. переадресовал обвинения в отрицании литературы, показав в своем стихотворении, кому она, действительно, совсем не нужна. «Архив» — «Русский архив», «Старина» — «Русская старина», журналы, печатавшие материалы по русской истории и истории русской литературы. «Живая струна» — «Живая струна. Сборник стихотворений и куплетов, читанных и петьх И. И. Монаховым, П. А. Никитиным и др.», СПб., 1871, изд. К. Н. Плотникова. Еще в 1871 г. *И* отзывалась об этой книге как об издательской спекуляции (1871, № 24).

<П. А. Ефремову> (с. 375). Впервые, с ошибками, — в «Собрании стихотворений» К., М.—Л., 1934, с. 387. Надпись на VI изд. Ефр.; под четверостишием подпись: «Охотный доброжелатель В. Курочкин», приписка: «Извините, что не под титлами — не умею» и дата: 18 декабря 1873 г. См. об этом четверостишии воспоминания Я. Ф. Березина-Ширяева — «Русский библиофил», 1912, № 3, с. 29.

Новый Пантелей-целитель (с. 376). Впервые — *БВ* 1875, № 4, в фельетоне «За неделю», подпись под фельетоном: К. В., под стихотворением: Всеволод Погодин. От имени юного поэта Погодина написана большая часть стихотворений, включенных в фельетонные обозрения «За неделю». О принадлежности К. серии фельетонов «За неделю» за подписью «К. В.» есть ряд свидетельств; см., например, первый фельетон сменившего К-на Рцы — слово — твердо (В. А. Полетики) — *БВ* 1875, № 225. «Новый Пантелей-целитель» — ответ на программный фельетон «С.-Петерб. ведомостей» «Послание к россиянам», напечатанный в № 2 за 1875 г. Фельетон появился за подписью «Государь Пантелей», и в нем были широко использованы цитаты из антиреволюционной сатиры А. К. Толстого «Пантелей-целитель»; написан он псевдонимным языком. «Госу-

дарь Пантелей» — псевдоним писателя Е. А. Салиаса де Турнемира, который был в это время редактором «С. Петерб. ведомостей». *Али речь ты повел с «пугачевцами»?* «Пугачевцы» — исторический роман Салиаса, появившийся в 1874 г.

<М. Н. Каткову> (с. 378). Впервые — *БВ* 1875, № 80, в фельетоне «За неделю», подпись: К. В.; стихотворение написано от имени Всеволода Пагодина (в этом фельетоне К. сообщает, что поэт просит не смешивать его с историком Погодиным и отныне писать его фамилию через *а*). Эпиграмма вызвана злобной статьей «Моск. ведомостей» Каткова о московском Центральном книжном магазине. Этот магазин, которым руководили люди прогрессивных взглядов, два раза в месяц выпускал объявления о новых книгах с краткими извлечениями из появившихся на них рецензий и рассылал их при газетах. «Свои книгопродавецские объявления, — с негодованием писали «Моск. ведомости», — они обратили в периодическое издание особого рода, предназначая его, повидимому, на служение «прогрессу» в смысле известной части нашей журналистики. Объявляя о книге, они тут же приводят тенденциозно-ругательные о ней отзывы и вообще сортируют книги «по направлению» согласно мнению части петербургской печати, рвущейся прослыть за передовую» («Новый способ издавать газету». — «Моск. ведомости», 1875, № 65). В фельетоне, как и в эпиграмме, К. характеризует статью «Моск. ведомостей» как донос. Эпиграмма — «перепев» последнего четверостишия стих. Лермонтова «Не верь себе».

Немец обезьяну выдумал (с. 379). Впервые — *БВ* 1875, № 80, в том же фельетоне, подпись под стихотворением: Всеволод Пагодин. По поводу передовой статьи «Моск. ведомостей» Каткова о предложении, сделанном капиталистом П. Г. фон Дервизом русскому правительству (1875, № 69). «Моск. ведомости» с неумеренной похвалой отозвались об уже оказанной фон Дервизом «памятной услуге железнодорожному делу в России» (т. е. о постройке Рязано-Козловской железной дороги) и об исключительной выгодности его предложения. «Биржевые ведомости», напротив, оценили предложение фон Дервиза как «одно из самых своекорыстных, которые только когда-либо представлялись русскому правительству», а статью «Моск. ведомостей» как «одну из самых беззастенчивых реклам, которые только когда-либо появлялись среди объявлений на страницах русских газет и журналов» (1875, № 77). Восхваления Каткова были отнюдь не бескорыстны. По свидетельству современников, он получал от железнодорожных делцов солидные суммы (см. Б. Н. Чичерин. Воспоминания. Москва сороковых годов. М., 1929, с. 179). «*La Perichole*» — «Перикола», оперетта Ж. Оффенбаха, текст А. Мельяка и Л. Галеви; была переведена для русской сцены драматургом В. Александровым (В. А. Крыловым).

Поэту-адвокату (с. 381). Впервые — *БВ* 1875, № 149, в фельетоне «За неделю», подпись под фельетоном: К. В., под стихотворением: Всеволод Пагодин. К. К. Арсеньев в «Заметках о русской адвокатуре» (СПб., 1875, с. 167) писал: «Чем больше общественное мнение возбуждено против обвиняемого, тем менее адвокат

имеет право отказываться от защиты, если только он может принцт и вести ее по убеждению. Желание адвоката охранить неприкосновенность своей репутации... не должно доходить до малодушной боязни перед общественным мнением. Самым строгим судьбою должен быть для себя сам адвокат, если он по совести считает себя вправе взяться за дело, ему нечего опасаться толкований, которые вызовет его решимость». К. приводит это утверждение в связи с речами защитников игуменьи Митрофании Карцева и Снегирева и иронически характеризует их как практическое осуществление принципов Арсеньева. Арсеньев, по словам К., «только переложил мелодические стихи Пушкина <речь идет о стихотворении «Поэту»> в казуистическую прозу, опустив при этом нетребовательность поэта насчет наград и строгую оценку труда, так как первое к адвокатам не подходит, оценить же свой труд каждый адвокат сам умеет, без наставлений». Пагодин «не умедлил мелодические строфы Пушкина, с проведенным в них законодателем адвокатуры реальным содержанием, вновь обратил из казуистической прозы в их первобытную стихотворную форму». Обличение адвокатов за то, что они зачастую исключительно из корыстных побуждений берут на себя защиту богатых преступников, характерно для всей радикальной литературы и публицистики 70-х годов.

Элегия (с. 382). Впервые — *БВ* 1875, № 190, в фельетоне «За неделю», подпись под фельетоном: К. В., под стихотворением Всеволод Пагодин. Пародия на стихотворения шведского короля Карла XV «Беккасгог» и «Пляска эльфов», переводы которых были напечатаны в «С.-Петербур. ведомостях», 1875, № 173. Из переводов мы узнаем, иронически пишет К., что «по части поэзии и в Швеции все обстоит благополучно, и поэтами воспеваются так же, как и у нас, и вечерние голоса, и солнце, и женщины, и сильфы, и эльфы». *Беккасгог* — именование королевского дома на юге Швеции. *Ульриксдаль* — загородный замок в окрестностях Стокгольма.

«Как не вскрикнуть тут с поэтом» (с. 383). Впервые — *БВ* 1875, № 197, в фельетоне «За неделю», подпись: К. В. По поводу процесса зрителя училища при Тронце-Сергиевской лавре иеромонаха Гавриила, засекавшего досмерти десятилетнего ученика. Суд все же оправдал его.

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ В. С. КУРОЧКИНУ

«Долго нас помещики душили» (с. 384). Впервые — в сб. «Русская потаенная литература XIX столетия», ч. 1, Лондон, 1861, с. 426—427, под заглавием «Современное стихотворение», без подписи; затем, также без подписи, — в сб. «Свободные русские песни», Кронштадт, 1863, в типографии главной брандвахты, с. 11—14 (указание на место издания и типографию вымышлено: в действительности сборник напечатан в типографии русской революционной эмиграции в Берне — см. «Литерат. наследство», № 41—42, М.,

1941, с. 14 и 85). Печ. по «Колоколу», 1866, лист 212, с. 1739 (Отчет «Дело И. Андрущенко»). В «Русской потаенной литературе» и «Свободных русских песнях» четверостишия и двустишия расположены в ином порядке, нет последних строк о Пугачеве, а в «Свободных русских песнях», кроме того, после каждого четверостишия следует припев: «Вот житье, вот бытье, Жизнь горе рассейское!» Нет строк о Пугачеве и в тексте, опубликованном в статье М. А. Васильева «Песни казанского студенчества» — «Ученые записки Казанского гос. университета», кн. 5, 1930, с. 852. Интересный вариант (с упоминанием имени Антона Петрова в конце стихотворения) приведен в «Воспоминаниях о П. Г. Зайчевском» А. М. — сб. «О минувшем», 1909, с. 182. Хотя в 60-е годы стихотворение печаталось лишь в заграничных революционных изданиях, оно было очень популярно, ходило по рукам в списках и стало революционной песней. Один из списков был найден у землевольца И. А. Андрущенко при его аресте в 1863 г. Андрущенко показал, что получил его у П. Холод<к>овского-Цибульского, а автор ему неизвестен. По его словам, «стихи — песня, положена на голос и идет в ход». Подсудимые по тому же делу Н. Шатилов и А. Тыщинский сообщили, что стихи эти — «песня, которая поется на студентских пирушках в Казани и многими из них известна на память» («Колокол», 1865, л. 208; 1866, лл. 212, 214). О распространенности этой песни в Казани см. также Н. Ф. Бунаков. Записки. СПб., 1909, с. 51; М. А. Васильев. Указ. статья, с. 853; А. А. Бирюков. Университет и студенты начала 60-х годов. — «Ученые записки Казанского гос. университета», кн. 5, 1930, с. 878. Б. П. Козьмин в рецензии на «Ученые записки Казанского университета» справедливо отметил, что распространенность песни среди казанской студенческой молодежи еще не свидетельствует об ее казанском происхождении, как это предполагает М. А. Васильев; она была широко известна по всей России («Каторга и ссылка», 1931, № 3, с. 251—252). В подтверждение мнения Б. П. Козьмина можно сослаться, например, на то место воспоминаний А. С. Суворина, где он рассказывает о своей московской жизни начала 60-х годов (Б. Б. Глинский. А. С. Суворин. СПб., 1912, с. 16). В последней части романа Писемского «Люди сороковых годов» («Заря», 1869, № 9, с. 109) песню «Долго нас помещики душили» в Петербурге поет некий Пенин, причем упоминается, что она «сочинена около того времени», т. е. в конце 50-х — начале 60-х годов. — Курочкину приписывает стихотворение анонимный автор биографии М. П. Розенгейма. Он говорит об И: «редактируемая Степановым и В. С. Курочкиным, обратившим на себя внимание удачными переводами песен Беранже и прославившимся в известном кругу стихотворением „Долго нас помещики душили“» («Русская старина», 1887, № 9, с. 631). В «Лютне» (Лейпциг, 1869, и др. изд.) напечатано за подписью: П. Холод<к>овский-Цибульский. Стихотворение приписывалось и Ап. Григорьеву — см. Н. С. Лесков-Стебницкий. Загадочный человек. СПб., 1871, с. 48—49; ср. П. Боборыкин. Из воспоминаний о пишущей братии. — «С.-Петерб. ведомости», 1877, № 41 («распевали даже одну смелую песню, сложенную им»), а также письмо Я. П. Полонского к Островскому от 3 апреля 1876 г. — «Неизданные письма к А. Н. Островскому», М.—Л., 1932, с. 455 («поющего со студентами песню, им положенную на музы-

ку»). — Интересны слова Огарева о «Долго нас помещики душили». В предисловии к сб. «Русская потаенная литература» он писал: «Перешагнув через хронологический порядок, которого мы по возможности старались держаться в нашем сборнике, мы поместили в конце этой части «Современное стихотворение», которое тем замечательнее, что ненарочно сосредоточивает в себе целую историческую эпоху и опирается на ее исходную точку, на 14 декабря» (с. XCIV).

«Много прошло их с безличной толпою» (с. 386). Впервые — «Иллюстрация», 1862, № 202, с. 26, подпись: И. Дубровин. На авторство К. указал Н. Вишняков («30 дней», 1937, № 1, с. 93—94), обнаруживший, что под тем же псевдонимом в «Иллюстрации» помещено стих. «Видеть, как зло торжествует державно», включенное К. в изд. 1869 г. Это, однако, не вполне несомненно, поскольку Н. С. Курочкин, редактировавший тогда «Иллюстрацию», сообщает в своей анкете, что под псевдонимом «Дубровин» напечатал в «Иллюстрации» несколько стихотворений он сам («Литературное наследство», № 51—52, М., 1949, с. 342). Возможно, что этим псевдонимом пользовались оба брата. *Гарниры* — от франц. *chambres garnies*, меблированные комнаты. *Общее дело*. В публицистике и литературе 60-х годов слова эти обозначали борьбу за народные интересы, революционную деятельность.

ПЕРЕВОДЫ И ПЕРЕДЕЛКИ

ПЕСНИ ВЕРАНЖЕ

Старый капрал (с. 391). «Le vieux sergent». Впервые — *БдЧ* 1857, № 11, с. 1—2. Три автографа «Старого капрала» — в *ПД* (один из них — в собр. П. Я. Дашкова), четвертый — в *ГПБ*, альбом Н. В. Гербея, с. 197—199, с датой: 14 декабря 1856. Печ. по изд. 1866 г., с. 214—217, с исправл. первых четырех строк III строфы по двум автографам *ПД* и альбому Гербея, где они ближе к оригиналу (автограф собр. Дашкова хронологически предшествует остальным, и указанные строки переведены в нем несколько иначе). В таком виде эти строки не были пропущены цензурой (*Журнал заседания С.-Петербург. ценз. комитета от 18 октября 1857 г.*), и К. заменил их следующим четверостишием:

Братцы! Солдатские годы,
Служба — в руках у судьбы...
Помню я наши походы,
Время великой борьбы.

О цензурных затруднениях при печатании «Старого капрала» в *БдЧ* упоминает также в своих воспоминаниях о Мее С. В. Максимов («Русская мысль», 1887, № 7, с. 76). В журнале и во всех изданиях до 1866 г. первые две строки II строфы тоже печатались в смягченной редакции: «Да, оскорбил офицера... Молод и он

оскорблять». По свидетельству П. В. Быкова («Былые знакомые лица. — «Новое слово», 1914, № 7, с. 18), первоначальные редакции ряда переводов из Беранже (в том числе «Старого капрала» и «Весны и осени»), впоследствии совершенно переработанные, относятся еще к годам учения К. в корпусе. См. также вступит. статью с. 10. Герой этого стихотворения — старый наполеоновский солдат; действие происходит после восстановления королевской власти во Франции. *Император* — Наполеон I. — «Старый капрал» положен на музыку А. С. Даргомыжским и близким к революционным кругам 60-х годов Н. А. Песковым.

Весна и осень (с. 393). «Le printemps et l'automne». Впервые — *БДЧ* 1855, № 12, с. 180—181. Положено на музыку Н. М. Стрельниковым. См. также предыдущее примечание.

Падающие звезды (с. 395) «Les étoiles qui filent». Впервые — *БДЧ* 1855, № 12, с. 181—182; с исправл. — I, 85—87. Печ. по IV, 108—111. Автограф первой и последней строф (первой — в окончательной редакции, а последней — с двумя разночтениями) — в письме К. к А. В. Старчевскому от 28 ноября 1855 г. (*ПД*, собр. П. Я. Дашкова). Первоначальная редакция последней строфы не была разрешена цензором и осталась неизвестна. Повидимому, она была ближе к оригиналу: «C'est celle d'un puissant monarque» (Эта звезда могущественного монарха) и т. д. Сообщая Старчевскому текст этой строфы, измененный согласно замечаниям цензора, К. просил его также исправить и I строфу; однако в *БДЧ* это сделано не было; в исправленном виде она появилась лишь в I изд. В автографе стр. 6 последней строфы читается: «Народ уподобляет». Возможно, что «народ» заменен «молвой» по цензурным причинам.

Старушка (с. 397). «La bonne vieille». Впервые — *БДЧ* 1856, № 1, с. 294. Печ. по I, 65—66. Автограф журнального текста — в *ПД*, собр. Дашкова. В переводе К. опущена одна строфа — между III и IV. «Старушка» положена на музыку И. Е. Чуйковым и К. П. Вильбоа.

Как яблочко, румян (с. 399). «Le petit homme gris». Впервые — *БДЧ* 1856, № 3, с. 100—102. Автографы — в *ЦГЛА*, фонд Курочкиных, и в *ПД*, собр. Дашкова; последний был в январе 1856 г. передан К-м А. В. Старчевскому для *БДЧ* (см. письмо К. от 12 февраля 1856 г. — *ПД*, собр. Дашкова). Список под заглавием «Весельчак», восходящий, по всей вероятности, к какому-то неизвестному нам автографу К. — также в *ПД*. Печ. с исправл. по этому списку, где первые шесть строк последней строфы гораздо ближе к оригиналу. В такой редакции они, конечно, не могли быть напечатаны по цензурным причинам. В печатном тексте перевода этим строкам соответствуют следующие:

Приходит смертный час:
Больной лежит в постели;
Сомкнуть не может глаз —
Виденья одолели:

Бесовский хор визжит,
Зияет ад кромешный...

Стихотворение положено на музыку К. А. Тарновским.

Знатный приятель (с. 401) «Le sénateur». Впервые — *РВ* 1856, авг., кн. 2, с. 784—786, под заглавием «Добрый знакомый»; с исправл. — I, 77—80. Печ. по изд. 1866 г., с. 147—150. В январе 1856 г. К. передал свои переводы «Знатный приятель» и «Как яблочко, румян» Старчевскому (см. письмо к нему К. от 12 февраля 1856 г. — *ПД*, собр. Дашкова), но первый из них по неизвестным причинам напечатан в *БдЧ* не был. Автограф переданного Старчевскому дожурнального текста (однако под заглавием «Знатный приятель») — в *ПД*, собр. Дашкова. Возможно, что «Знатный приятель» не был пропущен цензурой, и потому, отдав после этого стихотворение в *РВ*, К. снабдил его более невинным заглавием. В 1871 г. были запрещены карикатуры А. М. Волкова к «Знатному приятелю» и «Барышням» Беранже в переводе К., предназначавшиеся для журнала «Маляр» (см. «Маляр», 1871, № 30, дело С.-Петербург. ценз. комитета, 1871, № 33, л. 5—7 и собрание рукописей С.-Петербург. ценз. комитета, № 617). «Знатный приятель» положен на музыку А. С. Даргомыжским и В. Т. Соколовым.

Слепая мать (с. 404). «La mère aveugle». Впервые — *СО* 1856, № 4, с. 64.

Третий муж (с. 406). «Le troisième mari». Впервые — *БдЧ* 1856, № 6, с. 132—134.

Умеренность (с. 409). «Les petits coups». Впервые — *СО* 1856, № 9, с. 169. Печ. по I, 111—113.

Барышни (с. 411). «L'éducation des demoiselles». Впервые — *БдЧ* 1856, № 7, с. 111—112. Печ. по изд. 1866 г., с. 56—58. См. также выше примеч. к стих. «Знатный приятель».

Тоска по родине (с. 413). «La nostalgie ou la maladie du pays». Впервые — *БдЧ* 1856, № 8, с. 227—228. Печ. по I, 31—34.

Тринадцать за столом (с. 415). «Treize à table». Впервые — *РВ* 1856, сент., кн. 1, с. 124.

Расчет с Лизой (с. 417). «Les infidélités de Lisette». Впервые — *СО* 1856, № 25, с. 273. Положено на музыку Н. Н. Беневитским.

Птичка (с. 420). «Si j'étais petit oiseau». Впервые — *СО* 1856, № 30, с. 69.

Слепой нищий (с. 422). «L'aveugle de Bagnolet». Впервые — *СО* 1857, № 1, с. 10. Рукопись пяти переводов К. («Старый капрал»,

«Добрая фея», «Кукольная комедия», «Слепой нищий», «Лучший жребий») — под общим заглавием «Из Беранже» и с общей нумерацией — и трех оригинальных стихотворений («В разлуке», «Мчит меня в твои объятия», «Общий знакомый») — в *ПД*, архив Н. Ф. Крузе. Рукопись, как это видно из анализа различий, относится к моменту до появления в печати всех этих произведений, т. е. не позже конца 1856 г. («Общий знакомый» напечатан в № 12 *БДЧ* за 1856 г.).

Лучший жребий (с. 425). «Beaucoup d'amour». Впервые — *СО* 1857, № 19, с. 443. Печ. по изд. 1866 г., с. 59—60. Автограф дожурнального текста — в *ПД*; однако стр. 1—3 III строфы даны в нем в окончатальной редакции — повидимому, они не появлялись в таком виде до 1866 г. по причинам цензурного характера. До 1866 г. печаталось:

Будь мне назначен Провиденьем
Великий жребий бытия —
И в блеске будет украшеньем...

Добрая фея (с. 427). «La petite fée». Впервые — I, 67—69. Три автографа и корректура, озаглавленные «Маленькая фея» и с мелкими разночтениями, — в *ПД* (корректурa — в собр. Дашкова, один из автографов — в архиве В. И. Яковлева). Корректурa перечеркнута красными чернилами. Перевод предназначался, повидимому, для *СО* или *БДЧ*, но был запрещен цензурой. *Зерцало* — см. с. 724 («Двуглавый орел»).

Кукольная комедия (с. 429). «Les nègres et les marionnettes». Впервые — I, 114—116. Два автографа с мелкими разночтениями — в *ПД*. См. также с. 778—779 («Безумцы»).

Вино и кокетка (с. 431). «Le vin et la coquette». Впервые — «Мода», 1857, № 1, с. 9; см. также поправку в № 2, на с. 3 обложки. Печ. по I, 43—44. Положено на музыку Ц. А. Кюи.

Портной и волшебница (с. 433). «Le tailleur et la fée». Впервые — *ОЗ* 1857, № 1, с. 147—148. *Над ним удар проносится громовый*. В детстве Беранже чуть не был убит молнией.

Стрелок и поселянка (с. 435). «Le chasseur et la laitière». Впервые — *ОЗ* 1857, № 1, с. 198—199. Положено на музыку Ц. А. Кюи.

Соловьи (с. 437). «Les rossignols». Впервые — *СО* 1857, № 11, с. 249—250. Печ. по I, 123—125. Черновой автограф — в *ПД*, собр. Дашкова.

Охотники (с. 439). «La double chasse». Впервые — *СО* 1857, № 19, с. 443.

Мое призвание (с. 441). «Ma vocation». Впервые — *СО* 1857, № 27, с. 633. Печ. по I, 108—110.

Бедный чудаки (с. 443). «Roger Bontemps». Впервые — *PВ* 1857, июль, кн. 1, с. 175—176, с разделением на четверостишия; перепеч. по автографу К. в *СО* 1857, № 35, с. 857, в «Обзоре литерат. журналов». В I изд. (с. 61) перевод посвящен Л. Л. Добровольскому, сотруднику критического отдела «Сына отечества», служившему в Министерстве народного просвещения; в последующих изданиях посвящение снято. Положено на музыку А. П. Аристовым.

Старый бродяга (с. 445). «Le vieux vagabond». Впервые — *СО* 1857, № 29, с. 689, под заглавием «Старый нищий»; с исправл. — I, 102—104. Печ. по VI, 210—213. Набросок последних двух строк III строфы — Béganger, III, 125. Список с исправл. К. — в *ПД*, собр. Дашкова.

Девочке-поэту (с. 447). «La jeune muse». Впервые — *PВ* 1857, июль, кн. 2, с. 317—318.

«Нет, ты не Лизета» (с. 449). «Ce n'est plus Lisette». Впервые — *PВ* 1857, июль, кн. 2, с. 318—320.

Орангутанги (с. 452). «Les oranges-outangs». Впервые — *СО* 1857, № 48, с. 1177; с исправл. — I, 91—93; с новыми исправл. — изд. 1866 г., с. 163—165. Печ. по VI, 218—220, где К. вернулся к тексту I изд. Список с рядом исправл. К. — в *ПД*, собр. Дашкова.

Старинный обычай (с. 454). «Trinquons». Впервые — *СО* 1857, № 50, с. 1225, с посвящением С. В. Максимову; начиная со II изд. посвящение снято. В *СО*, IV изд., изд. 1866 и 1869 гг. опечатка в стр. I IV строфы: вместо «деды» — «дети». Первоначальный набросок последних двух строк III строфы — Béganger, I, 150.

Лиза (с. 456). «Rosette». Впервые — *PВ* 1857, декабрь, кн. 1, с. 643—644.

Песнь труда (с. 458). «Les gueux». Впервые — I, 19—22. В переводе опущена одна строфа — между III и IV.¹ В *бочке, с всемирным владыкой*... См. с. 780 («Новый Диоген»). Бог легкокрылый — бог любви Эрот (греч.) или Амур (рим.).

Бабушка (с. 461). «Ma grand' mère». Впервые — I, 23—26.

Странник (с. 464). «Le voyageur». Впервые — I, 27—30.

Гроза (с. 467). «L'orage». Впервые — I, 45—48.

Разбитая скрипка (с. 470). «Le violon brisé». Впервые — I, 49—52. Печ. с исправл. по VI изд. Ефр., с. 168. Стихотворение направлено против союзных войск, находившихся во Франции после победы над Наполеоном I.

¹ И здесь и дальше при счете строф рефрен не принимается в расчет.

Плачущий муж (с. 472). «De profundis à l'usage de deux ou trois maris». Впервые — I, 57—60, с еще одной строфой (между I и II), которой нет у Беранже. Печ. по II, 61—63. Автограф первоначального текста, перечеркнутый красными чернилами, — в ПД, собр. Дашкова. Очевидно, перевод предназначался для БДЧ или СО, но был запрещен цензурой. В 1874 г. был запрещен цензурой «по легкомыслию, впадающему в кошунство» романс на слова «Плачущего мужа» (Журнал заседания С.-Петербург. ценз. комитета от 31 июля 1874 г.; автор музыки здесь не указан).

Мои волосы (с. 474). «Mes cheveux». Впервые — I, 75—76.

Навуходоносор (с. 476). «Nabuchodonosor». Впервые — «Полярная звезда на 1861», кн. 6, Лондон, с. 209—211, без подписи. Перевод сделан между 1855 (год смерти Николая I) и 1858 г. Не мог быть напечатан в России и распространялся в списках. Так, например, полный текст «Навуходоносора» находим в дневнике Шевченко (в записи от 3 апреля 1858 г.; он называет его «прекрасным и метким стихотворением» — Собр. соч., т. 5, М., 1949, с. 257—258), в архиве Краевского (ГПБ). В 1869 г. появился с именем К. в сб. «Лютня. Собрание свободных русских песен и стихотворений», Лейпциг, 1869, с. 121—123. По библейскому преданию, вавилонский царь Навуходоносор II сошел с ума, вообразив себя быком, и несколько лет жил среди животных. См. также вступит. статью, с. 36—37. В IV строфе, особенно в стр. «След царской думы необъятной», весьма вероятны намеки на стих. А. Н. Майкова «Коляска» (1854), в котором дан идеализированный портрет Николая I. *Да и в Египте, государь...* Имеется в виду культ священного быка Аписа в древнем Египте.

Урок (с. 479). «Leçon de lecture». Впервые — ОЗ 1858, № 4, с. 279—281. Печ. по VI, 273—277. Переведенные К. «Leçon de lecture», «La prédiction», «Les défauts», «L'officier», «Le rosier», «Au galop!», «Plus de vers», «Le postillon», «Adieu», «Le jongleur», «Avis», «Rêve de nos jeunes filles», «Le corps et l'âme», «Le phenix», «La maîtresse du roi» впервые были напечатаны в посмертном сборнике Беранже «Dernières chansons», вышедшем в конце 1857 г. Это дает материал для датировки ряда переводов.

«Моя веселость (с. 482). «Ma gaité». Впервые — ОЗ 1858, № 4, с. 281—284, под заглавием «Веселость». Печ. по VI, 245—248. Песни «Ma gaité» и «Le grillon» впервые стали известны К., как мы знаем из его примечания к «Моей веселости», из собрания настронению Беранже 1856 г. (он только ошибается, считая, что они там впервые появились, — они были напечатаны в 1847 г.). Это дает материал для датировки переводов. В примечании к переводу К. писал, что «Моя веселость» и «Сверчок» отличаются по своему настроению от более ранних песен французского поэта. «Беранже до конца жизни оставался верен своим убеждениям, и в самых последних его песнях виден великий поэт, который всегда был так дорог Франции; но старость имеет свои права и от шестидесятилетнего старца нельзя требовать веселости и того бойкого огня, добродуш-

пой иронии и сердечной теплоты, которые так неотразимо действовали на массу в песнях лучшего периода его деятельности». И дальше: «Относясь к последней поре деятельности поэта, стихотворения «Прощание» и «Прости» стройно и всецело замыкают собою эту благородную деятельность, в которой ни одно слово, ни один намек не оскорбят и не разочаруют самых восторженных почитателей его гения. Высказаться так полно и независимо-прекрасно удастся немногим писателям». Стр. «Я просветлел бы — и угас!» ср. со стр. Тютчева из стих. «Как над горячею золой» (1830): «Я просиял бы — и погас!»

Прощание (с. 485). «La prédiction». Впервые — ОЗ 1858, № 4, с. 284—286, без заглавия. Печ. по II, 175—178. В переводе опущена одна строфа — между IV и V. В VI изд. в примечании к стр. «Уходи к своим лизетам» К. писал: «Имя Лизета так часто употребляется в песнях Беранже, что в Париже многие указывали на ту или другую женщину, называя ее Лизетою Беранже. Между тем Лизета не что иное, как фикция, имя вымышленное поэтом для придания его политическим и всякого рода песням того особого характера, без которого, как говорит сам поэт, песни его «не пошли бы так далеко, не спустились бы так близко к народу и даже не поднялись бы так высоко». Вино и Лизета не что иное, как рамка обширной реальной картины нравов, идей и понятий, прославившей имя Беранже во всем цивилизованном мире. Единственною, верною и неизменною подругою Беранже была г-жа Юдифь Фрер, женщина безукоризненно добродетельная и образованная, как немногие женщины того времени. Нечего и говорить, что песни о Лизете и к Лизете — не к ней относятся. Ей посвятил Беранже свои самые задушевные вдохновения, напр. «Старушка», «Время и др.».

Пороки (с. 488). «Les défauts». Впервые — БДЧ 1858, № 5, с. 2—3, с общим для него и «Гусара» надзаголовком «Из посмертных песен Беранже».

Гусар (с. 490). «L'officier». Впервые — БДЧ 1858, № 5, с. 4.

Розан (с. 492). «Le gosier». Впервые — «Иллюстрация», 1858, № 21, с. 335, с подзаголовком «Из посмертных песен Беранже». Печ. по II, 158—160.

Бегом (с. 494). «Au galop!». Впервые — «Шехерезада», 1858, № 10, с. 257—258; во II—V изд. в стр. I III строфы, по цензурным соображениям, «бог» заменен «роком»: в изд. 1866 и 1869 гг. — без V строфы. Печ. по VI, 252—258, где К. вернулся к журнальному тексту; восстанавливаем в конце стихотворения последние три строки рефрена, опущенные в VI изд., повидимому, вследствие типографской ошибки.

<Доктор и его больные> (с. 498). «Le docteur et ses malades». Впервые — «Русская мысль», 1887, № 7, с. 78, в воспоминаниях С. В. Максимова о Л. А. Мее. Максимов опубликовал пере-

вод по автографу К. из альбома его брата Николая, куда он был вписан под заглавием «Брату Н. С. Курочкину (Доктору. Подражание Беранже)». То же стихотворение Беранже было несколько раньше переведено и записано в альбом Н. С. Курочкина Меем. Отъезд брата «на далекие моря и в опасные плаванья, — пишет Максимов, — дал возможность Василию Степановичу вступить в товарищеское, невинно-милое состязание со Львом Александровичем, успевшим уже написать в тот же альбом свой подстрочный перевод Беранже». Перевод Мея датирован 12 апреля 1858 г. (СО 1858, № 20, с. 590); Н. С. Курочкин уехал из Петербурга, поступив на службу в Русское общество пароходства и торговли, в конце мая; к апрелю — маю 1858 г. и относится перевод К.

Сверчок (с. 500). «Le grillon». Впервые — *PВ* 1858, май, кн. 1, с. 182—184. Черновой автограф с датой: 4 мая <1858 г.> — в *ПД*, архив «Русской старины».

Нет больше песен (с. 502). «Plus de vers». Впервые — II, 141—142.

Ямщик (с. 503). «Le postillon». Впервые — II, 172—174. В переводе опущена одна строфа — между III и IV.

Прости! (с. 505). «Adieu». Впервые — III, 185—186.

Положительный человек (с. 506). «L'homme rangé». Впервые — *БДЧ* 1858, № 10, с. 3—4. Черновые наброски — *Béanger*, I, 170—171. Из них видно, что сначала К. предполагал перевести «L'homme rangé» другим размером — четырехстопным хореем.

Маркиз де Караба (с. 508). «Le marquis de Carabas». Впервые — *И* 1859, № 4, с. 33, без VI строфы, замененной двумя строками точек, и с изменением, по цензурным причинам, в стр. 8 II строфы: «И хоть кто смирится». Печ. по изд. 1866 г., с. 98—101. Автограф дожурнального текста с датой: 18 марта 1858 г. — в альбоме С. Г. Мей (*ГПБ*); текст, записанный в альбом Л. П. Шелгуновой, опубликован в «Литерат. архиве», изд. П. А. Картавовым, СПб., 1902, с. 101—103. Стихотворение написано в 1816 г., после реставрации, когда дворянская знать стала возвращаться из эмиграции и требовать восстановления всех ее привилегий и возвращения конфискованного во время революции имущества. *Маркиз де Караба* — герой французской народной сказки «Кот в сапогах», высокомерный и хвастливый аристократ. *Слух пустил, что мельник...* В сказке маркиз де Караба, действительно, сын мельника.

Анюта (с. 511). «Jeannette». Впервые — *И* 1859, № 8, с. 73—74, без последней строфы, замененной восемью строками точек. Она вписана К. в VI изд. Ефр., с. 93.

Слава богу — я жив и здоров (с. 514). «Le mort vivant». Впервые — *И* 1859, № 11, с. 106—107, с датой: 14 марта. Печ. по IV, 58—60. В переводе опущена одна строфа — между II и III.

Иван да Марья (с. 516). «L'ivrogne et sa femme». Впервые — И 1859, № 22, с. 214—215, с эпиграфом — первой строкой «L'ivrogne et sa femme». Печ. по IV, 86—89.

Дурное вино (с. 519). «Le mauvais vin ou le *car*». Впервые — И 1859, № 24, с. 229.

Фортуна (с. 521). «La fortune». Впервые — И 1859, № 27, с. 262.

Время (с. 523). «Le temps». Впервые — И 1860, № 47, с. 523; с исправл. — в изд. 1866 г., с. 218—220. Печ. по VI, 145—147, где К. вернулся к первоначальному тексту.

Господин Искарриотов (с. 525). «Monsieur Judas». Впервые — И 1861, № 38, с. 539—540, под заглавием «Сплетник», с двумя эпиграфами — из Беранже (первая строка «Monsieur Judas») и из «Евгения Онегина» Пушкина («Везде встречаемые лица. Необходимые глупцы»); с исправл. — IV, 125—128. Печ. по VI, 123—126. Первоначальный набросок первых четырех строк — Béganger, I, 322; на полях II и III строф намечены темы этих строф перевода: на полях II строфы написано — «гласность», III — «взятки». Под невинным заглавием «Сплетник» «Господин Искарриотов» печатался до 1874 г. Перевод пользовался в 60-х годах огромной популярностью. «На этом же вечере, — рассказывает Л. Ф. Пантелеев о литературном чтении 2 марта 1862 г. (см. о нем в примечании к сцене «Щепочка и грязная шея», с. 747—748), — В. Курочкин читал «Господин Искарриотов, патриот из патриотов»; казалось, что потолок обрушится от рукоплесканий и криков, всякий раз сопровождавших слова: „Тише, тише, господа: господин Искарриотов, патриот из патриотов, приближается сюда“» («Из воспоминаний прошлого», М.—Л., 1934, с. 161).

Безумцы (с. 527). «Les foux». Впервые — «Век», 1862, № 1—6, с. 5—6, без 3—4 стр. VI строфы. В октябре 1863 г. К. представил в С.-Петербур. ценз. комитет дополнения для нового, пятого издания «Песен Беранже» — стих. «Безумцы», «Птицы» и «Сон бедняка». Цензурный комитет разрешил включить эти переводы в книгу, причем две строки о Христе из «Безумцев» были (как и в «Веке») вычеркнуты, но одновременно запретил их «для отдельного издания» (Журнал заседания С.-Петербур. ценз. комитета от 12 октября 1863 г.; бумаги цензора Ф. Ф. Веселаго в ГЛБ). По выходе без предварительной цензуры изд. 1866 г. цензор Еленев, характеризуя его, остановился на «Безумцах». «Стихотворение «Безумцы», — писал он, — представляет восторженное восхваление корифеев коммунизма: Сен-Симона, Фурье и Анфантена; стихотворение это, по своему направлению, есть самое яркое во всей книжке». Однако материала для судебного преследования цензор ни в «Кукольной комедии», которая также обратила на себя его внимание, ни в «Безумцах» все же не видел: «во втором стихотворении хотя очевидно заявляется пламенное сочувствие к корифеям коммунизма, но не высказывается, однако ж, самых идей этого противообщественного учения.

и потому для читателя, незнакомого с сочинениями упоминаемых писателей, стихотворение это не представляет никакого определенного содержания, кроме прославления трех имен, вследствие чего оно, вероятно, и было пропущено цензурой в прежних изданиях. Но председатель цензурного комитета не согласился с мнением цензора, признал оба стихотворения «вредными» и приостановил выход книги (Журнал заседания С.-Петербург. ценз. комитета от 19 октября 1866 г.). К. принужден был просить об изъятии «неудобных к печати» стихотворений, и дело было передано в Главное управление по делам печати. Книга попала к члену совета Главного управления И. А. Гончарову. Пренебрежительно отозвавшись о художественной ценности переводов К., он тем не менее считал нужным вырезать из книги только «Безумцев» — «и то потому разве, чтобы не знакомить тот круг читателей, в котором будет обращаться книга автора, с именами Фурье, Сен-Симона и Анфантена, потому что, кроме имен их, сказано о них только, что они были великие люди» (В. Евгеньев. И. А. Гончаров как член совета Главного управления по делам печати. — «Голос минувшего», 1916, № 12, с. 174). Но в результате и «Безумцы» и «Кукольная комедия» были вырезаны из изд. 1866 г. (Журнал заседаний С.-Петербург. ценз. комитета от 30 ноября 1866 г. и 25 января 1867 г.). В VI изд. «Безумцы» появились снова без указанных выше двух строк; они вписаны К. в VI изд. Ефр., с. 223. Автографы: 1862 г. — в альбоме Н. В. Гербея и 1863 г. — в бумагах цензора Веселаго (ГПБ). *Фаллуга* — в утопической системе Фурье община от 1600 до 1800 человек. *Нам безумец открыл Новый свет* — о Колумбе. *Нам безумец дал Новый завет* — об Иисусе Христе, который, по представлениям некоторых утопистов первой половины XIX в., был предшественником социализма.

Птицы (с. 529). «Les oiseaux». Впервые — «Век», 1862, № 9—10, с. 69. Первоначальный набросок рефрена (Béranger, I, 240) свидетельствует о том, что К. предполагал перевести стихотворение другим размером — трех- и четырехстопным хореем. Автограф 1863 г. — в бумагах цензора Веселаго (ГПБ). Варианты автографа не использованы К. в следующих изданиях. См. также предыдущее примечание и вступит. статью, с. 53—54.

Сон бедняка (с. 531). «Jacques». Впервые — И 1862, № 38, с. 500. Автограф 1863 г. — в бумагах цензора Веселаго (ГПБ). Варианты автографа не использованы К. в следующих изданиях. См. также с. 778 («Безумцы»).

Новый фрак (с. 533). «L'habit de cour ou visite à une altesse». Впервые — И 1863, № 30, с. 401—402.

Волшебная лютня (с. 536). «Le jongleur». Впервые — И 1863, № 33, с. 443.

Царь Додон (с. 538). «Le roi d'Yvetot». Впервые — И 1869, № 2, с. 18—19, с рефреном из «Le roi d'Yvetot» в качестве эпиграфа. Печ. по VI, 4—7. Перевод был сделан не позже 1863 г. Посылая

цензору Веселаго примечание к «Царю Додону», К. писал ему 28 августа 1863 г.: «Может быть, у Вас нет самого стихотворения, то я распорядился, чтобы Вам прислали его в Комитет» (ГПБ). Перевод был запрещен цензурой — в делах С.-Петерб. ценз. комитета сохранилось посланное Веселаго примечание с надписью: «Запретить. 30 авг.» В примечании, рукописный текст которого отличается большей остротой по сравнению с появившимся впоследствии в *И* и *VI* изд., К. разъяснял смысл песни Беранже: «Песня эта написана Беранже, когда слава Наполеона I как полководца-завоевателя достигла крайних пределов. В веселых простонародно-шутливых строфах этой песни Беранже очень смело для того времени противопоставлял славе, основанной на кровавых завоеваниях, иную славу, покоящуюся на основаниях более прочных: на счастья и любви народа. Песня эта в несколько дней облетела весь Париж и, достигнув высших правительственных сфер, была встречена в Тюильри очень неблагоприятно — поэт едва не потерял из-за нее свое скромное место при университете. В нынешнем году этой песне минуло пятьдесят лет. Трон Наполеона I занимает Наполеон III, но в патристическом лиризме современной французской поэзии и публицистики уже не слышно укоряющего голоса сатиры. Пусть же хоть русским, в послыльном моем переводе, песня эта напомнит, как смотрел современник-поэт, уважавший гений Наполеона I, но не увлекавшийся его заблуждениями, на славу великого императора первой французской империи» (Собр. рукописей С.-Петерб. ценз. комитета, № 8).

Новый Диоген (с. 540). «Le nouveau Diogène». Впервые — *И* 1864, № 8, с. 132—133. Первоначальный набросок рефрена — Béranger, I, 140. У Беранже IV и V строфы — в обратном порядке. В стихотворении нашли отражение разные предания о Диогене. Согласно этим преданиям, стремясь свести свои потребности к минимуму, он жил в бочке; когда Диоген встретился с Александром Македонским и тот спросил его, нет ли у него каких-нибудь желаний. Диоген будто бы ответил на это: «Да, есть — не заслоняй мне солнца»; однажды Диогена увидели на улицах Афин днем с зажженным фонарем в руках, на недоуменные вопросы Диоген ответил: «Я ишу человека».

Парки (с. 543). «Les parques». Впервые — *И* 1864, № 8, с. 133. Черновой автограф — Béranger, I, 160—162.

Девушки (с. 545). «Passez, jeunes filles». Впервые — *И* 1864, № 8, с. 133. Черновой автограф — Béranger, III, 17—21.

Пир на весь мир (с. 547). «La grande orgie». Впервые — *И* 1864, № 8, с. 133—134. В переводе опущена одна строфа — между III и IV. Первоначальный набросок рефрена — Béranger, I, 115.

Счастье (с. 551). «Avis». Впервые — *И* 1864, № 22, с. 314.

Нищая я (с. 553). «La pauvre femme». Впервые — *И* 1865, № 33, с. 446, с примечанием, в котором приведена цитата из комментатора Беранже Ж. Бернара о «множестве подобных историй».

Девичьи мечты (с. 555). «Rêve de nos jeunes filles». Впервые — *И* 1866, № 25, с. 311.

Душа и тело (с. 558). «Le corps et l'âme». Впервые — *ОЗ* 1869, № 9, с. 87—89. Печ. по VI, 287—292.

Феникс (с. 561). «Le phenix». Впервые — *ОЗ* 1869, № 9, с. 90—91.

Тиран Сиракузский (с. 563). «Denys, maître d'école». Впервые — *ОЗ* 1869, № 9, с. 91—92.

Гастрономы (с. 565). «Les gourmands». Впервые — *И* 1870, № 8, с. 306—307, с еще одной строфой (между III и IV), соответствующей аналогичной строфе Беранже:

Чтобы каждый кус просмаковать,
За столом нельзя вам хохотать.
Как служить сатире и мамоне?
Оттого сатира и в загоне.
Господа, когда на то пошло —
Мы смеяться будем вам назло,
И наш смех найдет повсюду эхо.
Ах! Уж если лопнуть, так от смеха.
Лопнуть, так от смеха!

Печ. по VI, 46—48.

Идея (с. 567). «Une idée». Впервые — *И* 1870, № 13, с. 461. Так же, как «Апостол» и «Барабаны», стихотворение не попало в VI изд. по цензурным причинам — см. заметку П. А. Ефремова на экземпляре изд. 1869 г., подаренном ему К., том I, с. VIII (*ГЛМ*). Намекает на это и сам К. в предисловии к VI изд. «По некоторым моим соображениям, — писал он, — сюда не вошло даже несколько переводов, уже напечатанных в «Искре» и в «Отечественных записках» 1870 и 1871 г.», обращая внимание читателей на эти переводы.

Апостол (с. 569). «L'apôtre». Впервые — *ОЗ* 1871, № 7, с. 103—105. См. также предыдущее примечание.

Будущность Франции (с. 572). «Les infiniment petits ou la gérontocratie». Впервые — *ОЗ* 1871, № 7, с. 105—106. Печ. по VI, 184—186.

Ангел-хранитель (с. 574). «L'ange gardien». Впервые — *ОЗ* 1871, № 7, с. 106—108, под заглавием «Добрый гений». Печ. по VI изд. Ефр., с. 192—196. В *ОЗ* и VI изд. вместо «ангел» всюду «гений».

Барабаны (с. 576). «Les tambours». Впервые — *ОЗ* 1871, № 8, с. 397—399. Подзаголовок, указывающий на исторический момент, к

которому относится стихотворение, принадлежит К. Председатель С.-Петербург. ценз. комитета А. Г. Петров в своем отзыве о № 8 *ОЗ* отметил, что в «Барабанах» нет «ничего особенно неудобного, разве бы кто стал применять это стихотворение к России» (Дело Главного управления по делам печати, 1871, № 41, л. 3 об.). И тем не менее через три года оно по цензурным причинам не попало в VI изд. — см. с. 781 («Идея»).

Действие вина (с. 579). «Ma guérison». Впервые — *ОЗ* 1871, № 8, с. 399—401. В примечании к переводу К. писал: «Стихотворение это относится ко времени первого заключения Беранже в тюрьме «Sainte Pélagie» в 1821 г. В подлиннике оно носит длинное заглавие: «Мое выздоровление, ответ семурцам, которые, чтобы прошло мое сумасшествие лечить неизлечимых, прислали в тюрьму запас Шамбертена и Романэ, предписав мне внутренние души во время моего заключения». Охотниками из другого департамента был прислан Беранже запас дичи на все время его заключения».

Старость (с. 582). «La vieillesse». Впервые — *ОЗ* 1871, № 8, с. 401—402.

Королевская фаворитка (с. 584). «La maîtresse du roi». Впервые — *И* 1872, № 11, с. 161—162. Печ. по VI, 298—302.

Переселение душ (с. 587). «La métépsychose». Впервые — *И* 1873, № 2, с. 2. Печ. по VI, 181—183. В V строфе журнального текста «бог» был заменен «роком».

Происхождение богов (с. 589). «Le vin du Chypre». Впервые — *И* 1873, № 3, с. 2. В архиве В. И. Яковлева (*ПД*) сохранилась корректура с надписью, повидимому, П. А. Ефремова: «Не было пропущено в «Искре». Не напечатано ли после?» Судя по набору, это могло быть в 1872 г., но весьма возможно, что перевод первоначально предназначался не для *И*, а для *ОЗ*. Однако и *И* и *ОЗ* выходили в это время без предварительной цензуры. *Погибшее, но милое созданье* — слова Пушкина из «Пира во время чумы». *Вас проклял юноша*. . . О классической системе образования; см. с. 765 («Во всех ты, душенька, нарядах хороша!»).

Самоубийцы (с. 591). «Le suicide». Впервые — *И* 1873, № 31, с. 2, под заглавием «Самоубийство», без рефрена к последней строфе. Печ. по VI, 224—227. См. вступит. статью, с. 54.

Вечный жид (с. 594). «Le juif errant». Впервые — сб. «Складчина», СПб., 1874, с. 56—60, с большим примечанием об образе Вечного жида на основании книги Шанфлера «Histoire de l'imagerie populaire» (1869). В VI изд. не включено. Беловой автограф перевода и примечания с надписью: «Одобрено 21 янв. 1874» — в *ПД*, собр. Дашкова.

АДАМ БИЙО

Истинный пьяница (с. 597). «Le vrai buveur». Впервые — изд. 1866 г., с. 303—305, с следующим примеч. К.: «Песня эта — «Le vrai buveur, par maître Adam» — пользуется во Франции громадной популярностью с 1644 г. Приписывают ее Адаму Бёльо, неверскому столяру».

ВОЛЬТЕР

Макар и Телема (с. 599). «Thélème et Macare». Впервые — *И* 1868, № 15, с. 177—178, с надзаголовком «Старые и новые сказки. I».

Ж.-В. ГРЕССЕ

Попугай (с. 604). «Ver-vert». Впервые — *ОЗ* 1875, № 2, с. 515—536, с большим примечанием о Грессе. Черновой автограф 1-й песни и большей части 2-й (кончая стр. «Расчетлива античная любовь»), подаренный К-м П. А. Ефремову, — в *ПД*, собр. Дашкова. Печ. с исправл. по автографу. Поэма переведена летом 1874 г. — см. письмо К. к А. П. Лукину от 6 августа 1874 г. (*ЦГЛА*, фонд Крашенинникова); здесь она названа «Монастырский попугай».

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

Американский принц и африканская принцесса (с. 626). Впервые — *БВ* 1875, № 142, в фельетоне «За неделю», подпись под фельетоном: К. В., под стихотворением: Всеволод Пагодин. Пьеска эта была якобы поставлена в 1665 г. в Москве студентами духовной академии и найдена среди бумаг известного актера XVIII в. Дмитревского. «Все сомнения в подлинности этой пьесы, так же как и вообще в достоверности моего известия, — пишет Пагодин, — не только излишни и неосновательны, но даже можно сказать, злонамеренны. Француз Дюваль, правда, уверяет, что совершенно подобная пьеса была разыграна в 1778 г., т. е. целым веком позже, в Париже актером Томассеном, но верить этому не следует». Перевод анонимной пародийной пьески «Plan d'un opéra en trois actes».

АЛЬФРЕД ДЕ ВИНЬИ

Смерть волка (с. 629). «La mort du loup». Впервые — «Совр.» 1864, № 6, с. 407—410, с подзаголовком «Философская поэма Альфреда Виньи». Печ. по изд. 1866 г., с. 11—15.

АЛЬФРЕД ДЕ МЮССЕ

Декабрьская ночь (с. 632) «La nuit de décembre». Впервые — «Совр.» 1858, № 10, с. 442—446. Печ. по изд. 1866 г., с. 21—31, с исправл. по экземпляру изд. 1869 г. (I, 27), подаренному К-м П. А. Ефремову (*ГЛМ*). Строфам XIII и XXIV соответствуют по две строфы Мюссе.

И в а (с. 638). «Lucie». Впервые — «Век», 1861, № 2, с. 58—59. Печ. по изд. 1866 г., с. 16—20.

Песня (с. 641). Перевод песенки Фортуню «Si vous croyez que je vais vous dire...» из комедии «Le chandelier» («Подсвечник») Впервые — изд. 1866 г., с. 39—40.

ОГЮСТ БАРБЬЕ

Бедлам (с. 642). «Bedlam». Впервые — *И* 1865, № 34, с. 454, с подзаголовком «Из поэмы „Лазарь“». В изд. 1866 и 1869 гг. — неверный подзаголовок «Из «Ямбов» Барбье».

Всемирная слава (с. 645). «La reine du monde». Впервые — *И* 1865, № 48, с. 642, с надзаголовком «Ямбы Барбье» и ссылкой на раньше напечатанный перевод «Бедлама». В изд. 1866 и 1869 гг. — с подзаголовком «Из «Ямбов» Барбье».

В маскараде (с. 648). «Au bal de l'oréga». Впервые — *И* 1866, № 44, с. 573. Печ. по изд. 1869 г., II, 3—7.

ГЮСТАВ НАДО

Вежливый вор (с. 651). «L'aimable voleur». Впервые — *И* 1865, № 22, с. 306, подпись: Z. (включено в изд. 1869 г.). *А ведь сэй металлический звон...* Имеется в виду начало оды Державина на смерть кн. Мещерского: «Глагол времен! металла звон!» — Еще в 1859 г., помещая в *И* переводы из Надо Л. А. Мея, К. сопроводил их редакционным примечанием, в котором отражено его отношение к французскому поэту. «По напечатанным здесь переводам г-на Мея, — писал он, — можно составить почти полное понятие об этом поэте. Очень неглубокое содержание в очень игривой форме — особенность всех песен Надо. Переводчиком выбраны те из них, в которых, при оригинальности формы, заключена и мысль не менее оригинальная, так как русский язык не признает стихотворных игрушек, только ласкающих ухо. Большая часть остальных песен Надо или: уже чересчур легки и грациозны по форме в ущерб содержанию, или... отличаются совершенно местным характером» (1859, № 38, с. 373).

Пуговки (с. 654). «Les boutons». Впервые — *И* 1866, № 25, с. 313—315.

ВИКТОР ГЮГО

Седан (с. 656). «Sedan». Впервые — *ОЗ* 1872, № 7, с. 246—250, с надзаголовком: «Из книги „Грозный год. Август 1870“» и следующим примечанием К.: «Предположив перевести несколько стихотворений и отрывков из новой книги Гюго, я остановил свой выбор на таких, в которых наиболее рельефно выражается, в связи

с общим мирозерцанием Гюго, его взгляд на современные события и его глубоко оригинальная манера изложения. Я желал познакомить русскую публику именно с этим взглядом и этим, так сказать, поэтическим слогом Гюго, в неразрывном сочетании идеи и формы, не касаясь стихотворений чисто политических и вполне местных, принимающих иногда даже характер полемики. Такими же соображениями руководствовался я, выпуская в переводимых мною пьесах целые страницы, почти неодолимая трудность перевода которых русскими стихами, при нынешнем состоянии нашей версификации, едва ли бы вознаграждалась той долей их бесспорного значения, которую они могут представлять для русских читателей. Александрийский стих, хотя, по моему мнению, не особенно близкий духу русского языка, представлялся мне существенным и необходимым условием формы при передаче «Грозного года». Затем распространяться о значении самой книги и ее автора считаю излишним. Это было бы все равно, что доказывать важность событий, составляющих ее содержание». В примеч. к стр. «Казнь — выше всех земных пророчеств человека!» К. указал, что «Гюго делает здесь намек на свое стихотворение «Тулон», написанное в декабре 1851 г.». Примеч. к стр. «Святой Еленой наказан был Брюмер»: «Намек на одно из самых характерных стихотворений из «Châtiments» — „L'expiation“». К. предполагал напечатать в ОЗ еще несколько переводов из «L'appée terrible», но предостережение, объявленное журналу, помешало этому. Н. С. Курочкин, заменивший Салтыкова и Некрасова в их отсутствие, писал последнему 1 августа 1872 г.: «Признаюсь, я весьма опасуюсь дальнейших неприятностей, хотя августовская книжка и составляется так осторожно, что я, напр., отказался из опасения новой беды от помещения продолжения „Грозного года“» (Архив села Карабихи, М., 1916, с. 117). Перевод вызвал резкий выпад со стороны реакционной газеты «Русский мир». В. Г. Авсенко обвинил К. в невежестве за то, что у него будто бы «историческая дата 18 брюмера, от которой ведет начало единовластие Наполеона I, вдруг оказывается каким-то господином Брюмером, прописанным с большой буквы и фигурирующим в виде какой-то фантастической личности» (А. О. Очерки текущей литературы. — «Русский мир», 1872, № 207). Указывая на всю нелепость этого обвинения, К. разъяснил, что именно поскольку речь идет об историческом событии, а не просто о месяце, Брюмер написан с большой буквы. Приведя соответствующее место «Седана», К. писал в той же заметке: «Читатель видит, что В. Гюго даже не упоминает здесь слова «Брюмер»; он говорит только о громадном преступлении Бонапарта. Зная очень хорошо, что найдутся читатели вроде г. А. О., мало знакомые с историей и литературой Франции, я объяснил, насколько это возможно в восьми рифмованных строчках, что громадное преступление Бонапарта — Брюмер. Я вспомнил при этом одну из последних песен Беранже «К студентам». «Я пел, — говорит поэт в этой песне, —

. le grand capitaine
Quand il était sans sceptre et prisonnier;
Brumaire était puni par Saint-Hélène...
Ah! Pardonnez au pauvre chansonnier!»

и в стихотворение Гюго вошел чужой, но как нельзя лучше подходящий к его основной мысли переводной стих Беранже:

Святой Еленю наказан был Брюмер.

Так как этого стиха в подлиннике нет, то я сделал к нему выноску (именно для просвещенного критика, предполагая, что такие существуют и в 1872 году), что это намек на «L'expriation» Гюго, грандиозную поэму, в которой унижение Франции при Наполеоне III является последнею карою преступления Наполеона I, читающего в своей гробнице, как некогда Вальтасар на пиршестве, страшные сверкающие слова: „Dix-huit Brumaire“» («Голос», 1872, № 115). Следует отметить, что песня «К студентам», о которой говорит К., в то время приписывалась Беранже, но ему не принадлежит. *Тулон — убийцам зауряд.* В Тулоне находилась каторжная тюрьма. *Днем второго декабря.* 2 декабря 1851 г. племянник Наполеона I Луи-Наполеон, избранный в 1848 г. французским президентом, совершил государственный переворот, продлив свои полномочия до 10 лет, а через год, 2 декабря 1852 г., провозгласил себя императором под именем Наполеона III. *Шасспо и Дрейз на них выдерживали пробы.* Ружьями системы Шасспо были вооружены во время войны 1870—1871 гг. французские войска, а ружьями системы Дрейзе — немецкие.

ЛУИЗА АККЕРМАН

Света! света! (с. 661). «De la lumière». Впервые — ОЗ 1874, № 10, с. 477—478, с общим для него и для «Исповеди любящего» надзаголовком «Из книги L. Ackermann „Poésies philosophiques“» и с подстрочным примечанием о книге.

Исповедь любящего (с. 663). «Paroles d'un amant». Впервые — ОЗ 1874, № 10, с. 479—480.

МАРК МОНЬЕ

Принц Лутоня (с. 666). «Le roi Babolein». Впервые — «Слово», 1880, № 12, с. 19—56. По свидетельству В. В. Чуйко, К. «за два или за три года до смерти... затеял целый ряд юмористических пьес на манер простонародных марионеток, писанных простонародным размером стиха на различные общественные темы, с неподдельным простонародным юмором и веселостью хорошего тона. Он успел написать несколько таких маленьких пьес с большим талантом... Пьески мне читал сам покойный Василий Степанович» («Современная русская поэзия в ее представителях». СПб., 1885, с. 182). Одной из них и был «Принц Лутоня» — переделка комедии М. Монье «Le roi Babolein». Остальные до сих пор не обнаружены; весьма вероятно, впрочем, что к их числу принадлежит также «Американский принц и африканская принцесса» (с. 626). «Принц Лутоня» написан не раньше 1872 г. Понимая неизбежность цензурных затруднений, К. заявил в предисловии, что «Le roi Babolein», «как сатира, не имеющая непосредственной цели и при общем ее литературном значении не заключающая в себе никаких политических

намеков, представляет все удобства для ознакомления русской публики в переводе с замечательною книгою Марка Монье». К., по словам его брата Николая, очень любил «Лутоню» и «страстно добивался его напечатания». Так, в 1874 г. поэт вел переговоры с редактором газеты «Русские ведомости» Н. С. Скворцовым (см. письма К. к А. П. Лукину — ЦГЛА, фонд Крашенинникова). Однако все его попытки были безуспешны. Пришлое довольствоваться узким кругом читателей-друзей. П. В. Засодимский вспоминает, например, о том, как К. читал «Лутоню» у А. А. Ольхина: «Курочкин читал прекрасно, чистым народным говором и произвел сильное впечатление» («Из воспоминаний». М., 1908, с. 308—309). Пьеса была опубликована уже после смерти поэта его братом, который воспользовался кратковременным ослаблением цензурного террора в 1880 г. И все же ему пришлось принять ряд предохранительных мер. В сопроводительной заметке, напечатанной в «Слове», он охарактеризовал пьесу как «литературно-художественную шалость» покойного брата, которая не могла быть напечатана лишь из-за чрезмерной подозрительности цензуры, теперь якобы уже исчезнувшей. Мало того: Н. С. Курочкин принужден был ввести в пьесу некоторые изменения, в частности смягчить конец, который в дошедшем до нас тексте не гармонирует с бунтарским духом всей пьесы. «К сожалению, — пишет Засодимский, — Курочкин, смягчая окончание этой пьески, значительно изменил ее к худшему...» Хорошо знавший К-на А. К. Гриневский в своей заметке о нем в энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона также сообщает, что «Принц Лутоня» был «напечатан с значительными сокращениями» (т. 17, СПб., 1896, с. 95). Может быть, сокращениями объясняется и то обстоятельство, что в III сц. (с. 698) не вполне ясно, когда именно приходят 3-й публицист и герольд (соответствующих ремарок нет), когда 3-й публицист уходит, чтобы снова вернуться с остальными двумя (с. 704). Но уже по напечатании «Лутоня» не вызвал в 1880 г. никаких осложнений. Краткий отзыв о нем находим в письме цензора В. Ведрова к председателю С.-Петербург. ценз. комитета А. Г. Петрову от 24 декабря 1880 г.: «Принц Лутоня» «написан или, точнее сказать, переведен, воспроизведен в русском вкусе, здесь осмеяно — «с п а с а т ь о с н о в ы» (стр. 40) и многое другое, как привыкли мы читать у Салтыкова-Щедрина» (Дело С.-Петербург. ценз. комитета, 1877, № 86, л. 69 об.). Суровее отнеслась к «Лутоне» цензура в XX в. В 1905 г. издательство «Донская речь» выпустило его в Ростове-на-Дону отдельной брошюрой. Через пять лет, в мае 1910 г., местный инспектор по делам печати, просматривая продукцию революционных лет, обратил внимание и на «Лутоню», в котором, по его словам, «проявляется дерзостное неуважение верховной власти и возбуждается вражда между отдельными классами населения», и решил наложить на брошюру арест. Новочеркасская судебная палата постановление об аресте утвердила, и «Лутоня» был включен в циркуляр Главного управления по делам печати об арестованных книгах (Дело II отд. канцелярии Гл. управления по делам печати, 1910, № 252). В январе того же 1910 г. в Главное управление поступило ходатайство о разрешении поставить «Лутоню» на сцене. Каким театром было возбуждено это ходатайство — неизвестно. «Лутоня» был передан цензуре

бар. Н. Дризену, который отозвался о пьесе как об «очень злой сатире на монархическую власть», и постановка была, разумеется, запрещена (Драматическая цензура. Доклады цензоров за 1910 г. л. 27). Экземпляр «Принца Лутоня», переписанный на машинке, с соответствующей резолюцией цензора, сохранился в Театральной библиотеке им. А. В. Луначарского в Ленинграде. Непосредственно после Февральской революции, в марте 1917 г., «Принц Лутоня» был поставлен в театре «Кривое зеркало». Театр отбросил последние строки пьесы — слова Лутони о том, что «мы куклы, а не люди» и пр. О постановке см. Ното Novus <А. Р. Кугель>. Заметки. — «Театр и искусство», 1917, № 13—14, с. 234—235; зарисовки — в № 17, с. 277. В *чародействе красных вымыслов* — стих Н. М. Карамзина («Илья Муромец»). *А за что? За то, что пел коляска* — намек на стих. А. Н. Майкова «Коляска», в котором он прославлял Николая I. *Как у Гете, — знаете? dahin!* — о «Миньоне» Гете. *А к прогрессу точку — только точку!* — намек на кн. В. П. Мещерского, см. с. 766 («Реальные сонеты»). *Есть такая басенка Крылова — «Кот и повар»*. *Он мудрец египетский — Стронин*, т. е. А. Стронин, социолог-идеалист, выпустивший в 1872 г. книгу «Политика как наука». Речь Философа, все изрекаемые им «истины» и вся его фразеология являются пародией на эту книгу. И до этого Стронин был известен как человек, который, по его собственным словам, не верит «ни в какие революции и реформаций», а верит лишь в «реформу понятий и революцию значений». Постоянная смена революционных и реакционных периодов должна, по его мнению, исчезнуть вместе с развитием социальной науки. Последняя работает якобы такие принципы, которые сделают невозможным какой бы то ни было антагонизм между людьми. При помощи странных и нелепых вычислений (Стронин пытался объяснить общественные явления математическими, механическими, физическими и пр. законами) он пришел к выводу, что Россия раньше других государств вступит на этот путь и никаких крупных перемен в русской жизни уже не предвидится. *Что с улыбкой правду говорил* — ср. с «Памятником» Державина: «И истину царям с улыбкой говорить».

Г.-Э. ЛЕССИНГ

Овца (с. 712). «Zeus und das Schaf». Впервые — «Семья и школа», 1874, № 11, кн. 1, с. 413—414, с подзаголовком «Из Лессинга»; фамилия К. указана только в оглавлении. Басня Лессинга, заимствованная у Эзопа, написана в прозе.

Ф. ШИЛЛЕР

Начало нового века (с. 714). «Der Antritt des neuen Jahrhunderts». Впервые — в кн. «Лирические стихотворения Шиллера в переводе русских поэтов, изд. под ред. Н. В. Гербеля», т. I, СПб., 1857, с. 50—51. *Бог Нил, старый Рейн и океан суровый*. Имеются в виду войны революционной Франции и, позже, Наполеона против коалиции государств во главе с Англией. Эти войны происходили в разных местах, в том числе в Египте, в германских государствах, на море. *Два народа* — Франция и Англия. *Как Бренн*

в былые годы. По преданию, предводитель одного из гальских племен Бренн, вторгшийся в римские владения и осадивший Рим, потребовал выкуп в 1000 фунтов золота. Когда римляне стали жаловаться, что галлы при взвешивании золота употребляют слишком тяжелые гири, Бренн с вошедшим в поговорку возгласом «Горе побежденным!» (*Vae victis!*) бросил свой меч на чашу весов.

РОБЕРТ БЕРНС

Песня бедняка (с. 716). Впервые — *PВ* 1857, июль, кн. 2, с. 320, где II и III строфы напечатаны в обратном порядке. Это не перевод какого-нибудь одного произведения Бернса, а стихотворение, сотканное из мотивов разных его вещей.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. В. С. Курочкин. Фотография С. Л. Левицкого. 60-е годы. Музей Института русской литературы Академии наук СССР. Фронтиспис.

2. В. С. Курочкин. Фотография 60-х годов. «Альбом фотографических портретов августейших особ и лиц, известных в России». СПб., Г. Деньер, 1865, № 8. Между стр. 144—145.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИЗДАНИЙ СТИХОТВОРЕНИЙ В. С. КУРОЧКИНА

Песни Беранже. Переводы Василия Курочкина. СПб., 1858 (дата цензурного разрешения — 18 окт. 1857 г.). Сокращ.:

I (или I изд.)

То же. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1858 (ценз. разреш. — 30 июня 1858 г.)

II (или II изд.)

То же. Изд. 3-е, испр. и доп. СПб., 1859 (ценз. разреш. — 15 июня 1859 г.)

III (или III изд.)

То же. Изд. 4-е, испр. и доп. СПб., 1862 (ценз. разреш. — 23 ноября 1861 г.)

IV (или IV изд.)

То же. Изд. 5-е, испр. и значит. доп., иллюстр. картинами на стали по рисункам Бойе. СПб., 1864 (ценз. разреш. — 21 декабря 1863 г.)

V (или V изд.)

Собрание стихотворений Василия Курочкина. I. Переводы. СПб., 1866.

Изд. 1866 г.

Собрание стихотворений Василия Курочкина. СПб., 1869. Том I: Ямбы, поэмы и песни (переводные). Песни Беранже. Песни, сатиры и рифмы (оригинальные). Новое доп. изд. Том II: Песни, сатиры и рифмы (оригинальные и переводные). Листки из юмористического архива. «Мизантроп», комедия в стихах Мольера.

Изд. 1869 г.

Песни Беранже. Переводы Василия Курочкина. Изд. 6-е, испр. и значит. доп. Пб., 1874.

VI (или VI изд.)

Собрание стихотворений. Вступит. статья, редакция и примечания И. Ямпольского. Изд. «Советский писатель», 1947 («Библиотека поэта», большая серия).

Изд. 1947 г.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ ¹

- «Аллах ли там среди пустыни» (Легенды о кукельване. II. Действие кукельвана) 209, 744
Американский принц и африканская принцесса 626, 783.
Ангел-хранитель (Из Беранже) 574, 781
Анюта (Из Беранже) 511, 777
Апостол (Из Беранже) 569, 781
«Апостол радости беспечной» (Мои волосы. Из Беранже) 474, 775
«Ах! Было время золотое» (Слово примирения) 190, 740
«Ах! Если ты навек покинула старушку» (Плач Москвы о переселении в Петербург сплетни) 212, 745
«Ах! Какие лошади! Экипаж какой!» (Королевская фаворитка. Из Беранже) 584, 782
«Ах! человек он был с душой» (Человек с душой) 133, 731
- Бабушка** (Из Беранже) 461, 774
Барабаны (Из Беранже) 576, 781
Барышне 105, 727
Барышни (Из Беранже) 411, 772
Бегом (Из Беранже) 494, 776
Бедлам (Из Барбье) 642, 784
Бедный чудаки (Из Беранже) 443, 774
Бедовому критику 117, 729
Бедовый критик 112, 728
Безвинно страждущим 152, 733
Безумцы (Из Беранже) 527, 778
«Берегись, бедовый критик!» (Бедовому критику) 117, 729
Благоразумная точка зрения 220, 746
«Бросить куклы для стихов» (Девочке-поэту. Из Беранже) 447, 774
Будущность Франции (Из Беранже) 572, 781
«Будь благословенно, скверное вино!» (Дурное вино. Из Беранже) 519, 778
Быль 106, 727

¹ Первая цифра обозначает страницу текста, а вторая (курсивом) страницу примечания.

- «Василий Васильевич, вот» <В. В. Толбину> 84, 725
- «В больнице нищему предстал» (Ангел-хранитель. Из Беранже) 574, 781
- «В великий день поверки сумм» (Годовщина общего собрания акционеров Главного общества российских железных дорог) 186, 740
- В гостях и дома 253, 752
- «В давно минувшие века» (Навуходоносор. Из Беранже) 476, 775
- Вдовушка и поручик 154, 734
- «Ведай, глупый и ученый» (Парки. Из Беранже) 543, 780
- Вежливый вор (Из Надо) 651, 784
- Великие истины 323, 761
- Веселые разговоры 326, 761
- «Веселый трезво по церквям» (Реальные сонеты. II. На праздниках) 371, 766
- Весенняя сказка 137, 731
- Весна и осень (Из Беранже) 393, 771
- «Весь Петербург затанцевал» (Приглашение к танцам) 274, 754
- Вечный жид (Из Беранже) 594, 782
- «Видеть, как зло торжествует державно» 184, 740
- «Вино веселит все сердца!» (Пир на весь мир. Из Беранже) 547, 780
- «Вино в тюрьме дает совет» (Действие вина. Из Беранже) 579, 782
- Вино и кокетка (Из Беранже) 431, 773
- «Вкруг огня, как бабочка, порхая» (Через триста шестьдесят пять дней) 90, 726
- «Вкусив от кипрских лоз достаточную меру» (Происхождение богов. Из Беранже) 589, 782
- В Летнем саду 302, 758
- В маскараде (Из Барбье) 648, 784
- «В минуту жизни трудную» 160, 735
- «В надутом чванстве жизни чинной» (Старинный обычай. Из Беранже) 454, 774
- «В начале сырныя недели» (Г-н Аскоченский и г-н Леотар) 171, 737
- В наше время... 353, 765
- «Внемли мне, христианин. Будь» (Вечный жид. Из Беранже) 594, 782
- «В ногу, ребята, идите» (Старый капрал. Из Беранже) 391, 770
- Во всех ты, душенька, шарядах хороша! 364, 765
- «Во дни чудесных дел и слухов» (Волшебная лютня. Из Беранже) 536, 779
- Воззвание 116, 728
- Возрожденный Панглосс 157, 734
- Волшебная лютня (Из Беранже) 536, 779
- Ворчун Дорофей 147, 733
- 18 июля 1857 года 78, 724
- «Вот мчится тройка удалая» (Добрый барин и лихой ямщик) 183, 739
- «Вот уже тысяча лет» (Тысячелетие России) 278, 755
- «В Париже, нищетой и роскошью богатом» (Портной и волшебница. Из Беранже) 433, 773
- «В Париж, пастух, в Париж! Ты молод, — вы сказали» (Тоска по родине. Из Беранже) 413, 772

«В поле, охотник ретивый!» (Охотники. Из Беранже) 439, 773
В разлуке 75, 724
Время (Из Беранже) 523, 778
В ресторане 132, 731
«В самой страсти цепь привычки» (Птичка. Из Беранже) 420, 772
«В святыне сердца сокровенной» (Песня. Из Мюссе) 641, 784
Всемирная слава (Из Барбье) 645, 784
«Всем пасынкам природы» (Бедный чудак. Из Беранже) 443, 774
«В семье отец и мать детям своим давали» (Быль) 106, 727
«Всех возрастов холостяки» (Пуговки. Из Надо) 654, 784
«В уголку, у камелька» (Сверчок. Из Беранже) 500, 777
«В чертогах, взысканных богами» (Сон на Новый год) 121, 730
«Выпьем да выпьем — чок, чок, чок!» (Иван да Марья. Из Беранже) 516, 778

Гастрономы (Из Беранже) 565, 781
«Где приют для мира уготован?» (Начало нового века. Из Шиллера) 714, 788
Гласность 1859 года и гласность 1862 года 260, 753
Годовщина общего собрания акционеров Главного общества российских железных дорог 186, 740
«Годы пройдут, словно день, словно час» (Первая любовь) 82, 725
«Господа, довольно, знайте честь» (Гастрономы. Из Беранже) 565, 781
Г-н Аскоченский и г-н Леотар 171, 737
Господин Искарриотов (Из Беранже) 525, 778
«Госпожи и господа! В этой пьесе» (Американский принц и африканская принцесса) 626, 783
Граф князю 257, 752
«Граф Сальяс-Турнемир ополчается» (Новый Пантелей-целитель) 376, 766
Гроза (Из Беранже) 467, 774
Гусар (Из Беранже) 490, 776

«Да будет омрачен позором» 202, 743
«Да! времена пришли тугие» (Общий свист) 234, 748
Дама приятная во всех отношениях 307, 760
Два скандала см. Целочка и грязная шея
«Две смерти вдруг! Две жизни в пышном цвете» (Самоубийцы. Из Беранже) 591, 782
Двуглавый орел 76, 724
Девичьи мечты (Из Беранже) 555, 781
Девочке-поэту (Из Беранже) 447, 774
Девушки (Из Беранже) 545, 780
Действие вина (Из Беранже) 579, 782
Действие кукельвана (Легенды о кукельване. II) 209, 744
Декабрьская ночь (Из Мюссе) 632, 783
«Денег! денег! денег! Вопль над целым краем» (В наше время... II. Хлеба и зрелищ!) 354, 765
Деньги 298, 758
Детские мечты 97, 726
Дилетантизм в благотворительности 139, 731
Дилетантизм в литературе 141, 732

- Дилетантизм в науке 145, 733
 «Диоген-мудрец» (Новый Диоген. Из Беранже) 540, 780
 «Для великих земли» 73, 723
 Добрая фея (Из Беранже) 427, 773
 Добрый барин и лихой ящик 183, 739
 Добрый гений см. Ангел-хранитель
 <Доктор и его больные> (Из Беранже) 498, 776
 «Долго нас помещики душили» 384, 768
 Доля Розенгейма 238, 750
 «Дороги у вас в околodке!» (Идеальная ревизия) 135, 731
 Древо 109, 727
 «Друг мой, вот тебе совет» (Дружеский совет) 161, 735
 Дружеский совет 161, 735
 «Друзья, в мой праздник юбилейный» (Стансы на будущий юбилей Бавия) 174, 737
 «Друзья, есть пара глаз! Как тень моя, за мною» (Вино и кокетка. Из Беранже) 431, 773
 Друзьям Мартынова 150, 733
 «Друзья мои, мы строго нейтральны» (За которую из двух?) 362, 765
 «Друзья мои, напомним бокалы» (<Доктор и его больные>. Из Беранже) 498, 776
 «Друзья, природою самую» (Весна и осень. Из Беранже) 393, 771
 Дурное вино (Из Беранже) 519, 778
 Душа и тело (Из Беранже) 558, 781
- «Египетские ночи» и петербургские фельетоны 176, 738
 «Едва верхи холмов родимых» (Истинный пьяница. Из Бийо) 597, 783
 «Если «День» тебя обманет» (Казацкие стихотворения. III) 215, 745
 «Есть речи, — значенье» 180, 739
 <П. А. Ефремову>. «Изданну книжицу мной подношу вам, друже» 375, 766
 «Еще один из строя выбыл вон» (На могиле Д. И. Писарева) 346, 764
- «Жалоба чиновника» 98, 727
 «Жена моя в гробу!» (Плачущий муж. Из Беранже) 472, 775
 «Жил-был на свете царь Додон» (Царь Додон. Из Беранже) 538, 779
 «Жил некий врач иноземный» (Сказка о враче и золотой рыбке или ненасытимые желания) 336, 763
 «Журнальным мнением, о господин Чичерин!» 218, 746
- Завещание 316, 760
 За которую из двух? 362, 765
 Затишье 320, 760
 «Зачем Париж в смятении опять?» (18 июля 1857 года) 78, 724
 «За шитье садис-ка!» (Слепая мать. Из Беранже) 404, 772
 «Здоровый ум дал бог ему» (Весенняя сказка) 137, 731
 «Зима, как в саван, облекла» (Птицы. Из Беранже) 529, 779

Знаки препинания 96, 726

«Знали ль вы норманов друга?» (Дилетантизм в науке) 145, 733

Знатный приятель (Из Беранже) 401, 772

«Знаю я, читатель, что делаю» (Нового счастья читателю и новых богатств!) 342, 763

«Зол я впервые сегодня вполне» (Раздумье) 347, 764

Ива (Из Мюссе) 638, 784

Иван да Марья (Из Беранже) 516, 778

Идеальная ревизия 135, 731

Идея (Из Беранже) 567, 781

«Извините меня, сударь мой» (Вежливый вор. Из Надо) 651, 784

«Изданну книжицу мной подношу вам, друже» <П. А. Ефремову> 375, 766

«Из села в село бредет» (Слепой нищий. Из Беранже) 422, 772

«Из чужбины дальней» (Маркиз де Караба. Из Беранже) 508, 777

«И людям трудно жить с людьми в их городах» (Овца. Из Лессинга) 712, 788

Исповедь любящего (Из Аккерман) 663, 786

Истинный пьяница (Из Бийо) 597, 783

«И я поэт! Но, ах! свершив немного» (Элегия) 382, 768

Изацкие стихотворения 214, 745

«Как будто бы после блестящего» (Затишье) 320, 760

«Как в наши дни московские витии» (Немец обезьяну выдумал) 379, 767

«Как в наши лучшие года» 69, 723

«Как Дионисия из царства» (Тиран Сиракузский. Из Беранже) 563, 781

«Как, Лизета, ты» («Нет, ты не Лизета». Из Беранже) 449, 774

«Как над пожарищем клубится дым летучий» (Смерть волка. Из Виньи) 629, 783

«Как не вскрикнуть тут с поэтом» 383, 768

«Как некогда Дарья застыла» (Реальные сонеты. III. Притча о Снегурочке) 371, 766

«Какое торжество Пассаж готовит нам?» (Турнир в Пассаже. I. Ожидание) 118, 729

«Как придется мне покинуть свет» (Ива. Из Мюссе) 638, 784

Как яблочко, румян (Из Беранже) 399, 771

Канканы российской прессы 350, 764

<М. Н. Каткову>. «Поверь, для всех смешон шпионский твой задор» 378, 767

«Когда испуганно зывал он: света! света!» (Света! света! Из Аккерман) 661, 786

«Когда ко мне сужа ползет, как змея» (Слава богу — я жив и здоров. Из Беранже) 514, 777

«Когда кругом него шумели непомерно» (Ода на появление в «Свистке» Нового поэта) 169, 736

«Когда любил я в первый раз» (Во всех ты, душенька, нарядах хороша!) 364, 765

«Когда мне в первый раз принес рассыльный „День“» 194, 742

«Когда, отдавшись весь восторгам сердца страстным» (Исповедь любящего. Из Аккерман) 663, 786

- «Когда я был еще дитёй» (Декабрьская ночь. Из Мюссе) 632, 783
 «Когда я был рассудком мал» (Детские мечты) 97, 726
 Конский дифирамб 236, 749
 Королевская фаворитка (Из Беранже) 584, 782
 «Кругом веселье, шум, и музыка, и пляски» (В маскараде. Из Барбье) 648, 784
 «Кружась бог знает для чего» (Друзьям Мартынова) 150, 733
 «Кто больше всех благонамерен?» 217, 746
 «Куда ты, бедняжка, попал?» 219, 746
 «Куклы, ждущие мужей» (Анюта. Из Беранже) 511, 777
 Кукольная комедия (Из Беранже) 429, 773
 Н. С. Курочкину. См. <Доктор и его больные>.
 Н. С. К<урочки>ну. См. Напутствие.
 К ямам Барбье в переводе «Отечественных записок» 318, 760
- Л**егенды о кукельване 208, 744
 Лиза (Из Беранже) 456, 774
 «Лиза, выйдем за ворота!» (Гусар. Из Беранже) 490, 776
 «Лизок мой, Лизок!» (Расчет с Лизой. Из Беранже) 417, 772
 «Литературой обличительной» (Старичок в отставке) 196, 742
 «Лицо намазав сажей» (Московский фигляр) 251, 752
 Лорд и маркиз или жертва казенных объявлений 262, 754
 Лучший жребий (Из Беранже) 425, 773
- Макар и Телема** (Из Вольтера) 599, 783
 <Н. В. Максимову>. «Что? стихов ты хочешь, что ли?» 89, 725
 «Малютка-гласность как-то раз» (Гласность 1859 года и гласность 1862 года) 260, 753
 Маркиз де Караба (Из Беранже) 508, 777
 «Милый друг, Фукута Чао-Цее-Цию» (Письмо об России Фукидзи-Жен-Ициро...) 245, 751
 «Милый, проснись... Я с дурными вестями» (Сон бедняка. Из Беранже) 531, 779
 «Минувший год я весь провел прекрасно» (Чистосердечное признание одного из многих) 321, 760
 Мир во что бы то ни стало! 357, 765
 Мирмидоны-Куролесовы 203, 743
 «Мирные семьи простых пастухов» (Феникс. Из Беранже) 561, 781
 «Много прошло их с безличной толпою» 386, 770
 «Могучий Гуттенберг! твой мужественный гений» (Всемирная слава. Из Барбье) 645, 784
 Мое призвание (Из Беранже) 441, 773
 Мои волосы (Из Беранже) 474, 775
 «Мой сын, я в вечность отхожу» (Завещание) 316, 760
 Молитвой нашей бог смягчился 239, 750
 «Молода Телема и прекрасна» (Макар и Телема. Из Вольтера) 599, 783
 «Молодая жена!» 295, 758
 «Молодежь легковерна» (Нигилист-старичок) 242, 750
 Морозные стихотворения 164, 735
 Московский фигляр 251, 752
 Моя веселость (Из Беранже) 482, 775
 Мудрость бедняка 110, 728

- «Мудрость, вещая Сивилла» (Прощание. Из Беранже) 485, 776
 <М. Н. Муравьеву>. I. «Сто человек, никак, ты запер в казематы»
 325, 761
 <М. Н. Муравьеву>. II. «Холеру ждали мы, и каждый был готов»
 325, 761
 «Мчит меня в твои объятия» 74, 723
 «Мы, божьей волею, гидра двуглавая» (Прокламация оспы купно
 с холерою) 367, 765
 «Мы всё смешное косим, косим» 158, 735
 «Мы рано стали жить, игривыми мечтами» 61, 723

Навуходоносор (Из Беранже) 476, 775

Надолго ли? 348, 764

«Надо мною мракобесия» (Полезное чтение) 113, 728

«Над цензурою, друзья» 204, 743

«Наживая грехом» (Ворчун Дорочей) 147, 733

На зеркало неча пенять (Реальные сонеты. IV) 372, 766

«На зло фортуне самовластной» (Лучший жребий. Из Беранже)
 425, 773

«На лужайке детский крик» (Урок. Из Беранже) 479, 775

«На Малабарских берегах» (Легенды о кукельване. I) 208, 744

На масленице 312, 760

«Нам лица морщит без пошады» (Старость. Из Беранже) 582, 782

На могиле Д. И. Писарева 346, 764

«На мосту с торговкой Аскоченский сидит» (Канканы российской
 прессы. II. Происхождение мудрости В. И. Аскоченского) 351.
 764

«На «Наше время» упованья» (Казацкие стихотворения. II) 214, 745

На погребение бедового критика 127, 730

На праздниках («Принарядясь, я в первый день святой») 99, 727

На праздниках (Реальные сонеты. II. «Веселый трезвон по церквам»)
 371, 766

«На произвол судьбы» (Мое призвание. Из Беранже) 441, 773

Напутствие 85, 725

«Народной скорбию болея» (Идея. Из Беранже) 567, 781

Начало нового века (Из Шиллера) 714, 788

«На что, скажите, нет стихов?» (Скандал) 166, 736

«Наша дорога земная всего» (Ямщик. Из Беранже) 503, 777

«Не бил барабан перед смутным полком» (На погребение бедового
 критика) 127, 730

«Не бойся, адвокат, общественного мненья» (Поэту-адвокату)
 381, 767

«Не высок, ни толст, ни тонок» (Общий знакомый) 71, 723

«Не дорожа своей весною» (Лиза. Из Беранже) 456, 774

«Не знаю, верить ли Эзопу» (Орангутанги. Из Беранже) 452, 774

«Некогда, милые дети» (Добрая фея. Из Беранже) 427, 773

Немец обезьяну выдумал 379, 767

«Неожиданно, негаданно» (Рапсодии о нигилизме) 283, 756

«Не сетуй на судьбу, почтенный откупщик!» (Безвинно стражду-
 щим) 152, 733

«Несчастливая с двумя мужьями» (Третий муж. Из Беранже);
 406, 772

Нет больше песен (Из Беранже) 502, 777

- «Нет на свете зла!» (Только!..) 103, 727
 «Нет, положительно, роман» 296, 758
 «Нет, ты не Лизета» (Из Беранже) 449, 774
 «Неужто звездочки», пастух» (Падающие звезды. Из Беранже) 395, 771
 Ни в мать, ни в отца 65, 723
 Нигилист-старичок 242, 750
 Нищая (Из Беранже) 553, 780
 Нового счастья читателю и новых богатств! 342, 763
 Новый Диоген (Из Беранже) 540, 780
 Новый Пантелей-целитель 376, 766
 Новый фрак (Из Беранже) 533, 779
 «Ночь нависла тяжелою тучей» (Соловьи. Из Беранже) 437, 773
 «Ночь холодная мутно глядит» (Морозные стихотворения) 164, 735
 «Нравится мне твоя поза унылая» (Барышне) 105, 727
 «Нравственность, как будто бы, слово всем известное» (Реальные сонеты. IV. На зеркало неча пенять...) 372, 766
 Нужна ли литература? 373, 766
 «Няня, любила ли ты?» (Рассказ няни) 67, 723
- «**О**. Берга перевод! Читаешь: просто любо!» (Перлы, тщательно выбранные из стихотворного перевода г. Берга...) 258, 753
 «О боже! Вижу предо мною» (Девушки. Из Беранже) 545, 780
 «Общество было весьма либеральное» (Дама приятная во всех отношениях) 307, 760
 Общий знакомый 71, 723
 Общий свист 234, 748
 Овца (Из Лессинга) 712, 788
 «О гласности болея и тоскуя» (Явление гласности) 128, 731
 Ода на появление в «Свистке» Нового поэта 169, 736
 Ожидание (Турнир в Пассаже. I) 118, 729
 «Оловянных солдатиков строю» (Безумцы. Из Беранже) 527, 778
 «О поэт!» (Граф князю) 257, 752
 Опыты гласного самовосхваления 115, 728
 Орангутанги (Из Беранже) 452, 774
 «Оставив оханья и вздохи» (Предвещения на 1865 год) 304, 759
 «Осьмнадцать миллионов» (Песенка бедных акционеров) 125, 730
 От г. Краевского г. Каткову (Канканы российской прессы. I) 350, 764
 «Откуда, странник, и куда ты?» (Странник. Из Беранже) 464, 774
 «Откуда ты, с твоей статьею» (Возрожденный Панглосс) 157, 734
 «Отуманилась „Основа“» (Казачьи стихотворения. I) 214, 745
 «Отцы московские, опекуны журналов» (Казачьи стихотворения. IV) 215, 745
 Охотники (Из Беранже) 439, 773
- П**адающие звезды (Из Беранже) 395, 771
 Парки (Из Беранже) 543, 780
 Первая любовь 82, 725
 Переселение душ (Из Беранже) 587, 782
 Перлы, тщательно выбранные из стихотворного перевода г. Берга
 «Пана Тадеуша» Мицкевича и нанизанные стихотворно же ничемным пиной Брехальским 258, 753

- Песенка бедных акционеров 125, 730
 «Песни, что ли, вы хотите?» (Старая песня) 87, 725
 Песнь труда (Из Беранже) 458, 774
 Песня (Из Мюссе) 641, 784
 Песня бедняка (Из Бернса) 716, 789
 «Печальный рыцарь тьмы кромешной» 199, 742
 Пир на весь мир (Из Беранже) 547, 780
 Письмо об России Фукидзи-Жен-Ициро к другу его Фукуте Чао-Цее-Цию 245, 751
 Платоническое ку-ку-ре-ку 288, 757
 Плач Москвы о переселении в Петербург сплетни 212, 745
 Плачущий муж (Из Беранже) 472, 775
 «Поверь, для всех смешон шпионский твой задор» <М. Н. Каткову> 378, 767
 «Повсюду торжествует гласность» (Великие истины) 323, 761
 Погребальные дроги 344, 764
 «Пойте, резвитесь, дети!» (Гроза. Из Беранже) 467, 774
 «Покоряясь пред судьбою» (Напутствие) 85, 725
 Полезное чтение 113, 728
 Положительный человек (Из Беранже) 506, 777
 «Поморная муза реза» (Юмористам «Отечественных записок») 223, 747
 Попугай (Из Грессе) 604, 783
 Пороки (Из Беранже) 488, 776
 Портной и волшебница (Из Беранже) 433, 773
 «Последний экипаж людской» (Погребальные дроги) 344, 764
 Поэту-адвокату 381, 767
 Предвещения на 1865 год 304, 759
 «Привело меня в смущенье» (Опыты гласного самовосхваления) 115, 728
 «Привет мой вам, сочлен новонизбранный!» (Дилетантизм в литературе) 141, 732
 Приглашение к танцам 274, 754
 Приговор (Турнир в Пассаже. II) 119, 729
 «Приди — не знающий» (Воззвание) 116, 728
 Примерный фат 314, 760
 «Принарядясь, я в первый день святой» (На праздниках) 99, 727
 Принц Лутоня 666, 786
 Природа, вино и любовь 299, 758
 Притча о Снегурочке (Реальные сонеты. III) 371, 766
 «Прихожу один я к Доминику» (В ресторане) 132, 731
 «Пришла весна. Увы! Любовь» (Природа, вино и любовь) 299, 758
 «Пробираясь житейской дорогой» (Мудрость бедняка) 110, 728
 «Проезжая город Баден-Баден» (Древо) 109, 727
 «„Проживешься, смотри!“ — старый дядя» (Положительный человек) 506, 777
 Происхождение богов (Из Беранже) 589, 782
 Происхождение мудрости В. И. Аскоченского (Канканы российской прессы. II) 351, 764
 Прокламация оспы купно с холерою 367, 765
 Пролог (В наше время. . . I) 353, 765
 «Промывав жизнь в труде, в заботе» (Душа и тело. Из Беранже) 558, 781

«Проснулась ласточка с зарею» (Стрелок и поселянка. Из Беранже) 435, 773
Прости! (Из Беранже) 505, 777
«Прочь от нас Катон, Сенека» (Турнир в Пассаже. II. Приговор) 119, 729
Прощание (Из Беранже) 485, 776
Птицы (Из Беранже) 529, 779
Птичка (Из Беранже) 420, 772
Пуговки (Из Надо) 654, 784
«Пускай сатирики кричат» (Примерный фат) 314, 760
«Пусть в Петербурге полмиллиона» (Нужна ли литература?) 373, 765
«Пусть говорят, что я в стихах моих тяжел» (К ямба Барбье в переводе «Отечественных записок») 318, 760
«Пчелка золотая» 244, 751

Разбитая скрипка (Из Беранже) 470, 774
Раздумье 347, 764
Размышление Андрея Ивановича Крона над веткою кукельвана (Легенды о кукельване. III) 211, 744
«Раз у вдовушки прекрасной» (Вдовушка и поручик) 154, 734
Рапсодии о нигилизме 283, 756
Рассказ няни 67, 723
«Расстались гордо мы; ни словом, ни слезою» (В разлуке) 75, 724
Расчет с Лизой (Из Беранже) 417, 772
Реальные сонеты 370, 766
Розан (Из Беранже) 492, 776
«Розги — ветви с древа знания!» 181, 739
«Розенгейм доказал нам пудами стихов» (Доля Розенгейма) 238, 750
«Розовый, свежий, дородный» (Счастливец) 80, 725
Рокосное недоразумение 331, 763
«Рокосшь так уж роскошь — истинно беспутная» (В наше время. I. Пролог) 353, 765

Самоубийцы (Из Беранже) 591, 784
Сверчок (Из Беранже) 500, 777
Света! света! (Из Аккерман) 661, 786
«Свистать! Свистать!» (Свисток и стакан) 334, 763
Свисток и стакан 334, 763
«Своих страстей и склонностей причину» (Переселение душ. Из Беранже) 587, 782
«С Гомером долго ты беседовал один» (Канканы российской прессы. I. От г. Краевского г. Каткову) 350, 764
«С дымом пожара» 294, 757
Седан (Из Гюго) 656, 784
Семейная встреча 1862 года 205, 744
«Семь тысяч триста шестьдесят» (1861 год) 162, 735
«Скажи мне, ветка кукельвана» (Легенды о кукельване. III. Размышление Андрея Ивановича Крона над веткою кукельвана) 211, 744
«Скажи мне, милое дитя» (В Летнем саду) 302, 758
Сказка о враче и золотой рыбке или ненасытимые желания 336, 763
Скандал 166, 736

- «Сколь славен господин Скарятин» (Конский дифирамб) 236, 749
Слава богу — я жив и здоров (Из Беранже) 514, 777
«Слава святому труду!» (Песнь труда. Из Беранже) 458, 774
Слепая мать (Из Беранже) 404, 772
Слепой нищий (Из Беранже) 422, 772
Слово примирения 190, 740
«Слышу умолкнувший звук ученой Чичерина речи» (Казацкие стихотворения. V) 215, 745
Смерть волка (Из Виньи) 629, 783
«Смею вас уверить, если б в этом деле» (Веселые разговоры) 326, 761
«С милою сидя, себя я считал» (Время. Из Беранже) 523, 778
«Снег вáлит. Тучами заволокло всё небо» (Нищая. Из Беранже) 553, 780
«Соблазнами большого света» (Новый фрак. Из Беранже) 533, 779
Современный сонет (Реальные сонеты. I) 370, 766
Соловьи (Из Беранже) 437, 773
Сон бедняка (Из Беранже) 531, 779
Сон на Новый год 121, 730
Сплетник. См. Господин Искарриотов.
Стансы на будущий юбилей Бавия 174, 737
Старая песня 87, 725
«Старик шестидесяти лет» (Пороки. Из Беранже) 488, 776
Старинный обычай (Из Беранже) 454, 774
Старичок в отставке 196, 742
Старость (Из Беранже) 582, 782
Старушка (Из Беранже) 397, 771
«Старушка под хмельком призналась» (Бабушка. Из Беранже) 461, 774
Старый бродяга (Из Беранже) 445, 774
Старый капрал (Из Беранже) 391, 770
Старый нищий. См. Старый бродяга
«Старый хапуга, отъявленный плут» (Знаки препинания) 96, 726
«С тех пор как «Пчелки» больше нет» (Causerie) 328, 762
Стихийная сила 359, 765
«Сто человек, никак, ты запер в казематы» <М. Н. Муравьеву. I> 325, 761
Странник (Из Беранже) 464, 774
«Страстно на ветке любимой» (Девичьи мечты. Из Беранже) 555, 781
«Страсть — сильнее!» (Бегом. Из Беранже) 494, 776
«Страшный призрак грозно встал» (Мир во что бы то ни стало!) 357, 765
Стрелок и поселанка (Из Беранже) 435, 773
«Судьба весь юмор свой явить желала в нем» (Эпитафия Бавию) 189, 740
«Суровый Дант не презирал сонета» (Реальные сонеты. I. Современный сонет) 370, 766
Счастливец 80, 725
Счастье (Из Беранже) 551, 780
- «Твой отец нажил честным трудом» (Ни в мать, ни в отца) 65, 723
Тик-так! Тик-так! 280, 756

- Тиран Сиракузский (Из Беранже) 563, 781
 <В. В. Толбину>. «Василий Васильевич, вот» 84, 725
 Только!.. 103, 727
 «Только одно поколение людей» (Стихийная сила) 359, 765
 Тоска по родине (Из Беранже) 413, 772
 Третий муж (Из Беранже) 406, 772
 «Тринадцать нас — и соль передо мною» (Тринадцать за столом.
 Из Беранже) 415, 772
 «Тук! тук! Кто в гости к нам?» (Фортуна. Из Беранже) 521, 778
 «Тулон — убийцам зауряд; ему — Седан!» (Седан. Из Гюго) 656, 784
 Турнир в Пассаже 118, 729
 «Тщетно тер я свой лоб» 198, 742
 «Ты в вазе хрустальной — ты в роскошь попал!» (Розан. Из Бе-
 ранже) 492, 776
 «Ты ответешь, подруга дорогая» (Старушка. Из Беранже) 397, 771
 «Ты помнишь ли, читатель благосклонный» 276, 754
 1861 год 162, 735
 Тысячелетие России 278, 755
- «Удалимся от мирских волнений» (Роковое недоразумение) 331, 763
 «Ужасен океан, когда подымет вой» (Бедлам. Из Барбье) 642, 784
 «Уж он ослаб рассудком бедным» (Бедовый критик) 112, 728
 Умеренность (Из Беранже) 409, 772
 Урок (Из Беранже) 479, 775
 «Уф! Дайте отдохнуть... Как высоко, мой свет» (Цепочка и гряз-
 ная шея) 224, 747
- Ф**еникс (Из Беранже) 561, 781
 Фортуна (Из Беранже) 521, 778
- «Хвалили мне возраст ребенка как возраст счастливейший в
 жизни» 63, 723
 Хлеба и зрелищ! (В наше время... II) 354, 765
 «Холеру ждали мы, и каждый был готов» <М. Н. Муравьеву. II>
 325, 761
 «Хоть одной юмористической» (Дилетантизм в благотворитель-
 ности) 139, 731
- Ц**арь Додон (Из Беранже) 538, 779
 «Целый день дождь барабанит в узкие стекла избушки» 62, 723
 Цепочка и грязная шея 224, 747
- «Час близок. Франция, прости. Я умираю» (Прости! Из Беранже)
 505, 777
 Человек с душой 133, 731
 «Человек я хорошего нрава» (Жалоба чиновника) 98, 727
 «Чем живу. я — и сам не пойму» (Песня бедняка. Из Бернса)
 716, 789
 Через триста шестьдесят пять дней 90, 726
 «Чертог сиял. Стихи звучали» («Египетские ночи» и петербургские
 фельетоны) 176, 738
 «Честная мать, сумевшая свободно» (Попугай. Из Грессе) 604, 783

- Чистосердечное признание одного из многих 321, 760
«Читатели, являясь перед вами» (Семейная встреча 1862 года)
205, 744
«Чтобы не знать отравы пресыщения» (Умеренность. Из Беранже)
409, 772
«Что вы, с злорадством, так дурно скрываемым» 178, 739
«Что за педант наш учитель словесности!» (Барышни. Из Беранже)
411, 772
«Что, мой пес, приуныл? Или против врага» (Разбитая скрипка. Из
Беранже) 470, 774
«Что? стихов ты хочешь, что ли?» <Н. В. Максимову> 89, 725

«Шел некогда корабль из Африки далекой» (Кукольная комедия.
Из Беранже) 429, 773
Школа взаимного обучения 92, 726

Элегия 382, 768

Эпитафия Бавию 189, 740

«Эх! надел бы шлем Ахилла» (Мирмидоны-Куролесовы) 203, 743

Юмористам «Отечественных записок» 223, 747

«Юмористическим чутьем» 216, 746

«Я был у Гумбольдта в Берлине» (В гостях и дома) 253, 752

Явление гласности 128, 731

«Я всей душой к жене привязан» (Знатный приятель. Из Беранже)
401, 772

«Я выпался сегодня превосходно» (На масленице) 312, 760

«Я дворец воздвигну на морских волнах» (Деньги) 298, 758

«Я дружен стал с нечистой силой» (Будущность Франции. Из Бе-
ранже) 572, 781

«Яма эта будет мне могилой» (Старый бродяга. Из Беранже)
445, 774

Ямщик (Из Беранже) 503, 777

«Я нашел, друзья, нашел» (Двуглавый орел) 76, 724

«Я не поэт — и, не связанный узами» 94, 726

«Я обучался в школе жизни» (Школа взаимного обучения) 92, 726

«Я уверен в прогрессе отечества» (Благодаразумная точка зрения)
220, 746

Causerie 328, 762

Friede um was es nicht gettel 357, 765

How do you do, *marquis*? — *Mylord*, je vous salue (Лорд и маркиз,
или жертва казенных объявлений) 262, 754

La paix à tout prix! 357, 765

«*Mesdames*, *messieurs*, мне очень жаль» (Платоническое ку-ку-ре-ку)
288, 757

СОДЕРЖАНИЕ ¹

Предисловие	5
Василий Курочкин. Вступительная статья <i>И. Ямпольского</i>	6

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

«Мы рано стали жить, игривыми мечтами»	61 723
«Целый день дождь барабанит в узкие стекла избушки»	62 723
«Хвалили мне возраст ребенка как возраст счастливейший в жизни»	63 723
Ни в мать, ни в отца	65 723
Рассказ няни	67 723
«Как в наши лучшие года»	69 723
Общий знакомый	71 723
«Для великих земли»	73 723
«Мчит меня в твои объятия»	74 723
В разлуке	75 724
Двуглавый орел	76 724
18 июля 1857 года	78 724
Счастливцев	80 725
Первая любовь	82 725
<В. В. Толбину>. («Василий Васильевич, вот»)	84 725
Напутствие	85 725
Старая песня	87 725
<Н. В. Максимову>. («Что? стихов ты хочешь, что ли?»)	89 725
Через триста шестьдесят пять дней	90 726
Школа взаимного обучения	92 726
«Я не поэт — и, не связанный узами»	94 726
Знаки препинания	96 726
Детские мечты	97 726
Жалоба чиновника	98 727

¹ Первая цифра обозначает страницу текста, а вторая (курсивом) — страницу примечания.

На праздниках	99	727
Только!	103	727
Барышне	105	727
Быль	106	727
Древо	109	727
Мудрость бедняка	110	728
Бедовый критик	112	728
Полезное чтение	113	728
Опыты гласного самовосхваления	115	728
Воззвание	116	728
Бедовому критику	117	729
Турнир в Пассаже		
I. Ожидание	118	729
II. Приговор	119	729
Сон на Новый год	121	730
Песенка бедных акционеров	125	730
На погребение бедового критика	127	730
Явление гласности	128	731
В ресторане	132	731
Человек с душой	133	731
Идеальная ревизия	135	731
Весенняя сказка	137	731
Дилетантизм в благотворительности	139	731
Дилетантизм в литературе	141	732
Дилетантизм в науке	145	733
Ворчун Дорофей	147	733
Друзья Мартынова	150	733
Безвинно страждущим	152	733
Вдовушка и поручик	154	734
Возрожденный Панглосс	157	734
«Мы всё смешное косим, косим»	158	735
«В минуту жизни трудную»	160	735
Дружеский совет	161	735
1861 год	162	735
Морозные стихотворения	164	735
Скандал	166	736
Ода на появление в «Свистке» Нового поэта	169	736
Г-н Аскоченский и г-н Леотар	171	737
Стансы на будущий юбилей Бавия	174	737
«Египетские ночи» и петербургские фельетоны	176	738
«Что вы, с злорадством, так дурно скрываеваемы»	178	739
«Есть речи, — значенье»	180	739
«Розги — ветви с древа знания!»	181	739
Добрый барин и лихой ямщик	183	739
«Видеть, как зло торжествует державно»	184	740
Годовщина общего собрания акционеров Главного общества		
русских железных дорог	186	740
Эпитафия Бавию	189	740
Слово примирения	190	740
«Когда мне в первый раз принес рассыльный «День»	194	742
Старичок в отставке	196	742
«Тщетно теря свой лоб»	198	742
«Печальный рыцарь тьмы крошечной»	199	742

«Да будет омрачен позором»	202 743
Мирмидоны-Куролесовы	203 743
«Над цензурой, друзья»	204 743
Семейная встреча 1862 года	205 744
Легенды о кукельване	
I. «На Малабарских берегах»	208 744
II. Действие кукельвана	209 744
III. Размышление Андрея Ивановича Крона над веткою кукельвана	211 744
Плач Москвы о переселении в Петербург сплетни	212 745
Казачьи стихотворения	
I. «Отуманилась „Основа“»	214 745
II. «На «Наше время» упованья»	214 745
III. «Если «День» тебя обманет»	215 745
IV. «Отцы московские, опекуны журналов»	215 745
V. «Слышу умолкнувший звук ученой Чичерина речи»	215 745
«Юмористическим чутьем»	216 746
«Кто больше всех благонамерен?»	217 746
«Журнальным мнением, о господин Чичерин!»	218 746
«Куда ты, бедняжка, попал?»	219 746
Благоразумная точка зрения	220 746
Юмористам «Отечественных записок»	223 747
Цепочка и грязная шея	224 747
Общий свист	234 748
Конский дифирамб	236 749
Доля Розенгейма	238 750
Молитвой нашей бог смягчился	239 750
Нигилист-старичок	242 750
«Пчелка золотая»	244 751
Письмо об России Фукидзи-Жен-Ициро к другу его Фукуте Чао-Цее-Цию	245 751
Московский фигляр	251 752
В гостях и дома	253 752
Граф князю	257 752
Перлы, тщательно выбранные из стихотворного перевода г. Берга «Пана Тадеуша» Мицкевича и нанизанные стихотворно же никчемным пиитой Брехальским	258 753
Гласность 1859 года и гласность 1862 года	260 753
Лорд и маркиз или жертва казенных объявлений	262 754
Приглашение к танцам	274 754
«Ты помнишь ли, читатель благосклонный»	276 754
Тысячелетие России	278 755
Тик-так! Тик-так!	280 755
Рапсодии о нигилизме	283 756
Платоническое ку-ку-ре-ку	288 757
«С дымом пожара»	294 757
«Молодая жена!»	295 758
«Нет, положительно, роман»	296 758
Деньги	298 758
Природа, вино и любовь	299 758
В Летнем саду	302 758
Предвещения на 1865 год	304 759
Дама приятная во всех отношениях	307 760

На масленице	312 760
Примерный фат	314 760
Завещание	316 760
К ямам Барбье в переводе «Отечественных записок»	318 760
Затишье	320 760
Чистосердечное признание одного из многих	321 760
Великие истины	323 761
<М. Н. Муравьеву>	
I. «Сто человек, никак, ты запер в казематы»	325 761
II. «Холеру ждали мы, и каждый был готов»	325 761
Веселые разговоры	326 761
Causerie	328 762
Роковое недоразумение	331 763
Свисток и стакан	334 763
Сказка о враче и золотой рыбке или ненасытимые желания Нового счастья читателю и новых богатств!	336 763 342 763
Погребальные дроги	344 764
На могиле Д. И. Писарева	346 764
Раздумье	347 764
Надолго ли?	348 764
Канканы российской прессы	
I. От г. Краевского г. Каткову	350 764
II. Происхождение мудрости В. И. Аскоченского	351 764
В наше время...	
I. Пролог	353 765
II. Хлеба и зрелищ!	354 765
La paix à tout prix! Friede um was es nicht gelte! Мир во что бы то ни стало!	357 765
Стихийная сила	359 765
За которую из двух?	362 765
Во всех ты, душенька, нарядах хороша!	364 765
Прокламация оспы купно с холерою	367 765
Реальные сонеты	
I. Современный сонет	370 766
II. На праздниках	371 766
III. Притча о Снегурочке	371 766
IV. На зеркало неча пенять...	372 766
Нужна ли литература?	373 766
<П. А. Ефремову> . («Изданну книжицу мной подношу вам, друже»)	375 766
Новый Пантелей-целитель	376 766
<М. Н. Каткову> . («Поверь, для всех смешон шпионский твой задор»)	378 767
Немец обезьяну выдумал	379 767
Поэту-адвокату	381 767
Элегия	382 768
«Как не вскрикнуть тут с поэтом»	383 768

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ В. С. КУРОЧКИНУ

«Долго нас помещики душили»	384 768
«Много прошло их с безличной толпою»	386 770

ПЕРЕВОДЫ И ПЕРЕДЕЛКИ

ПЕСНИ БЕРАНЖЕ

Старый капрал	391 770
Весна и осень	393 771
Падающие звезды	395 771
Старушка	397 771
Как яблочко, румян	399 771
Знатный приятель	401 772
Слепая мать	404 772
Третий муж	406 772
Умеренность	409 772
Барышни	411 772
Тоска по родине	413 772
Тринадцать за столом	415 772
Расчет с Лизой	417 772
Птичка	420 772
Слепой нищий	422 772
Лучший жребий	425 773
Добрая фея	427 773
Кукольная комедия	429 773
Вино и кокетка	431 773
Портной и волшебница	433 773
Стрелок и поселанка	435 773
Соловьи	437 773
Охотники	439 773
Мое призвание	441 773
Бедный чудак	443 774
Старый бродяга	445 774
Девочке-поэту	447 774
«Нет, ты не Лизета»	449 774
Орангутанги	452 774
Старинный обычай	454 774
Лиза	456 774
Песнь труда	458 774
Бабушка	461 774
Странник	464 774
Гроза	467 774
Разбитая скрипка	470 774
Плачущий муж	472 775
Мои волосы	474 775
Навуходоносор	476 775
Урок	479 775
Моя веселость	482 775
Прощание	485 776
Пороки	488 776
Гусар	490 776
Розан	492 776
Бегом	494 776
<Доктор и его больные>. («Друзья мои, напенимте бо- калы»)	498 776
Сверчок	500 777
Нет больше песен	502 777

Ямщик	503 777
Прости!	505 777
Положительный человек	506 777
Маркиз де Караба	508 777
Анюта	511 777
Слава богу — я жив и здоров	514 777
Иван да Марья	516 778
Дурное вино	519 778
Фортуна	521 778
Время	523 778
Господин Искарриотов	525 778
Безумцы	527 778
Птицы	529 779
Сон бедняка	531 779
Новый фрак	533 779
Волшебная люгня	536 779
Царь Додон	538 779
Новый Диоген	540 780
Парки	543 780
Девушки	545 780
Пир на весь мир	547 780
Счастье	551 780
Нищая	553 780
Девичьи мечты	555 781
Душа и тело	558 781
Феникс	561 781
Тиран Сиракузский	563 781
Гастрономы	565 781
Идея	567 781
Апостол	569 781
Будущность Франции	572 781
Ангел-хранитель	574 781
Барабаны	576 781
Действие вина	579 782
Старость	582 782
Королевская фаворитка	584 782
Переселение душ	587 782
Происхождение богов	589 782
Самоубийцы	591 782
Вечный жид	594 782

АДАМ БИЙО

Истинный пьяница	597 783
----------------------------	---------

ВОЛЬТЕР

Макар и Телема	599 783
--------------------------	---------

Ж.-В. ГРЕССЕ

Попугай	604 783
-------------------	---------

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

Американский принц и африканская принцесса	626 783
--	---------

АЛЬФРЕД ДЕ ВИНЬИ

Смерть волка 629 783

АЛЬФРЕД ДЕ МЮССЕ

Декабрьская ночь 632 783

Ива : 638 784

Песня 641 784

ОГЮСТ БАРБЬЕ

Бедлам 642 784

Всемирная слава 645 784

В маскараде 648 784

ГЮСТАВ НАДО

Вежливый вор 651 784

Пуговки 654 784

ВИКТОР ГЮГО

Седан 656 784

ЛУИЗА АККЕРМАН

Света! света! 661 786

Исповедь любящего 663 786

МАРК МОНЬЕ

Принц Лутоня 666 786

Г.-Э. ЛЕССИНГ

Овца : 712 788

Ф. ШИЛЛЕР

Начало нового века 714 788

РОБЕРТ ВЕРНС

Песня бедняка 716 789

Примечания 717

К иллюстрациям 789

Список основных изданий стихотворений В. С. Курочкина 790

Алфавитный указатель стихотворений 791

Редакционная коллегия:

*В. Г. Базанов, А. Г. Дементьев, В. П. Друзин,
В. Н. Орлов, А. А. Прокофьев, В. М. Саянов,
А. К. Тарасенков, А. Т. Тардовский,
Н. С. Тихонов, С. П. Щипачев*

ПОЭТЫ «ИСКРЫ», т. I

Редактор *К. К. Бухмейер*

Художник *И. С. Серов*

Техн. редактор *В. Г. Комм*

Корректор *Э. Н. Петрова*

Сдано в набор 23/VII 1955 г. Подписано
в печать 27/X 1955 г. М 51048. Бумага
84 × 108/32. Печ. л. 51(41,82). Уч.-изд. л.
34,11 + 2 вкл. Тираж 25 000. Зак. № 756.
Цена 11 р. 90 к.

Ленинградское отделение издательства
«Советский писатель»

• Ленинград, Невский пр., д. № 28

Типография № 3 Управления культуры
Ленгорисполкома

Ленинград, Красная ул., д. 1/3

